

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

УДК 911.3:314.74

Савоскул Мария Сергеевна

**Формирование и эволюция российско-германской
транснациональной миграционной системы**

Специальность: 25.00.24 – Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

Диссертация на соискание ученой степени
доктора географических наук

Научный консультант:
доктор географических наук,
профессор А.И. Алексеев

Москва – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И ФРГ	15
1.1. Становление и развитие отечественных миграционных исследований	16
1.1.1. Становление миграционных исследований в России/СССР в период до середины XX в.	16
1.1.2. Развитие миграционных исследований в России/СССР после 1945 г.	18
1.1.3. Информационные источники миграционных исследований	23
1.2. Миграции населения как объект междисциплинарных исследований в России	27
1.2.1. Методика анализа базы данных диссертационных исследований по миграционной тематике	29
1.2.2. Динамика и отраслевая структура защит диссертаций по миграционной тематике (1991–2013 гг.)	30
1.2.3. Особенности изучения миграции населения в постсоветский период	34
1.2.4. Современные центры изучения миграции населения в России	39
1.3. Изучение миграции населения в Германии	46
1.3.1. Миграционные исследования 1950–1960-х гг.	48
1.3.2. Изучение трудовых миграций в 1970–1980-е гг.	52
1.3.3. Миграционные исследования в 1990–2010-х гг.	65
1.4. Сравнительная характеристика опыта изучения миграции населения в России и Германии	74
ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ	80
2.1. Классические концепции международной миграции населения	80
2.1.1. «Законы миграции» Э. Равенштайна	82
2.1.2. Работы Г. Зиммеля о «чужаке»	85
2.1.3. Исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»	87
2.1.4. Исследования миграции учеными Чикагской школы	88
2.1.5. Поколенческая теория ассимиляции Х. Дункана	92
2.2. Теории миграции населения второй половины XX в.	94
2.2.1. Социологические теории международной миграции населения	94
2.2.2. Неоклассические экономические теории	104
2.2.3. Пространственно-демографические подходы к изучению миграции	110
2.2.4. Синтетическая теория миграции Д. Массея	113
2.3. Новые концепции миграции населения конца XX – начала XXI в.	123
2.3.1. Исследования трансформации роли государства в эпоху глобальных миграций	123
2.3.2. Теории транснациональной миграции и сетей мигрантов	125
2.4. Системный подход в миграционных исследованиях	130
2.4.1. Территориальные общественные системы в географии	132
2.4.2. Системно-структурный подход в социально-экономической географии	135
2.4.3. Системный подход в миграционных исследованиях	139
2.5. Понятие транснациональных миграционных систем	143
2.5.1. Понятие «транснациональная миграционная система»	143
2.5.2. Этапы формирования и развития транснациональной миграционной системы	149
2.6. Методика исследований социально-территориальных групп мигрантов	155
2.6.1. Методы миграционных исследований в России	156
2.6.2. Совмещение использования количественных и качественных методов в миграционных исследованиях	157
2.6.3. Характеристика проведения эмпирических исследований в России и в Германии	159

ГЛАВА 3. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ДО 1991 Г.	166
3.1. Исследования российских немцев в России и Германии	166
3.1.1. Изучение российских немцев в России	167
3.1.2. Изучение российских немцев в Германии	171
3.2. Переселение немцев в Российскую Империю и расселение немцев в России до 1917 г.	175
3.2.1. Формирование немецкого населения Российской Империи	176
3.2.2. Основные социальные и территориальные группы немцев в России в конце XIX в.	178
3.2.3. Внутрirosсийские миграции и эмиграция немецкого населения из России в конце XIX – начале XX вв.	181
3.3. Трансформация расселения немцев на территории СССР	186
3.3.1. Расселение немцев в период между мировыми войнами (1918–1941 гг.)	187
3.3.2. Депортация немцев и их расселение в послевоенный период (1950-е – начало 1960-х гг.)	191
3.3.3. Расселение немцев в позднесоветский период (1964–1989 гг.)	196
3.4. Расселение немцев СССР и России накануне массовой эмиграции в Германию	199
3.4.1. Факторы трансформации расселения немцев в Российской Империи/СССР/России в XX в.	200
3.4.2. Расселение немцев в республиках СССР и регионах России в 1989 г.	201
3.5. Социально-демографические характеристики немецкого населения России накануне массовой эмиграции в Германию	203
3.5.1. Демографические характеристики	204
3.5.2. Владение немецким языком и уровень образования	206
 ГЛАВА 4. ЭМИГРАЦИОННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПОСЛЕ 1991 Г.	 210
4.1. Факторы и мотивы эмиграции российских немцев и членов их семей из России в Германию	211
4.1.1. Факторы эмиграции из России в Германию	212
4.1.2. Мотивы эмиграции российских немцев и членов их семей	214
4.2. Эмиграция из России в Германию после 1991 г.	217
4.2.1. Учет международных мигрантов в России и Германии	218
4.2.2. Эмиграция из РФ в страны дальнего зарубежья после 1991 г.	223
4.2.3. Этапы эмиграции из России в 1993–2014 гг.	231
4.2.4. Типология регионов РФ по характеру эмиграции в Германию в 1991–2014 гг.	235
4.2.5. Характеристика социально-территориальных групп эмигрантов из России и бывшего СССР в Германии	241
4.3. Влияние миграционных процессов на трансформацию географии и структуры немецкого населения в регионах России	244
4.3.1. Изменение численности немцев в странах ближнего зарубежья в постсоветский период	245
4.3.2. Динамика численности немцев в России в 1989–2010 гг.	247
4.3.3. Замещение немецкого населения в регионах России	249
4.3.4. Ротация немецкого населения на примере Немецкого национального района в Алтайском крае	259

ГЛАВА 5. АДАПТАЦИОННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ	263
5.1. Адаптация мигрантов как часть миграционного процесса	264
5.1.1. Использование понятий «адаптация» и «интеграция» мигрантов	265
5.1.2. Сферы интеграции мигрантов	267
5.1.3. Адаптационные стратегии мигрантов	271
5.2. Формирование иностранного населения Германии во второй половине XX в.	273
5.2.1. Место Германии в международных миграциях во второй половине XX в.	273
5.2.2. Наиболее многочисленные группы иностранцев в Германии	278
5.2.3. Расселение иностранных граждан в Германии	281
5.2.4. Интеграционная политика Германии и условия для адаптации мигрантов	287
5.3. Особенности расселения и положения в Германии поздних переселенцев	292
5.3.1. Расселение поздних переселенцев в Германии	292
5.3.2. Особенности положения российских немцев в Германии	295
5.4. Адаптационные стратегии российских немцев в Германии	302
5.4.1. Стратегии интеграции поздних переселенцев на рынке труда Германии	302
5.4.2. Социально-культурные особенности адаптации поздних переселенцев	308
5.4.2.1. Трансформация образа Германии у российских немцев	308
5.4.2.2. Типы этнической идентичности российских немцев	318
5.4.3. Региональные особенности адаптации поздних переселенцев на примере земли Северный Рейн Вестфалия	330
5.4.4. Факторы, определяющие адаптационные стратегии поздних переселенцев	332
ГЛАВА 6. ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ – ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ	339
6.1. Социально-территориальные связи русскоязычных мигрантов в Германии	340
6.1.1. Типы социально-территориальных связей у разных групп русскоязычных мигрантов	340
6.1.2. Транснациональные социально-территориальные связи русскоязычных мигрантов	344
6.2. Транснациональные связи поздних переселенцев	346
6.2.1. Типы транснациональных связей	348
6.2.2. Адаптационные стратегии мигрантов и их включенность в транснациональные связи	353
6.2.3. Факторы, определяющие типы и интенсивность транснациональных связей	355
6.3. Потенциал возвратной миграции российских немцев	356
6.3.1. Мнения российских экспертов о возвратной миграции российских немцев из Германии в Россию	357
6.3.2. Мнения поздних переселенцев о возможности возвращения в Россию или страны СНГ	358
6.3.3. Факторы, влияющие на принятие решения о реэмиграции	362
6.3.4. Соотношение миграционной привлекательности России и Германии для поздних переселенцев	365
6.3.5. Потенциальные когорты реэмигрантов	367
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	371
ЛИТЕРАТУРА	382
ПРИЛОЖЕНИЯ	410

ВВЕДЕНИЕ

Международные миграции населения – один из важнейших факторов, влияющих на демографическую, этническую и социальную структуру населения стран и регионов. Их масштабы и влияние на экономическую, социально-культурную и политическую ситуацию в большинстве стран современного мира постоянно растут.

Выбор России и Германии в качестве полигона исследования обусловлен несколькими причинами: во-первых, Россия является одним из мировых лидеров по масштабам миграционных потоков, выступая одновременно и крупным донором, и реципиентом международных мигрантов; во-вторых, Германия после 1991 г. на протяжении более 20 лет занимала ведущее положение в миграционном обмене России со странами дальнего зарубежья; в-третьих, до сих пор тема миграционных связей между Россией и Германией изучена в нашей стране недостаточно. Данная работа призвана отчасти заполнить этот пробел в отечественной науке.

Актуальность исследования состоит в следующем:

- международные миграции населения – один из самых динамичных социальных процессов, который быстро реагирует на социально-экономические и политические трансформации общества. Направления, интенсивность, мотивы международных миграций, ход процесса адаптации мигрантов в принимающем обществе постоянно меняются и приобретают новые формы. Это требует пристального внимания к данной теме со стороны ученых разных специальностей, разработки новых концептуальных подходов и методических приемов для комплексного анализа международных миграций и синтеза полученных результатов;

- общественно-политические трансформации последних десятилетий XX в. повлекли изменение роли многих национальных государств, в том числе и в процессе регулирования международных миграций населения. Трудовая, учебная, этническая миграции уже давно перешагнули границы государств. Транснациональные связи между мигрантами и их близкими и родственниками оказывают на развитие отдельных государств не меньше влияния, чем крупные международные организации. Международные миграции становятся новым видом социально-экономического капитала территорий, отдающих мигрантов. В то же время, разно-

сторонние связи мигрантов со странами выхода, в т.ч. с Россией, слабо изучены в отечественной науке, включая социально-экономическую географию;

- конфликты и социальные риски, связанные с увеличением доли мигрантов в населении европейских стран, а также в ряде регионов России, требуют пересмотра прежних и предложения новых подходов к миграционной политике в странах Европейского Союза и СНГ. Для этого необходимо не только оценить масштабы миграционных потоков и выявить закономерности хода миграционного процесса, но и изучить факторы адаптации мигрантов в принимающем обществе. Как позитивный, так и негативный опыт Германии в этом отношении чрезвычайно важен для России, прежде всего – для разработки собственной оптимальной миграционной политики и адаптационных мероприятий для мигрантов.

В России с конца XIX в. «волны» интереса к изучению миграций населения чередовались с резким спадом интенсивности исследований в этом направлении. Огромные масштабы нашей страны, политические и социально-экономические трансформации XX в., особенности международного миграционного обмена предопределили тот факт, что в фокусе исследовательского интереса оказывались в первую очередь внутренние миграции населения. Международные миграции привлекали внимание отечественных ученых только в периоды активизации эмиграций из России, как это было в конце XIX в., в начале и конце XX в.

Результатом такого нестабильного, часто эпизодического внимания исследователей к международным миграциям стало то, что в России пока не сложилось своей значимой научной школы миграциологии, направленной на изучение именно международных миграций населения как в теоретическом, так и в методическом отношениях. Этот пробел в отечественной науке стал заполняться только после 1991 г. Но до сих пор обобщающих работ в этом направлении относительно мало, хотя научное сообщество России обладает для этого значительным потенциалом. В России сформировалось несколько крупных научных центров по изучению миграции населения как в столичных городах (Москва и Санкт-Петербург), так и в региональных столицах (например, в Ставрополе, Смоленске и др.).

В работе рассматриваются только те перемещения населения, которые связаны с изменением постоянного места жительства, сопровождаются пересечением международных границ и учитываются статистическими службами.

Изученность проблемы. В советский период преобладающее количество исследований миграции населения рассматривали миграции внутри СССР, вопросы приживаемости новоселов в регионах нового освоения, в Сибири и на Дальнем Востоке, масштабы маятниковой миграции в развивающихся агломерациях, отток населения из сельской местности Нечерноземья.

Современные основы социально-географического изучения миграций населения были заложены в конце 1940-х гг. работах В.В. Покшишевского. Вопросы приживаемости новоселов и адаптации мигрантов на новом месте в отечественной географии рассматривались в работах В.И. Переведенцева и Ж.А. Зайончковской в 1960-1970-е гг. Международные миграции населения в советский период практически не рассматривались в работах социальных географов. Исключение составляют публикации А.Е. Слуки.

Постсоветский период изучения миграций населения в России можно разделить на два этапа: с 1991 г. до начала 2000-х гг., и с начала 2000-х гг. по настоящее время. Они различаются между собой особенностями миграционной ситуации – прежде всего, размером и характеристиками основных внешних и внутренних миграций. Появляется доступ ко многим ранее закрытым статистическим и архивным данным. Все это отразилось на преобладающих темах исследований и способствовало расширению тематики работ за счет ранее «закрытых» тем.

В 1990-х гг. наиболее популярными становится тема изучения вынужденной миграции на постсоветском пространстве, в первую очередь русскоязычного населения (В.М. Кабузан, Ж.А. Зайончковская, Л.Л. Рыбаковский, С.С. Савоскул); принудительных миграций в СССР (П.М. Полян); этнических миграций (В.С. Белозеров, О.И. Вендина, М.С. Савоскул).

С начала 2000-х гг. происходит увеличение разнообразия используемых методов и изменение преобладающей тематики исследований. На передний план выходит изучение внешних трудовых миграций и адаптации трудовых мигрантов (Ж.А. Зайончковская); внутренних трудовых миграций (Ю.Г. Флоринская, Т.Г. Нефедова); этнических миграций (О.И. Вендина, В.С. Белозеров, М.С. Савоскул); центр-периферийных аспектов миграции (Н.В. Мкртчян, Л.Б. Карачурина). Новым направлением стало изучение миграций населения из северных регионов России и моногородов с использованием данных социальных сетей (Н.Ю. Замятина). Увели-

чивается число работ по миграциям населения в зарубежных странах (С.В. Рязанцев).

Появляются работы социологов и экономистов по обобщению теорий миграции в России и мире (М.С. Блинова, Т.Н. Юдина, И.В. Ивахнюк). Происходит формирование новых исследовательских подходов, к изучению миграций населения, начинают более широко применяться нестатистические методы исследования (В. Воронков, О. Ткач, О. Бредникова, О. Паченков). Важным событием стал выход в 2013 г. 3-х томной хрестоматии «Миграция в России», в которой социально-географический подход к изучению миграций представлен весьма широко

К классическим работам зарубежных авторов по изучению миграции населения относят работы Г. Зиммеля, исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого, социологов Чикагской школы – Р. Парка и Э. Берджесса.

Во второй половине XX в. появляются публикации Э. Ли, П. Дерингера и М. Пайора, С. Айзенштадта, М. Гордона, Г. Бориаса, Х. Эссера, О. Старка, В. Робинсона. Среди современных западных ученых наиболее значимы работы Д. Массея, Т. Файста, Л. Прииса.

Системный подход в миграционных исследованиях, особенно в изучении международных миграций населения, достаточно популярен. Одной из наиболее значимых является теория мировых систем И. Валлерстайна, рассматривающая миграции населения с точки зрения неравномерности международного развития. В зарубежной социальной географии работы, посвященные миграционным системам, появляются в 1980-х гг. (Дж. Фаусет, Ф. Арнольд).

Среди отечественных публикаций выделяются работы И.В. Ивахнюк, направленные на изучение Евразийской миграционной системы. Исследовательница рассматривает миграционную систему с точки зрения ее макро-, микро- и мезоструктур, применяя в основном историко-институциональный подход к анализу миграционных систем.

Одним из центральных элементов российско-германской транснациональной миграционной системы являются российские немцы. Изучению российских немцев посвящено значительное число публикаций. Среди направлений исследований в постсоветский можно отметить следующие:

- государственная этническая и миграционная политика до и после 1917 г. (В.Г. Чеботарева, Л.П. Белковец);

- социально-экономическое, культурно-религиозное состояние немецких колоний до 1917 г. и этнокультурное развитие немцев СССР (А.Н. Ипатов, О. В. Курило);
- история Автономии немцев Поволжья (А.А. Герман);
- депортация немецкого населения СССР (П.М. Полян, Н.Ф. Бугай, В.А. Ауман);
- исторические миграции немцев СССР и этнические процессы в среде немецкого населения (Т.Б. Смирнова);
- эмиграция немцев из СССР и России в Германию (И.В. Ерофеева, А.Ю. Даньшин);
- характеристика региональных общностей немцев России (В.И. Матисс, Т.И. Герасименко).

После 1991 г. образованы междисциплинарные центры изучения немцев в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Самаре, Оренбурге, Омске, Барнауле, Новосибирске и Тюмени.

В процессе международной миграции населения могут формироваться социальные, экономические и культурные связи между государствами, отдающими и принимающими мигрантов. Акторами таких связей выступают, прежде всего, территориальные общности населения и различные организации, ими формируемые. Они образуют территориальные структуры, которые в ходе миграционного процесса создают транснациональные миграционные системы.

Объект исследования – транснациональные миграционные системы. Автор предлагает следующее определение транснациональной миграционной системы – группа территорий (стран, регионов, районов) вовлеченных в миграционный обмен, посредством устойчивых в течение длительного времени миграционных потоков, формируемых конкретными социально-территориальными общностями населения (ядрами миграционной системы), в результате совокупности множества исторических, социально-экономических, политических факторов, приводящих к появлению различного рода транснациональных связей между ними и формированию транснациональных сообществ.

Предмет исследования – социально-территориальные аспекты процессов формирования, функционирования и развития российско-германской транснациональной миграционной системы.

Цель работы – выявление факторов формирования, эволюции и закономерностей развития транснациональной миграционной системы, сформировавшейся в рамках миграционного процесса между Россией и Германией.

В соответствии с поставленной целью решались следующие задачи:

- обобщить концептуальные подходы, методические приемы и направления исследования миграций населения, в т.ч. международных, в России и Германии;
- на основе системного и эволюционного подходов сформулировать авторскую концепцию и методику исследования миграционных процессов между Россией и Германией;
- провести комплексный анализ предпосылок формирования и проследить основные этапы эволюции российско-германской транснациональной миграционной системы;
- определить пространственные закономерности миграционных связей между Россией и Германией после 1991 г., определить влияние миграционных процессов на трансформацию расселения и региональные особенности ротации немецкого населения в России в этот период;
- выявить факторы и региональные особенности условий адаптации в Германии мигрантов из России, в т.ч. на примере российских немцев, рассмотреть их адаптационные стратегии;
- изучить основные направления и особенности транснациональных связей разных групп мигрантов из России в Германии;
- провести анализ потенциала возвратной миграции российских немцев из Германии в Россию и оценить возможность использования полученных в ходе исследования результатов для их использования в России.

Методологическая база исследования. Основой исследования послужила методология отечественной и зарубежной социально-экономической географии, основанная на принципах эволюционизма, сравнительного и системно-структурного подхода. Важная роль в проведении исследования отводилась представлениям о причинно-следственных связях между социально-экономическим развитием территории, социально-территориальными общностями населения и процессами международной миграции населения. В работе использованы концептуальные подходы, разработанные классиками системных исследований – Л. Берта-ланфи, Р. Акоффа, Ф. Эмери. Теоретические исследования отечественных эконо-

мико-географов – И.М. Маергойза, П.Я. Бакланова, А.П. Горкина, П.М. Поляна, В.Н. Стрелецкого, А.А. Ткаченко, А.И. Трейвиша и др.

Исследование носит междисциплинарный характер, поэтому автор использовал современные социологические теории, в частности, теорию структуризации британского ученого Э. Гидденса, исследования В.А. Ядова, методологические подходы качественной социологии В. Воронкова, И. Утехина, принцип двойной рефлексивности, предложенный Т. Шаниным, методологическую концепцию трансграничных исследований миграции населения, выдвигаемую Т. Файстом и А. Амелиной.

На научное мировоззрение автора оказали влияние работы следующих ученых – А.И. Алексеева, А.Г. Вишневого, Ж.А. Зайончковской, Н.В. Зубаревич, С.А. Ковалева, П. Линднера, В.И. Переведенцева, В.В. Покшишевского, Б.С. Хорева и др.

Информационная база исследования. К первой группе относятся литературные источники (диссертации, монографии, статьи, научные сборники), публикации и отчеты Международной организации по миграциям (ИОМ), отчеты ООН.

Вторую группу составляют статистические данные региональных отделений Федеральной службы государственной статистики (Росстата), Федеральной Миграционной Службы России, статистические данные и миграционные отчеты министерства внутренних дел ФРГ, ведущего учет мигрантов.

Третья группа – итоги массовых опросов населения, опубликованными в российских и немецких изданиях.

Четвертая группа – результаты полевых исследований автора, проведенных в России (Омская область, Алтайский край, Оренбургская область, Саратовская область) и в Германии (Бавария: города, Эрланген, Нюрнберг, Северный-Рейн-Вестфалия: города Билефельд, Детмолд; Берлин, Гессен: города Франкфурт-на-Майне, Майнц) в 2002-2013 гг.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели использованы различные методы сбора и анализа данных. Основным принципом в работе стало дополнение количественных методов – качественными. Количественные методы использовались для определения масштабов и характера развития объекта исследования. Качественные методы применялись для анализа мотивационных установок

мигрантов, особенностей процесса адаптации мигрантов и их транснациональных связей в тех случаях, когда не было возможности получить количественные данные.

В работе использован широкий спектр общенаучных, географических и специальных методов исследования: сравнительно-исторический, описательный, аналитический, статистический, сравнительно-описательный, картографический. Междисциплинарная тема исследований обусловила использование в ходе полевых исследований в России и в Германии методов из смежных наук: массового опроса, нарративного и экспертного интервью, контент-анализа текстов, метода включенного наблюдения и др..

Научная новизна работы состоит в следующем:

- разработана авторская концепция и методика исследования международных миграционных процессов на примере России и Германии, основанная на синтезе системного и эволюционного, количественного и качественного подходов, что ставит изучение международных миграций населения в России на принципиально новый уровень;
- дополнена концепция стадийности миграционных процессов, разработанная Л.Л. Рыбаковским, для международных миграций населения с учетом развития общества в условиях глобализации;
- проведен сравнительный анализ диссертационных исследований в области миграциологии в постсоветский период в географических, экономических, социологических, политических, исторических и философских науках;
- обобщены концептуальные подходы, методические приемы и направления исследований международной миграции населения в России и в Германии;
- выявлены предпосылки формирования и закономерности эволюции российско-германской транснациональной миграционной системы;
- на примере российских немцев впервые проведен детальный социально-географический анализ миграционного процесса от первоначального этапа формирования мотивации до заключительного этапа адаптации в новой стране;
- определены закономерности и факторы формирования транснациональных связей различных социальных групп мигрантов из России в Германии;
- систематизированы факторы и выявлены региональные особенности условий адаптации мигрантов из России в Германии.

Практическая значимость. Результаты исследования использованы для подготовки курсов лекций и учебных программ дисциплин «Теория, методы и практика миграционных исследований», «География населения», «Социология», читаемых автором на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Выявленные в ходе исследования закономерности и особенности миграционного процесса между Россией и Германией могут быть использованы при разработке и уточнении направлений миграционной политики России, прогнозировании масштабов миграционного процесса, работе с отдельными когортами международных мигрантов, разработке программ интеграции международных трудовых мигрантов в российском обществе. Материалы исследования могут использоваться в ходе проведения мониторинга эффективности мер миграционной политики в России и Германии

Итоги исследования могут быть применены для выработки программ работы с соотечественниками, проживающими в Германии.

Помимо этого результаты могут быть использованы для подготовки концепции этнокультурного развития немцев России.

Апробация результатов работы. Результаты исследований по теме диссертации были доложены и обсуждались на международных, общероссийских и региональных конференциях, встречах и научных семинарах:

международных – российско-германская конференция «Александр Гумбольдт и проблемы устойчивого развития Урало-Сибирского региона», Тюмень, 2004 г.; конференция «Российские немцы: история и современность», Саратов, 2004 г.; конференция Международного союза культуры немцев, Москва, 2008 г.; Международный круглый стол «Миграция в странах Европы и СНГ: препятствия, проблемы, перспективы», Москва, 2010 г.; XIII научная конференция Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН) «Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков», Москва, 2010 г.; Международный симпозиум «Пути России: историзация социального опыта», Москва, 2011 г.; III Глобальная конференция по экономической географии. «Пространство, экономика и окружающая среда», Сеул, Республика Корея, 2011 г.; международная конференция «Реэмиграция российских немцев», университет г.

Майнц, Гермерсхайм, Германия, 2011 г.; Региональная конференция международного географического Союза, Москва, 2015 г.; Конгресс немецких географов, Берлин, 2015 г.

всероссийских – VIII Конгресс этнографов и антропологов России, Оренбург, 2009 г.; XI Конгресс этнографов и антропологов России, Екатеринбург, 2015 г.

региональных – «Ломоносовские чтения» в МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2009 г.; заседание секции «География» Дома Ученых РАН, Москва, 2003 г.; чтения памяти С.А. Ковалева, заседание комиссии социальной географии, географии населения и поселений Московского отделения РГО, Москва, 2005 г.; заседание секции «География» Дома Ученых РАН, Москва, 2013 г.

Результаты работы доложены на научных семинарах на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, в Европейском университете в Санкт-Петербурге, в Центре независимых социологических исследований (ЦНСИ), в Институте социальной географии университета Франкфурта-на-Майне.

По теме диссертации опубликовано 44 работы общим объемом свыше 45 п.л., в том числе в 3 научных монографиях на немецком языке, в учебных пособиях и учебниках, 16 статей в рецензируемых журналах.

Структура работы определена ее целью и поставленными задачами: в первых главах представлен обзор опыта миграционных исследований в России и Германии, рассмотрены теории международных миграций населения и дана авторская концепция исследования международных миграций с позиций системного и эволюционного подходов. Результаты эмпирических исследований в работе выстроены в соответствии с этапами формирования и эволюции российско-германской транснациональной миграционной системы.

Работа состоит из введения, 6 глав, заключения, списка источников и 9 приложений. Объем диссертации составляет 409 с. основного текста, в том числе 40 табл., 80 рис. Список источников насчитывает 440 литературных и интернет источников наименований на русском, английском и немецком языках.

ГЛАВА 1. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ И ФРГ

В первой главе работы рассмотрены и обобщены исследовательские традиции изучения миграции населения в России и Германии во второй половине XX в. Сложившиеся в более ранний период в этих странах они по различным социально-политическим причинам были прерваны, их возобновление после Второй мировой войны стало не продолжением более ранних традиций, а по сути формированием нового направления в рамках иных методологических и теоретических взглядов новых поколений ученых.

Проведена периодизация исследований, даны характеристики каждого исследовательского этапа, представлены основные теории и центры изучения миграции в каждой из этих стран. Для России сделан детальный анализ особенностей изучения миграций как междисциплинарного направления на основе базы защит кандидатских и докторских диссертаций в 1993-2013 гг. В главе проведена сравнительная характеристика исследовательских традиций в сфере изучения миграционных исследований в России и Германии. Выделены общие черты и отличия развития миграционных исследований в зависимости от страны, где проходят исследования.

Рассмотрены основные библиографические источники миграционных исследований в российской науке, для их систематизации в социальной географии уточнена существующая периодизация этапов изучения миграции населения во второй половине XX века. Активизацию исследований миграции населения после спада научного интереса к данной тематике в 1930-х – начале 1940-х гг. целесообразно изучать не с 1960-х гг., как это принято в социальных науках, а с конца 1940-х гг. Представлен краткий обзор основных центров социальной географии, где в постсоветский период ведется активное изучение миграции населения. Выявлены трансформации методологических и методических подходов к изучению миграций населения, определены отличия традиций подхода к изучению миграции населения в Германии и России.

1.1. Становление и развитие отечественных миграционных исследований

Активность интереса к изучению миграций населения и тематика миграционных исследований в СССР и постсоветской России во многом определялась и определяется интенсивностью, характером и направлениями миграционных процессов. В Советский период более значимым фактором, влияющим на научный интерес к данной тематике, стала государственная позиция по отношению к миграциям и необходимости их изучения. Этим объясняется резкое снижение интереса к миграционной тематике в 1930-е–1940-е гг., и увеличение числа работ, посвященных миграциям населения в 1960-е гг.

После 1991 г. у исследователей появляется широкая возможность для изучения ранее «закрытых» тем, таких как принудительные миграции, эмиграция после 1917 г. и т.д., количество публикаций по миграционной тематике возрастает в несколько раз по сравнению с предыдущими этапами изучения миграции населения. Периодизация миграционных исследований также должна проводиться с учетом этих факторов.

1.1.1. Становление миграционных исследований в России/ СССР до середины XX в.

Изучение миграций населения в России имеет длительную историю. Оно началось во второй половине XIX в. с изучения активных переселенческих движений. По мнению Л.Л. Рыбаковского, первоначально миграции населения оказались в центре внимания географов и статистиков, а после этого – демографов и социологов [190].

Со второй половины XIX в. до 1917 г. изучение миграций населения было сконцентрировано на анализе переселенческого движения, а основное внимание уделялось колонизационной тематике (в т.ч. в рамках антропогеографии). Поэтому не случайно широкое распространение в этот период получило понятие «колонизация», которое рассматривалось в работах Г.К. Гинса, И.А. Гурвича, А.А. Исаева, А.А. Кауфмана [190, 266]. Проблемы колонизации и переселений в дореволюционные годы исследовались в органической связи с аграрными и другими социально-экономическими вопросами. Важным направлением исследования было изучение приживаемости и обустройства новоселов. Значительное количество работ посвящено отхожим промыслам крестьян, что было обусловлено отменой крепостного права и началом стадии активной урбанизации в России. К наиболее значимым ра-

ботам в этой сфере в дореволюционный период можно отнести исследования Д.Н. Жбанкова, Н.В. Шаховского, Н.В. Пономарева, Л.П. Весина и др.. В этот период обычно использовался термин *«переселение»*, а не *«миграция населения»*.

В 1920-х – начале 1930-х гг., по мнению Л.Л. Рыбаковского [190], еще продолжают традиции изучения миграции населения, заложенные в дореволюционное время, что отчасти связано с продолжающимся переселенческим движением, чему посвящены работы экономиста Л.Е. Минца. Значительный вклад в изучение переселений внесли также работы И.Л. Ямзина [265], а экономические аспекты миграционных процессов анализировал С.Г. Струмилин [214].

Среди работ, посвященных международным миграциям населения, выделяется работа В.В. Оболенского (Осинского), представляющая статистический обзор международных и межконтинентальных миграций в России в конце XIX – начале XX в. [166].

В данный период происходит организация текущего учета перемещения населения в СССР, разрабатывается программа переписи населения 1926 г., в которую были включены вопросы, касающиеся миграционных перемещений населения. В научной литературе обсуждаются вопросы административного регулирования и планирования миграций населения. Детально этот период в истории изучения миграций населения рассмотрен в исследовании В.М. Моисеенко [152].

Автор отмечает, что в 1920-х гг. сложности изучения миграции населения были обусловлены новыми социально-политическими условиями, возникшими после 1917 г., в частности, сверхдинамичными процессами перемещения населения, которые не всегда учитывались статистикой, не было опыта изучения миграций и вообще общества в подобных условиях, не был налажен систематический постоянный учет перемещений населения. На это время пришлась смена научных традиций: часть исследователей сформировалась до революции и относилась к представителям традиционных экономических и статистических школ России и подвергалась активной идеологической критике со стороны представителей марксистско-ленинской идеологии [152, с. 10-12].

В.М. Моисеенко отмечает, что в это время выходило значительное количество публикаций (научных статей, небольших брошюр), в которых анализировались миграционные процессы. Наиболее значимыми исследователями в этой сфере

были экономисты, статистики, специалисты в области экономики сельского хозяйства и работники переселенческих организаций.

В 1922 г. в Москве создан Государственный научно-исследовательский колонизационный институт. В 1926 г. он был преобразован в Государственный научно-исследовательский институт землеустройства и переселения (Госземколонит), в состав которого входил переселенческий сектор. Деятельность института была направлена на изучение землеустройства и процессов переселения на Урале и в Сибири и продолжалась до 1930 г., когда институт был закрыт [152, с. 11].

В современной научной литературе распространено мнение, что период 1930-1950-х гг. стал периодом «полного забвения и коллапса миграционной науки». Л.Л. Рыбаковский справедливо отмечает, что вторая половина 1930-х гг. стала временем роста масштабов как добровольных, так и принудительных миграций, что по идеологическим причинам не могло быть отражено в научных публикациях. Не исключено, что в этом сыграли определенную роль и результаты переписи населения 1937 г., организаторы которой были подвергнуты репрессиям, а демографическая и миграционная проблематика на долгие годы оказалась опасной сферой для исследователей [190].

1.1.2. Развитие миграционных исследований в России/ СССР после 1945 г.

Период 1930-1950-х гг. характеризуется резким снижением внимания ученых к миграционной тематике, но именно в этот период появляются исследования миграции населения географа В.В. Покшишевского, заложившего многие традиции изучения миграции населения в географической науке. В 1943–1947 гг. ученый провел историко-географические исследования процессов миграции в России, результаты которых составили основу докторской диссертации, успешно защищенной в 1949 г. на географическом факультете МГУ по теме «География миграций населения России. Опыт историко-географического исследования» [176]. В.В. Покшишевский ввел в географический оборот и стал активно применять термин «миграция населения» вместо ранее более распространенных понятий «переселение» и «колонизация».

Поэтому в данной работе мы считаем целесообразным дополнить периодизацию изучения миграции населения в России и СССР, представленную Л.Л. Рыбаковским (табл. 1.1).

Таблица 1.1.

**Этапы изучения миграции в социальной географии
и смежных науках после 1945 г.**

Этап	Краткая характеристика этапа	Преобладающая тематика исследования	Исследователи
Первый этап (конец 1940-х – 1950-е гг.)	Становление традиций изучения миграции населения в социальной географии, формирование терминологического аппарата	Теоретические вопросы миграции населения, историко-географические работы по заселению регионов СССР	Покшишевский В.В. [178], Слука А.Е.
Второй этап (1960-е – середина 1970-х гг.)	Разработка методологических и методических принципов изучения миграций населения, рост количества и расширение тематики исследований, увеличение числа регионов исследования. Наиболее активный период в изучении миграций в географии населения.	Методика и теория миграционных исследований, переселения в регионы нового освоения, миграция населения из сельской местности в города, вопросы приживаемости новоселов, маятниковая миграция	Воробьев В.В., Зайончковская Ж.А., Ковалев С.А., Переведенцев В.И., Покшишевский В.В., Рыбаковский Л.Л., Слука А.Е. [48, 77, 107, 108]
Третий этап (середина 1970-х – 1991 гг.)	Продолжение исследовательских традиций второго этапа. Сокращение числа исследований миграции населения в социальной географии. Наиболее значимые исследования проводятся экономистами и социологами. Сокращение работ по теории миграционных исследований.	Маятниковые миграции, исследование миграции населения в связи с урбанизацией и расселением, в том числе отток населения из Нечерноземной зоны, освоение регионов Крайнего Севера, БАМа, адаптация мигрантов.	Алексеев А.И., Зайончковская Ж.А., Заславская Т.И., Ионцев В.А., Корель Л.В., Моисеенко В.М., Молодикова И.Н., Мукомель В.И., Переведенцев В.И., Регент Т.М., Рыбаковский Л.Л., Топилин А.В., Хорев Б.С., Чапек В.Н. [7, 8, 113, 150, 244-246].
Четвертый этап (1991-2002 гг.) -	Расширение тематики исследований, в том числе ранее «закрытых» тем, расширение числа исследовательских центров, появление новых методов исследования миграции населения. Сокращение числа работ по маятниковым миграциям. Снижение интереса к данной тематике в социальной географии.	Вынужденная миграция на постсоветском пространстве, миграция русскоязычного населения, эмиграция, принудительные миграции, «утечка умов».	Белозеров В.С., Вайтекунас С., Вендина О.И., Витковская Г.С., Вишневский А.Г., Воробьев Н.В., Данилова И.А., Денисенко М.Б., Зайончковская Ж.А., Ивахнюк И.В., Ионцев В.А., Карачурина Л.Б., Красинец Е.С., Мкртчян Н.В., Моисеенко В.М., Молодикова И.Н., Мукомель В.И., Полян П.М., Регент Т.М., Рыбаковский Л.Л., Симагин Ю.А., Тарасова Н.В., Ушкалов И.Г., Чудиновских О.С. [35, 45, 67, 68, 78, 93, 95, 151, 153, 185, 188, 215, 216].
Пятый этап (2002 г. – наст. время)	Смена тематики исследований по сравнению с четвертым этапом. Появление теоретических работ по теории миграции населения. Расширение числа работ по миграциям населения в зарубежных странах. Формирование региональных центров социальной географии, изучающих миграции населения.	Трудовая миграция, этническая миграция, адаптация трудовых мигрантов в России, миграционная политика в мире и России, трансграничные миграции, гендерные аспекты миграции. Международные миграции населения. Учет мигрантов.	Андреев В.М., Бараулина Т., Бредникова О.Е., Вендина О.И., Глушченко Г.И., Дятлов В.И., Ионцев В.А., Карачурина Л.Б., Ларин А.Г., Мкртчян Н.В., Рязанцев С.В., Савоскул М.С., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф., Чудиновских О.С., Юдина Т.Н. [9, 15, 16, 23-25, 40, 41, 66, 94, 103, 104, 116, 145-149, 252, 253].

Составлено автором.

Первый этап изучения миграций населения во второй половине XX в. можно отнести к концу 1940-х – 1950-м гг., когда происходит становление традиций изучения миграции населения в социальной географии СССР.

После перерыва в 1930-1940-е гг., когда в СССР практически не публиковались работы, посвященные анализу миграционных процессов, исследования В.В. Покшишевского, посвященные историко-географическому изучению миграции населения, стали первыми значительными работами по географии миграций. Анализ эволюции междисциплинарных подходов в изучении миграции населения во второй половине XX в. показал, что традиции изучения миграции населения в социальной географии заложены именно в работах В.В. Покшишевского конца 1940-х – начала 1950-х гг.

В.В. Покшишевский в докторской диссертации уделяет немало внимания теоретическим вопросам изучения миграции. В частности, ученый доказывает для рассматриваемого им исторического периода, бóльшую значимость для социально-экономического развития регионов и стран процессов иммиграции, а не эмиграции. Вкладом в развитие миграционных исследований В.В. Покшишевского можно считать теоретический обзор зарубежных работ по изучению миграции населения в социальной географии, а также методические указания по способам картографирования миграционных процессов.

Первые социально-географические работы, посвященные анализу миграционных процессов в Западной Европе, появляются в 1950-е гг. Это исследования миграционных процессов во Франции, проведенные А.Е. Слукой на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова и представленные в виде кандидатской диссертации.

Для первого этапа характерно незначительное число исследований миграции населения. Исследования направлены на теоретические вопросы, историю заселения различных регионов СССР. На этом этапе происходит закрепление в отечественной научной дискуссии термина «миграция населения», до этого более активно использовались термины «колонизация», «переселения», «перераспределение трудовых ресурсов» и т.д. О том, что в 1920-1930-е гг. понятие «миграция» еще не получило полного признания, пишет в своей работе В.М. Моисеенко [152, с.13].

Второй этап (1960-е – середина 1970-х гг.) – становление методологических и методических принципов изучения миграций населения, расширение числа и тематики исследований, рост регионов исследования миграций населения.

Данный этап характеризуется возрождением интереса к миграционной тематике и становлением методологических и методических основ изучения миграции в социальной географии, истории, экономике, а также социологии, начинавшей развиваться в СССР. В этот период заложены принципы исследования миграции населения, использовавшиеся после этого несколько десятилетий.

Появились работы, детально рассматривающие методику и теорию миграционных исследований (В.В. Покшишевский [179], В.И. Переведенцев [171], Л.Л. Рыбаковский [193], А.У. Хомра [243]), вопросы переселения в регионы нового освоения (Л.Л. Рыбаковский), миграцию населения из сельской местности в города (Т.И. Заславская [83, 84], С.А. Ковалев [109]), вопросы приживаемости новоселов (В.И. Переведенцев, Ж.А. Зайончковская), исследования, посвященные маятниковой миграции. Проводились исследования миграции в зарубежных странах (А.Е. Слука [208]), хотя последних в этот период относительно немного.

Именно в этот момент сформировались ученые, которые в последующем создали целые творческие коллективы и научные школы миграции населения (Л.Л. Рыбаковский, Ж.А. Зайончковская).

Важным явлением в институционализации миграционных исследований и их дальнейшем развитии стало создание в составе Сибирского отделения АН СССР Института экономики и организации промышленного производства, который активно разрабатывал вопросы изучения миграции населения в СССР [190].

Третий этап (середина 1970-х – 1991 гг.) – продолжение исследовательских традиций второго этапа, сокращение работ по теории миграционных исследований. На этом этапе происходит некоторое сокращение числа исследований миграции населения в социальной географии. Область исследования географии населения сдвинулась в сторону экономических и социологических наук, хотя часто возглавляют эти исследования «выходцы» из географической среды.

Наиболее значимые работы посвящены изучению маятниковых миграций, исследованию миграций населения в связи с урбанизацией и расселением. Акцент исследований делается, с одной стороны, на оттоке населения из Нечерноземной

зоны, с другой – на освоении регионов Крайнего Севера, БАМа. Также актуальным остается изучение адаптации мигрантов и их приживаемости (Морозова Г.Ф. [154]). Среди новых исследователей третьего периода появляются работы В.И. Мукомеля, В.М. Моисеенко, Т.М. Регент, Л.В. Корель [112], В.А. Ионцева.

Четвертый этап (1991-2002 гг.) – резкая смена тематики и характера миграционных исследований, произошедшая вслед за значительными переменами в нашей стране. По мнению ряда исследователей, на этом этапе произошла существенная смена авторов, «мостик» преемственности поколений исследователей миграции населения был узок и хрупок [79, с. 286]. Одновременно с этим произошло расширение тематических направлений миграционных исследований, в том числе ранее «закрытых» тем и тем, отражающих изменение миграционной ситуации в стране.

Для этого этапа самыми популярными в изучении миграции населения становятся следующие темы: вынужденная миграция на постсоветском пространстве (Г.С. Витковская [43, 44], Е.И. Филиппова [238]), миграция русскоязычного населения (Л.Л. Рыбаковский [191], Ж.А. Зайончковская [76], эмиграция (Е.С. Красинец, В.В. Степанов, Р.А. Варданян [36], В.Д. Войнова [47]), принудительные миграции (П.М. Полян [181, 182], В.Н. Земсков [86]), «утечка умов» (И.Г. Ушкалов [233, 234], Л.И. Леденева [123]). Происходит сокращение числа работ по маятниковым миграциям, практически не затрагиваются теоретические и методические вопросы изучения миграций населения.

Растет число исследовательских центров, к изучению миграции более активно начинают обращаться Институт этнологии и антропологии РАН, Институт истории РАН, возникают негосударственные исследовательские центры (центр Карнеги), представительства международных организаций – Международная организация по миграции (МОМ), Международная организация по труду (МОТ).

Пятый этап (2002 г. – наст. время). Для этого этапа характерна смена тематики исследований по сравнению с четвертым этапом, рост разнообразия используемых методов. Преобладающими темами в исследованиях стали внешние трудовые миграции (Ю.Ф. Флоринская [240, 241], Ж.А. Зайончковская [80, 81]), внутренние трудовые миграции (Т.Г. Нефедова [165], Ю.М. Плюсин [175]), этнические миграции (Л.В. Остапенко [169, 170], И.А. Субботина, В.С. Белозеров [19, 20]), адаптация трудовых мигрантов в России (Е. А. Варшавер, А.Л. Рочева [37]),

миграционная политика в мире и России (В.И. Мукомель [155, 156, 157], И.В. Ивахнюк [88, 89]), трансграничные миграции (С.Н. Абашин [1, 2], Г.И. Глущенко [55], В.И. Дятлов [70, 71, 72]), гендерные аспекты миграции (Е.В. Тюрюканова [227, 228, 229]). Также появляются работы по обобщению теорий миграции в России и мире (Т.Н. Юдина [262, 263], М.С. Блинова [22]). Увеличивается число работ по миграциям населения в зарубежных странах (С.В. Рязанцев [194], М.С. Савоскул [195, 196, 199, 200, 204, 205]).

На этом этапе происходит формирование новых исследовательских подходов к изучению миграций населения, начинают более широко применяться нестатистические методы исследования.

1.1.3. Информационные источники миграционных исследований

Основными источниками информации об изучении миграций населения в XX в. является ряд монографий, материалов совещаний по географии населения, данные аналитико-библиографических обзоров, библиографические справочники, выпуски ВИНТИ (Всесоюзного института научной и технической информации), научные обзоры и статьи. Этих источников не очень много, но они достаточно информативны. Представим обзор основных библиографических и историографических источников в соответствии с периодами изучения миграции населения в XX в. (табл. 1.2).

Наименее освещен в научной литературе период после 1917 г. и до конца 1940-х гг. Среди наиболее информативных публикаций, касающихся вопросов изучения миграции населения в этот период, находится обзор исследований миграции населения в советской литературе, представленный в монографии В.М. Моисеенко «Территориальное движение населения», опубликованной в 1985 г. [152, с. 5-24]. Автор детально рассматривает вопросы изучения территориального движения населения в 1920-1930-е гг., отмечая наиболее характерные для литературы того периода темы. Одной из центральных проблем в это время была критика немарксистских взглядов на причины и роль миграции в общественном развитии [152, с. 8]. В.М. Моисеенко рассматривает особенности миграционной ситуации в России после 1917 г., дает характеристику основных тематических направлений исследования миграций населения и перечисляет наиболее значимых исследователей периода.

Таблица 1.2.

**Наиболее значимые источники данных о миграционных исследованиях
в России после 1945 г.**

Источник	Период	Краткая характеристика источника
<i>Покишишевский В.В.</i> Диссертации по географии населения и по городам (за 1958-1962 и частично 1963/64 г.г.) // Материалы I межведомственного совещания по географии населения. Вып. 7. Л., 1965. С. 182-189 [177].	1958-1962 гг., частично 1963-1964 гг.	Представлен список докторских и кандидатских диссертаций по населенческой тематике и тематике городов в географии и смежных науках, среди которых есть диссертации по миграции населения, но их относительно немного, что свидетельствует о незначительном интересе к миграционной тематике среди географов в этот период. В конце представлен краткий комментарий автора к приведенному списку.
<i>Алексеев А.И.</i> Миграции населения // Экономическая и социальная география в СССР. Итоги науки и техники. Сер.: География СССР. Том 16. М.: ВИНТИ, 1982. С. 42-56 [6].	1976-1981 гг.	Автор останавливается на монографиях по миграции населения, изданных в этот период. Рассматривает наиболее актуальные вопросы в изучении миграций: факторы и интенсивность миграций, управление миграционными процессами, миграции городского и сельского населения, моделирование миграций. В итоге представлен список использованных источников.
<i>Моисеенко В.М.</i> Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. М.: Мысль, 1985 [152].	1920-1950 гг.; 1960-начало 1980-х гг.	Дана характеристика основных направлений изучения миграции населения. Описаны работы по территориальному перемещению населения в 1920-1950-х гг., итоги внутренней миграции населения. Рассмотрены закономерности изучения миграции населения 1960-1980-е гг. В монографии представлен широкий библиографический список.
Миграция населения в постсоветских государствах. Аннотированная библиография российских изданий 1992-1997 гг. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. – 185 с. [142].	1992-1997 гг.	Содержит аннотированный список литературы за рассматриваемый период по следующим направлениям: справочная литература; книги и сборники; миграционное право и миграционная политика; общая характеристика миграционных процессов; постсоветские государства; регионы России; миграционная ситуация на Дальнем Востоке; этномиграционные процессы; вынужденная миграция; эмиграция и иммиграция; «утечка мозгов»; трудовая миграция.
<i>Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б.</i> Миграция населения // СССР-СНГ-Россия: география населения и социальная география. 1985-1996. Аналитико-библиографический обзор. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 286-333 [79].	1985-1996 гг.	Описаны основные закономерности в изучении миграции населения. Представлена тематическая структура публикаций по годам. Даны обзоры наиболее актуальных вопросов изучения миграции населения. Представлена детальная библиография по миграции населения.
Аннотированный библиографический указатель научной литературы по миграции, изданной в России 2000-2011. Т. 3. Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. – 376 с. [10].	2000-2011 гг.	Один из самых полных библиографических списков научных публикаций по миграциям населения по следующим рубрикам с кратким описанием содержания публикаций: справочная и учебная литература; монографии, сборники, брошюры; миграционное право, законодательство, миграционная политика; общая характеристика миграционных процессов; эмиграция, иммиграция, репатриация; вынужденная миграция; трудовая миграция; незаконная и криминальная миграция; этнические миграции; советское прошлое. Представлен обзор электронных изданий, исследовательских центров и миграционных проектов.
Социально-демографические проблемы народонаселения в российской (советской) литературе 1914-1941 гг.: Библиографический справочник / Составитель В.М. Моисеенко М.: МАКС Пресс, 2013. – 216 с. [212].	1922-1941 гг.	Содержит разделы, посвященные миграции населения в 1922-1930 гг. и в 1931-1941 гг., по следующим вопросам: общие вопросы, отходничество, переселения, международная миграция. Во введении дана характеристика разделов библиографического справочника, на с. 13 есть краткая характеристика исследования миграции населения в 1922-1930 гг.

Составлено автором по данным литературных источников.

Существенно расширил возможности изучения работ по миграции населения в 1920-1940-е гг. библиографический справочник, составленный также В.М. Моисеенко и изданный в 2013 г. Справочник содержит список литературы по проблемам народонаселения, изданной в 1914-1941 гг. Разделы, в которых помещены публикации по вопросам миграции населения, охватывают более поздний период – с середины 1920-х гг.

Период 1941-1958 гг. не представлен систематическим библиографическим справочником. Отдельные данные помещены в обзоре указанной выше монографии В.М. Моисеенко. Во многом это обусловлено и незначительным количеством работ по данной тематике в этот период.

В середине 1960-х гг. В.В. Покшишевский в сборнике материалов I Межведомственного совещания по географии населения помещает небольшой обзор по темам кандидатских и докторских работ, защищенных в 1958-1962 гг., куда попадают и работы по изучению миграций населения. Ученый отмечает, что среди работ экономистов и демографов работы географов по населенческой тематике, а тем более по миграции населения, занимают очень скромное место.

Десятилетие с середины 1960-х до середины 1970-х гг. характеризуется всплеском интереса к изучению миграции населения, ростом количества работ и увеличением разнообразия тем, о чем более детально сказано в следующих разделах работы. И хотя этот период не представлен специальным библиографическим справочником по миграции населения, он достаточно широко охарактеризован в обзоре Л.Л. Рыбаковского, а также в монографии В.И. Переведенцева «Методы изучения миграции населения» [171], вышедшей в 1975 г. и работе А.В. Топилина «Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР» [221].

Основные тенденции в изучении миграции населения в 1976-1981 гг. рассмотрены А.И. Алексеевым в выпуске ВИНТИ по экономической и социальной географии. Автор останавливается на монографиях по миграции населения, изданных в этот период. Он рассматривает наиболее актуальные вопросы в изучении миграций: факторы миграции; интенсивность миграций, управление миграционными процессами, миграции городского и сельского населения, моделирование миграций. В конце раздела представлен список использованных источников.

Наиболее широко представлен в аннотированных библиографических справочниках период с начала 1990-х гг. по настоящее время, что обусловлено существенным ростом интереса к миграционной тематике в научной среде. Этот период отражен в трех аннотированных библиографических справочниках 1998, 2001, 2013 гг. Первый справочник посвящен миграциям населения в постсоветских государствах, второй – в целом работам по географии населения, где есть большой раздел по миграции населения. Третий представляет собой отдельный том, полностью посвященный миграциям населения, он является частью хрестоматии «Миграция в России 2000-2012» [140].

Начало истории систематических научных исследований в России можно отнести к концу XIX в., то есть к тому периоду, когда массовые перемещения населения, как внутри Российской Империи, так и за ее пределами стали играть значимую роль в социально-экономическом развитии всей страны и ее отдельных регионов.

Традиции изучения массовых переселенческих движений дореволюционного периода в нашей стране были прерваны в силу сложных, неоднозначно оцениваемых, как политиками и общественными деятелями, так и учеными, социально-политических причин. Изучение массовых вынужденных миграций 1920-1940-х гг., которые составляли масштабное явление и привели к существенному перераспределению населения в республиках и отдельных регионах СССР, стало доступной для исследователей темой только после 1991 г.

Возобновление публичного интереса и научных исследований миграции можно отнести к концу 1940-х – началу 1950-х гг., когда В.В. Покшишевский защищает на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова докторскую диссертацию, посвященную как теоретическим вопросам изучения миграции населения, так и детальному анализу исторических миграций в СССР.

Активное изучение внутренних миграций населения в 1960-1970-е гг. было вызвано прикладными задачами, связанными с активизацией миграционных перемещений населения в стране по экономическим причинам, и желанием государства в условиях плановой экономики регулировать перемещение трудовых ресурсов из трудоизбыточных районов в развивающиеся регионы с нехваткой трудовых ресурсов. Большая часть миграционных перемещений населения в этот период изучалась

с позиции государственной необходимости сбалансированного развития страны и экономического роста, а миграции рассматривались как процесс, который позволяет перераспределять в выбранном государством направлении трудовые ресурсы. Поэтому миграции в этот период изучались чаще экономистами, а не представителями других наук. Этим же объясняется и возникновение одного из самых значимых центров изучения миграции того периода в Новосибирске.

В этот же период еще одним актуальным для страны явлением в перемещении населения стал процесс урбанизации, связанный с массовой миграцией сельских жителей в города, что также вызывало необходимость изучения этого процесса, его прогнозирования и т.д.

Определенный «поворот» в сторону мигранта, как участника миграционного процесса наблюдается в исследованиях миграции в 1980-х гг., хотя преобладание экономической значимости внутрироссийских миграций над другими темами, прослеживается до 1991 г., который коренным образом изменил изучение миграций в России.

Распад СССР, изменение геополитического положения России и стран СНГ, социальные и этнические конфликты на территории бывшего СССР, экономический кризис привели к появлению абсолютно новых видов миграции населения, к изучению которых необходимо было подходить с использованием иной методологии, новых методов, с привлечением тех дисциплин, которые ранее не изучали миграционные процессы. Для постсоветского периода в развитии миграционных исследований в России характерно расширение исследовательских тем, появление новых центров, разнообразие методов и концептуальных подходов к изучению данного явления.

В этот период миграционные исследования в России становятся одним из самых значимых междисциплинарных направлений, что на наш взгляд расширяет исследовательские возможности познания такого сложного явления как миграции населения.

1.2. Миграции населения как объект междисциплинарных исследований в России

Интерес к изучению миграций населения после распада СССР резко вырос, расширился спектр отраслей науки, изучающих миграционные процессы. В этот период миграции стали объектом исследований многих научных направлений и

дисциплин: от философии и психологии до статистики. Каждое из научных направлений привносит в исследование миграций свои собственные концептуальные подходы и исследовательские методы. С расширением числа исследований и развитием каждого научного направления в рамках только одной дисциплины возникает опасность изоляции миграционных исследований в рамках каждого из направлений. Наличие большого количества точек зрения на роль и последствия миграции для общества осложняет задачу систематизации уже накопленного опыта в изучении миграции, но и делает это задачу как никогда актуальной.

Все это ставит задачу разработки и использования междисциплинарного подхода к изучению миграций населения. Знакомство со всем спектром накопленного знания о миграциях, как теоретического, так и практического, заимствование и интегрирование методологических и методических подходов значительно расширяет исследовательские возможности в познании этого неоднозначного явления. Именно это и стало центральным вопросом данного раздела работы, в котором проведен анализ развития миграционных исследований в период с 1991 по 2013 г. на основе базы данных по защитам в России диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (далее – кандидатские и докторские диссертации), посвященных миграционной тематике.

Решение проанализировать именно квалификационные работы по миграционной тематике, а не все публикации, было вызвано следующими соображениями.

Во-первых, автор исходил из того, что институционализация и закрепление исследовательских традиций в научном направлении происходит через институт защит кандидатских и докторских работ, поэтому их анализ позволяет выявить уже сложившиеся и часто общепринятые в том или ином научном направлении подходы в исследовании миграционной проблематики. Поэтому анализ именно этого информационного массива позволяет выявить специфику и место того или иного научного направления в миграционных исследованиях.

Во-вторых, к формулировкам понятий и терминов, представленным в авторефератах и диссертациях соискатель и его научный руководитель обычно относятся с большим вниманием, чем к определениям, представленным в статьях или монографиях.

В-третьих, диссертации позволяют создать сопоставимую базу данных (Приложение 1), тогда как статьи и монографии настолько разноплановы, что их сложно систематизировать и формализовать на основе контент-анализа.

В-четвертых, немаловажной причиной явилось и то, что база данных диссертаций по миграциологии до сих пор не была создана и проанализирована, и поэтому она сама по себе представляет значительный интерес. Тогда как в отношении систематизации научных монографий и статей по миграциологии этот пробел в 2013 г. восполнился хрестоматией «Миграция в России» [140, с. 26-110].

1.2.1. Методика анализа базы данных диссертационных исследований по миграционной тематике

Для анализа миграционных исследований автором была составлена база данных кандидатских и докторских диссертаций по миграционной тематике, представленная в Приложении 1.1. В качестве источника информации для нее использовалась электронная библиотека диссертаций и авторефератов [425]. Отбор диссертаций производился по следующим ключевым словам в названии диссертации: миграции, миграционный, мигранты, эмиграции, эмиграционный, эмигранты, иммиграция, иммиграционный, иммигранты, переселения, движение населения.

База данных содержит 58 наименований докторских и 418 кандидатских диссертаций по миграционной тематике. Помимо темы работы и автора, были проанализированы такие параметры, как предмет и объект исследования, места защит, регион исследований, методика и информационная база исследования.

Автор не может утверждать, что проанализированная база данных включает в себя 100% всех работ по миграционным исследованиям. Но сопоставление данного электронного ресурса по ряду лет с данными о защитах диссертационных работ на сайте Высшей аттестационной комиссии (ВАК) [414] показало высокую степень его репрезентативности. Можно утверждать, что за период с 2000 по 2013 г. в электронной библиотеке авторефератов и диссертаций представлено более 90% всех диссертационных работ по миграционной тематике, защищенных в постсоветской России. Помимо базы данных в качестве источника информации для анализа диссертаций использован электронный каталог Российской государственной библиотеки [435]. Среди аналоговых работ можно отметить публикацию

А.А. Агирречу [3] о структуре и динамике защит диссертаций по социально-экономической географии.

В качестве основного метода в данном параграфе использовался метод контент-анализа текстов авторефератов диссертаций по миграционной тематике.

1.2.2. Динамика и отраслевая структура защит диссертаций по миграционной тематике (1991-2013 гг.)

Об активизации миграционных исследований после 1991 г. свидетельствуют следующие цифры: по данным электронного каталога Российской государственной библиотеки в период с 1960 по 1990 гг. выполнено всего 20 кандидатских диссертаций, посвященных миграции населения, и ни одной докторской работы. В то же время, в период с 1991 по 2013 гг. в базе данных электронной библиотеки диссертаций насчитывается более 400 кандидатских и 50 докторских работ, связанных с миграционной тематикой.

Аннотированный библиографический указатель в хрестоматии по миграции содержит более 350 монографий, сборников и брошюр, в которых затрагиваются вопросы исследования миграции населения в период 2000-2012 гг. [140, 142]. В электронном информационном бюллетене «ДемоскопWeekly» за этот же период опубликовано 460 материалов по миграционной тематике [423].

С расширением тематики исследований изменяется объект и предмет миграционных исследований, они становятся все более междисциплинарными. В этом процессе можно отметить как положительные, так и отрицательные черты. Происходит изоляция не только отдельных научных направлений, которые изучают миграции населения, но обособление исследований в рамках одного направления. Этот процесс Хоссе Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» еще в 1930 г. называл «специализмом» в отношении естественных наук, что оказалось справедливым и для гуманитарных наук. Приведем его цитату: «Было бы крайне интересно, да и намного полезней, чем кажется, взглянуть на историю физики и биологии с точки зрения растущей специализации исследователей. Мы убедились бы, что люди науки, поколение за поколением, умещаются и замыкаются на все более тесном пространстве мысли. Но существенней другое: с каждым новым поколением, сужая поле деятельности, ученые теряют связь с остальной наукой, с целостным истолко-

ванием мира – единственным, что достойно называться наукой...» [168, с. 107]. Но, по нашему мнению, в случае с миграционными исследованиями в их междисциплинарном характере больше положительных черт.

Динамика защит. В период с 1991 по 2013 г. защищено более 400 кандидатских работ по миграционной тематике (в составленную базу данных вошло 418 работ) и 58 докторских диссертаций (рис. 1.1). Интерес к миграционной тематике неуклонно возрастал в течение 15 лет до 2009 г., после этого количество работ стало снижаться. В период с 1993 по 2000 г. в среднем защищалось 6-7 кандидатских работ ежегодно. В период с 2001 по 2010 г. среднее количество защит в год составило 26-27 кандидатских работ. Защиты докторских работ также подтверждают рост популярности миграционных исследований за рассматриваемый период: с 1993 по 2000 г. было защищено 8 докторских работ по миграционной тематике, а с 2001 по 2010 г. – более 40.

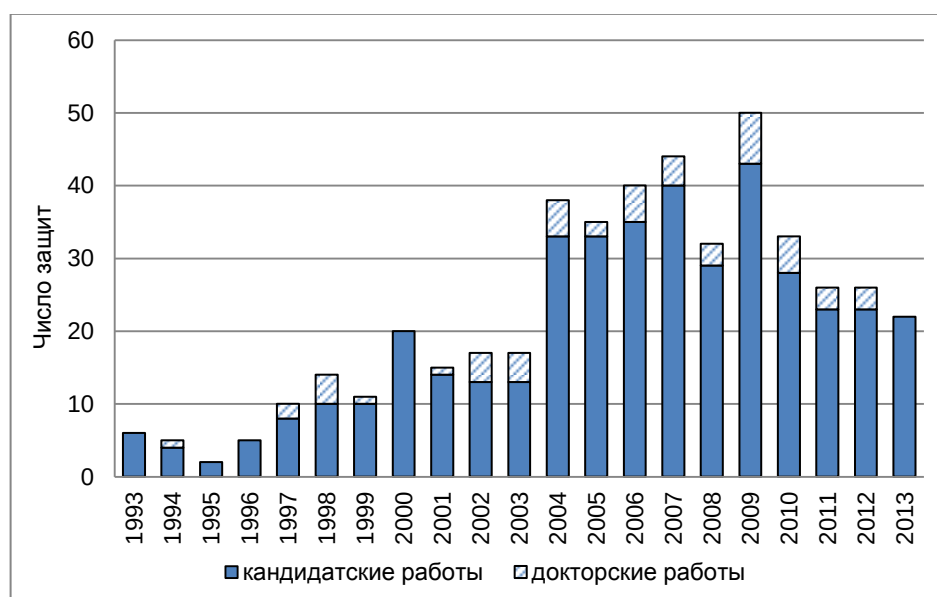

Рис. 1.1. Динамика защит кандидатских и докторских работ по миграциям населения в 1993-2013 гг. Составлено по базе данных автора (Приложение 1.1).

Снижение количества защит кандидатских диссертаций по миграционной тематике в 2011-2013 г. может быть вызвано как некоторым исчерпанием наиболее популярных тем в изучении миграции населения и заполнением научного вакуума в миграционных исследованиях, наблюдавшегося до 1991 г., так и организационно-техническим фактором (часть работ пока не попала в электронный каталог диссертаций, использовавшийся при создании базы данных). В любом случае автор пока избегает вывода о снижении научного интереса к миграциям населения.

Анализ отраслевой структуры показывает, что наиболее активно изучают миграции населения экономика и демография, социология, политические науки, история и этнография (рис. 1.2). По социально-экономической географии в рассматриваемый период было защищено 28 кандидатских и две докторских диссертации по миграционной тематике.

Такое распределение защит кандидатских и докторских диссертаций по отраслям наук, помимо сложившихся традиций изучения миграций населения в демографии и экономике, а также в социологии, этнографии и истории, вызвано бóльшим количеством диссертаций защищаемых в этих науках, по сравнению с социально-экономической географией и философией.

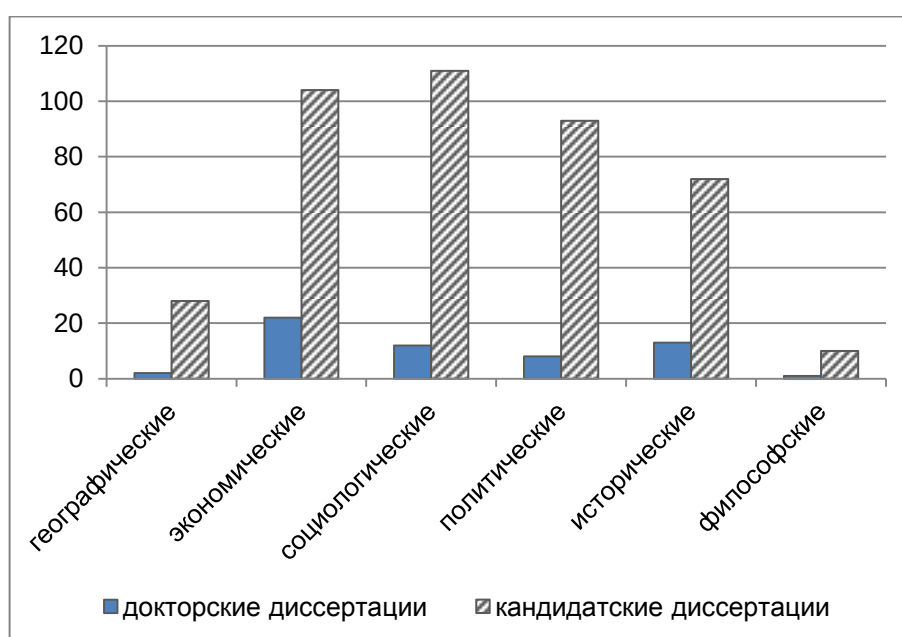

Рис. 1.2. Защита докторских и кандидатских диссертаций по миграционной тематике по наукам в 1991-2013 гг. Составлено по базе данных автора (Приложение 1.1).

Исходя из собственных наблюдений автора, а также, судя по публикациям на миграционную тематику, можно говорить о том, что социальные географы после 1991 г. в изучение миграций населения вносят меньший вклад, чем представители других гуманитарных дисциплин. Хотя многие наиболее значимые исследователи миграции получили географическое образование, и только потом их сфера деятельности сместилась в смежные дисциплины (например, В.И. Переведенцев, Ж.А. Зайончковская, Б.С. Хорев).

Подобное распределение скорее свидетельствует о междисциплинарном характере исследований миграции населения, которые сложно отнести лишь к одной

из отраслей научного знания, что далее будет показано на примере анализе предмета и объекта изучения миграции населения.

Места защит диссертаций по направлениям. Централизация российского пространства и ведущая роль Москвы по сравнению с другими регионами прослеживается и при анализе мест защиты диссертаций по рассматриваемой тематике: преобладающее количество работ – 46%, или 205 из 440 работ (где было указано место защиты) защищено в Москве (рис. 1.3).

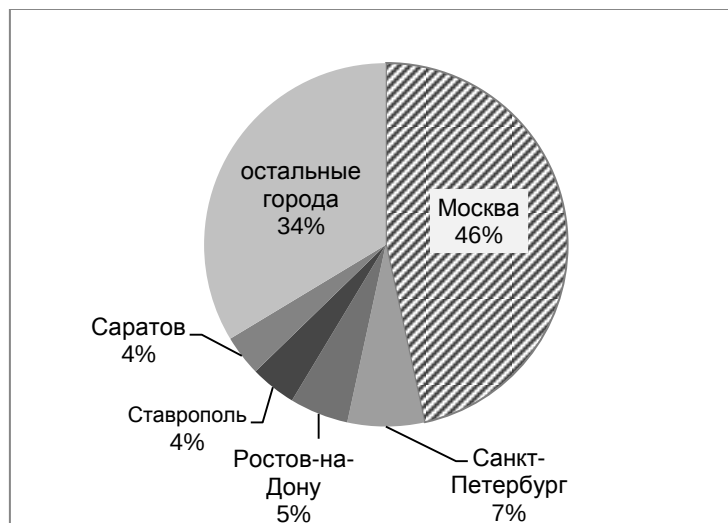

Рис. 1.3. Города защит докторских и кандидатских диссертаций по миграциям населения в 1993-2013 г. (всего 440 работ по миграционной тематике, где отмечено место защиты)¹. Составлено по базе данных автора (Приложение 1.1).

Среди научных организаций в Москве лидерами по количеству защит работ по миграционной тематике является Институт социально-политических исследований РАН, в котором с 1993 по 2013 г. защищено более 30 кандидатских и 6 докторских диссертаций. На втором месте по количеству защит работ по миграционной тематике находится МГУ им. М.В.Ломоносова (экономический, географический, социологический, исторический факультеты). Регулярно проходят защиты по миграционной тематике как в академических институтах (Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая, Институт географии РАН, Институт социологии РАН), так и в высших учебных заведениях (Российская академия государственной службы при Президенте РФ, Российский университет дружбы народов).

¹ Места защиты в базе данных указаны не для всех работ периода 1993-1999 г., поэтому количество работ, где указаны места защиты – 440 не совпадает с общим количеством работ, представленных в базе данных – 476.

В Санкт-Петербурге защищено более 30 кандидатских и докторских диссертации по миграционным исследованиям (7% от всех работ). Преимущественно они были защищены в Санкт-Петербургском государственном университете и в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена,

Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, являющимися общероссийскими научными центрами, Северный Кавказ оказался на третьем месте по числу защит работ, связанных с исследованием миграций населения за рассматриваемый период. Интерес к миграционной тематике в регионе, являющемся одним из центров этнических миграций, вполне понятен. В Ростове-на-Дону защищено 23 кандидатские и докторские работы (5% от всех работ), посвященные миграционным вопросам; 18 защит (4% от всех работ) приходится на Ставрополь и 9 работ – на Краснодар.

География защит остальных работ широка. Всего защиты на миграционную тематику, помимо указанных городов, проходили более чем в 45 городах, но в каждом городе – не более 9 работ за последние 20 лет.

Кандидатские работы географов на миграционную тематику, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, были защищены в Ставрополе, Воронеже, Иркутске, Смоленске, Уфе, Новосибирске. В этих центрах, несмотря на незначительное количество работ, защищенных по данной теме, уже сложились традиции исследования миграции географами.

Основными факторами, обуславливающими интерес к миграционной тематике и количество работ, защищенных по этому направлению в том или ином городе, помимо наличия диссертационного совета, являются: размер научного центра и количество исследовательских центров (например, Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск); актуальность миграций для региона (помимо столиц, это, например, регионы Северного Кавказа, Дальний Восток); наличие ученых, занимающихся данной тематикой (например, Иркутск, Саратов и т.д.).

1.2.3. Особенности изучения миграции населения в постсоветский период

Контент-анализ тем кандидатских и докторских диссертаций, а также определений объекта и предмета миграционных исследований, формулировки которых представлены в работах, говорит о том, что с одной стороны, миграции прочно заняли место в каждой из наук с учетом их специфики, с другой стороны, как при

изучении любого сложного социально-экономического явления, до сих пор не сформировалось единого для всех наук определения объекта миграционных исследований (табл. 1.3).

Таблица 1.3.

**Междисциплинарный характер изучения миграции населения
(в скобках указано количество формулировок в авторефератах)**

Науки	Объект	Предмет
географические	миграция или миграционные процессы в конкретном регионе (9), регион (5)	географические и региональные особенности миграционных процессов (4), миграционные процессы (4)
социологические	миграция как социальный процесс (46), мигранты и группы населения (28), социальная адаптация и социальная мобильность мигрантов (10+4), регулирование и управление миграционными процессами, миграционная политика (4+6)	интеграционные и адаптационные стратегии мигрантов в принимающем обществе, социальный статус мигрантов, социокультурные практики мигрантов, восприятие мигрантами принимающего общества (41+7), характеристика миграционного процесса (18), управление и регулирование процессов миграции, миграционная политика (18), социально-экономические последствия миграции (8), теоретические вопросы изучения миграции (4)
экономические	миграции как социальный и экономический процесс (48), население регионов и миграционные потоки, социальные группы, участвующие в миграции (33), рынок труда (10), миграционная политика (3), регионы (2)	миграция как комплексный и сложный социально-экономический процесс (32), влияние миграций на рынок труда и социально-экономические отношения (29), управление и регулирование миграционными потоками, миграционная политика (27), миграционное поведение население и социальные отношения в принимающем обществе (5), методы анализа миграций (2)
политические	миграционные процессы, как часть политического процесса, миграции (35), миграционная политика, управление и регулирование миграции (19+9), группы мигрантов, миграционные потоки (7+4)	различные аспекты регулирования и управления миграционным процессом, миграционная политика стран и регионов (58), влияние миграционных процессов на политические процессы, миграционный процесс (17)
исторические	население, группы мигрантов (24), миграционные процессы, переселенческие движения (13+4), миграционная политика (4), регион (1)	миграционные процессы, их влияние на социальные, экономические и политические процессы (15), адаптация мигрантов и социальные отношения и социальная мобильность мигрантов (12), миграционная политика, регулирование миграции в различные исторические периоды (11)

Составлено автором.

«Пересечение» тем работ в различных науках говорит о том, что пока миграционные исследования, хотя формально и относятся к различным наукам, часто находятся в едином исследовательском поле. В различных дисциплинах используются сходные методы и источники информации. Это объясняется и относительно непродолжительным периодом изучения миграций в постсоветский период и самим характером миграционного процесса, который затрагивает практически все стороны жизни общества, и спецификой развития самой науки. Но это же и подводит к выводу, что миграции населения необходимо изучать с учетом междисциплинарных подходов и методов.

Наиболее рельефно исследовательские подходы и междисциплинарные особенности миграционных исследований проявляются при рассмотрении формулировок объекта и предмета исследований в авторефератах, а также при выявлении наиболее типичных для того или иного направления тем диссертационных исследований.

Как видно из приведенных таблиц, для географических наук характерно наиболее однозначное понимание объекта миграционных исследований.

В преобладающем количестве географических работ предметом миграционных исследований становится миграционный процесс на конкретной территории. В качестве же объекта исследований выбирается какой-либо регион, что логично для географического подхода к исследованию миграций.

Акцент на территории и территориальных общностях населения в изучении миграций населения позволяет социальной географии сформулировать собственный объект и предмет исследования, отличающиеся от других наук.

Объект миграционных исследований в социальной географии в общем виде может быть сформулирован так – миграционный процесс, как сложное социально-пространственное явление, распространяющееся на территориях выхода и приема мигрантов, имеющее определенные закономерности и стадии развития, различающиеся в разных странах и на разных этапах развития общества.

Предмет миграционных исследований в социальной географии – социально-территориальные аспекты хода миграционного процесса.

Наиболее близкие к социальной географии подходы к исследованию миграции населения сложились в экономике, демографии, социологии, этнографии. Для них характерно использование общей теоретической базы, методологических подходов и методов исследования.

В отличие от социальной географии, социология в качестве объекта миграционных исследований чаще всего рассматривает миграцию как социальный процесс, а экономика – как экономический процесс. Демографические исследования обращают внимание на демографические аспекты миграционного процесса. В социологии также в качестве объекта исследования выступают мигранты или процессы адаптации мигрантов в принимающем обществе, а в экономике в качестве объекта исследования выступает рынок труда. В политических науках объектом исследова-

ния становится чаще всего миграция как часть политического процесса или миграционная политика. В истории и этнографии объектом исследования выступают различные социальные группы. Эти науки в отличие от социальной географии чаще всего рассматривают отдельные аспекты миграционного процесса.

Предметом исследования в социологии в значительной части диссертационных исследований становятся различные аспекты социальной адаптации мигрантов или в более широком смысле – социальные последствия миграций и их влияния на принимающее общество, а также различные аспекты управления и регулирования миграционных процессов.

В экономике предметом исследования выступают социально-экономические отношения, возникающие в ходе миграции или влияние миграционных процессов на рынок труда.

В демографии предметом исследования выступает характеристика миграционного процесса или влияние миграции на структурные характеристики населения.

В политических науках в качестве предмета исследования рассматриваются различные аспекты регулирования миграционных процессов и последствия миграций.

В истории и этнографии предметом миграционных исследований являются миграционные процессы, как комплексное сложное социальное явление.

Объект и предмет изучения миграции населения в социальной и экономической географии, накопленный исследовательский опыт, методологические и методические наработки позволяют социальной географии занять собственное место среди остальных социальных наук, изучающих миграции населения.

Есть ряд тем, которые характерны только для одной из каждой рассмотренных наук. Для географии это вопросы расселения мигрантов в принимающем регионе или стране; для социологии – это гендерные аспекты миграционного процесса, а также вопросы толерантности и мигрантофобии в обществе; для экономики – работы, посвященные особенностям статистического учета мигрантов; для политологии – сфера вопросов миграции и безопасности; для истории – тематика переселенческого движения в Сибирь в XIX в. (табл. 1.4).

Вопреки начальным ожиданиям автора, в ходе работы над данной темой не было выявлено существенного изменения тем диссертаций в 2000-х гг., по сравне-

нию с началом 1990-х гг. Набор тем достаточно традиционен и существенным образом за 20 лет не изменился. Заметным является увеличение интереса к миграционным процессам адаптации мигрантов в зарубежных странах, прежде всего – в странах Западной Европы и США. Это вызвано расширением исследовательских возможностей (многие работы написаны по итогам исследований авторов в этих странах), расширением возможностей получения информации о зарубежных странах в России, а также более активным использованием авторами работ на иностранных языках.

Таблица 1.4.

Наиболее популярные темы исследований в кандидатских и докторских диссертациях, защищенных в 1993-2013 гг.*

Географические науки			миграционная характеристика стран и регионов	регулирование и управление миграциями	вынужденные миграции	трудо-вые миграции, миграции и рынок труда	расселение мигрантов в принимающем обществе	адаптация мигрантов	этнические миграции	теория миграционного процесса
Социологические науки	гендерные аспекты миграции	толерантность и миграции								
Экономические науки (в том числе демография)	статистический учет мигрантов									
Политические науки	миграции, государство и политический процесс, безопасность									
Исторические науки	переселения в Сибирь	эмиграция из России								
Философские науки	миграции и глобализация									

* серым фоном выделены темы, характерные только для одного из научных направлений

Составлено автором.

Рост числа диссертаций на ту или иную тематику наблюдается во времена активизации миграционных процессов. Так, начало и середина 1990-х гг. выделяется значительным количеством работ, посвященных вынужденным мигрантам в Россию из постсоветских стран. Начало 2000-х гг. стало периодом повышенного интереса к трудовым мигрантам из стран СНГ в Россию. В то же время работ, посвященных особенностям внутрироссийской миграции, относительно немного.

1.2.4. Современные центры изучения миграции населения в России

К классическим, уже сформировавшим определенные научные подходы центрам, которые специализируются на исследовании миграций более 40 лет можно отнести географический факультет МГУ, экономический факультет МГУ, Институт географии РАН (табл. 1.5).

Для школы географического факультета МГУ характерен региональный подход к исследованиям миграций, с использованием статистического, картографического и описательного методов. Одними из основателей данного направления стали С.А. Ковалев и Н.Я. Ковальская. В настоящее время исследование миграций населения является одним из многочисленных направлений социально-экономических исследований географического факультета.

К географическим школам, использующим сходные подходы к исследованию миграций населения, можно отнести Институт географии РАН, сотрудники которого активно изучают вопросы расселения этнических мигрантов в Москве, принудительные депортации населения в СССР, современную миграционную ситуацию в регионах России [182, 189].

Среди региональных географических центров, уделяющих внимание исследованию миграций населения, выделяются:

- Ставропольский государственный университет (работы В.С. Белозерова, Н.А. Щитовой и др.). Эти авторы специализируются на исследовании этнических миграций на Северном Кавказе;
- Тверской государственный университет (работы Л.П. Богдановой, А.С. Щукиной), касающиеся адаптации этнических мигрантов в Твери;
- Смоленский гуманитарный университет, проводящий международные летние школы по миграции населения (А.П. Катровский).

Миграции являются одним из основных направлений деятельности кафедры народонаселения и Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. Эти центры были созданы под руководством Д.И. Валентя, длительное время здесь работал Б.С. Хорев – выпускник географического факультета МГУ. В настоящее время в Центре проводятся исследования миграции с использованием экономического и статистического подходов, регулярно проводятся «Ва-

лентеевские чтения», выпускается научная серия: «Международная миграция населения: Россия и современный мир» [143].

Таблица 1.5.

Ведущие центры исследований миграции населения в России²

Исследовательский центр	Исследователи	Основная тематика работ	Подход и уровень исследования	Методы исследования	Регионы исследования
Москва					
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	Витковская Г.С., Зайончковская Ж.А., Флоринская Ю.Ф. и др.	культурно-исторический аспект миграции, ее роль в развитии России, трудовые миграции, социальные аспекты миграций	экономический, философский, макроуровень	экспертный подход, статистический анализ, социологический анализ	Россия, СНГ, мир
Центр миграционных исследований (ЦМИ)	Зайончковская Ж.А., Полетаев Д.В., Флоринская Ю.Ф. и др.	внутренние миграции, миграционная политика, права мигрантов, трудовые миграции, методы и методология миграционных исследований	междисциплинарный подход (региональный, экономический), макро-, мезоуровень	статистический анализ, массовые опросы, экспертные интервью, интервью с мигрантами	Россия, СНГ, Москва
Институт демографии НИУ «Высшая Школа Экономики»	Вишневский А.Г., Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б., Денисенко М.Б., Щербакова Е.М. и др.	внутренние миграции в России, миграционная политика, правовое положение мигрантов, трудовые миграции	междисциплинарный подход (региональный, экономический), макроуровень,	статистический анализ, экспертный подход, региональный анализ	Россия, мир
Институт управления социальными процессами, центр миграционной политики НИУ «Высшая Школа Экономики»	Чудиновских О.С.	учет мигрантов, миграционная политика	экономический, макро-, мезоуровень	статистический анализ	Россия
Кафедра народонаселения; центр по изучению проблем народонаселения Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова	Ионцев В.А., Ивахнюк И.В., Чудиновских О.С., Моисеенко В.М., Ионцева С.В.	теория и методы миграции, внутренние миграции, миграционная политика, учет миграции, миграционная статистика	экономический, демографический, региональный макроуровень	статистический анализ, массовые опросы, анализ документов, экспертный подход	Россия, Западная Европа, мир
Институт социально-политических исследований РАН	Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. и др.	внутренние миграции, методология миграций, миграции и демография, рынок труда и миграции, миграционная политика	экономический, региональный, макро-, мезоуровень	статистический анализ, опросы населения	Россия, Москва, Европа, мир
Географический факультет МГУ	Алексеев А.И., Зубаревич Н.В., Замятина Н.Ю., Савоскул М.С.	возвратные миграции населения, адаптация мигрантов	региональный, макро-, мезоуровень	статистический анализ, экспертные интервью, массовые опросы, глубинные интервью, полевые наблюдения	Россия, Германия, мир
Институт географии РАН	Колосов В.А., Вендина О.И., Полян П.М., Нефедова Т.Г.	принудительные миграции, мигранты из России в Германии, идентичность и миграции, этнические мигранты в Москве	региональный, социологический макро-, мезоуровень	статистический анализ, массовые опросы, полевые наблюдения, экспертные интервью	Россия, Москва, Украина, Германия
Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая	Тишков В.А., Шнирельман В.А., Брусина О.И., Зотова Н.А., Капустина Е.Л. (С-Петербург)	история миграций, этнические миграции, трудовые миграции, ксенофобия, отношение принимающего общества к мигрантам, адаптация мигрантов, миграционная политика	этнографический социологический культурологический, мезо-уровень, микро-уровень	массовые опросы, экспертные интервью, глубинные интервью, полевые наблюдения	Россия, Москва, Средняя Азия, Северный Кавказ, СНГ

² Данные о местах работы исследователей приведены по информации официальных сайтов, упомянутых организаций. Дата обращения 11.02.2015 (Приложение 1.2).

Исследовательский центр	Исследователи	Основная тематика работ	Подход и уровень исследования	Методы исследования	Регионы исследования
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	Римашевская Н.М. Красинец Е.С.	миграционная политика России, социально-экономические и демографические аспекты миграции, рынок труда и миграции, миграции в сельской местности	экономический, демографический социологический макро-, мезоуровень	статистический анализ, массовые опросы, экспертные интервью, интервью с мигрантами	Россия, СНГ
Институт социологии РАН	Мукомель В.И. Паин Э. А. Дробижина Л.М. Дмитриев А.В.	миграционная политика, проблемы ксенофобии, депортации, социальные трансформации и миграции, внутренние миграции, демография и миграции	Культурологический, политологический, макроуровень	экспертный подход, статистический анализ, анализ СМИ	Россия, СНГ, Москва
Российский государственный социальный университет	Юдина Т.Н.	теории миграции населения	социологический экономический	статистический анализ, экспертный подход	Россия
Бюро международной организации по миграциям (МОМ) в Москве	эксперты из других центров	миграционная политика, нелегальная миграция, права человека	макро-, мезо-, микроуровень	статистический анализ, экспертные оценки, экспертные опросы, массовые опросы, интервью с мигрантами	Россия, СНГ
Международное бюро труда (МОТ) в Москве	эксперты из других центров	нерегулируемая миграция, нелегальная миграция,	микро-, мезоуровень	экспертные оценки, опросы экспертов, интервью с мигрантами	Россия, СНГ
Санкт-Петербург					
Центр независимых социологических исследований	Воронков В. Ткач О. Бредникова О. Паченков О.	этническая миграция, гендерные аспекты, миграции трудовая миграция, мигранты и принимающее сообщество	социологический микро-мезоуровень	качественные методы, анализ документов	Россия, СНГ, Европа
Европейский университет в Санкт-Петербурге	Абашин С.Н.	антропология миграций, этническая миграция, трансграничные сообщества	этнографический социологический макро-, мезо-микроуровень	качественные методы интервью анализ документов	Россия, страны Средней Азии
Социологический факультет СПбГУ	Мирзоева Г.О. Рехтина Л.С.	этнические миграции, адаптация мигрантов, мигранты и город	этнографический социологический мезо-, микроуровень	качественные методы интервью анализ документов	Санкт-Петербург, Россия, Европа, Германия
Институт наук о Земле СПбГУ	Каледин Н.В.	региональный анализ миграционных процессов	социологический демографический макро-, мезоуровень	статистический метод массовые опросы	Россия, Европа

Составлено автором.

Среди научных центров, изучающих современные этнические миграции населения, выделяется Институт этнологии и антропологии РАН, специализирующийся на исследовании процессов этнической миграции, адаптации мигрантов в принимающем обществе, миграции русскоязычного населения из стран СНГ в Россию, а также ксенофобии и отношения принимающего общества к мигрантам. Спецификой института является активное применение сотрудниками полевых, качественных методов исследования и проведения исследований на микроуровне, с одной стороны, и широкий историко-философский подход к исследованию историче-

ской роли миграций в России, с другой [122, 169]. На исследовании иностранных трудовых мигрантов в Москве специализируется И.А. Субботина, на изучении мигрантов из Средней Азии – О.И. Брусина и др.

К традиционным центрам, специализирующимся на исследовании миграций, уже не одно десятилетие относится институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, его сотрудники Г.С. Витковская, Ж.А. Зайончковская являются специалистами международного уровня, специализирующимися на широком круге миграционных проблем от методологии до миграционной политики. Традиционным для этого центра является междисциплинарный подход к исследованиям (политологический, региональный, экономический) [92, 139, 142].

Продолжает традиции Новосибирской экономической и социологической школы Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. Ведущими специалистами в области исследования миграций и рынка труда является Н.М. Римашевская и др. Институт регулярно выпускает монографии и научные сборники, посвященные анализу социально-демографической ситуации в России.

Институт социологии РАН являлся местом работы таких широко известных специалистов в области миграции как В.И. Мукомель, Э.А. Паин, специализирующихся на миграционной политике России, стратегическом развитии, социальном и миграционном развитии регионов России.

Одним из направлений деятельности Института социально-политических исследований является изучение миграций населения, в частности миграционной ситуации в российских регионах, а также трудовых мигрантов. Ведущими специалистами в этой области являются Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев.

Среди ведущих центров, образованных в постсоветский период и специализирующихся на исследовании миграций, в первую очередь выделяется Центр миграционных исследований (ЦМИ). Этот научный коллектив по изучению миграций населения организован сотрудниками Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИПН РАН) – Ж.А. Зайончковской и сотрудниками института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН). Центр в сотрудничестве с экспертами из различных академических институтов и независимых фондов проводит большую научную работу, организует научные конференции и учебные семинары, выпускает научные сборники и монографии. Особенностью

деятельности ЦМИ является междисциплинарный подход и широкое использование различных методов исследования.

Одним из наиболее значимых центров по миграционной тематике является Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в котором заняты экономисты, социологи, географы, демографы. В составе ВШЭ Институт образован в 2007 г., но сам исследовательский коллектив уже работает почти 20 лет и обладает существенными наработками в области миграционных исследований.

В марте 2012 г. на базе НИУ «ВШЭ» в Институте управления социальными процессами создан Центр миграционной политики, директором которого является О.С. Чудиновских.

В России на миграционных исследованиях в области соблюдения прав человека акцентируют внимание представительства Международной организации по миграциям и Международной организации труда, также различные независимые фонды, такие как Центр Карнеги. Среди деятельности международных организаций выделяется деятельность института «Открытое общество», в частности публикации И.Н. Молодиковой [139].

Точечные миграционные исследования проводят российские социологические организации, такие как Всероссийский центр изучения общественного мнения, Левада-центр, Фонд «Общественное мнение». Данные центры не специализируются на миграционных исследованиях, но периодически проводят массовые опросы населения, посвященные миграционной политике, адаптации мигрантов в российском обществе, мигрантофобии и т.д.

Среди исследовательских центров, возникших после 1991 г., один из значимых – Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ) в Санкт-Петербурге. Особенностью центра является то, что в отличие от других организаций, возникших в России после распада СССР в сфере социальных исследований, ЦНСИ ориентирован на проведение академических актуальных социальных исследований, а не на обслуживание коммерческих заказов и массовых опросов населения [409]. От академических институтов и от университетов ЦНСИ отличается тем, что исследования центра опираются преимущественно на качественную социологическую методологию. Центр активно работает над развитием качественных ме-

тодов исследования, в том числе и исследования миграции. Миграции, этничность и национализм являются одним из профильных направлений деятельности ЦНСИ. Это делает центр во многом уникальным научным сообществом в России, которое по исследовательским традициям ближе к западно-европейским и американским в области миграциологии.

На современном этапе Центр расширяет миграционные интересы, проводя исследования различных типов миграции. В 2012 г. на базе Центра образована междисциплинарная группа для совместной работы в сфере исследования миграционных процессов в России и других странах, в которую входят уже состоявшиеся и молодые ученые.

Кроме ЦНСИ миграционные исследования в Санкт-Петербурге проводятся в Европейском университете, в Санкт-Петербургском государственном университете, но в этих центрах пока не сформировались крупные коллективы, специализирующиеся исключительно на миграционной тематике.

Среди значимых региональных центров, помимо указанных выше географических организаций, можно отметить Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском государственном университете, где под руководством В.И. Дятлова осуществляются проекты в области изучения трансграничных связей между Россией и Китаем.

В ходе работы выделен ряд центров, которые в той или иной степени ориентированы на участие в миграционных исследованиях. Часть этих центров сформировалась в советский период, часть возникла уже в постсоветской России, также часть центров является независимыми неправительственными организациями, часть представлена зарубежными фондами. Для одних исследовательских центров миграция – профилирующая тематика работ, для других – одно из направлений исследования.

Организационное разнообразие исследовательских центров является тенденцией постсоветского периода. Особенностью недавнего времени стало усиление прикладной части исследований и их отрыв от теоретической составляющей, что во многом определяется общественной необходимостью. Несмотря на существование различных научных центров, исследующих миграционную проблематику, основной вклад в развитие этого направления вносят не центры, а сплоченная группа

отдельных ученых, так называемое «миграционное» сообщество. Некоторые ученые работают одновременно в нескольких исследовательских центрах.

Миграции населения остаются процессом, изучаемым сразу несколькими научными дисциплинами: экономикой, социологией, демографией, политологией, историей, этнографией и географией. Наиболее широкий спектр диссертационных исследований характерен для экономики, социологии, политических и исторических наук. Географическим наукам принадлежит более скромное место в изучении миграции населения. Общим для всех рассмотренных направлений является понимание объекта миграционных исследований, различия проявляются в представлениях о предмете миграционных исследований в каждой из научных дисциплин, а также в ряде тем исследований. В целом, можно говорить о том, что в России за время активизации миграционных исследований сложился свой собственный подход к изучению миграций населения.

Особенностью современных исследований миграций населения является незначительное количество работ по теории миграционных процессов. Редко встречаются диссертационные исследования, в которых объединены теоретические работы и эмпирические исследования.

До сих пор качественные (нестатистические) методы не получили широкого распространения в диссертационных работах: среди всех рассмотренных работ, всего четыре написаны исключительно с использованием нестатистических методов исследования.

Анализ мест защиты диссертаций, показывает, что кроме Института социально-политических исследований РАН, а также экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в России нет других междисциплинарных центров исследования миграции населения. По количеству защищенных работ наиболее значимым центром является Институт социально-политических исследований РАН, но защищенные в нем работы достаточно узко специализированы.

В перспективе в миграционных исследованиях необходимо более широко использовать интегрирующие стратегии исследования, сочетающие как количественные методы, так и качественные нестатистические методы. Для географии и

остальных наук важно расширение теоретического поля исследований, желательно адаптировать уже накопленный опыт изучения миграции в западных странах, где есть специализированные центры исследования миграций населения.

1.3. Изучение миграции населения в Германии

В настоящее время изучение миграций населения в Германии привлекает внимание представителей практически всех социальных наук: социологии, географии, истории, лингвистики, политических наук, экономики, юридических наук, психологии и социальной антропологии. Период такого широкого интереса к миграциям населения (особенно к международным миграциям) пришелся на 1980-1990-е гг.

До этого миграционные исследования в Германии можно было отнести к более узкому прикладному направлению в рамках изучения вопросов, касающихся развития политической системы Германии, становления экономики после Второй мировой войны, развития систем образования, здравоохранения и социальной работы.

По мнению одного из ведущих современных исследователей миграции населения в Германии М. Боммеса (М. Bommes), отличительной чертой миграционных исследований в Германии в послевоенный период является их прикладная направленность, ответ на «социальный запрос» общества. Он полагает, что изучение мигрантов в Германии не сформировало какого-либо широкого теоретического направления, которое было бы широко принято в социальных науках, подобно тому, как это произошло в Чикаго начала XX в. [286]. Основу Чикагской школы социологии составили результаты изучения мигрантов, в частности уже ставшая классическим трудом по социологии работа Томаса и Знанецкого, посвященная адаптации польских крестьян, мигрировавших в США в начале XX в.

Для миграционных исследований Германии характерна, с одной стороны, значительная связь между иммиграционными процессами и ходом политических, экономических и социальных процессов в стране, с другой – многие исследователи отмечают значимое влияние социальных наук и результатов изучения международной миграции в страну на ход процесса социальной интеграции. Боммес в своей

работе, посвященной обзору особенностей изучения миграции в Германии во второй половине XX в. отмечает значимую связь миграционных исследований с историческим контекстом изучения миграции, а также с теоретическими и методическими подходами к изучению миграции в Германии.

Немецкий ученый отмечает опасность попадания в методологическую ловушку. Исследователь, наблюдающий социальные процессы, вызванные миграционными перемещениями, не находится за пределами исследуемого социального контекста, а является «продуктом» этих процессов. Иными словами, когда мы изучаем влияние миграции на общество, мы сами являемся частью этого общества и находимся внутри социального контекста, возникшего в том числе и из-за существующих миграций. Сложно абстрагироваться от этого и рассматривать объективно со стороны роль миграции и ее влияние на общество [286, р. 128].

Автор данной работы надеется, что чуть бóльшую отстраненность, а, следовательно, и чуть бóльшую объективность в ходе рассмотрения особенностей изучения миграционных процессов в Германии внесет ее статус иностранного ученого по отношению к Германии, хотя это в свою очередь накладывает определенные ограничения на понимание контекста многих исследований.

В данном разделе работы не рассматриваются исследования, посвященные изучению миграции населения в ГДР, так как эту тему во многом можно рассматривать в контексте традиций именно советских исследований.

Немецкая исследовательская традиция не относит к миграционным исследованиям изучение внутренних миграционных движений населения. Внутренние миграции рассматриваются в контексте демографического развития страны и чаще проводятся демографами и географами. Под миграционными исследованиями (Migrationforschung) понимаются международные миграции, меняющие структурные характеристики общества и имеющие значимые политические, экономические и социальные последствия. В данном разделе автор также придерживается этой традиции и рассматривает в первую очередь тематику и контекст исследований, посвященных иммиграционным процессам в ФРГ.

Историю миграционных исследований в Германии после 1945 г. можно разделить на три этапа, тесно взаимосвязанных с миграционными процессами в стране. Первый этап (1945 – конец 1950-х гг.) - возвращение этнических немцев и

беженцев в Германию после 1945 г. на земли, которые после 1949 г. стали территорией ФРГ. Второй этап (начало 1970-х – 1980-е гг.) – время активной иммиграции в Германию трудовых мигрантов и членов их семей. Третий этап (с 1991 г. – настоящее время) – тесным образом связан с изменением миграционной ситуации в Западной Европе после распада социалистической системы в странах Восточной Европы и распадом СССР.

Исследовательская традиция первого этапа, который продолжился до конца 1950-х гг., ни тематически, ни методологически и методически практически не связана с исследованиями второго этапа. То есть того времени (с начала 1970-х гг.), когда страна стала принимать значительное количество трудовых мигрантов, так называемых гастарбайтеров и членов их семей. Это направление получило название – изучение иностранцев (Ausländerforschung) и с этого момента стало развиваться как комплексное обобщенное научное направление миграции населения. Это же направление на втором этапе развития обеспечило базу для более глубокого и детального изучения международной миграции с конца 1980-х гг., когда международная миграция стала рассматриваться как внутренний структурный элемент современного общества.

Этапы изучения миграции в Германии рассмотрены по следующей схеме:

- общее направления развития и тематика миграционных исследований в этот период в контексте исторического развития Германии и национальных идей Германии;
- основные теоретические положения и методы исследования;
- институционализация миграционных исследований и основные центры изучения миграций в каждый из периодов.

1.3.1. Миграционные исследования в 1950-1960-х гг.

В этот период бóльшая часть исследований миграции проводилась в политическом и прикладном контексте и была связана с изучением беженцев и этнических немцев, возвращавшихся в Германию, поэтому исследования были ориентированы на политическую и практическую применимость, что отражало насущные задачи общества на том этапе развития. Значительная часть исследований была инициирована в связи с опасениями политической и социальной активности со стороны им-

мигрантов, оказавшихся в сложных жизненных условиях в Германии в послевоенный период. Иммигранты испытывали сложности с трудоустройством, с поиском качественного жилья, продовольственной безопасностью, нехваткой вещей первой необходимости.

В обществе ожидали, что эти сложности могут вызвать конкуренцию на рынке труда и привести к социальным конфликтам из-за возникающей нагрузки на социальную инфраструктуру страны в связи с последствиями Второй мировой войны. Существовали опасения, что будет происходить размывание типичного для Германии образа жизни из-за внедрения в жизнь общества новых образцов социального поведения, которые приносили в Германию группы мигрантов. Этому вопросу посвящены исследования и публикации К. Мюллера (K. Müller) [361].

Для компенсации сложностей, возникающих в связи с ростом числа мигрантов в стране, была предложена идея интеграционной политики, которая предполагала разделение местных жителей и иммигрантов. Индикатором неудачи подобной политики в отношении мигрантов стала политическая мобилизация беженцев и этнических немцев, возникновение различных политических объединений среди иммигрантов. В порядке предотвращения подобных тенденций в среде мигрантов и беженцев, Американской и Британской администрациями была предложена программа социальной интеграции в Западной зоне разделенной Германии, продолженная после образования ФРГ в 1949 г. Цель программы состояла в облегчении социальной напряженности на рынке труда и в жилищной сфере.

Х. Рогге (H. Rogge) пишет, что интеграционная политика была выдвинута под лозунгом общей национальной идеи, основанной на необходимости нести общее бремя страны и распределить все лишения на всех немцев [377]. Изучение мигрантов и беженцев происходило с позиции проблем их интеграции в общество. Значительная часть исследований получала политическую и финансовую поддержку Федерального министерства переселенцев, беженцев и жертв войны (Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsgechädigte). Министерством была издана 3-томная монография [298, s. 8-37], которая представляла картину состояния интеграции беженцев и переселенцев и проблем, связанных с интеграцией.

Значительное количество исследований беженцев и переселенцев связано с изучением степени их интеграции на рынке труда, с особенностями регионального

распределения, их внутренними перемещениями, спецификой структуры и эффектов программы «несения общего бремени», политической, культурной и языковой интеграции, жилищным проблемам, религиозным трансформациям среди беженцев и переселенцев и их социальным организациям [362].

Многие из этих исследований проводились «исследовательской группой интеграции», образованной в 1954 г. по инициативе Федерального министерства переселенцев, беженцев и жертв войны. В группу входили исследователи различных направлений: юристы, социологи, географы, экономисты, лингвисты и культурологи. Основной задачей исследовательской группы было обеспечение комплексного всестороннего изучения миграционной ситуации и разработка рекомендаций для реализации в дальнейшем программы интеграции переселенцев и беженцев в германское общество. Одним из выводов исследований группы стало заключение, что интеграция данной миграционной когорты оказалась менее проблематичной, чем предполагалось, и была обеспечена в достаточно короткий период после окончания войны [286, p. 129].

Исследования миграции в Германии на данном этапе не велись в рамках определенной теоретической концепции. Термин «интеграция» использовался в различных значениях и контекстах. Его понимание менялось в зависимости от политического контекста, ситуации на рынке труда и системы взглядов и мировоззрения исследователей.

В. Аккерманн (V. Ackermann) [267] пишет, что в 1959 г. исследователи министерства предложили новую теорию интеграции и инкорпорации, которая описывала три стадии интеграции иммигрантов: на первом этапе мигранты должны были найти работу и жилье, на втором этапе необходим был социальный успех и рост безопасности. Оба эти условия рассматривались как необходимые и предшествовавшие третьей стадии – культурной интеграции, предполагавшей трансформацию культурной идентичности мигрантов.

В исследованиях миграции населения различают два основных очень близких теоретических подхода к пониманию «интеграции» как научного термина: «структурный подход» (structural approach) и подход, который можно назвать «национальное сообщество» (national community approach). В рамках этих подходов социальная интеграция интерпретируется как участие иммигрантов в националь-

ной экономике, в распространении на мигрантов прав на собственность и участие в культурной жизни принимающего сообщества, в том числе и разделение ценностей принимающего общества [362].

В 1950-е гг. структурные трансформации на рынке труда привели к решению проблем занятости для многих беженцев и переселенцев, что стабилизировало к концу десятилетия ситуацию с их социальным статусом. Несмотря на существовавшие ранее общественные опасения возможных социальных конфликтов, переселенцы и беженцы интегрировались в общество, без больших сложностей.

В работах М. Бома (M. Boehm) и А. Каразек-Лангера (A. Karasek-Langer) отмечается, что политические рамки этих структурных изменений в экономике создавала новая послевоенная национальная идея Германии, которая была сформулирована как «национальное сообщество общей судьбы (рока)» (*nationale Schicksalsgemeinschaft*) [283, 341]. Идея национального государства концептуализировалась в этнокультурных терминах, то есть предполагалось, что социальные права, система социального обеспечения предоставлялись только гражданам страны. Основные риски, исходящие от иммигрантов, о чем говорится в исследованиях первого этапа, состояли в том, что их появление воспринималось как начало трансформационных изменений в обществе. И в этом контексте идея общей судьбы, как базиса для формирования новой национальной идеи Германии, рассматривалась, как возможность решения вопросов интеграции иммигрантов в принимающее сообщество.

В случае успеха процесса государственного строительства «этническое размытие» рассматривалось как появление новой общности на основе переселенцев, восточных немцев и местных немцев. Речь шла о создании новой нации, что было характерно и для национальной идеи СССР – создание советского народа.

Государство виделось посредником между индивидуальными стратегиями мигрантов и общественными интересами. Исследования переселенцев, беженцев и этнических немцев концентрировались на изучении экономического, социального, культурного и политического расширения их участия в процессе государственного строительства, что рассматривалось как центральная идея ограничения социальных конфликтов и разногласий в обществе.

Вопросы интеграции и вхождения мигрантов в общество рассматривались с позиции полного принятия мигрантами правил и установок принимающего обще-

ства. Обязательным условием вхождения мигрантов в общество было то, что они становились участниками государственного строительства и полноправными гражданами принимающей их страны. Подход получил название «методологического национализма» и часто критикуется в современных публикациях, хотя этот подход возник в социальных науках достаточно давно [392, 393].

К. Баде (K. Bade) и другие исследователи пишут о том, что в 1960-е гг. исследования миграции в Германии не носили регулярный и многочисленный характер, были лишь единичные публикации [276].

В 1980-х гг. появились многочисленные работы, которые можно назвать социально-историческими, посвященные послевоенным иммиграциям и интеграции иммигрантов в немецкое общество. Цель исследований состояла в систематизации послевоенной иммиграции в Германию и в изучении хода процесса превращения Германии из страны эмиграции в страну иммиграции [274, 275, 276].

Ситуация в миграционных исследованиях Германии изменилась кардинальным образом в 1987 г., когда начался новый процесс массовой иммиграции этнических немцев из Восточной Европы после распада социалистической системы. Это вызвало новую волну интереса к миграционным исследованиям во всех социальных науках. Исследования начались в то время, когда Германия уже практически 30 лет была страной, принимающей мигрантов. Они оформились в научное направление, получившее название «изучение иностранцев» (Ausländerforschung), о котором более подробно рассказано ниже.

1.3.2. Изучение трудовых миграций в 1970-1980-е гг.

В 1960-1970-х гг. в связи с развитием в Германии идеи социальной рыночной экономики (social market economy) начинают меняться акценты изучения иммиграционных процессов. Многие исследования проводятся в рамках развития концепции социального государства (welfare state) [237]. Разрыв поколений между исследователями отчетливо прослеживается при сравнительном анализе тематики работ по миграциям в 1950–1960-х гг. и последующим периодом 1970–1980 гг.

Исследования трудовой миграции появляются в начале 1970-х гг. и достигают пика к концу 1970 – началу 1980-х гг. Они проводятся уже новым поколением исследователей, таких как Х-Дж. Гоффманн-Новотный (H.-J. Hoffmann-Nowotny),

Х. Эссер (H. Esser) и др. Исследования осуществляются в контексте культурных и политических настроений, последовавших за событиями 1968 г. Одним из существенных факторов содержательного и количественного изменения миграционных исследований было то, что в этот исторический период в стране происходила реформа системы образования, выражавшаяся в том числе в росте числа университетов и особенного внимания к социальным наукам. На 1960–1970-е гг. приходится бурное развитие социологии Германии как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении.

Под влиянием новых идей, технологий исследования и модернизации социальных наук исследования миграции населения получили совершенно иной акцент по сравнению с предыдущими работами немецких исследователей. Хотя в методологическом отношении, по мнению М. Боммеса, нельзя говорить про кардинальные изменения. Государство продолжало рассматриваться учеными как структура, определяющая рамочные условия для изучения иммиграционных процессов, исследования проводились с точки зрения государственных задач [286, р. 134].

Миграционные исследования этого периода «выросли» из направления, которое именовалось «исследование гастарбайтеров» (*Gastarbeiterforschung*), и вскоре после своего возникновения в научной среде получило более широкое название – «исследование иностранцев» (*Ausländerforschung*). Только к середине 1980-х гг. эти исследования стали приобретать характер общих миграционных исследований (*Migrationforschung*). Существование современных миграционных исследований в Германии до сих пор находится под сильным влиянием теоретических положений 1970-1980-х гг.

Особенно актуальными подобные исследования стали в 1960-х гг., когда в рамках воссоединения семей в Германии выросло число мигрантов, и актуальными стали вопросы их обеспечения жильем, услугами здравоохранения и образования и их политической активности. Темы интеграции в германское общество стали одной из самых важных тем в изучении миграций этого времени.

А. Трайбел (A. Treibel) в исследовании, посвященном изучению иностранцев в Западной Германии, отмечает четыре этапа развития миграционных исследований в период с середины 1950-х до 1986 г. [397, р. 27]. Период после 1983 г. исследовательница характеризует как время появления обобщающих, рефлексизирующих

работ, которые были направлены на осмысление предыдущего методического и теоретического опыта в изучении миграций.

Значительная часть исследователей отмечает, что с середины 1980-х гг. число публикаций по данной тематике возросло настолько, что стало невозможно в одной работе единичному исследователю сделать обобщения и проанализировать поле миграционных исследований как единое целое. Так, Трайбел отмечает, что за период с 1970 по 1985 г. в Германии вышли более 400 работ, которые принимали во внимание только социологические подходы к анализу миграций [397, р. 27].

В 1960-1970-е гг. миграции не были одной из центральных тем для социальных наук Германии, к миграционной тематике ученые обращались наряду с другими темами. Для многих исследователей, которых относят к классикам изучения миграции [Х.-Дж. Хофманн-Новотный (H.-J. Hoffmann-Nowotny), Г. Албрехт (G. Albrecht)], миграции были только одной из исследовательских тем.

Основная тематика миграционных исследований. Преобладающей темой миграционных исследований в этот период стала проблема социальной интеграции мигрантов. Это неудивительно и с точки зрения общей социологической теории, поскольку интеграционная парадигма долгое время доминировала в социальных науках. Определения и значения понятия «интеграции» в значительном количестве источников тесно связаны с перспективами развития Западной Германии, как социального государства.

Для данного исторического периода, когда Германия столкнулась со значительным количеством этнических трудовых мигрантов и членов их семей, в силу историко-политических причин преобладало рассмотрение проблем всех этнических мигрантов в качестве единой общей проблемы иностранцев без учета этнокультурных особенностей различных групп мигрантов. Вопросы интеграции мигрантов не изучались в этническом контексте.

Этническая и культурная принадлежность мигрантов рассматривались скорее как «помеха» в процессе интеграции, которую необходимо принимать во внимание. Вопросы интеграции мигрантов касались, прежде всего, сферы образования, рынка труда, доступности жилья. Ключевым ожиданием от нее была не политическая ассимиляция в терминах национальной принадлежности, то есть стремления «превратить» иммигрантов в граждан Германии, а ассимиляция иммигрантов и

уничтожение существующих этнокультурных барьеров, не позволяющих иммигрантам встроиться в принимающее сообщество.

Темами исследований были вопросы изучения турецких иммигрантов, в т.ч. сложности интеграции молодых турецких мигрантов в немецкое общество, изучение роли ислама в ходе интеграции этнических мигрантов.

Основные теоретические положения и методы исследования. Остановимся на ряде теоретических положений, которые появились в Западной Германии в рассматриваемый период. З. Вилперт (Sz. Wilpert) [401] пишет, что в большей части исследований, проводимых в 1970-х гг., с точки зрения социальной теории, трудовые иммигранты и их семьи воспринимались как внешний для германского общества элемент, который необходимо адаптировать к общественным структурам, а не как часть общества.

Концепции включения иммигрантов в принимающее общество. На наш взгляд, эта позиция нашла отражение в миграционной политике Германии того периода, поскольку, как уже было отмечено выше, для исследования миграций населения в Германии характерна тесная связь между теоретическими представлениями исследователей и практическими решениями вопросов, возникающих в связи со значительным потоком мигрантов.

Причина того, почему мигранты в Германии не артикулировались как этнические меньшинства и не рассматривались как этнические меньшинства, в том, что миграционная политика Германии рассматривалась как политика по отношению к иностранцам, а не как политика по отношению к этническим меньшинствам; у мигрантов не было значимых этнических лидеров. Рассмотрение мигрантов как этнических меньшинств не получило широкого распространения не только потому, что это не нашло отклика в исследователях, но и потому, что мигранты сами себя не артикулировали с позиции этнических меньшинств.

В немецкой социологии миграции в течение XX в. сменили друг друга три концепции включения иностранцев в жизнь больших городов:

- концепция ассимиляции;
- концепция ротации гастарбайтеров;
- модель этнического или культурного многообразия – мультикультурализм

[319] (рис. 1.4).

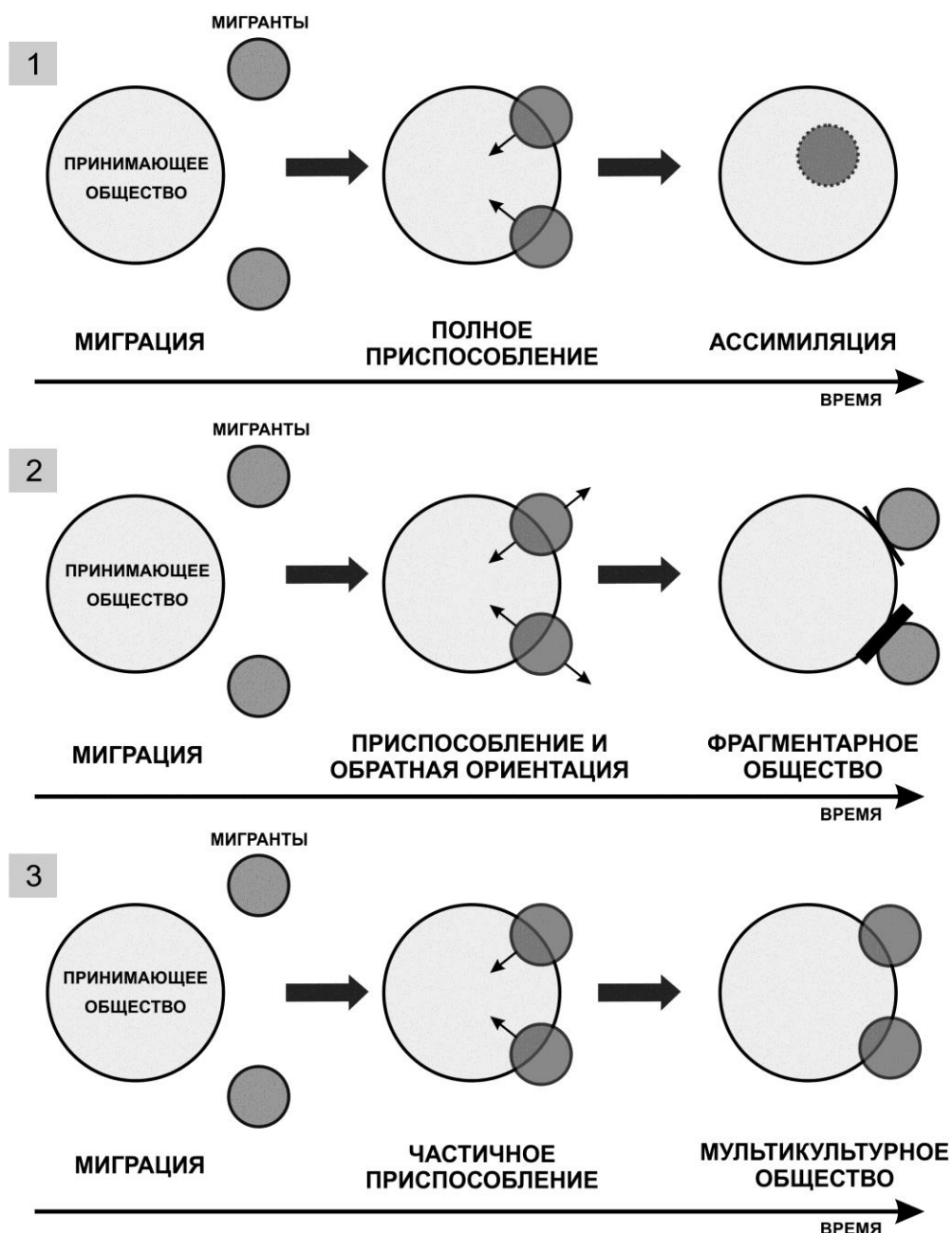

Рис. 1.4. Концепции интеграции мигрантов в принимающее общество

Источник [319, s. 131].

Первая концепция, распространенная в конце XIX – начале XX вв., предполагала их *полную ассимиляцию* в принимающее общество. Суть ее сводится к тому, что если иностранец хочет обрести успех в принимающем обществе, он должен полностью подстроиться под жизнь большинства граждан. Исходная этническая общность влияет на ход адаптации первого поколения мигрантов, исполняя информационные и контрольные функции. Последующие поколения ищут сообще-

ства, отвечающие в большей степени их социальному статусу, чем этническому происхождению [319, s.131; 364].

Концепция ротации гастарбайтеров, появившаяся в социальных науках как раз в рассматриваемый период в 1960-1970-е гг., основывалась на предположении, что значительная часть иностранцев, приглашенная на работу в Германию, в скором времени покинет страну, и на ее место придут новые гастарбайтеры. Поэтому, учитывая кратковременность пребывания значительной части иностранцев в стране и отсутствие дальнейших перспектив для их жизни в Германии, не следует заботиться об их интеграции в принимающее общество. Подобная теоретическая установка на практике способствовала разделению общества на внутренние не связанные с собой группы [319, s.132; 349].

Одна из распространенных современных концепций интеграции иностранцев в жизнь принимающего общества подразумевает равные права мигрантов с местным населением на рынке труда и на рынке жилья. Ее называют подходом *структурного выравнивания, но с сохранением культурной автономии* [319, s.134; 334]. Разница между мигрантами и местным населением должна быть минимальной. Соблюдение подобного принципа – одна из наиболее сложных задач, поскольку часто правила, выдвигаемые принимающим обществом, вступают в противоречие с правилами культурной автономии, к которой принадлежат мигранты.

«Методический индивидуализм» Х. Эссера. Еще один исследовательский подход был предложен Х. Эссером (H. Esser), он получил название «методологический индивидуализм» [313]. Этот подход остается до сих пор одной из ведущих парадигм в социологии миграций [306, 307, 310, 311, 312]. В 1980 г. была опубликована его книга «Аспекты социологии миграции». Ученый предполагает, что социальная интеграция иммигрантов зависит от успеха культурных, структурных и социальных ассимиляционных процессов.

В процессе интеграции важную роль играют следующие переменные: база самих иммигрантов (социально-культурный уровень, готовность интегрироваться), способность к ассимиляции, «отклик» социальных структур на готовность иммигрантов к ассимиляции. Ученый полагает, что неуспешная интеграция иммигрантов (особенно, турецких) в немецкое общество и возникновение этнической сегре-

гации в значительной мере зависит от недостаточно адекватного культурного капитала иммигрантов.

Иммигранты понимались Эссером как рациональные акторы, реализующие собственные цели в порядке максимизации своих субъективных преимуществ. Это позволило дать более точное определение ассимиляционных действий мигрантов и выявить разницу между культурным и социальным капиталом мигрантов и социальными барьерами различных сфер общества. Взаимодействие между иммигрантами и общественными структурами было определено как решающее в ходе процесса социальной интеграции и ассимиляционных усилий иммигрантов, что делало их вхождение в общество успешным или неудачным. Этот подход использовался многими исследователями по причине своей ясности и легкости применения.

По мнению М. Боммеса, слабостью позиции Х. Эссера является то, что понятие «культурный капитал» используется им с формальных позиций. Основными ресурсами «культурного капитала» по Эссеру являются знание языка и уровень образования, ученый не включает в это понятие мировоззрение мигрантов и существующие у акторов коды социального поведения, усвоенные в ходе процесса социализации [286].

В научной дискуссии этого периода важную роль заняли дебаты относительно роли новых этнических меньшинств в Германии. Позицию, противоположную позиции Х. Эссера [309], представлял Г. Элwert (G. Elwert) [305]. Суть дискуссии была в следующем: являются ли сетевые структуры иммигрантов «барьером» или наоборот «мостом» для интеграции иммигрантов в принимающее общество.

Подход к сетевым структурам мигрантов Г. Элверта. Немецкий этнолог Г. Элwert в своей работе (1982 г.) полагает, что сетевые структуры иммигрантов через сетевую интеграцию (Binnenintegration) могут вести к полноценной интеграции в новую социальную структуру принимающего общества. Сетевые структуры играют роль шлюзов, проходя через которые, мигранты от культурных традиций и социальных установок страны выхода подходят к пониманию и правильной интерпретации «правил», принятых в германском обществе [305].

Элwert выдвигает три взаимосвязанные черты сетевых структур, которые облегчают мигрантам путь вхождения в принимающее общество. Это – укрепление идентичности и самосознания мигрантов; передача знаний о повседневных навы-

ках и умениях, необходимых в новом сообществе; возможность создания объединений по интересам. Он ставит три рамочных условия, при нарушении которых внутренние структуры становятся препятствием для интеграции. Не должно возникать отношений, противоречащих законам принимающей страны; не должны создаваться условия, приводящие к социальной изоляции; сетевые структуры должны проявлять способность к трансформации и быть обучаемыми системами. Элверт утверждает, что с течением времени роль внутренних структур уменьшается, они оказываются невостребованными мигрантами.

«Второе поколение» А. Шрадера (A. Schrader). Весомым вкладом в миграционные исследования в этот период стала коллективная работа под руководством А. Шрадера «Второе поколение. Социализация и аккультурация иностранных детей в Федеральной Республике» [386]. Авторы, основываясь на эволюционной модели культурной социализации, полагали, что дети иммигрантов, попавшие в Германию в дошкольном возрасте, будут легче воспринимать нормы и ценности принимающего сообщества, следовательно, будут способны к культурной ассимиляции и смогут легче справляться с трудностями интеграции.

Молодые иммигранты, попавшие в страну в возрасте старше 14 лет и чуть позже или чуть раньше окончания школьного образования, будут полностью социализированы к нормам и правилам страны выхода. Они могут справиться с трудностями интеграции, но никогда не смогут полностью интегрироваться в принимающее сообщество из-за их неспособности к аккультурации и ассимиляции. Наиболее проблематичный возраст представлен детьми иммигрантов, которые оказались в новом для них принимающем сообществе в школьном возрасте, потому что они будут «разорваны» между двумя культурами и различными нормами и ценностями отдающего и принимающего сообществ.

Эта модель обрела большую популярность в педагогике Германии, которая старалась обеспечить образовательную систему механизмами ухода от социальных вызовов интеграции иностранцев. Дети иностранцев в Западной Германии рассматривались обществом и политиками, как потенциальные источники будущих социальных проблем, если своевременно не будут приняты адекватные меры для их социальной интеграции [345].

Вскоре эти концепции стали критиковаться с позиции так называемого мультикультурного подхода, который возник исходя из политических, социальных и практических соображений. С точки зрения образования и социальной работы это выражалось в утверждении, что культуры различны, но равноценны. Этот подход критиковал предыдущие за односторонность, потому что они игнорировали тот факт, что структуры общества, особенно система образования, не обращают внимания на то, что им приходится работать не в монокультурном обществе. Мультикультурализм, который обрел популярность уже в 1990-е гг., обратил внимание на эти особенности предшествующего периода и стал развивать взаимную общественную толерантность. Рядом ученых мультикультурализм воспринимался как доказательство непреодолимости национальных и этнических культур [348, 359].

Структурно-функционалистский подход Г.-Дж. Хоффманна-Новотного. Один из теоретических подходов в изучении миграции был предложен Г.-Дж. Хоффманн-Новотным [335, 336]. Автор строил свои утверждения, основываясь на результатах эмпирических исследований трудовой миграции в Швейцарии в 1973 г. и участия в совместном исследовательском проекте с К.-О. Хондрихом (К.-О. Hondrich) в Германии и Швейцарии в конце 1970-х гг. [271].

Его структурно-функционалистский подход (structural functionalist approach) строился на превалировании престижа власти, как фундаментальном структурном условии «социальных подсистем». Ученый различал разные уровни систем: от национальных подсистем различных размеров до международных и общемировых. Миграции в этой теории концептуализировались, как механизм компенсации и передачи структурных тенденций в/между социальными системами, уравнивания несоответствия ресурсов статуса, власти, престижа. Его наиболее значимый тезис состоял в том, что эффект от трудовой миграции проявился в появлении новых классов у основания существовавшего ранее классового общества. Этот подход стал одним из самых влиятельных теоретических подходов в миграционных исследованиях на более чем 30 лет.

Марксистские теории рынка труда в миграционных исследованиях. Развитие социальных наук, а также студенческие события 1968 г. привели к возрождению марксистских идей в научных исследованиях, что отразилось, в том числе и на миграционных исследованиях 1970-1980-х гг. Трудовые миграции в рамках нео-

марксизма рассматривались с точки зрения международных классовых отношений, как проявление международной эксплуатации, приводящее к неравенству социальных отношений. Таким образом утверждалось, что современное общество все еще остается капиталистическим классовым обществом.

В этом направлении одно из наиболее детальных и информативных исследований было опубликовано в 1981 г. К. Доце (K. Dohse) [302], который описывал миграционную политику Германии в XIX и XX вв. как конфликтное взаимодействие между капиталистической рыночной экономикой и государством, заинтересованном в воспроизводстве его властной базы.

К этому направлению можно отнести работы К. Баде (K. Bade) и Ф.-О. Радтке (F.-O. Radtke), которые рассматривали культуру мигрантов, как одну из важных переменных их социально-структурных позиций в новом обществе, с точки зрения жизненных шансов иммигрантов [297, 374]. В этих, так же как и в других работах нео-марксистов, внимание обращается на структурные характеристики общества и положение мигрантов на рынке труда с позиции формирования общественного неравенства.

По мнению Х. Бергера (H. Berger), высказанном в середине 1980-х гг., классовый подход не был ведущим для рассмотрения миграционной ситуации в Германии [279, 280].

После 1989 г. марксистские подходы в Западной Германии стали частью новых миграционных теорий, например, теории сегментированного рынка труда [365] или теории мировых систем И. Валлерстайна (I. Wallerstein) [398], а также работ С. Сассен (S. Sassen) [381]. Марксистские теории находят отклик во многих текстах П. Бурдьё, где речь идет о различиях между видами капитала (экономическим, социальным и культурным) [32, 33].

Каждый из рассмотренных подходов утверждает, что общий механизм воспроизводства социального неравенства – эксплуатация (для марксистов), отношения власти и престижа (у Хоффманна-Новотного) или конфликты за ресурсы между акторами, максимизирующими свои выгоды, (у Эссера) – основывается на ключевых структурах общества, в которых появление и репродукция класса и остальных значимых социальных критериев закреплены в обществе. Таким образом, все

подходы тесно связаны с вопросами социального неравенства и социальной интеграции.

В 1980-х гг. исследования предшествующего периода (1970 – начала 1980-х гг.) подвергались критике по следующим направлениям: отказ от поисков общих теорий миграции и интеграции; привязанность к небольшим специализированным теориям [288, 306, 307, 322]; несоответствие используемых исследовательских методов и методологических подходов [270]; низкая историческая осведомленность; отсутствие взаимосвязи между исследованиями иностранцев и миграционной политикой [274].

По мнению М. Боммеса, теории, выдвинутые в этот период немецкими исследователями, не были в достаточной степени вовлечены в международную или хотя бы европейскую научную дискуссию относительно миграционных процессов, они остались относительно изолированными в рамках национальных исследовательских традиций.

Институционализация миграционных исследований и основные исследовательские центры. Изучение миграций населения в Германии выросло из изучения трудовой миграции и рынка труда, поэтому значительная часть работ в этой сфере в 1970-1980-е гг. проводилась различными университетами и исследовательскими центрами, такими как Институт рынка и исследования профессий, Институт молодежи, Институт городских исследований, Государственный институт профессионального образования, Немецкий институт экономических исследований, Статистические бюро, а также различными политическими фондами, такими как Фонд Фридриха Эберта, Фонд Конрада Аденауэра. Значительное число исследований проводилось немецким исследовательским советом, министерством образования, фондом Фольксвагена.

Фонд Фольксвагена в 1974 г. образовал исследовательскую программу «Миграции движения трудовых ресурсов в Европе», которая была направлена на эмпирические исследования мигрантов, анализ структурных изменений общества под воздействием мигрантов, социальные проблемы мигрантов и сообществ, теоретические подходы к изучению миграций. Фонд ориентировался на изучении первоочередных проблем общества, связанных с мигрантами. Первоначально программа была рассчитана на период 1974-1978 гг., затем она была продлена до 1981 г. [439].

Впоследствии название программы было изменено на «Изучение гастарбайтеров – миграции и их социальные последствия», деятельность Фонда организовывалась совместно с Федеральным министерством исследований и технологий и Институтом изучения занятости. С 1974 по 1982 гг. Фондом Фольксвагена поддержано 62 проекта в следующих направлениях: экономическое развитие и занятость иностранных рабочих; образование и социализация мигрантов; реэмиграция и интеграция; политическая активность мигрантов; медицинское обслуживание мигрантов и их состояние здоровья; часть фундаментальных исследований [343].

Среди фундаментальных исследований Фонда был проект Х. Эссера, направленный на формулировку общей модели ассимиляции и социальной интеграции, о котором говорилось выше. Финансировались проекты, посвященные статистическим методам анализа данных [333].

В 1975–1979 гг. Федеральное министерство исследований и технологий поддерживало исследовательскую сеть «Проблемы занятости иностранцев», которая включала в себя три направления: «Социальные и культурные детерминанты поведения иностранных занятых в ФРГ»; «Трудовая интеграция иностранцев в компаниях»; «Взаимосвязь между капиталовложениями компаний и их местоположением и наличием иностранных рабочих» [344].

В 1985 г. при Германской социологической ассоциации была создана рабочая группа «Миграции и этнические меньшинства», которая в 1990 г. стала формальной исследовательской секцией ассоциации.

В начале 1990-х гг. стали возникать и другие центры изучения миграции и мигрантов: центр изучения Турции в университете Эссена (1995 г.) в земле Северный Рейн Вестфалия; Институт миграционных исследований и межкультурных наук (IMIS) в университете Оснабрюка (1991 г.) – земля Нижняя Саксония; Европейский Форум миграционных исследований (EFMS) в университете Бамберга (1993 г.) в Баварии; Институт междисциплинарных исследований конфликтов и насилия в Университете Билефельда (1997 г.) – земля Северный Рейн Вестфалия. Многие из этих центров до сих пор определяют направления изучения миграции в Германии и являются ведущими исследовательскими центрами иммиграционных процессов.

В 1990-х гг. центры, связанные с изучением, миграции населения появились в университетах Мангейма (Баден-Вюртемберг), Александра Гумбольда в Восточном Берлине.

Особенностью этого этапа, помимо активного роста количества исследовательских центров миграции населения, стало также то, что в научный процесс в 1970-1980-е гг. оказались вовлечены молодые ученые, которые в настоящий момент уже являются классиками изучения миграции в Германии, основавшими собственные исследовательские центры. Это – К. Дж. Баде (K. J. Bade), Х. Эссер (H. Esser), Ф. Хекманн (F. Heckmann), Г.-Дж. Хоффманн-Новотный (H.-J. Hoffmann-Nowotny), У. Мелэндер (U. Mehrländer).

До конца 1980-х гг. международные трудовые мигранты и члены их семей в Германии были исключены из политической и гражданской жизни Германии. Эти вопросы не затрагивались и в исследованиях мигрантов. По историческим причинам политическая идентичность граждан страны базировалась на успешности государственной модели социального государства, на успешности социального развития страны. В политическом отношении наблюдался устойчивый отказ от политического участия иммигрантов в жизни страны и отказ от того, чтобы передавать им политические права в дальнейшем.

Международная миграция не рассматривалась как процесс, который затрагивает и вызывает изменения основных структур самого общества. Основным вопросом в миграционных исследованиях состоял не в том, как мигранты меняют экономическую, юридическую, политическую, образовательную, религиозную и другие структуры общества, а в том, как мигранты могут быть включены в общественные структуры и адаптированы к ним [286, р.144].

Нельзя сказать, что не было критики в отношении того, что общество было не готово к интеграции мигрантов и членов их семей. Основным индикатором интеграции была степень социального неравенства мигрантов в сравнении с местным населением. В конце 1980-х гг. в научной среде и в общественных науках появляются мнения, что трудовая иммиграция и, соответственно, задачи ее урегулирования подходят к завершению. В частности, Хоффманн-Новотный, Эссер, Б. Наук (B.

Nauk) делали такие выводы на основании эмпирических исследований. Но всплеск этнической и трудовой иммиграции после 1989 г. показал ошибочность подобных выводов.

Одним из важных результатов исследования миграций населения в период 1970-1980-х гг. стало появление миграционных теорий, которые оказали значительное влияние на развитие миграционных исследований в Германии.

1.3.3. Миграционные исследования в 1990-2010-х гг.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. иммиграционная ситуация в Германии изменилась кардинальным образом по сравнению с предыдущим периодом. Во-первых, это проявилось в небывалом по численности потоке этнических немцев из СССР, а затем из России и стран ближнего зарубежья. Миграция этнических немцев отличалась от миграции международных трудовых мигрантов как по своим структурным характеристикам, так и по мотивам миграции, по особенностям политической и социальной интеграции.

Во-вторых, в объединенную Германию стали активно въезжать мигранты из стран Восточной Европы.

В-третьих, после 1989 г. Германия столкнулась со значительным количеством беженцев и переселенцев, которые предыдущие 30 лет не составляли для страны значимый поток.

В этот же период происходит рост числа конфликтов между разными группами мигрантов, между мигрантами и немцами.

Появились новые виды международной трудовой миграции: сезонная миграция, контрактные рабочие и другие формы. Также появились контрактные рабочие из Португалии, Ирландии и других стран в рамках единого рынка труда в Европейском союзе.

Новым явлением для Германии, после объединения Западной и Восточной Германии стал поток мигрантов из восточной части страны в западные земли, что также требовало изучения.

Вслед за изменением структурных и количественных характеристик международной миграции начался новый этап в изучении миграции населения в Германии. Появились новые исследовательские темы, применялся новый подход к изу-

чению миграций, что в результате привело к пониманию в научной среде того, что иммиграция не может рассматриваться исключительно в русле «изучения иностранцев», как это было ранее, что это более сложный процесс.

В этот период миграции стали одной из важнейших политических тем: миграционные исследования были институционализированы, возникли исследовательские центры, специализирующиеся на миграционной тематике.

Основными исследовательскими темами в этот период стали:

- иммиграция и социальная интеграций этнических немцев (поздних переселенцев);
- социальная интеграция первого и второго поколения бывших гастарбайтеров;
- миграция и образование;
- миграция, вопросы гражданства и социального обеспечения;
- миграция и этнические конфликты;
- миграция и религия (ислам);
- миграция и рынок труда, фискальные эффекты миграции;
- нелегальная миграция.

Теме изучения российских немцев ниже будет еще уделено отдельное внимание, поэтому здесь мы остановимся только на основных чертах этого исследовательского направления. Изучение этнических немцев стало набирать обороты в 1990-х гг., и в период с 1990 по 2005 г. можно насчитать более 300 публикаций только по тематике интеграции этнических немцев. Бóльшая часть исследователей данной проблематики пришла из традиционных исследований миграции. Научные изыскания затрагивали различные аспекты расселения этнических немцев и их интеграции в немецкое общество. Тематика работ по изучению этнических немцев касалась их интеграции в образовательную систему, вопросов обеспечения жильем, вхождения на рынок труда. Внимание уделялось адаптации семей и второму поколению мигрантов. Среди работ можно отметить публикации Б. Диетц (B. Dietz), К. Циммермана (K. Zimmermann), К. Баде (K. Bade), Дж. Олтмера (J. Oltmer), Л. Хервартца-Эмдена (L. Herwartz-Emden), М. Боммеса и др. [273, 299, 303, 407].

Исследования данной группы иммигрантов показывали, что в ходе интеграции проявляются те же самые проблемы и сложности, которые характерны для

предыдущих групп мигрантов. Часто их ожидал в Германии более низкий социальный статус.

Еще одно направление – *социальная интеграция первого и второго поколения бывших гастарбайтеров*. Актуальность изучения трудовых мигрантов на этом этапе была во многом обусловлена ростом безработицы в Германии в 1990-2000-х гг., что в первую очередь сказывалось на трудовых мигрантах, потому что многие из них обладали более низкими компетенциями и навыками, чем местные жители. Значительная часть исследований отмечала проблемы второго поколения мигрантов из-за того, что в предшествующий период они не были интегрированы в систему образования. Риски остаться безработными или не найти работу у этого поколения мигрантов были выше, чем у их ровесников среди местных жителей.

Большая часть работ была посвящена турецким мигрантам. Дискуссии вращались вокруг будущего миграционной политики, которая вовремя не приняла во внимание долгосрочные перспективы иммиграции, а опиралась на принятое ранее предположение о постоянной ротации мигрантов, а не на долгосрочное пребывание мигрантов в стране [277].

Предыдущее направление тесно связано со следующим. Это *вопросы интеграции иммигрантов в систему образования*. В этом направлении преобладающими темами исследований были такие: влияние семьи на образовательную базу детей мигрантов; культурные конфликты в сфере образования; процессы овладения немецким языком среди турецких и немецких подростков в условиях городского соседства; роль традиций в школьном образовании Германии для решения проблем иммигрантов; организационные условия, приводящие к дискриминации детей мигрантов в школе. Значительная часть исследований имела прикладной характер и относилась к работам по педагогике, психологии, социальной работе.

В основном внимание в них концентрировалось не на структурных последствиях миграции в системе образования, а скорее на мигрантах и их культурном и социальном капитале. В этом контексте исследования семей мигрантов концентрировались не только на неудачах, но и на потенциале семей в поддержке их иммигрантов в случае возникновения сложностей в ходе социальной интеграции.

Публикация результатов первого международного теста школьников PISA (Programme for International Student Assessment) в 2000 г. показала, что иммигранты

не интегрированы в систему образования Германии. Несмотря на большое количество эмпирических данных, накопленных в ходе исследований, стало ясно, что нет ответа на вопрос: «Почему в Германии в системе образования наблюдается воспроизводство неравного распределения возможностей, что особенно сказалось на детях мигрантов?».

Миграция и вопросы гражданства и социального обеспечения – это тема активизировалась с ростом этнической миграции в Германию в начале 1990-х гг. Возникли политические дебаты о цене миграции и влиянии миграции на систему социального обеспечения страны. Тематами публикаций и конференций в 1990-х гг. по этой тематике стали: взаимосвязь между социальной и миграционной политикой; международная миграция и трансформация национальной идентичности и роли национального государства; формы гражданства и формы миграции; политическая и гражданская интеграция иммигрантов; отношения между организационными традициями государства и формы миграционной политики.

Значительная часть исследований и дискуссий в этом направлении рассматривали национальные государства не как активные политические акторы, которые направляют процесс международной миграции, а скорее, как внутренние компоненты общемировых миграционных процессов. Международные миграции в этот период накопили значительный политический вес и стали важной частью политического дискурса. В связи с этим М. Боммес в своих работах пишет о том, что не все исследователи в поисках научных грантов и проектов сумели избежать определённой политической ангажированности в изучении миграции [286 , р.153].

Тема миграции и этнических конфликтов также становится актуальной на данном этапе развития миграционных исследований. В ее рамках значительное число публикаций посвящено проблемам этнических конфликтов, которые возникают между молодым поколением мигрантов из Турции и немецкой молодежью, а также между беженцами и праворадикальной молодежью Германии. Часть исследований делает акцент на изучении молодежи, они проводятся качественными, нестатистическими методами. Многие вопросы до сих пор остаются открытыми. Например, вызван ли рост числа конфликтов с иммигрантами усилением влияния исламского фундаментализма? Другие считают, что этничность и конфликты на почве этничности – один из способов проявления молодёжной агрессии и конфлик-

тов. Тема этнических конфликтов в Германии поднимается очень осторожно и практически не выносится на широкое общественное обсуждение.

Часть работ в середине 1990-х гг. посвящена конфликтам между группами российских немцев и мигрантами из бывших республик Югославии, которые в большом количестве были расселены в ряде небольших городов Германии и составили существенную долю от числа их жителей.

С предыдущей тематикой исследований тесно связаны вопросы изучения роли религии и особенно роли ислама в ходе процессов интеграции иммигрантов в Германии. Исследования акцентируют внимание на религиозных практиках мигрантов из Турции, анализируют трансформацию религиозной жизни этой группы мигрантов в течение более чем 20 лет жизни в Германии. Часть авторов считает, что участие в религиозных организациях может способствовать интеграции, другая часть придерживается противоположного мнения и считает, что для молодых мигрантов ислам становится барьером для интеграции.

Многие исследователи рассматривают ислам как внешний для германского общества структурный элемент, который исчезнет, если мигранты пройдут интеграцию в новое для них общество.

Трудовая миграция и ее экономические эффекты стали одной из основных тем миграционных исследований в 1990-х гг. В более ранний период эти исследования также были популярны (1960-1970-е гг.). Тогда значительное внимание исследователи уделяли вопросам экономических эффектов иммиграции и влиянию миграции на экономический рост страны, на функционирование рынка труда.

Ренессанс внимания к этим вопросам был вызван, во-первых, вовлечением в процессы трудовой иммиграции в Германию выходцев из стран Восточной Европы после распада социалистической системы в начале 1990-х гг., во-вторых, формированием открытого рынка труда для стран Европейского Союза и активизацией политики Германии по привлечению высококвалифицированных мигрантов.

Значительное число работ концентрировалось на изучении **сезонной миграции в Германию**, так как этот вид миграции оказывает существенное влияние на строительный сектор. В частности, многие отмечают, что сезонные гастарбайтеры-строители вызывают рост безработицы среди строительных рабочих – граждан Германии, которые ранее были заняты в экономике круглый год.

Привлечение высококвалифицированных мигрантов из-за границ Европейского Союза и открытие программы «Голубая карта» (Blaue Karte) для Германии имело важный политический эффект и рассматривалось как политический символ изменений в перспективах иммиграции в Германию [315, 419]. Эмпирические исследования показывают, что в 2000-е гг. в миграционной политике Германии действительно стала все больше и больше внимания уделять выработке механизмов привлечения высококвалифицированных мигрантов, в том числе ИТ-специалистов [342].

Дебаты по вопросам налоговой политики в отношении иммигрантов концентрируются вокруг важного вопроса, должны или нет мигранты нести одинаковое налоговое бремя по сравнению с местными жителями, и как это соотносится с принципами социального обеспечения Германии и долгосрочными перспективами миграции, которая рассматривается одними как внешний по отношению к германскому обществу элемент, а другими – как часть общества.

Вопросы нелегальной миграции изучаются в значительном количестве работ. Несмотря на это, многие исследователи отмечают, что большая часть исследований носит несистематический характер и не дает полной картины нелегальной миграции в Германии. Сложно определить масштабы нелегальной миграции, нет ясной картины относительно социально-экономических условий существования нелегальных мигрантов в стране. Тем не менее, можно сказать, что значительная часть нелегальных мигрантов занята в двух отраслях экономики – в строительном секторе и в домашнем хозяйстве. Занятость в домашнем секторе во многом определяет трудности изучения нелегальных мигрантов, так как для многих сфера их занятости лежит в личном пространстве жителей страны, куда доступ исследователям затруднен.

Значительная часть исследований по нелегальной миграции также обращает внимание на права нелегальных мигрантов, вопросы их медицинского обслуживания, условий жизни и т.д.

Еще одним направлением, важным в последнее десятилетие для Германии, становится **изучение адаптации высококвалифицированных специалистов** в организациях Германии. Также популярны различные аспекты изучения студенческой миграции в страну. Тесно с этими исследованиями связаны и вопросы изуче-

ния привлекательности Германии для немецких высококвалифицированных специалистов, поскольку многие исследования показывают, что молодые, талантливые, креативные немцы предпочитают по различным причинам искать работу в США и Великобритании [418].

Внутри страны наиболее важными темами в изучении миграции населения являются: анализ масштабов и направлений маятниковых миграций; миграции восток-запад в Германии. Вопросы исследования процессов субурбанизации и реурбанизации традиционно не относятся к миграционным исследованиям.

Теоретические концепции. Важным теоретическим вкладом в развитие миграционных исследований на данном этапе стали два направления: концепция транснационализма и другой подход, который в рамках системной теории социологии предлагал рассматривать миграцию как внутренний элемент структурного развития современного общества.

Среди работ первого направления наиболее значимыми являются публикации Т. Файста (Th. Faist) и Л. Приис (L. Pries) [316, 317, 370, 371, 373, 375, 396]. Транснационализм в миграционных исследованиях возник как результат эмпирических исследований, которые показывали, что мигранты одновременно существуют в двух социальных мирах и одновременно используют культурные коды различных обществ – общества выхода и общества страны, принимающей мигрантов. Из-за развития технологий, средств коммуникации, активного транспортного сообщения и т.д. трансграничные сообщества не становятся промежуточным для мигрантов этапом, а формируют особый образ жизни и новую социальную реальность. Про многие группы современных международных мигрантов можно сказать, что они живут в транснациональном пространстве.

Это ставит под вопрос исследовательскую позицию, которую можно назвать «методологическим национализмом», когда на миграцию смотрели с точки зрения национального государства и необходимости мигрантов интегрироваться в национальное государство, которое в политическом и социальном плане и исследователями и политиками воспринималось, как некий контейнер.

Положения транснационализма ставят под вопрос необходимость мигрантам интегрироваться полностью в принимающее общество, отказываясь от социальных и культурных норм страны выхода.

Второе направление имеет корни в работах Карла Маркса и Макса Вебера, говоривших о социальном неравенстве в обществе [285, 287]. В рамках этого направления миграции рассматриваются как механизм, который приводит к сохранению и воспроизводству общественного неравенства. Предполагается, что у разных социальных групп в обществе складываются неравные возможности в доступе к социальным и экономическим ресурсам, что в итоге приводит к воспроизводству социального неравенства и к возникновению социальных конфликтов в обществе. В данном случае мигранты рассматриваются как одна из социальных групп, обладающих меньшими возможностями в доступе к социально-экономическим ресурсам по сравнению с другими социальными группами.

В работах Маркса и Вебера, а также в трудах Дюркгейма, Зиммеля и Парсонса прослеживается значимость функциональной дифференциации современного общества. Миграции также могут рассматриваться с этих позиций. Наиболее полно эти идеи представлены в системной теории Н. Лумана (N. Luhmann) [350, 351].

Научные программы изучения миграций населения. В начале 1990-х гг. Германский исследовательский совет определил основное направление изучения международных миграций населения под названием «Последствия (трудовой) миграции для образования (FABER)». Это направление поддерживалось Советом с 1991 до 1997 г. и включило в себя более 20 проектов, касающихся образования, логики, психологии, социологии, юридических наук [325]. Также в университете Оснабрюка в Институте миграционных исследований с 1995 по 2004 г. была поддержана и финансирована специальная программа для аспирантов по теме «Миграции в современной Европе».

Фонд Фольксвагена поддерживал исследовательское направление под названием «Иностранцы и местные жители», которое позже было переименовано в «Собственная идентичность и иностранцы». В этом направлении с 1991 по 2005 г. было поддержано более 180 проектов, но не все из них имели отношение исключительно к изучению миграций [439].

Федеральное министерство образования и исследований в 2002-2005 гг. финансировало исследовательскую сеть «Процессы распада – укрепления потенциала интеграции в современном обществе». Эта сеть включала 17 инициативных исследовательских проектов из различных университетов Германии, значительное число

проектов касалось этнических конфликтов, проблем социальной интеграции в городах, вопросов изучения правого экстремизма, проблем религиозной интеграции и признания.

В научном центре Берлина с 2003 по 2006 г. финансировалась «Программа межкультурных конфликтов и интеграции мигрантов в общество». Основная её цель состояла в обеспечении связи между политиками, исследователями и широким общественным мнением (табл. 1.6).

Таблица 1.6.

Ведущие центры исследований миграции населения в Германии, на 01.04.2016

	Название центра на русском	Название центра на немецком	Интернет адрес
1	Институт миграционных и межкультурных исследований и межфакультетский исследовательский центр Университета Оснабрюка	Das Institut für Migrationsforschung und Interkulturelle Studien (IMIS) ist ein interdisziplinäres und interfakultatives Forschungszentrum der Universität Osnabrück	http://www.imis.uni-osnabrueck.de
2	Институт эмпирических и интеграционных исследований миграции в университете Гумбольда в Берлине	Humboldt-Universität zu Berlin Kultur-, Sozial- und Bildungswissenschaftliche Fakultät Berliner Institut für empirische Integrations- und Migrationsforschung	http://www.bim.hu-berlin.de/
3	Институт миграционных исследований и межкультурного обучения в Бонне	Das Bonner Institut für Migrationsforschung und Interkulturelles Lernen (BIM) e.V.	http://bimev.de/
4	Рабочая группа немецкого географического общества «Географические миграционные исследования»	Der DGfG-Arbeitskreis «Geographische Migrationsforschung»	http://www.geographische-migrationsforschung.de
5	Независимый институт региональных и миграционных исследований в Трире	Das Institut für Regional- und Migrationsforschung (IRM) e.V.	http://www.irm-trier.de/irm-home.htm
6	Сеть миграционных исследований Университета Альберта-Людвига во Фрайбурге	Freiburger Netzwerk für Migrationforschung Albert-Ludwigs-Universität Freiburg (FREINEM)	https://www.freinem.uni-freiburg.de
7	Немецкое демографическое общество	Deutsche Gesellschaft für Demographie e.V.	http://www.demographie-online.de/
8	Факультет социологии университета Билефельда	Die Fakultät für Soziologie, Universität Bielefeld	http://www.uni-bielefeld.de/soz/index.html
9	Федеральный институт исследований населения	Bundesinstitut für Bevoelkerungsforschung (BiB)	http://www.bib-demografie.de
10	Европейский форум миграционных исследований, Университет Бамберга	Das Europäische Forum für Migrationsstudien (EFMS) Universität Bamberg.	http://www.efms.de/
11	Институт Макса Планка центр демографических исследований	Max-Planck-Institut für Demografische Forschung	http://www.demogr.mpg.de
12	Институт прикладной демографии в Берлине и Бранденбурге	Das Institut für Angewandte Demographie GmbH Berlin-Brandenburg (IFAD)	http://www.ifad-berlin.de

Составлено автором.

1.4. Сравнительная характеристика опыта изучения миграции населения в России и Германии

Как в России, так и в Германии изучение миграций населения в большинстве случаев инициировалось под влиянием значительных миграционных перемещений населения, когда они начинали играть значимую роль в социально-экономическом развитии страны и отдельных ее регионов, существенным образом меняли структурные характеристики общества. Для обеих стран характерно активное влияние политической ситуации как на миграционные процессы, так и на изучение миграций населения. Хотя роль государства проявлялась в различной степени. Если для советского периода характерны государственные табу на ряд тем, то в Германии не было ограничений в тематике исследований, но были и есть темы, которые финансируются более активно, что также говорит о реализации определенного социального заказа на ту или иную тематику.

Тематика исследований. Для СССР во второй половине XX в. преобладающими темами исследований были внутренние миграции населения. При этом на изучение масштабных насильственных территориальных перемещений населения (таких как депортации народов, ссылка и т.д.), характерных для периода 1920-1940-х гг., практически был наложен запрет. Это же касается и темы послереволюционной эмиграции из России. Данные темы стали освещаться в научной и общественной литературе только после 1991 г., когда отмечается всплеск работ по истории миграций.

Рост активного интереса к миграционной тематике в 1960-е гг. был обусловлен освоением регионов Сибири и Дальнего Востока и необходимостью закрепления трудовых ресурсов в этом макрорегионе СССР. Поэтому значительная часть исследований была посвящена вопросам приживаемости новоселов, ходу процесса адаптации мигрантов на новом месте жительства, что во многом являлось продолжением исследований конца XIX в., касающихся переселенческих движений. В связи с активной урбанизацией и оттоком населения из сельской местности, что в первую очередь затронуло Нечерноземную зону СССР, появляются работы посвященные миграции город-село. 1970-е гг. стали периодом активного изучения маятниковых миграций населения в связи с ростом агломераций в СССР. В 1980-е гг.

исследования миграции в СССР продолжали сложившиеся ранее традиции. Интерес и активизация изучения внешней миграции пришлись на период после 1991 г.

В Германии традиции изучения миграций населения складывались в контексте изучения внешних миграций населения, когда Германия из страны, отдающей мигрантов, становится страной, принимающей мигрантов. Для первого десятилетия после Второй мировой войны в Германии акцент изучения миграций был сделан на значительном количестве беженцев и этнических мигрантов, направленных в страну. Внутренние миграции не становятся предметом направления, получившего названия миграционные исследования, а выполняются чаще всего в рамках демографии и географии населения. Сам термин «миграционные исследования» закрепляется в Германии в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Как в СССР 1960-х гг., так и в Германии в 1950-1960-е гг. характерным было преобладание эмпирических исследований, направленных на приращение новых знаний, получение информации, касающейся прикладных задач, стоящих перед обществом. Для Германии это был вопрос о минимизации возможных социальных конфликтов в связи со значительным количеством беженцев в стране, сложной ситуацией на рынке труда и еще слабой мощностью социальной инфраструктуры в первое десятилетие после Второй мировой войны. В тематическом отношении этот период в Германии не связан с последующими. В ФРГ в 1960-е гг. появляются работы, вызванные ростом привлечения в страну значительного количества гастарбайтеров. С этого периода до начала 1990-х гг. вопросы адаптации и интеграции этнических трудовых мигрантов (преимущественно из Турции) в немецкое общество становятся преобладающими среди миграционных исследований.

В СССР миграции в этот период рассматривались с точки зрения экономической эффективности, в контексте заполнения рынка труда трудодефицитных регионов в азиатской части страны, с одной стороны, компенсации потери трудовых ресурсов в сельской местности – с другой.

Геополитические процессы конца 1980-х – начала 1990-х гг. коренным образом трансформировали миграционные тренды внутри Европы и повлияли на существенное изменение тематики исследований в постсоветской России и Германии. Для России этого периода характерным стало расширение тематики миграционных исследований – от обращения к истории миграций в советский период до работ, ка-

сающихся «утечки мозгов» и национальной безопасности России в связи с миграционными вызовами. Также российские исследования стали более активно, хотя все равно не широко, использовать качественные нестатистические методы и различные теоретические подходы. Значительное количество работ было посвящено беженцам и вынужденным переселенцам, прибывавшим в Россию из стран СНГ.

В 2000-е гг. к новым темам добавились исследования, посвященные активизации трудовых миграций из стран постсоветского пространства в Россию. Появились работы, обобщающие зарубежный опыт в изучении миграции.

Для Германии новыми в миграционных исследованиях 1990-2000-гг. стали публикации, посвященные этническим миграциям немцев из бывшего СССР в Германию, трудовым миграциям в рамках Европейского Союза. Новой темой в миграционных исследованиях стало изучение транснациональных сообществ мигрантов.

Тематика миграционных исследований в России и в Германии в 2000-е гг. сблизилась, положение России как страны, принимающей трудовых иммигрантов, формирует сходные с Германией темы исследований с использованием единых методических и методологических подходов.

Особенности теоретического дискурса. Первые теоретические обобщения появляются в Германии и СССР в конце 1960-х – начале 1970-х гг., они связаны с изучением процесса адаптации мигрантов на новом месте жительства.

В СССР это – исследование приживаемости новоселов в Сибири (концепция стадий миграционного процесса, предложенная Л.Л. Рыбаковским), в Германии – работы, связанные с активизацией внешних трудовых миграций, привлечением гастарбайтеров. Данные концепции касались факторов, ограничивающих и способствующих интеграции внешних трудовых мигрантов в принимающее сообщество, это концепции Элверта и Эссера и др. Однако в этот период еще не произошло унификации понятий «интеграция» и «адаптация» мигрантов, которые использовались в разных значениях в зависимости от контекста работ.

Для СССР и для Германии характерно то, что исследования миграций населения направлялись прикладными задачами этих государств на соответствующих этапах развития. Большая часть была замкнута на свои страны и не имела отклика в широкой международной дискуссии. Для России это характерно и для современного периода, а для Германии продолжалось до 1990-х гг., когда теория транснацио-

нализма, выдвинутая немецкими учеными, стала широко обсуждаться в англоязычном научном дискурсе.

Существенное отличие между российской и немецкой социальной наукой заключается в том, что для Германии характерно большое значение теоретических концепций и теоретических дебатов в общенаучном дискурсе, это касается и миграционных исследований.

В 1970-1980-е гг. и до сих пор научные журналы и конференции становятся площадками для обсуждения различных теоретических концепций и подходов к изучению мигрантов. Для СССР мы не можем говорить о существовании каких-либо иных концепций, помимо теорий и идей, имевших идеологическую окраску.

Для 1990-2000-х гг. можно говорить о теоретическом плюрализме в миграционных исследованиях и в целом в социальных науках, но нельзя говорить о нескольких преобладающих направлениях, которые становятся предметом обсуждений или дискуссий, помимо дискуссии между противниками и сторонниками привлечения мигрантов в Россию.

Для Германии на протяжении второй половины XX в. характерно рассмотрение иммиграционных процессов с позиции государства с акцентом на интеграцию иммигрантов в принимающее общество. В 1950-е гг. внешние миграции рассматривались с точки зрения потенциальных социальных конфликтов, в 1960-1970-е гг. затрагивался вопрос включения иммигрантов в экономическую и социальную сферы Германии. В 1980-1990-е гг. появляются работы, направленные на изучение вовлечения мигрантов в политическую сферу.

За этот период акценты в исследованиях миграции плавно изменились от вопроса «как наиболее безболезненное для мигрантов интегрировать их в принимающее общество?» к вопросу «как наиболее безболезненно для принимающего общества интегрировать мигрантов в его жизнь и возможно ли это сделать?». В 1990-е гг. происходит смещение позиции исследователей в отношении мигрантов и принимающего государства, иммигранты рассматриваются не как внешний структурный элемент по отношению к социальным и экономическим структурам Германии, а как часть этих общественных структур и институтов.

Логическим завершением этого ряда стали положения транснационализма, которые призывают рассматривать международную миграцию не с точки зрения

государств, принимающих мигрантов, а с точки зрения формирования новых социальных пространств, для которых государственные границы не являются ограничением их социальных связей.

Общим для Германии и России становится широкое вовлечение миграционных исследований в политический контекст, многие исследования трудовой иммиграции в Россию носят ту или иную политическую окраску. Миграционная политика становится предметом политических программ партий и региональных властей. Сходное явление наблюдается и в Германии, ряд исследователей отмечают политическую ангажированность тем миграционных исследований.

Институционализация миграционных исследований и территориальная организация научных центров. Для организации миграционных исследований в Германии помимо действующих научных центров характерно существование долговременных программ или исследовательских сетей, которые в течение 3-7 лет лет проводят исследования на определенную тематику. Часть подобных программ и научных проектов финансируется независимыми фондами, часть – государственными структурами. По сравнению с Россией в Германии количество публикаций, исследователей и исследовательских центров больше в несколько раз.

В отношении Германии нельзя говорить о концентрации научных центров в каком-то одном городе или федеральной земле. Значительная часть исследовательских центров миграции населения в Германии расположена в западных землях ФРГ, там, где традиционно число и доля мигрантов в населении достаточно высокая, часть центров сосредоточена в Берлине.

В России значительная часть организаций, изучающих миграцию населения, расположена в столичных городах Москве и Санкт-Петербурге, на Северном Кавказе (Ставрополь) и в Новосибирске. Хотя количество кандидатских работ, защищенных по миграционной тематике, говорит о существенном преобладании Москвы, по сравнению с другими научными центрами.

Анализ истории развития миграционных исследований в России и Германии показывает, что данное направление развивается не как самостоятельная дисциплина, а как мощное междисциплинарное направление на стыке географии, эконо-

мики, социологии, политологии, этнографии и психологии. Именно это позволяет со всех сторон изучить данное явление и его роль для общества. Обособление миграционных исследований в отдельную дисциплину может сузить возможности изучения миграций и ограничит методологические, теоретические и методические границы исследований.

Ретроспектива всего спектра миграционных исследований в России и Германии показывает, что их тематика и региональный охват зависят в существенной степени от следующих факторов:

- сам ход и масштабы миграционного процесса в стране;
- включенность страны в систему международных миграций населения;
- политическая ситуация в стране;
- экономическая и социальная система страны;
- включенность страны в международный научный дискурс.

Миграционные исследования в России и Германии во второй половине XX в. характеризуются разными траекториями и акцентами тем исследований. Для России наиболее востребованным направлением было изучение внутренних миграций населения и рассмотрение миграционного процесса с точки зрения перераспределения в стране трудовых ресурсов. Для Германии максимальную актуальность представляли вопросы изучения международных миграций, социальных и экономических последствий вхождения мигрантов в принимающее общество.

Исследовательские траектории миграций населения в России и Германии сближаются в начале 2000-х гг. Россия становится страной привлекающей трудовых мигрантов из стран СНГ, вписывается в дискурс о транснациональных сообществах. РФ и ФРГ объединяются общим миграционным потоком, формируемым российскими немцами и контингентными беженцами, что привлекает интерес исследователей и в той и в другой стране.

Независимо от факторов, определяющих тематику миграционных исследований, изучение миграций населения является сферой, затрагивающей важные вопросы внутренней и внешней политики стран, что приводит часто к противоположным выводам исследователей.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ

Данная глава представляет обзор теорий миграции населения, а также авторский подход к изучению международных миграций населения в социально-экономической географии. В первом параграфе представлен обзор наиболее значимых теорий миграции населения, которые могут использоваться в социально-экономической географии.

Во втором и третьем параграфах внимание обращено на современные методологические принципы в исследовании международных миграций населения, которые также актуальны и для географической науки. Четвертый параграф главы посвящен использованию понятия «системы» в социальной географии.

В пятом параграфе дана авторская концепция формирования и трансформации транснациональных миграционных систем с учетом системного подхода, используемого в социально-экономической географии. Рассматриваются стадии миграционного процесса в современном мире применительно к международным миграциям. В шестом параграфе рассмотрены методы полевых исследований социально-территориальных групп мигрантов.

2.1. Классические концепции международной миграции населения

В параграфе дан обзор наиболее значимых теорий международной миграции населения, которые являются общепризнанными, как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Все многообразие существующих миграционных теорий как в отечественной литературе, так и в значительном большинстве западных источников, принято делить в соответствии с тем, с каких позиций рассматривается миграция как процесс, затрагивающий экономические, социальные, политические, этнические и другие процессы, и в зависимости от уровня рассматриваемой миграции – макроуровень или микроуровень (см. табл. 2.1).

Таблица 2.1.

Наиболее распространенные подходы в теориях миграции населения

Дисциплина	Рассматриваемые вопросы	
	Макроуровень	Микроуровень
Экономика	Влияние на структурные характеристики рынка труда стран, принимающих мигрантов, влияние на экономику стран-доноров мигрантов через денежные переводы и возвратную миграцию, анализ миграционных систем.	Экономические мотивы миграции, экономика домохозяйств мигрантов.
Социология	Восприятие мигрантов принимающим обществом, анализ миграционных дискурсов, социальное неравенство в обществе и миграции.	Социальные сети мигрантов, трансграничные связи мигрантов.
Этнология	Трансформация этнической структуры населения.	Трансформация этнокультурной идентичности мигрантов.
Политология	Миграционная политика и миграционное законодательство стран, принимающих и отдающих мигрантов, политическая активность мигрантов в странах-реципиентах мигрантов, глобальные процессы и миграция.	—
Демография	Трансформация демографической структуры населения, в том числе возрастной и гендерной структуры. Вопросы статистического учета мигрантов.	—
Психология	—	Процессы адаптации мигрантов в новом обществе, трудовая адаптация мигрантов, взаимодействие в трудовых коллективах.
География	География миграционных потоков, география расселения мигрантов в странах, принимающих мигрантов, территориальные миграционные системы.	Влияние мигрантов на локальные сообщества.

Составлено автором по итогам анализа литературных источников.

Выделяют классические теории миграции населения, которые возникли в конце XIX в. – первой четверти XX в., неоклассические теории миграции населения, к которым относят теории второй половины XX в., и новые теории миграции населения, которые связывают с процессами глобализации и детерриториализации, наблюдающимися в мире в конце XX в. – начале XXI в.

В последней четверти XX в. появились теории, объединяющие различные аспекты и различные уровни миграционных процессов. Одна из таких теорий получила наибольшую известность – синтетическая теория миграции Дугласа Мас-сея.

Ниже рассмотрены наиболее значимые теории миграции населения в соответствии с вышеуказанными принципами их классификации, в хронологической последовательности возникновения теорий и в соответствии с их тематической направленностью. Различия в уровне изучения миграций (от макроуровня к микроуровню) можно представить следующим образом (табл. 2.2).

Таблица 2.2.

Уровни изучения миграции населения различными дисциплинами*

Дисциплина	Микроуровень (мигрант как актор миграционного про- цесса)	Мезокровень (на уровне локальных сооб- ществ, отдельных регионов)	Макроуровень (на уровне отдельных стран и мира)
Экономика	–	+	+
Социология	+	+	+
Этнология	+	+	–
Политология	–	+	+
Демография	–	+	+
Психология	+	–	–
География	–	+	+

Составлено автором по итогам анализа литературных источников.

* «+» – рассматривается дисциплиной; «–» – не рассматривается дисциплиной

2.1.1. «Законы миграции» Э. Равенштайна

Одной из первых научных работ, посвященных изучению миграции населения, называют исследование британского географа немецкого происхождения Эрнеста Георга Равенштайна (Ernest Georg Ravenstein), который анализировал данные о миграции населения в Великобритании и Северной Америке. Результаты его исследования были опубликованы в 1885 и 1889 гг. под названием «Законы миграции» («The Laws of Migration») в «Журнале Королевского статистического общества» («Journal of The Royal Statistical Society») [22, с. 11-13; 327, s. 37-39]. Цель ученого состояла в поиске законов миграции населения по аналогии с тем, как в естественных науках были обнаружены законы развития природы.

По мнению современного немецкого социолога П. Хана (P. Han), основные положения законов миграции по Равенштайну сводятся к следующим закономерностям:

- в нормальных условиях существования общества миграция населения – это процесс, происходящий постепенно и шаг за шагом;

- масштабы миграционного потока убывают пропорционально росту расстояния (географической дистанции) между пунктами выхода и входа мигрантов. Большая часть мигрантов переезжает на короткие расстояния из сельской местности в ближайшие города или соседние страны;

- миграции порождают обратные миграции; каждому миграционному потоку соответствует миграционный контрпоток;

- рост городов обеспечивается за счет миграционной убыли населения в сельской местности;

- женщины более активны в миграциях на короткие расстояния;

- рост миграции происходит с развитием транспорта и индустриальным ростом.

Равенштайн полагал, что основными причинами миграции являются экономические причины [327, s. 38].

В настоящее время многие положения законов о миграции уже не актуальны, тем не менее работы Равенштайна стали базой для продолжения миграционных исследований и примером обобщения статистических данных. Идеи Равенштайна, в частности положения о том, что большая часть миграций осуществляется на короткие расстояния, и о постепенном характере миграций населения, были взяты рядом исследователей для создания гравитационных моделей миграции, например работы Г.К. Ципфа (G.K. Zipf) [34], С.А. Стоуффера (S.A. Stouffer). В начале 1960-х гг. географы и социологи при рассмотрении факторов миграции населения обращались к выводам Равенштайна (Э. Ли [E. Lee]) [22], о чем будет сказано ниже (табл. 2.3).

Начало XX в. характеризовалось масштабными миграциями населения из Европы в Северную Америку, что не могло не повлиять на интерес многих исследователей к социальным последствиям миграции как для самих мигрантов, так и для принимающего общества. Нередко сами ученые, изучавшие миграции населения и мигрантов, были мигрантами, и часто сложно их отнести к той или иной стране, поскольку образование ими было получено в одной стране, становление как ученого в другой, а исследования проводились в третьей.

В первых социологических работах, посвященных мигрантам, больше внимания уделялось последствиям миграции для самих мигрантов. В 1920-х гг. появляются работы американских социологов по изучению различных групп и типов

мигрантов, ставшие классическими не только для изучения миграции, но и для всей социологической мысли.

Таблица 2.3.

Классические теории международной миграции населения

Исследователь и основные работы	Период	Основные положения исследований	Методы исследования	Пространственные аспекты исследования
Э. Равенштайн «Законы миграции»	1880-е гг.	Выявление закономерностей пространственных перемещений населения в Великобритании и Северной Америки	Анализ статистических данных	Выявлены пространственные закономерности миграции населения, определена роль расстояний в миграционных перемещениях
Г. Зиммель «Экскурс о чужаке»	1920-е гг.	Роль мигранта как маргинальной личности в принимающем обществе, анализ социальных и психологических аспектов восприятия мигрантов местными жителями	Качественные методы, наблюдение, сравнительно-аналитический метод	Рассматривается социальное пространство «чужака», его одновременное присутствие в двух обществах
У. Томас, Ф. Знанецкий «Польский крестьянин в Европе и Америке»	1910-начало 1920-х гг.	Характер и факторы адаптации представителей польской крестьянской общины, эмигрировавшей в Америку.	Анализ переписки польских семей, биографический метод, глубинные интервью, наблюдение	Миграции рассматриваются как изменение социального окружения и социального контекста жизни эмигрантов, что приводит к формированию новых форм социального поведения. Пространственный аспект не затронут.
Р. Парк, Э. Берджесс, Р. Маккензи исследовательская программа «Город как социальная лаборатория»; «Рост города: введение в исследовательский проект»	1920-е гг.	Теория концентрических зон Чикаго, с точки зрения социальной организации городского пространства. Миграция – вид коллективного социального поведения, образующий экологический порядок общества.	Социальное картографирование, интервью, наблюдение, анализ документов	Объясняется сегрегация городского пространства через социальные практики жителей, в том числе мигрантов
Л. Уирт «Урбанизм как образ жизни»	1930-е гг.	Выявление социально-психологических аспектов сосуществования в городе различных социальных групп, в том числе и мигрантов, анализ социальных связей жителей города.	Наблюдение, интервью, сравнительно-аналитический метод, анализ документов	Рассматривается фрагментация городского пространства через взаимодействие разных социальных групп. Для города характерна высокая плотность процессов и явлений, их гетерогенность, динамичность.
Р. Парк, Э. Берджесс, изучение фазы этнической ассимиляции	1920-е – 1930-е гг.	Анализ этапов ассимиляции этнических групп в ходе миграции, оказывающихся на общей территории.	Наблюдение, интервью, анализ документов	Пространство рассматривается как место встречи и взаимодействия разных групп мигрантов
Х.Г. Дункан «Иммиграция и ассимиляция»	1930-е гг.	Изучение поколенческих аспектов ассимиляции мигрантов в принимающем обществе	Анализ документов, наблюдение, интервью	Не рассматривается пространственный аспект

Составлено по данным литературных источников.

Темы первых социологических работ в отношении мигрантов можно разделить на следующие направления: рассуждения о чужаке, как о социальном типе; изучение различных аспектов вхождения мигрантов в новое для них общество, вы-

развившееся в теориях ассимиляции и интеграции мигрантов. К таким работам относятся следующие: размышления Г. Зиммеля (G. Simmel), А. Шюца (A. Schütz) о маргинальной личности и социальном типе «чужака»; грандиозный труд двух американских исследователей польского происхождения У. Томаса (W. Thomas) и Ф. Знанецкого (F. Znaniecki) «Польский крестьянин в Европе и Америке»; работы представителей Чикагской школы социологии (Р. Парка (R. Park), Э. Берджеса (E. Burgess), Л. Вирта (L. Wirth)).

2.1.2. Работы Г. Зиммеля о «чужаке»

Г. Зиммель является классиком социологии города, его размышления о городском образе жизни сводятся к наблюдению в городе такого социального типа, который ученый в своей работе «Экскурс о чужаке» обозначает как «чужак» [87]. Зиммель жил в Берлине в конце XIX в. – начале XX в., когда город активно развивался, и мог наблюдать многие новые формы социального поведения.

В своих работах ученый не говорит о мигрантах, а об особом социальном типе поведения, свойственном в городе чужакам, людям, не укорененным в обществе, к которым чаще всего он относит торговцев. Этот социальный тип поведения имеет и пространственную проекцию.

Е. Трубина пишет, что рассуждения Зиммеля о «чужаке» стали продолжением эссе ученого о больших городах. Исторически чужаками в городе были торговцы, отношение которых к местным жителям было прагматичным [224, с. 56-59]. В отличие от странника, который приходит и уходит, Зиммель считает, что чужак «сегодня приходит и завтра остается» [327, с. 233]. Отличительной особенностью чужака является его одновременная включенность в новое общество и отстраненность от него. Чужак спокойно относится к тому, что его воспринимают как социальный тип, идентифицируя чаще всего по национальному признаку. Это означает, что от него не требуется ничего, что следует из местных обстоятельств или лояльностей. Качества чужака, как социального типа – дистанция, сдержанность, анонимность, эти же качества составляют и городской образ жизни [224, с. 57].

Зиммеля относят к ученым, изучающим не только социальные, но и психологические аспекты миграционного процесса. Он упоминает о страхах и тревогах,

которые возникают из-за того, что «другие» пришли в город, чтобы остаться, чтобы стать соседями и конкурентами в поисках работы.

Еще одно направление в размышлениях Зиммеля о чужаках – связь между собственной идентичностью горожан и присутствием в городе посторонних. Комфорт и предсказуемость отношений в «своей» группе основываются на существовании «других» в городе и постоянном противопоставлении. Мы – трудолюбивы, они – ленивы, мы – честны, они – пронырливы, мы – дружелюбны, они – ждут от нас ошибки и т.д. [224, с. 58]. Трубина отмечает, что работа «Экскурс о чужаке» Зиммеля стала основой текстов, которые посвящены росту расистских отношений в городах.

Зиммеля считают основателем изучения маргинальности как социального типа, что получило особую актуальность в конце XX в. – начале XXI в. Из российских исследователей данную тему развивает С. Баньковская [14].

В конце XX в. к проблеме чужака в современных общественных условиях обращается З. Бауман (Z. Bauman) [278]. Если сравнивать взгляды Зиммеля и Баумана, то первый скорее дает нейтральную оценку роли чужака в обществе, говоря о его прогрессивной роли в обществе, как актора, одновременно принадлежащего к двум социальным группам. Бауман же усматривает опасность для социального равновесия в существовании чужака. Он полагает, что «чужак подрывает пространственный порядок в мире, координацию между моральной и топографической близостью, совместным существованием друзей и удаленностью врагов. Его существование – угроза надежности классических географических границ, как универсального инструмента упорядочивания мира» [60, 278].

По мнению А.Н. Гусева, различия между взглядами двух исследователей начала и конца XX в. заключаются в «массовости» пространственных перемещений в эти два периода. Во времена Зиммеля, в начале XX в. перемещения носили ограниченный характер, и мигрирующие в пространстве социальные типы имели уникальную функциональную нагрузку. В современном обществе миграции доступны широким слоям населения, в результате происходит диффузия социальной значимости пространственных перемещений, тех явлений, которые изучает Бауман [60, с. 75].

Основная функция «чужака» заключается в формировании неопределенности между фундаментальными общественными дихотомиями, в размывании иден-

тичности. Это происходит из-за неопределенности, которую приносит «чужак» своим присутствием в новом для него обществе. Сам «чужак» может и не подозревать об этом и положительно относиться к новой социальной группе [60, с. 75]. В середине XX в. социальный тип «чужака» рассматривал социолог А. Шюц [387].

2.1.3. Исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого

«Польский крестьянин в Европе и Америке»

Работа относится к первым крупным исследованиям с использованием качественной методологии. Масштабность проведенной работы и полученные результаты сделали эту работу классической не только в миграционных исследованиях, но и в исследованиях по качественной методологии. Социологи считают, что важным вкладом в науку стал первый том работы ученых, точнее методологическое введение к нему [250].

Миграции становятся социальным явлением, на примере которого возможно изучать все общество в целом; они рельефно проявляют, как свойства обществ выхода мигрантов, так и свойства новых обществ для мигрантов.

По мнению В. Чесноковой, Знанецкий и Томас в своей работе показывают, что польская крестьянская община на протяжении многих столетий вырабатывала и выработала «сложные системы убеждений и правил поведения, пригодных для того, чтобы контролировать социальную жизнь... и солидарность группы. Постоянство ее членов представляло собой достаточную силу для того, чтобы пассивно противостоять натиску всех возможных неожиданных случайностей, хотя это и не лучший метод борьбы с ними» [250].

Но когда такие случайности начинают следовать одна за другой (как это происходит в случае с миграцией – М.С.), не остается времени для постепенного процесса приспособления. Как в таких случаях реагирует на ситуацию общество?

На этот вопрос отвечает работа «Польский крестьянин в Европе и Америке». В начале XX в. ученые провели исследование адаптации семей польских крестьян после переселения в Америку в тот период, когда они переходили от прежних форм социальной организации к новым формам. Первый том исследования был опубликован в 1918 г., последний (пятый) том – в 1921 г. [49].

В работе определено восемь проблем в жизни обследуемых семей: как соотносятся тип социальной организации и индивидуализм; индивидуальная и социальная активность; проблема «анормальности» (речь шла о различных видах социальных отклонений: преступности, бродяжничестве, проституции, алкоголизме); проблема профессий; взаимоотношения между полами; проблема социального счастья (чувство удовлетворенности, создаваемое организацией, социальными институтами); борьба рас и культур; проблема идеальной организации культуры.

Выявленные проблемы исследовались на конкретном материале. Значительная часть работы (почти полностью два тома из пяти) представляет собой опубликованную без комментариев переписку 28 польских семей. Другой прием исследования, принятый авторами – изучение автобиографий. У. Томас и Ф. Знанецкий пытались проследить эволюцию взглядов человека в зависимости от эволюции условий его социальной жизни на основе его биографии [59, с. 140-144].

2.1.4. Исследования миграции учеными Чикагской школы

Знанецкого и Томаса часто называют предшественниками Чикагской школы социологии, которая сформировалась в начале XX в. и чьи работы до сих пор оказывают влияние на социологическую мысль.

Основатели Чикагской школы развивали две концепции: экологический подход к анализу города, предложенный основателями школы Р. Парком (R. Park) и Э. Берджессом (E. Burgess), и концепция, разработанная Л. Уиртом (L. Wirth), которая описывает урбанизм как образ жизни.

Представители Чикагской школы предполагали, что размещение основных городских поселений и распределение внутри них различных районов может быть понято на основе принципов приспособления к окружающей среде. Города, по их мнению, растут не беспорядочно, а сообразуясь с преобладающими свойствами окружающей среды. Например, обширные зоны городской застройки в современных обществах имеют тенденцию развиваться вдоль берегов рек, на плодородных равнинах, на пересечении торговых путей или железных дорог [54, с. 520-522]. Городские районы развиваются путем адаптации населяющих их жителей, борющихся за средства существования. Город может быть понят как совокупность районов, отличающихся друг от друга социальными характеристиками.

По Парку, если на макроуровне биотические силы проявляются в экологическом порядке, пространственном размещении социальных институтов, то на микроуровне биотическая природа человека выражается в способности к миграции. Миграция как коллективное поведение образует экологический порядок общества, который является предметом исследования социальной экологии. А надстраивающийся над ним экономический, политический и культурный порядок представляет собой в совокупности «организацию контроля» посредством экономических законов, права, нравов, обычаев – словом, «согласия». Основой разнообразия, тесноты социальных связей, консенсуса, социального приспособления является свобода передвижения, а иерархия степеней свободы индивида выстраивается в порядке убывания от экологического порядка к культурному.

По мнению Парка, индивиды более свободны на экономическом уровне, чем на политическом, а на политическом более свободны, чем на моральном. Свобода имеет несколько измерений, соответствующих различным уровням интеграции современного общества. Социология, по Парку, должна продуцировать знание, полезное для разрешения социальных проблем, а не строить его, исходя из «должного» представления об обществе, связанного с воображаемым социальным идеалом.

Берджесс разработал учебный курс, посвященный методам сбора материала для исследования мигрантов. Среди них такие как наблюдение, интервью, личные документы и социальное картографирование. Ученый не отрицал важность количественных методов и пытался сочетать применение формализованных и неформализованных методов. Но приоритет отдавал качественным (идеографическим) методам, считая их первичными в социальных исследованиях. Наибольшим его вниманием среди этих методов пользовался монографический, который всесторонне описывал и объяснял отдельный социальный факт (явление, процесс) при помощи разнообразных, соответствующих предмету процедур.

Основное достоинство используемых в монографическом исследовании методов (анализ личных документов, биографий, интервью) заключается, по его мнению, в способности раскрыть внутренний мир человека, его вожеления, страхи и надежды. Они (методы) раскрывают «обширную картину взаимосвязей ментальных процессов и социальных отношений» [59, с. 155-158].

Социальное картографирование в работе Берджесса занимало важное место. Он строил карты по различным социальным показателям, например, распространение подростковой преступности, характер расовой напряженности, размещение кинотеатров, танцплощадок. Социальное картографирование стало частью исследовательской программы, разработанной Парком и Берджессом, которая называлась «Город как социальная лаборатория».

В 1925 г. опубликована работа Берджесса, ставшая классической в социологии и теории города, «Рост города: введение в исследовательский проект», где он изложил идею концентрических зон Чикаго, которая стала результатом обобщения анализа социальных карт и деления города на 75 различных районов.

В совместной работе Парка, Берджесса и Маккензи «Город», вышедшей в 1925 г. теория «концентрических зон» представлена Берджессом в следующем виде: первая зона составляет центральный деловой район; вторая зона расположена вокруг центра – в ней размещаются деловые конторы и легкая промышленность; третья зона – район, где сконцентрировано жилье для рабочих, которые вытеснены из зоны распада (то есть второй зоны), но поселились вблизи места работы, и промышленные предприятия; за этой зоной следует четвертая – зона особняков для одной семьи. Далее за пределами города находятся пригородные зоны, пригородные районы или города-спутники на расстоянии получаса или часа езды от центрального делового района, так называемая зона ежедневных пассажирских поездок [59, с. 161; 224, с. 70].

Берджесс уделяет внимание не только социальной, но и моральной организации городского пространства, он акцентирует исследование на «зоне транзита», с кварталами богемы и районами «красных фонарей», как самой проблемной зоне. По его мнению, удаленность от центра становится гарантией социальной нормальности [224, с. 70-76].

Другое направление деятельности Чикагской школы, которое развивал Л. Уирт, связано с изучением образа жизни, определяемого городами. Э. Гидденс приводит позицию ученого, который считает, что влияние, оказываемое городами на социальную жизнь человека, значительно больше, чем могла бы указать доля городского населения [54, с. 522-524]. Город – не только место проживания и работы современного человека, но и центр, откуда берет начало и управляется эконо-

мическая, политическая и культурная жизнь, центр, вовлекающий в свою орбиту в глобальном масштабе самые удаленные сообщества и соединяющий различные территории, народы и области деятельности в упорядоченную систему.

В больших городах, полагает Уирт, люди живут в непосредственной близости друг от друга, оставаясь в большинстве своем незнакомыми друг с другом, – существеннейшее отличие от малых традиционных сельских поселений. Большинство контактов между горожанами носит быстротечный и поверхностный характер и является скорее средством достижения целей, а не полноценными удовлетворительными взаимоотношениями.

Поскольку те, кто живет в городах, становятся все более мобильными, связи между ними ослабевают. Люди оказываются вовлечены в самые различные виды деятельности и ежедневно оказываются в различных ситуациях, поэтому в городе «темпы жизни» быстрее, чем в сельской местности. Соперничество доминирует над сотрудничеством. Уирт признает, что насыщенность социальной жизни в городах ведет к формированию различных по своим характеристикам городских районов, некоторые из них могут сохранять черты малых сообществ. В местах проживания иммигрантов сохраняются традиционные типы связей между семьями, когда большинство людей знает друг друга лично. Однако чем интенсивнее эти районы включаются в городскую жизнь, тем меньше остается таких черт.

Фазы этнической ассимиляции по Р. Парку и Э. Берджессу. В миграционных исследованиях представителей Чикагской школы относят к ученым, которые одними из первых обратили внимание на научное объяснение процесса вхождения мигрантов в принимающее общество. По мнению Ч. Прайса (С. Price), автора монографии «Изучение ассимиляции», идеи Р. Парка и Э. Берджесса в изучении процесса ассимиляции послужили дальнейшему теоретическому развитию социологии миграции [368].

Ученые предложили модель ассимиляции этнических групп в ходе миграции, получившую название «race – relation – cycle». Основным тезис Р. Парка и Э. Берджесса заключался в том, что каждый раз, когда две или более этнических групп вследствие миграции оказываются на общей территории проживания, они преодолевают пять циклических фаз [327, s. 40-42].

Первая фаза – «контакт». Эта фаза состоит в том, что этнические группы, оказавшиеся из-за миграции на новой территории, формируют новые для них практики социальных отношений с другими группами. Эта фаза поиска новых социальных типов взаимодействиями между группами мигрантов.

Вторая фаза – «конкуренция». На этой фазе группы мигрантов начинают конкурировать за ограниченные на новой для них территории ресурсы, такие как рабочие места, жилье, детские площадки и т.д.

Третья фаза – «конфликт». Как следствие конкуренции возникает дискриминация по отношению к тем или иным группам, что приводит к возникновению социальных конфликтов.

Четвертая фаза – «соглашение». На данной фазе между этническими группами мигрантов происходит достижение определенного временного соглашения и формируется разделение мигрантов по профессиональным нишам, разделение по определенным местам проживания, в соответствии с концепцией экологии города, о которой говорилось выше. В итоге происходит расслоение общества на определенные социальные статусы различных групп этнических мигрантов.

Пятая фаза – «ассимиляция». В заключение данного циклического процесса происходит «перемешивание» этнических групп путем создания межэтнических браков и других межэтнических контактов. Стираются этнические различия, возникает новая социальная группа, в которой этнические различия не прослеживаются [327, с. 40-42].

Несмотря на то, что данная концепция этнической ассимиляции критиковалась, она послужила базой для дальнейшего развития теорий в социологии миграции населения, которые возникли во второй половине XX в.

2.1.5. Поколенческая теория ассимиляции Х. Дункана

Ученый одним из первых обратил внимание на особенности адаптации мигрантов в принимающее поколение в зависимости от возраста переезда в страну. Его работы обычно обобщают под названием «поколенческая теория Дункана».

Идея Х. Дункана (H. Duncan) состояла в том, что мигранты входят в жизнь принимающего сообщества постепенно, от поколения к поколению [327, с. 40].

Первое поколение мигрантов – экономическое вхождение, оно обладает только формальными признаками вхождения в принимающее общество. Это экономическая и социальная интеграция. Эмоциональная составляющая и жизненные ценности определяются собственной этнической группой.

Второе поколение мигрантов – эмоционально-психологическое вхождение. Оно может преодолеть эмоциональный и психологический барьер своих родителей: через школьное образование, получение профессиональных навыков происходит восприятие ценностей принимающего общества. Но при этом второе поколение мигрантов является носителями и другой культуры (первого поколения мигрантов), которое приобретают во время социализации и контактов с семьей.

Третье поколение мигрантов – ассимиляция, только оно готово полностью принять жизненные ценности принимающего общества и ассимилироваться, это происходит в случае межэтнического смешения.

С одной стороны, опыт интеграции мигрантов в принимающее общество во второй половине XX в. показал некоторую ошибочность теории Дункана. Слабым местом его теории оказалось то, что автор не оговаривает переход от одного этапа ассимиляции к другому, не рассматривает механизмы ассимиляции, не приводит факторы и характеристики различных групп мигрантов, которые в большей или меньшей степени подвержены ассимиляции. С другой – важным элементом данной теории стало разграничение видов ассимиляции и интеграции. Разделение на экономическую, социальную и культурную интеграцию в настоящее время является нормой для многих подходов к изучению интеграции мигрантов.

Все классические теории миграции населения рассматривались в контексте активной фазы урбанизации, что было характерной чертой развития Северной Америки и Западной Европы в конце XIX – начале XX вв. Мигранты оказывали существенное влияние на развитие городов, на формирование внутригородских районов, меняя городское пространство. Городской образ жизни и новые образцы социального поведения влияли на мигрантов, значительная часть из которых была в недавнем прошлом крестьянами. Пространственный аспект рассматривается во многих классических теориях миграции населения.

2.2. Теории миграции населения второй половины XX в.

Во второй половине XX в. интенсификация трудовых миграций в мире привела к росту числа исследований международной миграции населения. Общественно-политическая и экономическая ситуация в мире коренным образом отличалась от ситуации начала XX в., что сказалось и на формировании новых теорий. В социологии, экономике, демографии и географии появился ряд теорий, объясняющих причины и закономерности течения миграционного процесса как на микроуровне с точки зрения самих участников процесса, так и на макроуровне – на уровне отдельных стран и макрорегионов мира.

В конце XX в. появился ряд теорий, обобщающих оба исследовательских уровня, например синтетическая теория миграции Дугласа Массея (Douglas Massey).

В данном параграфе рассмотрены наиболее значимые теории международной миграции населения, получившие широкий отклик в работах географов, социологов, экономистов и демографов.

Часть существующих теорий миграции населения сложно однозначно отнести исключительно к той или иной отрасли знания. В данном разделе используется следующий принцип разграничения теорий: к социологическим теориям отнесены те, в которых акцент делается на социальных объяснениях причин миграции или на формировании социального неравенства в ходе миграционного процесса как на микроуровне, так и на макроуровне.

К экономическим теориям отнесены те, которые рассматривают миграционный процесс и объясняют формирование миграционных потоков с точки зрения экономических факторов, с позиции рационального выбора мигранта и т.д. Отдельно рассмотрен пространственно-демографический подход, который уделяет внимание формированию территориальных миграционных систем, а также синтетическая теория Д. Массея.

2.2.1. Социологические теории международной миграции населения

Теория факторов миграции Э. Ли (E. Lee). Американский демограф Э. Ли в 1966 г. опубликовал работу, в которой представил гравитационную модель объяснения факторов миграции, получившую название теории ***Pull – Push factors*** (притягивающих и выталкивающих факторов миграции) [347].

Идеи Э. Ли были подсказаны законами о миграции Равенштайна, а его гравитационная модель факторов миграции аналогична гравитационным моделям, использующимся в физике. Тезис Равенштейна состоял в том, что существует обратная связь между численностью миграционного потока и расстоянием между целями миграции. Это положение обосновывается тем, что стоимость миграции (стоимость переезда, стоимость поиска жилья, общие траты в стране нового проживания и т.д.) тем выше, чем больше расстояние между регионами выхода и регионами входа мигрантов. Ученый полагал, что чем дальше территория въезда, тем меньше информации получают о ней мигранты. Конечно, эти рассуждения далеки от современных реалий, когда географические факторы, особенно в международной миграции, не играют ведущей роли, на первый план выходят институциональные, политические, экономические и другие факторы [327, с. 12-14].

Ученый представил факторы, влияющие на принятие решения о миграции в следующем виде:

- факторы, коррелирующие с территорией выбытия мигрантов;
- факторы, коррелирующие с территорией прибытия мигрантов, которые «работают» на территориях потенциального прибытия мигрантов;
- вмешивающиеся обстоятельства;
- факторы, связанные со структурными характеристиками мигрантов [151].

По его мнению, на каждой из территорий действуют различные факторы миграции. Одни факторы – притягивающие (Pull factors), другие – выталкивающие (Push factors) (рис. 2.1).

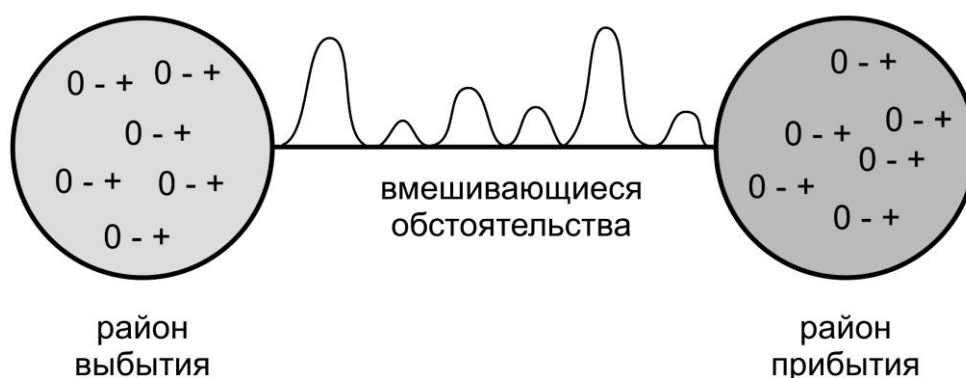

Рис. 2.1. Факторы миграции по Э. Ли. Источник: [151]

По мнению Ли, факторы играют неоднозначную роль в местах выхода и в местах входа мигрантов. Соотношение выталкивающих и притягивающих факторов различно. Под выталкивающими факторами он подразумевает такие качества территорий выбытия как: политическое или религиозное преследование, экономические кризисы, гражданские войны, военные конфликты между странами, природные катастрофы и т.д. Притягивающими факторами могут служить следующие качества территорий входа мигрантов: политическая стабильность, демократическая социальная структура, свобода вероисповедания, экономическое благосостояние, лучшие условия работы, возможность более высокой заработной платы и т.д.

После того, как идеи Ли вошли в научный оборот, в целом учеными разделялось мнение, что эта теория на индивидуальном уровне играет все возрастающую роль. В условиях развития информационных технологий, активной и быстрой передачи информации потенциальные мигранты на индивидуальном уровне обладают все большими возможностями получения информации о потенциальной территории миграции. Хотя при этом часто говорится о том, что в модель выталкивающих и притягивающих факторов мигранты не всегда включают только объективные условия страны выхода и страны входа, они часто используют эмоциональные оценки новой страны проживания своих друзей и знакомых. Мотивирующими факторами становятся не экономические причины, а эмоциональная уверенность и социальная вовлеченность [327, s. 13].

Соотношение факторов, выталкивающих и притягивающих мигрантов, отличается в зависимости от характеристик миграционных когорт и отдельных акторов: уровня образования, уровня доходов, этнокультурной идентичности, характера, возраста и т.д. Часть факторов может менять положительную «окраску» на отрицательную и т.д. Модель миграции, предложенная Ли, широко применяется в изучении миграций, в том числе в ходе изучения мотивации мигрантов.

Теория сегментированного рынка труда и социальной иерархии. Сторонники данной теории считают, что массовая трудовая миграция вызывает на рынке труда социальную стратификацию, когда менее квалифицированные мигранты, чаще всего относящиеся к тем или иным этническим группам, занимают более низкие социальные позиции, что приводит к возникновению социальной сегрегации в обществе.

Исследователи П. Дерингер (P. Doeringer) и М. Пайор (M. Piore) говорят о неоднородности рынка труда, они предлагают концепцию двойственного рынка труда, выделяя «первичный» и «вторичный» сегменты [184, с. 144-146; 365].

На первичном рынке труда рабочие места обладают такими характеристиками как высокая зарплата, хорошие условия труда, стабильная занятость, возможность профессионального продвижения, соблюдение трудовых норм и правил.

На вторичном рынке труда рабочие места, как правило, сопровождаются низкой зарплатой, отсутствием социальных льгот, плохими условиями труда, текучестью кадров, слабыми шансами на продвижение, своеволием начальства.

Для занятых во вторичном секторе характерны низкая дисциплина, неподчинение администрации и мелкое воровство. На вторичном рынке труда занятые лишены многих прав, на них стараются экономить, ущемляют их права, они в первую очередь становятся безработными.

С этим же подходом связано деление рынка труда на «ядро» и «периферию». В этом случае главным критерием являются не условия труда и уровень оплаты, а стабильность занятости. К «ядру» относятся постоянные работники, занятые на условиях длительного найма, работающие полную рабочую неделю и весь рабочий день. «Периферию» составляют занятые по краткосрочным договорам и без договоров, работающие неполный рабочий день, без гарантии сохранения рабочего места в период экономического спада.

Потоки трудовых мигрантов из стран третьего мира в развитые страны создали значительные по численности группы этнических мигрантов в странах Западной Европы и США. С начала 2000-х гг. это явление коснулось и России.

Страны, принимающие этнических трудовых мигрантов, столкнулись с проблемой их интеграции в принимающее общество. Во многих крупных городах привычным явлением стала территориальная сегрегация представителей этнических меньшинств. Первое поколение мигрантов занимает низшие ниши на рынке труда.

В итоге этнические мигранты формируют низшие и средние слои общества. На рынке труда они концентрируются в тех сферах, где требуется низкоквалифицированный или среднеквалифицированный физический труд. Во многих странах этнические мигранты в случае экономического спада становятся безработными.

В социологии существует несколько точек зрения на то, может ли этничность сформировать собственное стратификационное поле, обладающее чертами социального класса. Марксисты полагают, что этничность в принципе не может обладать такими чертами, они относят мигрантов к одной из частей рабочего класса.

Другие ученые считают, что этнические меньшинства могут образовывать особые социальные страты. Сторонники Вебера видят в этнической дискриминации основу для формирования особых классовых позиций, которые отличаются от позиций рабочего класса. Так, они полагают, что определенная этническая принадлежность лишала мигрантов многих властных и статусных преимуществ [184].

На микроуровне в социологии возникают теории, касающиеся интеграции мигрантов в принимающее общество и стадий миграционного процесса. Рассмотрим ниже теорию фаз процесса миграции Н. Айзенштадта (N. Eisenstadt).

Теория трех фаз процесса миграции С. Н. Айзенштадта (S. N. Eisenstadt). Айзенштадт по итогам изучения в 1950-х гг. еврейских иммигрантов в Израиле и еврейского населения Палестины предложил новый (на тот момент) взгляд на процесс миграции, разделив его на три фазы с точки зрения социально-психологических состояний мигранта.

Первая фаза – формирование миграционной мотивации. Исследователь полагал, что на этой фазе проявляется и усиливается чувство неуверенности и неполноценности жизненных условий у потенциального мигранта. Айзенштадт подчеркивает, что сам факт миграции становится для мигранта единственным способом улучшения его жизненных условий, не только и не столько в экономическом отношении, сколько в социально-психологическом и социокультурном отношении.

Вторая фаза – миграция (переезд) на новое место жительства. Смена места жительства сопровождается не только изменением места нахождения. Мигрант оказывается в совершенно новых для него социально-культурных условиях. Переезд сопровождается процессом десоциализации, когда ранее приобретенные навыки жизни в обществе оказываются незначимыми в новом обществе. Часто чувство неуверенности мигранта, которое появляется на первой стадии, только увеличивается. Следствием переезда может стать страх мигранта перед будущим. Неуверенность и неопределенность в завтрашнем дне играют дестабилизирующую роль.

Мигрант оказывается перед необходимостью ресоциализации, приобретения новых социальных норм и правил.

Третья фаза – вхождение мигранта в принимающее общество. Этот длительный процесс приспособления и интеграции мигрантов в новое для них общество Айзенштадт называет сначала термином «ассимиляция», но впоследствии заменяет его термином «абсорбция». Ученый предполагает, что третья фаза состоит из трех важных этапов:

- институционализация повседневных социальных ролей и повседневной социальной жизни мигрантов через обучение языку, новым социальным нормам и правилам;

- приспособление мигрантов к требованиям принимающего общества. На этом этапе вхождения в принимающее общество мигранты могут столкнуться с трудностями не потому, что они еще не готовы интегрироваться и воспринимать нормы и ценности новой для них социальной среды, а потому что само общество может быть к этому не готово. То есть процесс вхождения зависит не только от самих мигрантов, но и от готовности общества принимать мигрантов. Ученый пишет о возможных социальных границах, которые может устанавливать общество по отношению к мигрантам. Процесс вхождения мигранта в принимающее общество рассматривается им как комбинация факторов как со стороны сообщества мигрантов, так и со стороны принимающего сообщества;

- проникновение мигрантов в институциональную среду принимающего общества сопровождается утратой мигрантами этнической идентичности и ощущением принадлежности к единой этнокультурной группе. Вхождение мигрантов в принимающее общество можно считать завершенным после полной смены ими идентичности [304].

Миграционная теория М.М. Гордона (M.M. Gordon). Ученый обращал внимание на проблемы ксенофобии и дискриминации отдельных людей и социальных групп из-за их расовой, религиозной принадлежности или из-за иностранного происхождения. Свои исследования Гордон проводил среди групп этнических мигрантов в США в 1960-е гг. Принадлежность к той или иной группе этнических мигрантов, по его мнению, определяет социальный статус из-за различий в экономическом, политическом и статусном положении в обществе. Ученый предложил для

обозначения этого явления использовать термин «этно-класс (ethclass)», который обозначал этносоциальную дифференциацию общества [327, s. 47-49; 328].

Гордон использовал понятие «ассимиляция» для обозначения процесса вхождения мигрантов в принимающее общество, который, по его мнению, состоит из семи стадий. Помимо этого он проводил различия между культурной ассимиляцией и структурной ассимиляцией. Вхождение мигрантов в общество начинается с процесса культурной ассимиляции, цель которого – в приобщении к культурным ценностям ядра общества («core society»), состоящего из потомков европейского протестантского населения Америки.

Структурная ассимиляция представляет собой процесс вхождения мигрантов в важнейшие институциональные структуры общества. При этом культурная ассимиляция не является необходимым условием для структурной ассимиляции.

Завершается процесс ассимиляции через межэтнические браки, когда этнические мигранты теряют свою этническую идентичность [326, s. 80-81].

Среди отечественных теорий миграции населения наибольшее распространение получила *теория стадий миграционного процесса Л.Л. Рыбаковского*. Ученый рассматривает стадии процесса миграции в применении к внутренней миграции в условиях освоения новых регионов. Идеи рассмотрения различных стадий миграции появляются в исследованиях, посвященных переселениям в конце XIX в. В период активизации миграционных исследований в СССР в 1950-х гг. к вопросам изучения стадий миграционного процесса ученые обращаются вновь. Итоги разработки данной концепции опубликованы Л.Л. Рыбаковским в 1990 г. [192], хотя основные ее положения автор высказывал в публикациях конца 1970-х гг. [84].

Помимо Л.Л. Рыбаковского, Л.Л. Шамилева в своей кандидатской диссертации, посвященной моделированию процессов миграции, в 1975 г. отмечала, что миграционный процесс можно рассматривать с точки зрения нескольких стадий: стадии потенциальной миграции, стадии самого факта миграции (переезда) и стадии, характеризующей последствия миграционных процессов [254].

Основные положения концепции трех стадий миграционного процесса Л.Л. Рыбаковского заключаются в следующем [191]:

1. Миграционная подвижность (мобильность) и миграционное перемещение (переселение) должны рассматриваться как различные явления. Миграционная по-

движность – это потенциальная готовность и способность к миграции, а само миграционное перемещение – это уже реализация установки на миграцию. Таким образом, в миграционных исследованиях появляются понятия о потенциальном и реальном пространственном поведении мигрантов.

2. Необходимо отказаться от одностороннего понимания процесса взаимодействия мигранта с социальной средой и природно-географическими условиями принимающей территории. Л.Л. Рыбаковский использует понятие приживаемости мигрантов на новой для них территории³ и проводит различия между понятиями «адаптация» и «приживаемость». Адаптация – это процесс приспособления мигранта к новым для него условиям общественной и природной среды, где активным участником является исключительно мигрант. Исследователь рассматривает различные типы адаптационных процессов в зависимости от территории и региона выхода и вхождения мигранта.

На приживаемость мигранта влияют и условия принимающей территории. Л.Л. Рыбаковский пишет: «...углубление знаний о приживаемости населения в районах вселения, выделение из этого процесса адаптации как ее органического компонента и придание ей предметной направленности позволило миграцию населения рассматривать как процесс, имеющий завершённый характер» [191].

3. Любой завершённый миграционный процесс состоит из трех стадий.

Первая, исходная или подготовительная стадия – процесс формирования территориальной подвижности населения.

Вторая основная стадия – переселение населения, выражающаяся в масштабных миграционных потоках, которые постоянно наблюдаются на территории и влияют на структурные характеристики населения территорий выхода мигрантов и территорий, принимающих мигрантов.

Третья стадия – процесс приживаемости мигрантов на новом месте.

Л.Л. Рыбаковский подчеркивает, что различные стадии миграционного процесса взаимосвязаны. Мигрант является будущим новоселом на стадии миграции, новосел является бывшим мигрантом в период его приживаемости на новой территории. Первая и третья стадии миграционного процесса связаны, так как в ходе

³ Понятие «приживаемость» новоселов также использовали в своих работах на миграционную тематику Ж.А. Зайончковская и В.И. Преведенцев.

многочисленных эмпирических исследований в различные исторические периоды установлено, что новоселы обладают повышенной миграционной активностью и способностью к дальнейшей миграции по сравнению со старожилами.

Важным вкладом концепции трех стадий миграционного процесса стало, во-первых, рассмотрение миграционного процесса как единого взаимосвязанного комплексного социального явления; во-вторых, осознание необходимости рассмотрения процесса интеграции мигранта в принимающее общество не только с позиции самого мигранта, но и с точки зрения системы: принимающая территория и мигрант (табл. 2.4).

Таблица 2.4.

Социологические теории международной миграции населения

Исследователи и теории	Период	Страна проведения исследований	Основные положения теорий
Теория факторов миграции Э. Ли	1960-е гг.	США	Миграции рассматриваются с точки зрения факторов, выталкивающих и притягивающих мигрантов, по аналогии с гравитационными моделями.
Теория сегментированного рынка труда и социальной иерархии П. Дерингера и М. Пайора	1970-е гг.	США	Рассматривается положение международных этнических мигрантов на рынке труда, что приводит к возникновению социальной сегрегации.
Теория фаз процесса миграции С.Н. Айзенштадта	1950-е гг.	Израиль, Палестина	Миграционный процесс рассматривается с точки зрения трех взаимосвязанных стадий: формирование мотивации, переезд, вхождение в принимающее общество.
Миграционная теория М.М. Гордона	1960-е гг.	США	Акцент на разделении видов вхождения мигрантов в принимающее общество: культурная ассимиляция и структурная ассимиляция.
Теория стадий миграционного процесса Л.Л. Рыбаковского	1970-е гг.	СССР	Комплексный анализ миграционного поведения населения с точки зрения потенциала миграционной подвижности, реального миграционного поведения, процесса адаптации и процесса приживаемости, подчеркивание роли принимающей среды.

Составлено по данным литературных источников.

Социологические теории международной миграции можно объединить в несколько основных тем: исследования соотношения причин миграции; анализ механизмов возникновения социального расслоения в ходе миграции; изучение причин и хода процесса социально-психологической адаптации мигрантов в принимающем обществе; разделение процесса миграции на ряд последовательных стадий.

В отличие от теорий начала XX в., когда пристальное внимание уделялось личности мигранта, значительная часть социологических теорий второй половины XX в. рассматривает мигранта скорее как социальный тип. Также изменение условий международной миграции и завершение активной фазы процесса урбанизации привело к изменению контекста рассмотрения мигрантов, они рассматриваются уже не в рамках теорий урбанизма, а в рамках теорий социальной сегрегации и государства всеобщего благосостояния.

Изменение роли географического фактора проявляется в снижении внимания теоретиков к пространственным аспектам хода миграционного процесса, в лучшем случае государства выхода и государства приема мигрантов рассматриваются как «точки».

За несколько десятилетий с момента возникновения рассмотренных теорий произошли существенные изменения в миграционных закономерностях как во внутрироссийских, так и в международных миграциях; изменился характер самого миграционного процесса и ход приживаемости, интеграции, вхождения мигрантов в новое территориальное сообщество. Во многом эти изменения связаны с трансформацией характера социальных связей мигрантов с территориями выхода мигрантов.

Ранее переселение на новое место жительства часто означало постепенный разрыв и ослабление социальных связей с регионом или страной выхода и полное вхождение в новое территориальное сообщество, приспособление к социально-экономическим и природным условиям на новом месте. С развитием средств коммуникации мигранты стали поддерживать регулярные социальные связи со странами и регионами выхода, что в корне изменило характер процесса интеграции мигрантов в новое сообщество. Одновременно с этим шел активный процесс формирования различных экономических, общественных, политических и социальных структур мигрантов в странах их вхождения. Эти изменения привели к возникновению новых теоретических подходов к изучению миграции, которые рассмотрены в следующих параграфах работы.

2.2.2. Неоклассические экономические теории

Основой неоклассических экономических теорий в миграционных исследованиях является положение о разнице в уровне экономического развития стран и регионов, которая влияет на региональные и страновые различия в оплате рабочей силы и определяет мотивы миграции.

В ряде теорий это положение усиливается или дополняется предположением о рациональном индивидуальном выборе мигрантов, которые в результате миграции имеют возможность повысить уровень собственного социального и экономического капитала и в целом уровень человеческого капитала (табл. 2.5).

Таблица 2.5.

Неоклассические экономические теории международной миграции населения второй половины XX в.

Исследователи и теории	Период	Страна проведения исследований	Основные положения теорий
Теории трудовой миграции			
Модель роста и занятости В. Льюиса – Дж. Фей – Дж. Раниса в двухсекторальной экономике с избытком рабочей силы	1950-1960-е гг.	Сельско-городские миграции (Пакистан, Индия, Цейлон). Противопоставление капиталистического развитого Севера и некапиталистического отсталого Юга	Миграция является механизмом перераспределения рабочей силы из трудоизбыточных регионов в трудодефицитные
Теория М. Тодаро и Дж. Р. Харриса о причинах сельско-городских миграций	1960-1970-е гг.	Миграции из сельской местности в города в Тропической Африке	Причины миграции не только экономические, но и эмоционально-психологические. В ходе принятия решения о миграции важную роль играют не реальные, а ожидаемые различия в заработной плате.
Монография Г. Бориаса «Дверь на небеса»	1980-е гг.	Трудовые международные миграции в США	Влияние миграционной политики на экономику, обоснование экономической выгоды для государства в привлечении высококвалифицированных мигрантов.
Теории рационального выбора (rational-choice-approach)			
Исследования Л.А. Сжаа-стад о миграциях и человеческом капитале	1960-е гг.	Трудовые миграции в США	Миграция с точки зрения мигранта – вид инвестиций в человеческий капитал с учетом выгод и затрат за определенное время.
Теория ценностей и ожиданий Х. Эссера	1980-1990-е гг.	Не проводил эмпирические исследования мигрантов	Решение о миграции принимается в итоге суммы индивидуальных экономических, социальных и эмоциональных причин.
Новая экономическая теория международной миграции			
Исследования О. Старка о роли домохозяйства в миграционном процессе	1980-1990-е гг.	Миграции из села в город на примере Индии	Миграции – стратегия не отдельного актора, а домохозяйства с целью минимизации его рисков путем диверсификации семейных социальных и экономических ресурсов.

Составлено по данным литературных источников.

На индивидуальном уровне популярна теория, объясняющая поведение мигрантов с позиции ожидаемых выгод и значимых ценностных ориентаций мигранта. Если предыдущие теории часто не учитывали влияние экономического фактора или исходили из предположений о полной культурной ассимиляции мигрантов, то неоклассические экономические теории также имеют определенные ограничения и

слабые стороны, что не снижает их значимости для общенаучной дискуссии о роли миграции.

Теории трудовой миграции. Ряд исследователей на примере миграции из сельской местности в крупные города (В.А. Льюис [W. A. Lewis] в 1952 г. и М.П. Тодаро [M. P. Todaro] в 1969 г.), а также на примере исследования международных миграционных потоков (Г. Бориас [G. Borjas] в 1989 г.) объясняли рост миграционных потоков разницей в стоимости рабочей силы в стране или регионе выхода мигрантов и в регионе или стране входа мигрантов [369, s. 14].

Одна из самых известных экономических моделей, которая включала в качестве интегрального элемента процесс сельско-городского перемещения работников, предложена Льюисом, а в дальнейшем развита Дж. Ранисом (G. Ranis) и Дж. Феем (J.G. Fey) (1950-е – начало 1960-х гг.) [22, с. 45]. Согласно выводам ученых, трудовая миграция играет ведущую роль в процессе экономического развития, создавая эффект рычага, который в итоге приносит пользу, как для современного индустриального, так и для традиционного аграрного секторов экономики, то есть для регионов, которые принимают и отдают трудовых мигрантов.

В рамках модели, которая получила название модель роста и занятости Льюиса – Фей – Раниса в двухсекторальной экономике с избытком рабочей силы, миграция рассматривается как уравнивающий механизм, в результате действия которого происходит перемещение рабочей силы из трудоизбыточных регионов в трудодефицитные.

Положения теории М. Тодаро и Дж. Р. Харриса (J. R. Harris), изучавших миграции из сельской местности в города на примере тропической Африки, сводились к следующему [22, с. 47; 151]:

- миграция стимулируется рациональной экономической оценкой относительных финансовых затрат и выгод, но также и оценкой эмоционально-психологических затрат, возникающих в ходе миграции;

- принятие решения о миграции зависит более от ожидаемых, чем от реальных различий в уровне заработной платы между городом и сельском местностью. Ожидаемая разница базируется на действительно существующих различиях в заработной плате и на ожидаемой вероятности занятости в современных отраслях городского рынка труда;

- вероятность получения такой работы обратно пропорциональна уровню безработицы в городе;

- миграция избытка трудовых ресурсов, которая превышает возможный уровень занятости в экономике городов, не только возможна, но и реальна с учетом существующих позитивных ожиданий уровня дохода в городах, превышающего уровень дохода в сельской местности. Высокий уровень безработицы в городах – это результат существующего дисбаланса между городом и сельской местностью в странах с низким уровнем развития.

Г. Бориас в книге «Дверь на небеса»⁴, посвященной исследованию трудовых международных миграций в США и влиянию миграционной политики на экономику, обращает внимание на тот факт, что с 1965 г. в США постоянно растет число мигрантов, но уровень образования мигрантов, наоборот, постоянно снижается. По его мнению, это происходит из-за так называемой семейно-ориентированной миграционной политики государства. Автор приводит в сравнение Канаду, в которой используются механизмы селективной миграционной политики [289; 327, с. 90-92].

Далее в работе Бориас обосновывает выгодность для экономики страны привлечения более образованных мигрантов тем, что они при более высокой заработной плате платят более высокие налоги и требуют меньших социальных затрат по сравнению с низкоквалифицированными мигрантами [289].

По мнению В. Моисеенко и М. Блиновой, основные выводы неоклассической экономической теории в применении к изучению миграционных процессов можно сформулировать так:

- трудовая миграция определяется дифференциацией заработной платы между регионами или между странами;

- устранение различий в заработной плате будет означать прекращение трудовой миграции;

- потоки высококвалифицированных мигрантов создают особый тип миграции;

- меры государственной миграционной политики связаны с влиянием на рынок труда как в регионах выхода мигрантов, так и в регионах, принимающих мигрантов [151; 263, с. 117-119].

⁴ Немецкими авторами название книги переводится как «Двери в государство всеобщего благосостояния»

Аргументы критиков данных положений основывались на том, что мигранты рассматривались не как действующие акторы, а как пассивная часть населения, реагирующая на внешние причины, и что не принимался во внимание состав мигрантов.

Выдвигался аргумент, что разница в стоимости рабочей силы и в уровне заработной платы в разных странах не может быть определяющим фактором. В таком случае максимальные потоки международной миграции были бы направлены из наиболее бедных стран Африки в экономически развитые страны Северной Америки и Европы, тогда как максимальные потоки международных миграций связывают развитые страны со странами, имеющими средний уровень экономического развития. Естественно, что уровень заработной платы и максимизация экономической выгоды от процесса миграции являются важными, но не единственными и не определяющими факторами миграции.

Сторонники важной роли экономического фактора не учитывают значимость социальных связей и социальных позиций мигрантов в странах выхода. Предрасположенность к международной миграции может возникать в том случае, когда потенциальный мигрант чувствует себя в какой-то степени ущемленным или «несостоявшимся» в своей родной стране. Миграция позволяет повысить доход и социальный уровень; подобная ситуация возникает не в самых бедных регионах и бедных странах, а в странах со средним уровнем экономического развития [369, s. 13-16].

Третий аргумент, ослабляющий положение экономических теорий трудовой миграции, состоит в том, что разница в заработной плате и в уровне доходов мигрантов между разными странами может проявляться по-разному в сфере квалифицированного и неквалифицированного труда. В ряде отраслей, например, в сфере предпринимательства, мигранты не могут рассчитывать на значительную разницу в уровне заработной платы, как это наблюдается в сфере низкоквалифицированного труда.

Теории рационального выбора (rational-choice-approach) рассматривают мигранта на индивидуальном уровне как «человека экономического». В центре внимания данного подхода находится мигрант, оценивающий выгоды и издержки процесса миграции. Данный подход развивался в рамках теории человеческого капитала, и до сих пор значительное число миграционных исследований в качестве теоретической базы использует понятие «человеческий капитал».

В. Моисеенко ссылается на публикацию Л.А. Сжаастада (L.A. Sjaastad) начала 1960-х гг., как на одну из первых работ в этом направлении [388]. Положения ученого сводятся к тому, что миграция рассматривается индивидом как решение об инвестициях с учетом ожидаемых затрат и выгод в течение некоторого времени. Мигранты выбирают новую страну или регион, исходя из собственной квалификации с учетом результативности процесса миграции [151].

Повышение материального уровня и рост человеческого капитала связаны с определенными затратами: это материальные затраты на переезд, затраты, необходимые для поддержания существования на период переезда и поиска работы; затраты на профессиональную подготовку к работе на новом месте; издержки на изучение нового языка, культуры; потери в заработной плате на время переезда и поиска новой работы; сложности процесса трудовой адаптации, психологические и эмоциональные затраты, заключающиеся в ослаблении родственных и дружеских связей, отказ от старых и приобретение новых привычек, новый образ жизни и т.д.

Выгоды от миграции можно разделить на материальные и нематериальные. Чистая выгода от миграции на каждый период времени определяется как будущая заработная плата, соответствующая индивидуальному уровню заработной платы в новом месте проживания с учетом вероятности получения работы. Более тонкие экономические модели выгоды миграции должны учитывать и возможное увеличение заработной платы в месте жительства индивида до миграции, если бы он не мигрировал.

Одним из слабых мест данной теории является сложность оценки объемов и достоверности информации, на основании которой индивиды принимают решение о миграции. Мигрант заранее не может обладать информацией обо всех возможностях и ограничениях, вероятнее всего, он строит более упрощенную картину действительности, на основании которой принимается решение о миграции.

В то время, когда теория рационального выбора преобладала в экономическом подходе к изучению миграции, эту же идею, но в контексте социологии и социального поведения, в 1980-1990-х гг. рассматривал Х. Эссер (H. Esser). Его подход получил название, которое можно перевести, как *теория ценностей и ожиданий (Wert-Erwartung-Theorie)* [306; 327, s. 16-19].

Эссер, в отличие от предыдущего подхода, не рассматривает мигранта исключительно как «человека экономического», а исходит из того, что мигрант выбирает из множества разнообразных альтернатив ту, которая в итоге, по его мнению, принесет бóльшую пользу. Основной вопрос состоит в том, каким образом индивидуальная польза от миграции может быть получена, исходя от ожидаемых мигрантом возможностей в результате переезда. Мигрант опирается на сумму факторов, таких как экономическая, социальная, психологическая польза, и пытается определить соотношение ожидаемых затрат для достижения желаемых результатов. В итоге индивид выбирает наилучшее сочетание ожидаемых результатов и затрат.

Отличие подхода Эссера от неоклассического подхода теории рационального выбора состоит в том, что ученый принимает во внимание субъективность оценок и субъективность информации, полученной мигрантом, он отмечает, что мигранты действуют на основе собственных субъективных вероятностных соображений [306, s. 17].

В данном подходе предполагается, что решение о миграции складывается у социальных акторов не под влиянием научных наблюдений и подсчетов, а в каждом конкретном случае потенциальный мигрант принимает решение о миграции под влиянием множества индивидуальных причин. Экономические, социальные и психологические причины переплетаются, и сложно однозначно определить преобладание какой-либо из этих причин в процессе принятия решения о миграции. Слабость данного подхода заключается в сложности методической задачи по построению модели и унификации учета всех факторов, влияющих на миграцию, что затрудняет проведение сравнительных исследований. Данное направление, которое получило название методологического индивидуализма, сложно стыкуется с рассмотрением международных миграций на макроуровне [363].

В 1980-1990-х гг. появляются работы по *новой экономической теории миграции*, которая пыталась преодолеть слабости теории рационального выбора. О. Старк (O. Stark) выдвигает теорию, разработанную на основе неоклассической традиции, с акцентом на роли домохозяйства или семьи мигранта в процессе принятия решения о миграции [389]. Заслуга данной теории в том, что она позволила более детально объяснить причины трудовой миграции из развивающихся стран.

Решение о миграции принимается не отдельными изолированными акторами, а группами людей, объединенных семейными или хозяйственными связями.

Таким образом, решение о миграции принимается не только исходя из целей получения максимальной пользы в ходе миграции, но и исходя из минимизации рисков. В отличие от отдельных мигрантов, домохозяйства обладают большей возможностью контролировать риски, связанные с материальным благополучием семьи, путем диверсификации распределения семейных ресурсов.

В случае ухудшения локальных условий материального состояния в месте выхода мигрантов домохозяйства могут рассчитывать на денежные переводы мигрантов. В ходе миграции происходит повышение социального статуса всего домохозяйства. В развитых странах, с высоким уровнем социальной поддержки риски домохозяйств минимизированы. В развивающихся странах институциональные механизмы поддержки домохозяйств, такие как система социального страхования и программы государственной поддержки, менее развиты и могут быть недоступны многим домохозяйствам. Новая экономическая теория смотрит шире на причины международной трудовой миграции по сравнению с неоклассическими теориями [22, с. 50-52].

В новых экономических условиях трудовая миграция и другие виды мобильности населения из развивающихся стран рассматриваются как стратегия выживания домохозяйств. Миграция может проходить в условиях относительно равного уровня заработной платы. Один из важнейших вкладов новой экономической теории миграции состоит в том, что разница в уровне заработной платы более не является необходимым условием для миграции [151].

2.2.3. Пространственно-демографические подходы к изучению миграции

Для географов важным направлением в изучении миграции являются работы, обращающие внимание на территориальные особенности влияния миграции на структурные характеристики населения как стран, отдающих мигрантов, так и стран привлекающих мигрантов.

Среди работ, которые можно объединить под названием пространственно-демографического подхода преобладает следующая тематика:

- работы, рассматривающие территориальное распределение и направления миграционных потоков;
- анализ географических факторов, определяющих характер миграции;

- анализ демографических факторов, влияющих на структуру населения в результате миграционных процессов, в том числе концепция мобильного перехода В. Зелинского;

- анализ формирования и функционирования территориальных миграционных систем.⁵

Поскольку само понятие «миграция» отражает явление, имеющее территориальную проекцию, естественно, что географы достаточно часто обращаются к теме внутренних и международных миграций. Долгое время в этой сфере в западной науке многие работы находились под сильным влиянием работы Равенштайна «Законы миграции». Они проводились по аналогии с исследованиями так называемой социальной физики в поисках исключительно пространственных закономерностей распределения миграционных потоков, не обращая внимания на структурные характеристики потоков мигрантов.

В 1996 г. В. Робинсон (V. Robinson) опубликовал сборник статей разных периодов *«География и миграция»* [376], где с большой долей профессиональной самокритики отмечал, что «...до недавнего времени географы были одержимы точными измерениями, числами и сложными статистическими методами, что, скорее всего, связано с комплексом неполноценности и тоской дисциплины по уважению среди естественных наук...»⁶.

Далее ученый пишет что географы «...пренебрегали связями между миграцией и социальными изменениями и социальной теорией или рассматривали эти явления очень поверхностно, структурный анализ миграции географами был невероятно слабо (дословно в цитате «позорно» – М.С.) развит».⁷

Но с другой стороны, по мнению немецкого исследователя Л. Прииса (L. Pries), после того, как географы с большим вниманием отнеслись к подходам социологии в изучении миграции, стало ясно, что и социологи могут поучиться у географов. Ученый предлагает обращать внимание не только на общие социальные модели поведения мигрантов, но и на взаимосвязь структуры миграционных пото-

⁵ Данный подход рассмотрен ниже в отдельном параграфе, поскольку он составляет теоретическую базу представленной работы

⁶ Цитата на английском: «...until recently been obsessed with precise measurement, numbers and sophisticated statistical techniques, traits not unassociated with the discipline's inferiority complex and yearning for respect among the hard sciences...».

⁷ Цитата на английском: «the links between migration and social change and social theory have thus been particularly neglected or superficially treated, and the structuralist analysis of migration by geographers is also shamefully weakly developed».

ков и их направлений, на значимость социально-экономических характеристик мигрантов в зависимости от стран и регионов выхода, на важность экономических и политических условий в странах, принимающих и отдающих мигрантов. Необходимо обращать внимание и на то, что определенные страны формируют устойчивые миграционные потоки с другими странами и т.д. [369, s. 27-29].

Теория мобильного перехода В. Зелинского (W. Zelinsky). Концепция мобильного перехода, предложенная профессором географии и опубликованная в 1971 г., получила достаточно широкое признание [96, с. 12; 406]. Концепция дополняет теорию демографического перехода, включая в нее помимо смертности и рождаемости, миграционные характеристики населения [95]. Концепция демографического перехода была не способна полностью описать изменения, происходящие в структуре населения вследствие миграции (табл. 2.6).

Таблица 2.6.

Характеристика стадий мобильного перехода по В. Зелинскому

Стадия	Особенности
1. Традиционное общество	- незначительная роль миграции и ограниченные перемещения, связанные с традиционными хозяйственными практиками, такими как землепользование, торговля, религиозные практики.
2. Раннее «мобильное» общество	- массовые миграции из сельской местности в города; - значительные миграции сельского населения для колонизации «фронтиров» (если подобные районы имеются в стране), эмиграция в доступные и миграционно привлекательные зарубежные страны; - небольшая, но заметная роль миграции квалифицированных рабочих в более развитые страны.
3. Позднее «мобильное» общество	- продолжающееся, но заметно сократившееся по масштабам перемещение из сельской местности в города; - уменьшение миграционного потока для колонизации «фронтира»; - уменьшение эмиграционных потоков; - рост структурного разнообразия видов перемещений.
4. Развитое общество	- движение из сельской местности в города продолжает уменьшаться как в абсолютных, так и в относительных показателях; - интенсивные перемещения мигрантов между городами и городскими агломерациями; - население регионов нового освоения стабильно или уменьшается; - рост миграции неквалифицированной рабочей силы из менее развитых стран; - значительная роль миграций высококвалифицированных рабочих (направления и объемы зависят от местных условий); - рост мобильности, в значительной мере вызванной рациональными мотивами (экономическими причинами, выбором более благоприятного для жизни места).
5. Будущее сверх-развитое общество	- уменьшение роли миграций на постоянное место жительства вследствие развития коммуникационных систем; - внутренние миграции затрагивают главным образом городское пространство; - продолжающаяся миграция неквалифицированных рабочих из менее развитых стран; - рост и появление новых форм мобильности; - возможно строгое регулирование потоков внутренней и международной миграции.

Составлено А.Г. Петраковым по [406]

Согласно положениям Зелинского, развитие процесса миграций населения проходит несколько стадий, которые можно сопоставить со стадиями демографического перехода.

Новизна концепции Зелинского в том, что он обратил внимание на влияние миграции на демографическую ситуацию и определил закономерности перемещений населения в зависимости от стадии демографического перехода.

Д. Коулмен обратил внимание на то, что при высокой иммиграции и невысокой рождаемости происходит трансформация этнической структуры населения стран, что приводит к трансформации идентичности населения, культуры, общественного сознания и т.д. [114].

Исследование М.С. Тейтелбаума (M.S. Teitelbaum) и Дж. Винтера (J. Winter) показывает, что в 1990-х гг. в Европе и Северной Америке демографическая ситуация (низкие темпы воспроизводства и старение населения) и мощные миграционные потоки с востока на запад, вызванные распадом социалистического лагеря, а также потоки вынужденных мигрантов и беженцев и трудовых мигрантов из южных регионов в северные непосредственным образом повлияли на укрепление политики национальной идентичности в этих странах.

Каждый из этих трех факторов (демографическая ситуация, масштаб миграции, миграционная политика) находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Масштабы миграции и оценка структуры потоков мигрантов показывают существенное влияние миграции на жизнь современного общества. Все это привело к необходимости создания единой синтетической теории миграции, которая могла бы объединить микро- и макроподходы, теории социологии, экономики и расчеты географов и объясняла бы многофакторность и противоречивость последствий международных миграций, которая и была предложена Дугласом Массеем (Douglas S. Massey) в конце XX века.

2.2.4. Синтетическая теория миграции Д. Массея

Синтетическая теория миграции основывается на результатах работы международной группы ученых – представителей различных дисциплин, которая была создана Международным союзом научных исследований в области народонаселения (IUSSP) [132]. По результатам работы группы в 1998 г. была опубликована мо-

нография «Мир в движении: понимание международной миграции в конце тысячелетия» [340, 353].

Работа группы была направлена на анализ и обобщение существующих теорий миграции. Это уже рассмотренные нами теоретические подходы: неоклассическая экономическая теория; новая экономическая теория трудовой миграции; теория сегментированного рынка труда; теория общественного капитала. И те подходы, которые будут рассмотрены ниже: теория мировых систем; теория кумулятивной причинности, предложенная Массеем.

Основные положения теории миграции Д. Массея. Группа во главе с Массеем систематизировала существующие теории и предложила синтетическое обобщение возникновения и существования международных миграционных потоков в начале XXI в. Остановимся на основных выводах, которые были сделаны Д. Массеем по итогам работы группы.

Первый вывод касается причин, вызывающих международную миграцию населения. Вопреки устоявшемуся среди исследователей мнению, что международная миграция возникает из-за отсутствия экономического роста и развития рынков и является его следствием, ученый утверждает, что международная миграция является результатом экономических трансформаций.

Для подтверждения своей идеи он использует исторические примеры. В ходе распространения индустриализации в Европе после 1800 г. возникают активные волны эмиграции, вовлекая в этот процесс все большее количество стран.

На современном этапе мы наблюдаем, что странами выезда мигрантов являются не самые бедные и наименее развитые в экономическом отношении страны, а страны, переживающие экономическую трансформацию и переходящие от одного типа экономики к другому.

По мнению Массея, ни одна страна не осуществила переход к развитой рыночной экономике без масштабного вытеснения людей из существующих привычных ниш занятости и связанного с этим образа жизни, что преимущественно связано с аграрным типом экономики. В ходе преобразования экономики и трансформации образа жизни, значительная часть людей вытесняется из существующих экономических ниш, результатом чего является, в том числе, международная миграция населения [132, с. 170].

В данном утверждении, на наш взгляд, не достаточно прослежена связь между масштабами международной миграции, переходным этапом развития экономики и соответствующей стадией демографического перехода. Это утверждение справедливо в отношении стран, переживающих демографический бум, в которых наблюдается дефицит рабочих мест в результате структурных трансформаций экономики и рынка труда и существенного естественного прироста.

В своей работе Массей упоминает не только о странах, где происходит переход от аграрного типа экономики к другому, но и об обществах, основанных на «централизованном планировании как, например, командные экономики Советского Союза, КНР и других стран социалистического блока до 1989 г.» [132, с. 162]. В данном случае, как показал опыт России, массового выезда трудовой миграции в другие страны не происходит. Наоборот, Россия является страной, притягивающей мигрантов, и сама образует ядро новой миграционной системы.

Второй вывод группы Массея состоит в том, что иммиграция выступает как естественное следствие более широких процессов социальной, политической, экономической интеграции, которая пересекает государственные границы. Ученый подчеркивает важность уже сложившихся между странами социальных, экономических и политических связей. Мигранты не переезжают в ближайшую более развитую в экономическом отношении страну, а выбирают те места, с которыми уже имеются тесные связи.

Экономические связи отражают тесные отношения в области торговли и инвестиций; политические связи имеют корни в официальных договорах между странами, в колониальной истории и истории военного сотрудничества.

Социальные связи становятся следствием любых институциональных мероприятий, которые способствуют возникновению устойчивых регулярных социальных контактов между людьми, «например, взаимодействие в военной сфере, программы обмена студентами, дипломатические миссии, туризм, торговля и деятельность транснациональных компаний» [132, с. 170].

В данном случае, на наш взгляд, недостаточный акцент сделан на двух моментах: роль соседства в международных миграциях и роль личных контактов в формировании транснациональных связей мигрантов.

В исторической ретроспективе часто тесные взаимосвязи как раз и наблюдаются между странами-соседями. Хотя на современном этапе развития общества соседство стран и географическая близость не являются определяющими в формировании международных потоков миграции, но часто существующая ситуация является как раз следствием более ранних соседских отношений между странами. Примеры современных масштабных вынужденных миграций показывают, что соседние страны и регионы принимают максимальное количество беженцев в результате различных конфликтов. В отношении масштабных трудовых мигрантов часто соседское положение играет значительную роль в международных миграциях (рис. 2.2).

С положением о значимости различных связей между странами в формировании миграционных потоков можно согласиться, это действительно подтверждается современными данными о миграциях.

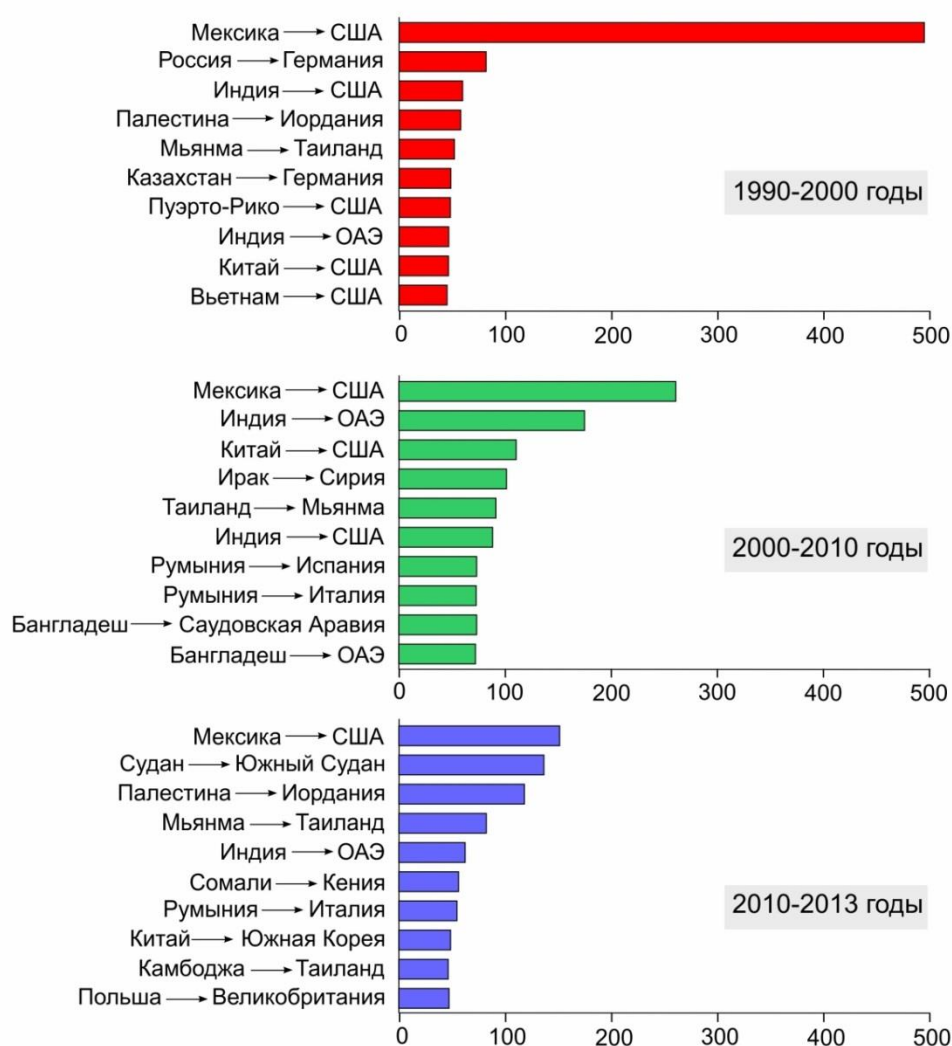

Рис. 2.2. Лидеры крупнейших двухсторонних миграционных коридоров с максимальным количеством мигрантов ежегодно, в 1990-2013 гг., тыс. человек. Источник: [339, р. 6].

Недостаточно разработанным оказался вопрос о роли и значении личных контактов между мигрантами, которые приводят к формированию устойчивых экономических, политических, социальных и культурных связей между странами.

Об этом Массей упоминает в теории кумулятивной причинности, говоря о том, что мигранты сами формируют мигрантскую среду и инфраструктуру, которая сама себя воспроизводит, приводя к дальнейшей миграции. Но при этом инфраструктура мигрантов может не только приводить к продолжению миграции, а создавать устойчивые транснациональные связи.

Третий вывод синтетической теории базируется на утверждении, что иммигранты, въезжая в развитую страну, отвечают сильному и устойчивому спросу, который встроен в структуру постиндустриальных экономик. Это значит, что мигранты пополняют определенные ниши на рынке труда в соответствии со структурными особенностями рыночных экономик.

Поскольку на современной стадии развития государств рынки труда становятся более сегментированными (в соответствии с теорией сегментированного рынка труда) и их можно разделить на сегмент, предоставляющий «хорошие» рабочие места для высококвалифицированных сотрудников с социальными гарантиями, и «вторичный» рынок, часто с неполной занятостью, для сотрудников с более низкой квалификацией, с социальными ограничениями. Часто именно на «вторичном» рынке и оказываются сконцентрированы мигранты.

Подобная занятость поощряется и иницируется самими работодателями, поскольку им выгодно иметь дело с мигрантами на рынке труда.

В данном случае можно сделать определенное дополнение в отношении того, что часть положений синтетической теории Массея имеют «иммиграционный крен», международные миграции рассматриваются только с позиции стран, принимающих мигрантов.

В третьем положении теории это проявляется в том, что выгодность привлечения мигрантов рассматривается только со стороны стран, привлекающих мигрантов, то есть только с одной стороны. Но часто, как это можно проследить на примере международных трудовых миграций из стран Центральной Азии, подобная ситуация выгодна и для стран, откуда выезжают мигранты. Эмиграция ослабляет напряженность на рынке труда этих стран, снижает социальную и политиче-

скую напряженность в случае массовой безработицы молодых трудоспособных мужчин. Мигранты не только встраиваются в существующие рынки труда в более развитых в экономическом отношении странах, но и ослабляют напряженность на рынках труда в своих странах.

Четвертый вывод относительно современной миграции касается установок мигрантов на невозвратную миграцию. Исследования показали, что трудовые мигранты, въезжающие в развитые экономические страны, изначально не планируют остаться в новой стране на постоянное жительство. Большинство мигрантов пытаются решить с помощью миграции экономические проблемы, сопровождающие их у себя дома. Изначально мигранты стараются работать за рубежом временно для того, чтобы заработать деньги, перевести их на родину и/или накопить деньги с целью диверсификации экономических и социальных рисков (в соответствии с новой экономической теорией трудовой миграции Старка).

В отношении данного положения можно сказать, что выводы, полученные в ходе эмпирического исследования массовой миграции из России в Германию, не опровергают данное положение, но свидетельствуют о том, что часто мигранты изначально ориентированы на постоянный переезд в страну. Особенно это характерно для случаев, когда определяющим мотивом миграции являются не экономические, а политические или социально-культурные причины.

Несмотря на изначальные установки мигрантов на возвращение домой, примеры массовой трудовой миграции во второй половине XX в. и в Европе, и в Северной Америке показывают, что значительная часть мигрантов становится постоянными жителями стран въезда, создавая значительную часть населения в определенных городах и регионах. Это в дальнейшем приводит к сложностям с интеграцией первого и второго поколения мигрантов. На этот аспект последствий массовой миграции обращают внимание современные социологи, работы которых не рассматривались рабочей группой Массея.

Пятый вывод синтетической теории миграции содержит утверждение, что международная миграция часто в меньшей степени подвержена влиянию условий на рынках труда, чем условий на других рынках. В сфере миграционной политики необходимо уделять внимание не только воздействию на рынки труда в целях регулирования миграционной ситуации, но и воздействию на ситуацию через про-

граммы по стабилизации экономической, финансовой и социальной ситуации в странах выхода трудовых мигрантов.

Подобное утверждение строится на предположении, что мигранты приезжают в другие страны не только с целью максимальной заработной платы, но и с целью «самострахования» домохозяйств в стране выхода, создания условий для будущих капиталовложений. Таким образом, в случае снижения заработной платы стимул для международной миграции не снижается.

Отчасти данный вывод вступает в противоречие с последующим шестым выводом, поскольку исходит из того, что мигранты мотивированы в своем экономическом и социальном поведении ценностями их домохозяйства и нормами социального поведения, приобретенными в стране выхода. Только в таком случае мы можем утверждать, что мигранты действуют с целью «страхования» ситуации в стране выхода. Тогда как шестой вывод говорит о смене мотивации и социальных ценностей мигрантов.

В **шестом выводе** Массей пишет, что какими бы ни были первоначальные намерения эмигрантов, по мере приобретения нового социального опыта мотивации меняются. Трудовые поездки становятся все более длительными, со временем растет вероятность постоянного переселения. Проживание в странах с иной потребительской культурой и жизненными ценностями приводит к насаждению новых вкусов и новых мотиваций, которые уже не могут быть удовлетворены на их родине. По мере проживания в новой для них стране, мигранты приобретают все более тесные социальные и экономические связи со страной проживания, они начинают обращаться с просьбами на въезд для всех членов семьи, получают возможность стать гражданами новой страны.

Данные утверждения свидетельствуют об отсутствии в обзоре, сделанном группой Массей, социологических теорий, которые посвящены вопросам ассимиляции и интеграции мигрантов. Часть закономерностей, представленных в данном случае в качестве новых, была уже описана специалистами в странах Европы несколько десятилетий назад (вопрос о приглашении семей турецкими мигрантами в Германии).

Более глубокая проблема заключается в ресоциализации мигрантов в новой стране проживания. Вопрос заключается не только в перенимании новой потреби-

тельской культуры мигрантами, но и в усвоении новых жизненных ценностей, отличных от ценностей более традиционного общества, откуда прибывают мигранты.

Сложности вызывают не новые образцы потребительской культуры, которые достаточно быстро приходят и в страны, поставляющие мигрантов, а новые основополагающие жизненные ценности. Например, гендерные и возрастные аспекты интеграции мигрантов, разногласия, возникающие в среде мигрантов из-за различного отношения к положению женщин в традиционном и современном обществах, трансформация репродуктивного поведения, отношение к гражданским бракам, изменение отношения к распределению гендерных отношений в семье.

Более пристального внимания требует тема возвратной миграции, и ее влияния на экономику, социальную и политическую сферу, которая все чаще привлекает внимание исследователей [384]. Не исключено, что в дальнейшем возвратная миграция через десятки лет после миграции станет для стран, отдающих мигрантов, более распространенным явлением, как это происходит в странах юго-восточной Азии.

Седьмой вывод гласит, что важным свойством процесса международной миграции является тенденция к созданию собственной инфраструктуры поддержки миграционных сетей. В результате возникновения подобной инфраструктуры миграционные потоки приобретают сильную внутреннюю инерцию, что делает масштабные миграции активными политическими, экономическими и социальными акторами, способными сопротивляться, в том числе и манипуляциям государственной политики. «Политики то одной, то другой страны убеждаются, что миграцию гораздо легче начать, чем прекратить» [132, с. 172].

Одним из важных механизмов, поддерживающих международную миграцию населения, является создание и распространение сетей мигрантов. Эмиграция трансформирует социальные связи, такие как родство или дружба, в потенциальный источник общественного капитала, который можно использовать как ресурс для получения работы в другой стране.

Особо следует подчеркнуть, что теория общественного капитала не является уникальной только для групп мигрантов, социальные связи как потенциальный экономический ресурс могут использоваться и вне ситуации миграции.

Одним из самых значимых результатов синтетической теории миграции является идея «эмиграционного перехода», на которой мы остановимся более подробно. Иммиграционные потоки имеют естественный ограниченный срок, он может быть длиннее или короче, но всегда ограничен. Большинство европейских стран прошли «эмиграционный переход» от низкого к высокому и вновь к низкому уровню миграции по мере экономического развития. Для европейских стран «эмиграционный переход» занял 80-90 лет. Массей полагает, что это происходило в течение такого длительного времени, пока страны-реципиенты принимали мигрантов, ожидая улучшения экономических условий в странах выезда [132, с. 172]. Для современных стран, что показано на примере Южной Кореи, продолжительность миграционного перехода сокращается до тридцати лет.

В период начальных фаз эмиграции преобладает воздействие расширения рыночных отношений, недостатков рынка, социальных сетей и кумулятивной причинности, то есть еще не сформированы инфраструктуры мигрантов. По мере того, как масштаб эмиграции растет, а стоимостные издержки и риски международного движения снижаются, международная миграция все больше определяется разницей в заработной плате и спросом на рабочую силу.

В результате экономического роста в регионах выезда, разница в заработной плате между странами уменьшается, развиваются рынки капитала, кредита, страхования, которые снижают стимулы к эмиграции. В ходе этого процесса страна интегрируется в мировую экономику, проходит через миграционный переход, и страна эмиграции становится страной, притягивающей мигрантов.

Сразу отметим, что в данной концепции не принимается во внимание демографическое развитие стран, идея мобильного перехода Зелинского и демографического перехода. При рассмотрении «миграционного перехода» не учитывается изменение демографической ситуации, как в странах выхода мигрантов, так и в странах, принимающих мигрантов. В этом положении не учитывается, что прекращение миграционного перехода и активной волны эмиграции, помимо прочих причин могут быть вызваны исчерпанием демографического потенциала стран-доноров мигрантов.

Кроме того «за кадром» данного положения остается ситуация в некапиталистических странах, проходил ли там эмиграционный переход? Какая роль полити-

ческих факторов при прохождении миграционного перехода, как это было в странах Европы во время Второй мировой войны?

П.Л. Мартин (P.L. Martin) и Дж.Е. Тейлор (J.E. Taylor) в 1996 г., рассматривая миграционные траектории европейских стран, называли это явление «миграционным горбом» в теории миграционного перехода [352]. Т. Дж. Хэттон (T.J. Hatton) и Дж. Г. Уилльямсон (J.G. Williamson) в 1998 г. опубликовали работу, в которой рассмотрели для 15-ти европейских стран данные об эмиграции с 1850 по 1914 г. По мнению авторов, сглаженный тренд миграционного оттока из этих стран может быть описан простым уравнением параболы второй степени:

$$ER = -0,35 + 2,66 * t - 0,27 * t^2$$

где, ER – ежегодный коэффициент эмиграции (количество эмигрантов на 1000 чел. или 10 000 чел.), t – количество десятилетий, которые прошли с начала периода миграционного оттока [330].

Итоговые выводы синтетической теории миграции касаются рекомендаций в отношении стратегии миграционной политики. Необходимо выбирать оптимальный вариант миграционной политики между мерами по закрытию границ и либерализацией экономики. Невозможно попытаться остановить миграцию, нужно признать иммиграцию частью глобальной экономической интеграции, и миграционная политика должна осуществляться под эгидой более широких соглашений, регулирующих торговлю и инвестиции [132, с. 172-174].

Несмотря на существенный вклад синтетической миграции в изучение миграций населения, мы остановимся на нескольких общих критических замечаниях в отношении данной теории, часть из которых уже упоминалась выше:

- теория больше внимания уделяет экономическим факторам в объяснении закономерностей миграционных процессов, при этом не уделяя внимания другим факторам, таким как демографическая и социально-культурная составляющая миграционных процессов;
- не рассмотрен более детально вопрос последствий интеграции мигрантов в принимающее общество;
- в теории не всегда представлены детальные объяснения механизмов миграционного процесса;

- международные мигранты рассматриваются как гомогенная группа, а не как совокупность различных социальных групп, которые не всегда занимают низкие и средние социальные позиции на рынках труда в принимающем сообществе;

- в теории сделан акцент на странах, принимающих мигрантов, а не на странах, откуда мигранты выезжают.

2.3. Новые концепции миграции населения конца XX – начала XXI в.

В последней четверти XX в. в связи с развитием глобализации, интенсификацией международных миграций, ростом экономических, социальных и политических последствий международных миграций появляются новые теории и концепции, объясняющие эти процессы. Бóльшая часть новых концепций связана с изменением роли национального государства, как в международной политической сфере, так и на индивидуальном уровне.

Три основных взаимосвязанных направления представлены следующими темами:

- трансформация роли государства и национальной идентичности населения стран, принимающих мигрантов;
- концепция транснационализма и транснациональной миграции;
- изучение социальных сетей, образуемых мигрантами.

2.3.1. Исследования трансформации роли государства в эпоху глобальных миграций

В.С. Малахов в работе «Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций» [129] отмечает, что феномен глобальных миграций не является особенностью конца XX в. Массовые миграции происходили на всех этапах развития человечества, включая массовую эмиграцию из Европы в Америку в конце XIX в. Но вследствие закрепления в научном дискурсе принципа, называемого «методологическим национализмом», мигранты не рассматривались как часть национальной общности принимающего их государства.

Суть «методологического национализма» как особого мировоззрения, по мнению А. Виммера и Н.Г. Шиллер, состоит в том, что «общественно-человеческий мир представляется естественным образом разделенным на национальные государства. При этом границы государств должны совпадать с этнокуль-

турными границами» [129, с. 36; 403]. В рамках этого подхода большая часть исследователей воспринимала мигрантов как временное явление для принимающего общества, их рассматривали как часть носителей иной культурной традиции и иной идентичности. Эта традиция в изучении международных миграций господствовала в западных исследованиях до начала 1990-х гг.

Исследования конца 1990-х – начала 2000-х гг. акцентируют внимание на том, что международные миграции становятся постоянным процессом, что мигранты формируют свою собственную гибридную идентичность, отличную как от идентичности стран-доноров мигрантов, так и от идентичности принимающего сообщества. В условиях активной международной миграции размываются понятия национальной идентичности. А.Н. Гусев пишет, что «живущие по соседству с «аборигенами» мигранты делают незначимыми границы национальных государств...» [60].

Многие работы посвящены трансформации понятий «свой – чужой», в частности публикации З. Баумана. Ученый считает, что на современном этапе развития общества вопросы взаимодействия с «чужаками» становятся как никогда актуальными. Развитие туризма, мировой торговли, быстрота и легкость пространственных перемещений превратили путешествия и контакты с иностранцами в повседневность, и общество находит способы ограничения таких контактов. Как туристы в чужих странах, так и мигранты в принимающем сообществе создают своеобразные гетто и общаются с коренным населением через посредников. «Чужак угрожает самому обществу, самой возможности его существования. Он разрушает структуру базовой бинарной оппозиции друзья – враги: он не друг и не враг, поскольку может быть и тем и другим. Оппозиции делают возможным знание и действие, чужак парализует их» [17].

Эпоха глобальных миграций привела к новому понятию мобильности в социальных науках, связанному не только с вертикальной социальной мобильностью, но и с вопросами горизонтальной географической мобильности, возникновением нового массового мобильного образа жизни. Эта тема начинает изучаться не только в контексте исследования международных миграций населения, а в контексте глобальных социальных изменений и новых качеств и состояния современных обществ.

Появляются работы, посвященные мобильности, как неотъемлемому образу жизни современного общества. К одной из таких работ относится исследование Дж. Урри «Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия» [231]. Центральным понятием в работе Дж. Урри стало понятие «мобильность» во всех ее проявлениях. Он отмечал, что мобильность – не только географический, но и социальный феномен. Но часто социологам не удавалось детально фиксировать взаимосвязь между географическим пересечением границ регионов и городов с социальными категориями класса гендера и этничности.

2.3.2. Теории транснациональной миграции и сетей мигрантов

По мнению М. Кайзера и О. Бредниковой, термин «транснационализм» вошел в обиход социальных наук в 1970-х гг., что было связано с трансформациями в экономической сфере, где начали преобладать транснациональные корпорации и банки [141]. Так, С. Сассен (S. Sassen) обращается в своих исследованиях к термину «транснациональность» для того, чтобы «акцентировать пространственное измерение и масштаб экономических, социальных и политических процессов и связей в условиях глобализации» [141, 381].

В миграционные науки в Западной Европе понятие «транснационализм» пришло позже. В начале 1990-х гг. Н.Ш. Глик (N. Sch. Glick) и ее коллеги предложили использовать его как базовое для новой парадигмы в исследованиях международной миграции.

При таком подходе транснационализм определяется как «социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географические, культурные и политические границы». Мигранты входят в транснациональные сообщества в том случае, если «развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы государств» [395].

С позиции экономических взаимоотношений рассматривает новые формы миграции Г.И. Глущенко. В своей работе автор полагает, что современные мигранты могут быть определены как представители транснациональных сообществ, поскольку они развивают и поддерживают семейные, социальные, экономические, политические, организационные и религиозные отношения, простирающиеся через

границы. Их экономические интересы находятся как в стране их нынешнего проживания, так и на родине [55].

Масштабы международных миграций в мире с начала 1990-х гг., судя по данным Мирового Банка о денежных переводах мигрантов, возросли многократно. В 1990 г. денежные переводы мигрантов во всем мире, по оценкам Мирового Банка, составляли 40 млрд долл США, в 2005 г. их объем достиг 167 млрд долл, а в 2008 г. – 338 млрд долл [354, 404].

С точки зрения Мирового Банка, денежные переводы мигрантов являются эффективным средством преодоления бедности в мире (рис. 2.3) и эффективным инструментом самопомощи населения развивающихся стран, хотя исключительно только денежные переводы мигрантов не могут ликвидировать структурные ограничения экономического роста [318, р. 21]. Помимо денежных переводов, население стран-доноров мигрантов получает также новые идеи, новые социальные нормы, новые навыки, социальные контакты.

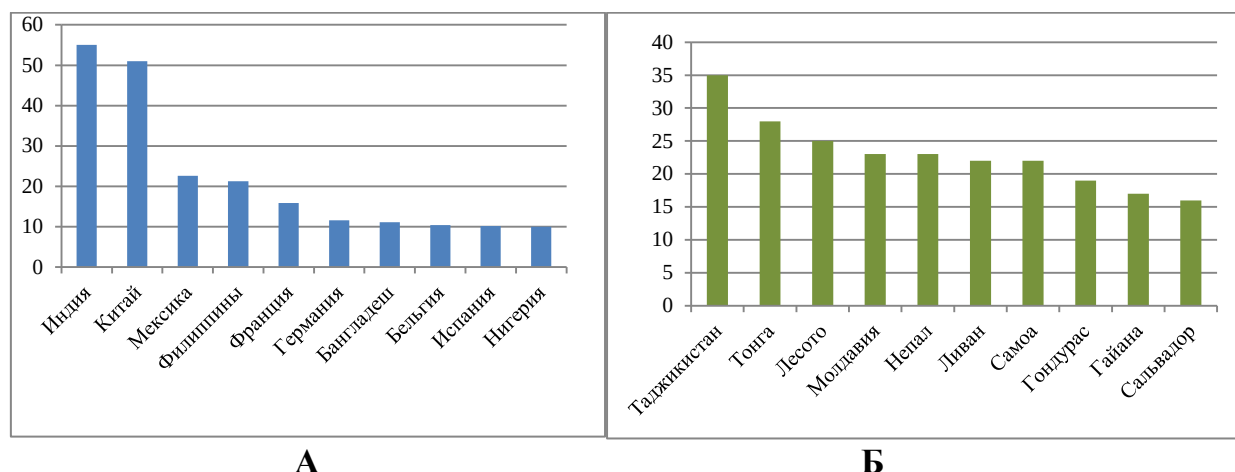

Рис. 2.3. Десять стран-получателей денежных переводов мигрантов. Источник [355].
А – в млрд долл, 2010 г., Б – в % от ВВП, 2009

Немецкий исследователь Л. Прис (L. Pries) предложил включить в научный оборот категорию «транснационального социального пространства». По его мнению, появление сложных и непрерывных потоков людей, товаров и информации свидетельствует о новой эре миграции, разрушает ее традиционные формы [372].

Значительный вклад в развитие транснационального подхода внес Т. Файст (Th. Faist), предложивший рассматривать различные типы транснациональных социальных пространств [317; 396, s. 6]. Файст предлагает следующее определение транснационального социального пространства – это относительно стабильные,

устойчивые социальные связи, простирающиеся через границы национальных государств. Транснациональные социальные пространства состоят из сетей социальных акторов и сетей организаций, которые расположены в различных географических точках [316, р. 197].

Большая часть транснациональных социальных пространств образована из регулярных семейных и личных связей мигрантов и систем, функционирующих в различных сферах: семейной, социально-культурной, экономической и политической. Минимальные единицы для анализа трансграничных социальных пространств – это социальные сети, которые представляют из себя регулярно повторяющиеся серии социальных рутинных практик, по крайней мере между двумя социальными акторами в разных странах. Это может быть поездка мигранта в гости к своей семье на родину, телефонные звонки, общение с коллегами через границы государств, денежные переводы мигрантов [318, р. 54-56] (рис. 2.4).

Рис. 2.4. Схема функционирования транснациональных социальных пространств.
Составлено по: [318, р. 54].

Социальные сети мигрантов содержат символические элементы, такие как общие ценности, общие воспоминания, дальнейшие ожидания, коллективные представления. Т. Файст предлагает типологию транснациональных социальных пространств, которые характеризуются разными формами социальных ресурсов: родственные группы; круги обмена и международной солидарности; транснациональные сообщества (табл. 2.7).

Родственные группы – форма транснациональных социальных пространств, типичная для широкого слоя международных мигрантов, особенно для международных мигрантов первого поколения. Члены нуклеарных или расширенных семей могут проживать в разных странах. Например, гастарбайтеры в Германии или бо-

лее высококвалифицированные специалисты, работающие в крупных компаниях. Для их родственных групп характерны тесные транснациональные связи, они являются как экономическими, так и социальными общественными единицами.

Один из важнейших социальных ресурсов в данной группе – социальная солидарность или взаимность, обмен различного рода социальными ресурсами внутри группы. Участие в группе характеризуется осознанием участниками группы взаимных прав и обязанностей. Типичными примерами солидарности в родственных группах служат денежные переводы мигрантов на родину или забота родственников о детях мигрантов или пожилых родственниках, которые остались на родине.

Такой тип транснационального сообщества может прекратить свое существование в случае воссоединения нуклеарной семьи в одной из стран или в случае смерти родственников, существуют примеры и устойчивых родственных групп в случаях с более широкими родственными связями в разных странах [318, р. 57-59].

Таблица 2.7.

Типы транснациональных социальных пространств по Т. Файсту

Тип транснационального социального пространства	Основные ресурсы в связях	Основные характеристики	Типичные примеры
родственные группы	взаимная солидарность: обмен ресурсами и услугами между представителями группы	группа сохраняет целостность через поддержку принятых в группе социальных норм и правил	денежные переводы мигрантов в страны выхода своим семьям
круги обмена и международной солидарности	социальный обмен взаимными обязанностями и ожиданиями акторов кругов обмена в результате совместной деятельности	использование преимуществ акторов, входящих в круг обмена: общий язык, тесные социальные связи и т.д.	сети предпринимателей из разных стран (сети китайских, ливанских, индийских бизнесменов)
транснациональные сообщества	солидарность на основе общих идей, верований, жизненных ценностей и значимых социальных символов, что становится основой социальной идентичности	мобилизация коллективных представлений на основе общих символов: религиозность, этничность, национально-государственная принадлежность	диаспоральные сообщества

Источник: [318, р. 57].

Круги обмена и международной солидарности можно характеризовать как наборы социальных связей между отдельными людьми и организациями, в которых

обмен ресурсами происходит для достижения общей цели. Например, обмен информацией или получение услуг. Это могут быть сети адвокатов, научные сообщества, бизнес-сети. Существует давняя традиция транснациональных кругов в области прав человека, в решении экологических проблем, появляются подобные круги и в сообществах мигрантов. Типичные круги обмена мигрантов возникают, например, в виде регулярных культурных обменов фольклорных групп и других творческих коллективов. Относительно деловых связей мигрантов, простирающихся через границы, можно говорить о денежных вложениях и инвестициях предпринимателей в странах иммиграции, сотрудничестве со странами происхождения предпринимателей.

Руководство государств-доноров массовой трудовой миграции все более и более заинтересовано в привлечении подобных инвестиций. В мире среди всех групп мигрантов наиболее развиты предпринимательские транснациональные связи в среде выходцев из Китая и Индии, которые в продвижении торговли в странах выхода и в странах иммиграции часто используют этнические транснациональные ресурсы для поддержания информационных и прочих связей.

Транснациональные сообщества составляют в значительной степени формализованные типы транснациональных социальных пространств. Эти группы существуют продолжительное время и характеризуются наличием групповой коллективной идентичности, которая проявляется в коллективной солидарности. Внутри транснациональных сообществ наблюдаются постоянные и интенсивные социальные связи с высокой степенью социальной близости, эмоциональной глубины, моральных обязательств и социальной сплоченности.

Самый простой пример транснационального сообщества – объединение представителей сельских сообществ в кросс-границную социальную систему. Типичные социальные практики для существования транснациональных сообществ – это инвестиции в частные или общественные проекты, направленные на общее благо сообщества или отдельных его представителей. Наиболее значимые формы транснациональных сообществ представляют собой религиозные группы и представители различных церквей. По мнению Р. Брубейкера (R. Brubaker), этнические диаспоры также можно рассматривать как пример транснациональных сообществ [26].

По мнению А. Амелиной и Т. Файста, в современных условиях нецелесообразно рассматривать процессы миграции с позиции национального государства и с позиции этнических групп, а необходимо обращать внимание на процессы, которые пересекают национальные границы [268]. Это важно для выбора методов исследования и ответов на основные вопросы транснациональных исследований: значение транснациональных связей для понимания жизненных шансов мигрантов; вопросы социальной интеграции мигрантов; происхождение и воспроизводство транснациональных связей мигрантов; влияние межстрановых связей мигрантов на развитие стран эмиграции и иммиграции.

Т. Файст и А. Амелина останавливаются на сложностях транснациональной методологии. Во многих исследованиях международных миграций часто в центре эмпирических исследований оказывается государство-нация, как если бы государство было «закрытым пространством», то есть государство и общество объединяются территорией, социальные практики мигрантов и государство объединяются [268]. Эмпирические исследования показывают, что жизненные стратегии мигрантов часто строятся, исходя из условий как страны выезда, так и страны въезда мигрантов. Мигранты в социальном поведении ориентируются на социальные нормы и практики и той и другой страны, образуя новую транснациональную общность, обладающую, называемой гибридной идентичностью.

Среди отечественных работ по социально-экономической географии не так много публикаций, посвященных транснациональным миграциям [115]. В данной работе автор также придерживается транснациональной методологии при изучении эмиграции, что нашло отражение в стратегии исследования. Полевой материал был собран как в России, в регионах массового выезда эмигрантов в Германию, так и в ФРГ среди мигрантов из России и других стран постсоветского пространства.

2.4. Системный подход в миграционных исследованиях

Теоретическая часть проведенного исследования строится на двух базовых концепциях, которые позволяют наиболее полно изучить международные миграции населения. Это – концепция транснационализма, о которой детально рассказа-

но выше, и системный подход, который позволяет рассматривать миграционный процесс между двумя странами как сложную транснациональную систему.

Впервые положения системного подхода и теории систем были разработаны Л. Берталанфи в 1930-е гг [99]. Многочисленные работы по общей теории систем появились в советской и западной науке в 1950-е гг. Максимальную популярность как в естественных, так и в гуманитарных науках системный подход приобрел в 1960-е гг. [21, 111, 206]. Среди наиболее значимых авторов можно отметить работы Р. Акоффа и Ф. Эмери, посвященные целеустремленным системам [4, 5].

В первую очередь в большинстве работ говорилось о необходимости рассматривать изучение сложных объектов с точки зрения совершенно иных, чем прежде принципов научного мышления. По мнению В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина, системный подход – «теоретическое обсуждение методов и принципов исследования объектов как систем, то есть как целостных множеств взаимосвязанных элементов» [206, с. 8].

Системные исследования отличаются друг от друга в зависимости от сферы научного знания, от того, находятся ли они в сфере философской, логико-методологической или специально научной областях анализа.

Одной из наиболее сложных задач в системных исследованиях является определение самого понятия «система». В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин выделяют следующие инварианты этого понятия:

- система рассматривается как комплекс взаимосвязанных элементов;
 - система образует особое единство с внешней средой;
 - любая система представляет собой элемент системы более высокого порядка;
 - элементы любой системы выступают как системы более низкого порядка
- [206, с. 12].

От понятия «система» неотделим целый круг смежных понятий, через которые часто и определяется сама система: «свойство», «связь», «подсистема», «элемент», «структура», «организация»; а также понятия, относящиеся к процессам функционирования системы: «стабильность», «равновесие», «управление», «саморегуляция» и т.д.

В социально-экономической географии системный подход стал разрабатываться в 1960-е гг. В первой части данного параграфа рассмотрена традиция изуче-

ния территориальных систем различного уровня и системно-структурный подход, сложившийся в социально-экономической географии.

2.4.1. Территориальные общественные системы в географии

Понятие территориальных социально-экономических систем (ТСЭС) и территориальных общественных систем (ТОС) в отечественной социально-экономической географии формировалось во второй половине XX в. Оно является одним из ключевых понятий в отечественной географии и не утратило актуальность в конце XX в. Вопросами формирования и функционирования ТСЭС и ТОС занимаются такие географы как П.Я. Бакланов, М.А. Грищенко, Л.Ю. Мажар, А.И. Чистобаев, Н.Д. Матрусов, М.Д. Шарыгин и др. [12, 57, 58, 125, 126, 136, 255, 256, 260]. К исследованиям социальных географов по изучению общественных систем близки работы этнографов, в частности, работа О.И. Шкаратана, посвященная воспроизводству городской территориальной общности [257].

По мнению М.Д. Шарыгина, предшественником понятия «территориальных систем» стало понятие «территориально-производственный комбинат» [256, с. 4]. В дальнейшем развитие идеи территориальных систем в географии было осуществлено Н.Н. Колосовским в разработке концепции территориально-производственного комплекса (ТПК). Ученый под ТПК понимал «...такое экономическое (взаимообусловленное) сочетание предприятий в одной промышленной точке или в целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного (планового) подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» [110, 256].

Далее учение о ТПК развивалось следующими учеными: М.К. Бандман, Т.М. Калашникова, Ю.Г. Саушкин, Е.Д. Силаев, О.Д. Чувилкин, А.Т. Хрущев, Н.П. Федорцов [13, 207, 251]. ТПК можно считать территориальной производственной системой (ТПС), формирующей материально-техническую основу экономического района.

В 1970-е гг. экономический «крен» в географических исследованиях и в том числе в учении о территориальных системах (ТС) был осознан исследователями, вследствие чего концепция ТС была переориентирована на более интегральную и

многокомпонентную систему, включающую не только производство, но и население, инфраструктуру, природопользование.

В новой концепции о территориальных системах акцент переносится на население и социальную сферу. Значительный вклад в развитие системной концепции в географии в советский период внесла монография У.И. Мересте и С.Я. Ныммик «Современная география: вопросы теории». Авторы монографии используют понятие социально-экономические пространственные системы (СЭПС), под которыми понимаются «...сложные, многоуровневые пространственные системы жизни общества» [138, с. 208]. Особым видом СЭПС являются социально-экономические территориальные комплексы (СЭТК). СЭТК является расширенным аналогом ТПК, по содержанию он представляет собой сочетание производительных сил самого центрального поселения и зоны его гравитации [138, с. 210-212].

В географии закрепилось и все чаще стало упоминаться понятие территориальной социально-экономической системы.

ТСЭС – пространственно-временное сочетание социально-экономических элементов жизнедеятельности людей, включенное в процессы общественного воспроизводства, развивающееся как звено географического разделения и интеграции труда, услуг, информации. Для каждой ТСЭС характерны следующие черты:

- сложный внутренний состав, в который входят абиотические, биотические, технические, экономические, демографические, социальные компоненты и элементы;
- социальная направленность функционирования экономики, инфраструктуры, природопользования;
- человек рассматривается как биосоциальное явление – основное звено в ТСЭС, ведущий фактор производства и потребления;
- формирование и функционирование ТСЭС дает существенный экономический, социальный и экологический эффект;
- наличие внутренних воспроизводственных процессов, сочетающихся с открытостью, выраженной в обмене товаров благ, услуг информации;
- динамизм и стремление к равновесию с окружающей природной средой;
- управляемость экономическими и социальными процессами [138].

Недостатком концепции ТСЭС являлось то, что это понятие не учитывало социально-психологические, поведенческие и иные социальные процессы.

В 1980-е гг. появляются публикации, посвященные новым системным концепциям, которые могут быть использованы для постоянно развивающихся территориальных форм пространственной организации общества. Б.С. Хорев предложил использовать понятие «*территориальная общественная система*» (ТОС), в котором трансформировались идеи, заложенные в учении о ТСЭС [244].

Системообразующими факторами ТОС являются: общность производственных и транспортных связей; единство системы населенных пунктов и демографических связей; единство системы социальной инфраструктуры; общность природопользования и задач по охране окружающей среды; единство системы информации; общность и централизация управления автономными объектами системы.

М.Д. Шарыгин для современных условий дает такое определение *ТОС* – «это пространственно-временная форма организации ойкумены, в которой взаимосвязано и взаимообусловлено сочетаются все сферы жизни людей, включенные в процессы общественного развития и воспроизводства. Каждая ТОС представляет собой единство всех элементов общества, тесно взаимодействующее с окружающей природной средой» [256, с. 8].

Ядром ТОС являются территориальные общности людей (ТОЛ), для которых характерна сложная социальная, профессиональная, демографическая и этническая структура. ТОЛы объединяются общими интересами и общей территориальной принадлежностью [218, 219]. Детально к концепции территориальной общности людей обращался в своей докторской диссертации А.А. Ткаченко, также занимался этим вопросом А.В. Петров [172].

Традиционно используется следующее определение *ТОЛ* – это локализованная в географическом пространстве группа людей, тесно связанная множеством территориально опосредованных социальных, экономических, культурных, политических и духовных отношений. ТОЛ является частью более сложных социально-пространственных образований – территориальных общественных систем [255].

М.Д. Шарыгин формулирует следующие базовые характеристики ТОЛ:

- разновидность социальных образований, складывающаяся в обществе независимо от воли и сознания людей и обусловленная определенными социально-экономическими условиями конкретного общества;

– устойчивые целостные образования со всеми элементами общественной структуры общества (производительные силы, технико-организационные и производственные отношения, классы и социальные слои, социальные отношения, культура и т.д.). ТОЛ могут функционировать как самостоятельные образования;

– ТОЛ существуют на разных иерархических уровнях;

– для ТОЛ характерны пространственная близость, общность исторической судьбы, единство природно-ресурсной среды, интенсивные контакты, которые обеспечивают общие ценности и общую региональную идентичность [223].

2.4.2. Системно-структурный подход в социально-экономической географии

Системно-структурный подход в социально-экономической географии получил активное развитие в 1960-1970-е гг. Развитию системного подхода в отечественной науке способствовали работы философов В.Н. Садовского, А.И. Уёмова, М.В. Блауберга, Э.Г. Юдина, географа Ю.Г. Пузаченко [57, с. 234].

В социально-экономической географии определяющую роль в развитии системно-структурного подхода сыграли труды И.М. Маергойза [127]. Помимо его работ, территориальные структуры рассматриваются в публикациях Л.И. Василевского, А.П. Горкина, Г.М. Лаппо, Ю.Г. Липеца, П.М. Поляна, Л.В. Смирнягина, А.Г. Топчиева, А.И. Трейвиша [38, с. 250; 222].

И.М. Маергойз определил территориальную структуру хозяйства как «совокупность определенным образом взаиморасположенных и сочлененных территориальных элементов, находящихся в сложном взаимодействии и процессе развития и функционирования народнохозяйственной системы: материальное производство, инфраструктура, население, природные ресурсы» [57, с. 234].

Остановимся более детально на свойствах систем и типах территориальных структур, что будет использовано ниже автором в концепции транснациональных миграционных систем.

Свойства территориальных систем. Л.И. Василевский и П.М. Полян упоминают о следующих важных критериях целостности систем во времени и пространстве, которые, на наш взгляд, применимы к рассматриваемым ниже транснациональным миграционным системам:

- **функциональность**, под которой понимается способность к осуществлению определенной функции;

- **цельность** подразумевает единство системы, непрерывность ее развития и функционирования во времени и пространстве;

- **эмерджентность** системы определяется как ее способность обладать свойствами, не присущими отдельным ее элементам или процессам, происходящим в системе, то есть неравенство целого сумме его частей;

- **автономность** системы выражается в ее относительной замкнутости, определяемой внутрисистемными факторами, что проявляется отделением системы от других систем.

- **объективность границ**, если речь идет про территориальные системы, выражается в наличие территориальных границ;

- **интегрированность** показывает полноту охвата и интенсивность связей в системе, при изменении отдельных элементов системы возмущение передается остальным элементам и всей системе в целом.

- **гомеостазис** означает функциональную устойчивость системы при взаимодействии с внешней средой или системой более высшего ранга, это свойство всей системы в целом, а не отдельных ее элементов. Обычно различают два противоположных характера гомеостазиса: гомеорезис (устойчивость системы, несмотря на агрессивное воздействие внешней среды) и адаптивность (гибкость системы и способность приспосабливаться к изменениям внешней среды, сохраняя структурные черты системы) [38, с. 243-245].

Структуризация территориальных систем. В социально-экономической географии для анализа территориальных систем используется понятие «структуризация» - выделение взаимонезависимых структур с последующим рассмотрением систем с точки зрения инвариантности данных структур. При этом предлагаются три типа структуризации систем, учитывающие разнотипные системные отношения.

Структуризация по системообразующему (функциональному отношению), то есть определение автономных и взаимосвязанных подсистем, обладающих определенными функциями и обеспечивающих функционирование и развитие всей системы.

Структуризация по атрибутивным отношениям. Любая система обладает размерами и возрастом, что определяет пространственно-временные отношения в системе. Это имманентные атрибуты, обеспечивающие генезис и эволюцию системы, образуют пространственную и временную структуры системы – атрибутивные структуры. Они представляют собой непрерывные поля, равные по своим масштабам системе.

Структуризация на основе отношений иерархии. В социально-экономической географии различают иерархические структуры на основе масштаба изучения системы (макро-, мезо-, микро) и таксоны самого системного объекта [38, с. 246-248].

Формы территориальных структур по И.М. Маергойзу. В обобщенном виде можно определить три базовых типа территориальных структур (рис. 2.5).

Интегрально-пространственная (ареально-синтетическая) структура, отражающая и характеризующая связи между взаиморасположенными и взаимодействующими целостными компонентами народного хозяйства. Различают континуально-региональные структуры, которые являются реальными региональными или хозяйственными единицами (области, районы) и дискретно-ареальными структурами, представленными очагами (ядрами) концентрации явлений (городские агломерации). В первом случае в основе выделения находится районирование территории, во втором – районирование связей между явлениями.

Множественная территориально-отраслевая структура характеризует внутреннюю цикличность, пространственную сложность территориального взаимодействия подсистем и логику их связей. Данную структуру характеризуют технологическая обусловленность, разноуровненность отраслей, дискретность и цикличность элементов. Эта структура отражает хозяйственную «ткань» территории, в отличие от первой, которая предполагает синтез различных структур в рамках единой территории.

Питательно-распределительная структура – территориальная проекция связывающей функции линейно-узловой инфраструктурной сети. Эта структура тесным образом связана с расселением. Ее характерными особенностями являются: дискретность локализации, континуальность воздействия, функциональная иерархичность, системосвязывающая роль, магистрализация.

Наиболее часто используемыми количественными параметрами территориальных структур являются: территориальная концентрация, дифференциация, интеграция (связность), композиция. Эти характеристики предложены Л.И. Василевским и П.М. Поляном.

Территориальная концентрация – сосредоточение структурных элементов в отдельных районах или центрах рассматриваемой территории в результате закономерного проявления неоднородности и неравномерности территориальной структуры.

Территориальная дифференциация – разнообразие явлений и объектов на той или иной территории, возникает в результате исходного разнообразия территории и появления и накопления в ходе эволюции новых признаков, вызывается взаимодействием разнообразных природных и социально-экономических условий и факторов.

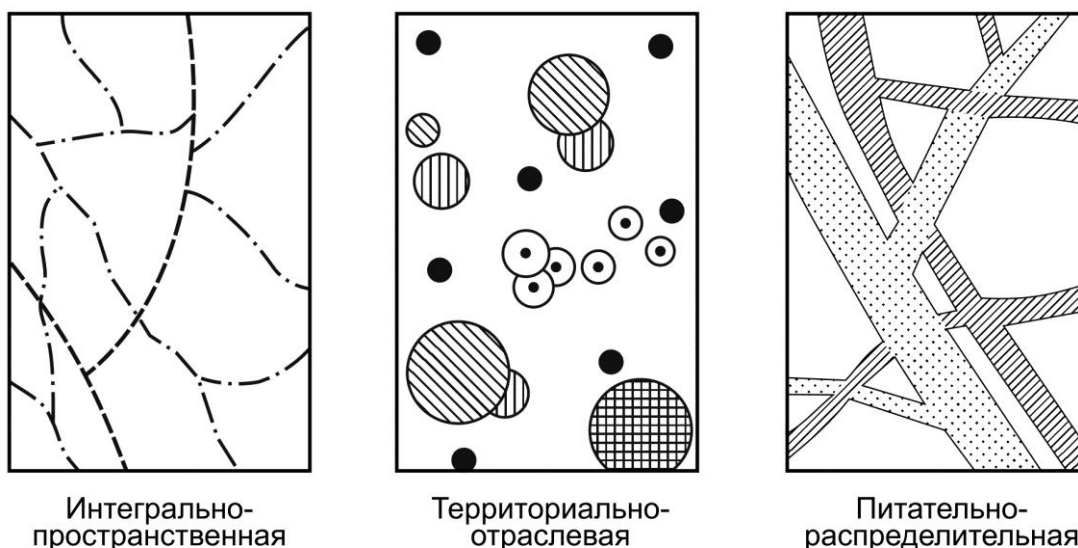

Рис. 2.5. Формы территориальных структур по И.М. Маергойзу. Источник: [38, с. 251]

Территориальная интеграция (связность) обусловлена природными и общеэкономическими факторами, а также итогами территориального разделения труда. Она совмещает пропускную способность территории и границ для различных связующих потоков, факторы связности и взаимоприспособление структурных элементов системы с целью повышения ее эффективности.

Территориальная композиция характеризует положение, морфологию, взаиморасположение и характер сцепления важнейших территориально-

структурных элементов. Композиция является интегральным параметром территориальной структуры.

2.4.3. Системный подход в миграционных исследованиях

В миграционных исследованиях системный подход, особенно в изучении международных миграций населения, достаточно популярен. Одной из наиболее значимых является *теория мировых систем И. Валлерстайна (I. Wallerstein)*. Данная теория рассматривает международные миграции с точки зрения неравномерности международного развития. Разница в уровне развития стран формирует устойчивые миграционные потоки, направленные из менее развитых в экономическом отношении стран в более развитые страны.

Этот подход называют «центр-периферийной моделью», так как миграционные потоки направлены из мировой периферии в экономические центры мира [294, р. 26-28; 328, р. 210-216; 398]. В концепции мировых систем международная миграция рассматривается не с точки зрения национальных экономик, а связывается со структурой и развитием мирового рынка, расширяющегося с XVI в. Миграции рассматриваются с точки зрения проникновения капитализма в периферийные регионы, «создающие» мобильное население.

В зарубежной социальной географии изучение миграционных систем стало популярным в 1980-1990-е гг. *Дж.Т. Фаусет (J. T. Fawcett)*, *Ф. Арнольд (F. Arnold)*, *Д. Массей* [320, 353] пишут, что миграционная система состоит из двух или более стран, которые обмениваются мигрантами друг с другом. Основной акцент делается на региональных миграционных системах, таких как Западно-Африканская, юг Латинской Америки, южная часть Тихого океана. Но миграционную систему могут составлять страны, удаленные друг от друга, такие как страны Карибского бассейна, Западная Европа и Северная Америка, или страны северной и западной Африки и Франция. Отдельные страны могут быть частью нескольких миграционных систем.

Отличительной чертой теории миграционных систем является то, что они объединяют как страны, отдающие мигрантов, так и страны, принимающие мигрантов с точки зрения всех возможных связей. Миграционные связи могут выражаться в международных миграционных потоках, в культурном обмене и форми-

ровании семейных и социальных сетей между странами, образующими миграционную систему.

Часть исследователей миграционных систем (*А. Портес* [A. Portes], *Р. Г. Румбаут* [R.G. Rumbaut]) объясняют появление миграционных систем историческими связями между странами, входящими в систему [366]. Это могут быть колониальные, торговые, исторические, политические и культурные связи.

Базовые принципы теории миграционных систем состоят в утверждении, что миграционные потоки могут рассматриваться как результат взаимодействия макро- и микроструктур. Под макроструктурами понимаются крупномасштабные институциональные факторы, микроструктуры составляют социальные сети, социальные практики самих мигрантов. Эти два уровня связаны между собой различными механизмами, которые определяют как мезоструктуры.

Макроструктуры миграционной системы включают в себя межгосударственные отношения, принципы действия мирового рынка, институциональные структуры и юридические практики государств, входящих в миграционную систему в отношении мигрантов и миграционной политики. Этот подход можно назвать историко-институциональным подходом в изучении миграции и миграционных систем.

По мнению сторонников данного подхода, развитие производства, распределения и обмена в пределах все более и более интегрированной мировой экономики с XVI в. стало одним из определяющих факторов миграций населения. Также важную роль играют международные отношения, деятельность государств и международных организаций [см.: 284, 294, 302, 337].

Микроструктуры миграционной системы представляют неформальные социальные сети, формируемые самими мигрантами в ходе адаптации к миграционному процессу. В 1960-х гг. для этого явления использовали концепцию «миграционных цепей» («chain migration») [367, p. 108-110].

Современные авторы в своих исследованиях подчеркивают роль культурного капитала (информация о стране миграции, возможности при организации переезда, поиск работы, адаптация в новом социальном окружении) на первых стадиях миграционного процесса. Неформальные сети мигрантов обеспечивают жизненно важные ресурсы для отдельных мигрантов и групп мигрантов и могут изучаться с точки зрения «социального капитала», понятия, предложенного П. Бурдьё, который

включает персональные отношения, семейные и групповые структуры (паттерны), дружеские связи и связи внутри сообществ, взаимную материальную, моральную и социальную поддержку [32, 33].

Ключевой единицей для анализа процесса миграции с точки зрения микро-структур в теории миграционных систем, также как и в новой экономической теории трудовой миграции, рассмотренной выше, является не отдельный мигрант, а семья и домохозяйство.

Эмпирические исследования показывают, что решение о миграции принимаются не отдельными людьми, а семьями. Это, в частности, усилило в последние годы феминизацию миграции из стран Азии, поскольку конъюнктура на рынке труда позволяла легче найти работу молодым женщинам, и они с большей долей вероятности высылали заработанные деньги на родину [294, р. 29]. Семьи облегчают процесс миграции, а часто и делают его возможным. Неформальные сети мигрантов позволяют формировать инфраструктуру мигрантов в принимающем государстве.

Мезоструктуры миграционной системы являются промежуточным элементом между макроструктурами и микроструктурами и относительно недавно привлекли внимание исследователей. Определенные социальные акторы, группы или институты играют роль посредников между мигрантами и политическими и экономическими институтами. «Индустрия миграции» образуется через посредничество различных организаций по поиску работы и оформлению документов для миграции, адвокатов, агентов, контрабандистов и других посредников [329, р. 132-136]. Роль посредников в миграционном процессе неоднозначна, подобные люди и организации могут как помогать мигрантам, так и эксплуатировать их, это зависит от масштабов миграции, ее легального или нелегального характера и т.д.

Макро-, микро- и мезоструктуры тесным образом переплетены в миграционной системе, сложно четко провести границы между различными уровнями структур.

В отечественной науке наиболее известны работы И.В. Ивахнюк, посвященные анализу миграционных систем. Исследовательница предлагает следующее определение понятия «миграционная система». Это – «группа стран, связанных между собой относительно масштабными и устойчивыми миграционными потоками, которые являются результатом исторических, культурных, экономических, де-

мографических и политических факторов и приводят к структурным трансформациям в странах выезда и въезда мигрантов, воспроизводящим направление миграционных потоков и придающим этим потокам устойчивость» [89, с. 9].

И.В. Ивахнюк рассматривает миграционную систему с точки зрения ее макро-, микро- и мезоструктур, применяя в основном историко-институциональный подход к анализу миграционных систем. В работе обосновано существование Евразийской миграционной системы, объединяющей миграционные процессы на постсоветском пространстве, а также проведен детальный анализ крупнейших мировых миграционных систем: Северо-Американской, Европейской, Азиатско-Тихоокеанской, Ближневосточной, Южноамериканской.

Новым понятием, о котором пишет И.В. Ивахнюк, с точки зрения теории миграционных систем является понятие миграционной взаимозависимости стран образующих миграционную систему. Суть этого понятия в том, что международная трудовая миграция становится фактором, существенно меняющим отношения между странами импортерами и экспортерами трудовых ресурсов. Через механизм трудовой миграции происходит перераспределение ресурсов развития, без которых, ни те, ни другие страны не могут обойтись. Они оказываются в отношениях взаимной зависимости, что вызывает необходимость поиска взаимовыгодных решений, развития партнерства и интеграции в сфере миграционной политики [89, с. 25-27].

С точки зрения менее развитых в экономическом отношении стран миграционная зависимость проявляется в возможности доступа к рынкам труда других государств, что сокращает безработицу на их рынках труда и дает дополнительные экономические ресурсы для развития страны через денежные переводы мигрантов. Со стороны более развитых стран зависимость обусловлена демографической ситуацией, нежеланием граждан этих стран занимать низкоквалифицированные и менее оплачиваемые рабочие места в сфере услуг, строительстве и т.д.

Миграционная взаимозависимость является эластичной и может меняться в зависимости от трансформации миграционной ситуации, направления миграционных потоков, их структуры и масштабов.

2.5. Понятие транснациональных миграционных систем

В данной работе автором предлагается понятие «транснациональные миграционные системы – (ТМС)», содержание которого будет детально рассмотрено ниже. С одной стороны, понятие уточняет, расширяет и объединяет понятия, предложенные ранее в отношении миграционных систем. С другой – использует концепцию территориальных общностей населения и положения системно-структурного подхода в социально-экономической географии. Таким образом объединяются два наиболее влиятельных исследовательских подхода в изучении международных миграций населения: системный и транснациональный; и два исследовательских уровня: микроуровень и макроуровень.

2.5.1. Понятие «транснациональная миграционная система»

Миграционный процесс и миграционные связи стран целесообразно рассматривать как с точки зрения самих акторов миграционного процесса, формирующих транснациональные сообщества, так и с позиции государств, отдающих и принимающих мигрантов.

В работе предлагается методологическое объединение нескольких теоретических традиций в исследовании международных миграций населения.

Первая традиция делает акцент на структурных характеристиках населения стран и регионов, участвующих в миграционном процессе. При таком подходе мигрант рассматривается как инструмент миграционной политики, ситуации на рынке труда, в сфере образования и т.д. Такой подход ближе экономическим и политическим наукам, он базируется на количественном анализе статистических данных, использовании математических методов анализа. Этот подход доминировал в исследовании миграций до 2000-х гг.

Вторая традиция начинает преобладать в 2000-е гг., она отражает все возрастающую сложность хода миграционного процесса. Она помещает в центр миграционных исследований мигранта, как активного социального участника (актора) миграционного процесса, что характерно для социологических, этнологических, исторических работ по миграциям населения, она чаще основывается на нестатистических (качественных) методах исследования (традиции Чикагской школы).

Значительная часть эмпирических исследований международной миграции населения показывает, что мигрант одновременно «исполняет» обе роли, он и активный участник миграционного процесса, и объект миграционной политики в широком понимании этого термина.

Помимо разделения мнений исследователей относительно роли мигранта в миграционном процессе, как пассивного объекта или активного субъекта, другая дискуссия в научных публикациях ведется вокруг рассмотрения трансформации места национального государства в условиях активизации международных миграций населения [197, 203].

Направление, получившее название «методологического национализма» («Methodological Nationalism»), развивалось при «молчаливом допущении, что нация (нация-государство, национальное государство) рассматривается, как единственно возможная и естественная форма деления мира, соответственно и как единственно возможная и само собой разумеющаяся единица анализа» [128, с. 23], в том числе и для изучения международных миграций населения.

Внимание на такую особенность рассмотрения международных миграций населения обратили сторонники другого подхода, который получил название «транснационализм», о чем более детально говорилось выше [402, 403].

Для проведения комплексного анализа миграционного процесса необходимо учитывать, что для международных миграций населения характерен рост значения транснациональных связей мигрантов, которые пересекают государственные границы и часто в социальной и культурной сферах снижают роль национального государства. При этом нужно помнить, что национальные государства полностью не утрачивают значимость при рассмотрении миграционного процесса, в частности в сфере политики предоставления гражданства мигрантам (рис. 2.6).

На наш взгляд, подобное объединение возможно осуществить с помощью системного подхода и понятия «транснациональные миграционные системы», которое детально рассмотрено ниже. Подобное объединение позволяет проследить генезис и эволюцию миграционного процесса на уровне национальных государств и одновременно выявить закономерности его хода на уровне отдельных акторов.

С точки зрения социально-экономической географии, подобное совмещение традиций позволяет объединить в ходе изучения как страны эмиграции, так и стра-

ны иммиграции в единую территориальную систему, рассматривая миграционный процесс с точки зрения всех акторов.

Автор предлагает следующее определение *«транснациональной миграционной системы»* – это группа территорий (стран, регионов, районов), вовлеченных в миграционный обмен посредством устойчивых в течение длительного времени миграционных потоков, которая формируется конкретными социально-территориальными общностями населения (ядрами миграционной системы) в результате совокупности множества исторических, социально-экономических, политических факторов, приводящих к появлению различного рода транснациональных связей между ними и формированию транснациональных сообществ.

Эмпирические исследования, послужившие материалом для подобного высказывания, показывают, что для одних типов стран или регионов преобладающим миграционным потоком может быть этническая миграция, для других – учебная миграция, для третьих – сезонная трудовая миграция и т.д. В таком случае у одних территориальных групп населения шанс стать мигрантами выше, чем у других территориальных групп, не вовлеченных в миграционный поток.

Для российско-германской ТМС определяющими миграционными когортами, формирующими ядра ТМС на разных уровнях и в разных регионах в 1990-2000-е гг. были: российские немцы и члены их семей; еврейские переселенцы; учебные мигранты; семейные мигранты; высококвалифицированные мигранты.

Важным для нашего исследования обстоятельством, на котором не делается акцент в теориях миграции, является то, что ТМС объединяет не всю совокупность территориальной общности людей, проживающих в этих регионах, а определенные социально-территориальные группы населения. В миграционные связи подобных территориальных систем включены не все жители региона или страны, а определенные социальные или этнические группы, что показывает анализ социальных сетей мигрантов.

Так, в России с ее существенной региональной дифференциацией в международные ТМС вовлечены не все регионы страны, а только те, откуда направлен максимальный поток мигрантов. Поэтому изучение международных миграций на более низком иерархическом уровне, чем уровень стран, мы считаем более актуальным (рис. 2.7).

УРОВНИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ (ТМС)

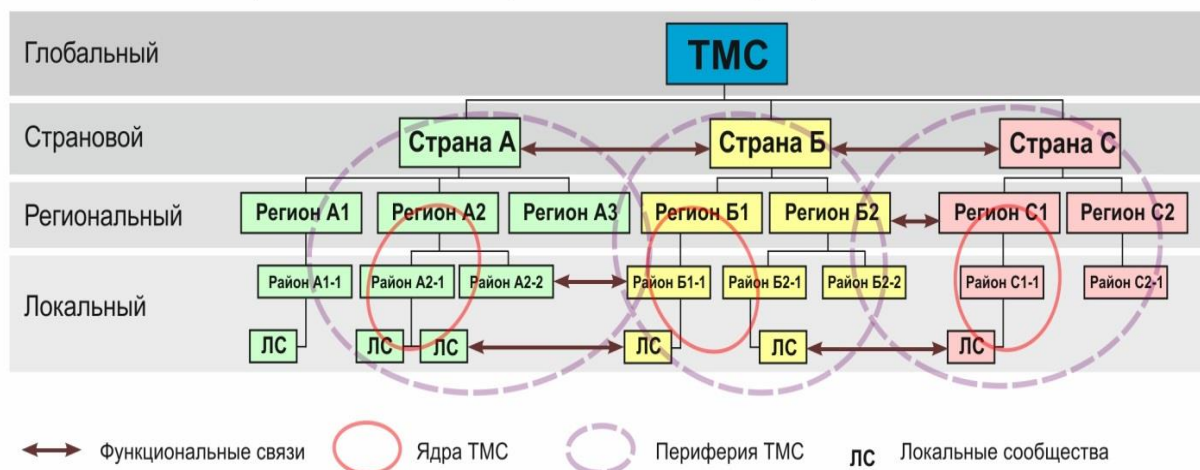

Рис. 2.7. Иерархические уровни ТМС. Составлено автором.

Ядра миграционной системы образуют определенные территориальные общности населения тех регионов, которые являются лидерами по количеству эмигрантов, выезжающих из региона.

Например, ядрами системы для миграционного обмена между Россией и Германией на уровне регионов стали: в России – регионы Западной Сибири; Москва, Санкт-Петербург; в Германии – Бавария, Баден-Вюртемберг, Северный-Рейн Вестфалия и др. федеральные земли, то есть территории, отдающие и принимающие максимальное количество мигрантов.

Потоки мигрантов – не единственный тип связей в миграционной системе, но масштаб миграционного потока во многом определяет направление и формирование других функциональных связей, о чем более детально сказано ниже.

Структурными элементами ТМС являются:

- территориальные общности населения в странах выхода мигрантов, чаще всего они представлены территориальными обществами в регионах максимального оттока мигрантов; территориальные общности мигрантов в странах входа мигрантов. Территориальные общности – ядра ТМС, они участвуют в формировании и функционировании других элементов ТМС. Территориальные общности мигрантов в странах выхода формируются в результате массового миграционного потока. В итоге они образуют многочисленную группу (не менее 50 тыс. человек в новой стране проживания), способную развивать и поддерживать транснациональные связи. Связи между территориальными сообществами чаще всего осуществляются

на индивидуальном уровне, между родственниками и знакомыми и выражаются в денежных переводах, информационных, культурных, социальных, эмоциональных и прочих связях;

- организации и институты мигрантов в странах входа мигрантов, а также организации и институты, участвующие в транснациональных связях в странах выхода мигрантов, являются важными элементами системы. Через них осуществляется значительная часть всех связей в системе. Их спектр чрезвычайно широк: туристические агентства; медицинские центры; образовательные организации; политические и общественные организации и т.д. Большая часть связей имеет регулярную основу, социальные контакты между акторами имеют безличный характер, в отличие от территориальных сообществ мигрантов. Но для формирования контактов часто важен общий родной язык (русский), солидарность в отношении страны выхода мигрантов, общие социальные и экономические интересы участников транснационального обмена;

- транспортная и информационная инфраструктура – значимые системообразующие элементы ТМС, сюда относятся инфраструктура авиасообщения и автобусного и автомобильного сообщения между странами и регионами, входящими в ТМС; система международных денежных переводов, информационная поддержка сайтов организаций, входящих в ТМС (рис. 2.8).

Можно говорить о факторах миграционного потенциала территории, который определяется структурными характеристиками населения региона, то есть потенциальными акторами, формирующими ТМС. Важные параметры акторов территориальной миграционной системы: гражданство, этничность, доход, пол, образование, размер населенного пункта проживания будущего мигранта, социально-экономический уровень развития страны проживания мигранта. Это своего рода миграционный капитал или миграционный потенциал, который определяет принадлежность к той или иной миграционной системе. Особенно это касается международных миграций.

Рис. 2.8. Структурные элементы транснациональной миграционной системы.
Составлено автором.

2.5.2. Этапы формирования и развития транснациональной миграционной системы

Транснациональные миграционные системы имеют определенные закономерности развития во времени и в пространстве. В большинстве исследований как внутренних, так и международных миграций населения, акцент делается только на один полюс миграции: эмиграционный или иммиграционный, внимание уделяется только региону выхода мигрантов или региону входу мигрантов. В социально-экономических исследованиях необходимо рассматривать в комплексе транснациональную миграционную систему, включающую страны эмиграции и иммиграции, от предпосылок ее формирования до активных транснациональных связей (рис. 2.9).

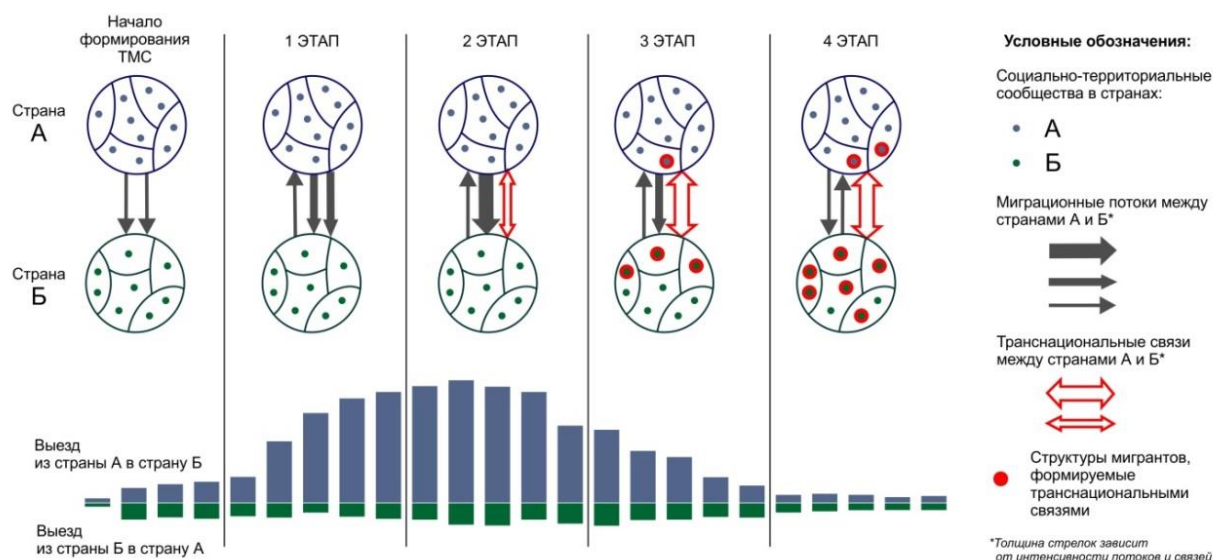

Рис. 2.9. Схема формирования и развития ТМС. Составлено автором.

Первый этап развития ТМС – формирование экономических, демографических, социальных и политических предпосылок для активизации именно этого потока мигрантов. На данном этапе не только для вынужденных и принудительных, но и для остальных видов миграций характерно преобладание притягивающих факторов миграции. Происходит рост масштабов миграционных потоков. Продолжительность первого этапа для различных исторических периодов может быть различна, от нескольких лет до нескольких десятков лет.

Миграционная политика принимающих стран направлена на активное привлечение мигрантов, чаще всего причиной поощрительной миграционной политики является необходимость в дополнительных людских и трудовых ресурсах.

Территории – активные доноры мигрантов на этом этапе заинтересованы в масштабном миграционном оттоке населения по различным причинам: демографический взрыв, сопровождающийся переизбытком трудовых ресурсов, сложная экономическая ситуация и рост безработицы, политический кризис и т.д.

На первом этапе заметнее позитивные эффекты миграции как на территориях отдающих мигрантов, так и на территориях их принимающих.

Влияние миграции сильнее сказывается на территории, притягивающей мигрантов. Это во многом обусловлено положительным сальдо миграции. Влияние миграции на территории входа мигрантов проявляется в сокращении дефицита трудовых ресурсов, трансформации демографической и этнической структуры населения, трансформации системы расселения принимающей территории. Это

этап активных количественных изменений структурных характеристик населения принимающих территорий.

Второй этап развития ТМС проявляется в стабилизации масштабов и некотором снижении размеров миграционных потоков, связывающих регионы, входящие в ТМС. Но при этом для региона входа мигрантов сальдо миграции в миграционном обмене с регионами выхода мигрантов остается положительным, и миграционный приток превышает в разы миграционный отток. Продолжительность данного этапа в функционировании ТМС может также быть различной, но чаще всего она больше первого этапа.

Миграционная политика принимающих стран на этом этапе трансформируется в зависимости от последствий первого этапа развития ТМС. Она может быть направлена на продолжение поощрения миграции, например, облегченный въезд в страну родственников мигрантов, облегченное получение мигрантами гражданства принимающей страны. Могут вводиться меры, ограничивающие миграцию, или меры селективной миграционной политики, например, направленные на привлечение определенных категорий мигрантов (высококвалифицированных специалистов и т.д.).

Территории – доноры мигрантов на этом этапе могут ощущать негативные экономические и демографические последствия оттока мигрантов, и их миграционная политика может быть направлена на меры, предотвращающие активную миграцию из страны.

На втором этапе на территориях, входящих в ТМС, начинают проявляться не только позитивные, но и негативные эффекты миграции. Влияние миграции на этом этапе сказывается как на странах, притягивающих мигрантов, так странах, их отдающих.

Эмиграционный полюс начинает уравнивать иммиграционный полюс миграции. Проявляться это влияние может по-разному. На территориях выхода мигрантов возникают демографический и экономический (сокращение количества и качества трудовых ресурсов на территории) эффекты. На территориях входа мигрантов начинают сказываться социальный, культурный, политический эффекты от присутствия новых групп мигрантов, активно формирующих свои социальные сети и различные структуры мигрантов.

На этом этапе происходит закрепление тенденций, заложенных на первом этапе, в трансформации структурных характеристик населения принимающей территории. Мигранты на принимающей территории переходят в категорию старожилов.

Третий этап развития ТМС. Происходит снижение размеров миграционных потоков в странах, входящих в миграционную систему. Сальдо миграции на территориях, входящих в ТМС, приближается к нулевой отметке. Миграционный обмен между странами уравнивается, возможна возвратная миграция. Начинают активно формироваться структуры мигрантов, развиваются транснациональные связи мигрантов со странами выхода, происходят качественные изменения миграционной системы. Продолжительность третьего этапа занимает пять-семь лет.

Основными факторами снижения миграционного потока являются: экономический (происходит насыщение рынка труда принимающих стран и регионов, улучшение экономической ситуации в странах и регионах-донорах трудовых мигрантов); институциональный (двухсторонние меры по урегулированию масштабов миграции); демографический (снижение естественного прироста в странах и регионах-донорах мигрантов, сокращение когорты потенциальных эмигрантов) и т.д.

На данном этапе меры миграционной политики – инерционные, продолжающие тенденции предыдущего этапа, но менее активные.

Территории – доноры мигрантов на этом этапе адаптируются к демографическим и экономическим негативным последствиям эмиграции. Для них более значимыми становятся позитивные экономические последствия миграционного оттока населения. Активные транснациональные социальные связи мигрантов проявляются в формировании транснациональных сообществ.

Во многих странах, ранее отдававших мигрантов, наблюдается процесс «циркуляции умов», что проявляется в возвращении специалистов в страны выхода и т.д. Данный термин предложила исследовательница А.Л. Саксениан (Anna Lee Saxenian) в монографии «Новые аргонавты», посвященной изучению высококвалифицированных мигрантов из стран Азии, работающих в Силиконовой Долине (США) [384]. В ее работах подчеркивается, что социальный, экономический, политический и культурный эффекты миграции сказываются не только в отношении стран приема высококвалифицированных мигрантов, но и в отношении стран их выхода. Исследовательница обратила внимание на роль, которую высококвалифици-

цированные мигранты, работающие в США, оказывают на страны выхода на примере стран Юго-Восточной Азии, из которых уже более 40 лет назад начался отток квалифицированных мигрантов. С конца 1990-х гг. в эти страны направлена возвратная миграция ранее выехавших специалистов.

Территории входа мигрантов в зависимости от социальной, экономической, политической ситуации на третьем этапе функционирования ТМС могут ощущать как позитивные, так и негативные социальные последствия.

В условиях глобализации и развития коммуникаций третий этап характеризуется активными трансграничными связями мигрантов со странами и регионами выхода. Ранее этот этап характеризовался сохранением культурных традиций стран и регионов выхода и формированием различных вариантов этнических кварталов и т.д.

Четвертый этап развития ТМС. В постиндустриальном обществе с развитием глобализации и коммуникационных технологий меняется характер миграционного процесса. Традиционная концепция трех стадий миграционного процесса, выдвинутая в нашей стране Л.Л. Рыбаковским, а в западной традиции – С. Айзенштадтом, может быть дополнена новым положением о появлении дополнительного четвертого этапа миграционного процесса. Данный этап заключается в формировании трансграничных сообществ мигрантов, что влияет, как на территории, принимающие мигрантов, так и на территории, их отдающие.

В современном обществе процесс приспособления мигрантов к социально-экономическим и природным условиям на новой для них территории сопровождается активным формированием социальных связей с регионами выхода мигрантов. При нынешнем уровне развития коммуникационных технологий это доступно практически всем мигрантам и их близким.

Транснациональные связи активно влияют на процесс адаптации мигрантов к жизни на новом месте и на социально-экономическое развитие территории, принимающей мигрантов. Влияние проявляется двояко: с одной стороны, через постоянное общение мигрантов с территориальными сообществами регионов выхода, чего не наблюдалось ранее в ходе миграционного процесса; с другой – путем создания мигрантами различных социальных, экономических и политических структур в новой стране проживания (табл. 2.8).

Таблица 2.8.

Характеристика этапов развития ТМС на примере миграции российских немцев и их семей из России и стран СНГ в Германию

Этап, годы	Масштабы миграционного потока	Меры миграционной политики стран	Эффекты миграции для регионов, входящих в ТМС
1 этап (1991-1999 гг.)	Массовый выезд российских немцев из России и Казахстана в Германию, 100-250 тыс. российских немцев и членов их семей в год	Со стороны Германии меры, способствующие привлечению российских немцев. Договор между Колем и Горбачевым. Россия не препятствует выезду, активная фаза интеграционной политики.	В странах выхода: ротация населения в регионах компактного проживания российских немцев (Немецкий национальный район на Алтае). Массовый отток немецкого населения в Германию и Россию из немецких населенных пунктов в Северном Казахстане. Помощь родственникам. В Германии – в небольших населенных пунктах проявление социальной напряженности.
2 этап (2000-2003 гг.)	Снижение и стабилизация масштабов оттока до 10-50 тыс. этнических мигрантов в год	Пересмотр миграционной политики Германии, в том числе и в отношении российских немцев (конкретные законы)	В регионах выхода – трансформация этнодемографической структуры населения. Формирование мигрантами различных сетевых структур в Германии, помощь родственникам и друзьям в регионах выхода, процесс интеграции мигрантов в германское сообщество.
3 этап (2003-2007 гг.)	Адаптационный этап. Истощение миграционного потенциала российских немцев, выезд составляет 1-2 в год и менее, небольшие масштабы реэмиграции.	Введение более строгих миграционных мер в отношении поздних переселенцев (конкретные законы)	Влияние на регионы выхода через сетевые структуры мигрантов. В принимающем обществе – участие в социально-культурной жизни, негативные социальные эффекты, наблюдающиеся у младшего поколения переселенцев.
4 этап (2007 г. по наст. время)	Формирование транснациональных сообществ и создание сетевых структур мигрантов в Германии	Трансформация миграционной политики Германии, облегчения въезда в страну российских немцев	Транснациональные связи оказывают взаимное влияние на регионы выхода и входа мигрантов.

Составлено автором.

Подобные структуры позволяют мигрантам реализовать их материальные и духовные потребности. Это могут быть различные рестораны этнической кухни, медицинские услуги, юридические услуги, услуги по трудоустройству и т.д.⁸

Социально-политические и демографические процессы, экономическое развитие, система расселения, формирование рынка труда стран входящих в ТМС, влияют на социально-территориальную структуру миграционных потоков. Возмущения внешней среды и изменения, происходящие в ТМС, влияют в свою очередь на состояние внешней среды. Влияние миграционных процессов на регионы или страны выхода и привлечения мигрантов, проявляется неоднозначно и постоянно меняется (рис. 2.10).

⁸ Более детально неоднозначная роль различных сетевых структур мигрантов в ходе интеграции и адаптации мигрантов на примере российских немцев в Германии рассмотрена в 5 главе работы

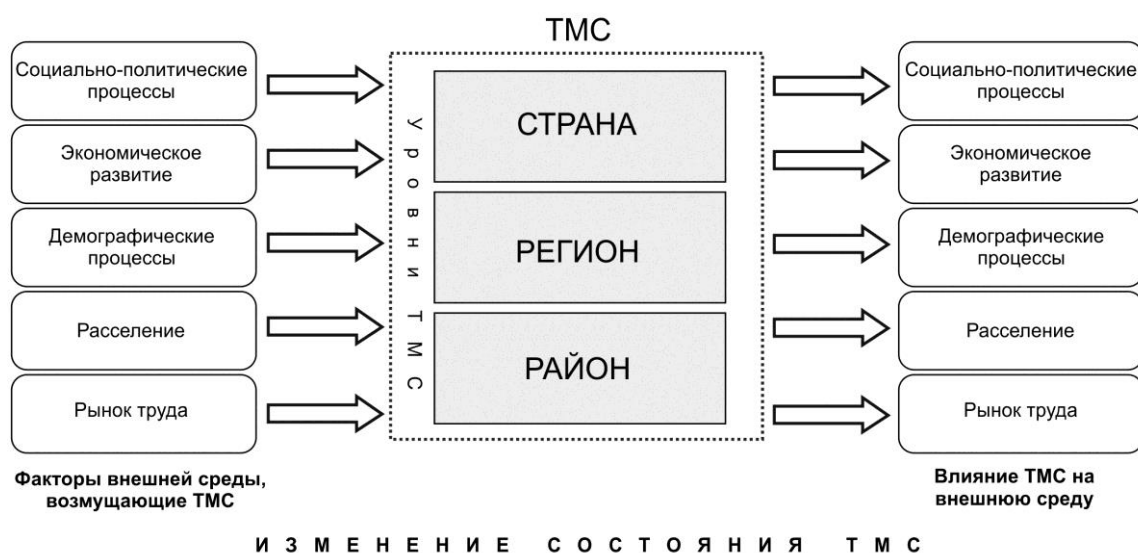

Рис. 2.10. Взаимовлияние ТМС и внешней среды. Составлено автором.

Более детально процессы взаимовлияния ТМС и внешней среды на ряде примеров рассмотрены в следующих главах работы.

2.6. Методика исследований социально-территориальных групп мигрантов

Предложенная концепция территориальных миграционных систем в методологическом отношении подразумевает использование транснационального подхода в проведении полевых исследований, то есть изучения миграционного процесса, как в странах выхода мигрантов, так и в странах их принимающих.

Необходимо совмещение количественных и качественных исследовательских стратегий с применением широкого спектра общенаучных и специальных методов.

В России пока большая часть исследований строится на использовании количественных методов, что показал анализ диссертационных исследований, о котором более детально сказано ниже. В Германии значительная часть работ выполняется с использованием качественных методов, в частности используются методы проведения глубинных интервью с мигрантами, метод включенного наблюдения.

В данной работе использовались традиционные для социально-экономической географии методы анализа миграционных процессов: статистический, картографический, описательный, аналитический.

2.6.1. Методы миграционных исследований в России

В ходе анализа методов использовавшихся в кандидатских и докторских диссертациях также проявился междисциплинарный характер изучения миграции. Географические науки по набору используемых в работах методов отличаются от других дисциплин собственным подходом, к этому относятся методы регионального анализа, районирование территории, картографический метод и т.д. (табл. 2.9).

Таблица 2.9.

Методы, использованные в кандидатских и докторских диссертациях, посвященных миграциям населения, 1993-2013 г.

науки	Методы сбора и анализа данных, используемые в работе (порядок перечисления соответствует частоте упоминаний в авторефератах)
географические науки	районирование, типология регионов, картографический, статистический, сравнительно-географический, массовый опрос населения, метод "ключей", личное наблюдение
социологические науки	статистический, структурно-функциональный, контент-анализ, массовый опрос, опрос экспертов, глубинные интервью, фокус-группы, нарративные интервью, анализ случая, биографические интервью, наблюдение, анализ социальных сетей мигрантов, этнографический метод, метод интерпретирующего понимания
экономические науки	математическое моделирование, факторный анализ, статистический метод, вторичный анализ массовых опросов, сравнительный метод, картографический метод, анализ документов, экспертные оценки
политические науки	историко-описательный, сравнительно-исторический, статистический (корреляционный и факторный анализ), политологический анализ, массовые опросы, опросы экспертов, контент-анализ, структурно-функциональный анализ, проведение фокус-групп, анализ случая, наблюдение
исторические науки	источниковедческий, сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-генетический, статистический, массового опроса, метод экспертных оценок, метод наблюдения, контент-анализ, глубинные интервью

Составлено автором.

Для социологических наук, помимо количественных методов (опросы, статистический анализ), характерно более широкое использование нестатистических (качественных) методов. Особенностью экономических наук является активное использование количественных методов (математическое моделирование, факторный анализ).

В работах по миграционной тематике, защищенных в политических науках, часто наравне со статистическими методами активно используется сравнительно-исторический метод, описательный и т.д.

Для исторических наук при написании работ по миграционным исследованиям ученые часто обращаются к историковедческому методу, историко-типологическому анализу, также для этой отрасли характерно обращение к этнографическим методам (наблюдение, глубинные интервью).

В ходе исследования миграций населения на этапах изучения особенностей формирования мотивов миграции, хода процесса адаптации, культурной идентич-

ности мигрантов, особенно при изучении гомогенных с социально-культурной точки зрения миграционных когорт, невозможно обойтись без длительного общения с мигрантами, погружения в их повседневную жизнь с ее ежедневными заботами и маленькими радостями. Для этого применялись качественные (нестатистические) методы: нарративные и биографические интервью с мигрантами, интервью с экспертами, различные виды наблюдения.

При написании эмпирической части работы использовались статистические данные, различные документы. В качестве одного из ключевых методов исследования была выбрана работа непосредственно в среде мигрантов, как в России, так и в Германии, с использованием качественных методов полевой работы.

Для этого использовались рекомендации, предложенные в работах отечественных социологов и антропологов, обладающих большим опытом изучения различных групп населения, в том числе и мигрантов. Речь идет о публикациях И. Штенйберга и Т. Шанина [259], В.И. Ильина [91], И.В. Утехина [232] и других ученых, использующих качественные методы полевых исследований [180, 230].

2.6.2. Совмещение использования количественных и качественных методов в миграционных исследованиях

С методической точки зрения работа базируется на интегрирующей стратегии исследования, предложенной В.А. Ядовым [264, с. 483-485]. Это позволяет объединить количественный и качественный подходы. Ученый предлагает четыре основных варианта совмещения исследовательских стратегий. Стратегии в том или ином сочетании были использованы автором при проведении полевых исследований. В работе предложения В.А. Ядова дополнены автором, с учетом возможности их использования в ходе миграционных исследований.

Первый вариант совмещения количественных и качественных стратегий предусматривает углубление интерпретации и понимания данных массового опроса путем извлечения из числа опрошенных полярных случаев для проведения анализа случая (case study). Чаще всего для детального анализа выбираются контрастные (полярные) случаи. Исследование, проводившееся в рамках количественной стратегии, приобретает черты качественного исследования.

В ходе проведения миграционных исследований такое совмещение может быть проведено в следующих случаях. Например, в ходе массового опроса выявляются группы населения, относящиеся крайне негативно к мигрантам. Механизмы формирования ксенофобии могут более детально выявляться в ходе проведения глубинных интервью, именно с представителями данной социальной категории.

Или по итогам массового опроса мигрантов, также выявляются полярные мнения, которые в дальнейшем рассматриваются с помощью проведения нарративных интервью с мигрантами, а также в ходе включенного наблюдения.

Второй вариант предполагает обсуждение результатов количественного исследования методом «фокус-групп». В ходе такого варианта совмещения, сначала используются количественные стратегии исследования. По их результатам, после того как получена общая картина, отдельные аспекты исследования для уточнения и прояснения сложившейся картины обсуждаются во время проведения фокус-групп. Этот метод может использоваться для корректировки формулировки вопросов, в ходе дальнейшего массового опроса.

Подобное совмещение может вполне продуктивно использоваться при изучении процессов миграции населения. В ходе изучения процессов адаптации мигрантов и характера транснациональных связей после проведения массового опроса мигрантов или местных жителей, организация фокус-групп с представителями различных социально-культурных групп поможет уточнить характер процесса адаптации, скорректировать гипотезу исследования.

Третий вариант совмещения исследовательских стратегий предполагает переход от частных случаев к выяснению их статистической распространенности. Предварительное исследование с помощью качественных методов с последующим проведением количественного исследования. Качественное исследование в данном случае помогает уточнить инструментарий (формулировки вопросов) и гипотезу исследования.

Значительная часть исследований миграционного процесса требует предварительного «погружения» в изучаемую социальную среду, для более ясного представления особенностей и закономерностей ее функционирования, особенно если речь идет о достаточно закрытых сообществах. Поэтому наблюдение и глубинные

интервью с мигрантами играют важную роль для подготовки инструментария для количественного исследования.

Четвертый вариант основан на комбинации включенного наблюдения и массового опроса. Он подразумевает совместное использование качественных стратегий (например, глубинные интервью с отдельными респондентами) и проведение массового опроса.

Такой способ совмещения количественных и качественных методов сбора информации и анализа данных может совмещаться в случае дополнения массового опроса местных жителей или мигрантов, интервью с экспертами в области миграционной политики.

2.6.3. Характеристика проведения эмпирических исследований в России и в Германии

Эмпирическая часть работы была проведена благодаря нескольким крупным индивидуальным и коллективным научным проектам, в которых автор принимал участие, как в России, так и в Германии в 2001-2015 гг.

Проекты осуществлялись при поддержке РФФИ, в рамках госбюджетных научных работ, при финансировании Немецкой службы межакадемических обменов (ДААД), Центра Исследований Германии и Европы Санкт-Петербурга (ЦИГЕ), университета г. Билефельда и университета Франкфурта-на-Майне.

Проекты различались по тематике, основным задачам и целям. Например, исследование 2002 г., проведенное в Баварии, было посвящено сетевым структурам, образуемым российскими немцами в Германии и их роли в процессе интеграции мигрантов.

Проект, выполненный в рамках ЦИГЕ и Университета г. Билефельд фокусировался на трансформации образа Германии у российских немцев в процессе интеграции в германское общество.

Основной акцент исследования, проведенного автором в Берлине в 2006 г. в рамках финансирования ДААД, был сделан на гендерной специфике адаптации переселенцев, а также на особенностях интеграции переселенцев в большом городе.

Проект РФФИ затрагивал вопросы изучения различных групп этнических мигрантов в сельской местности России и т.д.

Во всех, проведенных исследованиях, автора в первую очередь обращал внимание на типичные черты в социальном поведении переселенцев в ходе интеграции, на типичные пути их вхождения в принимающее общество и дальнейшие стратегии жизненного поведения поздних переселенцев, что и нашло отражение в результатах работы.

Места проведения полевых исследований. В России исследования проводились в Западной Сибири: Алтайский край (Барнаул, Немецкий национальный район, Кулундинский район, Табунский район), Омская область (Омск, Азовский национальный район); в Оренбургской (Оренбург), Саратовской (Саратов, Энгельс) областях, в Москве и Санкт-Петербурге.

В Германии исследования проводились в федеральных землях: Бавария (Нюрнберг, Фюрт, Эрланген), Северный Рейн-Вестфалия (Билефельд, Детмолд, округ Липпе); Рейнланд-Пфальц (Майнц), Нижняя Саксония (Оснабрюк), в Берлине, Франкфурте-на-Майне.

Методы сбора материала. Основным методом полевого исследования были выбраны: метод глубинного полуструктурированного интервью, метод наблюдений. В России интервью проводились с немцами, переехавшими из Казахстана и Киргизии, в Германии с мигрантами из России и стран ближнего зарубежья.

В ходе проведения полевых исследований автор придерживался принципов качественного исследования, сформулированных в работах социологов и антропологов – В. Воронкова, И. Штейнберга, В. Ильина и других российских и зарубежных исследователей.

Чаще всего выбиралась гибкая стратегия полевого исследования, что подразумевает постоянную рефлекссию исследователя в отношении увиденного и услышанного и корректировку научной гипотезы.

В качестве метода выборки для поиска мигрантов практически во всех исследованиях был использован метод снежного кома. Часть респондентов оказались сотрудниками или аспирантами Института социальной географии во Франкфурте-на-Майне и, либо сами согласились дать интервью, либо предоставили контакты своих знакомых.

В ходе полевых исследований возникали сложности с поиском респондентов. Трудности с поиском респондентов были вызваны дефицитом времени у исследователя.

В России в ходе проведения полевых исследований на один регион отводилась 1-2 недели, за это время необходимо было найти нужное количество российских немцев, договориться о встрече и провести интервью. Практика полевых исследований показывает, что оптимальное количество интервью в день 1-2 полуструктурированных интервью, продолжительностью 1-1,5 часа. Таким образом, за две недели исследования в регионе можно провести не более тридцати полуструктурированных интервью.

В Алтайском крае до начала полевого этапа часть интервью была согласовано через «Общество развития Гальбштадт», что существенно облегчило поиск респондентов. Также облегчало задачу то, что во время работы в Немецком национальном районе была возможность жить в селе Шумановка, где была проведена часть интервью.

В Германии в большинстве случаев на проведение всего исследования (камеральный и полевой этапы) отводилось от 1 до 3 месяцев. В большинстве случаев сложности возникали с поиском первых пяти респондентов, которые могут посоветовать своих родственников и знакомых для следующих интервью.

В Германии при проведении полевых исследований несомненным плюсом являлось российское гражданство автора и знание реалий российской жизни. Чаще всего автор сама вызывала значительный интерес, что облегчало контакт с респондентами и проведение исследования.

Всего в России и Германии проведено 120 глубинных интервью. Большая часть интервью с разрешения респондентов записаны на диктофон. Примеры интервью приведены в приложениях к работе.

Также проведено несколько массовых опросов по небольшой стандартизированной анкете среди немцев Омской области (75 человек) и среди переселенцев в Германии (120 человек).

Структура анкет и вопросников для интервью. Большая часть интервью продолжалась от 1,5 до 2,5 часов и затрагивала следующие блоки вопросов:

- краткая биография респондента до переезда в Германию;

- профессиональная биография до переезда в Германию;
- основные причины и мотивы миграции;
- переезд в Германию;
- первые впечатления от страны после миграции;
- профессиональная интеграция респондента и членов его семьи;
- языковые навыки;
- преимущества и недостатки жизни в Германии;
- понятие «Родины» у респондента;
- проведение свободного времени в Германии;
- повседневная жизнь респондента (работа, покупки, отношения в семье и т.д.);
- воспитание детей;
- политическая и общественная активность респондента;
- сходства и различия жизни в бывшем СССР и в Германии;
- изменение в образе жизни до и после миграции;
- оценка успешности интеграции самим респондентом.

Проведение интервью с экспертами. Были проведены интервью с экспертами из академических кругов России и Германии, с социальными работниками, представителями региональных администраций, активистами Землячеств немцев из России в Германии, специалистами, работающими с переселенцами в Германии. Всего более 50 интервью с экспертами.

Например, в Берлине для проведения интервью были выбраны несколько различных социальных организаций, занимающихся самыми разнообразными аспектами интеграции российских немцев. Это такие проекты и организации как: «Переселенцы помогают переселенцам», Землячество немцев из России, Католическая церковь, Консультационный пункт в переселенческом лагере в Берлине, консультации для иностранцев в Берлине в районе Марцан – Хеленсдорф, социальные консультации для русскоязычных мигрантов, в том числе для неблагополучных слоев населения, общественное объединение мигрантов «Лира» и т.д.

Интервью проводились на русском и немецком языках. Возможность проводить интервью, как на русском, так и на немецком языке, рассматривается как фактор, способствующий более глубокому проникновению в исследуемую проблематику.

Помимо метода глубинных интервью и массового опроса, активно использовался метод включенного наблюдения. Наблюдения проходили во время посещения семей российских немцев, в ходе различных массовых мероприятий, проводимых поздними переселенцами в Германии: встречи земляков, одноклассников, торжества по поводу различных праздников (8 марта, Новый год).

В работе в качестве одного из методов использовался анализ русскоязычных СМИ Германии (газеты «Русская Германия», «Русский Берлин», «Контакт», «Районка», «Neue Zeitung», журнал «Ost-West Panorama»), различных рекламных и информационных материалов о деятельности организаций российских немцев, анализ русскоязычных Интернет-форумов Германии.

Часть интервью проводилась у переселенцев дома, в обстановке, в которой они чувствуют себя непринужденно и привычно. Другие интервью проводились во время интеграционных семинаров с переселенцами в Эрлингхаузе, после 2-3 дневной совместной работы. Таким образом, в преобладающем большинстве случаев удавалось достичь достаточно высокой степени доверия со стороны респондентов.

При исследовании высококвалифицированных мигрантов во Франкфурте-на-Майне большая часть интервью проходила во время обеденного перерыва в кафе университета или в кафе недалеко от банков, где работают респонденты. Часть интервью была проведена сразу после окончания рабочего дня, также в кафе недалеко около банка или в центре города. С несколькими сотрудниками университета интервью проходило в помещениях Института.

Анализ концепций международных миграций населения позволяет сделать вывод о том, что до сих пор существует разделение основных акцентов исследований по следующим преобладающим дихотомиям.

Первая дихотомия заключается в противопоставлении «экономического» или «социально-культурного» взглядов на природу миграций населения и ее последствия.

Вторая дихотомия – роль мигранта в миграционном процессе. Одно направление рассматривает мигранта как самостоятельного актора и участника миграци-

онного процесса, второе – как пассивного объекта миграционной, экономической и социальной политики государств.

Третья дихотомия – взгляд на миграционный процесс с позиции национального государства, которое получило название «методологический национализм» или с точки зрения транснационального подхода.

Несмотря на важную роль трансграничного подхода в изучении миграций, который сейчас занимает ведущее место в Германии, пока нельзя однозначно говорить о том, что можно полностью отказаться от парадигмы «национальной методологии», о которой говорилось выше. Поскольку многие решения в отношении миграций принимаются, исходя из национальной парадигмы, и даже можно говорить о ее ренессансе для ряда стран Западной Европы.

Большая часть рассмотренных концепций не анализирует детально влияние международных миграций населения на регионы въезда и выезда мигрантов на локальном уровне. Это задача, в том числе и географов, которые пока не внесли значительного вклада в теоретическое осмысление миграционного процесса. Также сравнительно мало затрагиваются территориальные аспекты процесса адаптации мигрантов, не на уровне государств, а на уровне регионов и различных типов населенных пунктов.

На наш взгляд, все многообразие и сложность хода миграционного процесса наиболее комплексно позволяет проанализировать системный подход, который получил активное развитие, в том числе и в географии в 1970-е гг. Автором предложено понятие *транснациональной миграционной системы*, позволяющее объединить различные концептуальные и методологические подходы к изучению международных миграций населения.

Последующие эмпирические главы работы выстроены в соответствии с логикой рассмотрения этапов формирования и развития российско-германской ТМС:

- третья глава, показывает основные исторические предпосылки формирования ТМС между Россией и Германией, заложенные в более ранние исторические периоды и продолжившиеся в XX в.;

- четвертая глава акцентирует внимание на следующем этапе эволюции российско-германской ТМС – эмиграционной волне из России в Германию после 1991 г., что отразилось на расселении и демографии немцев России;

- пятая глава охватывает адаптационный этап эволюции ТМС, показывает особенности адаптации в Германии наиболее многочисленной миграционной когорты из стран бывшего СССР – российских немцев;

- шестая глава посвящена транснациональному этапу эволюции российско-германской ТМС и факторам потенциальной реэмиграции наших соотечественников.

ГЛАВА 3. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ДО 1991 Г.

Формирование транснациональной миграционной системы начинается задолго до активизации эмиграционных потоков и не заканчивается после ослабления и даже прекращения миграционного обмена между странами.

История миграционных связей между Россией и Германией началась задолго до образования СССР/ РФ и ФРГ. События, происходившие на территориях наших стран в течение нескольких столетий, привели к развитию тесных миграционных связей и формированию транснациональных сообществ в конце XX в.

Начинать поэтапное рассмотрение развития российско-германской транснациональной системы целесообразно с истории формирования в России одной из самых крупных миграционных когорт в Европе в конце XX в. – российских немцев, образовавшейся в виде этнокультурной общности вследствие переселения из германских земель в Российскую Империю.

Данная глава акцентирует внимание на исторических предпосылках формирования транснациональной миграционной системы на примере миграции российских немцев. Глава состоит из пяти параграфов: анализ исследований российских немцев в России и Германии во второй половине XX в.; обзор этапов формирования немецкого населения Российской Империи до 1917 г.; анализ процессов трансформации этнической территории немцев СССР в XX в.; выявление факторов, определивших характер расселения немцев в СССР в конце XX в.; характеристика расселения немцев РФ в 1989 г., накануне массовой эмиграции в Германию и социально-демографическая характеристика немецкого населения РФ в 1989 г.

3.1. Исследования российских немцев в России и Германии

Особенностью изучения российских немцев в России и Германии является широкая вовлеченность в эти исследования общественных организаций немцев, их высокая политическая значимость. Для РФ и ФРГ характерен рост интереса исследователей к данной тематике после 1991 г. Наиболее широко развиты исследования

российских немцев среди историков, этнографов, филологов. Работы географов и социологов в России и Германии являются, скорее исключением, чем правилом.

3.1.1. Изучение российских немцев в России

Исследователи истории российских немцев отмечают, что в течение XX в. изучение немцев в России имело неравномерный характер и привлекало внимание исследователей в определенные периоды. До 1917 г. публиковалось значительное число работ по изучению немцев в Российской Империи. Период с 1917 г. до 1941 г. характеризуется снижением количества работ на данную тематику. После 1945 г. и до 1991 г. исследования проводились, но ряд тем в истории и развитии немцев СССР был закрыт. Резкое увеличение числа публикаций и количества исследований произошло после 1991 г., в первое десятилетие после распада СССР. В 2000-е гг. уменьшается число публикаций на данную тематику, появляются новые темы в изучении российских немцев.

В дореволюционной России значительная часть работ, посвященная немцам, касалась истории переселения колонистов в Россию, особенностям развития отдельных региональных колоний немцев в России: Поволжье, Причерноморье, Прибалтика; исследованию общин немцев в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове; биографическим описаниям знаменитых немцев России [174, 249]. Историки среди дореволюционных работ конца XIX – начала XX в. отмечают публикации А.А. Велицына, А.А. Клауса, Г.Г. Писаревского и Я. Штаха [39, 105, 173, 258]. Любопытна судьба исследования Я.Е. Дитца, проведенного в начале XX в., но опубликованного только в 1997 г. [69].

В советский период особенностью изучения российских немцев является относительно низкий интерес к данной тематике, что объясняется в значительной степени идеологическими и политическими причинами. Но нельзя сказать, что работ, посвященных немцам СССР, не существовало совсем. Т.Н. Чернова отмечает, что ряд тем категорически не освящался и находился под негласным запретом во второй половине XX в. до 1990-х гг. Это исследования депортации народов СССР, в том числе и немцев, история существования АССР немцев Поволжья, вопросы, касающиеся политических репрессий советского периода [249, с. 21].

Запреты не распространялись на изучение диалектов, в частности, большая работа по изучению диалектов немцев Западной Сибири проводилась исследователями из Омска. Помимо филологического направления изучения немцев СССР, выделяются работы, посвященные особенностям их материальной культуры и быта. Например, публикации В.М. Жирмунского [74, 75], касающиеся изучения диалекта в немецких поселениях, или Л.В. Малиновского [130, 131], посвященные изучению жилища немцев-колонистов в Сибири.

В 1970-1980-е гг. появляются обобщающие обзорные работы, касающиеся истории расселения немцев в Российской Империи и СССР. Это исследования С.И. Брука и В.М. Кабузана [27, 28, 101].

Отдельно находятся публикации, посвященные меннонитам, которых ряд исследователей относят к особой социально-культурной общности. Известны работы, касающиеся данной группы 1930-х, 1960-х, 1970-х гг. и в 1990-е гг. [97, 106, 119, 187, 211].

Значительная часть исследований проводилась этнографами и филологами и была посвящена вопросам истории, расселения, этнического развития, процессам получения образования немецкого народа в Российской Империи и в СССР.

Изменения в изучении немцев СССР и России стали происходить в конце 1980-х гг., когда в Алма-Ате в 1988 и 1989 гг. были проведены две тематические конференции. Первая касалась проблем межэтнических отношений, вторая - изучению немцев «Немцы в братской семье советских народов». Показательно, что конференции были проведены в Казахстане, где проживало на тот момент порядка 950 тыс. немцев. И где еще в 1960-1970-е гг. были реализованы постановления ЦК КПСС и Компартии КазССР по улучшению работы среди «граждан СССР немецкой национальности», стала появляться литература на немецком языке, публикации в СМИ [249, с. 21-23].

Важным этапом в распространении и расширении тематики изучения немцев в России стала конференция, проведенная в Москве в 1989 г. «Советские немцы: история и современность». В печати появляется дискуссия о восстановлении Автономии немцев Поволжья. Развивается немецкое общественно-политическое движение, которое привело к созданию в 1994 г. Общественной академии наук россий-

ских немцев, в 1995 г. создана Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев [249, с. 24-26].

В начале 1990-х гг. наблюдается резкий рост числа публикаций, посвященных российским немцам, когда многие ранее «закрытые» темы стали активно изучаться. За короткий период до начала 2000-х гг. существенно расширилась тематика исследований российских немцев, произошло формирование отдельных направлений в их изучении, сформировалось несколько крупных региональных исследовательских центров изучения российских немцев.

В 2001 г. появляется библиография исследований российских немцев в 1991-2000 гг. Она содержит более 2 тыс. публикаций, вышедших за 9 лет, а также около 700 публикаций, посвященных истории и культуре немцев в период 1945-1991 гг. [249]. Важным источником информации о значительной части исследователей и исследований немцев России стал справочник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, изданный в 2010 г., где представлены персоналии ученых и их важнейшие публикации [137].

Основные причины роста популярности изучения немцев в России в 1990-е гг. следующие:

- либерализация общества и открывшаяся возможность изучать ранее «запретные темы», что сопровождалось публикациями и снятием ограничения к доступу к архивным и статистическим данным;

- рост самосознания немецкого народа, возможность реализации потребности в изучении собственной истории – значительная часть исследователей являются российскими немцами;

- активизация политической дискуссии вокруг восстановления АССР немцев Поволжья.

В 1990-е гг., по мнению Т.Н. Черновой, что подтверждает и составленная исследовательницей библиография, значительное место среди всех публикаций занимали данные ранее закрытых документов. Это относится к историческим документам Российской империи, документам центральных органов власти СССР в отношении ликвидации республики немцев Поволжья и депортации народов СССР, документы в отношении условий работы немцев на трудовом фронте, документы, касающиеся истории положения Лютеранской церкви в СССР и др. Среди докумен-

тов, опубликованных в 1990-е гг., было значительное количество мемуаров и воспоминаний российских немцев.

Итогом проделанной исследователями работы стала 3-х томная энциклопедия «Немцы России» [164], третий том которой вышел в 2006 г., а также учебное пособие «История немцев России», дополненное хрестоматией и методическими указаниями [53].

Основными направлениями исследований немцев России в 1990-е гг. стали:⁹

- государственная этническая и миграционная политика до и после 1917 г. (В.Г. Чеботарева [248], Белковец Л.П. [18]);
- история иностранных колонистов в России (И.Р. Плеве [174]);
- социально-экономическое и культурно-религиозное развитие немецких колоний до 1917 г. и в советский период (А.Н. Ипатов, О. В. Курило [98, 121]);
- создание Автономии немцев Поволжья (А.А. Герман [51, 52]);
- депортация немецкого населения СССР в 1941 г. (П.М. Полян, Н.Ф. Бугай, В.А. Ауман [11, 31, 182]);
- исторические миграции немцев СССР и этнические процессы (Т.Б. Смирнова [209, 210]);
- история городских общин немцев в крупных городах России (И.Б. Томан [220]);
- современные особенности материальной и духовной культуры немцев России (С.В. Соколовский, О.А. Лиценбергер [124, 211]);
- описание и история региональных общностей немцев России (В.И. Матисс, Т.И. Герасименко [50, 134, 135]);
- эмиграция немцев из СССР и России в Германию (И.В. Ерофеева, А.Ю. Даньшин [62, 63, 73]).

За этот период сформировались центры изучения немцев в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Самаре, Оренбурге, Омске, Барнауле, Новосибирске и Тюмени.

По количеству публикаций, среди региональных исследований ведущее место занимают публикации, посвященные немцам Поволжья. В Саратове сформировался широкий круг исследований истории и современных этносоциальных особенно-

⁹ Часть исследователей в 1990-2000-е гг. эмигрировали в Германию и там продолжают исследования российских немцев

стей немцев России. К ученым этого центра относятся С. Замогильный, С. О. Терехин, И.Р. Плеве, А.А. Герман, О.А. Лиценбергер и др.

Важным межрегиональным центром в изучении немцев в России стал Оренбург. В городе проводятся регулярные конференции, публикуются сборники документов по истории немцев Оренбуржья (В.В. Амелин, Е.Ф. Тюлюлюкин, Т.И. Герасименко) [100, 163, 225].

В Западной Сибири, как в макрорегионе, где в советский период сложилась самая многочисленная территориальная группа немцев России, крупные центры изучения немцев сформировались в 1990-е гг. в Барнауле (П.П. Вибе, В.И. Бруль, В.И. Матисс [42, 29, 30]), в Омске (Т.Б. Смирнова, С.А. Рублевская), Новосибирске (Э.Р. Барбашина).

Десятилетие после 2001 г. характеризовалось сокращением числа публикаций сборников документов и числа работ по истории российских немцев, это произошло во много из-за того что часть «белых пятен» в истории немцев России оказались заполнены.

В 2000-е гг. появляются исследования, касающиеся современных эмиграционных процессов в среде немцев России и проблем адаптации российских немцев в Германии, после эмиграции (Н.В. Кадацкая [102], М.С. Савоскул [198, 199, 201]). Часть работ последних лет направлена на изучение этнической идентичности немцев, на теоретические вопросы формирования такой диаспоральной группы, как российские немцы, или отдельных региональных диаспоральных групп. Например, немцам Западной Сибири посвящена докторская диссертация Т.Б. Смирновой [209]. Вопросы изучения миграционной политики Германии и адаптации российских немцев после эмиграции касаются работы О.И. Зевелева и Н. Федорова [85, 235].

3.1.2. Изучение российских немцев в Германии

В Западной Германии после 1945 г. по политическим причинам этнографические исследования не получили широкого распространения. Но, тем не менее, публикации, посвященные истории немецких колоний в мире и истории миграций немецкого населения в мире, появлялись в Германии. До середины 1990-х гг. большая часть работ, публиковавшихся в Германии, была посвящена истории,

культуре, развитию диалектов немецкого языка. В 1990-х гг. появляются исследования, направленные на изучение российских немцев из СССР, они проводятся социологами, этнологами и географами.

Количество публикаций по этническим немцам, куда попадало изучение немцев СССР, Польши и Румынии, в десятки раз превышает число публикаций этого периода, вышедших в России. Библиография немецких изданий 1917-1998 гг. содержит более десяти тысяч наименований. Вопросам интеграции и адаптации этнических немцев в Германии посвящено более 400 монографий, отдельных выпусков журналов и статей [291].

Отличительные особенности исследований, проводящихся в Германии, по сравнению с российскими: бóльшая тематическая палитра; междисциплинарный характер работ; менее описательный характер исследований; включенность в общий контекст социально-политических процессов, ситуации на рынке труда, в общий теоретический контекст миграционных исследований.

Публикации немецких исследователей можно разделить на несколько больших тем:

- история немецких колонистов в России, история притеснений немцев в России;
- история возвращения немцев из СССР и стран Восточной Европы в Германию;
- особенности развития культуры и языка немцев Восточной Европы.

Во Фрайбурге работает крупный центр изучения немцев Восточной Европы. (Johannes-Künzig-Institut für ostdeutsche Volkskunde) [431]. Институт регулярно проводит конференции и семинары по истории и этнографии, фольклору немцев. Тут создан фотоархив истории немцев Восточной Европы и СССР.

Среди значительных обобщающих работ по истории и эмиграции российских немцев в Германию выделяются публикации специалистов К. Ю. Баде (K.J. Bade) [274, 296], Б. Диец (B. Dietz), П. Хилькеса (P. Hilkes) [300, 301, 324].

Отдельно среди всех исследований находятся работы, проводимые членами землячества российских немцев (Landsmanschaft der Deutschen aus Russland) [411]. Землячество создано ранними немецкими переселенцами в Германию, переехавшими в страну до начала 1990-х гг. Представителями землячества организовано Объединение исследователей истории немцев из России (Historischer For-

schungsverein der Deutschen aus Russland e.V.) [429], расположенное в Нюрнберге. Оно регулярно выпускает сборники статей и материалов, посвященные проблематике российских немцев, которые близки к российским традициям изучения немцев [290, 379].

Тематику публикаций о положении российских немцев после эмиграции в Германию можно разделить на несколько групп:

- характеристика процесса и масштабов эмиграции немцев из Восточной Европы в Германию [314]. Например, большая коллективная монография, посвященная поздним переселенцам в Германии, вышедшая в конце 1990-х гг. В ней детально рассматриваются территориальные группы поздних переселенцев, в том числе из бывшего СССР, Польши, Румынии. Уделено внимание условиям жизни в странах выхода, их структурным характеристикам. Рассматриваются мотивы их эмиграции в Германии и условия интеграции поздних переселенцев в жизнь принимающего общества: на рынке жилья, в экономическую сферу, систему здравоохранения и образования [272];

- общие вопросы интеграции немцев в Германии и интеграционная политика ФРГ. Например, в обобщающей работе К. Рёслера (K. Rösler) широко рассмотрена предыстория эмиграции российских немцев в Германию, правовые и юридические аспекты интеграции их в Германии. Помимо этого, автор и его коллеги проводили опросы в регионах проживания немцев в России (Калининградская, Омская области) в Казахстане (Павлодарская область) [338, 378]. Исследование затронуло вопросы этнической идентичности российских немцев, их отношение к исторической Родине, отношение к истории российских немцев в СССР;

- локальные исследования процессов адаптации российских немцев. Немецкий географ Р. Хенкель (R. Henkel) на примере двух религиозных общин российских немцев в земле Гессен показывает положительную роль структур мигрантов в ходе интеграции российских немцев в Германии [332];

- изучение вопросов этнической идентичности российских немцев в Германии. Во многих исследованиях, высказывается точка зрения, что трудность самоидентификации – существенный барьер на пути к интеграции в новое общество. Только преодолев этот барьер, сделав его мостом, российские немцы смогут успешно интегрироваться [399];

- вопросы экономической интеграции российских немцев на рынке труда Германии в сравнении с другими группами эмигрантов и немецких граждан, родившихся в Германии;

- гендерные особенности интеграции российских немцев [400];

- поколенческие аспекты интеграции российских немцев, особенности интеграции молодого поколения. Рассматриваются вопросы интеграции молодых российских немцев по сравнению с другими группами эмигрантов и по сравнению с немецкой молодежью. Часто подобные исследования финансируются министерствами федеральных земель Германии, проводятся массовые опросы [391], результаты которых выявляют степень вовлеченности молодого поколения российских немцев в рынок труда, сложности интеграции, уровень знания немецкого языка и т.д. Достаточно много работ направлено на исследование маргинальных молодежных групп российских немцев, рассматривается уровень преступности в среде иммигрантов [408];

- исследование различных структур российских немцев в Германии. Например, изучение функционирования русскоязычной прессы или роль туристических агентств. Подобные структуры не всегда создаются российскими немцами и используются не только ими, но составляют значительную часть их жизни [293];

- большое место с середины 2000-х гг. занимают публикации о формировании и развитии транснациональных сообществ российских немцев, их связях со странами выхода, в которых уделяется внимание разным типам трансграничных связей эмигрантов из России и стран СНГ, факторам формирования транснациональных связей, роли транснациональных сообществ в процессе интеграции в принимающее общество [380, 385]. Большая часть подобных исследований проводится с применением глубинных интервью с мигрантами;

- методические аспекты изучения российских немцев, проведения интервью с мигрантами [405]. В подобных публикациях рассказывается об особенностях проведения интервью с иностранцами, если исследователь принадлежит к другой этнокультурной группе. Или делается акцент на плюсах и минусах полевой работы и включенного наблюдения при изучении соотечественников.

За 2000-е гг. заметно смещение акцентов в значительной части работ, касающихся эмигрантов в Германии, в том числе и российских немцев. Если в конце

1990-х – начале 2000-х гг., значительное внимание уделялась этническому, религиозному и культурному факторам в ходе интеграции, то после 2005 г. появляется все больше работ, направленных на анализ социально-экономических особенностей интеграции, ставя их на первое по значимости место в ходе процесса интеграции.

В названиях множества немецких публикаций, касающихся российских немцев, очень часто используется предлог «между» (zwischen) – между Россией и Германией; между изоляцией и интеграцией; между традициями и современностью и т.д. Вторым по частоте, наверно является разделительный союз «или» (oder) – интегрированы или изолированы, немцы или русские, жертвы или преступники и т.д. Это очень точно определяет место, точнее пока отсутствие места, данной этнокультурной и территориальной группы, даже в сознании исследователей, а значит и в немецком обществе.

3.2. Переселение немцев в Российскую Империю и расселение немцев в России до 1917 г.

Российские немцы – социально-этническая общность, масштабное формирование которой началось около 250 лет назад, после того как Екатерина II пригласила на заселение и освоение окраинных земель России иностранцев. История формирования расселения немцев в России связана с политической волей различных государственных деятелей и политическими событиями, происходящими в Российской Империи, а затем в СССР, СНГ и Германии.

Миграционный фактор на протяжении всей истории формирования и развития российских немцев играл одну из ведущих ролей в этнических, социальных и расселенческих процессах, происходящих в их среде. Историческая память народа также формировалась под действием значимых для всех принадлежащих к этой группе людей политических событий, которые, к сожалению, часто были связаны с притеснением прав и свобод российских немцев.

3.2.1. Формирование немецкого населения Российской Империи

Формирование различных групп немецкого населения в России происходило в течение нескольких столетий и в разных ее частях, которые не всегда входили в состав российского государства. В Москве немцы¹⁰ появились в конце XV в. Иноземная немецкая слобода возникает в конце 1550-х гг., ее населяют во многом пленные солдаты Ливонской войны. Но в целом до начала правления Петра I, в Российском государстве иностранцы были скорее исключением [53, с. 18-21].

Активное привлечение иностранных специалистов в Россию осуществляется Петром I, реформы которого не могли быть реализованы без их участия. Немцы привлекаются к военной службе, участвуют в создании учреждений образования, занимаются ремеслом и торговлей.

Массовое возникновение немецких колоний в России связано с расширением территории Российского государства и необходимостью заселения и аграрного освоения пустующих земель. Первые попытки привлечения колонистов в Россию были сделаны еще до Екатерины II.

В 1738 г. Анна Ивановна издает указ, в котором идет речь о грузинах и армянах, участвовавших в русско-персидских войнах, и пожелавших поселиться в России. Им разрешается разместиться вдоль южных границ государства и указывается всячески способствовать их обустройству на новом месте. Но в данном случае речь шла, прежде всего, о защите границ, и значительных масштабов переселения не последовало [53, с. 26-28].

В 1751 г. императрица Елизавета Петровна приглашает на поселение 500 сербов из Австрийской Империи. Вдоль бывшей польской границы расселяются сербы, греки, венгры, черногорцы, болгары, молдаване. Но большая часть приглашенных выполняла оборонительные функции и не занималась хозяйственным освоением земель.

Первые попытки земледельческой колонизации относятся к 1752 г., когда между Россией и Францией начались переговоры о приглашении французских протестантов на земли вдоль Волги и Терека. В итоге переселение не состоялось, так

¹⁰ В данном случае использование понятия «немцы» очень широко и достаточно расплывчато, во-первых из-за того, что долгое время в России под немцами понимали значительную часть европейских иностранцев; во-вторых, потому что среди самих «немцев» не было единого этнонима, к ним могли относить всех представителей германских земель, которые еще не были единым государственным образованием.

как французы желали переехать на земли Украины южнее Киева, а не на предлагавшиеся территории.

В результате планы по привлечению колонистов в Россию, были реализованы только Екатериной II, которая в 1762 г. выпускает первый манифест о привлечении иностранцев для поселения в России [53, с. 30].

Массовое заселение Российской империи немецкими колонистами-переселенцами произошло в два основных этапа.

1 этап – 1764-1773 гг., когда в Россию перебрались более 30 тыс. переселенцев; преимущественными регионами размещения стали Поволжье, Петербургская и Черниговская губернии.

2 этап был более продолжительным – 1789-1824 гг.; в Новороссию вместе с Бессарабией в этот период переселились более 40 тыс. человек. Основными территориями размещения переселенцев стали Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. Оба этапа характеризовались достаточно компактным расположением поселений [217, с. 18-25].

Основными причинами привлечения иностранцев на российские земли в XVIII-XIX вв. исследователи считают следующие:

- заселение и возможная охрана окраинных территорий;
- внедрение в отдалённые неоднородные по социальному составу регионы относительно стабильной в социальном плане группы населения;
- возможность миссионерской деятельности;
- сельскохозяйственный подъём целинных территорий;
- создание хозяйственной инфраструктуры;
- относительная территориальная мобильность переселенцев [217, с. 15-18].

Немецкие авторы среди важных причин эмиграции называют также: политическое давление на население со стороны властей; принудительную военную службу; налоги; малоземелье, голодные годы (в этот период в Европе только закончилась Семилетняя война); реформирование в религиозно-образовательной сфере [217, с. 18].

3.2.2. Основные социальные и территориальные группы немцев в России в конце XIX в.

И.Р. Плеве предлагает в своих работах разделять немцев России в конце XIX в. по социальному признаку на три группы. Первую, самую многочисленную группу составляли колонисты, которые в 1871 г. получили статус «поселян-собственников». Эта группа была сформирована в России в XVIII – начале XIX вв., благодаря миграционной политике России. Для колонистов было характерно компактное расселение в Поволжье, в украинских губерниях, под Петербургом. В конце XIX – начале XX вв. начинают формироваться дочерние колонии на Северном Кавказе, в Оренбуржье, Сибири.

Вторая социальная группа немцев России представлена мещанами, выходцами из различных германских земель и других европейских стран, по разным причинам и в разные периоды переехавшими в Россию. Преобладающая часть немецких мещан проживала в городах, многие из них ассимилировались за время проживания в России.

Третья – самая малочисленная группа включает немцев-дворян. Часть немцев получила дворянский титул на службе русскому государству и императору, часть немцев-дворян образовалась в России после вхождения Прибалтики в состав Российской Империи [174, с. 8-10].

В конфессиональном отношении немцы относились к четырем религиозным группам. Католицизм был распространен преимущественно в среде колонистов. Самая крупная группа – лютеране, которые были и среди колонистов, а среди дворян и мещан преобладающая доля были лютеране. Часть немцев России приняли православие. Отдельную этно-конфессиональную группу, которую часть исследователей не относят к немцам России, образовывали меннониты. Меннониты являлись колонистами, они селились обособленно от остальных колонистов и долгое время сохраняли свой язык и культуру, не смешиваясь с другими группами колонистов; изменения произошли только в советский период.

По данным переписи населения 1897 г., в Российской Империи (без учёта Привислинских губерний) проживали 1383,3 тыс. человек, считавших своим родным языком немецкий. Иного способа определить этническую принадлежность не

было: перепись не содержала вопроса о «национальности». В Привислинских губерниях проживали еще 407,3 тыс. немцев (табл. 3.1).

Таблица 3.1.

**Численность немцев в макрорегионах и отдельных губерниях России
(по данным переписи населения 1897 г.)**

Регионы	тыс. чел.	%
Европейская Россия	1312,2	94,9
в том числе:		
Волынская губерния	171,3	12,4
Екатеринославская	81,0	5,9
Лифляндская	98,6	7,1
Самарская	224,3	16,2
Санкт-Петербургская	63,4	4,6
в т.ч. Санкт-Петербург	50,8	3,7
Саратовская	166,5	12,0
Таврическая	783	5,7
Херсонская	123,4	8,9
Кавказ	56,8	4,1
Сибирь	5,4	0,4
Средняя Азия	8,9	0,6
Российская Империя	1383,3	100,0
Привислинские губернии	407,3	-

Составлено по данным [423].

В итоге переселения немецких колонистов из Германии, а также в результате их переселений внутри страны к концу XIX в. в Российской империи (без Привислинских и трёх Прибалтийских губерний) сложилось несколько крупных ареалов немецких поселений: Поволжье (Саратовская и Самарская губернии), Причерноморье и Приазовье (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии), Санкт-Петербургская губерний. В этих регионах проживали более 700 тыс. немцев, что составляло более 55% всех немцев Европейской части Империи. (рис. 3.1.).

Немцы Поволжья, как достаточно самостоятельная этно-территориальная группа, сложились к началу XIX в. Эта группа была преимущественно сформирована первой волной колонистов в Россию, прибывавших из различных германских земель, в 1760-е гг., после манифеста Екатерины II. Для этой группы характерен достаточно жесткий государственный контроль, компактное поселение в колониях, сильная обособленность от других территориальных групп немцев Российского государства. Эти факторы способствовали сохранению в России до начала XX в. языковых и культурных традиций германских земель конца XVIII в. [174, с. 10-12; 202].

Рис. 3.1. Численность немцев в Российской Империи, 1897 г. Составлено автором.

Для поселений колонистов этого периода характерен высокий естественный прирост населения, который привел к существенному росту численности населения колоний. По данным переписи населения 1897 г., в Саратовской и Самарской губерниях численность немцев в период с 1858 по 1897 г. выросла с 210,9 тыс. до 390,8 тыс. человек.

Немцы Новороссии прибыли в Россию уже в начале XIX в. после войн с Турцией. На поселение для быстрого освоения новых территорий приглашались опытные ремесленники, земледельцы, предпочтение отдавалось семейным переселенцам, у которых имелась определенная собственность. Эта группа немцев в России существенно отличалась от немцев Поволжья, у них практически отсутствовали контакты с другими территориальными группами немцев. В Екатеринославской губернии в 1897 г. насчитывалось 80,9 тыс. немцев, в Херсонской, Таврической губерниях проживали 201,7 тыс. немцев.

В Поволжье, Причерноморских и Приазовских губерниях большинство немцев (более 80%) составляли крестьяне.

Немцы столицы были сформированы в разное время и относились к различным социальным и религиозным группам. В Санкт-Петербургской губернии проживали 63,5 тыс. немцев, из них 50,8 тыс. – в Санкт-Петербурге.

Значимым ареалом расселения немцев к концу XIX в. стала Волынская губерния, в границах которой проживали 171,3 тыс. немцев. Немцы Волыни составили завершающую волну колониационного движения в Россию, время массовой колонизации пришлось на 1860-1880-е гг. Большая часть немцев Волыни были выходцами из Привислинских территорий Царства Польского, они также составили достаточно обособленную территориальную группу немцев России.

Особое место занимали немцы Прибалтики, где насчитывалось 92,7 тыс. немцев. Они не относились к колонистам, а вошли в состав России сформированной территориальной группой. Для немцев Прибалтики характерен более высокий уровень образования и высокое социальное положение, многие из них составили элитные группы российских военных и государственных деятелей.

В Европейской части Российской Империи, включая территории, относящиеся к современной Украине, Белоруссии, Молдавии и Прибалтике, без Привислинских губерний, по данным переписи 1897 г., проживали 1352,5 тыс. немцев, то есть почти 95% всех немцев Российской Империи были в тот момент сосредоточены в её Европейской части.

Численность немцев в колониях увеличивалась быстрыми темпами, вызывая аграрное перенаселение и малоземелье, что и стало одной из основных причин первой волны миграции немецкого населения в начале XX в., положившей начало восточному вектору миграции немцев, который стал основным для расселения немцев в течение XX в.

3.2.3. Внутривосрийские миграции и эмиграция немецкого населения из России в конце XIX – начале XX вв.

Начало XX в. стало для немецкого населения периодом массовых миграций. Этот этап характеризуется тремя основными миграционными волнами, сопоставимыми по масштабу, каждая из них охватывала более 100 тыс. человек. Две миграционные волны были добровольными и характеризовались преимущественно эко-

номическими мотивами, они были направлены в Азиатскую часть России и в страны Северной и Латинской Америки.

Третья волна представляла собой насильственную миграцию – депортацию немецкого населения в 1914-1915 гг. во время Первой мировой войны из западных прифронтовых территорий в Поволжье и Центральную Россию. Миграции немцев начала XX в. существенным образом поменяли географию их расселения, сложившуюся к концу XIX в.

Внутрироссийские миграции немцев получили начало ещё в 1860-х гг., но наиболее масштабный поток российских немцев на Урал и в Сибирь приходится на самый конец XIX и начало XX в. Это миграционное движение имело преимущественно экономический характер, оно вызвано рядом объективных причин.

Были исчерпаны возможности освоения старых ареалов расселения немцев в Европейской части России. В конце XIX в. произошло удорожание удобных земель, были введены административные ограничения на переселение, в 1871-1874 гг. отменили самоуправление и другие преимущества колониетского статуса поселений немцев [217, с. 58].

Многие исследователи среди факторов, влиявших в этот период на принятие немцами решения о переезде, называют антинемецкие настроения. По мнению Е.Ф. Тюлюлюкина, антинемецкие настроения в российском обществе появились задолго до Первой мировой войны. Их основная причина заключалась в росте немецкого землевладения, что происходило за счёт скупки земель разорившихся русских помещиков и крестьян. Антинемецкие настроения транслировались СМИ и усилились после начала Первой мировой войны [225, с. 51]. Эти настроения наиболее активно проявлялись в местах концентрации немецкого населения и часто выражались в организационных препятствиях со стороны банков и местных чиновников приобретению земельных участков.

В итоге антинемецкие настроения в российском обществе вылились в «отчуждение» земель у немцев-колонистов и привели к первой депортации немецкого населения из западных прифронтовых территорий. По оценкам специалистов, масштабы депортации оцениваются в сотни тысяч человек, что сопоставимо с масштабами аграрной миграции в Азиатскую часть России и масштабами переселения в страны Северной и Латинской Америки.

В 1914 г. были выселены немцы из Лифляндии, Курляндии, Риги, Сувалкской губернии. Также во время депортации 1914 г. из Привислинских губерний были выселены свыше 200 тыс. немцев. В 1915 г. были выселены немцы с территории современных Украины и Белоруссии, расположенной западнее линии Ковель – Ровно – Шепетовка – Староконстантинов – Жмеринка – Могилёв-на-Днестре, а потом и западнее территорий по линии Мозырь – Овруч – Житомир – Казатин – Умань. Из Волыни немцев депортировали в Нижегородскую, Ярославскую, Тульскую, Орловскую и Курскую губернии; из Подолии – в Орловскую губернию; из Приднепровья – в Курскую губернию [53, с. 229-231].

Миграции немцев на Восток империи стали частью мощного крестьянского переселенческого движения по освоению Сибири и Дальнего Востока, которое проводилось в рамках колонизации Азиатской части России и было призвано перераспределить внутри страны людские ресурсы из трудоизбыточных перенаселённых европейских губерний. В 1891 г. началось строительство Транссибирской железной дороги, которая также сыграла важную роль в экономическом освоении востока, не говоря уже о её стратегическом значении.

Активная политика государства в вопросе переселения из Европейской части России на восток привела к небывалым масштабам аграрных миграций внутри России в начале XX в. Если в течение 1896-1905 гг. правительственная статистика зафиксировала около 1 млн переселенцев, то в следующее десятилетие, в 1906-1914 гг., было зарегистрировано уже 3 млн крестьян-переселенцев [217].

К началу XX в. к уже упоминавшимся ареалам «материнских» колоний немцев России добавились новые ареалы, освоенные российскими немцами. К этим ареалам относятся: Южный Урал (Оренбургская и Уфимская губернии, район Челябинска); Западная Сибирь и Северный Казахстан (районы Омска, Акмолинска, Караганды, Семипалатинска, Кустаная), Кулундинская степь на Алтае; а также Средняя Азия.

В «материнских» колониях, как в Поволжье, так и в Причерноморье и в Приазовье, в большинстве случаев сохранялся принцип разделения поселений по религиозному принципу, то есть отдельно существовали поселения меннонитов, отдельно поселения католиков и лютеран. Первый этап переселения на восток стал и

началом смешения различных религиозных групп и возникновения сложных по конфессиональному составу и географии выхода ареалов расселения.

Основными регионами выхода немецких мигрантов в Сибири и на Южном Урале были Поволжье и Причерноморские и Приазовские губернии. Значительная часть переселенцев, особенно в Западную Сибирь, прибывала из Волынской губернии. Т.Б. Смирнова, детально описывающая в своей работе заселение немцами Западной Сибири, указывает, что для этого региона значительную долю немецких переселенцев составили немцы Волыни и южно-российских губерний [209, с. 74-76].

Хотя основной этап переселений немцев России в её Азиатскую часть закончился в 1914 г., то есть ещё в дореволюционный период, итог этих перемещений и изменение соотношения численности немцев России зафиксировала перепись 1926 г. Сравнение данных переписей 1897 и 1926 гг. показывает изменение ареалов расселения немцев в России.

На Южном Урале (Оренбургская и Уфимская губернии) в 1897 г. проживали не более 2 тыс. немцев, а в 1926 г. в Оренбургской губернии проживает уже 10,6 тыс. немцев, в Башкирии – 6,4 тыс.

В Сибири в 1897 г. проживали 5,4 тыс. немцев, причем 37,5% из них сосредоточивались в городах, в 1926 г. немцев в Сибирском крае насчитывается 78,8 тыс., подавляющая их часть (91,3%) проживает в сельской местности. Основными ареалами расселения немцев в Сибири в этот период стали Славгородский округ, расположенный на Алтае, где проживали 31,7 тыс. немцев (40% всех немцев Сибири), а также Омский округ, где насчитывалось 34,6 тыс. немцев (44% всех немцев Сибири).

На территории Средней Азии и Казахстана в 1897 г. проживали 8,9 тыс. немцев, больше половины которых приходилось на Акмолинскую область (4,8 тыс. чел.). Перепись 1926 г. показывает, что в этом макрорегионе проживали в то время уже 55,4 тыс. немецких переселенцев, главным образом в Акмолинской губернии (21,1 тыс. чел.), в Семипалатинской губернии (11,9 тыс. чел.) и в Кустанайском округе (10,8 тыс.).

В Европейской части основным ареалом расселения немцев осталось Поволжье, численность населения этого макрорегиона увеличилась в 1926 г., по сравнению с 1897 г., на 42,4 тыс. человек и составила 433,2 тыс. чел.

Численность немцев в Причерноморье и Приазовье за счёт активной миграции существенным образом сократилась и составила около 40 тыс. человек, тогда как в 1897 г. в этом регионе проживали около 300 тыс. немцев.

К 1926 г. перестала быть крупным ареалом немецкого расселения и Санкт-Петербургская губерния вместе с Петербургом (Ленинградом) – там остались 25,2 тыс. немцев, что более чем в 2 раза меньше, чем в 1897 г.

Основными ареалами проживания российских немцев, где их численность превышала 50 тыс., в Европейской части России остались Поволжье, Волынь и Причерноморье, зато в Азиатской части появились новые ареалы – Западно-Сибирский и Северо-Казахстанский.

На этом этапе немцы России в подавляющем большинстве проживали в сельской местности, и основным их занятием, как в Европейской части России, так и в Азиатской, было земледелие (с различными промыслами).

Помимо восточного вектора миграции немцев России начало XX в. характеризуется и первым массовым эмиграционным движением немцев Российской Империи в страны Северной и Латинской Америки, которое по объёмам превосходило масштабы внутрироссийских перемещений немцев.

Первый эмиграционный поток был направлен из «материнских» колоний Европейской части России и формировался уже с середины 1870-х гг.; второй, образовавшийся в 1910-е годы, состоял из мигрантов «дочерних» колоний Азиатской части России.

По мнению ряда исследователей, в Америку российских немцев привлекали те же мотивы, которые в свое время влекли их предков из Германии в Россию. После окончания Гражданской войны 1861-1865 гг. в Соединённых Штатах началось экономическое освоение новых территорий. Были приняты законодательные документы, дававшие возможность принявшим гражданство иммигрантам приобретать государственные земли в ряде новых штатов.

Часть миграций в Канаду и США меннонитов, проживавших в России, были вызваны введением всеобщей воинской повинности, противоречившей их религиозным убеждениям. По данным В.В. Оболенского (Осинского) в 1911 г. в Канаде проживало 45 тыс. меннонитов, но естественно, что не все они были российского происхождения [166, с. 75].

Регионами выхода новых мигрантов в США были страны Европы, в том числе с 1870-х гг. и Россия. Часть немцев, переселившихся из России, продолжала и на новом месте заниматься земледелием, часть оседала в городах. Пик переселений российских немцев в США пришёлся на 1906-1907 гг.

К 1916 г. эмиграция практически прекратилась. В итоге к 1920 г. в США насчитывалось 116,5 тыс. переселенцев, родившихся в России, а вместе со вторым поколением число немецких переселенцев превышало 303 тыс. [217, с. 67-69].

Другим направлением переселения российских немцев в 1890-е и 1900-е гг. стала Канада, куда непосредственно из России переехало 57,3 тыс. немцев, а 23,4 тыс. – «транзитом» из США.

Третьим направлением эмиграции немцев из России в конце XIX и в начале XX вв. стали страны Латинской Америки – Бразилия и Аргентина. Туда переселились несколько десятков тысяч немцев из «материнских» колоний России.

3.3. Трансформация расселения немцев на территории СССР

В данном параграфе выделены основные закономерности расселения российских немцев на территории бывшего СССР, прослежена связь между принятием основных политических решений в отношении российских немцев в течение XX в., характером расселения и эмиграционными процессами.

В территориальном охвате рассмотрена не только Россия, так как всех немцев СССР объединяет историческая судьба. Несмотря на множество различий, у этой группы сформировалась устойчивая идентичность, связанная с репрессиями XX в., что во многом нашло отражение в формировании общих социальных и миграционных установок.

На современном этапе развития российские немцы тесно связаны, как с бывшими республиками СССР, так и с Германией. Дать объяснение итогам миграционных процессов в среде российских немцев возможно только при рассмотрении как внутренней, так и внешней миграционной ситуации.

Данными о расселении российских немцев послужили итоги переписей населения в Российской империи (1897 г.), СССР (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.), странах СНГ и данные управлений статистики стран СНГ и ФРГ. Большая

часть проанализированных статистических данных взята на сайте «Демоскоп Weekly» [423].

Анализ данных переписей населения позволяет на уровне макрорегионов увидеть основные временные и пространственные закономерности расселения немцев в России в XX в. До начала массовой эмиграции немцев из бывших республик СССР в Германию в конце 1980-х гг. можно определить четыре этапа изменения географии российских немцев, во многом вызванных массовой сменой мест проживания данной этнической группы.

3.3.1. Расселение немцев в период между мировыми войнами (1918-1941 гг.)

В довоенный период произошло временное «закрепление» территорий проживания немецкого населения, сложившихся к 1918 г. и более рельефно проявляющихся при анализе переписей населения 1926 и 1939 гг. Были созданы сначала область, а затем республика немцев Поволжья, а также значительное количество немецких районов и немецких сельсоветов. Массовых добровольных миграций на этом этапе не происходило. Практически все миграции носили вынужденный либо принудительный характер.

Автономия немцев Поволжья образована 19 октября 1918 г. в результате подписания Председателем Совнаркома РСФСР В.И. Лениным «Декрета о создании Области Немцев Поволжья». Изначально область включала в себя только немецкие сёла и поэтому её территория имела сложную конфигурацию, затруднявшую связь между разными частями области.

22 июня 1922 г. издан декрет ВЦИК РСФСР об изменении границ области за счёт присоединения части уездов Саратовской губернии, что позволило «округлить» территорию области. В результате площадь области увеличилась на 39% и составила 25,7 тыс. км², а население выросло на 64% и составило 527,8 тыс. человек [53, с. 282].

В конце 1923 г. область немцев Поволжья была преобразована в АССР Немцев Поволжья. 13 декабря 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило «реорганизовать» автономную область немцев Поволжья в Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья [53, с. 289].

Только в период существования автономной области и автономной республики в СССР существовала административно-территориальная единица первого порядка, где преобладало немецкое население, хотя за этот период доля немцев в населении республики снизилась. В других регионах доля немцев не превышала нескольких процентов.

На момент создания АССР Немцев Поволжья в этнической структуре населения республики немцы составляли 67,5%, русские – 21,1%, украинцы – 9,7%. По данным переписи населения 1939 г., доля немцев в населении республики сократилась: они составляли 60,5%, русские – 25,7%, украинцы – 9,6%. За этот период численность русского населения выросла с 111,4 тыс. до 156 тыс. человек (на 40%), тогда как численность немцев в республике увеличилась с 356,3 тыс. до 366,7 тыс. человек (на 2,9%), что практически в пять раз ниже общесоюзных темпов прироста немецкого населения.

Сокращение доли немецкого населения могло быть вызвано несколькими причинами: более быстрым естественным приростом русского населения, по сравнению с немцами; миграционным оттоком немцев из республики или миграционным притоком русского населения; сменой немцами этнической идентичности.

Помимо АССР Немцев Поволжья практически на всех территориях компактного проживания немцев в СССР были образованы немецкие национальные районы или немецкие национальные сельсоветы (табл. 3.2). В конце 1930-х гг. по всему СССР немецкие национальные районы были ликвидированы [53, с. 391].

Хотя современные исследователи отмечают определенные недостатки релевантности данных переписи населения 1939 г., все же ее данные позволяют судить о расселении и основных регионах проживания немцев в СССР накануне Великой Отечественной Войны.

В период с 1918 до 1941 г. наиболее значимыми массовыми миграциями немцев были принудительные миграции «раскулаченных» и бегство от голода и коллективизации. По приблизительным подсчётам исследователей, в 1920-1922 гг. в области немцев Поволжья от голода погибло более 100 тыс. человек [52, с. 275]. К сожалению, пока нет возможности точно оценить количество высланных и раскулаченных немцев по регионам СССР.

Таблица 3.2.

Создание в 1924–1935 гг. автономий немцев в СССР

Годы создания	Регионы возникновения	Статус автономий
1920-е гг.	Ленинградская область	2 немецких сельских совета
1924-1925 гг.	Северный Кавказ: Терский округ, Армавирский округ, Ставропольский округ, Таганрогский округ, Донской округ, Сальский округ, Кабардино-Балкария, Донецкий округ, Черноморский округ	25 немецких сельских советов
1928 г.	Северный Кавказ: Армавирский округ	Ванновский немецкий национальный район (18,5 тыс. чел., немцев 47,2%)
1924-1925 гг.	Западная Сибирь: Славгородский округ, Омский округ	Немецкие сельские советы, немецко-русские сельские советы (96% немцы)
1927 г.	Западная Сибирь: Славгородский округ	Немецкий национальный район
1927 г.	Украина	Семь немецких национальных районов и немецкие сельсоветы
1930 г.	Крым	Биюк-Онларский немецкий национальный район (36,7 тыс. чел., немцев 42%)
1935 г.	Крым, разделение Биюк-Онларского немецкого национального района	Тельмановский немецкий район (28 тыс. чел., немцев 50%)
1930 г. 1934 г.	Оренбуржье	Кичкасский район (1930-1934 гг.), существовал как подрайон Покровского района, в 1934 г. выделен в отдельный район (5,8 тыс. немцев)
н/д	Киргизия	Немецкие сельские советы. Недолго существовала Ленинская немецкая волость
1927 г.	Казахстан	42 немецких сельских совета
н/д	Грузия	Люксембургский немецкий район
н/д	Азербайджан	Немецкие сельские советы

Составлено по [53, с. 293-295].

По мнению А.А. Германа, коллективизация и процессы раскулачивания в республике немцев Поволжья, где проживали не только немцы, привели к массовому бегству населения в города и на стройки. Это происходило в 1930-1933 гг., что подтверждается данными о миграции, приводимыми исследователем. В 1933 г. из АССР Немцев Поволжья выехали 110,4 тыс. человек, среди которых были не только немцы, но и проживавшие там русские и украинцы. Количество раскулаченных также нельзя точно установить [52, с. 231].

Данные переписей населения позволяют судить о темпе естественного воспроизводства немецкого населения СССР, что говорит о сложностях пережитых народом в 1920-е – 1930-е гг. (табл. 3.3). Это и военный коммунизм, и голод, и коллективизация, сопровождавшаяся репрессиями.

Таблица 3.3.

Численность немцев СССР в 1926 и 1939 гг.

Макрорегионы	1926 г.		1939 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Европейская Россия	626	50,5	694,2	48,6
Сибирь	81,3	6,6	117	8,2
Украина, Белоруссия, Молдавия, Крым	444,6	35,9	452,2	31,7
Закавказье	25,3	2,0	44,1	3,1
Средняя Азия	10,2	0,8	27,2	1,9
Казахстан	51,1	4,1	92,6	6,5
СССР в границах 1926 г./1939 г.	1238,5	100	1427	100

Составлено по данным [423].

В итоге за этот период (1926-1939 гг.) количество немцев в СССР выросло на 188,5 тыс. человек, или на 15,2% (1,17% ежегодно). К 1939 г. регионами максимальной концентрации немецкого населения в СССР были Поволжье, Приазовье и Причерноморье, Западная Сибирь и Северный Казахстан, а также Урал. Наиболее полную информацию о расселении немцев накануне Великой Отечественной Войны даёт справочник «Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г.: география и население» [162].

В Поволжье, прежде всего в АССР Немцев Поволжья, проживали 366,7 тыс. немцев, в Саратовской области насчитывалось 42,3 тыс. немцев, в Сталинградской и Куйбышевской областях – 23,6 и 11,1 тыс. немцев соответственно, то есть всего более 400 тыс. человек.

Приазовье и Причерноморье, разделённое на РСФСР и Украинскую ССР, оставались крупнейшими регионами по количеству проживающих немцев. В России это – Ставропольский край (45,7 тыс.), Краснодарский край (34,3 тыс.), Ростовская область (33 тыс.), Крым (51,3 тыс. немцев).

На территории Украины – Запорожская (89,4 тыс.), Сталинская (47,2 тыс.), Николаевская (41,7 тыс.), Одесская (91,5 тыс. немцев) области. Немцы проживали в Ворошиловградской, Днепропетровской и Житомирской областях.

В Западной Сибири большая часть немецкого населения в предвоенный период проживала в Омской области (59,8 тыс.), Алтайском крае (33,2 тыс.) и Новосибирской области (8,4 тыс.). В Казахстане основными территориями проживания российских немцев были Северо-Казахстанская область (23 тыс.), Карагандинская область (14,8 тыс.) и Акмолинская область (10,1 тыс.).

На южном Урале сложившаяся территория проживания немцев охватывала Чкаловскую (ныне – Оренбургскую) область, где проживало 18,6 тыс. российских немцев, и Челябинскую область – там насчитывалось 6 тыс. российских немцев.

3.3.2. Депортация немцев и их расселение в послевоенный период (1950 – начало 1960-х гг.)

Предыдущий этап заканчивается в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны (ВОВ). Промежуток с 1941 по 1964 г. охватывает период, во время которого произошли резкие и необратимые сдвиги в географии проживания немцев СССР. Начало Великой Отечественной войны, депортация немцев, ликвидация АССР Немцев Поволжья, а также последовавшие после ВОВ меры государственной политики в отношении немцев кардинальным образом изменили географию расселения немцев на территории бывшего СССР (рис. 3.2).

Первым «звонком» стала эвакуация немцев из Крыма в Орджоникидзевский край, куда переселили 50 тыс. немцев. Массовая депортация немцев началась после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. Это был первый в СССР Указ о переселении целого народа.

В сентябре-октябре 1941 г. приняты постановления о депортации немцев из остальных регионов Европейской части России. 7 сентября 1941 г. вышел Указ, по которому территория республики немцев Поволжья была разделена между Саратовской и Сталинградской (ныне – Волгоградской) областями. Была ликвидирована просуществовавшая 23 года автономия немцев Поволжья¹¹. Затем последовали указы о депортации и других народов [133, с. 11].

По данным источников о депортации народов СССР, обнародованных в начале 1990-х гг., в 1941-1945 гг. всего было насильственно переселено 949,8 тыс. немцев, то есть практически всё немецкое население, проживавшее в Европейской части СССР и оказавшееся в августе 1941 г. не на оккупированных территориях [133, с. 109]. По другим данным, переселению подлежали 904,3 тыс. немцев, учтённых местными органами осенью 1941 г. Фактически к январю 1942 г. были депортированы 856,2 тыс. человек [53, с. 437].

¹¹ В монографии П.М. Поляна «Не по своей воле...» [182] на с. 108 автор отмечает, что официально АССР Немцев Поволжья упразднена не была.

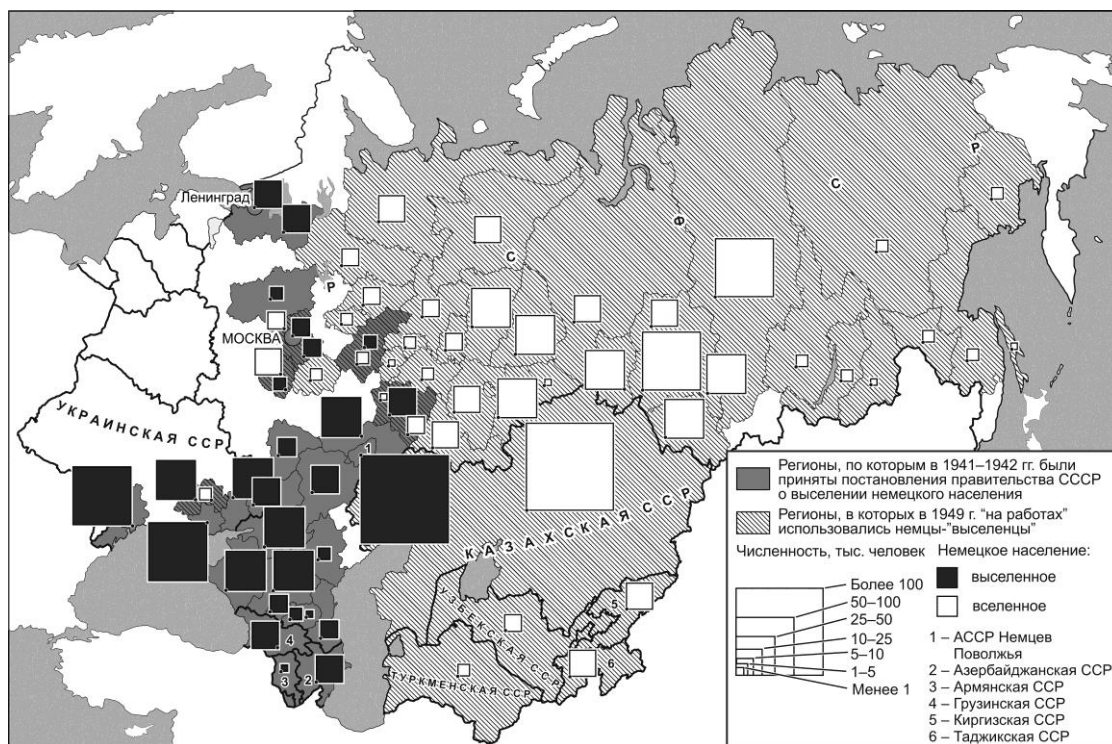

Рис. 3.2. Депортация немцев СССР в 1941-1942 гг. Составлено по [133].

Из Поволжья были выселены 438,6 тыс. немцев, в т.ч. из АССР Немцев Поволжья – 365,7 тыс., из Саратовской области – 46,7 тыс., из Сталинградской области – 26,2 тыс. [53, с. 433].

Основными регионами переселения немцев стали: Сибирь (Красноярский и Алтайский края, Новосибирская и Омская области), Казахстан и Средняя Азия.

После депортации немцев Поволжья были проведены операции по выселению немцев и из других регионов СССР. Среди депортаций из других регионов первой стала депортация немцев (89 тыс.) и финнов (96 тыс.) из Ленинградской области. Регионы вселения были те же.

Затем вышли постановления о переселении немцев из Москвы и Московской области, из Ростовской области, немцев Северного Кавказа и Тульской области, далее были постановления по Запорожской, Сталинской, Ворошиловградской областям. Из этих регионов немцы выселялись в Казахстан.

По следующему постановлению были высланы немцы из Воронежской области и Закавказья в Новосибирскую и Омскую области. Немцы из Дагестана, Чечено-Ингушетии, Калмыкии и Куйбышевской области переселялись в Казахстан. В марте 1942 г. выселения немцев проводились в Харьковской, Крымской, Одесской, Днепропетровской и Калининской областях [182, с. 113].

Помимо выселения немцев из Европейской части СССР, в августе 1941 г. началось создание трудармейских формирований российских немцев, которое впоследствии распространилось и на депортированных немцев. В это время прошёл призыв немцев-мужчин в рабочие отряды, которые направлялись на строительство, на лесозаготовки, на шахты и т.д. По данным, которые приводит П.М. Полян, к началу 1944 г. в рабочих колоннах НКВД насчитывалось 222 тыс. немцев-трудармейцев [182, с. 115]. К моменту ликвидации рабочих колонн в январе 1946 г. в них побывало около 316,6 тыс. российских немцев.

В период ВОВ для переселённых народов, в том числе немцев, постепенно формировался режим спецпоселений, юридически закреплённый в начале 1945 г., когда Советом Народных Комиссаров СССР были приняты два закрытых постановления «Об утверждении положения о спецкомендатурах НКВД» и «О правовом положении спецпоселенцев». Среди прочего эти постановления «закрепляли» депортированные народы на местах выселения. Запрещалось без разрешения отлучаться за пределы территории, обслуживаемой комендатурой.

Иллюстрацией к трансформации расселения немцев во время ВОВ служат данные 1949 г. о наличии выселенцев-спецпоселенцев, состоящих на учёте спецпоселений. Всего на этот период было учтено 1 035,7 тыс. немцев-спецпоселенцев, из них 393,5 тыс. приходилось на Казахстан. Помимо этого крупные группы немцев-спецпоселенцев находились в Сибири и на Урале: в Алтайском и Красноярском краях (36,7 тыс. и 56,1 тыс. чел.), в Кемеровской (49,4 тыс.), Молотовской (39,9 тыс.), Новосибирской (70,7 тыс.), Омской (38,1 тыс.), Свердловской (45,5 тыс.) и Челябинской (38,4 тыс.) областях.

На севере Европейской части России в качестве новых ареалов расселения выделялись Архангельская (11,3 тыс. немцев-спецпоселенцев) и Вологодская (9,5 тыс.) области [133, с. 136-138].

В противоположный по направлению миграционный поток оказались вовлечены немцы, оказавшиеся на территориях, занятых германскими войсками, которых не успели депортировать до осени 1941 г. По подсчётам экспертов, к моменту окончания войны за границами СССР оказались от 300 до 350 тыс. немцев – граждан СССР. После капитуляции фашистской Германии было принято решение о репатриации немцев – граждан СССР. В СССР были возвращены около 200 тыс.

немцев-репатриантов, которые расселялись по всей территории Советского Союза, в т.ч. в РСФСР (70% репатриантов) и Казахстане (20% репатриантов).

Таким образом, практически исчез один из основных ареалов проживания российских немцев на Украине, и появилось немецкое население в тех регионах СССР, где оно ранее не проживало. По разным оценкам 100-150 тыс. немцев из СССР остались в Западной Европе [53, с. 475].

Режим спецпоселений ликвидирован Указом Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом отношении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Указ предписывал снятие с учёта спецпоселения и освобождение из-под административного надзора органов МВД депортированных и репатриированных. Отдельным пунктом было прописано, что немцы и члены их семей не имеют права возвращаться на места, откуда они были выселены [133, с. 14, 85]. По сути, это был механизм ограничения территориальной и социальной мобильности российских немцев, он повлиял на закрепление территорий расселения немцев СССР по итогам их насильственного переселения в военные годы.

Многие связывают ликвидацию спецпоселений с началом установления дипломатических отношений между СССР и Германией. В сентябре 1955 г в Москве проходили переговоры канцлера Германии К. Аденауэра и Н. Булганина. Во время этих переговоров возникал вопрос и о желании вернуться в Германию тех российских немцев, которые в годы ВОВ получили немецкое гражданство. Канцлером Германии была озвучена цифра в 130 тыс. немцев [53, с. 491].

Перепись населения 1959 г. зафиксировала новую картину расселения российских немцев, практически противоположную предвоенной. В местах ранее массового расселения немцев на Украине осталось менее 2% всех немцев СССР, в Европейской части РСФСР проживало 18%. Основной новой территорией проживания немцев России оказались Казахстан (40,7% всех немцев СССР) и Сибирь (32,6%) (рис. 3.3, табл. 3.4.).

В Европейской России основным ареалом расселения немцев стал Урал, где в 1959 г. проживало 71,9% (210 тыс.) немцев Европейской части РСФСР, а в традиционном для немцев регионе, в Поволжье – всего 5,8% (17 тыс.). В Сибири 90% немцев оказались в шести регионах: 27% (143 тыс.) – в Алтайском крае, 20% (105,7

тыс.) – в Омской области, 14,9% (78,8 тыс.) – в Новосибирской области, 12,6% (66,7 тыс.) – в Красноярском крае, 12,3% (65 тыс.) – в Кемеровской области и 4,6% (24,2 тыс.) – в Тюменской области.

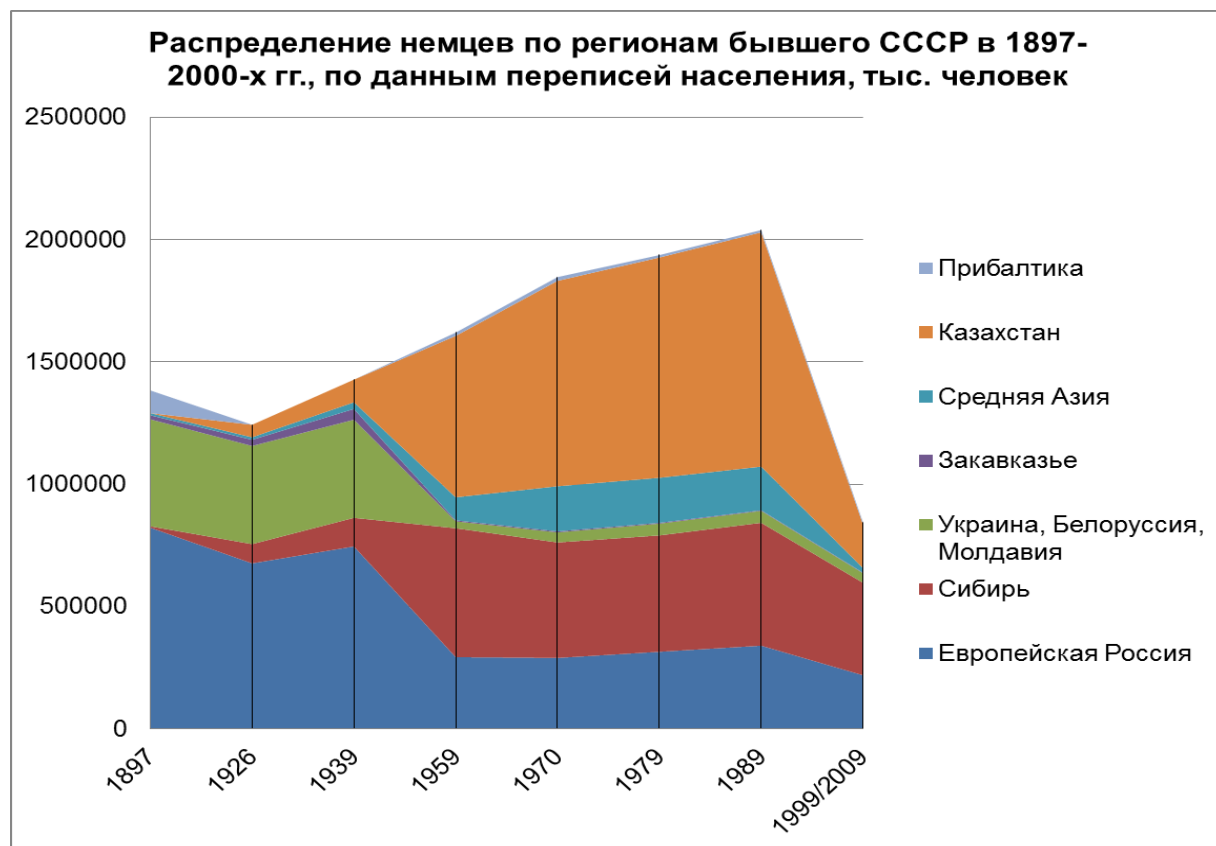

Рис. 3.3. Трансформация территорий расселения немцев в Российской Империи/ СССР/ СНГ в 1897-2000-е гг. Составлено по данным [423].

Завершением данного этапа в истории и расселении немцев СССР можно считать 29 августа 1964 г. В этот день вышел Указ «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Этот документ отменял указ от 1941 г. Но при этом в новом указе говорилось о «нецелесообразности» возвращения немцев в регионы прежнего проживания и ничего не говорилось о восстановлении автономии немцев Поволжья [53, с. 101]. Таким образом произошло закрепление немцев СССР на новых территориях их расселения, и начался новый этап в истории и географии немцев СССР.

Таблица 3.4.

Численность российских немцев в республиках СССР, тыс. чел.

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
СССР	1 619,7	1 846,3	1 936,2	2 038,6
РСФСР	820	761,9	790,8	842,3
Молдавия	3,8	9,4	11,4	7,3
Украина	23,2	29,9	34,1	37,8
Казахстан	659,8	858,1	900,2	957,5
Узбекистан	18	34	39,5	39,8
Киргизия	39,9	89,8	101,1	101,3
Таджикистан	32,6	37,7	38,9	32,7
Туркмения	3,6	4,3	4,6	4,4
Белоруссия	...	...	...	3,5
Грузия	...	...	...	1,5
Армения	...	...	...	0,3
Азербайджан	...	...	...	0,7
Эстония	0,7	7,9	3,9	3,5
Литва	...	...	2,6	2,1
Латвия	...	...	3,3	3,8

... – отсутствуют данные

Источник: [30, с. 32]

3.3.3. Расселение немцев в позднесоветский период (1964-1989 гг.)

Этот период стал самым спокойным для российских немцев за весь XX век. В это время не происходило насильственных миграций немецкого населения СССР. До начала массового выезда немцев из СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а затем из стран СНГ, в расселении немцев продолжались тенденции, заложенные в итоге драматических событий 1940-х гг.

В период с 1959 по 1979 гг. и далее до 1989 г. продолжала расти доля Казахстана, Средней Азии и восточных регионов России в расселении немцев СССР (рис. 3.4).

Перепись населения 1970 г. показывает снижение численности немцев в РСФСР по сравнению с 1959 г. на 58,1 тыс. человек, или на 7,1%. Это связано с миграцией немецкого населения на Украину, а также в республики Средней Азии и Казахстан, где численность немцев за этот же период увеличилась. Возможно, новым мотивом для массового переселения немцев внутри СССР стало бы создание

планировавшейся автономии немцев в Казахстане, которая так и не была реализована (табл. 3.5).

Таблица 3.5.

**Распределение немцев по макрорегионам СССР,
по данным переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг.**

Регионы	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Европейская Россия	292,1	18,0	290,1	15,7	315,2	16,3	340	16,7
Сибирь и Дальний Восток	527,9	32,6	471,8	25,6	475,6	24,5	502,3	24,6
Украина, Белоруссия, Молдавия	28,3	1,8	41,2	2,2	48,0	2,5	48,7	2,4
Закавказье	4,1	0,3	4,1	0,2	3,4	0,2	2,6	0,1
Средняя Азия	94,1	5,8	184,3	10,0	184,0	9,5	178,2	8,7
Казахстан	659,8	40,7	839,6	45,5	900,2	46,5	957,5	47,0
Прибалтика	13,4	0,8	15,2	0,8	9,8	0,5	9,3	0,5
СССР	1619,7	100	1846,3	100	1936,2	100	2038,6	100

Составлено по данным [423].

В России в период с 1959 по 1979 г. ареалы массового проживания немцев существенным образом не изменились. По-прежнему местами их массового проживания оставались районы Западной Сибири и Урала.

Несколько увеличилась численность немцев, проживавших в Поволжье. Если в 1959 г. в Куйбышевской, Саратовской и Сталинградской областях проживали около 17 тыс. немцев, и их доля среди немцев России не превышала 5,8%, то в 1979 г. на этих территориях проживали 33 тыс. немцев. Но массового возвращения немцев в места выселения не произошло.

Существенным не выросла численность немцев в областях и краях Северного Кавказа. Так, если в 1959 г. в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Ростовской области проживали 8,8 тыс. немцев, то в 1979 г. в этих регионах их численность достигла 28,3 тыс.

С середины 1950-х гг., после визита в Москву канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, среди немецкого населения СССР сильнее стали проявляться эмиграционные настроения.

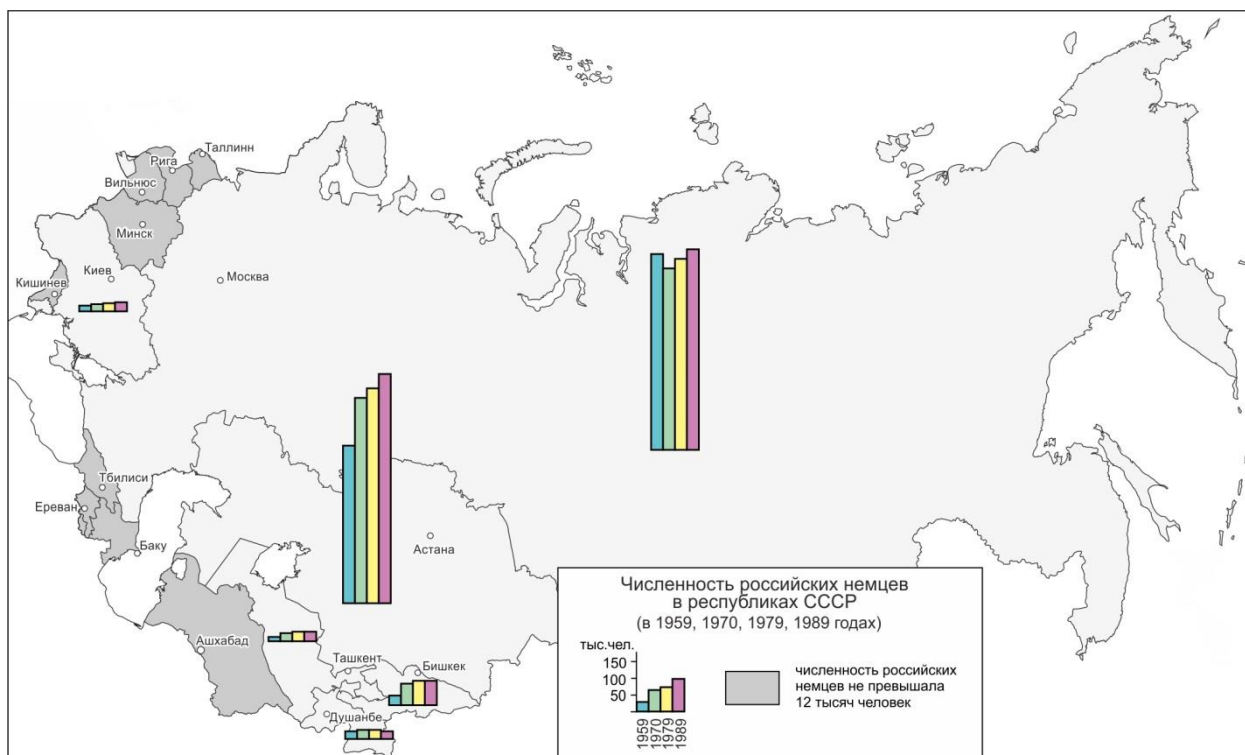

Рис. 3.4. Динамика численности немцев в республиках СССР в 1959-1989 гг.

Составлено по данным [423].

В 1950-е гг. наблюдалась волна выезда немцев в ФРГ. Эмиграция немцев возобновилась в начале 1970-х гг., когда окончательно были сняты ограничения, наложенные на немецкое население в СССР. В 1972 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» [53, с. 508]. За 1955-1979 гг. из СССР в ФРГ выехали 77 тыс. немцев (рис. 3.5).

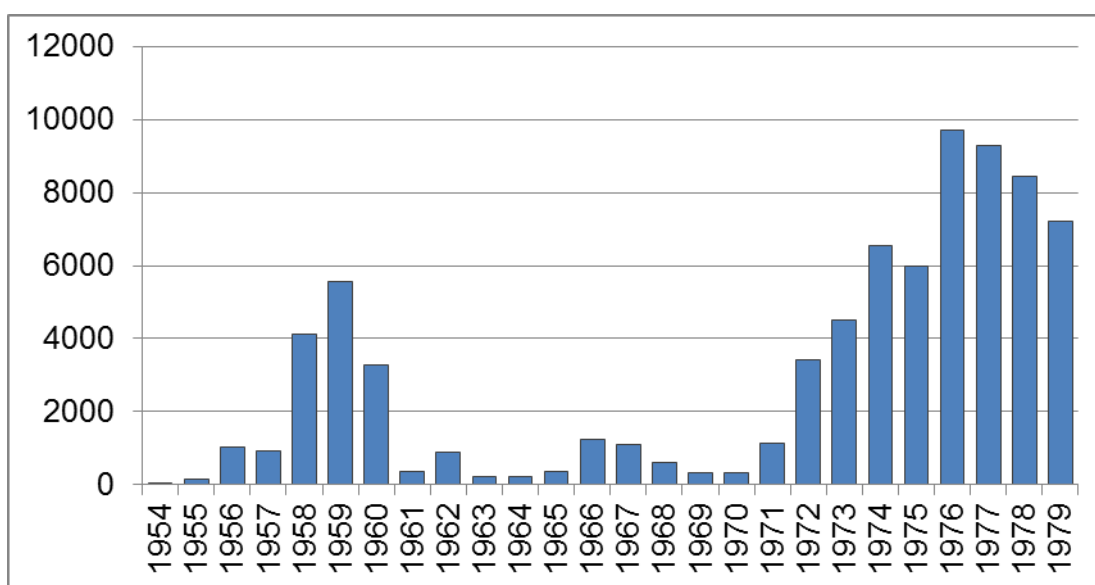

Рис. 3.5. Выезд российских немцев в ФРГ из СССР в 1954–1979 гг. чел.

Составлено по [300, с. 14].

В 1950 г. в Германию иммигрировало 47 тыс., а уже в 1952 г. – 5 тыс. этнических немцев из стран Восточной Европы. В последующие 35 лет (1953-1987 гг.) в ФРГ в среднем в год въезжали 37 тыс. переселенцев. В период 1950-1987 гг. 62% переселенцев прибыли из Польши, 15% из Румынии и 8% из СССР, хотя здесь этнических немцев было больше всего [236].

Количество выезжающих из СССР, а позднее из стран СНГ, российских немцев напрямую зависело от принятия правительственных решений относительно реабилитации этнических немцев и возможности их возвращения на свою этническую родину.

В 1966 г. после принятия в январе 1965 г. Постановления Президиума Верховного Совета СССР об отмене указа от 28.08.1941 г. о депортации немецкого народа, возросло количество российских немцев, выехавших в Германию [90].

Новую волну активной миграции этнических немцев из Советского Союза вызвал Декрет Президиума Верховного Совета СССР об отмене ограничений в выборе места жительства для отдельных категорий граждан, принятый в ноябре 1972 г., и касавшийся в первую очередь российских немцев [247].

С эмиграционными настроениями историки связывают идею создания в 1979 г. немецкой автономной области в Казахстане на территории пяти районов Карагандинской, Кокчетавской, Павлодарской и Целиноградской областей с центром в г. Ерментау. Идея была встречена митингами протеста жителей этих областей из других этнических групп, и новой автономии не суждено было появиться.

После этого до конца 1980-х гг. эмиграция немцев из СССР снизилась до минимального уровня. В период 1980-1986 гг. всего 16,4 тыс. немцев выехали из СССР в Германию [300, s. 112].

3.4. Расселение немцев СССР и России накануне массовой эмиграции в Германию

В данном параграфе представлены итоги расселения немцев в СССР накануне массовой эмиграции в Германию в 1989 г., которая в очередной раз существенно повлияла на идентичность, территорию проживания, социально-экономическое по-

ложение данной этнокультурной группы. Определены факторы и особенности расселения немцев в республиках СССР и дана типология регионов России по характеру расселения немцев по состоянию на 1989 г.

3.4.1. Факторы трансформации расселения немцев в Российской Империи / СССР / России в XX в.

В XX в. на трансформацию территорий проживания немцев в Российской Империи, а затем в СССР влияли различные причины в зависимости от исторического периода. Преобладающим был миграционный фактор, миграции имели как принудительный, так и добровольный характер.

В таблице 3.6 представлены факторы миграции немцев, как в России, так и за ее пределы. К выталкивающим принудительным факторам относятся массовые переселения немцев, которым они подверглись в первой половине XX в., в результате которых полностью изменились основные территории проживания немцев в СССР.

Таблица 3.6.

Факторы миграции немцев в Российской Империи/СССР до 1989 г.

Период массовой миграции немцев	Факторы миграции	Направления миграции
Миграции внутри Российской Империи и СССР		
1890-1914 гг.	Экономические, земледельческий отход	Из Европейской части России в Азиатскую часть
1914, 1915	Политические принудительные	Из Приднепровья, Волыни, Подолии в Ярославскую, нижегородскую, Орловскую, Курскую губернии
1941 г.	Политические принудительные	Из Европейской части СССР в Северный Казахстан, Западную и Восточную Сибирь, Дальний Восток
1950-1960-е гг.	Экономические, семейные	Из России в Северный Казахстан
1960-е – 1970-е гг.	Семейные, историко-культурные	Возвращение в районы упраздненной республики Немцев Поволжья
Внешние миграции		
1870-1910 гг.	Экономические, религиозные	Из России в Северную и Латинскую Америку
1940-е гг.	Политические принудительные, политические добровольные	Выезд из территорий, оккупированных германскими войсками, в Германию
1954-1979 гг.	Экономические, политические, семейные этнокультурные	Из СССР в ФРГ

Составлено автором.

К притягивающим административным факторам относится концентрация немецкого населения и переезд немцев в созданные национальные автономии после 1918 г., но эти переселения не носили столь массового характера по сравнению с принудительными миграциями.

Фактором, ограничивающим передвижение немцев и закрепляющим основные территории их проживания, стал юридически-правовой фактор – законодательное запрещение свободы передвижения для немцев, особенно в регионах их массового проживания, что было характерно для периода 1941-1972 гг.

Экономические и семейные факторы, как во внутренней, так и во внешней миграции немцев преобладали в начале и в конце XX в., после отмены ограничений на передвижение и подписания ряда документов с Германией о возможности воссоединения семей и выезда с этой целью в ФРГ.

После этого часть немецкого населения вернулась в регионы прежнего проживания в Европейской части России, часть немцев переехала в Казахстан, определенное количество выехало за пределы СССР.

3.4.2. Расселение немцев в республиках СССР и регионах России в 1989 г.

К 1989 г. в СССР, по данным переписи населения, проживало 2,038 млн немцев, из них 88% немецкого населения оказались сконцентрированы в Казахстане (47%) и в РСФСР (41%) (рис. 3.6, 3.7). Около 9% немецкого населения приходилось на республики Средней Азии, и минимальная доля на Украину, Молдавию, Белоруссию и республики Закавказья.

Основными территориями проживания стали регионы юга Западной Сибири, Северного, Центрального и Восточного Казахстана, южные области Казахстана и северные регионы Киргизии. В 1989 г. в Казахстане проживали 957,5 тыс. немцев, основными регионами расселения немцев оставались северные и восточные области республики. В России – 842,3 тыс., в Киргизии – 101,3 тыс.

В Казахстане наиболее значимыми регионами проживания немцев были – Карагандинская, Целиноградская, Павлодарская и Алматинская области.

Рис. 3.6. Расселение немцев в СССР, 1989 г. Составлено по данным [423].

В России в 1989 г. прежние ареалы расселения немцев: Поволжье (55 тыс. немцев в трех областях – Волгоградской, Саратовской и Куйбышевской), Урал (136,1 тыс. немцев в пяти областях – Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской и Челябинской) и Сибирь – Алтайский край (127,7 тыс.), Омская область (134,2 тыс.), Новосибирская область (61,5 тыс.), Кемеровская область (48 тыс.) и Красноярский край (54,3 тыс.).

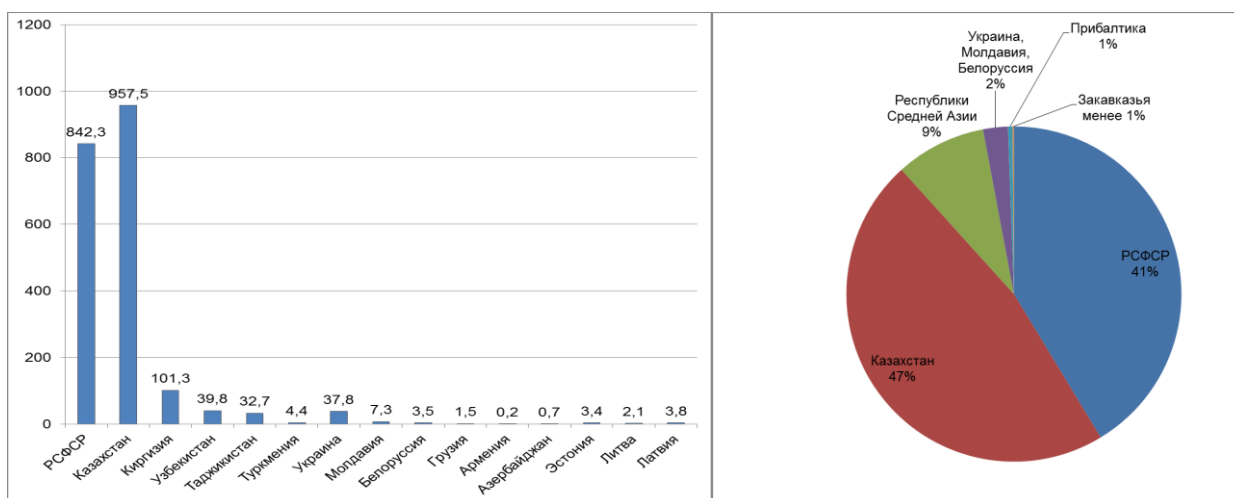

Рис. 3.7. Распределение немцев по республикам СССР в 1989 г.

Составлено по данным [423].

В 1989 г. наиболее многочисленную региональную группу составляли немцы Омской области – 6,3% от всего населения региона (134 тыс.), в Алтайском крае (4,5% и 128 тыс. чел. соответственно), Новосибирской области (2,2% и 61 тыс. чел.), Красноярском крае (1,5% и 54 тыс. чел.), Кемеровской области (1,5% и 48 тыс. чел.), Оренбургской области (2,2% и 48 тыс. чел.), Челябинской области (1,1% и 39 тыс. чел.). В этих регионах проживало в 1989 г. более 60% всех немцев России (табл. 3.7).

Таблица 3.7.

Немецкое население РСФСР в регионах массового проживания в 1989 г.

Регионы	Немцы, тыс. чел.	Доля немцев от всего населения региона, %	Доля немцев, проживающих в сельской местности от всех немцев региона, %	Доля сельского населения в населении региона, %	Доля немцев от всех немцев региона, указавших родным немецкий язык, %
Омская обл.	134	6,3	64,9	32,4	56
Алтайский край	128	4,5	69,5	44,2	52
Новосибирская обл.	61	2,2	50,8	25,5	37
Красноярский край	54	1,5	50	27,2	35
Оренбургская обл.	48	2,2	62,5	35,2	66
Кемеровская обл.	48	1,5	18,8	12,7	32
Челябинская обл.	39	1,1	20,5	17,5	33

Составлено по данным [423].

3.5. Социально-демографические характеристики немецкого населения России накануне массовой эмиграции в Германию

Для понимания процессов адаптации мигрантов в новой стране важным является знание основных социально-экономических характеристик миграционной когорты. Наиболее значимыми в данном случае являются: уровень владения мигрантами немецким языком, демографическая, профессиональная и расселенческая структура мигрантов.

В данном разделе внимание обращено на социально-демографические характеристики немецкого населения России, а также других бывших союзных республик, на момент начала массового переезда российских немцев в Германию, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

По сравнению со всем населением России, в 1989 г. немцы оставались более сельскими жителями – 47% немцев проживало в сельской местности, тогда как в среднем по России данный показатель составлял 27%.

В Казахстане 51% немцев проживали в сельской местности, в Киргизии – 58%. Преимущественно горожанами были немцы Таджикистана – 93% из них в 1989 г. проживали в городах, Узбекистана – 88% немцев Узбекистана в 1989 г. проживали в городах [161, с. 17-24].

3.5.1. Демографические характеристики

Процессы естественного воспроизводства у немцев РСФСР в 1989 г. характеризовались относительно высоким уровнем рождаемости и среднероссийским уровнем смертности. У немцев РФ суммарный коэффициент рождаемости составлял 2,63, то есть обеспечивалось расширенное воспроизводство поколения родителей. У русского населения в 1989 г. данный показатель составлял 1,95.

Общий коэффициент рождаемости у немцев в РСФСР составлял в 1989 г. 18,3‰, это на 37% выше, чем у русских (13,4‰). В регионах массового проживания немцев общий коэффициент рождаемости у немецкого населения РСФСР в 1989 г. изменялся от 23,5-20,4‰ в Калмыкии, Приморском крае, Оренбургской, Ростовской, Волгоградской, Саратовской областях до 13,2-12,3‰ в Кемеровской, Челябинской, Пермской, Свердловской областях.

В Казахстане общий коэффициент рождаемости у немцев был еще выше, чем в России и составлял – 19‰.

Общий коэффициент смертности у немцев РСФСР в 1989 г. был несколько ниже, чем у русского населения и составлял 10,7‰. Минимальный уровень смертности среди немцев наблюдался в Калмыкии, Тюменской, Оренбургской и Омской областях, Приморском крае (от 7,2‰ до 8,1‰). Это связано с более молодой возрастной структурой немецкого населения данных регионов.

Максимальные уровни смертности у немцев РСФСР в 1989 г. наблюдались в Башкирии, Пермской, Свердловской областях (от 15,1‰ до 16,7‰). В Казахстане общий коэффициент смертности у немцев в 1989 г. составлял 7,9‰ [161].

Отличительной чертой немцев РФ является пониженный уровень смертности в трудоспособных возрастах, по сравнению с русскими. Также для немцев в 1989 г.

характерен чуть более высокий уровень средней продолжительности предстоящей жизни, чем у русских мужчин (66 и 64,5 лет, соответственно), у женщин среди немецкого и русского населения продолжительность жизни была одинакова – 74,6 лет.

Для немцев РСФСР в 1989 г. показатель младенческой смертности составлял 9,3‰, в то время как у русских – 17,2‰. Эти данные в целом свидетельствуют о более высоком уровне самосохранительного поведения у немцев и о большей социальной стабильности в регионах компактного проживания немецкого населения в России, что возможно, является следствием продолжения более традиционного образа жизни немецких семей, особенно в сельской местности [161].

Возрастной состав немецкого населения регионов массового проживания немцев в 1989 г. показан на рисунке 3.8. Минимальный средний возраст был характерен для немцев Омской и Оренбургской областей (32,2 года), Алтайского края (35,3 года). Максимально высокие показатели среднего возраста у немцев наблюдались в Кемеровской (41,7 года) и Пермской областях (43,6 года) (рис. 3.8).

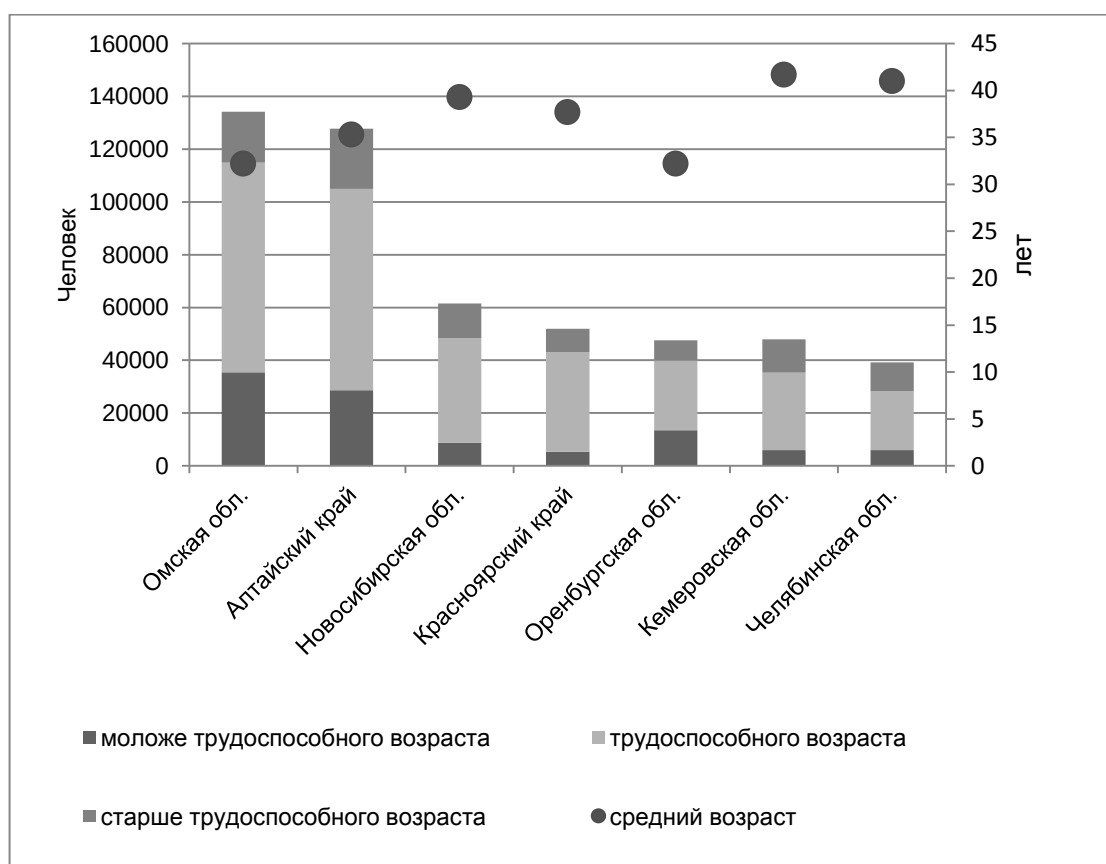

Рис. 3.8. Возрастная структура немцев в регионах их массового проживания в РСФСР. Составлено по данным [161].

3.5.2. Владение немецким языком и уровень образования

К 1989 г. немецкое население СССР активно затронули процессы ассимиляции, что выражалось в снижении уровня знания немецкого языка как родного, трансформации этнической идентичности, высокой доля межэтнических браков.

Владение немецким языком. По данным переписей населения 1970, 1979, 1989 гг., в СССР происходило снижение доли немцев, считающих немецкий язык родным. Так, в 1970 г. 57% немцев РСФСР считали немецкий язык родным, в 1979 г. – 48%, в 1989 г. – 42%. Немецкий язык родным в СССР считали 49% немцев, а среди городского населения 41%, среди сельского – 57,5% (табл. 3.8).

В других республиках СССР, где проживали немцы, в 1989 г. доля среди них тех, кто считал родным немецкий язык, была выше. В Казахстане – 54%, в Таджикистане – 59%, в Киргизии – 63,4%. Среди сельских немцев Казахстана и Киргизии доля немцев, считающих немецкий язык родным, была 60% и 68,3%, соответственно.

Таблица 3.8.

**Владение немецким языком как родным среди немцев СССР в 1989 г.,
для республик, где проживало более 30 тыс. немцев**

Республика СССР	Доля немцев считающих немецкий язык родным, %		
	Все население	Городское	Сельское
РСФСР	42	31,5	54
Украина	23	20	31
Узбекистан	47,5	47	54
Казахстан	54	49	60
Киргизия	63	55	68
Таджикистан	60	59	68
СССР в целом	49	41	57,5

Составлено по данным [161].

Наиболее активно процесс ассимиляции происходит в этнически неоднородной среде в городах РСФСР, где 32% немцев во время переписи 1989 г. назвали немецкий язык родным.

Среди немцев России большая доля носителей немецкого языка сохранялась в 1989 г. в регионах компактного проживания сельского немецкого населения: в Оренбургской (66%) и Омской (56%) областях, Алтайском крае (52%). В более городских регионах массового проживания немцев доля, указавших родным немец-

кий язык среди всего немецкого населения ниже: в Кемеровской области (32%), Челябинской области (33%), Красноярском крае (35%), Новосибирской области (37%).

Одним из ведущих факторов снижения владения немецким языком как родным, среди немецкого населения является, отсутствие школ, в которых проводилось бы обучение полностью на немецком языке. Немаловажную роль в сохранении или утрате немецкого языка как родного сыграло и распространение межэтнических браков среди немцев, переезд в города, историческая память, когда родители специально не обучали детей немецкому языку, помня о репрессиях в отношении немецкого народа.

Уровень образования. Для немцев России в 1989 г. характерен более низкий уровень образования, по сравнению со среднероссийскими показателями. Это стало следствием ограничения на получение высшего образования и другими социальными ограничениями для немцев в СССР, что определило «усеченную» социальную структуру немецкого населения, по сравнению с общероссийскими показателями (рис. 3.9.).

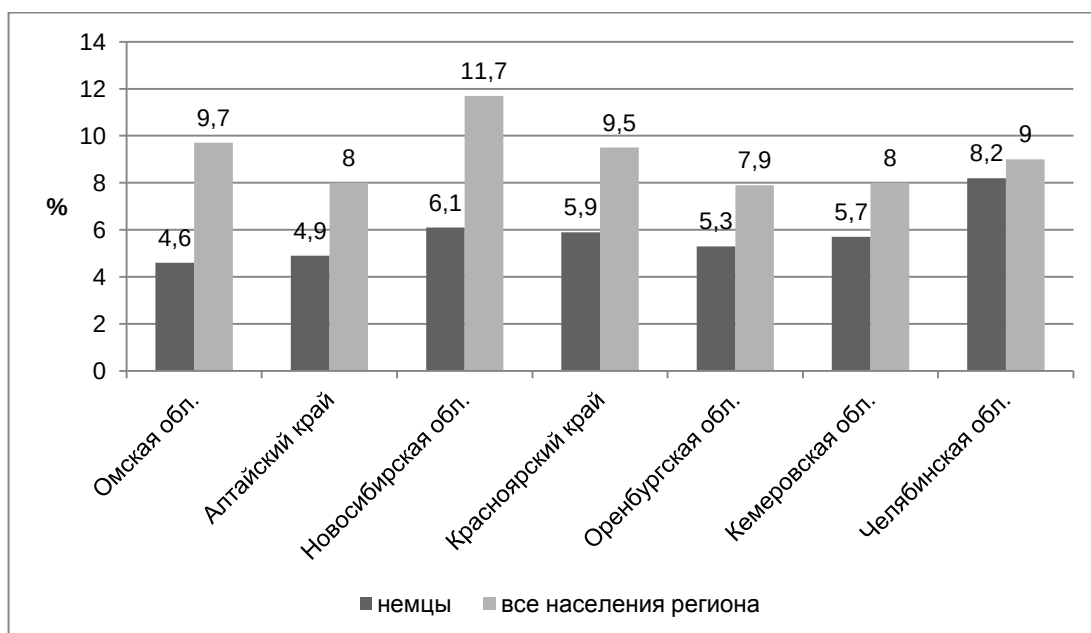

Рис. 3.9. Доля лиц с высшим образованием в населении ряда регионов

Составлено по данным [161, с. 22].

По данным переписи населения 1989 г., 80,6% жителей Российской Федерации старше 15 лет имели высшее и среднее (полное или неполное) образование. Среди немцев доля лиц с таким образованием была заметно ниже: от 66,7% всего немецкого населения в Новосибирской области, до 75,5% немцев в Оренбургской

области. В ряде регионов массового проживания немцев уровень высшего образования у данной этнической группы в 1989 г. был в два раза ниже, чем средний показатель по региону. Исключение составляла только Челябинская область.

В регионах массового проживания немцев ниже среднероссийского был и уровень специалистов со средним специальным образованием. Соответственно, среди немцев была выше доля людей с начальным образованием. Так, в Кемеровской области 22,8% немцев имели только начальное образование, в Омской области 18,6%, тогда как в среднем по России в 1989 г. 12,9% населения страны имели начальное образование.

Также среди немецкого населения была выше доля лиц без образования: от 11,5% немцев в Алтайском крае до 7,6% в Челябинской области. В среднем по России этот показатель в 1989 г. составлял 6,5%. Исключением являлась Оренбургская область, где доля немцев с не получивших образование, была 4,9%, то есть ниже общероссийского показателя.

В других бывших союзных республиках уровень образования среди немцев также был ниже, чем в среднем по республикам. В Казахстане 73,5% немцев имели высшее и среднее (полное и неполное образование), а средний показатель по Казахстану составлял 83,4%. В Киргизии эти показатели были 74,1% и 84,2%, соответственно, в Таджикистане – 75,7% и 83,7%.

Уровень образования определил и особенности профессиональной занятости немцев в экономике страны, хотя в целом занятость немцев в экономике выше, чем среднерегиональные показатели. Спецификой положения немцев на рынках труда в регионах их массового проживания в 1989 г. являлась повышенная доля занятых в отраслях материального производства (в среднем на 2-4%, чем для всего населения региона) и высокая доля занятых физическим трудом (на 6-8% выше, чем в среднем по региону).

Среди немцев в 1989 г. наблюдалась высокая доля занятых в сельском хозяйстве (от 44% в Алтайском крае до 27% в Красноярском крае), промышленности (от 23% в Новосибирской области до 18% в Омской области), строительстве и на предприятиях транспорта и связи.

В XX в. российские немцы несколько раз кардинальным образом меняли территории массового проживания. Трансформация географии российских немцев и ведущая роль политико-институционального фактора на определенных этапах расселения (депортация и сохранение ограничений на перемещение) отразились на структурных характеристиках немецкого населения. Немцы России оказались менее урбанизированы по сравнению со всем населением страны; для многих территориальных групп немцев характерна пониженная доля лиц, получивших высшее образование; структура занятости также отличалась повышенной долей занятых в первичном и вторичном секторах экономики.

Социально-культурным последствием массовых переселений немцев стало размывание их исторической традиционной локальной идентичности (немцы Волыни, немцы Причерноморья, немцы Поволжья), для которой были характерны отличительные черты духовной и материальной культуры. В результате депортаций и массовых добровольных переселений немцев, а также после снятия ограничений произошла этническая миксация между разными локальными группами немцев, что привело к утрате традиций и формированию общей российско-немецкой идентичности.

До 1917 г. для немцев Российской Империи было характерно компактное проживание в изолированных колониях, то к 1989 г. сохранилось только несколько территорий массового проживания немцев в Западной Сибири и в Северном Казахстане. Среди немецкого населения наблюдалась тенденция к межэтническим бракам. Ряд факторов привел к снижению уровня владения немецким языком.

Судьба немцев СССР в XX столетии сформировала этническую идентичность данной этнокультурной группы, в которой одним из важнейших элементов является историческая память народа. Это обстоятельство в дальнейшем стало для многих российских немцев основополагающим мотивом эмиграции в Германию, которая воспринималась исторической Родиной.

Рассмотренные в главе процессы привели к формированию новой этнокультурной общности, которая стала основной эмиграционной когортой из России и других стран СНГ в Германию.

ГЛАВА 4. ЭМИГРАЦИОННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКО- ГЕРМАНСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПОСЛЕ 1991 Г.

Развитие транснациональной миграционной системы носит циклический характер, что показано в данной главе на примере эмиграции из России в Германию после 1991 г. В ходе развития транснациональной миграционной системы один из наиболее активный и важных этапов – этап перемещения мигрантов из одной страны в другую. Потоки мигрантов составляют один из важнейших типов функциональных связей в ТМС.

Многочисленные сообщества мигрантов в новой стране начинают формировать свои организационные структуры, облегчающие им интеграцию в принимающем обществе и позволяющие развивать и поддерживать транснациональные связи со страной выхода. Активная эмиграция из России, а также из других постсоветских стран в Германию в 1990-е гг. привела к формированию в Германии значительного по численности русскоязычного сообщества.

Миграционный отток значительных территориальных общностей населения из определенных регионов России (российских немцев из Регионов Западной Сибири, еврейского населения из крупных городских центров) повлиял на ход этнических (трансформация этнической идентичности) и расселенческих (снижение концентрации расселения российских немцев и т.д.) процессов в России и сопредельных странах, прежде всего в Казахстане.

В данной главе рассмотрено развитие транснациональной миграционной системы, сформированной в 1990-е гг. миграционными потоками между регионами России и ФРГ. В первом параграфе внимание обращено на факторы и мотивы эмиграции из России в Германию. Во втором параграфе рассмотрена география и этапы эмиграции из России в Германию после 1991 г. В третьем параграфе представлено влияние миграционных процессов в среде российских немцев на трансформацию их расселения в России, на основе анализа данных переписи населения 2010 г.

4.1. Факторы и мотивы эмиграции российских немцев и членов их семей из России в Германию

Процесс миграции населения из РФ в страны дальнего зарубежья был вызван определенными историческими, социально-политическими, экономическими и культурными факторами в странах выхода мигрантов и в странах входа мигрантов. Факторы миграции оказывают значительное влияние и на формирование миграционных мотивов населения. Процесс эмиграции начинается не с момента переезда мигрантов, а с процесса формирования миграционных установок, который может занимать месяцы и даже годы. Для окончательного принятия решения об эмиграции необходимо присутствие множество объективных и субъективных факторов.

Именно поэтому целесообразно различать структурные факторы миграции, связанные с общим историческим контекстом и социально-экономическим и политическим развитием стран, входящих в миграционную систему и сами мотивы миграции, которые озвучивают мигранты.

В данной работе факторы эмиграции и миграционные установки участником миграционного процесса более детально рассмотрены на примере миграционной когорты российских немцев — как наиболее многочисленной в российско-германской миграционной системе. Хотя необходимо отметить, что часть факторов и миграционных установок встречается и у представителей других миграционных когорт и не только среди эмигрантов из России, но и прочих стран СНГ.

Особенно это касается формирования мотивов эмиграции этнических и высококвалифицированных мигрантов. При изучении интеграции в Германии мигрантов из бывшего СССР отмечено, что эмигранты, приехавшие в первые 10 лет после распада СССР, часто не делают между собой различий по странам выхода. Это подтверждает мнение о существовании единой транснациональной миграционной системы, включающей территориальные общности российских немцев не только РФ, а и Казахстана, Узбекистана, Украины и Киргизии. В данной работе особенности функционирования ТМС рассмотрены на примере России, но во многом они могут распространяться на другие страны СНГ и Балтии.

С вступлением в силу в 1987 г. новых законодательных правил, связанных с въездом и выездом граждан из СССР [292] было положено начало небывалой волне

эмигрантов немецкой национальности. Число переселенцев до распада СССР в 1987-1990 гг. увеличилось в 5 раз, достигнув пика уже в новых геополитических условиях в 1992-1995 гг. [236].

4.1.1. Факторы эмиграции из России в Германию

Важную роль в формировании эмиграционных потоков играют не только факторы, характеризующие общую социально-экономическую и политическую ситуацию в странах выезда эмигрантов, но и политическая, экономическая, социальная ситуация в странах приема мигрантов.

В 1990-е гг. основными факторами эмиграции из России в Германию были следующие:

- исторические условия формирования населения России и исторические связи между нашей страной и Германией;
- институционально-политические изменения, происходившие в СССР и в Германии, которые привели к изменению миграционной политики стран;
- разница в уровне экономики и социального обеспечения в России и в Германии, особенно в начале и середине 1990-х гг.;
- изменение этнического самосознания немцев России и Казахстана.

Исторический фактор играл в эмиграции из России в постсоветский период значительную роль. Эмиграционной волны немецкого населения не возникло бы, если бы не существовало долгой истории приглашения немецких переселенцев в Российскую Империю, затем образования республики немцев Поволжья и депортации немцев СССР в Сибирь и Северный Казахстан, что детально было рассмотрено в предыдущей главе.

Институциональные и политические изменения, начавшиеся в 1980-е гг. и продолжившиеся в 1990-х гг., привели к коренному изменению миграционной политики России в отношении эмиграции. Рост волны выезда из СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. был среди прочих факторов связан с изменением геополитического положения СССР/ России в мире.

Одним из первых решений, принятых в сфере внешней миграционной политики, еще до распада СССР, стало внесение в 1986 г. изменений в постановление Совета министров СССР 1970 г. «Об утверждении Положения о въезде в СССР и

выезде из СССР» [410]. Был расширен и конкретизирован круг потенциальных мигрантов, имеющих право выезжать за границу СССР на постоянное жительство [53].

В 1991 г. принимается Закон «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР»¹², в котором в частности говорилось: «Каждый гражданин Союза Советских Социалистических Республик имеет право выезжать из СССР и въезжать в СССР. Настоящий Закон в соответствии с международными договорами СССР гарантирует гражданам СССР право выезда из СССР и въезда в СССР, регулирует порядок выдачи заграничных паспортов гражданам СССР...» [410].

В Германии первым шагом к началу массового приема в ФРГ этнических немцев из СССР и других стран Восточной Европы стало обсуждение в 1984 г. в Бундестаге вопроса о свободе перемещения этнических немцев, в том числе и из СССР, при этом отмечалось, что вопрос заключается не переселении их в ФРГ, а в соблюдении их прав в любой стране [421]. Все эти процессы активизировало еврейскую и немецкую эмиграцию из СССР/ России.

Влияние экономического фактора проявляется в зависимости от экономического развития страны. С одной стороны, экономический кризис 1990-х гг., несомненно, усилил поток эмигрантов из страны. Например, резкий рост эмиграции в Израиль в 1999 г. связан с дефолтом 1998 г. Экономический рост 2000-х гг. стал притягивающим фактором для иммигрантов в Россию, и возможно сократил потенциальные масштабы эмиграции. Экономический фактор, несомненно, был одним из ведущих факторов значительной волны эмиграции и из России в 1990-е гг.

Для российских немцев важным фактором эмиграции стал подъем этнического самосознания, характерный для многих этнических групп в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Для многих представителей старшего поколения появилась возможность реализовать желание переехать в Германию. Многие исследователи и активисты общественных организаций российских немцев массовую эмиграцию немцев связывают, среди прочих факторов, объясняют так и не реализованной идеей восстановления автономии немцев [144].

¹² Закон не действует на территории РФ с 22 августа 1996 г. Источник: [410].

4.1.2. Мотивы эмиграции российских немцев и членов их семей

Данные исследований, проведённых автором, как в Германии, так и в России, говорят, что для большинства немецких мигрантов этого этапа основной мотивацией для переезда в Германию были экономические причины и желание стабильной жизни. Кроме того, особенностью немецкого населения СССР были тесные родственные и дружеские связи внутри их этнической группы, которые также оказывали существенное влияние на принятие решения об эмиграции в Германию.

В интервью мигранты упоминали различные мотивы переезда, которые можно разделить на несколько групп, но при этом часто отмечали, что единственную причину выбрать сложно.

Первая группа – социально-экономические мотивы. Многие переезжавшие в начале и середине 1990-х гг. в Германию не скрывали, что они хотели жить в более благополучной с экономической и социальной точек зрения стране. Этот мотив был озвучен следующим образом в беседе с сотрудницей банка, приехавшей в Германию в начале 1990-х гг.:

«Да, что уж там говорить, все мы сюда ехали за колбасой...»¹³.

Так или иначе, социально-экономическая мотивация звучит у многих мигрантов старше 40 лет. Экономический фактор, как один из самых важных, отмечали российские немцы и члены их семей, покинувшие Россию в начале-середине 1990-х гг., когда экономическая ситуация в России была критической.

Многие упоминали, что решающее влияние на принятие решения о подаче документов на выезд сыграли длительные невыплаты заработной платы в бюджетной сфере в этот период.

«...причиной стала безработица и не выплата зарплат, в общем, тяжёлые условия жизни. Если бы не было возможности уехать в Германию, пробовали бы уехать в Россию»¹⁴.

Среди поздних переселенцев начала 2000-х гг., по мнению опрошенных, экономический фактор решал не самую определяющую роль, но при этом многие говорили о социальной и юридической стабильности Германии, как важных привлекающих чертах.

¹³ Данная беседа не была записана на диктофон

¹⁴ Женщина, 1972 г. рождения, в Германии с 1999 г., г. Мангейм, переехала из Казахстана, работает воспитателем в детском саду. Дата проведения интервью 2004 г.

Экономические причины упоминались и в интервью с мигрантами, которые переехали и в 2000-е гг., и относятся к более молодому поколению мигрантов – моложе 35 лет. Молодые российские немцы в интервью замечали, что их ровесники в России зарабатывают больше.

Социально-культурные причины относятся ко второй по важности группе причин эмиграции. Они чаще всего звучат в интервью с российскими евреями и российскими немцами. Многие пожилые российские немцы называют в качестве важной причины возвращение на свою историческую Родину, воссоединение со своим народом, возможность свободного посещения церкви, а также историческую память о репрессиях в СССР. Многие российские немцы отмечали, что причиной эмиграции стало отсутствие автономии немцев в России. Эта группа причин также чаще встречается у мигрантов, переехавших более 15 лет назад в Германию.

«Они (бабушка и дедушка – М.С.) радовались, когда приехали, бабушка рада была, что может в церковь ходить, с людьми общаться. Они хотели и из-за нас переехать и видели, что нам тут хорошо и радовались... Я себя чувствую немцем, может даже больше немцем, чем другие. Я знаю свою историю, мне нравится читать на русском языке, но я всегда чувствовал себя немцем, даже, когда мы были там»¹⁵.

Отдельной причиной в беседах, особенно российских немцев из Казахстана, звучит **распад СССР и изменение геополитической и языковой политики:**

«Стали уезжать после развала Союза, когда российские немцы во второй раз потеряли свою родину. Первый раз они её потеряли в 1941. ...О несправедливом отношении к российским немцам все эти годы замалчивали и замалчивают до сих пор. Многие не уехали бы в Германию если бы им вернули их законную родину на Волге»¹⁶.

Часть пожилых российских немцев указывала религиозную мотивацию, особенно часто этот мотив звучит в беседах с меннонитами. Доля приехавших по религиозным причинам в Германию, среди всех остальных поздних переселенцев, на наш взгляд, невелика.

¹⁵ Мужчина, 1973 г. рождения, год переезда в Германию – 1989 г., переехал с родителями из Северного Казахстана, образование высшее, работает в банке во Франкфурте-на-Майне. Дата проведения интервью 2013 г.

¹⁶ Мужчина, 1955 г. рождения, год переезда в Германию – 1991 г., приехал из Сибири, образование высшее, в России работал агрономом. Живет в Билефельде. Дата проведения интервью 2006 г.

Семейные причины – третья по важности группа причин эмиграции. В интервью с российскими немцами гораздо чаще, чем с другими мигрантами, звучат различные семейные причины, поскольку для этой группы мигрантов, миграция носила не индивидуальный, а исключительно семейный характер. Часть респондентов, отмечала, что переехала в Германию, только потому, что уезжали все родственники и знакомые.

«Мы переезжали сразу девятнадцать человек, инициатива была общая»¹⁷.

«Братья из Казахстана тронулись с насиженных мест первыми, поскольку после развала СССР им надо было учить казахский язык»¹⁸.

Многие утверждали, что социальное обеспечение и возможность благополучной жизни для детей и внуков подтолкнуло к принятию решения об эмиграции. Этот мотив одинаково часто встречается как среди въехавших в 1990-е гг., так и среди поздних переселенцев из России 2000-х гг.

К четвертой группе причин можно отнести **политическую и социальную стабильность в Германии**. Об этом чаще говорили мигранты, переехавшие в Германию сразу после распада СССР, и те, кто эмигрировал в 2000-е гг.

Надежды, связанные с перестройкой, развеялись, хозяйственная разруха и национальные волнения в Киргизии – Таджикистане – Узбекистане (Ошские события) убедили в необходимости уезжать самой и увозить детей... Особенно после попытки найти место в сельской местности в России. Тогда печатали в журналах, например «Работница» «Крестьянка», так называемые адреса «надежды» – села, где нужны были рабочие руки. Днем написала пять писем по таким адресам, а вечером случайно смотрела передачу «Взгляд». И там показали (вот такое совпадение!) один из моих адресов «надежды». Я порвала все пять писем и решила ехать в Германию».¹⁹

В интервью также появляются и не рациональные причины: любопытство, желание пожить в другой стране, желание попробовать что-то новое.

¹⁷ Женщина 1989 г. рождения, год переезда в Германию – 2003 г., из России (Новокузнецк), образование неполное высшее. Дата проведения интервью 2006 г.

¹⁸ Мужчина, 1955 г. рождения, год переезда в Германию – 1991 г., приехал из Сибири, образование высшее, в России работал агрономом. Дата проведения интервью 2006 г.

¹⁹ Женщина 1952 г. рождения, год переезда в Германию – 1990 г., приехала из Казахстана, образование высшее.

«Мне было уже 23 года тогда, я бы могла остаться на Украине, у меня была свобода выбора. Я решила попробовать здесь. И сейчас могу сказать, что не жалею»²⁰.

4.2. Эмиграция из России в Германию после 1991 г.

Отличительной особенностью формирования и развития транснациональных миграционных систем является циклический характер масштаба международных миграционных потоков между странами, а также включение в территориальную миграционную систему определенных социально-культурных и территориальных общностей населения.

В данном параграфе на примере эмиграции из России в страны дальнего зарубежья показан циклический характер развития ТМС, а на примере российских немцев прослежена включенность регионов массового и компактного проживания этой этнокультурной общности в эмиграционный процесс.

Миграционный процесс на примере российских немцев показан от формирования миграционных мотиваций и до создания структур мигрантов в Германии и их включения в транснациональные сообщества. Подтверждается гипотеза формирования и развития ТМС, выдвинутая во второй главе работы.

Одновременно могут функционировать несколько региональных ТМС, которые объединяют различные социально-территориальные общности населения. Например, в 1990-е гг. помимо ТМС, ядра которых составляли территориальные общности российских немцев регионов Западной Сибири, формировались и развивались региональные ТМС с ядрами еврейских переселенцев из Москвы и Ленинграда (позднее Санкт-Петербурга) в Израиль, а также ТМС, включающая высококвалифицированных специалистов, выезжающих прежде всего в США из крупных научных и образовательных центров СССР/России.

В работе уделено внимание всему эмиграционному потоку в страны дальнего зарубежья из России с момента учета эмиграции за пределы СССР, то есть с 1983 г., что более ярко показывает начало формирования потока эмиграции. Рассмотрение исключительно эмиграции российских немцев и членов их семей вне

²⁰ Женщина 1978 г. рождения, год переезда в Германию – 1991 г., приехала с родителями из Украины, образование высшее, работает в банке во Франкфурте-на-Майне. Дата проведения интервью 2013 г.

общей эмиграционной картины в страны дальнего зарубежья не позволило бы оценить масштабы и место этого миграционного потока в общей структуре эмиграции.

Для регионального анализа автор ограничивается детальным рассмотрением внешней эмиграции в страны дальнего зарубежья на примере субъектов РФ, не рассматривая потоки из регионов стран СНГ и Балтии, что вызвано как отсутствием по ряду стран детальной статистической информации, так и сложностями сопоставления данных международной миграции населения. Общественные данные относительно въезда этнических немцев и членов их семей из стран СНГ в ФРГ приводятся в работе по данным статистики Германии.

4.2.1. Учет международных мигрантов в России и Германии

Начиная с 1983 г., Росстат предоставляет данные по внешней миграции в дальнее зарубежье. Данные Росстата о международной миграции населения в России получаются в результате разработки документов статистического учета прибытия и выбытия, поступающих от территориальных органов Федеральной миграционной службы, которые составляются при регистрации или снятии с регистрационного учета населения по месту жительства [64, с. 400].

Помимо Росстата, данные о международных миграциях населения предоставляет Федеральная миграционная служба РФ [426], Погранслужба РФ; переписи населения служат источником данных об объемах международных миграций населения [159, с. 329-333].

Федеральная миграционная служба РФ указом Президента РФ от 5 апреля 2016 года № 156 была упразднена, ее функции и полномочия переданы Министерству внутренних дел РФ [412]. В связи с этим может измениться система учета международных мигрантов, сложившаяся в ФМС, что в большей степени, вероятнее всего, скажется на учете иммигрантов в РФ.

Система учета международных мигрантов в России постоянно меняется. В начале 2000-х гг. в их число попадали только те, кто зарегистрирован по месту жительства, то есть преимущественно граждане России. Учитывались международные мигранты, оформившие гражданство России в стране проживания. В 2003 г. данные о международных мигрантах, зарегистрированных по месту жительства, стали

дополняться сведениями о мигрантах, зарегистрированных по месту пребывания на срок один год и более, но эти сведения были неполными [159, с. 344-347].

В 2007 г., помимо указанных выше категорий мигрантов, в учет включаются иностранные граждане и лица без гражданства, впервые получившие разрешение на временное проживание в РФ. Изменения миграционного учёта привели к тому, что количество учтенных международных мигрантов увеличилось в полтора раза, доля граждан России в числе международных мигрантов снизилась до 76%. Ранее эта доля составляла 84% в 2003 г. и (91%) в 2006 г. [159, с. 345].

Начиная с 2011 г., в статистический учет долгосрочной миграции населения включаются лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, и лица, снятые с регистрационного учета по месту пребывания в связи с окончанием срока пребывания, что в итоге увеличило показатели международной миграции населения, в том числе и данные об эмиграции [65].

В 2011 г. ФМС создает автоматизированную систему учета иностранных граждан. Система включает данные о числе международных мигрантов на определенный момент времени, данные систематизированы по полу, возрасту, странам выхода мигрантов, продолжительности пребывания в России, целям поездки [159, с. 347].

С 2012 г. международные мигранты, у которых истек срок пребывания в России, автоматически снимаются с учета и включаются в число выбывших мигрантов, даже в случае если они де-факто остаются в стране. Это связано с введением в действие автоматизированного учета мигрантов и санкций за нарушение миграционного законодательства [159, с. 329]. Таким образом, в 2012-2014 гг. резко возросли объемы эмиграции.

Учет международных мигрантов в Германии. С начала 2000-х гг. подробные итоги международной миграции населения ФРГ публикуются в виде ежегодных миграционных отчетов (Migrationbericht), где помещаются данные по странам о въезде и выезде в/из ФРГ в разрезе федеральных земель. Там же приводятся ретроспективные данные о масштабах иммиграции в страну, детально рассматривается возрастной и половой состав мигрантов, дается характеристика разных категорий мигрантов в Германии, данные об иностранцах, проживающих в Германии. Миграционный отчет помещается в открытом доступе на сайте федерального Ве-

домства по мигрантам и беженцам (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge) [417] Министерства внутренних дел Германии (Bundesministerium des Innern) [420].

В статистике Германии существует несколько категорий и групп мигрантов, а также категория «лица с миграционным прошлым» (Personen mit Migrationshintergrund) [417]. К данной категории относят всех, кто после 1949 г. въехал на территорию современной Германии, всех иностранцев, рожденных в Германии, а также граждан Германии, рожденных в семьях, где, по крайней мере, один из родителей иностранец или прибывший в Германию. Эта категория также отдельно учитывается, в том числе и в переписи населения Германии 2011 г.

В статистике Германии есть категория «иностранец» (Ausländer), к которой относятся лица, рожденные за пределами Германии и проживающие в стране по различным причинам от 6 месяцев и больше.

По данным микропереписи Германии 2012 г., в стране около 16 млн жителей относятся к лицам с миграционным прошлым, из них 7,6 млн – иностранцы. В качестве основного источника учета иностранцев в ФРГ используется центральный регистр иностранцев (Ausländerzentralregister – AZR). В работе, если не указано иначе, приводятся данные AZR.

В немецкой статистике и правовой терминологии в отношении этнических немцев, возвращающихся из стран СНГ и Балтии, Польши и Румынии в Германию и получающих особый юридический статус, используется термин «поздние переселенцы» (Spätaussiedler). Эта группа, а также члены семьи поздних переселенцев учитываются как отдельная миграционная категория.

В группу иностранцев, которые учитываются статистикой Германии, не попадают политические беженцы из мест вооруженных конфликтов, которые учитываются отдельно.

Сопоставление данных о международных миграциях населения. Сложность анализа масштабов и направлений потока эмигрантов заключается в следующем:

Во-первых, в разных странах применяются различные критерии к оценкам численности мигрантов, что в итоге приводит к разнице в количестве международных мигрантов, предоставляемых статистическими агентствами разных стран. Ситуация несколько улучшилась в середине 2000-х гг., когда в Интернете были сфор-

мированы статистические базы данных Евростата, с 2011 г. доступны данные Отдела народонаселения ООН.

Во-вторых, качество учета иммигрантов в странах, их принимающих, практически всегда выше, чем качество учета эмигрантов в странах-донорах [66]. Сравнение данных российской статистики эмиграции и данных зарубежных источников показывает, что российские данные по ряду стран преуменьшают объемы эмиграционного потока. Российская статистика не учитывает возросшей роли в структуре эмиграции таких стран как Испания, Австрия, Италия [66].

В-третьих, отдельная трудность учета международных мигрантов состоит в том, как пишет М. Денисенко, что само понятие «эмиграции навсегда» в условиях глобализации утрачивает значимость [66]. Новые формы коммуникации в современном мире меняют условия и формы миграции. Часть тех, кто учитывается в странах въезда, как эмигранты возвращаются обратно. И наоборот, часто временные трудовые мигранты, продлевая трудовые контракты и визы, становятся долгосрочными мигрантами.

Эмиграционная статистика России чаще всего «не видит» тех, кто выезжает с целью обучения или работы и не снимается с учета в России. По мнению экспертов, большую часть подобных эмигрантов составляют студенты и высококвалифицированные специалисты. Подтверждение этому можно найти, сопоставив, в качестве примера, данные о количестве эмигрантов из России в Германию с данными о въезде в Германию из России только этнических немцев (рис. 4.1, табл. 4.1).

Статистические данные Германии о количестве мигрантов из России превышают данные российской статистики в 1,5-2 раза. Когда речь идет о количестве немцев, выезжающих из России в Германию, то есть как раз о той группе, которая в России снимается с учета и попадает в российскую статистику международной миграции, то количество мигрантов по данным статистики России и Германии, существенным образом не различается. На этом основании многие исследователи считают, что данные отечественной статистики занижают реальные масштабы эмиграции из России [66].

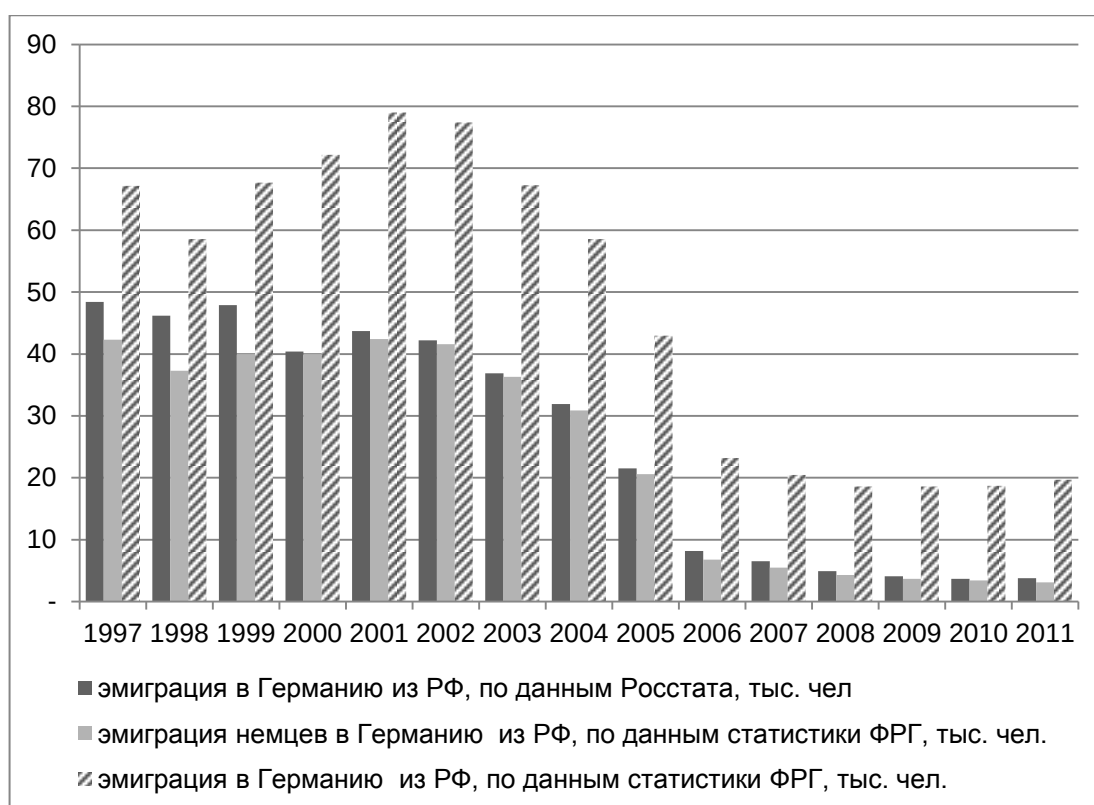

Рис. 4.1. Эмиграция из России в Германию в 1997-2011 годы, тыс. человек

Составлено по: [420, 428].

Таблица 4.1.

Эмиграционный отток из России по российским и зарубежным данным, тыс. чел.

Страны	Период оценки	Число эмигрантов по российским данным	Иммиграция из России по зарубежным данным	Отношение оценок числа иммигрантов к числу эмигрантов
Израиль	2003-2009	10,1	29,4	2,9
Канада	2003-2010	4,7	24,1	5,1
США	2003-2010	20	99	5,0
Франция	2003-2008	1,3	21,4	16,5
Австралия	2003-2010	1,4	3,5	2,5
Германия	2003-2009	117,7	148,1	1,3
Испания	2003-2009	2,3	43,5	18,9
Италия	2003-2008	1,7	20,3	9,6
Финляндия	2003-2009	5,7	16,4	2,9
Австрия	2003-2009	0,7	16,8	24,0
Швейцария	2003-2009	0,5	2,1	4,2
Нидерланды	2003-2009	0,7	4,1	5,9
Дания, Норвегия, Швеция	2003-2009	2,8	20,1	7,2
Итого	2003-2009	169,6	448,8	2,7

Источник: [66].

В данной работе для анализа выезда из субъектов РФ в страны дальнего зарубежья используются данные Росстата, размещенные на официальном сайте ведомства. Для анализа международной миграции в Германии взяты данные статистики различных ведомств ФРГ и данные Евростата.

4.2.2. Эмиграция из РФ в страны дальнего зарубежья после 1991 г.

После нескольких десятилетий миграционной изоляции, Россия в 1990-е гг. активно включается в процессы международной миграции населения. В сферу миграционного влияния России входят страны СНГ, откуда прибывают трудовые мигранты, возрастает поток эмиграции россиян в страны дальнего зарубежья. Ж.А. Зайончковская [78] и П.М. Полян [183] насчитывают три волны эмиграции населения из СССР и относят период после 1991 г. к четвертой волне эмиграции, акцентируя внимание на новых характеристиках потока эмиграции. Эмиграция четвертой волны характеризуется, экономическими причинами и ярко выраженной географией выезда, эмигрантов привлекают в основном три страны (Германия, Израиль, США), преобладанием доли этнических мигрантов в эмиграционном потоке.

В 2000-е гг. происходят изменения в характере эмиграции из России, снижаются масштабы этого процесса, появляются новые причины эмиграции, меняются структурные характеристики мигрантов, трансформируется география регионов выезда эмигрантов. Поэтому целесообразно постсоветский период эмиграции населения разделить на несколько этапов, различающихся по масштабам эмиграции, потокам эмигрантов, причинам выезда.

Каналы эмиграции из России в Германию. Вне зависимости от причин, побудивших эмигрировать в Германию, существует шесть основных каналов переезда в Германию, которые имеют различия в юридическом статусе мигранта, доступности для тех или иных возрастных или социальных групп, продолжительности пребывания в Германии.

Для 1990-х гг. одним из наиболее распространенных каналов миграции из России в Германию стала этническая миграция. Миграция российских немцев и членов их семей, которые получали в Германии статус позднего переселенца (Spätaussiedler). На основании этого статуса иммигранты из СССР/России становились гражданами Германии, часто с сохранением гражданства страны выхода.

Второй по масштабам вид этнической миграции – переезд еврейских переселенцев в Германию, в соответствии с законом о признании Германией вины перед еврейским народом во время Второй мировой войны. Этот статус не обеспечивает получение гражданства ФРГ, но позволяет получить юридическое право на прожи-

вание в Германии с дальнейшим получением гражданства Германии на равных основаниях с иными иностранцами, проживающими в стране.

Третий канал, который используется частью мигрантов – воссоединение семей. В данном случае может идти речь, как о создании семьи с мигрантами, которые проживают в Германии, так и с гражданами Германии.

Среди респондентов было несколько человек, которые приехали в Германию на основании создания семьи с еврейскими переселенцами и с иностранцами из Западной Европы, в настоящее время проживающими в Германии.

Часть девушек, получивших в России или другой стране СНГ филологическое образование и специализирующиеся на изучении немецкого языка, приезжают в Германию по специальной программе молодежного обмена Au-pair для работы нянями в немецких семьях [416]. В рамках этой программы девушки приезжают на год в немецкую семью, многие с целью улучшения немецкого языка. Обязательным условием приезда является: знание немецкого языка, возраст не старше 25 лет, работа в семье, где немецкий язык является родным. С информацией о том, что юноши приезжают работать нянями в немецкие семьи, автор не встречалась.

По этой программе в Германию в 2011 г. приехало из всех стран мира 6,7 тыс. человек. Основными странами, откуда приезжают по программе Au-pair являются: Россия, Украина, Грузия. В 2011 г. из России в Германию по этой программе приехало 863 человека, из Украины 1103 человека [358, s.77].

Часто после года проживания в Германии они решают остаться в Германии для обучения в Университете, тем более что обычно высшее образование в России может быть получено к 22 годам, а для Германии начало обучения в Университете в 23 года скорее норма, чем исключение.

«Первый год в Германии я делала²¹ программу «Au-pair», но уже во время первого года я поняла, что можно потом идти в Университет. То, что я учила в Украине, я понимала, что это не то, что хочу иметь на всю свою жизнь. За границей обучение было очень привлекательно, поэтому я решила попробовать пойти в Университет²²».

²¹ В данном случае респондент, говоря на русском, использует в разговоре «кальку» с немецкого языка, переводя немецкий глагол «machen» дословно в значении «делать»

²² Женщина, 1983 г. рождения, год переезда в Германию – 2005 г., переехала из Украины, образование высшее, работает в сфере рекламного бизнеса. Дата проведения интервью 2013 г.

Еще один канал миграции, который достаточно распространен у высококвалифицированных мигрантов – это приезд в Германию для учебы в университете, или приезд для написания кандидатской диссертации в одном из университетов Германии. В 2011 г. в Германии обучалось 3,4 тыс. студентов из России [358, s. 56].

Для многих респондентов, с которыми проводились интервью, мотив и канал миграции в этом случае совпадают, то есть мигранты, действительно, ехали в Германию ради получения образования или написания кандидатской работы, но часть из них ехали учиться, но ради того, чтобы потом остаться жить в Германии и найти там работу. Этим каналом миграции, как и предыдущим, пользуются чаще всего представители молодого поколения, недавно окончившие Университете у себя на Родине.

«Но многие едут учиться ради учебы, а мы ехали жить в Германии через канал учебы²³».

Схожий канал миграции используется более старшим поколением, чем предыдущие два канала, чаще всего представителями академической науки, имеющими ученую степень кандидата или доктора наук. Это единственный канал миграции из всех вышеперечисленных, который можно назвать каналом, через который в Германию приезжают высококвалифицированные мигранты. В данном случае речь идет о приезде в Университеты и научные институты Германии по различным программам научного сотрудничества на определенный срок. Именно в отношении данной миграционной когорты, можно применять термин «утечка мозгов». Также в эту группу попадают и специалисты IT-сектора, приезжающие на работу в Германию. По таким каналам миграции ежегодно в Германию въезжают до 1000 специалистов из России [358, s. 58, 67, 75].

«Мы в Германии с 1999 года, а оказался тут так. Дома защитил диссертацию по теоретической физике и приехал сюда по стипендии на год. Я пока писал диссертацию ездил в Голландию к одному профессору на несколько месяцев тоже по стипендиям. А потом когда защитился, решил поехать на годик в Германию попробовать²⁴».

²³ Женщина, 1988 г. рождения, год переезда в Германию – 2010 г., переехала из Москвы, работает, получает высшее экономическое образование во Франкфурте-на-Майне. Дата проведения интервью 2013 г.

²⁴ Мужчина, 1969 г. рождения, год переезда в Германию – 1999 г., переехал из Екатеринбурга, образование высшее, кандидат наук, работает в банке во Франкфурте-на-Майне. Дата проведения интервью 2013 г.

Миграционные биографии эмигрантов. В ходе исследования в Германии, по итогам интервью с мигрантами были выявлены несколько типов миграционных биографий мигрантов из России. Итоги анализа миграционных биографий показали, что основными факторами, определяющими миграционную биографию мигрантов, является размер города рождения респондента и размер города, который стал первым местом проживания мигранта в Германии.

Повышение социального статуса мигранта (обучение в университете, поиск престижной работы) неизбежно связано с переездом в город, где больше возможностей для социального роста, то есть в город с большей численностью населения. Это происходит и в стране выхода мигрантов и в принимающей стране. Помимо этого важным фактором оказываются личные обстоятельства жизни мигранта, которые также могут влиять на изменение места жительства.

Выявлены три типа миграционных биографий: простой; сложный; циклический.

Простой тип миграционной биографии назван так из-за небольшого числа постоянных миграций респондентов (один или два переезда в течение жизни). Он характерен для мигрантов, родившихся и получивших образование в крупных городах России и переехавших в Германию сразу в крупные города. Этот тип миграций характерен для высококвалифицированных мигрантов, относящихся к еврейской эмиграции в Германию или для мигрантов, приехавших в Германию учиться или по академической линии (рис. 4.2).

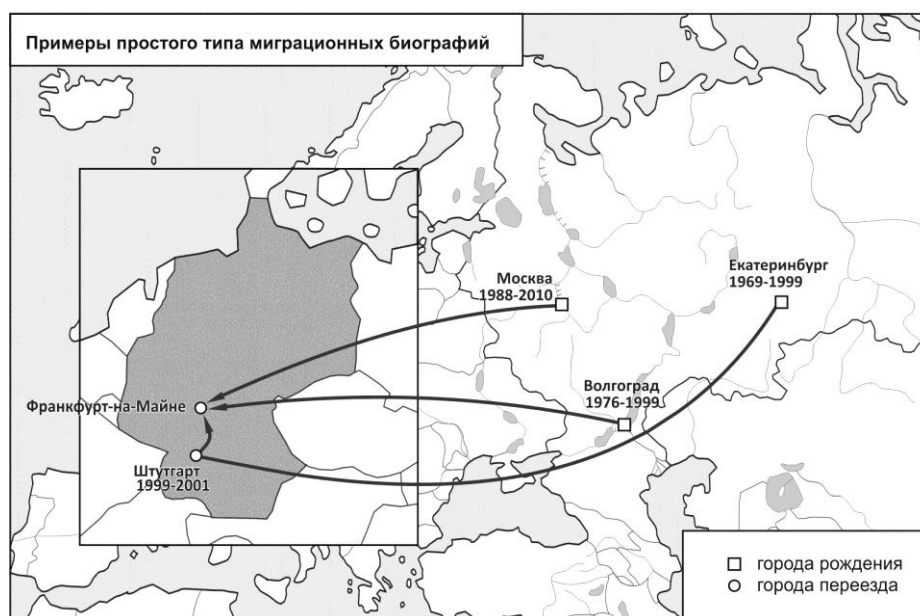

Рис. 4.2. Простой тип миграционной биографии эмигрантов из России.

Составлено автором.

Сложный тип миграционных биографий, когда мигранты более трех раз меняли место жительства. Этот тип характерен для респондентов, которые родились в небольших городах, после чего переехали в стране выхода в большой город для получения высшего образования. Многие из них в качестве миграционного канала использовали академические или учебные каналы миграции, также такие миграционные истории характерны для переселенцев, приехавших в Германию по еврейской линии и для российских немцев.

Часть респондентов, родившихся в СССР/России в крупных городах, и не переезжавших в стране рождения, могли после переезда в Германию переезжать несколько раз, меняя места обучения или работы (рис. 4.3).

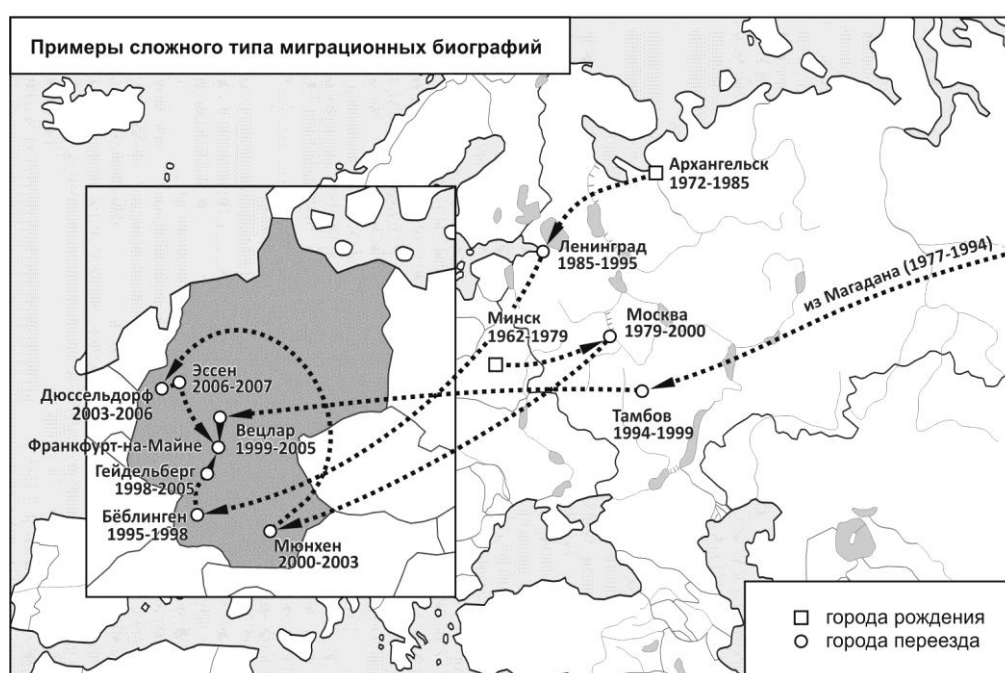

Рис. 4.3. Сложный тип миграционной биографии эмигрантов из России

Составлено автором.

Циклический тип миграционных биографий характерен для мигрантов, эмигрировавших в Германию по семейным причинам, учебному каналу или академической линии. Отличительной чертой этого типа миграционного поведения является то, что мигранты имели опыт жизни в Германии, после этого вернулись в Россию по различным причинам, но через короткий период времени эмигрировали в Германию на более продолжительное время. Это менее распространенный тип миграционных биографий (рис. 4.4).

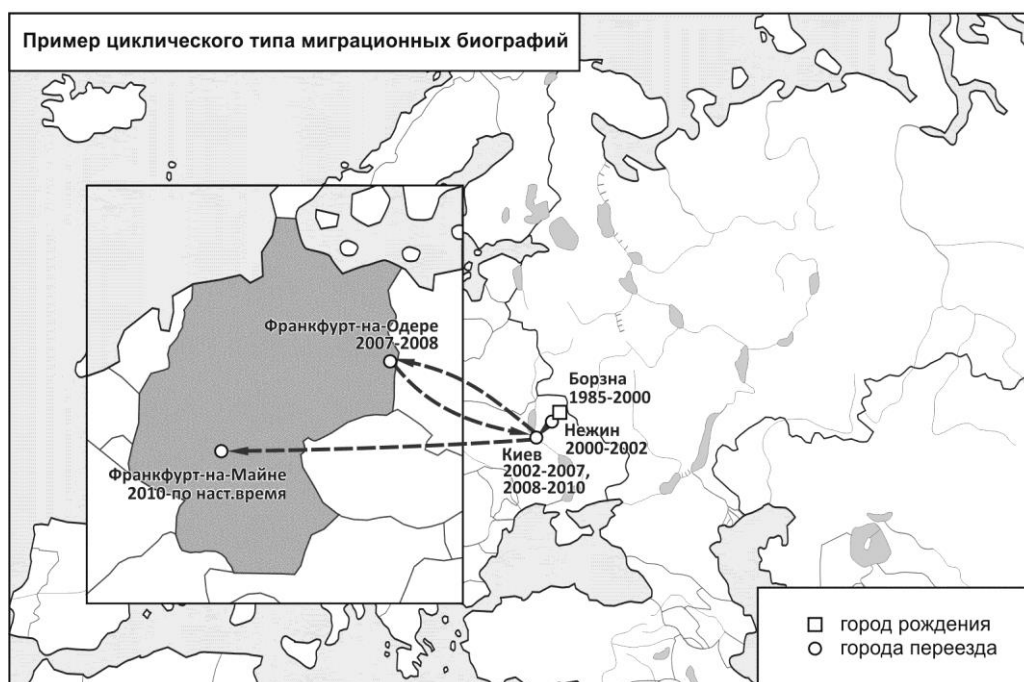

Рис. 4.4. Циклический тип миграционной биографии. Составлено автором.

Масштабы эмиграции из России. Всего с 1983 по 2014 г., по данным Росстата, из России в страны дальнего зарубежья на постоянное или продолжительное время выехало более 1,5 млн человек.

Страны дальнего зарубежья во внешнем миграционном обмене России, даже в периоды максимального оттока этнических мигрантов играли и играют меньшую роль, чем бывшие республики СССР (рис. 4.5). Даже с учетом того, что данные по Грузии, Латвии, Литве и Эстонии за весь рассматриваемый период отнесены к странам дальнего зарубежья, для возможности сопоставления за весь период. При изменении миграционного учета более отчетливо проявляется миграционная привлекательность России для стран СНГ.

Опасение экспертов и академических ученых, что изменение в начале 1990-х гг. порядка въезда в страну и выезда из нее, вызовет огромный всплеск эмиграции не оправдалось [78], даже при наличии неучтенных Росстатом эмигрантов. Вероятнее всего, не столь высокая эмиграционная активность жителей России, помимо прочих причин, объясняется и тем, что Россия (особенно в современных границах) до 1917 г. не являлась страной массовой эмиграции.

Ж.А. Зайончковская [78] отмечает, что бо́льшая часть эмигрантов из России в период межконтинентальных миграций в США на рубеже XIX – XX вв. выезжала

не из России в ее современных границах, а из других частей Империи – Украины, Белоруссии, балтийских губерний.

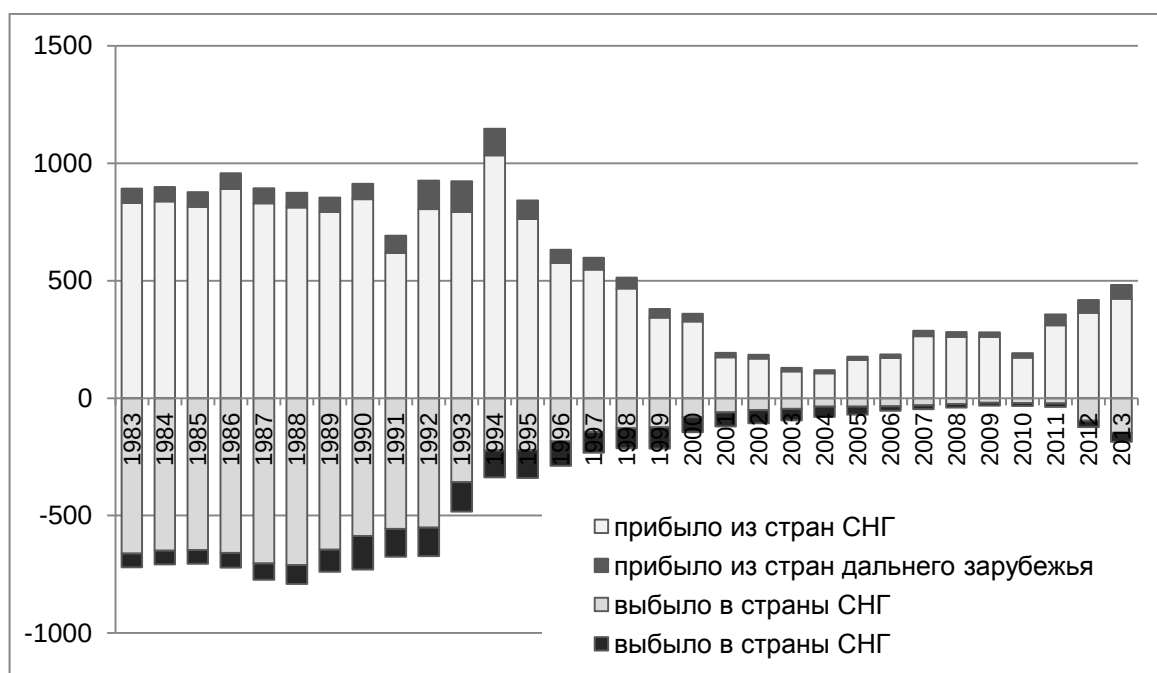

Рис. 4.5. Миграционный обмен России со странами СНГ и странами дальнего зарубежья в 1983-2013 гг., в тыс. человек.* Составлено по данным [428].

*для сопоставления данных под данными СНГ за все годы приведены данные по бывшим республикам СССР, кроме Грузии, Латвии, Литвы и Эстонии; которые отнесены к данным по странам дальнего зарубежья.

Эмиграция из СССР делится на три волны. Два первых потока – это вынужденные волны эмиграции в период Первой мировой волны, революции и гражданской войны, а также потоки эмиграции Второй мировой волны. Масштабы первых двух волн эмиграции из России в XX в. оцениваются демографами в 11-14 млн человек. Третий период, затронувший послевоенное время, значительно уступал по масштабам первым двум и оценивается приблизительно в 1 млн эмигрантов [78, 182].

Основными странами, принимающими эмигрантов из России на рубеже XX-XXI вв., стали Германия, Израиль и США. Вклад каждой страны в общий поток эмигрантов в страны дальнего зарубежья менялся (рис. 4.6). До 2005 г. росла доля Германии в общем потоке эмигрантов. Снижение ее доли было вызвано как изменением системы учета мигрантов в России, так и некоторым увеличением миграционного обмена России со странами Азии. Поток эмиграции в Германию в 2006-2012 гг. не снизился.

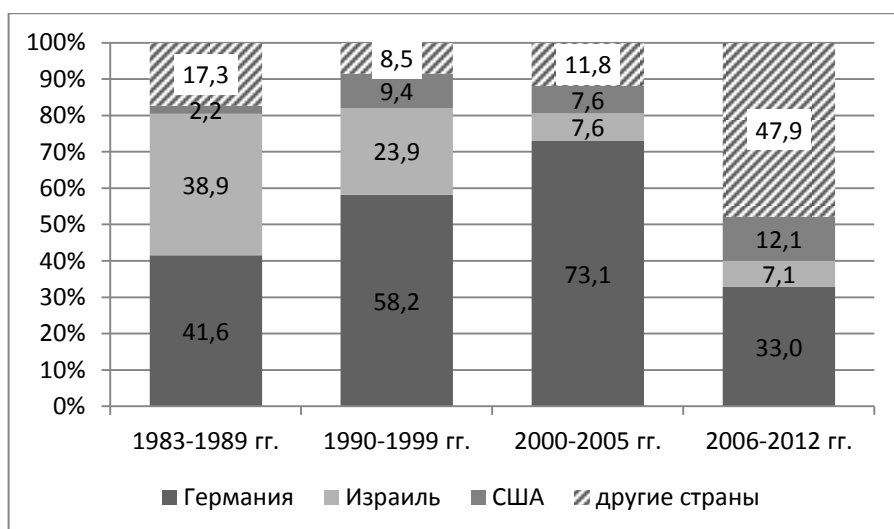

Рис. 4.6. Изменение структуры эмиграции населения из России в страны дальнего зарубежья в 1983-2012 гг., в %. Составлено по [428].

Масштабы эмиграции в Германию российских немцев и членов их семей из РФ и стран СНГ после 1991 г. Эмиграция началась ещё до распада СССР в 1991 г. и затем усиливалась параллельно с осложнением политической и экономической ситуации в странах СНГ, достигнув пика в 1994 г., когда из бывших республик СССР в Германию выехали 213,2 тыс. этнических немцев и членов их семей. Всего за 15 лет – с 1989 по 2004 гг. – в Германию из бывшего СССР выехали 2152 тыс. этнических немцев и членов их семей (рис. 4.7).

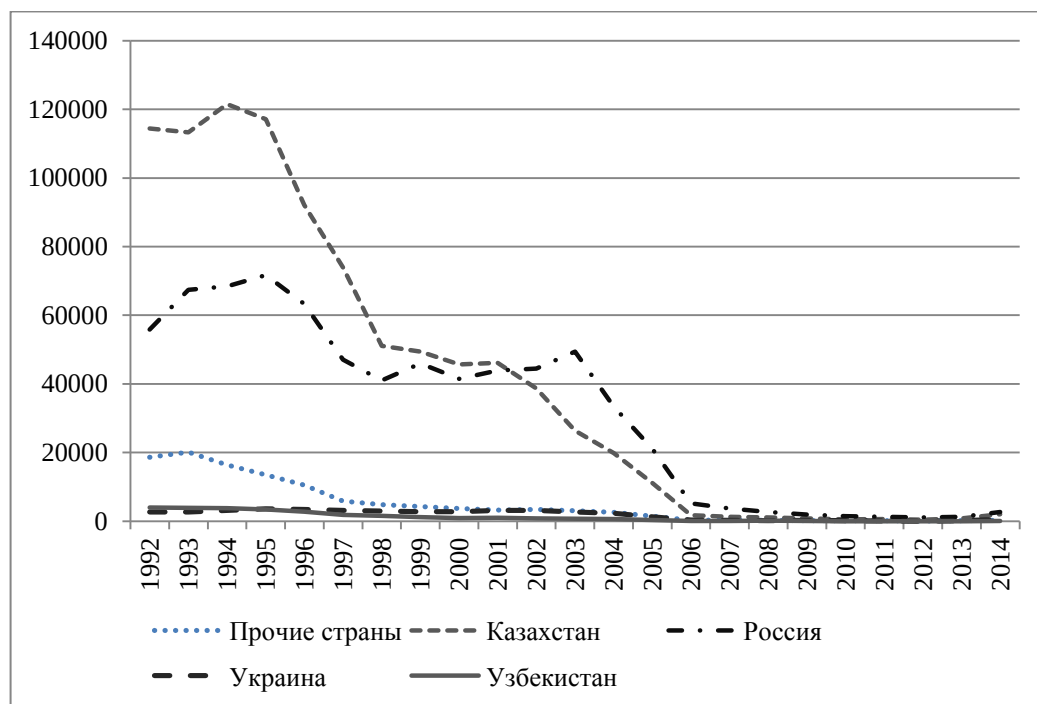

Рис. 4.7. Динамика выезда в Германию немцев и членов их семей из России и стран СНГ в 1992-2014 гг., чел. Составлено по [357].

Максимальное количество выехавших пришлось на Казахстан, причём миграционные потоки немцев из Казахстана были направлены помимо Германии в Россию. Всего за этот период из Казахстана в Германию выехали более 900 тыс. немцев и членов их семей, из России выехали в Германию более 700 тыс. немцев и членов их семей.

В 2005 г. завершился период массового выезда немцев в Германию, это связано как с исчерпанием миграционного потенциала самих немцев, так и с ужесточением миграционной политики Германии в отношении российских немцев. По данным немецкой статистики, в 2005 г. из России в Германию выехали 20,6 тыс. немцев и членов их семей, в 2006 г. – 6,8 тыс., в 2007 г. – 5,5 тыс. Из Казахстана в 2005 г. выехали 10,5 тыс. немцев и членов их семей, в 2006 г. – 2,1 тыс., в 2007 г. – 1,9 тыс.

В 2013 г. в Германии были внесены изменения в закон о въезде поздних переселенцев в страну, которые облегчают получение статуса позднего переселенца, что сразу же отразилось на небольшом росте количества эмигрантов из России в Германию.

4.2.3. Этапы эмиграции из России в 1991-2014 гг.

Выявление четких временных этапов эмиграции за рассматриваемый период во многом условно, но оно облегчает анализ эмиграционной ситуации и позволяет выявить закономерности хода миграционного процесса (рис. 4.8., табл. 4.2).

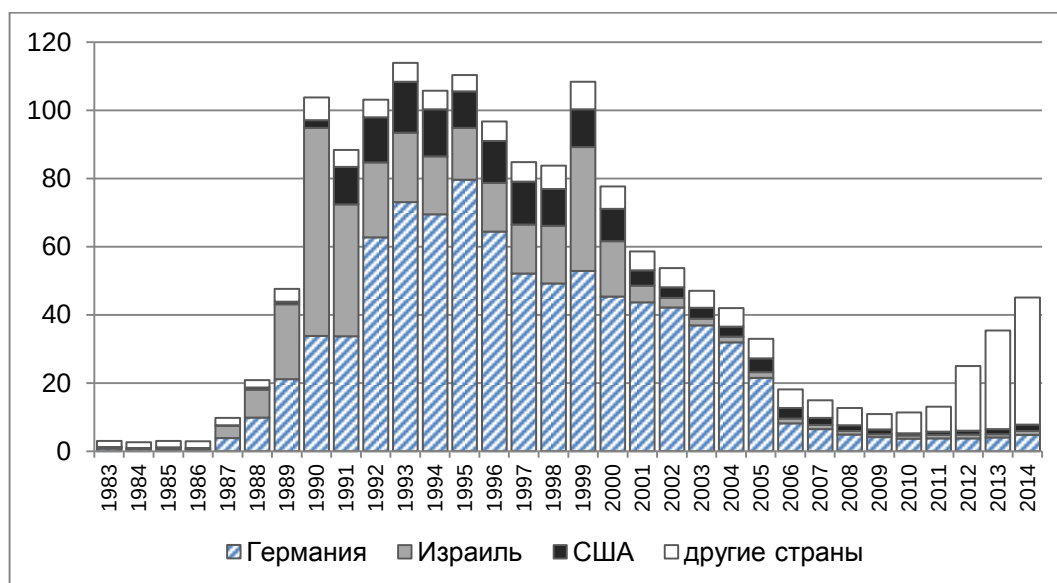

Рис. 4.8. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья в 1983-2014 гг., тыс. чел.
Составлено по данным [428].

Процесс эмиграции носит циклический характер, который прослеживается при рассмотрении данных о количестве ежегодных эмигрантов на протяжении нескольких десятилетий. С 1983 по 2013 г. проявляется период резкого роста потока эмигрантов, время стабилизации эмиграции на высоком уровне (до 100 тыс. человек ежегодно), период эмиграционного «затишья» и рост эмиграционного потока, обусловленный новыми причинами – началом новой эмиграционной волны.

Таблица 4.2.

Характеристика этапов миграции в конце XX – начале XXI вв.

Годы	Масштабы эмиграции, по данным Росстата	Основные страны эмиграции	Основные причины эмиграции	Характеристики миграционного потока
1983-1989	90 тыс. эмигрантов	Германия, Израиль	политические, экономические	высококвалифицированные мигранты, жители Москвы и Санкт-Петербурга, этнические мигранты (евреи, немцы)
1990-1999	1 млн эмигрантов	Германия, Израиль, США	экономические, семейные	этнические мигранты (немцы, евреи), высококвалифицированные мигранты, жители Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга), сельские жители Западной Сибири,
2000-2005	312 тыс. эмигрантов	Германия	экономические, учебные, семейные	снижение доли этнических мигрантов, образованные жители крупных городов, сохраняется поток из Западной Сибири
2006-2011	80 тыс. эмигрантов	Германия, Испания, Канада, Великобритания	экономические, учебные, научные, деловые поездки, семейные	этническая эмиграция минимальна, образованные молодые жители крупных городов, студенты
2012-2014	105 тыс. эмигрантов	Германия, Китай, КНДР, Вьетнам, Турция	экономические, учебные, научные, деловые поездки, семейные	в число эмигрантов из-за изменения системы учета попадают иностранные граждане, трудовые мигранты из стран Азии, студенты

Составлено автором.

В 1983-1989 гг., за несколько лет до распада СССР, формируются предпосылки и направления основных миграционных потоков 1990-х гг. В начале 1980-х гг. ежегодная эмиграция из РФ составляла не более 3 тыс. человек. После длительного периода минимального миграционного оттока из СССР/России в 1987 г. наблюдается рост эмиграции до 10 тыс. человек в год (рис. 4.4). В 1988 г. из страны выезжает более 20 тыс. эмигрантов, в 1989 г. – количество мигрантов превысило 47 тыс. человек.

1990-1999 гг. стали продолжительным «пиком» волны эмиграции из России в постсоветский период. До 1990 г. поток эмигрантов из России ежегодно удваивается, превысив 100 тыс. эмигрантов. В 1991-1999 гг. ежегодно, по данным российской статистики, из России эмигрирует 80-100 тыс. человек. Всего в 1990-е гг. в страны дальнего зарубежья эмигрировало около 1 млн человек.

Лидером, притягивающим эмигрантов из России, на данном этапе, является Германия, куда выехало 570 тыс. человек (57% всех эмигрантов в 1990-е гг.). На втором месте Израиль – 256 тыс. человек эмигрировало (25,6%), на третьем месте по количеству эмигрантов были США – 112 тыс. человек эмигрировало (11,2%).

Эмиграция 1990-х гг. носит преимущественно этнический характер. В начале 1990-х гг. более половины эмигрантов составляют немцы и евреи, важный вклад вносит и «утечка умов» из страны, направленная в первую очередь в США. Несмотря на этнический характер миграции, для многих эмигрантов, основной причиной эмиграции была экономическая, а этничность становилась каналом облегченного переезда в новую страну.

2000-2005 гг. отличаются от предыдущего этапа снижением масштабов миграционного оттока в страны дальнего зарубежья, что связано во многом с исчерпанием эмиграционного потенциала немецкого населения России. Ежегодный спад эмиграционной волны составляет по данным российской статистики 5 тыс. чел. (рис. 4.4, табл. 4.2). Общий отток эмигрантов в страны дальнего зарубежья в 2000-2005 гг. составил 296,5 тыс. чел. Структура выезда по странам свидетельствует о росте доли эмиграции в Германию (221 тыс. человек), что составило 71% от общего числа эмигрантов.

Выезд в Израиль составил 9,4% от общего числа выехавших (29 тыс. человек), в США – 8,7% (27 тыс. человек). Как уже упоминалось выше, не исключено, что относительно невысокие показатели эмиграции из России в Израиль и США, могут быть связаны с особенностями учета внешней миграции из России. Несмотря на высокую долю Германии и Израиля в структуре выезда, эмиграция на этом периоде перестает быть этнической, в структуре эмигрантов снижается доля немцев и евреев и растет доля русских. Помимо этнического канала эмиграции, также эмигранты выезжают по учебным причинам, по академической линии и т.д.

2006-2011 гг. С середины 2000-х гг. происходит снижение масштабов эмиграции в страны дальнего зарубежья, это время минимальных показателей эмиграции за весь постсоветский период. В 2006-2011 г. из России эмигрировало чуть больше 80 тыс. чел. Помимо снижения количества эмигрантов, меняется география выезда из России. Доля Германии в потоке эмигрантов сокращается до 38,5% (выехало 31 тыс. чел.), Израиля – до 7,8% (выехало 6,4 тыс. чел.), США – до 12% (10 тыс. чел.), на остальные страны приходится уже более 40% эмигрантов. В этот период формируются новые черты процесса эмиграции из России, которые более рельефно проявились в 2012-2014 гг. Расширилась и изменилась география выезда в страны дальнего зарубежья.

2012-2014 гг. сложно выделить в качестве отдельного периода эмиграции из России, но эти три года продемонстрировали закрепление новых тенденций эмиграции из России. В это время продолжается стабильно не очень высокий выезд в Германию (на уровне 4 тыс. эмигрантов ежегодно), Израиль (около 1 тыс. эмигрантов ежегодно), США (1-2 тыс. эмигрантов ежегодно). Из-за изменения системы миграционного учета стал «заметным» в статистике восточный эмиграционный тренд, который носит совершенно иной характер по сравнению с эмиграцией 1990-х – начала 2000-х гг. Рост эмиграции из России в Китай, Вьетнам, КНДР, Индию и Турцию (рис. 4.7) вызван не выездом в эти страны граждан России, а активизацией трудовой миграции в Россию граждан указанных стран, которые после окончания трудового договора, выезжают из России. Данные Росстата о гражданстве эмигрантов это подтверждают.

Можно говорить о завершении эмиграционного цикла 1990-х гг. Происходит формирование новых эмиграционных тенденций. Конечно, нельзя со 100% вероятностью утверждать, что Россия полностью сменит вектор эмиграционных связей на восток, но и нельзя игнорировать то, что рынок труда России становится притягательным не только для граждан стран СНГ.

Особенностью российской эмиграции в начале рассматриваемого периода была достаточно выраженная этническая составляющая мигрантов, более 70% эмигрантов составляли немцы и евреи [158]. Второй особенностью начального этапа постсоветской эмиграции был выезд в ограниченное число стран.

К началу 2000-х гг., параллельно со снижением масштабов эмиграции растет доля русских в эмиграционном потоке (41,4% – в 2000 г.). Эмиграция в Германию перестает быть исключительно немецкой, если эмиграция в США в начале 1990-х г. более чем на 50% состояла из еврейского населения России, то к началу 2000-х гг. 70% миграционного потока в США составляют русские [158, с. 507].

Жители России все чаще и чаще оказываются вовлечены в «мягкую» эмиграцию, то есть уезжают не навсегда и неизвестно куда, зная, что никогда не вернутся обратно, как это было в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а уезжают по контрактам на работу, на обучение в зарубежные университеты, то есть с заранее известными целями.

Например, в 2010 г., по данным ЮНЕСКО, около 35 тыс. студентов из России обучались в зарубежных университетах [158, с. 511]. По данным ФМС России, в том же 2010 г. за рубежом трудоустроились 70 тыс. российских граждан. Часть из временно выехавших в дальнее зарубежье, возможно, останется там на более долгий срок, часть вернется в Россию. Для России, в отличие от многих стран Восточной Европы, не характерна низкоквалифицированная эмиграция. Современный характер российской эмиграции приобретает черты скорее типичные для эмиграции в странах Западной Европы.

4.2.4. Типология регионов РФ по характеру эмиграции в Германию в 1991-2014 гг.

Указанные выше факторы и черты российской эмиграции в постсоветский период определяют географию регионов выезда. Потоки эмиграции формируют определенные территориальные общности населения, связанные между собой социальными отношениями. У одних территориальных общностей населения выше вероятность быть вовлеченными в эмиграционный процесс, чем у других. Именно поэтому характерной чертой географии эмиграции из России является неравномерность распределения эмигрантов по регионам выхода (табл. 4.3).

В 1990-е гг. в период пика выезда этнических немцев и членов их семей в Германию на десять регионов-лидеров по количеству всех эмигрантов в страны дальнего зарубежья пришлось 58% всех эмигрантов, при этом из Омской области и Алтайского края выехало 23% от общего эмиграционного потока.

Это свидетельствует о преимущественно этническом характере эмиграции на данном этапе – выезд приходился на регионы компактного и массового проживания немцев в РФ. В Омской области по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. проживало 134,2 тыс. немцев (15,9% всех немцев РФ), в Алтайском крае 127,7 тыс. немцев (15,2% всех немцев РФ) (рис. 4.9 - 4.11). Подобная тенденция, но со снижением интенсивности выезда в Германию наблюдается и в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

Таблица 4.3.²⁵

Регионы – лидеры по количеству эмигрантов в 1993-2012 гг.

1993-1999 гг. поток эмигрантов за период, тыс. чел.		2000-2005 гг. поток эмигрантов за период, тыс. чел.		2006-2012 гг. поток эмигрантов за период, тыс. чел.	
Омская область	80,8	Омская область	43,9	г. Москва	10,2
Алтайский край	60,3	Алтайский край	30,4	Омская область	5,6
г. Москва	44,1	Новосибирская область	12,8	Приморский край	4,4
г. Санкт-Петербург	39,3	Кемеровская область	12,2	г. Санкт-Петербург	4,2
Краснодарский край	25,7	Краснодарский край	12,1	Алтайский край	4,1
Новосибирская область	25	г. Санкт-Петербург	11,4	Хабаровский край	3,9
Волгоградская область	22,2	г. Москва	11,4	Краснодарский край	3,9
Челябинская область	21,3	Челябинская область	10,8	Новосибирская область	3,8
Оренбургская область	19,8	Свердловская область	9,2	Московская область	3,5
Свердловская область	18,1	Саратовская область	9,1	Свердловская область	3,1

Составлено по данным [428].

География выезда в Германию из регионов Европейской части России отличается бóльшим разнообразием, лидерами по количеству эмигрантов в этой части страны являются Волгоградская, Саратовская, Калининградская области, Москва, Санкт-Петербург. Доля выезжающих в Германию, среди всех эмигрантов в страны дальнего зарубежья в Европейской части России, преобладает только в регионах компактного массового проживания немцев, или в регионах, которые стали транзитными для эмиграции немцев в Германию (рис. 4.9 - 4.11).

²⁵ Границы этапов эмиграции, по которым построены карты и таблица 4.3, отличаются от основных этапов миграции, указанных выше в тексте статьи, что вызвано наличием статистических данных об эмиграции в региональном разрезе.

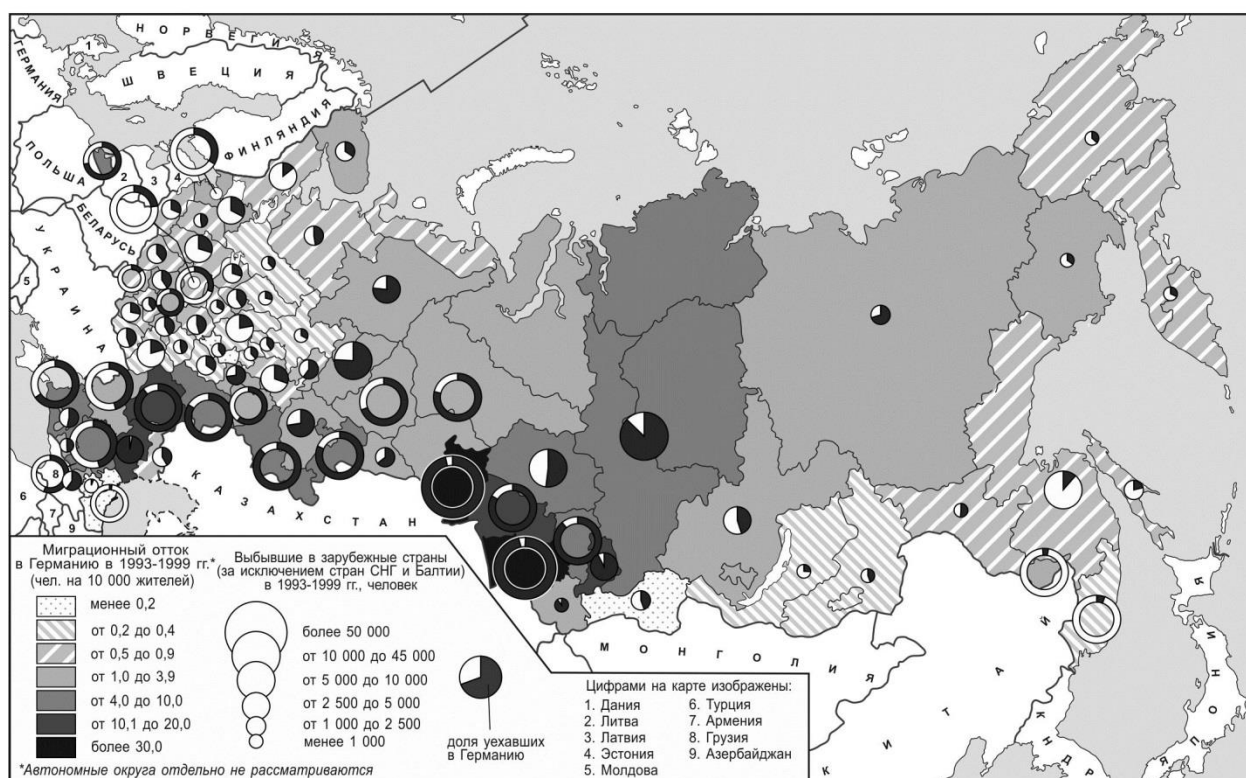

Рис. 4.9. Миграционный отток в Германию в 1993-1999 гг. Составлено автором.

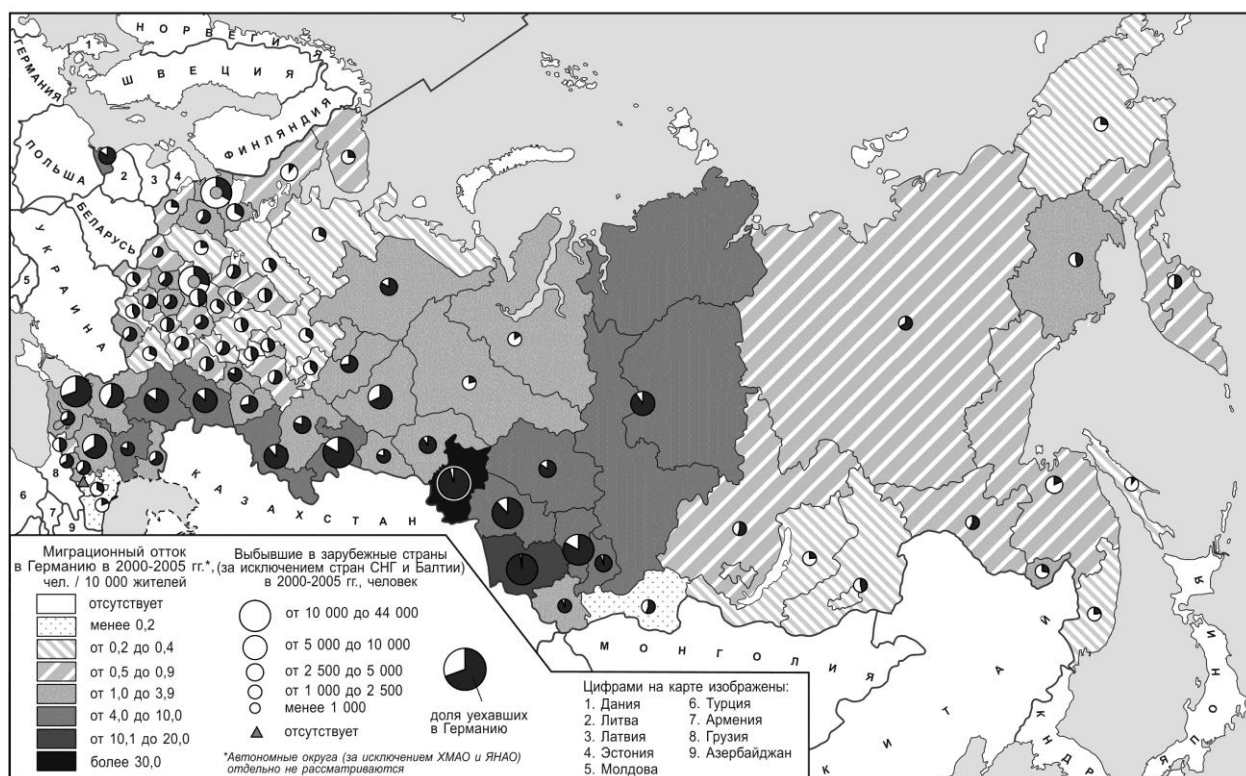

Рис. 4.10. Миграционный отток в Германию в 2000-2005 гг. Составлено автором.

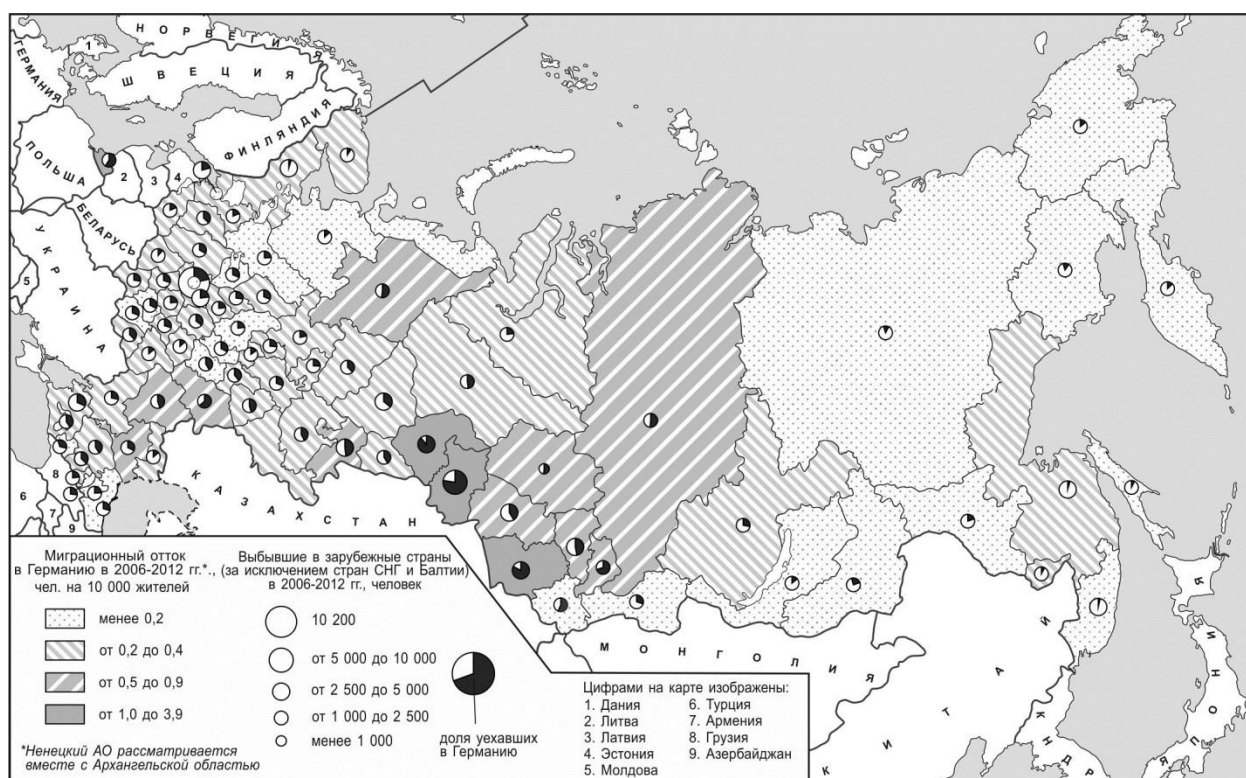

Рис. 4.11. Миграционный отток в Германию в 2006-2012 гг. Составлено автором.

Тенденции географии выезда в Германию из регионов России в **2000-2005 гг.** существенным образом не изменились, по прежнему лидирующие позиции по количеству эмигрантов сохраняли регионы Западной Сибири. Из Омской области и Алтайского края выехало 24% всех эмигрантов в дальнее зарубежье, несмотря на существенное снижение количества немцев в этих регионах, по данным Всероссийской переписи 2002 г. Первые десять регионов-лидеров по количеству эмигрировавших составляют более половины эмиграционного оттока.

В 2006-20011 гг., когда меняется в целом характер эмиграции в страны дальнего зарубежья и расширяется география выезда, снижается доля регионов Западной Сибири в общем количестве эмигрантов (табл. 4.3). Доля прежних лидеров Омской области и Алтайского края составляет 9% от общего потока мигрантов. На первое место по количеству эмигрантов выходит Москва.

Существует зависимость между численностью немецкого населения региона и масштабом эмиграционного потока в Германию (табл. 4.4). Четкая взаимосвязь нарушается только в Москве, Санкт-Петербурге, Калининградской области, а также в Красноярском крае, Волгоградской и Свердловской областях. Это объясняется двумя причинами, для столиц и регионов с высокой долей крупногородского насе-

ления, повышенной долей выезда в Германию контингентных беженцев и лиц с высшим образованием, а для таких регионов как Калининградская область их «промывным характером» эмиграции. Регион стал транзитным для российских немцев и представителей других миграционных когорт, выезжающих в Германию.

По характеру и масштабам эмиграции в Германию в период с 1993 г. по 2012 г. регионы России, в которых по данным переписи населения 1989 г. проживало более 1 тыс. немцев и из которых за период 1993-2012 гг. выехало в Германию более 1 тыс. эмигрантов, можно разделить на следующие типы.

Первый тип – регионы Сибири и Урала, где в 1989 г. проживали большие группы немецкого населения, и из которых за весь рассматриваемый период выехала значительная доля всех эмигрантов в Германию. Это – Алтайский край, Омская область, а также регионы, откуда масштабы эмиграции были меньшими - Красноярский край, Кемеровская, Новосибирская, Тюменская, Томская, Оренбургская, Челябинская, Свердловская области.

Таблица 4.4.

Соотношение кумулятивного выезда в Германию в 1993-2012 гг. и регионов проживания немцев в 1989 г.

выезд в ФРГ в 1993-2012 гг., более 1 тыс. чел.	Регионы проживания немцев в 1989 г., более 1 тыс. чел						
	Тыс. чел	1 - 2	2 - 5	5 - 10	10 - 20	20 - 40	40 - 90
	1 - 2	Белгородская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тверская, Мурманская, Астраханская	Удмуртия, Якутия, Приморский, Хабаровский				
	2 - 5	Ленинградская Ульяновская	Калмыкия, Северная Осетия, Татарстан, Курганская	Тульская, Иркутская			
	5 - 10	Калининградская	Московская	Ростовская, Кабардино-Балкария	Коми, Башкирия, Пермский, Самарская, Томская		
	10 - 20		Москва, Санкт-Петербург		Ставропольский	Тюменская	
	20 - 40				Саратовская	Краснодарский Волгоградская, Свердловская	Оренбургская, Челябинская, Красноярский край, Кемеровская, Новосибирская
	более 90						Алтайский край, Омская

Составлено автором по данным Росстата.

Второй тип – регионы исторического проживания немцев в первой половине XX века – Поволжье и Южные регионы России, где по данным переписи населения 1989 г. проживало более 10 тыс. немцев и отток в Германию с 1993 г. также составил около 10 тыс. и более. Это – Волгоградская, Саратовская, Свердловская области, Краснодарский, Ставропольский края.

Третий тип составляют регионы, расположенные за пределами территорий массового проживания немцев в 1989 г. в разных частях РФ, откуда выезд в Германию составил от 5 до 10 тыс. человек. Это Ростовская область, Пермский край, Башкирия, Коми, Кабардино-Балкария.

К **четвертому типу** относятся регионы Европейской части России, где в 1989 г. проживало менее 2 тыс. немцев, эмиграция в Германию из этих регионов также не превысила 2 тыс. человек. Это – Белгородская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тверская, Мурманская, Астраханская области.

Отдельное место среди всех регионов занимает **Калининградская область**, откуда выезд в Германию в 1993-2012 гг. в несколько раз превысил число проживавших в 1989 г. немцев. Вероятнее всего это вызвано, двумя причинами. С одной стороны, транзитным положением области на западной границе страны и высоким эмиграционным потенциалом населения региона, когда этнический фактор не был единственным фактором эмиграции населения. С другой – «промывным» миграционным режимом региона, видимо, часть немцев из других регионов РФ выбирали область в качестве временного места жительства по пути в Германию.

Особое положение, но по другим причинам занимают Москва и Санкт-Петербург, города, откуда в Германию выезжают не только и не столько немцы, сколько высококвалифицированные мигранты и контингентные беженцы, что также приводит к тому, что объемы эмиграции из столичных городов превышают численность немцев, зафиксированную в 1989 г.

Эмиграционный потенциал регионов России в постсоветский период зависит от следующих факторов: этническая структура населения региона, доля населения, проживающего в крупных городах, доля лиц с высшим образованием, разница в уровне жизни населения в России и странах эмиграции. Это в свою очередь зависит от структурных характеристик территориальных общностей населения и определяет географию эмиграции в ФРГ.

4.2.5. Характеристика социально-территориальных групп эмигрантов из России и бывшего СССР в Германии

За более чем двадцать лет после начала эмиграционной волны из России и других стран СНГ, русскоязычные мигранты образовали в Германии многочисленную группу, составляющую несколько миллионов человек. За двадцать лет в ФРГ сформирована широкая сеть русскоязычных структур. Эта группа не гомогенна и сформирована различными социально-культурными и региональными группами выходцев из бывшего СССР. Общее советское прошлое, а также владение русским языком является для многих эмигрантов в Германии консолидирующим признаком. Несмотря на все внутренние различия, эта группа обладает чертами, отличающими ее от других групп мигрантов в Германии. Точно численность русскоязычных мигрантов из постсоветских стран оценить невозможно, но для понимания места поздних переселенцев в русскоязычном сообществе ФРГ, необходимо дать общую характеристику этих групп.

Российские немцы и члены их семей из России, Казахстана и других стран – бывших республик СССР образуют в настоящее время в Германии значительную группу численностью более 2 млн человек. Именно по этой группе чаще всего судят о русскоязычной миграции в Германии. Эта группа наиболее консолидирована, так как эмиграция российских немцев носила в значительной степени семейный характер, мигранты переезжали расширенными семьями. Из-за компактного проживания немцев в России и в Казахстане в этой среде тесно развиты земляческие и дружеские контакты, соседи, проживавшие на одной улице в России или Казахстане, оказываются в одном городе в Германии. Часто весь класс переезжал в Германию, бывшие одноклассники поддерживают активные контакты между собой и после эмиграции. Благодаря численности этой группы в Германии образовалось значительное количество русскоязычных структур (газеты, туристические агентства, магазины, медицинские центры, юридические консультации, парикмахерские и т.д.).

Вторую по численности группу русскоязычных мигрантов в Германии составляют *еврейские переселенцы*. После 1991 г. в Германию переехало более 200 тыс. еврейских переселенцев из бывшего СССР. Преимущественно это жители столичных городов или других крупных городских центров стран СНГ и Балтии. Эта

группа хорошо интегрирована в экономическую и социальную жизнь Германии. Большая часть этих эмигрантов имеет высшее образование, полученное до эмиграции, либо после эмиграции уже в Германии. Многие работают на позициях, требующих высокого уровня квалификации.

С середины 2000-х гг. количество российских немцев и членов их семей, а также еврейских переселенцев, эмигрирующих в Германию, снижается. Структура миграционного потока и мотивы миграции трансформируются. Эмиграция в ФРГ, особенно из России, в 2000-е гг. начинает носить ярко выраженные черты учебной, трудовой и семейной миграции.

Среди современной миграции значительную группу составляют мигранты, приехавшие в Германию *по семейным причинам*. Россияне занимают третье место после Турции и Индии среди въезжающих в ФРГ по семейным причинам. В 2000-х годах только из России ежегодно в Германию по семейным причинам приезжали от 3,5 до 4,6 тыс. человек (рис. 4.12).

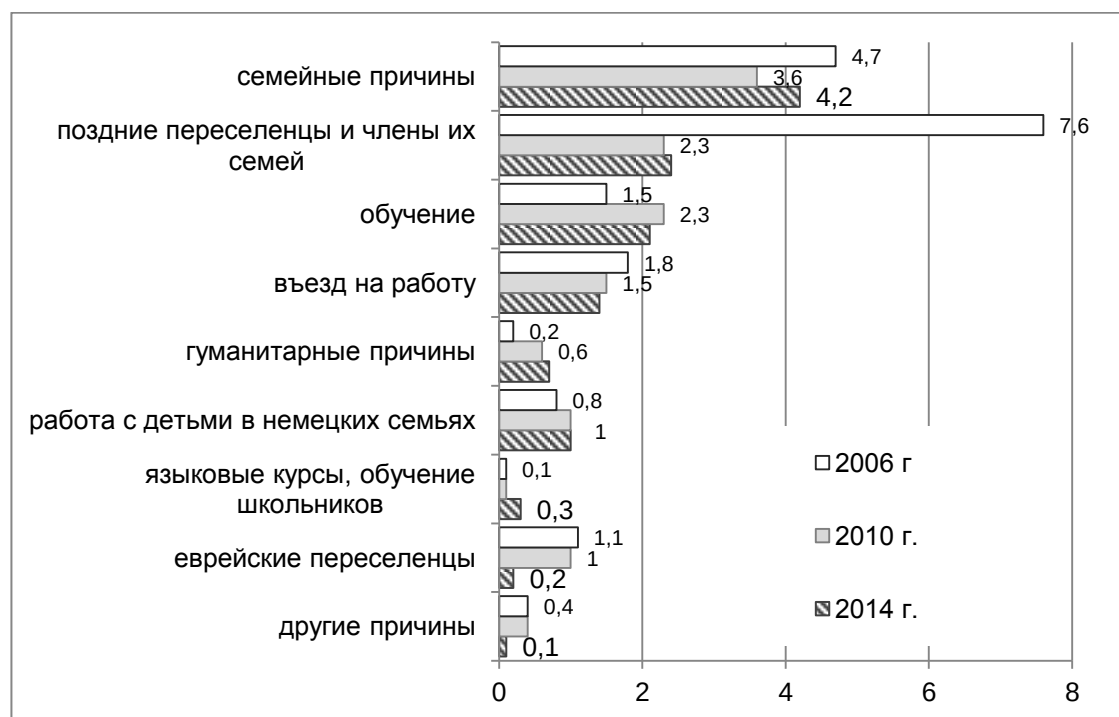

Рис. 4.12. Причины миграции из России в Германию в 2000-е гг., указанные при получении визы, по данным статистики ФРГ, тыс. чел. Источник: [420].

Семейных мигрантов из бывшего СССР в Германии насчитывается несколько десятков тысяч человек. Это преимущественно женская и детская миграция. В 2014 г. из 3,5 тыс. человек, получивших визу в России с целью въезда в Германию по семейным причинам, 43,7% были женщины, выезжающие к мужьям-немцам или

закрывающие брак с гражданами Германии, 17% – женщины, выезжающие к мужьям-иностранцам или для заключения брака в Германии (но не с гражданами Германии), 25,6% – дети до 18 лет, 7,8% – мужчины, выезжающие к женам или для заключения брака в Германии.

По мнению Т.Н. Войлоковой, эта группа мигрантов, особенно если это мигранты с высшим образованием, интегрируются в максимальной степени безболезненно. Представители этой группы, особенно если браки заключаются с гражданами Германии, активно вовлечены в жизнь принимающего сообщества [46].

В несколько десятков тысяч можно оценивать численность мигрантов, приехавших в Германию из России на работу. В 2000-е гг. это чаще всего высококвалифицированные специалисты, работающие в различных сферах экономики. Ежегодно в Германию из РФ по трудовым причинам въезжает от 1,5 до 1,8 тыс. специалистов, которые могут оставаться в Германии достаточно продолжительное время. Обычно у представителей данной группы не возникает экономических трудностей с интеграцией в принимающее общество, поскольку в большинстве случаев они приезжают в страну на определенное место работы. Часть специалистов владеет только английским языком, из-за этого могут возникать сложности с языковой и культурной интеграцией. В целом для Германии это «желательные» мигранты, высокомотивированные и ориентированные на интеграцию в немецкое общество.

Германия является страной активной студенческой иммиграции, и русскоязычные студенты, особенно в университетских городах, составляют значительное количество. В 2000-е гг. общая численность ежегодно въезжающих в Германию с целью обучения в университетах выросла с 125,7 тыс. человек в 2000 году до 235,8 тыс. человек в 2014 г. Из них в осенний и зимний семестр начали обучение 92,9 тыс. человек. Максимальная доля студентов приехала из Китая (10,5%), Индии (5,2%), США (4,7%), Бразилии (3,1%), России (3,8%), а также из европейских стран: Франции (4,9%), Австрии (3,6%), Италии (4,6%), Испании (4%).

Особенностью российской студенческой эмиграции, также как и эмиграции из Украины и Болгарии, является специализация на социальных и экономических науках. В отличие от студентов из Китая и Индии, которые выбирают математику, естественные науки и инженерную специализацию, 35,5% студентов из России в 2014-2015 гг. в зимнем семестре выбрали изучение правоведения, экономических и

социальных наук; 21,8% изучали языки и культурологию; 6,3% – искусствоведение. Математику и естественные науки выбрали 17% студентов из России, 14,1% – инженерные науки.

С 2005 г. ежегодно из России в Германию въезжало около 2 тыс. мигрантов с целью обучения. Часть из них после получения образования возвращается в Россию. Значительная часть, как показывают полевые исследования, использует обучение как облегченный вариант эмиграции, как с точки зрения получения разрешения на въезд в Германию, так и с точки зрения начала языковой и экономической интеграции. С дипломом немецкого университета легче найти работу, а годы обучения позволяют совершенствовать знание немецкого языка. Среди студенческой эмиграции значительную долю занимают женщины – жительницы крупных ВУЗовских центров России.

4.3. Влияние миграционных процессов на трансформацию географии и структуры немецкого населения в регионах России

Геополитические, экономические и социальные изменения 1990-х гг. привели не только к массовой эмиграции немцев из бывшего СССР в Германию, но и к существенной трансформации системы расселения немецкого населения в постсоветских странах. В результате миграционных процессов произошла очередная трансформация географии проживания немцев на постсоветском пространстве. Существенно снизилась его численность, трансформировалась география расселения в регионах России.

В данном параграфе показано изменение численности немцев в странах ближнего зарубежья в период массового миграционного оттока в Германию. На примере России сделана оценка вклада миграционных, естественных процессов, а также процессов этнической идентичности в воспроизводство немецкого населения после 1991 г. Рассмотрена трансформация географии немцев России, проведен анализ структуры немецкого населения в регионах их массового проживания по месту рождения и продолжительности непрерывного проживания в регионах опроса, по данным переписи населения 2010 г.

География расселения немцев России трансформируется под действием процессов естественного движения населения, миграционных процессов, а также под влиянием изменения этнической идентичности немцев. Из-за отсутствия данных о рождаемости и смертности среди отдельных этнических групп России за длительный период, а также отсутствия данных об этнической принадлежности эмигрантов для выявления роли того или иного компонента в трансформации динамики численности населения немцев в регионах России были использованы данные о показателях рождаемости и смертности в регионах компактного проживания немцев в России, результаты переписи населения 2010 г., а также данные глубинных интервью и массовых опросов этнических немцев.

4.3.1. Изменение численности немцев в странах ближнего зарубежья в постсоветский период

О динамике численности немцев на постсоветском пространстве можно судить по данным переписей населения в странах СНГ. Сложность, возникающая при страновом сопоставлении данных, связана с тем, что после распада СССР переписи населения в странах СНГ и Балтии проводятся в разные годы, поэтому данные говорят о примерном изменении численности немцев на постсоветском пространстве. В настоящее время в ближнем зарубежье проживает около 600 тыс. немцев, что составляет около 30% от уровня 1989 г.

Таблица 4.5.

Расселение немцев на постсоветском пространстве

Страна	Численность немцев, тыс. человек	Год представления данных	Снижение численности немцев по сравнению с 1989 г., 1989 г. = 100 %
Россия	394,1	2010	46,8
Молдавия	нет данных	-	-
Украина	33,3	2001	88,1
Казахстан	178	2009	18,6
Узбекистан	7,9	2000	19,8
Киргизия	9,5	2009	9,4
Таджикистан	1,1	2000	3,4
Туркмения	нет данных	-	-
Белоруссия	2,5	2009	31,4
итог	626,4		30,8

Составлено по данным статистических ведомств стран СНГ.

Максимальное снижение численности немцев произошло в Казахстане. Немецкое население Казахстана за счёт миграции в Германию и Россию сократилось практически в 5 раз, и доля Казахстана в общей численности немцев на постсоветском пространстве снизилась с более чем половины примерно до одной пятой, составив в 2009 г. около 20% от 1989 г. (табл. 4.5, рис. 4.13).

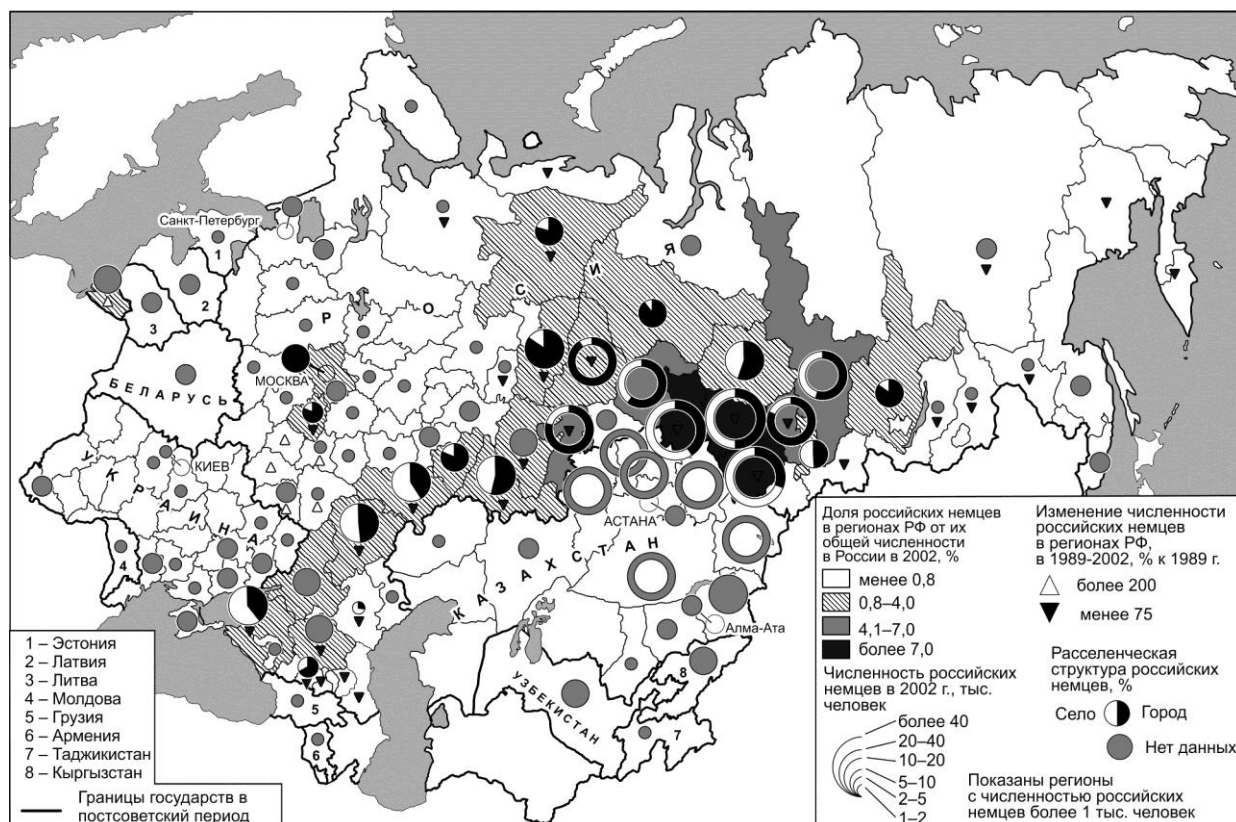

Рис. 4.13. Трансформация расселения немцев в 1989–2002 гг. Составлено по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., переписи населения России 2002 г.

На 1 января 2009 г. по данным статистики Казахстана в стране проживало 221 тыс. немцев, по уточненным данным переписи населения Казахстана 2009 г. в стране проживало 178 тыс. немцев. Основными регионами расселения стали Акмолинская (30,2 тыс. чел.), Карагандинская (39,5 тыс.), Кустанайская (33,4 тыс.), Павлодарская (24 тыс.), Северо-Казахстанская (24 тыс.) и Восточно-Казахстанская (20 тыс.) области [160, 186]. Из Казахстана, кроме Германии, немцы активно выезжали в Россию, что показывает анализ данных переписи населения о местах рождения немцев в регионах России.

Массовый выезд немцев из стран Центральной Азии снизил численность немцев в этом макрорегионе до 19 тыс., вероятнее всего эти данные в настоящее время еще ниже, так как официальные данные об этническом составе населения

Узбекистана представлены за 2000 г. К 2010 г. более половины немцев постсоветского пространства оказались сконцентрированы в России.

Для постсоветских стран основной причиной снижения численности немцев стал миграционный фактор, что подтверждается статистическими данными Германии о количестве въехавших в ФРГ поздних переселенцев, среди которых в период массового въезда преобладали этнические немцы.

Естественное воспроизводство немцев в странах ближнего зарубежья приближалось к уровню воспроизводства русского населения, в регионах компактного проживания немцев оно было несколько выше, чем у русского населения и естественная убыль не могла стать причиной снижения численности немецкого населения в странах СНГ и Балтии.

4.3.2. Динамика численности немцев в России в 1989-2010 гг.

Более сложная картина вкладов различных причин в динамику численности населения немцев в России. Кроме эмиграционного оттока в Германию, наблюдался существенный миграционный приток немцев в Россию из Казахстана. Масштабы этого притока можно оценить только косвенно, так миграционная статистика не предоставляет данные, касающиеся этнической структуры мигрантов.

Часть немецкого населения постсоветских стран возвращается на свою «первую» историческую Родину в Германию, часть на «вторую» историческую Родину – в Россию. Не исключено, что Россия многими переселенцами рассматривается как транзит и промежуточное место жительства по пути в Германию.

Помимо этого нужно учитывать данные естественного прироста немцев, особенно в регионах их массового проживания в Западной Сибири. В этих же регионах Т.Б. Смирновой [209] в ходе массовых опросов и полевых исследований в Омской области в 2000-е гг. зафиксирована массовая смена этнической идентичности немцев в смешанных семьях.

По данным переписи населения, проведённой в России в 2010 г., в стране проживали 394,1 тыс. немцев или 46,8% от численности немцев РФ в 1989 г.

Внутрироссийская география расселения немцев сохранила свои основные ареалы, но абсолютная численность немцев снизилась. В Омской области их численность в 2002 г. составила 76,3 тыс. чел., в Новосибирской – 47,3 тыс., в Алтай-

ском крае – 79,5 тыс. Уменьшилось число немцев и на Урале: в Оренбургской области – до 18 тыс., в Пермской – до 10 тыс., в Свердловской – до 22,5 тыс. человек. В Саратовской области проживает 12 тыс. немцев, в Самарской – 9,6 тыс.

Перепись населения России 2010 г. зафиксировала продолжение предыдущих тенденций – сокращение численности российских немцев в регионах их массового проживания, происходит снижение концентрации немцев в регионах Западной Сибири и «размывание» основной территории их проживания в России (табл. 4.6, рис. 4.14).

Таблица 4.6.

Регионы РФ – лидеры по численности немцев в 1989-2010 гг.

Регион	Численность немцев по регионам РФ, по данным переписей населения, тыс. чел.			2010/1989, в %	% от всех немцев РФ		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.		1989 г.	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация	842,3	597,2	394,1	46,8	100	100	100
Алтайский край	127,7	79,5	50,7	39,7	15,2	13,3	12,9
Омская область	134,2	76,3	50,1	37,3	15,9	12,8	12,7
Новосибирская область	61,5	47,3	30,9	50,2	7,3	7,9	7,8
Кемеровская область	48	35	23,1	48,1	5,7	6,0	5,9
Красноярский край	54,3	36,9	22,4	41,3	6,4	6,2	5,7
Тюменская область	29,6	27,2	20,7	69,9	3,5	4,6	5,3
Челябинская область	39,2	28,5	18,7	47,7	4,7	4,8	4,7
Свердловская область	31,5	22,5	14,9	47,3	3,7	3,8	3,8
Краснодарский край	31,8	18,5	12,2	38,4	3,8	3,1	3,1
Оренбургская область	47,6	18,1	12,2	25,6	5,6	3,0	3,1
Волгоградская область	28	17	10,1	36,1	3,3	2,9	2,6
Томская	15,5	13,4	8,7	56,1	1,8	2,3	2,2
Саратовская область	17,1	12,1	7,6	44,4	2,0	2,0	1,9
Самарская область	10,6	9,6	6,8	64,2	1,3	1,6	1,7
Пермский край	15,3	10,1	6,3	41,2	1,8	1,7	1,6

Составлено по данным переписей населения СССР (1989 г.) и России (2002, 2010 гг.)

Меньше всего в регионах-лидерах численность немцев снизилась в благополучной Тюменской области (69,9% от 1989 г.), в максимальной степени снижение произошло в Оренбургской области (25% от 1989%).

Немцы России становятся все более городскими жителями по сравнению с 1989 и 2002 гг. Среди регионов, где численность немцев превышает 10 тыс. жителей, доля сельских немцев более 50% в богатом Краснодарском крае с благополуч-

ной сельской местностью (58,6% немцев проживает в сельской местности), в Саратовской области (55,5%) и Алтайском крае (70%), где основной территорией расселения немцев остаются сельские степные районы юго-западной части края, Омской области (56,6%).

Максимальная доля горожан среди немцев, в регионах, где их проживает более 10 тыс. человек: в Свердловской (86,1% немцев проживает в городах), Челябинской (78,5%), Кемеровской областях (78,5%).

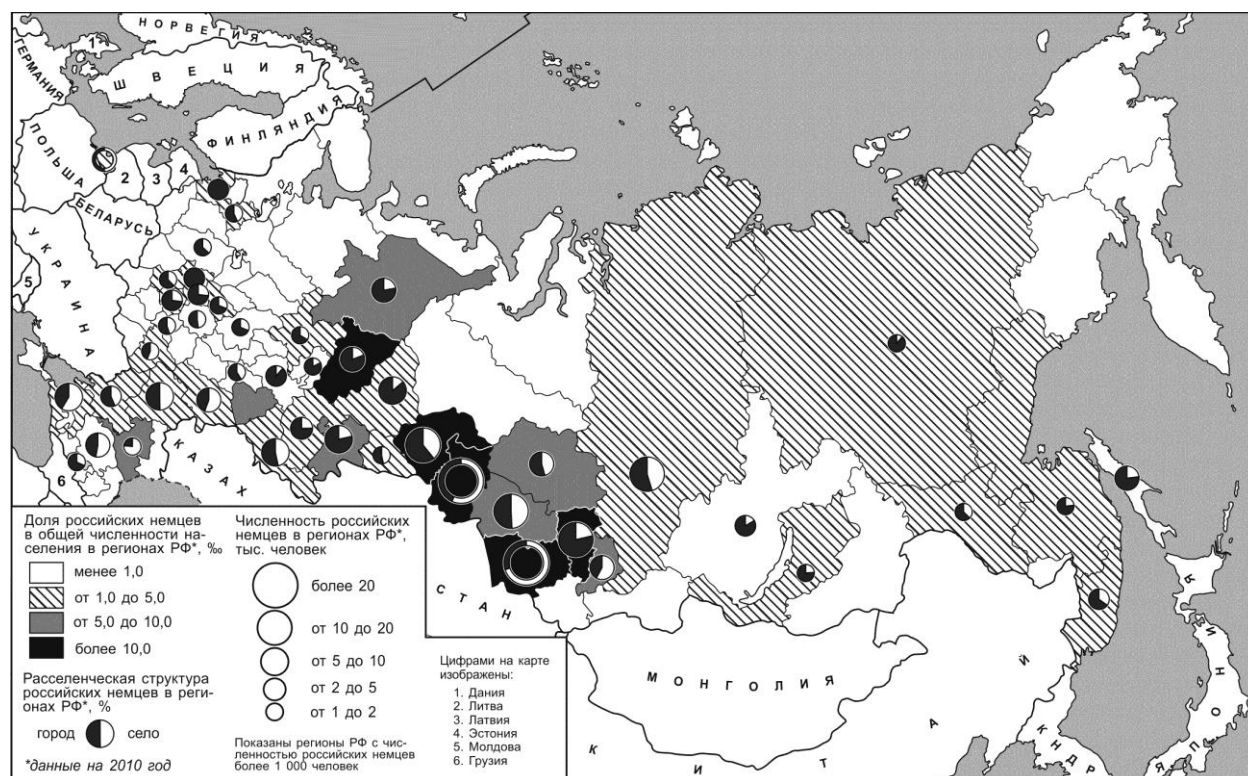

Рис. 4.14. География немцев России в 2010 г. Составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

4.3.3. Замещение немецкого населения в регионах России

На уровне регионов России происходит процесс частичного замещения немецкого населения, эмигрировавшего в Германию, немцами из других регионов РФ и из других стран. Данные Всероссийской переписи населения 2010 г. позволяют проследить структуру немцев России по местам рождения на основе вопроса о месте рождения. Высокая доля родившихся в регионе проживания от всех немцев региона характерна для регионов их массового проживания в Западной Сибири, регионов Урала, также для менее привлекательных в миграционном отношении регионов Севера (рис. 4.15 - 4.17).

Высокая доля «коренных» немцев в регионах Сибири объясняется не тем, что эти регионы менее привлекательны для немцев из Казахстана (сюда были направлены максимальные потоки), а тем, что из-за высокой численности немецкого населения в целом немцы «неуроженцы» не составляют существенную долю. В менее привлекательных в миграционном отношении Коми и Калмыкии высокая доля «коренных» немцев объясняется отсутствием существенного притока немцев из других регионов и стран.

Часть немцев, родившихся в Казахстане, въехали в Россию до распада СССР, но основной поток пришелся на период после 1991 г. Процесс замещения немецкого населения РФ этническими немцами Казахстана, происходит с разной степенью интенсивности в разных регионах России (рис. 4.14 - 4.17).

Немцы Казахстана выбирают регионы массового проживания немцев в Западной Сибири, но они там не составляют существенной доли, или регионы, привлекательные в экономическом отношении (Тюменская область, Краснодарский край), но также с повышенной численностью немецкого населения.

Помимо экономического фактора, немаловажную роль играют семейные связи немцев, которые приезжают в Россию к родственникам и знакомым. Часть немцев Казахстана переезжает в Калининградскую область и другие регионы Европейской России с целью дальнейшей эмиграции в Германию.

Для немцев Казахстана, переезжающих в Россию, можно выделить три миграционные стратегии.

Первая – переезд в сельскую местность регионов массового проживания немцев в России и сохранение относительно традиционного образа жизни, ориентированного на занятость в аграрном секторе. Эта часть немецкого населения в максимальной степени сохраняет немецкую идентичность.

Вторая – переезд в развитые регионы и крупные городские центры с ориентацией на индустриальную и постиндустриальную занятость. Среди этой миграционной когорты наиболее активно развиваются ассимиляционные процессы.

Третья – «транзитная» с последующей ориентацией на эмиграцию в Германию, большая часть немцев ориентированных на такое миграционное поведение выбирают западные регионы РФ, в том числе Калининградскую область, в качестве нового места жительства.

Подобные миграционные стратегии отражаются и на структуре немецкого населения регионов России по продолжительности проживания в регионе (рис. 4.18).

Рис. 4.15. Доля «коренных» немцев в регионах РФ. Составлено автором.

Рис. 4.16. Доля немцев родившихся в России за пределами региона проживания от всех немцев региона. Составлено автором.

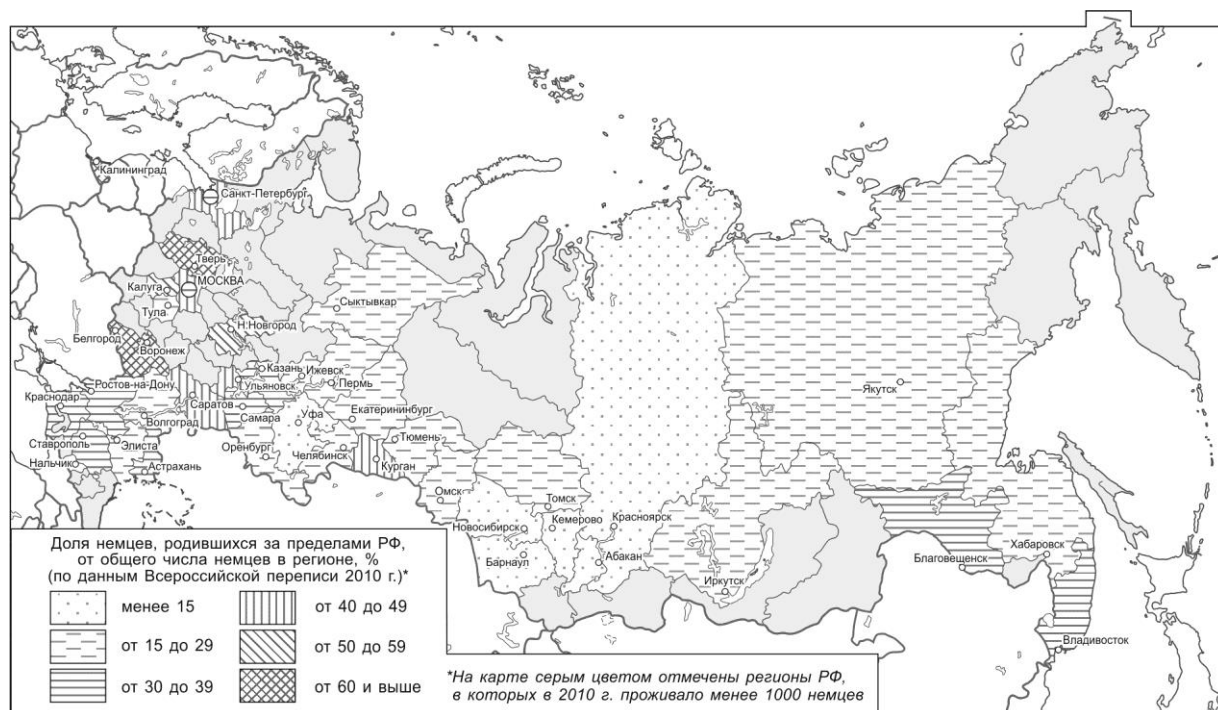

Рис. 4.17. Доля немцев родившихся за пределами России от общего числа немцев в регионах РФ. Составлено автором.

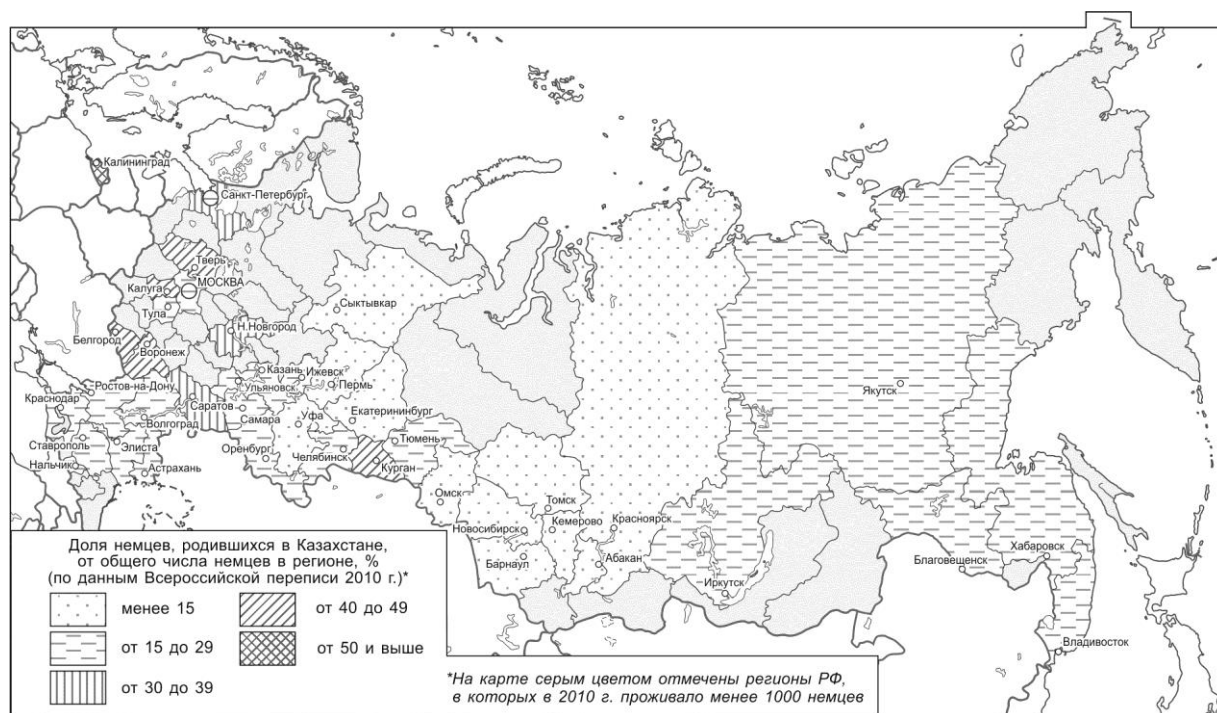

Рис. 4.18. Доля немцев Казахстана от всех немцев регионов России.

Составлено автором.

По структуре мест рождения немцев, регионы России делятся на несколько групп. Регионы Сибири, где в структуре мест рождения немцев отражается история их расселения в XX в. и новейшие изменения. В регионах Западной Сибири среди немцев, родившихся за пределами региона, выделяются уроженцы регионов исторического проживания немцев (современные территории Волгоградской и Саратовской областей), а также уроженцы Казахстана и Украины (рис. 4.19, 4.20).

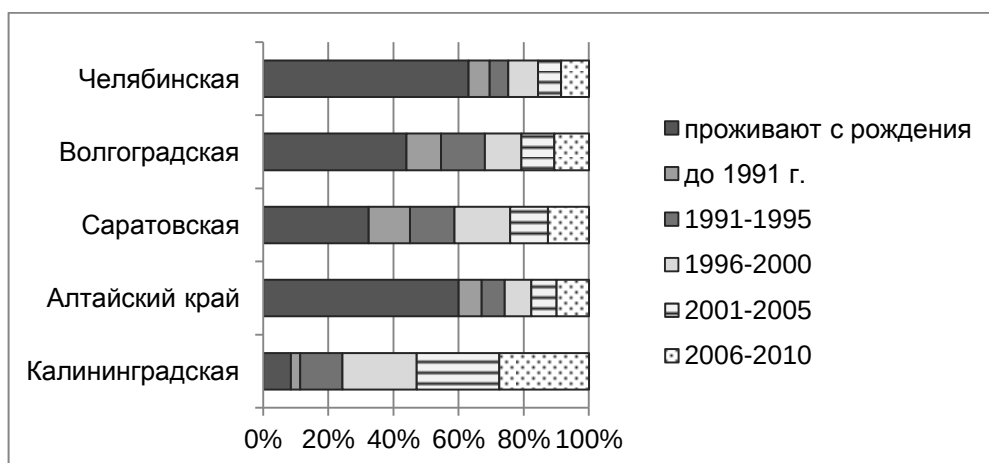

Рис. 4.19. Структура немцев по году начала непрерывного проживания в регионе, по данным переписи населения 2010 г., в %²⁶. Составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

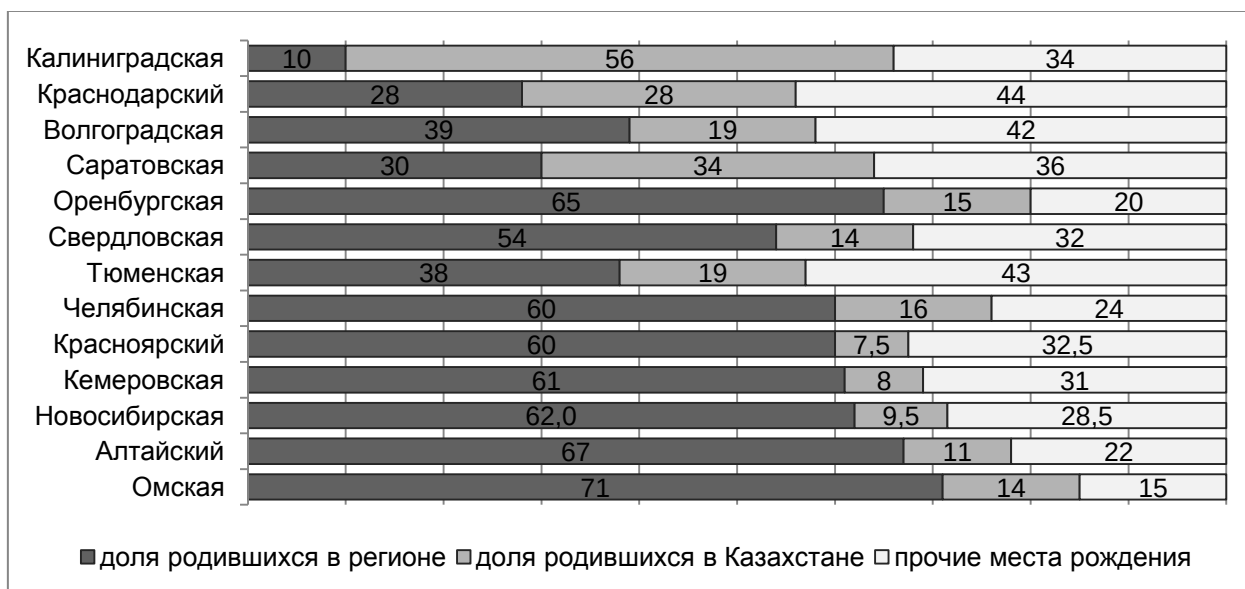

Рис. 4.20. Места рождения немцев РФ в регионах их массового проживания, % от немцев каждого региона. Составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

²⁶ В ходе анализа данного вопроса период въезда в регион был ограничен 1985 г., так как акцент делался на въезде в регион в поздний советский и в постсоветский период

Сходная картина наблюдается в Красноярском крае, с явным преобладанием немцев, родившихся в Саратовской области – это представители старшего поколения, которые родились до 1941 г. и были депортированы в регионы Сибири.

Это же подтверждает и то, что большая часть уроженцев Саратовской области проживает в сельской местности Красноярского края (рис. 4.21). На втором месте по доле родившихся за пределами региона оказались немцы Казахстана, которые, наоборот, в качестве нового места жительства чаще выбирают города Красноярского края.

Существенная доля представителей немцев Казахстана выбирает города в Кемеровской и Новосибирской областях, тогда как в Алтайском крае и Омской области немцы из Казахстана в большинстве случаев селятся в сельской местности (рис. 4.22). Это подтверждает существование нескольких миграционных стратегий казахстанских немцев, в зависимости от их возраста, образования, профессии, предыдущего места жительства.

Регионы Урала, где менее выражена доля Волгоградской и Саратовской областей среди регионов рождения, и не очень высокая доля уроженцев Казахстана (рис. 4.22, 4.23).

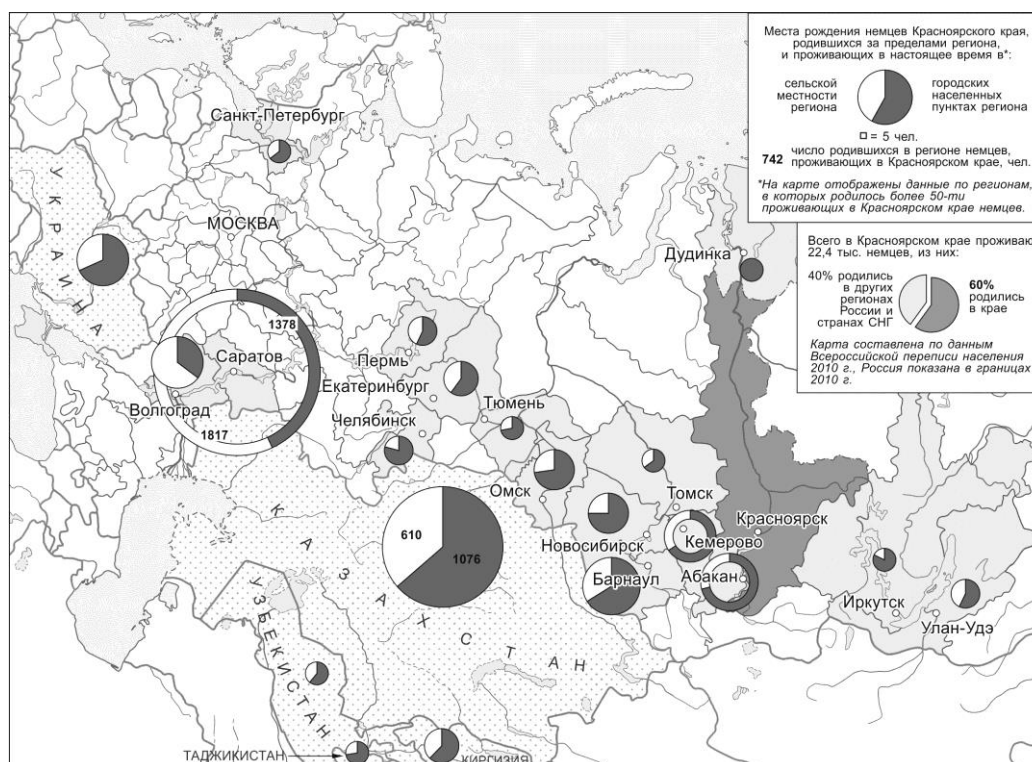

Рис. 4.21. Места рождения немцев Красноярского края родившихся за пределами региона, 2010 г. Составлено автором.

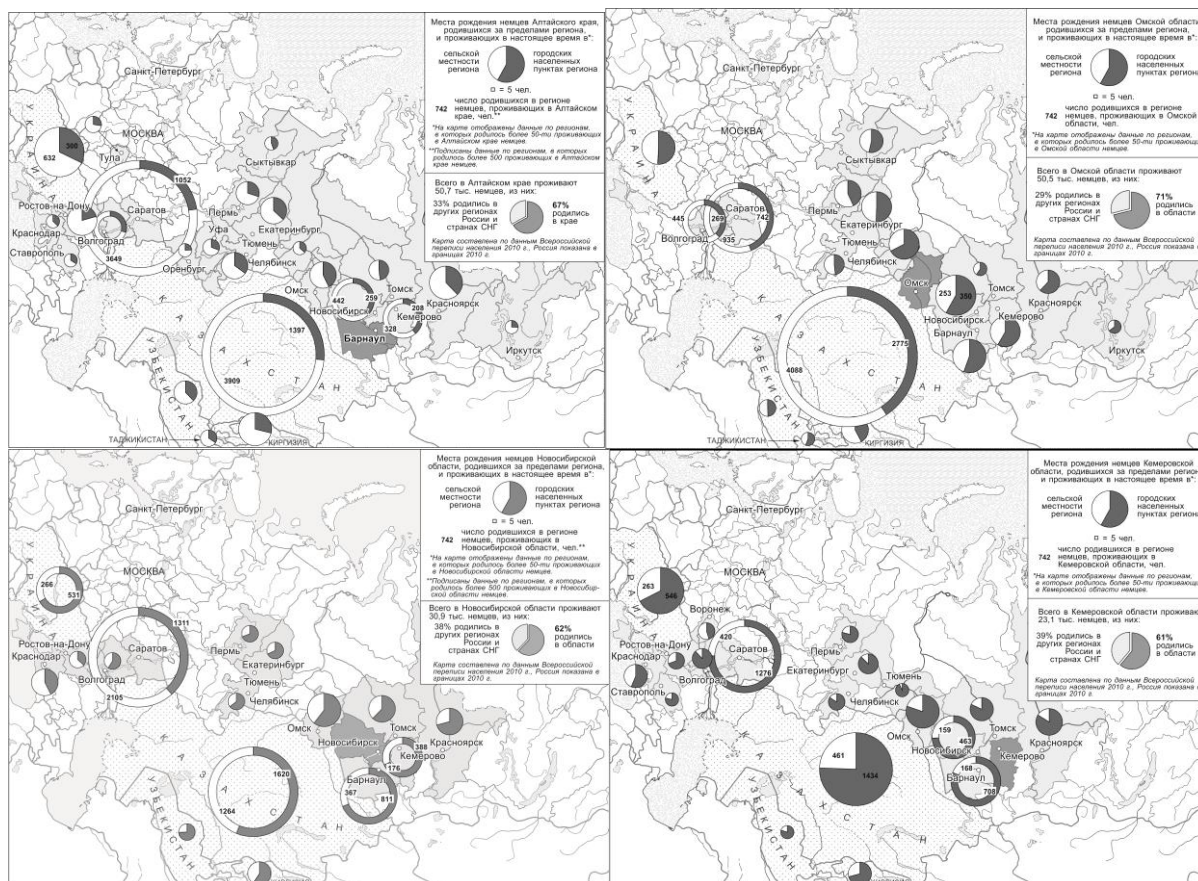

Рис. 4.22. Места рождения немцев Западной Сибири родившихся за пределами регионов проживания, 2010 г. Составлено автором.

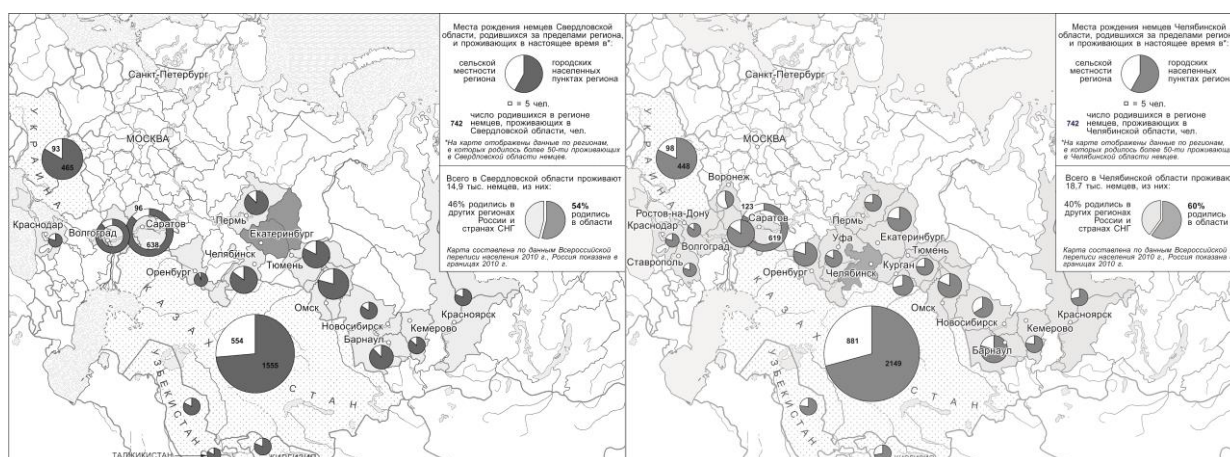

Рис. 4.23. Места рождения немцев Свердловской и Челябинской областей, родившихся за пределами регионов проживания, 2010 г. Составлено автором.

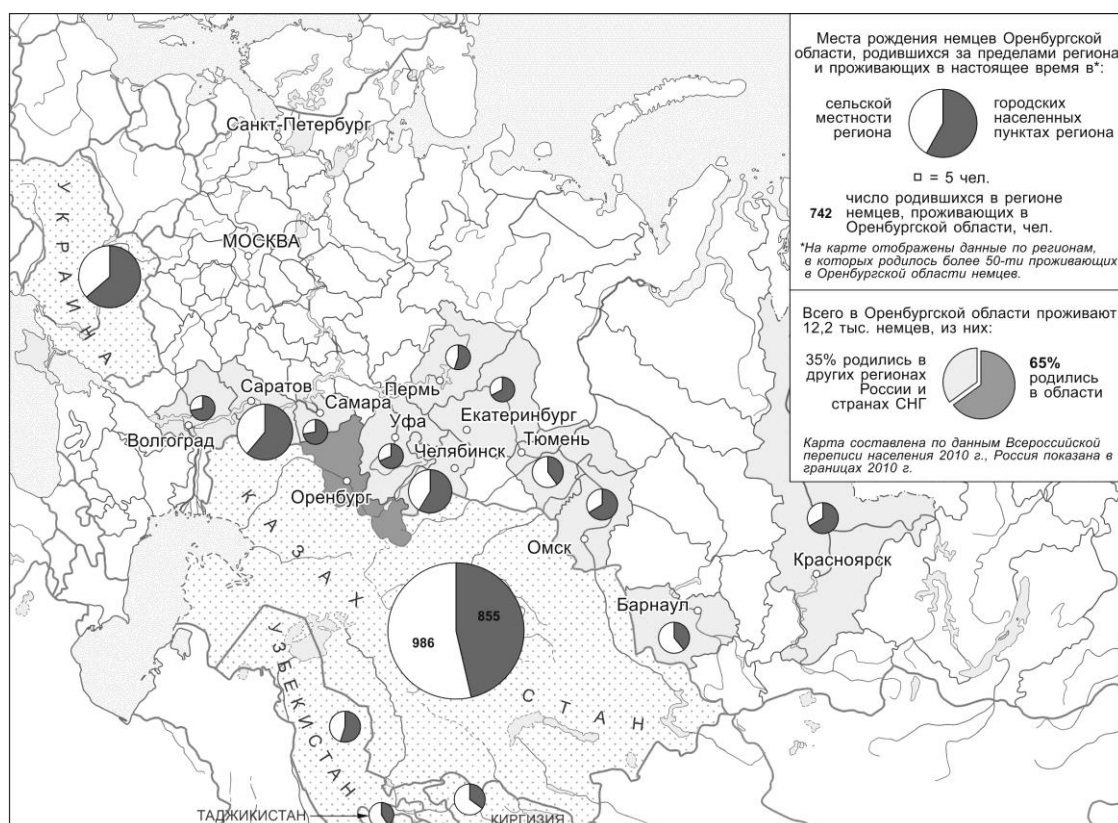

Рис. 4.24. Места рождения немцев Оренбургской области, родившихся за пределами региона, 2010 г. Составлено автором.

Отличительной чертой расселения немцев в регионах Урала, что видно на примере Свердловской и Челябинской областей, является повышенная доля городского населения, что соответствует общим структурным характеристикам населения региона, а также истории заселения этих регионов немцами. Практически для всех регионов выхода немцев Свердловской и Челябинской областей проявляется высокая доля городского населения, что помимо всего прочего является отражением процессов урбанизации в среде немецкого населения РФ.

Иная ситуация в Оренбургской области, где среди прибывших из других регионов и стран немцев доля проживающих в сельской местности региона выше.

Существенную часть от всех немцев региона этнические немцы из Казахстана составляют в субъектах Европейской части России, где она может достигать более половины населения, как это происходит в Калининградской области (56%). Область можно выделить в отдельный тип регионов по структуре продолжительности проживания немцев в регионе и по регионам въезда в область. Для Калининградской области характерна «транзитная» миграционная стратегия поведения.

Анализ распределения ответов на вопрос о дате начала непрерывного проживания в регионе²⁷, по данным переписи населения 2010 г., показывает, что более 90% немецкого населения области проживает в регионе не с рождения, а преобладающее большинство въехало в регион после 1991 г. из Казахстана и Киргизии, а также из регионов массового проживания этнических немцев в Западной Сибири (рис. 4.25).

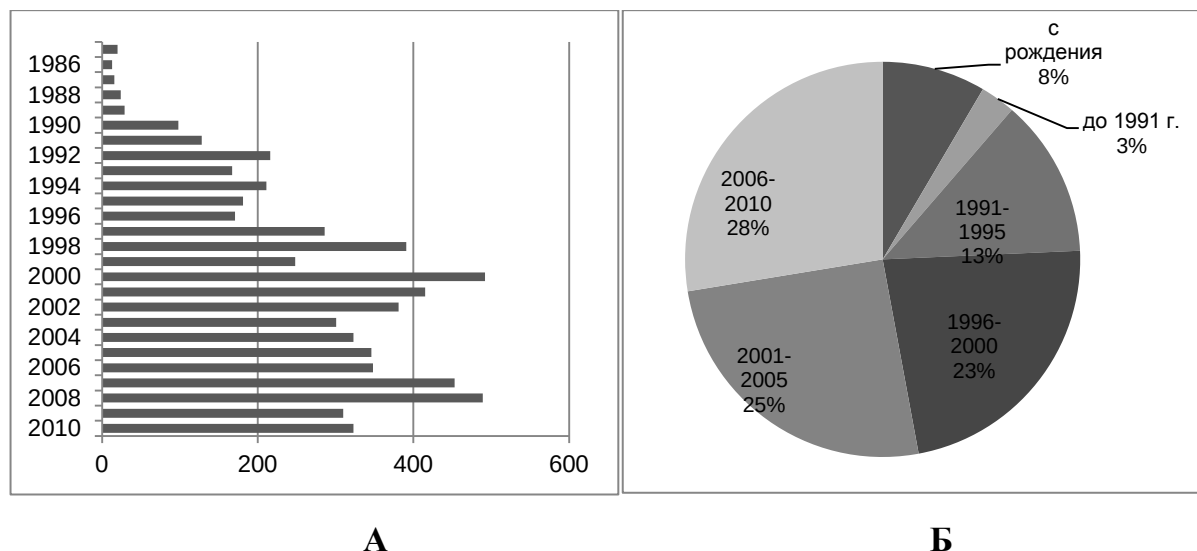

Рис. 4.25. Год начала непрерывного проживания немцев в Калининградской области (А), человек; структура по годам начала непрерывного проживания немцев в Калининградской области (Б), в %. Составлено автором.

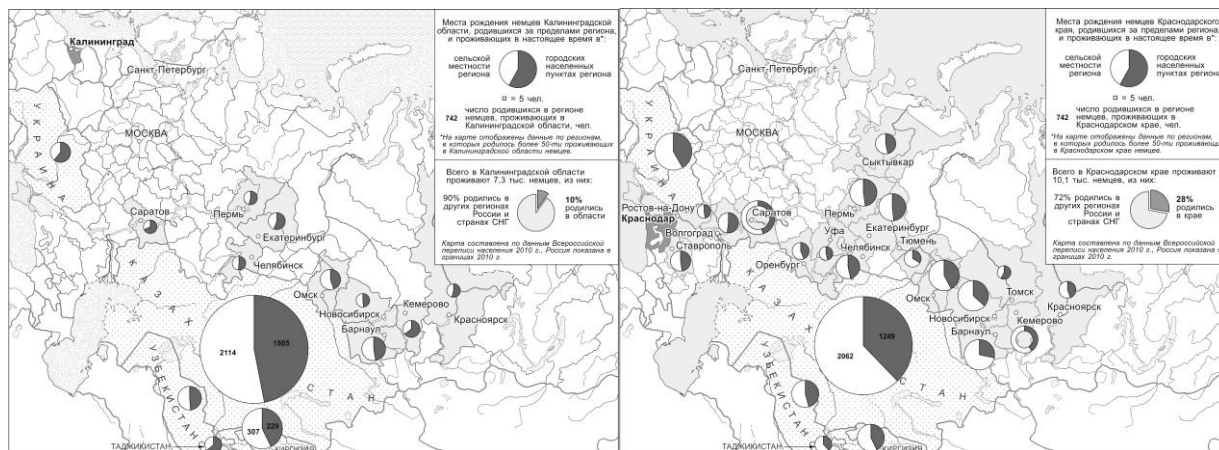

Рис. 4.26. Места рождения немцев Калининградской области и Краснодарского края, родившихся за пределами регионов, 2010 г. Составлено автором.

²⁷ Так вопрос сформулирован в переписи населения 2010 г.

Отличительной чертой всех европейских регионов массового проживания немцев является повышенная доля сельских жителей, в том числе и среди некоренных немцев региона, значительная часть проживает в селах.

В данных регионах повышена доля немцев, рожденных в Казахстане, и меньше доля «коренных немцев». Для Краснодарского края это объясняется общей миграционной привлекательностью региона, что определяет и широкую географию некоренных немцев региона.

Для Волгоградской области, на территории которой до 1941 г. располагалась республика Немцев Поволжья, значительное количество и доля немцев родившихся в Сибири, вызвано их возвращением на землю их родителей. В Саратовской области около трети проживавших немцев родились в регионе и 13% въехали в область до 1991 г. Чуть больше половины немцев региона приехали в область после 1991 г., 34% немцев области родились в Казахстане, но доля сибирских немцев ниже (рис. 4.27, 4.28).

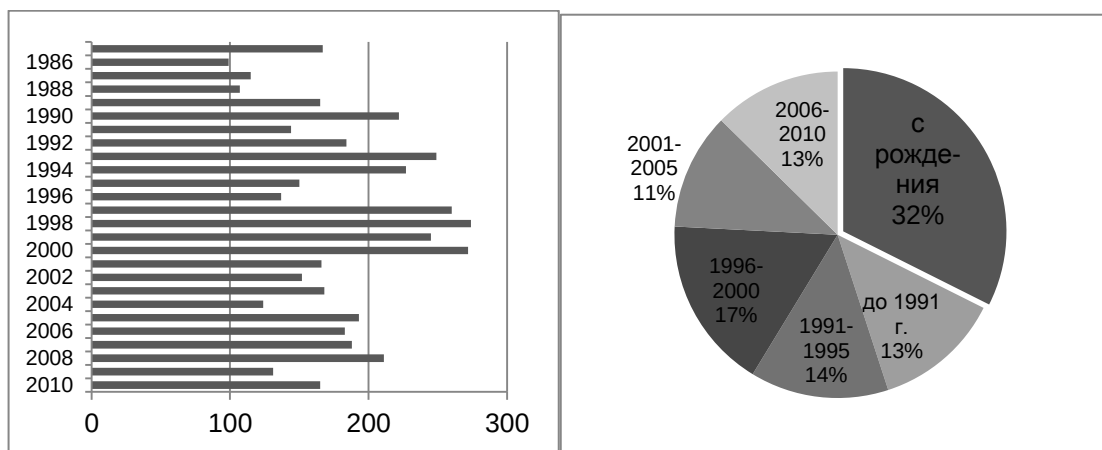

Рис. 4.27. Год начала непрерывного проживания (А), человек; структура по годам начала непрерывного проживания (Б) немцев Саратовской области, в %.

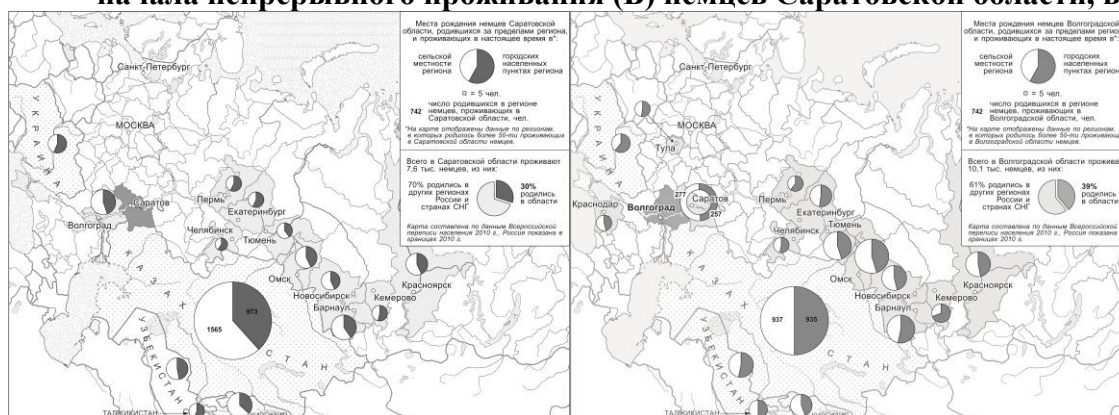

Рис. 4.28. Места рождения немцев Саратовской и Волгоградской областей, родившихся за пределами регионов, 2010 г. Составлено автором.

4.3.4. Ротация немецкого населения на примере Немецкого национального района в Алтайском крае

На локальном уровне, в местах компактного проживания немцев наблюдается практически полное замещение немецкого населения, эмигрировавшего в Германию и выехавшего в другие регионы, немцами и членами их семей из Казахстана.

Покажем это на примере Немецкого национального района (ННР) в Алтайском крае, который образован в июле 1991 г. Район воссоздан практически в прежних границах существовавшего ранее национального района, который был образован в 1927 г. и в 1938 г. упразднен. В 1991 г. в район вошли населенные пункты Хабаровского и Славгородского районов. Население Немецкого национального района на момент его возникновения составила 20,5 тыс. человек, 87,7% населения района составили немцы.

В 1993 г. Немецким обществом по техническому сотрудничеству (ГТЦ) и объединением сельскохозяйственных предприятий "Брюкке" было основано Общество Развития Гальбштадт (ОРГ). Центральный офис общества находится в селе Шумановка Немецкого национального района. Деятельность Общества осуществляется исключительно в гуманитарных целях. Основной его целью является улучшение условий жизни немцев, проживающих в Алтайском крае, а также всех жителей региона. Работа ОРГ финансируется Федеральным министерством внутренних дел Германии и по предварительному плану должна была создать альтернативу массовому выезду в Германию этнических немцев [239, с. 4].

Деятельность общества изначально была сконцентрирована на Немецком национальном районе. В 1995 г. по ходатайству Администрации Алтайского края и по решению российско-немецкой Межправительственной комиссии работа по поддержке распространилась еще на девять районов, где проживают немцы, а также на города Славгород и Яровое. Основные районы проживания немцев в Алтайском крае – Бурлинский, Благовещенский, Ключевский, Табунский, Волчихинский, Михайловский, Славгородский, Кулундинский.

Работа общества охватывает множество направлений: от организации центров встреч российских немцев, главная цель которых изучение немецкого языка и немецкой культуры, до создания перерабатывающих производств и предоставле-

ния жилья немцам, прибывающим на постоянное место жительства в указанные районы.

По данным экспертов, значительное предпочтение среди мигрантов отдается все же Немецкому району, вероятно, именно поэтому район и лидирует по ряду важных для развития территории экономических и демографических показателей – сюда приезжают более активные, более молодые и целеустремленные мигранты.

За 10 лет с начала 1990-х гг. до начала 2000-х гг. в районе произошла практически полная смена населения – местные жители активно уезжают в Германию, и на их место приезжают семьи немцев из государств СНГ. Благодаря статусу территории, на которой работает общество развития «Гальбштадт», район является привлекательным для этнических немцев из Казахстана и государств Средней Азии.

По данным администрации Немецкого национального района с 1991 г. только на постоянное место жительства в Германию из района выехало 12,7 тыс. человек, не меньшее количество мигрантов и прибыло в район.

Таблица 4.7.

Смена населения в с. Шумановка

Немецкого национального района Алтайского края, 1990-2004 гг.

Год	Выбыло в ФРГ, человек	Прибыло, человек			
		смешанные	русские	немцы	всего
1990	29	4	5	19	28
1991	32	29	3	20	52
1992	91	19	15	20	54
1993	140	48	86	29	163
1994	134	70	59	52	181
1995	142	48	110	48	206
1996	124	62	82	43	187
1997	100	29	77	37	143
1998	102	42	78	32	152
1999	103	50	80	18	148
2000	70	26	51	14	91
2001	102	12	54	36	102
2002	85	17	74	11	102
2003	63	8	81	11	100
всего	1338	464	855	390	1709

Составлено по данным похозяйственных книг сельских населенных пунктов, во время полевых исследований в Алтайском крае в 2004 г.

На локальном уровне отчетливо проявляется процесс уменьшения количества и доли этнических немцев в селах Немецкого национального района, поскольку

ку значительное количество семей, которые приезжают сюда – смешанные семьи. Данные похозяйственных книг села Шумановка раскрывают механизм этого процесса (табл. 4.7).

Сходные механизмы замещения немцев представителями других этнических групп происходят и в остальных селах Немецкого национального района.

Анализ развития российско-германской ТМС после 1991 г. позволяет выделить ряд закономерностей в развитии миграционных связей между странами и определить ведущие факторы функционирования данной системы, как на уровне стран, так и на уровне отдельных регионов и административных районов.

Среди наиболее важных закономерностей развития ТМС выделяются следующие:

- циклический характер миграционного процесса; за рассматриваемый период можно выделить этап подъема «эмиграционной волны», стабилизации высокого уровня оттока населения из РФ в Германию и падения эмиграционной волны до уровня начала миграционного цикла, что в итоге приводит к стабилизации сальдо миграции между странами;

- в эмиграционной волне из России в Германию преобладают представители определенной социально-территориальной группы, в данном случае это российские немцы и члены их семей, что и определяет географию регионов оттока эмигрантов. При трансформации структуры эмиграционного потока в 2000-е гг. это отражается на географии регионов эмиграции из России в Германию. Социально-культурная структура эмиграционных когорт напрямую влияет на географию эмиграции;

- массовая эмиграция немцев из России в Германию повлияла на трансформацию этнической структуры населения регионов массового оттока немцев, прежде всего, в регионах Западной Сибири и привела к массовой ротации населения на локальном уровне, что показано на примере Немецкого национального района в Алтайском крае, к изменению географии расселения немцев в России;

- российско-германская ТМС развивается в рамках более масштабной иерархическом плане ТМС, в которую входят бывшие республики СССР и Герма-

ния, обладающие общим миграционным прошлым, оказавшим влияние и на расселение немцев в СССР.

- существование тесной миграционной связи между РФ Казахстаном и Германией привело к различиям эмиграционных стратегий немцев России и Казахстана. Вторые в качестве страны эмиграции, помимо Германии выбирают Россию, что сказывается на структуре немецкого населения по месту рождения в регионах РФ;

- основными факторами, оказывающими влияние на функционирование российско-германской ТМС и на географию регионов, входящих в ядро ТМС, являются: историко-политический, геополитический, административный, экономический и социально-культурный.

ГЛАВА 5. АДАПТАЦИОННЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКО- ГЕРМАНСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Функционирование транснациональной миграционной системы продолжается после сокращения масштабов эмиграционных потоков между странами и стабилизации миграционного обмена. Это проявляется в виде взаимной адаптации мигрантов к новым социально-экономическим условиям, с одной стороны, и принимающего общества к новым «игрокам» в социальной, культурной, экономической и политической жизни страны приема иммигрантов – с другой. Связь между элементами ТМС приобретает иной характер и поддерживается через группы социальных акторов и различных организаций и институтов в следующих направлениях:

- продолжение небольшого эмиграционного потока;
- формирование сетевых структур мигрантов в стране входа, куда вовлечены страны выхода мигрантов, через материальные, транспортные, информационные потоки;
- развитие и поддержание постоянных транснациональных связей, приводящих к формированию транснациональных сообществ и транснациональных социальных пространств;
- развитие процесса реэмиграции или частичной «мягкой» реэмиграции.

Этап адаптации мигрантов, создание ими сетевых структур и формирование транснациональных сообществ является завершающим в развитии ТМС с участием определенных социально-территориальных общностей населения, которые и формируют географию связей внутри системы между странами выхода мигрантов и странами, принимающими их на различных иерархических уровнях.

В зависимости от интенсивности связей и характера ТМС в дальнейшем может наблюдаться ослабление транснациональных связей и прекращение функционирования ТМС с участием именно этих социально-территориальных групп. Это произойдет в случае полной интеграции мигрантов в жизнь принимающего общества и сокращения до минимума масштабов транснациональных связей.

Иной сценарий развития ТМС предполагает стабильное ее существование без интенсивных потоков постоянных миграций между странами, но с сохранением транснациональных связей между мигрантами и странами выхода.

Рассмотрению указанных выше направлений развития ТМС, на примере русскоязычных мигрантов в Германии, посвящены пятая и шестая главы работы. В первом параграфе рассмотрена авторская позиция понятий «адаптация» и «интеграция» эмигрантов, а также систематизированы виды адаптации, рассмотрена взаимосвязь адаптации и транснациональных связей мигрантов.

Во втором параграфе главы для понимания контекста развития данной ТМС, рассмотрена общая миграционная ситуация в Германии, основные группы иммигрантов в Германии, помимо русскоязычных иммигрантов, особенности их расселения. Отдельно рассмотрены расселение поздних переселенцев в Германии и их основные социально экономические характеристики.

Третий параграф содержит анализ адаптационных стратегий мигрантов из России на рынке труда Германии. Выявляются направления трансформации социального статуса различных групп мигрантов, особенности связей со странами выхода и отличия транснациональных связей поздних переселенцев от других групп русскоязычных мигрантов.

Социально-культурные особенности их адаптации рассмотрены с точки зрения трансформации образа Германии у российских немцев и изменения их этнической идентичности, анализируется роль сетевых структур русскоязычных мигрантов, рассматриваются факторы успешной интеграции поздних переселенцев в принимающее общество.

5.1. Адаптация мигрантов как часть миграционного процесса

Процесс миграции начинается задолго до факта переезда мигранта, с формирования причин и мотивов миграции и не завершается сразу после того, как мигрант попадает в новое место жительства.

Адаптация мигранта – важная часть всего хода миграционного процесса, поскольку от хода адаптации зависят масштабы возвратной миграции; социально-экономическая ситуация в обществах принимающих мигрантов, в том числе и второго поколения мигрантов; масштабы и характер связей мигрантов с регионами выхода. Именно поэтому изучение процесса адаптации мигрантов в принимающем

обществе не менее важно, чем изучение масштабов и направлений миграционных потоков.

Миграция в современных условиях рассматривается не как перемещение мигранта из одного населенного пункта в другой, а как расширение пространства деятельности переселенцев; само миграционное пространство обретает новое содержание.

Ниже более детально рассмотрено авторское понятие процесса адаптации мигрантов и его взаимосвязь с понятием «интеграция» мигрантов.

5.1.1. Использование понятий «адаптация» и «интеграция» мигрантов

Процесс международной миграции с точки зрения его участников традиционно разделяют на три базовых стадии [191; 320, р. 468]:

- формирование мотивов миграции и принятие решения о миграции;
- подготовка к переезду и переезд в новую страну;
- процесс адаптации мигрантов в новой стране.

На взгляд автора, в современных условиях ходе миграционного процесса необходимо выделять его четвертую стадию, которая зависит от успешности протекания адаптации и может привести к возвратной миграции (реэмиграции), либо к активному участию мигранта в транснациональных связях и включение его в транснациональные сообщества (рис. 5.1). Еще одним итогом адаптации может стать культурная ассимиляция мигранта, но в таком случае он исключен из сферы функционирования ТМС.

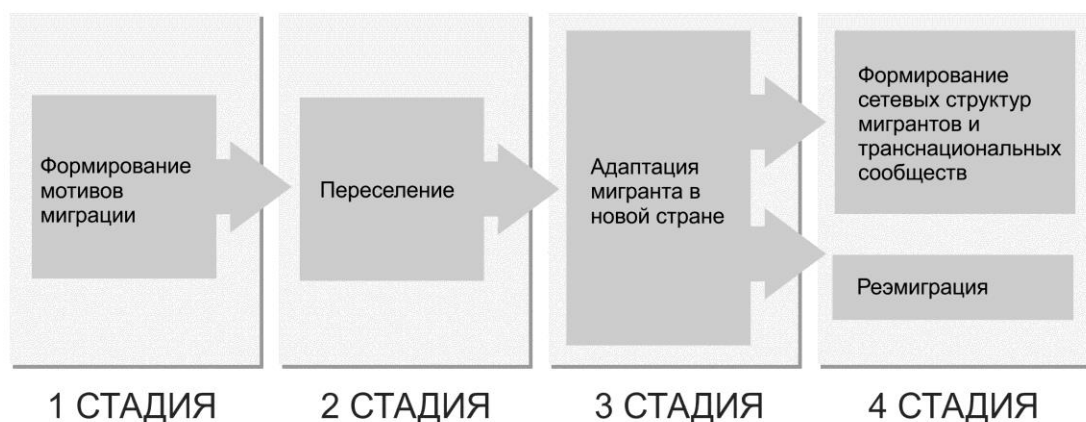

Рис. 5.1. Стадии миграционного процесса.

В работе под *адаптацией* понимается процесс взаимного приспособления международных мигрантов и принимающего общества к новым социально-экономическим и политическим условиям, возникающим в результате масштабных миграций. Именно это понятие более точно, на взгляд автора, отражает особенности социально-экономического и территориального поведения мигрантов в новой стране проживания, выстраивания различных адаптационных стратегий, от возвращения обратно в страну выхода до полной культурной ассимиляции мигрантов в новой стране.

Понятие «приживаемость» часто использовалось в работах по исследованию миграций населения в СССР в регионы нового освоения. Оно отражает только одну сторону процесса адаптации, а именно перспективы «приживаемости» мигрантов в новых регионах с точки зрения социально-бытовых условий в осваиваемых поселках и городах. Рассматривались причины возвратной миграции переселенцев. Процесс адаптации рассматривался только с позиции мигранта, с точки зрения его социального поведения. При этом не рассматривались изменения, которые вносили мигранты в жизнь регионов и в социум (пусть и немногочисленный), сложившийся на этих территориях [193, 171]. Подобный подход объяснялся задачами экономического развития страны, что в целом было логично в условиях регионов нового освоения, поскольку часто переселение шло на незаселенные территории, но это понятие не может быть использовано для характеристики всей сложности процесса адаптации международных мигрантов в современных условиях.

Автор разделяет точку зрения В.С. Малахова, который пишет о сложности и неоднозначности понятия «интеграция» и существующем понятийном плюрализме в использовании понятий «адаптация», «ассимиляция», «интеграция». По мнению В.С. Малахова, абсолютно неинтегрированных мигрантов не существует, если рассматривать это понятие со структурной точки зрения [128, с. 38].

С точки зрения полноценного вхождения в жизнь общества понятие «*интеграция*» предполагает процесс полного социально-культурного и политического вхождения мигранта в принимающее общество, что сопровождается не только структурным вхождением мигрантов на рынок труда или жилья. Эти два условия не являются единственными критериями благополучного и безболезненного вхождения мигрантов в новую социальную среду. Интеграция состоялась, если мигран-

ты получают возможность доступа ко всем общественным ресурсам принимающего общества и могут быть признаны этим обществом как его полноправные участники, когда они свободно манипулируют основными правилами и нормами этого общества без отказа от собственной идентичности. Не все адаптационные стратегии приводят к интеграции и интеграция и адаптация не являются синонимами.

При таком подходе интеграция является одним из вариантов адаптации. Для более четкого разделения данных понятий можно говорить о том, что процесс адаптации мигранта ограничен во времени, и приводит к различным формам изоляции мигранта от принимающего общества или частичного или полного вхождения (интеграции) в общество.

Период адаптации – это и время выбора адаптационной стратегии мигранта. По результатам проведенных автором эмпирических исследований можно утверждать, что у значительной части мигрантов этот период занимает от 1 года до 2 лет. Другими исследованиями подтверждается вывод о том, что вероятность возвратной миграции, тем меньше, чем больше лет мигрант провел в принимающем обществе и резко снижается в период от 3 до 5 лет пребывания в новой стране.²⁸

5.1.2. Сферы интеграции мигрантов

Процесс интеграции переселенцев может быть рассмотрен с нескольких позиций и под разными углами зрения. Помимо рассмотрения интеграции с точки зрения сфер вхождения мигрантов в принимающее общество: экономическая, политико-административная, социально-культурная интеграция и т.д.

Существуют еще два взгляда на интеграцию: меры и социальные действия, предпринимаемые самими мигрантами (поиск работы, изучение языка и т.д.), комплекс условий для интеграции, предоставляемый принимающей страной (интеграционные программы, создание системы изучения нового для мигрантов языка, комплекс социальных мер и т.д.).

В работах по изучению миграции сосуществуют два противоположных взгляда на то, кто «ответственен» за полноценную интеграцию мигрантов? Сами мигранты или общество вхождения мигрантов? В 2000-е гг. в дискуссиях о мигра-

²⁸ В условиях развития транснациональных сообществ само понятие «миграции» меняется и часто сложно говорить о времени непрерывного пребывания мигранта в новой стране, но можно говорить о времени включенности мигранта в транснациональные сообщества.

ции в Германии наблюдается смещение акцента от рассмотрения культурных и индивидуальных особенностей мигрантов, как определяющих успешность интеграции, к роли социальных институтов, воспроизводящих неравные правила игры для разных участников и для разных территорий. Утверждение центральной роли национальных государств в структурировании миграционных процессов стало сутью нового подхода в миграционных исследованиях.

В немецкоязычной и русскоязычной литературе не существует термина, однозначно определяющего суть данного подхода, в англоязычных публикациях чаще всего используется термин «relation approach». Согласно этому подходу, социальную структуру формируют социальные отношения, которые определяют субъект. Такое утверждение противопоставляется традиционному классическому взгляду, ставящему субъекта или социального актора в центр социальных интеракций (социальных отношений) [141].

Сторонником нового взгляда в социальных науках принято считать М. Фуко (M. Foucault), который в работе «Слова и вещи» рассуждает о новом месте человека в истории и о новом понимании человека [242]. Сторонниками Фуко являются ученые, занимающиеся постколониальными исследованиями, а также приверженцы так называемого сетевого подхода в работах о мигрантах. Среди них Х. Баба (H. Bhabha) [281], А. Аппадурай (A. Appadurai) [269], З. Бауман (Z. Bauman) [278], М. Грановеттер (M. Granovetter) [394]. Отдельно можно назвать Б. Латура (B. Latour) [346], который предполагает, что субъект существует, но не может существовать отдельно от своего окружения.

В ходе изучения процесса адаптации русскоязычных мигрантов в Германии и в частности адаптации и выбора интеграционных стратегий российскими немцами, были использованы оба этих подхода, поскольку исследование показало, что в зависимости от социального статуса мигранта, ведущую роль играет либо личность мигранта, либо условия, создаваемые средой, принимающей мигрантов.

В зависимости от действий мигрантов и рамочных факторов вхождения мигрантов в новое сообщество, а также по наиболее значимым направлениям можно выделить следующие сферы интеграции мигрантов в принимающем обществе [128, с. 64].

Рынок труда и трудовые отношения. Сфера занятости является одной из ключевых сфер для хода интеграции или, наоборот, для изоляции мигранта от при-

нимающего сообщества. Сам факт занятости мигранта на рынке труда, не является залогом его успешной интеграции в общество, но при этом мигрант оказывается встроенным в сложную систему трудовых и экономических отношений.

От сферы занятости мигранта, уровня заработной платы, общей ситуации на рынке труда зависит характер интеграции мигранта. Часть мигрантов занята в сферах труда исключительно «мигрантских», с доминированием определенных этнических групп, что приводит к их изоляции как в культурном отношении, поскольку часто для общения используется язык страны выхода мигрантов, так и в социальном, потому что происходит концентрация мигрантов в низкооплачиваемом и низкоквалифицированном сегменте рынка труда.

Наоборот, занятость мигранта в коллективе, где работают представители страны принимающей мигрантов, приводит к более широкой практике использования языка страны входа²⁹, к более быстрому освоению ежедневных практик страны приема мигрантов и т.д.

Административно-правовая сфера интеграции мигрантов охватывает включенность мигранта в общую законодательную систему страны, которая подразумевает юридический или гражданский статус мигранта, на основании которого он находится в стране пребывания, статус, позволяющий ему получить работу. Например, с точки зрения политической интеграции, большинство российских немцев интегрированы в принимающее общество лучше, чем многие другие группы мигрантов, в том числе и из бывшего СССР, поскольку статус «позднего переселенца» позволяет получить гражданство Германии. Но это не избавляет их от прочих сложностей интеграции мигрантов.

Социальная сфера интеграции мигрантов предполагает их включенность / исключенность в / из систему(ы) социальной защиты государства входа мигрантов, что прямым образом влияет на ход интеграции. Включенность в социальную сферу подразумевает доступ к начальному и среднему образованию детей мигрантов, возможность включения в систему медицинского страхования и получения неотложной медицинской помощи, доступ к программам социальной защиты, пособие по безработице и т.д.

²⁹ Среди высококвалифицированных специалистов, занятых в крупных международных компаниях в Германии наблюдается обратный эффект, когда все общение в коллективе проходит на английском языке и мигранты могут годами проживать в Германии, владея минимальными знаниями немецкого языка

Сфера культуры одна из самых сложно формализуемых сфер интеграции мигрантов. В данном случае под сферой культуры понимается комплекс языковых, бытовых навыков, религиозной принадлежности, ценностных ориентаций и паттернов поведения мигрантов, семейных традиций, ориентированных либо на страну выхода мигрантов, либо на страну их вхождения.

Именно в сфере культуры лежит значительная часть причин социальной напряженности, возникающей между мигрантами и принимающим обществом, а также в среде самих мигрантов, если кто-то выбирает отличимые стратегии адаптации, идущие вразрез с традиционными паттернами поведения.

В.И. Малахов отмечает, что напряженность в сфере культурной интеграции проявляется, когда происходит использование мигрантами родного языка в публичной сфере, публичная демонстрация отличительных культурных признаков в одежде, строительство культовых сооружений и т.д. [128, с. 66].

Процесс интеграции в равной степени зависит как от самих мигрантов, так и от условий страны вхождения мигрантов, то есть в процессе интеграции сложным образом пересекаются как культурные, так и структурные факторы. Например, Дж. Фриман (G. Freeman) полагает, что ход и направления интеграции определяют следующие факторы:

- иммиграционная политика страны;
- политика в отношении гражданства;
- тип экономики в стране приема мигрантов;
- система социальной защиты;
- культурная политика принимающей страны;
- культурные характеристики мигрантов [321].

В зависимости от сочетания этих факторов может быть проведена типология особенностей процесса интеграции (или инкорпорирования, как пишет Фриман) мигрантов в принимающее общество, которую предлагает В.С. Малахов (табл. 5.1.).

Сложно сказать определяет ли иммиграционная политика характер культурной политики, или влияет ли характер экономики на иммиграционную политику, но нельзя отрицать, что существует взаимосвязь между масштабом процессов иммиграции, миграционной историей страны и характером инкорпорирования ми-

грантов. Отношение к мигрантам и интеграционная политика в странах постоянно меняются в зависимости от множества причин.

Таблица 5.1.

Типология режимов инкорпорирования мигрантов

Иммиграционная политика и режим гражданства	Тип организации экономики	Тип системы социальной защиты	Культурная политика	Страна
Открытые	Либерально-рыночная экономика	Либеральный	Формальный мультикультурализм (до 1960-х гг. установка на ассимиляцию)	США, Канада, Австралия, Великобритания
Умеренно открытые	Регулируемая рыночная экономика	Социал-демократический или корпоратистский	Институализированный культурный плюрализм	Швеция, Нидерланды
Иммиграционная политика открытая, но не для постоянного жительства; затрудненный доступ к гражданству	Регулируемая рыночная экономика	Корпоратистский	Отвергают ассимиляцию и мультикультурализм	Германия, Австрия, Швейцария
До недавнего времени – отсутствие иммиграционной политики (в условиях широкомасштабной нелегальной иммиграции), рестриктивная политика гражданства	Либерально-рыночная экономика	Либеральный	Определенной культурной политики нет, есть тенденция к «дифференцированному исключению»	Испания, Португалия, Италия

Источник: [128, с. 68].

Германия относится к странам с открытой иммиграционной политикой, но в отличие от стран, где современное население сформировано за счет миграций, характеризуется политикой ограничения предоставления гражданства.

5.1.3. Адаптационные стратегии мигрантов

Возможны три генеральных сценария адаптационных стратегий мигрантов:

- **максимальная изоляция от принимающего общества** по большинству социально-экономических характеристик (гражданская, экономическая, социальная образовательная и т.д.). Подобная стратегия приводит к созданию мигрантских гетто, и активному использованию различных сетевых структур мигрантов, часто активному включению в транснациональные сообщества. Подобную адаптационную стратегию выбирают чаще мигранты с низким социальным статусом.

- **успешная интеграция в принимающее общество** является противоположным полюсом адаптационной стратегии и сопровождается культурной ассимиляцией и ориентацией социальных связей мигранта на новую страну проживания.

Успешность интеграции достигается при наличии нескольких условий.

Первое условие, без которого невозможно достижение остальных, это знание языка принимающей страны.

Второе – возможность полноценного участия мигрантов во всех сферах общественно-политической жизни новой страны проживания (участие в выборах, работа в общественных организациях, контакты с «местными» жителями и т.д.).

Третье – возможность достижения высокого социального статуса (получение образования, наличие работы).

Четвертое – равноправный с членами принимающего общества доступ к общественному достоянию. Подобная адаптационная стратегия характерна для индивидуальных мигрантов с высшим образованием, для высококвалифицированных мигрантов, въезжающих в страну по семейным причинам. Она часто сопровождается отказом мигранта использовать любые сетевые структуры мигрантов, снижением интенсивности связей со страной выхода.

- *«транснациональная» адаптационная стратегия* представляет скорее средний вариант между двумя выше упомянутыми стратегиями. В таком случае у мигрантов не происходит полного отказа от социальных связей со странами выхода, но при этом они активно интегрированы во все сферы жизни принимающего общества. Мигранты соблюдают все выше перечисленные условия успешной интеграции, но при этом не отказываются от использования сетевых структур мигрантов и полностью не прерывают социальные контакты со странами выхода. У части подобных мигрантов профессиональная деятельность связана со страной выхода. К этой группе могут относиться мигранты с различным уровнем образования и разным социальным статусом. Их адаптационная стратегия определяется скорее не структурными характеристиками, а индивидуальными социально-культурными особенностями мигрантов.

Представленная типология адаптационных стратегий во многом генерализирована для облегчения анализа процессов адаптации мигрантов. «Чистые» сценарии адаптационных стратегий встречаются редко, чаще всего мигранты оказываются с той или иной степенью успешности и интенсивности вовлечены в разные сферы принимающего общества, для этого необходимо разделять сферы интеграции.

5.2. Формирование иностранного населения Германии во второй половине XX в.

Германия является страной, привлекающей мигрантов, но по характеру миграционного прироста и по иммиграционной истории отличается и от стран, обладавших значительным числом колоний, и от стран, население которых формировалось за счет постоянного миграционного притока. В стране во второй половине XX в. несколько раз менялись направления интеграционной политики и отношение властей страны к мигрантам. За послевоенный период в Германии сформировались многочисленные группы иностранцев, поддерживающие интенсивные транснациональные связи со странами выхода, образующие транснациональные социальные пространства.

В данном параграфе рассмотрено место Германии в международных миграциях во второй половине XX в. Обращено внимание на основные группы иностранцев в ФРГ, на интеграционную политику страны, дана характеристика иммигрантов из СССР/России.

5.2.1. Место Германии в международных миграциях во второй половине XX в.

Анализ среднегодовых темпов миграционного прироста населения ряда стран мира за 60 лет с 1950 по 2010 гг. позволяет выделить типы стран по характеру темпов и направления миграционного режима этих стран (табл. 5.2).

Данные о росте и убыли не позволяют судить о масштабах миграционных потоков, это позволили бы сделать данные о миграционном обороте стран, поэтому при проведении типологии стран мы не можем судить о миграционном режиме страны, а только о результатах миграционного процесса.

Германия на протяжении практически всей второй половины XX в., за небольшим исключением, являлась страной, привлекающей мигрантов. Среднегодовые темпы миграционного роста населения были стабильными и не превышали 1% в среднем в год. Начиная с 1985 г. и до начала 1990-х гг. растут темпы миграционного прироста страны, затем наблюдается спад миграционного роста (рис. 5.2).

Таблица 5.2.

Характер миграционного роста/убыли ряда стран в 1950-2010 гг.

Миграционный рост/убыль на 10 тыс. жите- лей	Миграционный режим стран в 1950-2010 гг.				
	миграционный рост за весь период	рост с периодами миграционной убыли населения	миграционная убыль, сменив- шаяся ростом	миграционный рост, сменивший- ся убылью	миграционная убыль весь период
от +100 до +20	Канада, США, Австралия				
от +50 до 0	Франция, Чехия				
от +100 до -50		Германия, Швей- цария, Бельгия, Швеция	Испания		
от +50 до -50		Нидерланды	Белоруссия, Ав- стрия, Финляндия, Россия, Велико- британия, Норве- гия, Дания, Ита- лия, Венгрия	Молдавия, Литва, Украина	
от +100 до -100				Эстония, Латвия	
от 0 до -100					Румыния, Болга- рия, бывшая Югославия, Польша

Составлено автором по данным [423].

При сравнении с другими европейскими странами темпы и характер миграционного роста Германии ближе всего к Бельгии, сравнимы с Австрией и Нидерландами, которые также являются странами стабильного миграционного притока, в последние десятилетия XX в. (рис. 5.3).

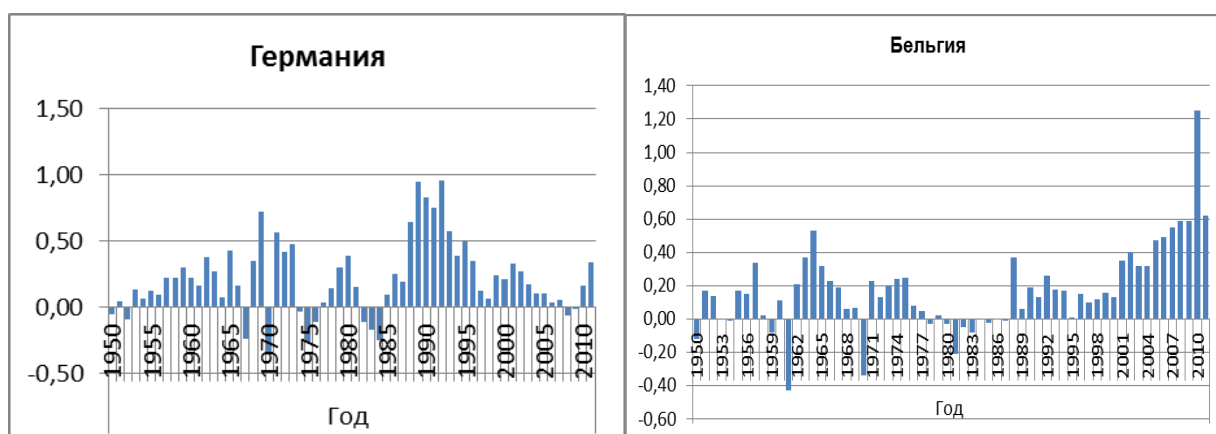

Рис. 5.2. Среднегодовые темпы миграционного прироста населения в Германии и Бельгии, в % от всего населения. Составлено по данным [423].

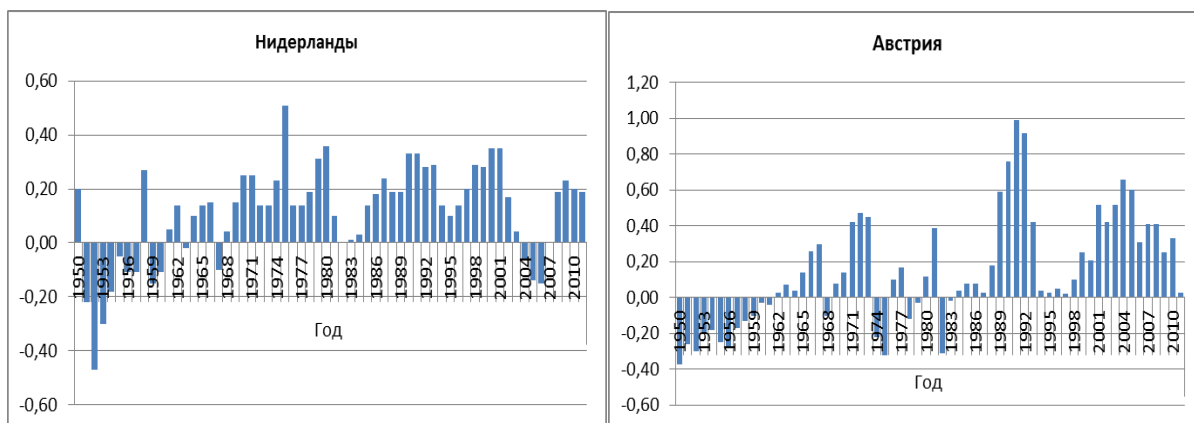

Рис. 5.3. Среднегодовые темпы миграционного прироста населения в Нидерландах и Австрии, в % от всего населения. Составлено по данным [423].

Существенно отличается миграционная ситуация в странах, являющихся странами миграционного освоения. Например, Канада и Австралия, которые постоянно и стабильно привлекают население, но где темпы миграционного прироста населения также составляют от 0,5% до 1% в год.

Отдельный тип представляют страны южной Европы (Испания и Италия), которые из стран доноров – трудовых мигрантов, становятся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. странами их принимающими (рис. 5.4, 5.5).

Противоположная ситуация наблюдается в странах Балтии. В составе СССР эти страны постоянно привлекали мигрантов, после 1991 г. страны Балтии постоянно теряют население в миграционном обмене с другими странами, в 2000-е гг. миграционная убыль в этих странах составляет 1-1,5% в год (рис. 5.6).

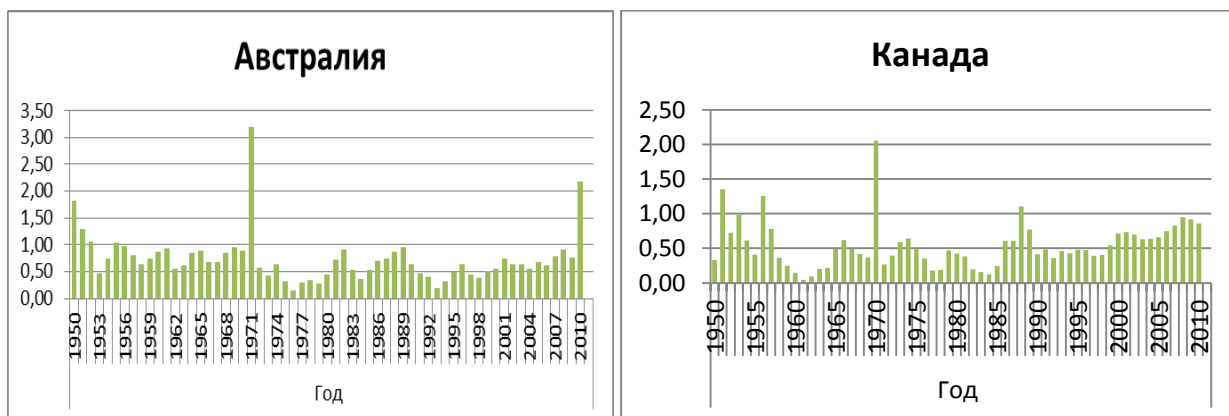

Рис. 5.4. Среднегодовые темпы миграционного прироста населения в Австралии и Канаде, в % от всего населения. Составлено по данным [423].

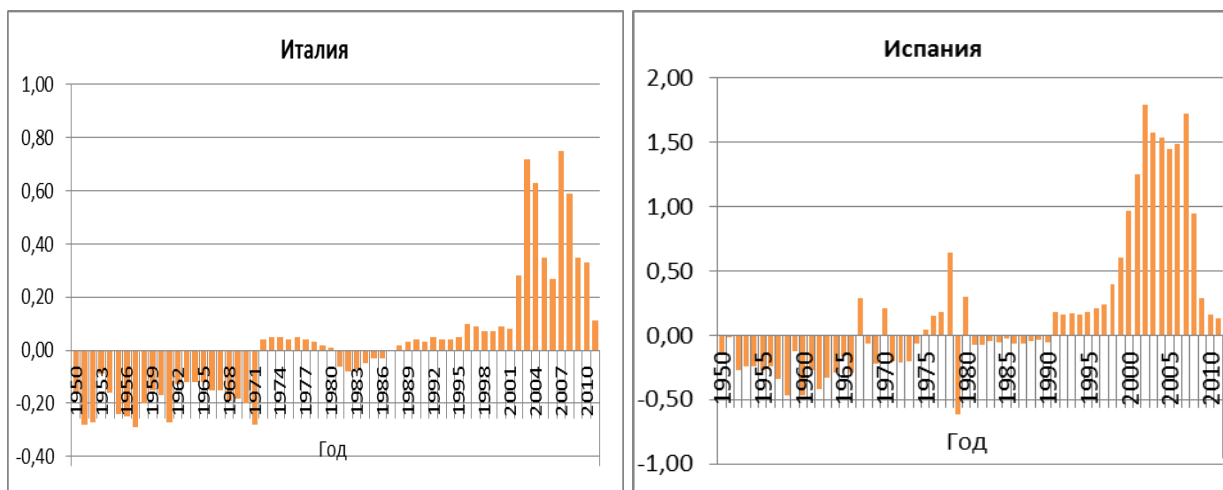

Рис. 5.5. Среднегодовые темпы миграционного прироста населения в Италии и Испании, в % от всего населения. Составлено по данным [423].

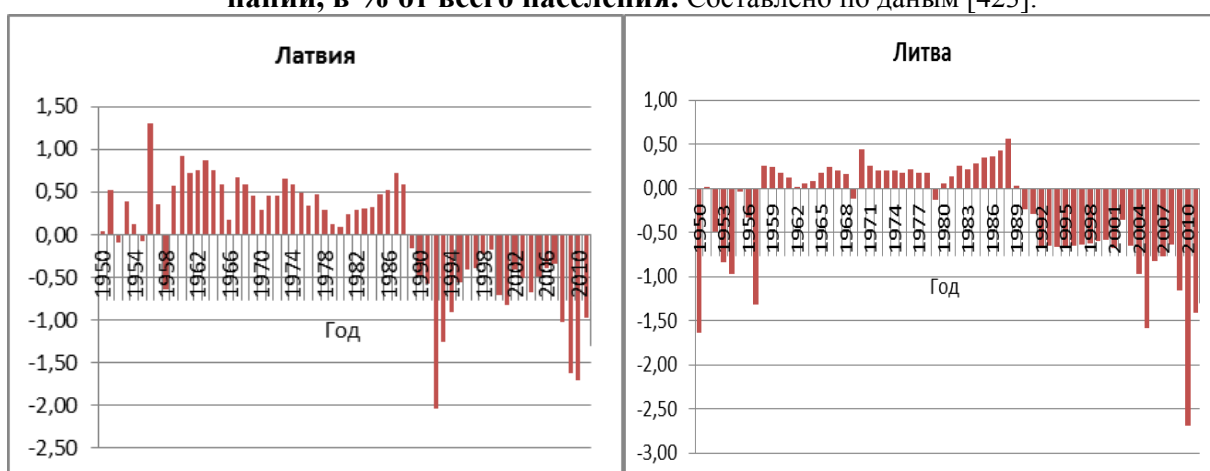

Рис. 5.6. Среднегодовые темпы миграционного прироста населения в Латвии и Литве, в % от всего населения. Составлено по данным [423].

На современном этапе, по данным ежегодного миграционного отчета ФРГ, Германия относится к пятерке наиболее привлекательных в миграционном отношении стран Европы, лидируя за 10 лет по внешнему миграционному обороту. По сальдо миграции за 10 лет на первых местах находятся: Италия (3281 тыс.), Испания (2560 тыс.), Великобритания (1959 тыс. человек). Германия занимает четвертое место – 1410 тыс. (рис. 5.7).

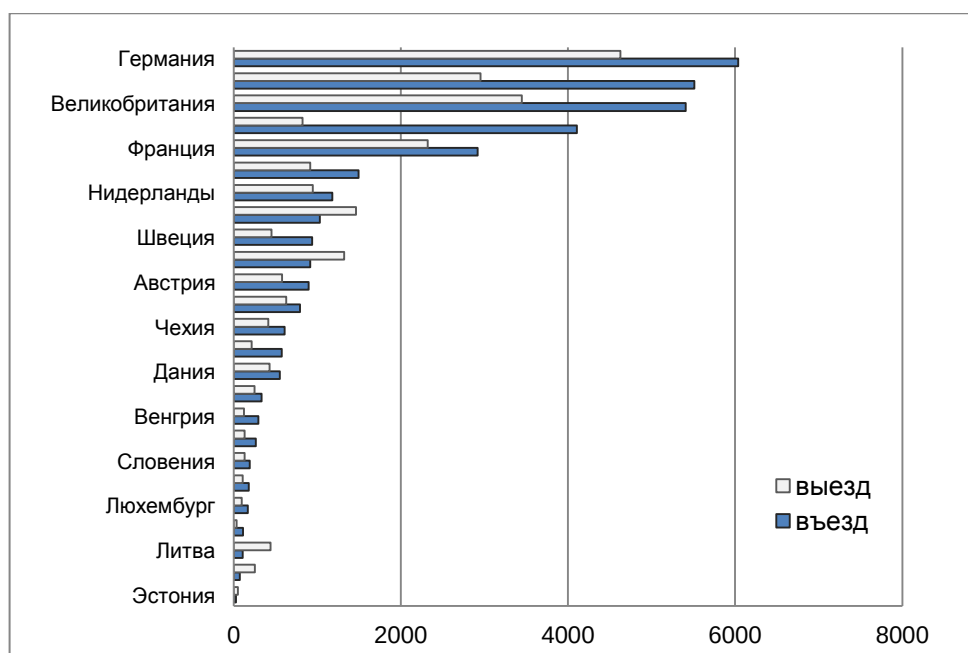

Рис. 5.7. Иммиграция и эмиграция в странах Европы за 2004-2013 годы, тыс. человек. Составлено по данным [357, s. 21].

Германия притягивает мигрантов из стран Восточной и Южной Европы, из России и Турции. На первом месте находится Польша, откуда в 2013 г. прибыло почти 190 тыс. мигрантов, не граждан Германии (рис. 5.8). Граждане Германии эмигрируют в Швейцарию (21,4 тыс.), США (13,5 тыс.), Австрию (11,2 тыс. человек). Эмиграция из Германии представлена в большей степени высококвалифицированными мигрантами.

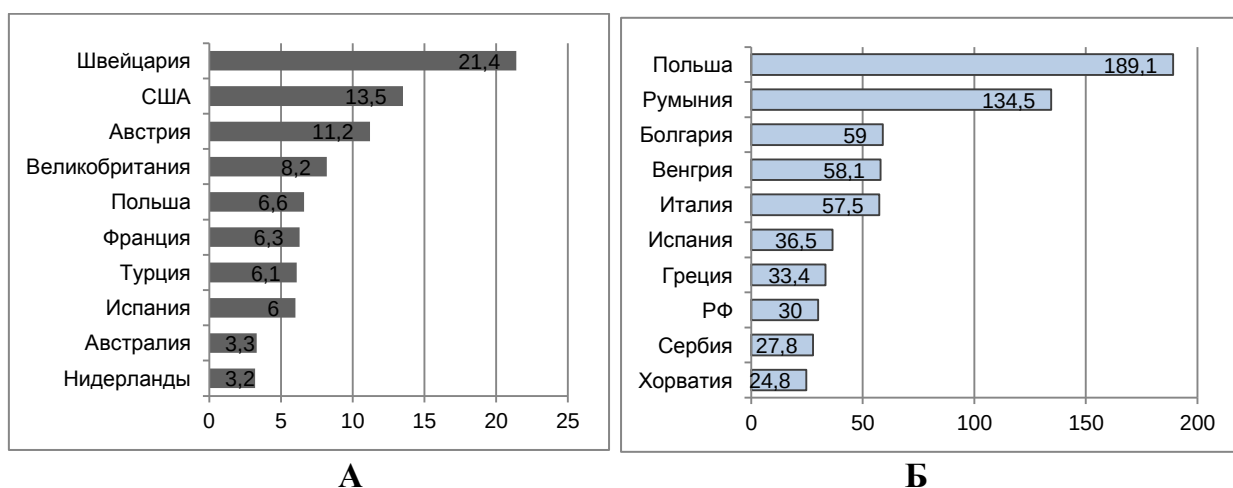

Рис. 5.8. Страны-лидеры, привлекающие эмигрантов, граждан Германии (А), и страны, откуда въезжают иностранцы в Германию (Б), тыс. человек, 2013 г. Источник: [390, s. 47].

5.2.2. Наиболее многочисленные группы иностранцев в Германии

Активный приток мигрантов в Западную Германию начинается во второй половине XX в., после Второй мировой войны. В первое десятилетие после 1945 г. в Германию возвращались беженцы, приезжали этнические немцы из других стран.

С 1955 г. Германия в рамках политики «экономического чуда» начинает привлекать трудовых мигрантов из Италии (1955 г.), Испании и Греции (1960 г.), Турции (1961 г.), Марокко (1963 г.), Португалии (1964 г.), Туниса (1965 г.), Югославии (1968 г.). На первых этапах привлечения трудовых мигрантов в Германию среди них преобладали мужчины от 20 до 40 лет, только позже началась миграция родственников трудовых мигрантов [356, s. 14-15].

В 1960-е гг. наблюдалась активная возвратная миграция трудовых мигрантов из Италии, Испании, Греции обратно в свои страны. Ведущими группами иностранных граждан ФРГ становятся граждане Турции и Югославии.

Следующим периодом резкого роста иностранного населения Германии становится время с середины 1980-х гг., до середины 1990-х гг. В конце 1980-х гг. в Германию въезжает значительное количество этнических немцев из Польши и Румынии. Активный поток из стран Восточной Европы начинается после 1991 г., в этот же период из бывшего СССР в Германию въезжают российские немцы и евреи, о чем более подробно сказано ниже. Постепенно доля иностранцев в населении Германии приближается к 10% (рис. 5.9).

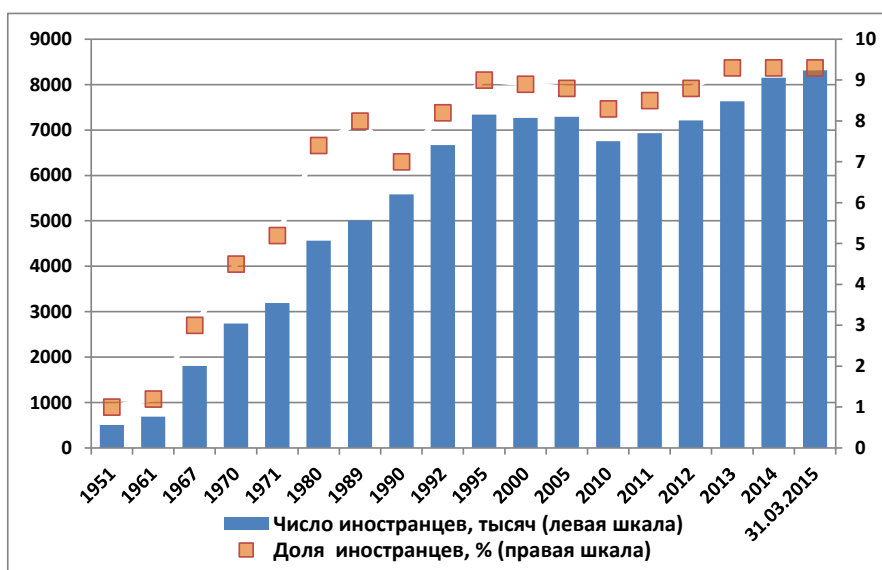

Рис. 5.9. Число и доля иностранцев в Германии (до 1990 г. без территории ГДР).

Источник: [357].

В ГДР практически не было иностранных граждан, и вопрос об их интеграции не возникал. Максимальное количество иностранцев в ГДР составляли служащие Советской Армии (380 тыс.) и члены их семей (200 тыс.) человек. Среди остальных групп иностранцев были работающие в ГДР граждане Польши, Вьетнама, Мозамбика, Кубы, Анголы, Китая (табл. 5.3.).

Таблица 5.3.

Иностранные граждане, находившиеся в ГДР на 31.12.1989, тыс. человек

Категории иностранцев	Тыс. человек
Служащие Советской Армии	380
Члены их семей	200
Прочие иностранные граждане	191,2
из них по трудовым контрактам:	90,6
в т.ч. граждане: Вьетнама	59
Мозамбика	15,1
Кубы	8,3
Польши	6
Анголы	1,3
Китая	0,9

Источник: [356, с. 21].

Общая доля иностранных граждан в Германии постоянно росла и к 2014 г. составила более 9%. Реальная роль международной миграции в формировании современного населения ФРГ гораздо выше. Для этого при учете мигрантов используют особую категорию *«лица с миграционным прошлым»*, в это понятие входят следующие группы населения:

- граждане других стран, проживающие в Германии от 6 месяцев и более (Ausländer);
- поздние переселенцы (Spätaussiedler), этот статус получают этнические немцы и члены их семей, приехавшие из стран Восточной Европы и бывшего СССР, на основании чего они получают гражданство ФРГ;
- иностранцы, получившие гражданство Германии (eingebürgerte Ausländer);
- дети поздних переселенцев, рожденные в Германии;
- иностранцы второго и третьего поколения;
- дети иностранцев, получивших гражданство;
- еврейские переселенцы,
- иностранные студенты;

- беженцы и ищущие политическое убежище.

Всего в ФРГ 16,3 млн жителей (более 20%) относятся к лицам с миграционным прошлым, из них 8,9 млн – граждане Германии. Более 3 млн жителей Германии (как граждане страны, так и иностранные граждане) – выходцы из Турции и их дети; 1,6 млн – из бывшей Югославии.

Иностранные граждане в Германии. К 2014 г. формируются значительные по размеру группы иностранных граждан из Турции (более 1,5 млн), Польши (674 тыс.), Италии (575 тыс. человек) и стран, образовавшихся после распада Югославии (рис. 5.10).

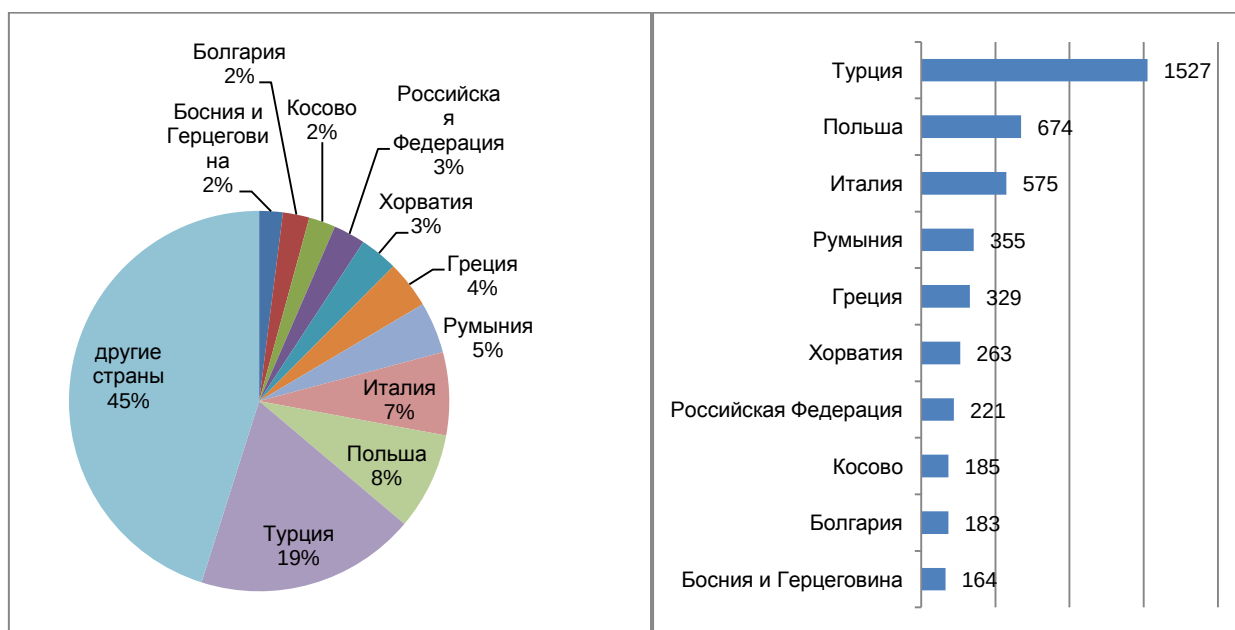

Рис. 5.10. Десять стран-лидеров по количеству их граждан в Германии, тыс. чел, (А); граждане других стран, проживающие в Германии, тыс. человек (Б) на 31.12.2014
Источник: [357, 417].

Мигранты из России без учета российских немцев и членов их семей, а также без учета контингентных беженцев (еврейских переселенцев) составляли в конце 2014 г. чуть более 220 тыс. человек. Отличие российских иммигрантов в Германии от других в том, что среди этой когорты мигрантов минимальна доля низкоквалифицированных мигрантов³⁰, классических гастарбайтеров, тогда как страны Восточной Европы, помимо студенческой и высококвалифицированной миграции, также активно «поставляют» в Германию и трудовых средне- и низкоквалифицированных мигрантов.

³⁰ Без учета российских немцев.

Всего в Германии 40% иностранных граждан проживают более 20 лет, около четверти от 10 до 20 лет, 15% от 10 до 4 лет, и 22% - менее 4 лет. Большая часть иностранцев в Германии – это трудовые мигранты, приехавшие в страну в разные периоды. К первой волне трудовой миграции в Германию, которая сформировала иностранное население страны, относятся мигранты из Италии, Турции, Греции, Югославии. В настоящее время свыше половины иностранцев из этих стран проживают в Германии более 25 лет (рис. 5.11). Более 80% мигрантов из Восточной Европы и из России проживают в Германии менее 15 лет, в том числе из них более половины – менее 8 лет.

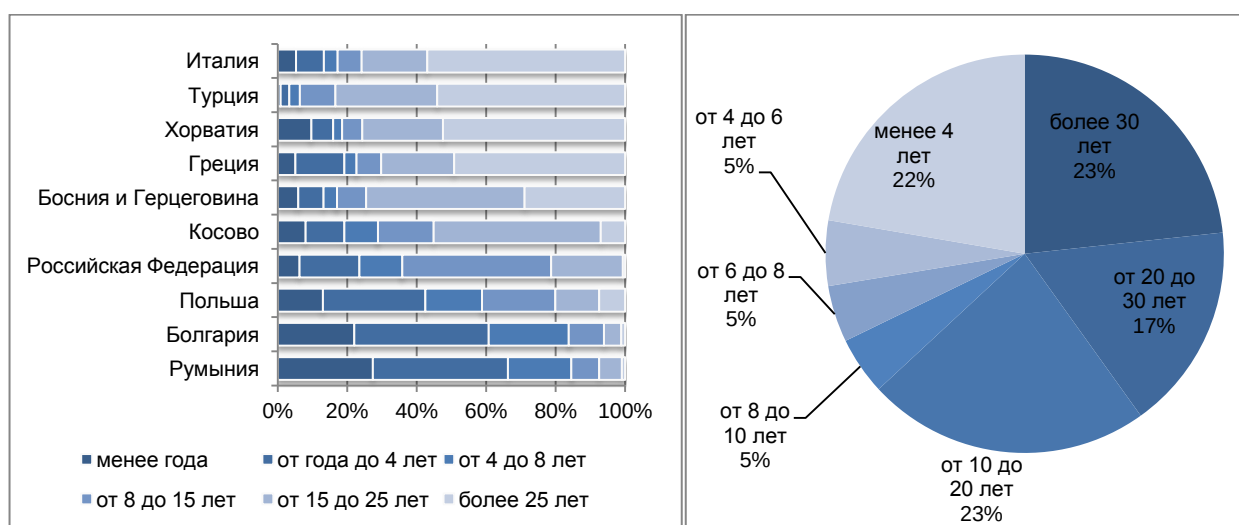

Рис. 5.11. Иностранные граждане Германии по странам выхода и продолжительности пребывания в стране, 2014 г., в %. Источник: [357, 417].

5.2.3. Расселение иностранных граждан в Германии

Расселение иностранцев в Германии неравномерно по федеральным землям, и внутри федеральных земель. География их расселения зависит от развития экономики земли, уровня безработицы.

Повышенная доля и численность иностранцев в наиболее развитых в социально-экономическом отношении землях Германии, в крупных экономических центрах, прежде всего промышленных центрах и центрах обслуживания. Пониженная доля иностранного населения в аграрных регионах на Севере Баварии, в аграрных районах земли Рейнланд-Пфальц, в восточных землях Германии.

Центральный регистр иностранцев на конец 2014 г. зафиксировал следующее распределение иностранцев по землям Германии (рис. 5.12). Более четверти

всех иностранцев в Германии проживает в земле Северный Рейн-Вестфалия (2074 тыс. человек), 17,4% иностранцев приходится на Баварию (1419 тыс. человек), 17,2% – на Баден-Вюртемберг (1404 тыс. человек).

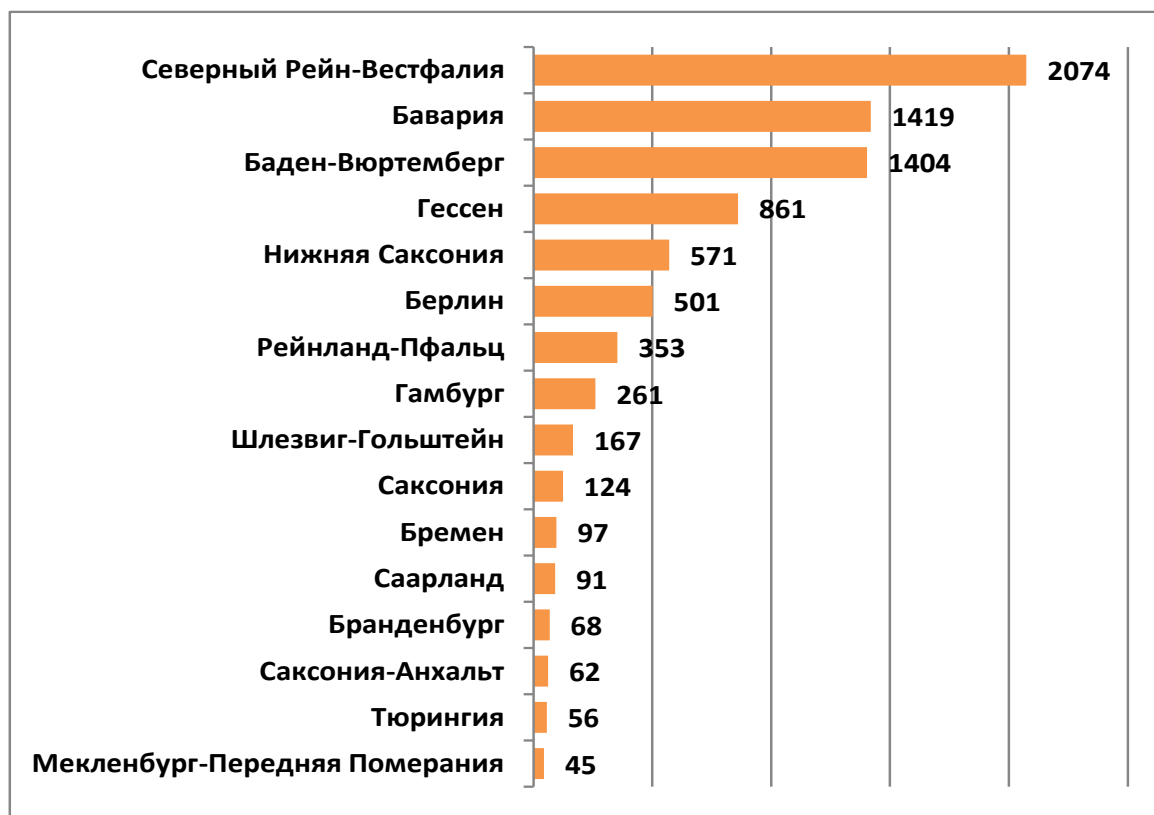

Рис. 5.12. Распределение иностранцев по землям Германии, на 2014 г., тыс. человек.

Источник: [357, 417].

Среди крупнейших городов Германии около 0,5 млн иностранцев проживает в Берлине, более 260 тыс. – в Гамбурге, местом притяжения иностранных мигрантов является Мюнхен. По доле иностранцев в населении земель на первых местах находятся города Берлин (14%), Гамбург (13,7%), Бремен (12,6%) , а также земли Баден-Вюртемберг (12,1%) и Гессен (11,4%) (табл. 5.3). Высокая доля иностранцев в Гессене объясняется во многом высокой долей иностранцев в крупнейшем по численности населения городе федеральной земли Гессен – во Франкфурте-на-Майне (около 30% населения города составляют родившиеся за пределами Германии).

Самые «немецкие» земли Германии – Тюрингия, Саксония, Саксония-Анхальт и Мекленбург Передняя Померания (рис. 5.13, 5.14).

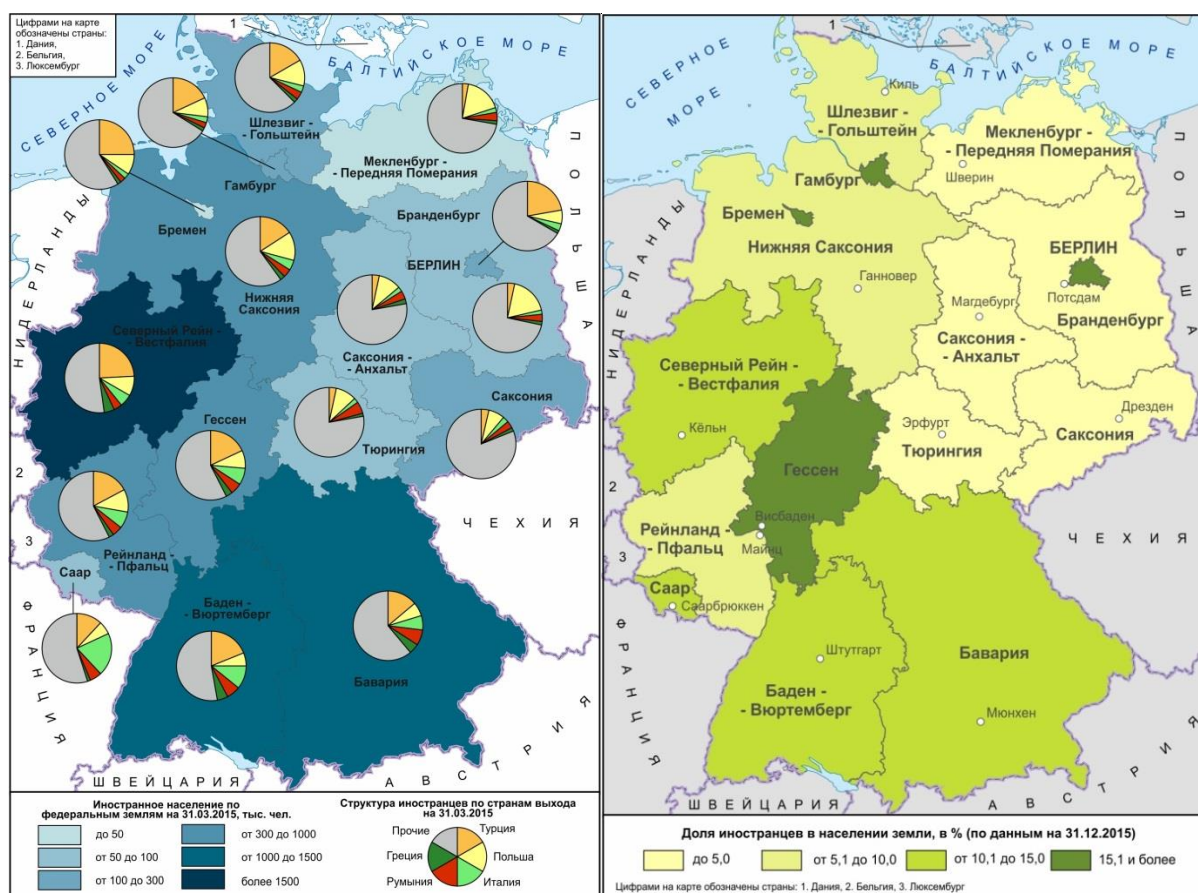

Рис. 5.13. География иностранных граждан Германии. Составлено по [357, 417].

Распределение иностранцев в землях Германии по странам выхода отличается рядом особенностей. Пониженная доля турецкого населения наблюдается во всех землях Восточной Германии, кроме Берлина. В Западном Берлине еще в 1970-1980-е гг. сформировались этнические турецкие кварталы, расположенные вдоль берлинской стены (район Кройцберг). За счет высокой численности турецкое население преобладает среди остальных иностранцев в Западных землях Германии, кроме земли Саарланд, где преобладают итальянцы. Польские иммигранты среди всех остальных иностранцев преобладают в административных округах, расположенных на границе с Польшей (рис. 5.15).

За исключением вышеуказанных отличий, в целом география расселения различных групп иностранцев в Германии обладает общими чертами: мигранты предпочитают селиться в развитых в экономическом отношении землях, а внутри земель – в крупных экономических центрах.

Анализ динамики расселения иностранцев по административным округам и городам окружного подчинения показывает, что на протяжении более чем 20 лет

общие закономерности расселения иностранцев по регионам не меняются. И земли Восточной Германии не становятся более притягательными для иностранного населения.

Иностранное население, за исключением Берлина, предпочитает федеральные земли, расположенные на западе и юге Германии. Эта же картина расселения характерна и для лиц с миграционным прошлым. Их доля не превышает 5% от всего населения большинства административных районов в Восточных федеральных землях, тогда как в Западных землях есть ареалы плотного расселения лиц с миграционным прошлым, где их доля достигает 18% и более от всего населения административных единиц.

В итоге в Германии сформировались ареалы повышенной концентрации иностранного населения, которые пересекают границы земель. Один из самых плотных ареалов расселения иностранцев расположен в треугольнике на границе земель – Баден Вюртемберг (города Штутгарт, Мангейм), Гессен (города Франкфурт-на-Майне, Висбаден), Рейнланд-Пфальц (Майнц). В ядрах этого ареала доля иностранного населения достигает 15% и выше от всего населения региона. В относительном выражении это регион максимальной доли иностранцев в ФРГ.

Другой ареал расселения иностранных граждан в Германии расположен в земле Северный Рейн-Вестфалия (города Кельн, Дюссельдорф, Вупперталь, Дуйсбург, Эссен, Дортмунд), где проживает максимальное количество иностранцев в Германии, и доля иностранцев в большинстве административных также превышает 10% от всего населения региона.

В Баварии иностранное население привлекает Мюнхен и его пригороды, а также города Нюрнберг-Фюрт-Эрланген, где также высока доля иностранного населения – более 15% от всего населения городов.

Также высокая доля иностранцев характерна для центральной части Нижней Саксонии (город Ганновер и его пригороды).

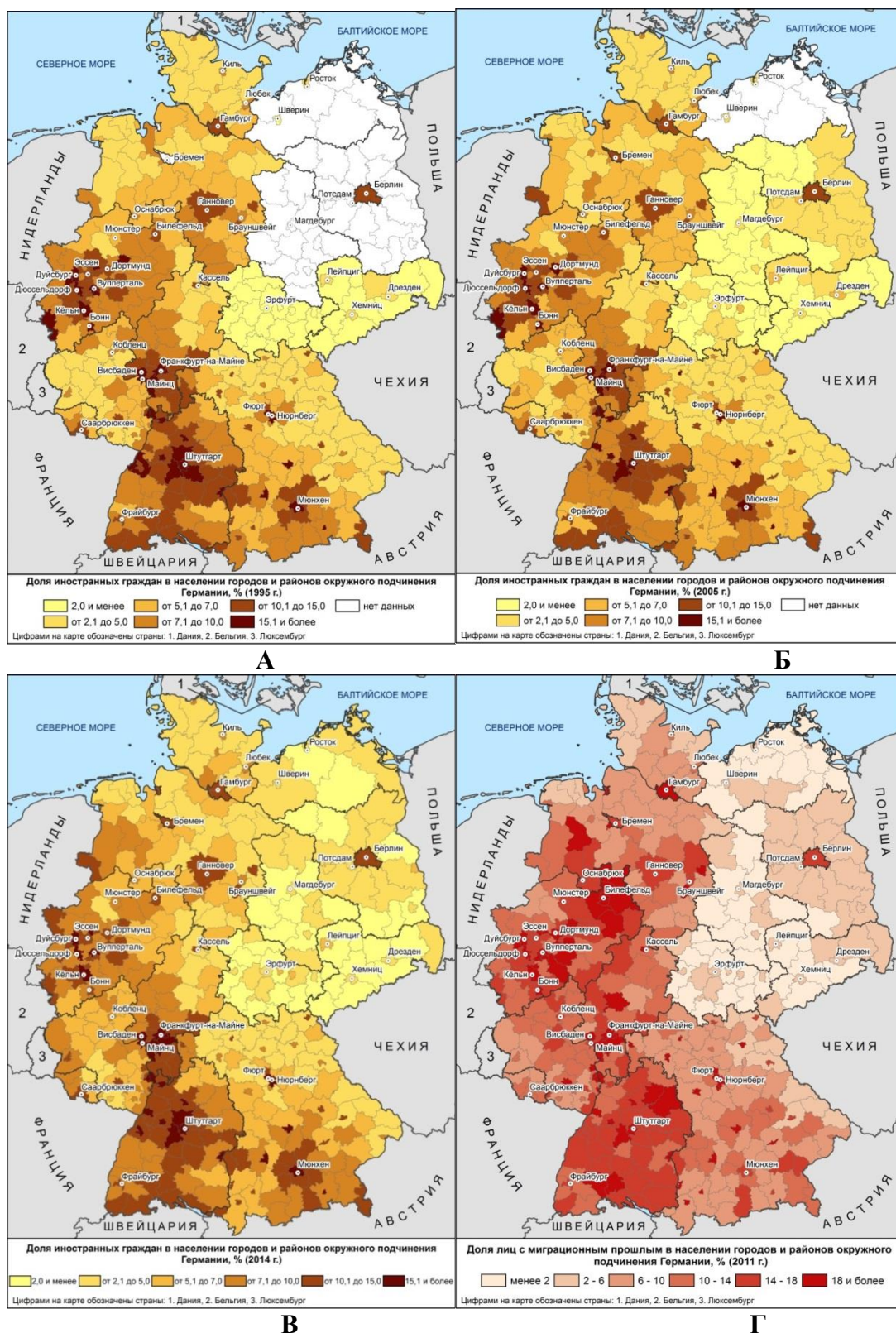

Рис. 5.14. Динамика доли иностранцев в населении городов окружного подчинения (kreisfreien Städten) и административных районов (Landkreisen) и ФРГ в 1995-2014 гг. (А, Б, В); лица с миграционным прошлым в населении Германии, 2011 (Г).

Построено по данным www.destatis.de.

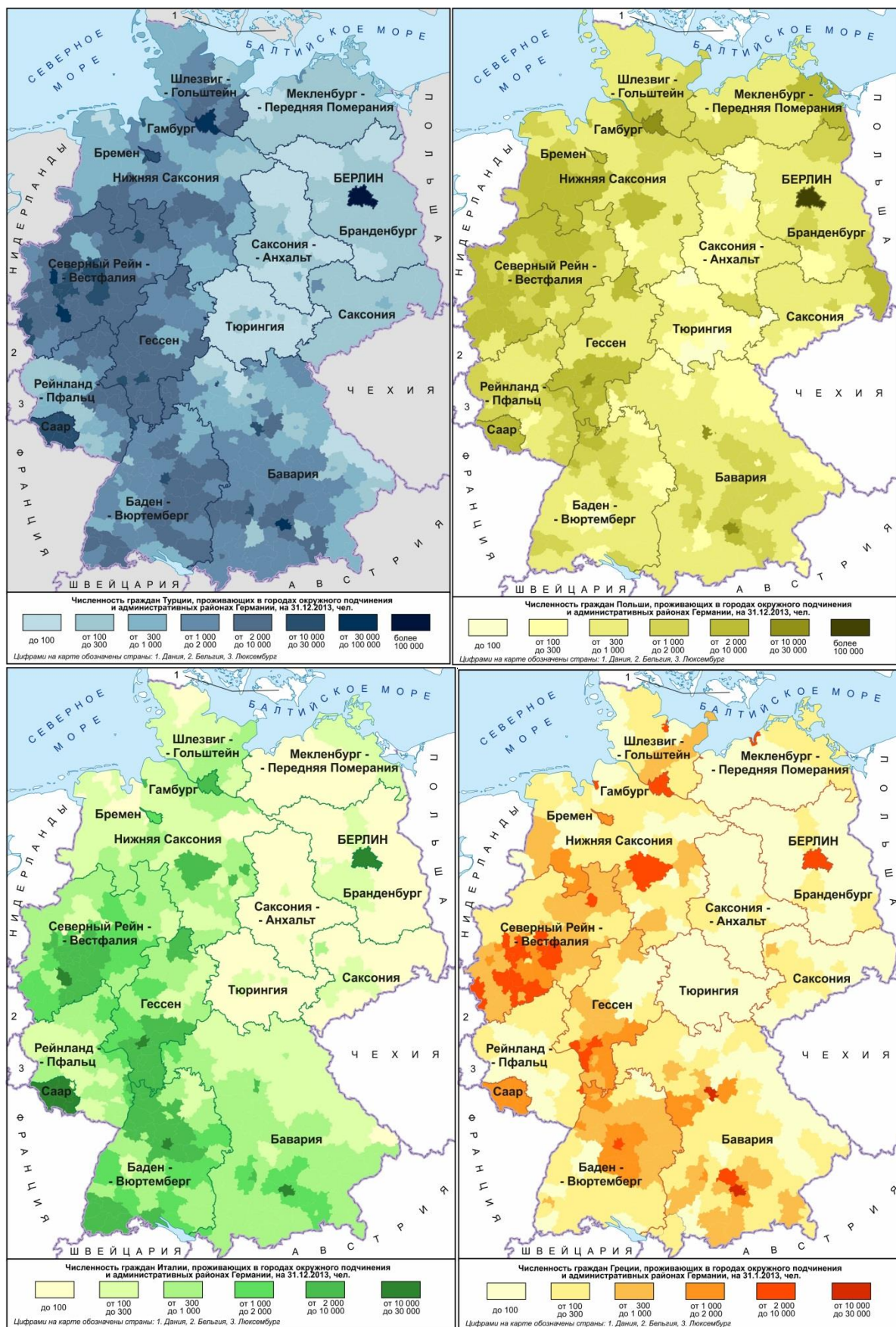

Рис. 5.15. Расселение основных групп иностранных граждан в Германии, на 31.03.2013 г. Источник: [360, s. 20].

5.2.4. Интеграционная политика Германии и условия для адаптации мигрантов

Как было сказано выше, процесс адаптации мигрантов в новой стране проживания зависит от множества факторов и условий, как самого сообщества мигрантов, так и от интеграционной политики страны, которая может трансформироваться в зависимости от миграционной ситуации и других социально-политических и экономических условий.

Интеграционная политика Германии. Немецкие исследователи, начиная с середины 1950-х гг. выделяют четыре этапа в направлении миграционной политики страны и отношения правительства к интеграции мигрантов (табл. 5.4).

Таблица 5.4.

Развитие интеграционной политики Германии после 1955 г.

Периоды иммиграции и их краткая характеристика	Направления и меры интеграционной политики
1955-1973 гг. – политика приглашения гастарбайтеров в Германию	Отсутствие политики интеграции иностранцев
	Включение институтов социальной политики в интеграцию иностранцев
1973-1989/1990 гг. – ограничения в привлечении иностранцев в страну, отказ от политики иммиграции	Дискуссии в отношении политики интеграции, отсутствие единого мнения
	Назначение Федерального комиссара по делам «иностранцев» в Германии
	Поддержка добровольного возвращения трудовых мигрантов
1990-1998 гг. – новый поворот иммиграционной политики Германии	Продолжение политики ограничения иммиграции, отсутствие единой национальной концепции интеграционной политики
	1998 г. – смена правительства страны и признание иммиграционной политики
С 2000 г. – новая политика интеграции иностранцев	Этапы новой интеграционной политики: - 2000 г. новый закон о гражданстве; - 2005 г. новый иммиграционный акт; - 2006 г. Германская исламская конференция; - 2007 г. национальный план интеграции иностранцев; - 2011 г. национальный план действия

Источник: [331, s. 187].

Первые шаги в направлении интеграции иностранных трудовых мигрантов в Германии были сделаны в конце 1960-х – начале 1970-х гг. прежде всего интеграционные меры касались создания условий для образования детей мигрантов и решения их жилищных условий. Эти меры последовали после начала приглашения гастарбайтеров в Германию в 1955 г., что привело к резкому увеличению числа мигрантов в стране в течение 1960-х гг.

В 1973 г. в Германии стали проводить политику ограничения привлечения иностранных рабочих, но, несмотря на снижение масштабов трудовой миграции, иностранное население Германии продолжало расти за счет членов семей трудовых мигрантов, въезжавших в страну. До 1998 г. руководство ФРГ официально не признавало Германию страной иммигрантов, в этот период не проводилось какой-либо широкомасштабной интеграционной политики в стране.

Объединение Германии, изменения, произошедшие в Правительстве Германии в 1998 г., поток новых мигрантов в страну из стран Восточной Европы и бывшего СССР после 1991 г. привели к необходимости более серьезной миграционной политики, а также мер по интеграции иностранцев.

В 2000 г. начинают применяться новые принципы миграционной и интеграционной политики. В частности, в новом законе о гражданстве ФРГ, принятом в 2000 г., появляются элементы понятия «право земли», в отличие от предыдущего «права крови» [331, s. 187].

В 2002 г. в Германии принимается новый закон об иммиграции. В 2000-х гг. начинается работа правительства с исламскими организациями Германии – в 2006 г. учреждается исламская конференция Германии.

В 2007 г. принимается так называемый национальный план интеграции, который в 2011 г. дополняется «планом действий», что предполагает среди прочих мер мониторинг за критериями и показателями результативности политики интеграции иностранцев в Германии. Эти показатели включают в себя различные аспекты условий жизни мигрантов [331, s. 188].

Интеграционная политика в Германии преследует принцип донесения до мигрантов основных жизненных ценностей и принципов поведения в стране и старается реагировать на нужды и запросы мигрантов. Основные интеграционные усилия направлены на предоставление мигрантам возможности обучению немецкому языку, усвоению законов, истории и культуры страны.

Главная цель интеграционной политики – предоставить мигрантам равные возможности по включению их в экономические, культурные, социальные и политические сферы жизни страны, убрать возможные барьеры на пути их вхождения в принимающее общество. Всем категориям мигрантов в Германии, независимо от

их юридического статуса, законодательством предусмотрены равные интеграционные возможности.

Условия интеграции мигрантов в Германии. Основное государственное учреждение, осуществляющее интеграционную политику – Федеральное ведомство по миграции и беженцам, имеющее разветвленную структуру и отделения во всех землях Германии. С 2005 г. ведомство занимается не только вопросами беженцев, но и общими вопросами миграции и интеграции мигрантов.

Помимо этого вопросами интеграции мигрантов занимаются: Министерство внутренних дел, Министерство труда и занятости, различные структуры федеральных земель. Также важную роль в интеграции играют различные религиозные и общественные организации.

С 2005 г. Германия всем новоприбывшим мигрантам предоставляет возможность пройти интеграционный курс и в дальнейшем пользоваться миграционными консультациями.

Основу интеграционного курса составляют курсы немецкого языка (600 часов занятий) для усвоения основных языковых компетенций и вводный курс базовых знаний о Германии (60 часов занятий), который предоставляет слушателям основные знания о законодательстве, истории и культуре страны [357, s. 59].

Интеграционные курсы предоставляются в каждой федеральной земле, их количество пропорционально количеству мигрантов. Всего с 2005 по 2013 г. интеграционными курсами воспользовался 1 млн 300 тыс. мигрантов. Всего за этот период было организовано 76 тыс. курсов, только в 2013 г. – более 8 тыс. курсов.

Максимальное количество курсов в 2013 г. было организовано в федеральных землях: Северный Рейн-Вестфалия (1347), Баден Вюртемберг (1031), Бавария (910), то есть в тех землях, на которые приходится большая доля мигрантов. Внутри земель максимальное количество курсов приходится на крупные города. Минимальное количество интеграционных курсов расположено в восточных федеральных землях (рис. 5.16).

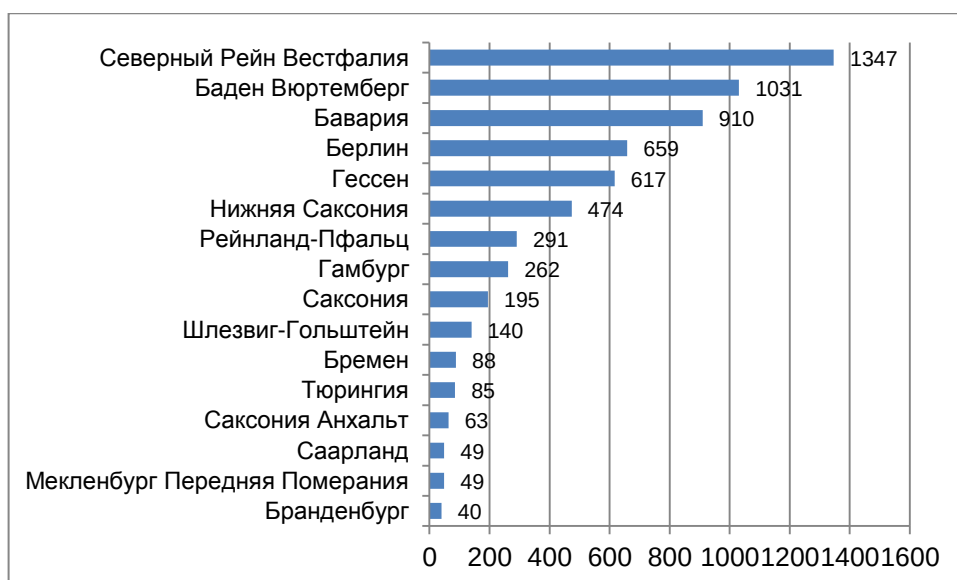

Рис. 5.16. Количество интеграционных курсов в землях ФРГ, 2013 г.

Составлено по [357, s. 59].

Помимо интеграционных курсов, еще один основной механизм интеграционной политики – миграционные консультации для взрослых мигрантов. Задача миграционного консультанта – ориентация мигрантов на рынке труда, информирование о возможностях повышения квалификации, поиск интеграционных курсов и т.д. В 2013 г. за миграционными консультациями обратились около 240 тыс. мигрантов. На первых местах по количеству обращений находятся мигранты из Турции, России, Польши, Украины, Казахстана,

География распределение миграционных консультаций по землям также совпадает с географией расселение больших групп мигрантов. Например, в земле Северный Рейн Вестфалия значительное количество консультаций приходится на агломерации Дортмунда, Дуйсбурга, Дюссельдора, Кельна; на границе федеральных земель Гессен, Баден-Вюртемберг и Рейнланд-Пфальц – на густонаселенный ареал образуемый городами Франкфурт-на-Майне, Мангейм, Майнц.

Федеральное ведомство по миграциям и беженцам также организует различные долгосрочные и краткосрочные интеграционные проекты, привлекая общественные и политические организации. Проекты направлены на интеграционную работу с отдельными этнокультурными, возрастными и социальными группами мигрантов. Например, существуют специальные проекты и интеграционные семинары, направленные на интеграцию женщин.

Большое место в интеграционных программах занимает Федеральный проект «Интеграция через спорт» – один из первых общегерманских интеграционных проектов, организованный в 1989 г. Его целью было объединение жителей страны с помощью спортивных мероприятий, устранение языковых и культурных барьеров в ходе поликультурного общения. Проект включает более 600 различных спортивных организаций и объединений в Германии, проводятся регулярные спортивные фестивали и соревнования. Деятельность данного проекта представлена во всех землях и крупных городах Германии [357].

Отдельные программы направлены на интеграцию поздних переселенцев и членов их семей. Их деятельность целенаправленно посвящена следующим вопросам интеграции переселенцев: вопросы этнокультурной идентичности немцев из России; облегчение профессиональной ориентации российских немцев, информирование о системе образования в Германии, работа в сфере повышения личной активности переселенцев в процессе интеграции в принимающее общество; обучение навыкам общения в поликультурном обществе.

Всего в разных землях Германии проводилось в год около ста мероприятий в сфере интеграции поздних переселенцев (рис. 5.17). В сентябре 2013 г. было принято решение о сокращении мероприятий в этой сфере в связи со снижением численности приезжающих в ФРГ поздних переселенцев [357, s. 72].

Рис. 5.17. Количество мероприятий, направленных на интеграцию поздних переселенцев в ФРГ в 2013 г. Составлено по данным [357, s. 73].

5.3. Особенности расселения и положения в Германии поздних переселенцев

Данные статистики не позволяют дать детальную характеристику географии расселения всех групп мигрантов из России, поэтому более детально мы рассмотрим расселение поздних переселенцев, которые составляют преобладающую долю всех мигрантов из России и других стран СНГ в Германии.

В данном параграфе и ниже речь пойдет не только об этнических немцах прибывших из России в Германию, а обо всех этнических немцах, а также их близких и родственниках из СССР и постсоветского пространства, проживающих в Германии и получивших юридический статус «позднего переселенца».

Ниже рассмотрены особенности расселения поздних переселенцев и их отличия от других групп иностранцев в Германии, которые влияют на адаптационные стратегии этой группы мигрантов.

5.3.1. Расселение поздних переселенцев в Германии

По миграционному законодательству Германии поздние переселенцы в первые месяцы после иммиграции становятся гражданами ФРГ, что создает трудности при изучении расселения данной когорты мигрантов [430]. Получая гражданство ФРГ, поздние переселенцы становятся «невидимыми» для статистики, они учитываются как немцы с «миграционным прошлым», не попадая в миграционные отчеты как отдельная категория мигрантов.

Во время полевых исследований в Германии автор неоднократно делал запросы в местные органы для получения информации об актуальных социально-демографических и расселенческих характеристиках поздних переселенцев из бывшего СССР после иммиграции, но ответ всегда был, что подобная статистическая отчетность не может быть предоставлена. Поэтому для анализа расселения поздних переселенцев, мы можем использовать только данные об их расселении сразу после прибытия в Германию, без учета дальнейших перемещений внутри страны.

Отличительной особенностью поздних переселенцев от других групп мигрантов является то, что для выравнивания миграционной нагрузки на федеральные земли существует механизм квотированного распределения немцев по землям Германии.

В 1992 г. приняты квоты, на основании которых поздних переселенцев и членов их семей расселяли по Федеральным землям Германии. В 1996 г. был уточнен указ о распределении поздних переселенцев. В случае если переселенцы хотят получать социальное пособие, а таких в первые годы абсолютное большинство, то они обязаны первые три года пребывания в Германии проживать на территории указанной земли. В июле 2000 г. действие этого закона было приостановлено [358].

В 2009 г. законодательно квоты отменены, но де-факто они соблюдаются до сих пор. Пропорции в распределении поздних переселенцев и членов их семей по Федеральным землям Германии практически не меняются с начала 1990-х гг. Максимальная нагрузка в расселении поздних переселенцев из стран СНГ и Балтии в Германии приходится, на земли, которые принимают беженцев и иностранцев: Северный Рейн-Вестфалия, Бавария, Баден-Вюртемберг – 49,3% от всех переселенцев, прибывающих в Германию (рис. 5.18).

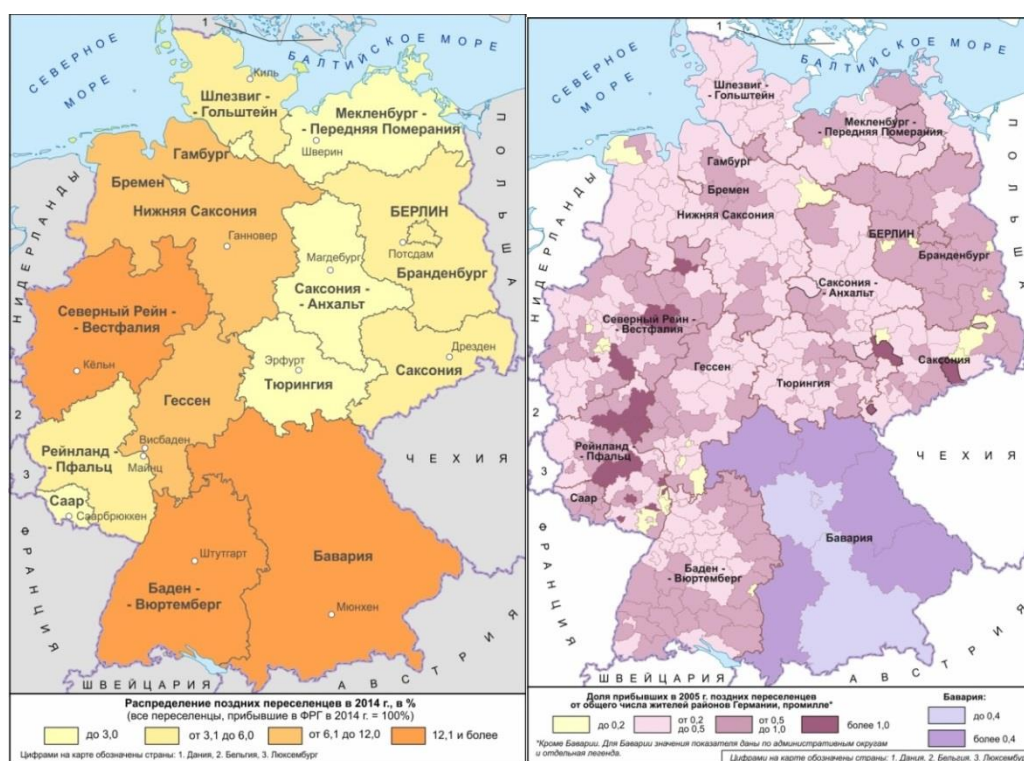

Рис. 5.18. Распределение поздних переселенцев по землям ФРГ, 2014 г. (А); доля поздних переселенцев в населении административных районов, 2005 г. (Б).

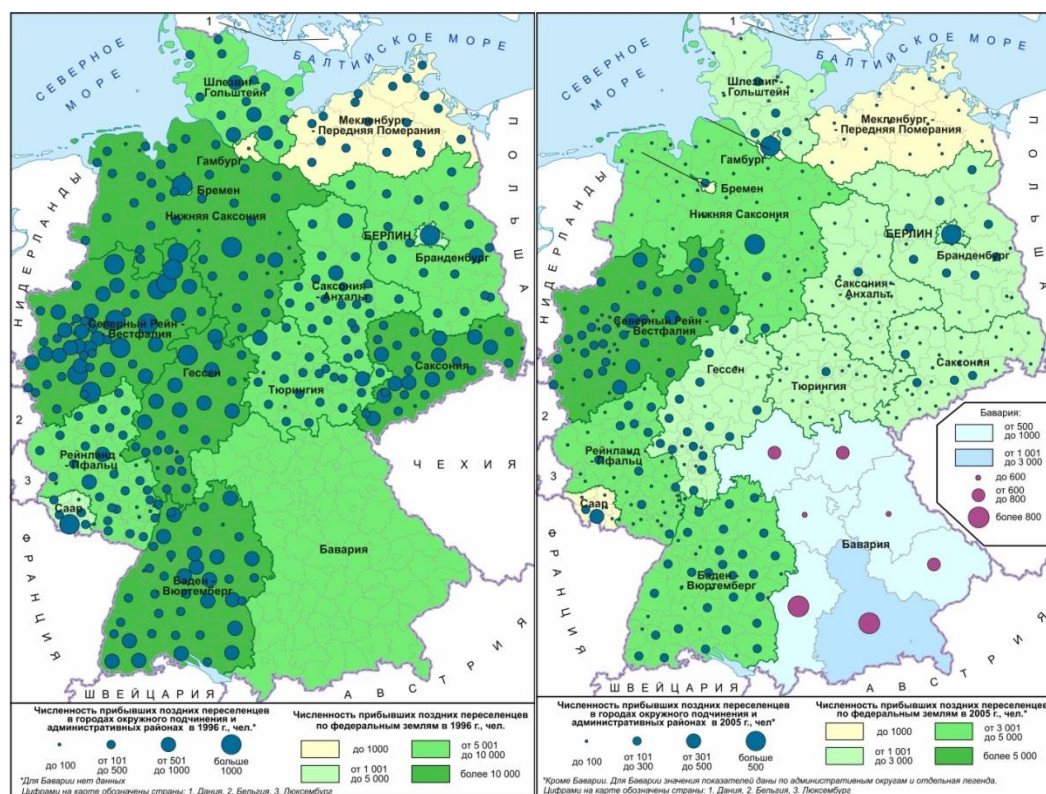
Источник: [417].

Расселение поздних переселенцев отличается более равномерным распределением внутри федеральных земель, в отличие от других групп иммигрантов, которые концентрируются в крупных экономических центрах (рис. 5.19).

В период максимального притока поздних переселенцев из постсоветских стран в 1996 г. переселенцы активно направлялись в восточные и северные земли Германии, в том числе и в небольшие населенные пункты. В последующем численность поздних переселенцев снижается, но пропорции их распределения по федеральным землям сохраняются.

В итоге география расселения поздних переселенцев несколько отличается от расселения других групп мигрантов. До 1% среди всего населения поздние переселенцы занимают в населении земель восточной Германии.

В частности в Бранденбурге, в Саксонии, а также на севере Земли Мекленбург Передняя Померания. Места повышенной концентрации поздних переселенцев (более 1% от всего населения) наблюдаются в ряде округов земли Северный Рейн-Вестфалия, а также вдоль Рейна в земле Рейнланд-Пфальц.

Анализ интервью с поздними переселенцами показывает, что значительная их часть, особенно представители молодых возрастов, стремятся из восточных и северных федеральных земель переехать или в южные более развитые в экономическом отношении земли или в крупные города страны (Берлин, Гамбург) для обучения или в поисках работы. С другой стороны, многие пенсионеры отмечали, что

их устраивает жизнь в небольших населенных пунктах, и они не стремятся менять место жительства.

5.3.2. Особенности положения российских немцев в Германии

Неоднозначность положения российских немцев среди прочих групп мигрантов в Германии вызвана парадоксальностью позиции немецкого государства в отношении допуска мигрантов к ресурсам государства всеобщего благосостояния, когда в конфликт вступают территориальный и национальный принципы государственности [141].

С одной стороны, российские немцы, при пересечении границ государства получают статус позднего переселенца (или члена семьи позднего переселенца), что дает право на получение гражданства Германии и легализует нахождение поздних переселенцев на территории страны, одновременно формально в политическом отношении, выводя их из категории «иностранцев» в чужой для них стране. С другой стороны, политические права, получаемые поздними переселенцами, не гарантируют им получение работы и не избавляют их от социально-психологических и культурных сложностей, с которыми тесно связано положение мигрантов.

Поздние переселенцы оказываются элитными, но все же внутренними или государственными мигрантами (иностранцами) в Германии. Положение усугубляется масштабами и скоростью миграции, еще невиданной в Европе во второй половине XX в.

С 1990 по 2014 г. гражданами страны стали около 2 млн поздних переселенцев – этнических немцев из бывшего СССР [422]. Большая часть эмигрантов не была готова к новому политическому, экономическому и социальному статусу. Этот факт и значительные размеры миграции способствовали переносу множества социальных практик стран выхода в принимающее общество, которые трансформируются в нем (принимающем обществе) в новое, совершенно особое социальное поле, представляющее из себя своего рода симбиоз «социального багажа страны выхода» и новых социальных практик, освоенных в принимающем обществе. Часть этих практик чужда и непонятна жителям России, часть других не может быть принята жителями Германии. Ежедневное рутинное использование таких практик

приводит, в том числе к формированию нового типа этнокультурной идентичности, который в научных работах именуется «гибридной идентичностью» [26].

У значительной части поздних переселенцев наблюдается тесная взаимосвязь между стратегиями интеграции и связями с прежней страной выхода (страны СНГ и Балтии). Эти связи постоянно поддерживаются и воспроизводятся экономическими, социальными, культурными и др. отношениями между мигрантами и родственниками и знакомыми в стране выхода, что делает многих поздних переселенцев участниками транснациональных сообществ и одновременно расширяет социальное пространство их знакомых и родственников, живущих в странах выхода, для которых Германия становится частью повседневной жизни.

Отличительные черты поздних переселенцев от прочих групп иностранцев в Германии, в том числе и от иммигрантов из России, можно разделить на две группы: объективно-структурные и культурно-психологические.

Структурные отличия. В научной литературе применительно к интеграции мигрантов в новое для них сообщество встречается понятие «структурной интеграции», то есть совпадения значимых структурных характеристик мигрантов с характеристиками принимающего сообщества. В случае существенных расхождений неизбежно возникают сложности в ходе интеграции в экономической и социальной сферах. Важнейшими особенностями структурных характеристик российских немцев являются: расселенческие характеристики, образовательная и профессиональная структура.

Многие поздние переселенцы – выходцы из сельской местности России и Казахстана, из менее модернизированного, более традиционного и консервативного общества. По сравнению со всем населением России в 1989 г. (накануне массовой эмиграции в Германию), немцы оставались более сельскими жителями: 47% немцев проживало в сельской местности, тогда как в среднем по России данный показатель составлял 27%.

В Казахстане 51% немцев проживали в сельской местности, в Киргизии – 58%. Преимущественно горожанами были только немцы Таджикистана – 93% из них в 1989 г. проживали в городах [161, с. 22].

Для немцев России в 1989 г. был характерен более низкий уровень образования, по сравнению со среднероссийскими показателями. Это стало следствием

ограничения на получение высшего образования и другими социальными ограничениями для немцев в СССР, а также высокой долей сельских жителей среди немцев, что и определило несколько «усеченную» социальную структуру немецкого населения по сравнению с общероссийскими показателями.

По данным переписи населения 1989 г., 80,6% жителей Российской Федерации старше 15 лет имели высшее и среднее (полное или неполное) образование. Среди немцев доля лиц с таким образованием была заметно ниже - от 66,7% всего немецкого населения Новосибирской области, до 75,5% немцев в Оренбургской области. В ряде регионов массового проживания немцев уровень высшего образования у данной этнической группы в 1989 г. был в два раза ниже, чем средний показатель по региону уровень высшего образования. Исключение составляла только Челябинская область (рис. 5.20).

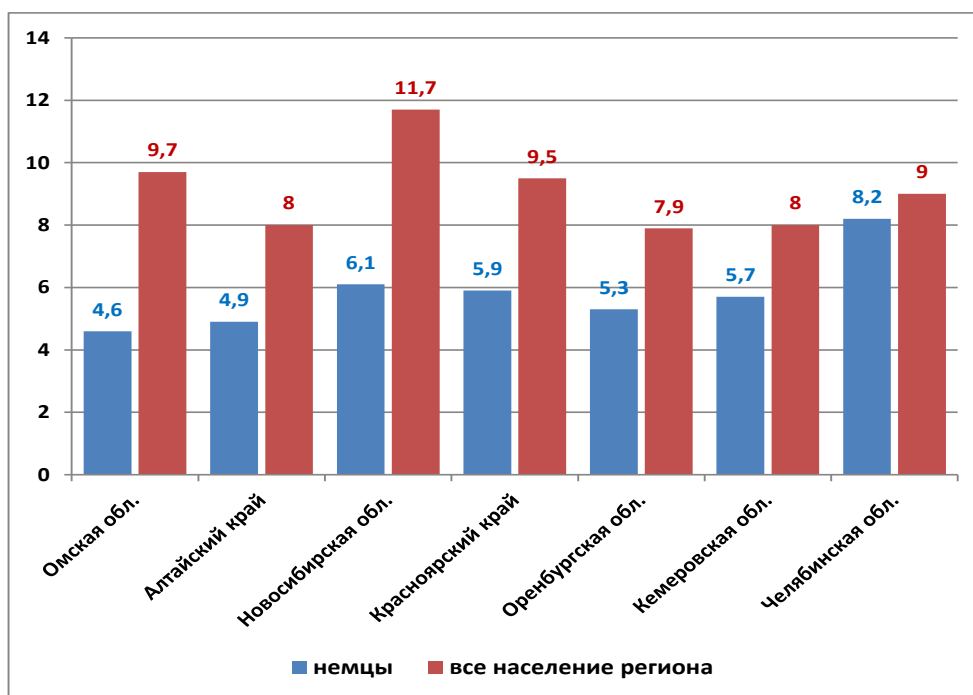

Рис. 5.20. Доля лиц с высшим образованием в населении ряда регионов, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, в %. Составлено по данным [161, с. 22].

В регионах массового проживания немцев среди них ниже среднероссийского была доля специалистов со средним специальным образованием и, соответственно, выше – доля людей с начальным образованием. Так, в Кемеровской области 22,8% немцев имели только начальное образование, в Омской области – 18,6%, тогда как в среднем по России в 1989 г. 12,9% населения имели начальное образование. Среди немецкого населения была также выше доля лиц, не имеющих обра-

зования, - от 11,5% немцев в Алтайском крае до 7,6% в Челябинской области. В среднем по России этот показатель составлял в 1989 г. 6,5%. Исключением являлась только Оренбургская область, где доля немцев с образованием ниже начального была 4,9%, то есть ниже общероссийского показателя.

В других бывших союзных республиках уровень образования среди немцев, также был ниже, чем в среднем. В Казахстане 73,5% немцев имели высшее и среднее (полное и неполное образование), а средний показатель по Казахстану составлял 83,4%. В Киргизии эти показатели были 74,1% и 84,2%, соответственно, в Таджикистане – 75,7% и 83,7%.

Уровень образования определил и особенности занятости немцев в экономике страны, хотя в целом занятость немцев в экономике выше, чем среднерегиональные показатели. Особенностью занятости немецкого населения в регионах массового проживания являлась в 1989 г. повышенная доля занятых в отраслях материального производства (в среднем на 2-4%, чем для всего населения региона) и высокая доля занятых физическим трудом (на 6-8% выше, чем в среднем по региону).

Среди немцев в 1989 г. наблюдалась высокая доля занятых в сельском хозяйстве (от 44% в Алтайском крае до 27% в Красноярском крае), промышленности (от 23% в Новосибирской области до 18% в Омской области), строительстве и на предприятиях транспорта и связи.

Старшее и среднее поколение российских немцев, которое социализировалось и выросло в традиционной среде, могло более консервативные взгляды усвоить несознательно, тут скорее проявляется «бытовой консерватизм». П. Бурдые объясняет такие исторически сложившиеся практики восприятия и поведения через понятие «габитус» [32, 33]. Особенно контрастным такое коллективное мировоззрение может выглядеть в толерантной Германии, послевоенное поколение которой выросло в условиях воспитания терпимого отношения к мигрантам и чувства коллективной исторической вины.

Еще одной особенностью эмиграции немцев, которая может способствовать воспроизведению сложившегося восприятия «чужого», является коллективно-семейный характер миграции.

«В любом случае миграция – это драма и коллективно это переживается еще острее, образуется своеобразная новая социальная группа»³¹.

Переезжая целыми семейными кланами (такое выражение часто можно слышать от самих переселенцев), они перевозят в Германию сложившиеся привычки и практики поведения. В результате представители молодого поколения принимают их также. Вот несколько цитат из интервью разных лет с российскими немцами в Германии.

Интервьюер: - *Миша, а у тебя подруга есть?*

Миша: - *Да есть? Около Билефельда живет, я с ней на дне рождения друга познакомился.*

Интервьюер: - *она русская? Из России?*

Миша: - *да, из наших.*

Интервьюер: - *а почему с немецкими девочками не дружишь?*

Миша: - *с немками? с ними плохо³².*

«Не представляю, откуда у нее это взялось (про дочь говорит – С.М.)? Я же ее из России увезла, чтобы она с такими вот парнями не общалась. И тут приводит мне, ну как у нас в Челябинске 10 лет назад. Он только полгода назад из Казахстана приехал»³³.

Социально-культурные особенности. Другие существенные отличия российских немцев и членов их семей от других групп мигрантов носят социально-культурный характер. Прежде всего, это относится к их исторической памяти и особенностям этнической идентичности. По данным интервью и из многочисленных бесед с российскими немцами становится ясно, что важным фактором, способствующим интеграции, является мотивация, которая подпитывается желанием «быть немцем среди немцев», стать своим, доказать, что ты настоящий немец, что естественно отсутствует у представителей других этнических групп в среде мигрантов. Многие в интервью подчеркивают свое немецкое происхождение, часто

³¹ Женщина, 1955 г. рождения, переехала в ГДР из Болгарии в 1980-е г., работает в администрации района Марцан (Берлин) в отделе по работе с мигрантами. Дата проведения интервью 2006 г.

³² Мужчина, 1989 г. рождения, переехал в Германию с родителями из Алтайского края в 1999 г. Учится в профессиональной школе на монтажника-высотника металлоконструкций, пригород Оснабрюка. Дата проведения интервью 2004 г.

³³ Женщина, 1965 г. рождения, переехала в Германию из Челябинска, в 1997 г., образование высшее, работает в библиотеке университета в Эрлангене. Дата проведения интервью 2007 г.

этих людей можно назвать в гораздо большей степени немцами, чем самих немцев в Германии.

Очень многие успешно интегрировавшиеся мигранты подчеркивали, сколько усилий они приложили к тому, чтобы занять достойное положение в новом для них обществе, многие сознательно отказываются от своего «советского» и «российского» прошлого и используют в общении только немецкий язык. Вот некоторые цитаты из интервью.

*«Мы **хотели** быть немцами. Мы немцы, всегда были немцы»³⁴.*

«Мне только три раза попались люди, не совсем доброжелательно со мной поговорили. Один, он на три года старше, мы с ним гуляли, он мне начал петь: «Зачем Вы приехали? Вы ничего про немцев не знаете. Немецкую культуру Вы не знаете. Что Вы хотите здесь делать?» Я говорю: «Может быть». И рассказал стихотворения на немецком языке, одно Гейне, одно Гёте, говорю: «Теперь Ваша очередь». Он поморщился и пошел. Сказал, что ему некогда. Больше он на эту тему не заикнулся ни разу»³⁵.

Приложив огромные усилия для интеграции и стараясь быть немцами, но осознавая, что «настоящим» немцем стать невозможно, часть успешных мигрантов в личных беседах отрицательно отзываются о других мигрантах, и в частности о беженцах.

Например, осенью 2015 г. не на диктофон, а в личных беседах российские немцы говорили, что, видя наплыв мигрантов, они опасаются за судьбу Германии – с одной стороны, с другой – ощущают обиду за себя. Им нужно было доказать многое, чтобы найти свое место в Германии, а тут огромное количество мигрантов получает «все и сразу».

«Я себя чувствую немцем, может даже больше немцем, чем другие. Я знаю свою историю, мне нравится читать на русском языке, но я всегда чувствовал себя немцем, даже когда мы были там. ... я тоже отличаюсь от

³⁴ Из дискуссии на интеграционном семинаре для поздних переселенцев в Германии, 2004 г., пригород Билефельда, Эрлингхаузен, Германия.

³⁵ Мужчина, 1929 г. рождения, переехал в Германию из Омской области в 1999 г., пенсионер. Дата проведения интервью 2004 г. Пригород Оснабрюка.

*немцев, которые родились здесь. Я все еще чувствую себя **российским** немцем*³⁶.

Еще одна социально-культурная особенность, характерная не только для российских немцев, а для всех мигрантов из бывшего СССР, особенно переехавших в Германию в 1990-е гг., и отличающая их от других групп мигрантов (за исключением иммигрантов из бывшей Югославии) – это социализация в Советском Союзе и «переживание» процесса распада СССР. Данный социальный опыт во многом определяет отношение мигрантов к социально-экономическим реалиям Германии, которые проявляются по-разному в различных ситуациях.

Например, объяснение повышенной тревожности российских немцев по отношению к наплыву беженцев в Европе, и в частности в Германии, связано с их личным опытом, пережитым в странах выхода, особенно в Казахстане и в Узбекистане. Часть переселенцев сталкивалась с различного рода этническими противоречиями и конфликтами до эмиграции, в период распада СССР. Они помнят, как быстро «костер» разгорается, и как его сложно потом «потушить». Об этом говорили в октябре 2015 г. несколько поздних переселенцев разного возраста, высказывали опасения относительно обострения конфликтов между немцами и беженцами.

*«Мама все время в Германию хотела, остальная родня тоже. Потом бабушка сюда переехала и мама. ... Нам узбеки говорили: «Уезжайте отсюда немцы...». Плохо очень с едой было, батя крутился, как мог... И узбеки стали хуже относиться, надо было узбекский язык в школе учить... Мы все равно бы уехали из Узбекистана...»*³⁷

Эти особенности во многом определяют ход адаптации поздних переселенцев и трансформацию их социального статуса в Германии, что более подробно рассмотрено ниже.

³⁶ Мужчина, 1973 г. рождения, в Германию переехал с родителями из Казахстана в 1989 г., образование высшее, работает в банке, во Франкфурте на Майне. Дата проведения интервью 2013 г.

³⁷ Мужчина, 1984 г. рождения, в Германию переехал с родителями из Узбекистана в 1994 г., учится на монтажника-высотника металлоконструкций в Детмолде, Германия. Дата проведения интервью 2004 г.

5.4. Адаптационные стратегии российских немцев в Германии

По мнению экспертов и иммигрантов из бывшего СССР, не имеющих юридический статус позднего переселенца, поздние переселенцы являются «элитными иммигрантами» и избавлены от сложного пути, по которому проходят многие мигранты, настроенные на полноценную интеграцию в германское общество³⁸. Уникальность положения этой группы иммигрантов в Германии не избавляет их от типичных сложностей процесса адаптации в новой стране проживания.

Адаптационные стратегии поздних переселенцев рассмотрены с точки зрения их вхождения на рынок труда Германии и социально-культурных особенностей интеграции. Обращено внимание на этническую идентичность мигрантов.

5.4.1. Стратегии интеграции поздних переселенцев на рынке труда Германии

Поскольку тема адаптации переселенцев в Германии очень широкая, то автор ограничивается рассмотрением стратегий адаптации только для тех переселенцев, которые получили профессию или образование в стране выхода, то есть приехали в Германию уже после 20 лет, но еще не вышли на пенсию. Подростки и пенсионеры в данном случае не рассматриваются.

Достигаются указанные адаптационные сценарии различными путями и за различное время, поэтому возможно великое множество вариантов реальных моделей адаптации и экономического поведения переселенцев. Мы представляем наиболее типичные стратегии социально-экономической адаптации переселенцев, выявленные по результатам эмпирических исследований автора в Германии.

Ниже приводятся социальные механизмы выбора моделей адаптации на примере трех групп переселенцев, отнесенных автором к различным социальным слоям. Это мигранты, обладающие высоким, средним и низким социальным статусом в стране выхода (рис. 5.21).

Наибольшее разнообразие моделей адаптации наблюдается в группе респондентов с достаточно высоким социальным статусом в стране выхода. **К данной группе** относятся российские немцы и члены их семей, которые в России или дру-

³⁸ Интервью в Берлине в округе Марцан-Хелерсдорф (Marzahn-Hellersdorf) с сотрудницей отдела по работе с иностранцами. Август 2006 г.

гих странах СНГ занимали престижные ниши на рынке труда. Это переселенцы с высшим образованием, преимущественно жители больших городов. Среди респондентов, с которыми проводились глубинные интервью, преобладающие профессии в стране выхода – врачи, инженеры, научные работники, учителя.

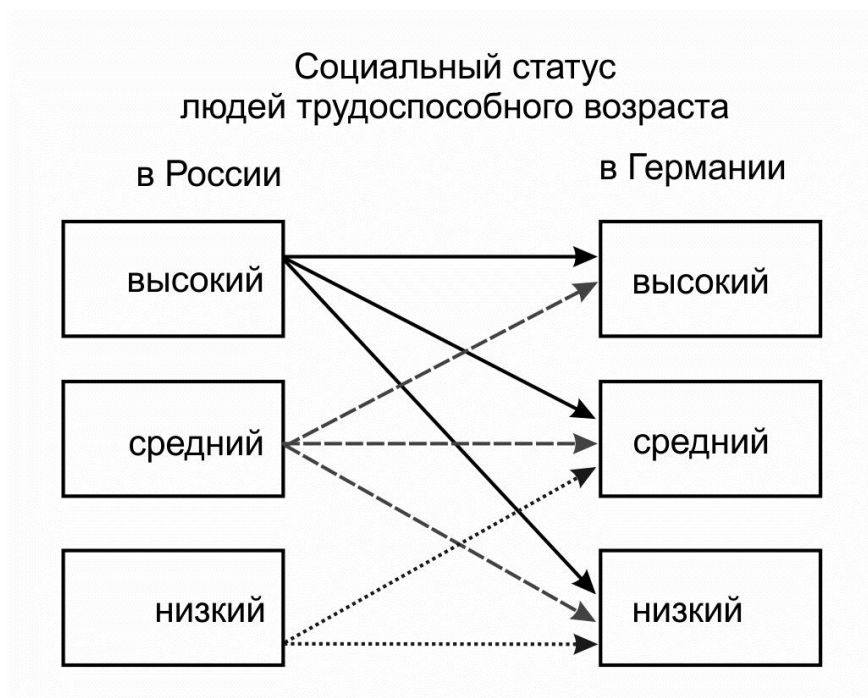

Рис. 5.21. Трансформация социального статуса поздних переселенцев в Германии.

Составлено автором.

Для этой группы существует три наиболее возможные адаптационные стратегии. Первая подразумевает сохранение прежнего социального статуса. Вторая – некоторое снижение социального статуса. Третья – сильное снижение социального статуса, по сравнению с социальным статусом в стране проживания.

Это группа относительно небольшая по численности, и преобладающее большинство выбирает первые две модели адаптации: либо сохранение социального статуса, либо некоторое его снижение.

Сохранение социального статуса происходит несколькими путями. Материалы проведенных интервью свидетельствуют о том, что чаще всего врачи, инженеры, научные работники и прочие подтверждают дипломы о высшем образовании и сохраняют свою профессию в стране проживания, а, следовательно, и социальный статус.

«...Когда приехал в Германию, 13 лет назад это было, в первый год сказал сам себе: «я должен это сделать, сжать зубы, но сделать» и подтвердил диплом врача, первые два года очень сложно было...»³⁹

В наиболее сложное положение попадают учителя, потому что диплом учителя в Германии не признается, они вынуждены либо получать новую профессию, чтобы сохранить высокий социальный статус, либо несколько снижать социальный статус. Многие учителя, хорошо владеющие немецким языком, находят выход в активной общественной работе, создают различные организации, занимающиеся консультацией и помощью переселенцам. Это хоть и не повышение социального уровня, но ощущение собственной общественной необходимости, повышающее самооценку этих переселенцев.

«...Мне уже поздно что-то искать было тут в смысле работы, хотя я сначала и в Ратхаузе несколько лет работала, в отделе по мультикультурному развитию, это еще не в Берлине было, а куда нас направили из лагеря, маленький совсем городок в восточной Германии. А уж в Берлине, я сейчас на нескольких работах и в АОА и в «Haus der Heimat» и еще вот лекции организовываю для женщин переселенок, все это практически на общественных началах. Но дома сидеть не могу, а так людям польза»⁴⁰.

«...Я же больше 20 лет проработала учителем математики в России, и вроде неплохим учителем была. А тут вот пуццфрау⁴¹ работаю, не дается мне немецкий никак. Практику делала в детском саду, думала, хоть воспитателем буду, но не оставили там, немецкий слабый очень. Да и лет уже много, что-то новое начинать...»⁴².

В данном случае, при сохранении всех рамочных условий важную роль играет возраст переселенцев, чем младше переселенцы, тем больше возможностей получить новое образование и найти свое место на рынке труда Германии.

³⁹ Мужчина, 1952 г. рождения. Приехал в Германию в 1991 г. из Челябинской области. Образование высшее, в России работал врачом. Работает врачом в клинике в Детмолде. Интервью проходило на немецком языке. Дата проведения интервью 2004 г.

⁴⁰ Женщина, 1953 г. рождения. Приехала в Германию в 1990 г. из Новосибирска. Знание немецкого отличное. Берлин, Дата проведения интервью 2006 г.

⁴¹ От немецкого die Putzfrau - уборщица, также среди российских немцев распространен глагол образованный от данного существительного «путцать» - убирать

⁴² Женщина, 1952 г. рождения. Приехала в Германию из Омской области в 2000 г. Работает уборщицей, в России работала учительницей. Плохо знает немецкий, живет в пригороде Билефельда. Дата проведения интервью 2004 г.

Многие переселенцы, которые выбирают путь сохранения высокого социального статуса через получение высшего образования в Германии, выбирают профессии социальных работников, программистов, инженеров, которые являются достаточно востребованными в Германии. Нельзя сказать, что среди тех, кто поступает учиться в университет, преобладает выбор определенной профессии.

«...В какой-то момент поняла, что надо получить тут образование, иначе дальше не пойдешь. Тем более что я еще молодая была, учиться было можно. Вот я и выбрала эту социальную школу в Берлине. Нельзя сказать, что очень престижная профессия, но без работы пока точно не останусь. Я не жалею, что такой выбор сделала...»⁴³.

Снижением социального статуса можно считать постоянную работу, не соответствующую образованию, полученному в стране выхода. Среди наиболее часто встречаемых вариантов – работа на постоянной или долгосрочной основе в детском саду, работа медсестрой в клинике или частной врачебной практике, работа секретарем, продавцом и т.д.

При сохранении всех прочих условий важным фактором получения работы, а, следовательно, и сохранения определенного социального статуса является знание немецкого языка, о чем упоминали все респонденты.

Следующая модель адаптации на рынке труда приводит к снижению социального статуса, и в большинстве случаев, по мнению респондентов, ограничивающими факторами являются возраст и знание немецкого языка. Сложно продолжать образование или получать новое образование в предпенсионном возрасте, поэтому многие переселенцы вынуждены браться за временную низко квалифицированную работу, часто среди этой группы переселенцев распространена нелегальная занятость (продавцы, чернорабочие, строители), особенно в крупных городах, где социальная анонимность граждан выше, чем в небольших городах.

В этой группе достаточно четко проявляются гендерные различия в занятости переселенцев. Женщины работают, нянями, сиделками с престарелыми, уборщицами; мужчины – чернорабочими, водителями.

⁴³ Женщина, 1967 г. рождения, приехала в Германию в 1996 г. из России. Работает в Берлине в организации «VISTA» – консультация для наркозависимых русскоязычных жителей Германии. Знание немецкого отличное. Дата проведения интервью 2006 г.

Определенная часть переселенцев из этой группы попадает в категорию безработных или получающих социальную помощь и пенсию.

Вторая группа переселенцев, те, кто не обладал достаточно высоким социальным статусом в стране выхода. Чаще всего это российские переселенцы со средним или средним специальным образованием, которые работали в стране выхода – строителями, квалифицированными рабочими, медсестрами, различными административными сотрудниками. Это наиболее многочисленная группа, среди переселенцев. Среди них наблюдаются люди с различной этнической идентификацией. Сюда же относятся и руководители среднего звена или высококвалифицированные работники, приезжающие из сельской местности в Германию.

В этой группе редко кому удастся подтвердить свое образование и продолжать работать по специальности. Чаще всего представители данной группы, в случае сохранения социального статуса получают новое образование в Германии для получения новой профессии. Это могут быть социальные работники, медсестры, рабочие высокой квалификации и т.д.

«...Муж мой в Казахстане на стройке работал, потом 20 лет на шахте. Тут он устроился сейчас тоже на стройке, монтажником работает, мы довольны, в нашем возрасте, сложно что-то найти, а он хорошо зарабатывает. Я там последнее время безработной была, а тут меня сначала швейей взяли работать, потом уборщицей, это все из социального центра меня направляли... Дочка старшая в 17 лет приехала, сейчас помощником врача работает...»⁴⁴

Достаточно много среди представителей этой группы и переселенцев, которые снижают свой социальный статус и живут либо на социальное пособие или на пособие по безработице, либо заняты на низкоквалифицированных, обслуживающих профессиях.

Третья группа переселенцев, с достаточно низким социальным статусом, часто они обладают профессиями, которые уже не востребованы в Германии (например, доярки, зоотехники и т.д.). Многие представители этой группы получают в Германии новую профессию, либо работают на различных временных рабо-

⁴⁴ Женщина, 1952 г. рождения, приехала в Германию в 1996 г. из Караганды (Казахстан). Работает в Берлине уборщицей. Дата проведения интервью 2006 г.

тах. Часть из них получает социальное пособие или пособие по безработице. Это относительно немногочисленная, но наиболее нестабильная в социальном плане группа переселенцев. Те из представителей данной группы, которые живут в больших городах, часто работают нелегально (уборщиками, продавцами, рабочими), в различных структурах, организуемых переселенцами.

«...Думаю, что нам сложно будет найти работу в Германии, во-первых, возраст, во-вторых – прежняя профессия, я вот скотником работал в России, а тут мне, кажется это и не нужно совсем. Может, пчелами займусь, не знаю еще, пока мы с женой оба социальную помощь получаем...»⁴⁵

В целом поздние переселенцы интегрированы в рынок труда Германии, их адаптационные стратегии отличаются значительным разнообразием и зависят от множества факторов, которые будут рассмотрены ниже. На взгляд автора, для большей части российский немцев характерна ориентация на занятость на рынке труда, а не на социальные пособия по безработице.

Среди поздних переселенцев сложности в выборе адаптационных стратегий на рынке труда в большей степени испытывают специалисты, получившие в СССР/России педагогическое или общегуманитарное образование, особенно представители предпенсионного возраста, которым сложно получить новую профессию в Германии. Сложность ситуации усугубляется тем, что переезд в Германию сопровождается резким снижением социального статуса представителей этой группы.

Для лиц с высшим образованием, в целом характерна более высокая мотивация к интеграции на рынке труда и большая гибкость в выборе адаптационных стратегий.

Сложно найти свою нишу на рынке труда переселенцам из сельской местности, которые обладали профессиями, не представленными на рынке труда Германии. Но данная категория легче соглашается на любые формы занятости в Германии, что не сопровождается резким изменением социального статуса, при благополучном материальном положении. Но именно эта группа, особенно мужчины старшего возраста, оказывается изолирована от социально-культурной жизни Гер-

⁴⁵ Мужчина, 1949 г. рождения. Приехал в Германию в 2003 г. из Омской области. Живет в Билефельде. Получает социальное пособие, знание немецкого языка плохое. Дата проведения интервью 2004 г.

мании, и наличие места работы не избавляет представителей данной группы от других сложностей адаптации, что часто приводит к социально-культурной изоляции.

5.4.2. Социально-культурные особенности адаптации поздних переселенцев

Очень сложно определить критерии успешности процесса социально-культурной адаптации мигрантов, тем более это сложно сделать в отношении поздних переселенцев, учитывая их особое положение в Германии среди прочих групп мигрантов. Естественно, что одним из важнейших критериев является уровень владения немецким языком среди мигрантов. Несмотря на то, что Германия предоставляет условия для посещения курсов немецкого языка, для многих поздних переселенцев это становится одной из главных непреодолимых сложностей жизни в Германии, и становится барьером для экономической и социальной интеграции.

Результаты полевых исследований показывают, что часто сложности в изучении немецкого языка кроются в отсутствии необходимой мотивации у поздних переселенцев, что в свою очередь часто связано с рядом субъективных факторов. В том числе таких как, отсутствие положительного образа Германии, кризис этнической идентичности, возможности использования в повседневной жизни различных русскоязычных структур, тесное общение в среде мигрантов и т.д.

В ходе исследования мы детально остановились на изучении трансформации образа Германии у мигрантов до и после эмиграции, а также на изучении типов этнической идентичности российских немцев.

5.4.2.1. Трансформация образа Германии у российских немцев

Для определения образа территории и этнического образа в работе были использованы определения образа территории и этнического образа, предложенные Д.Н. Замятиным. *Образ территории* – сложная система устойчивых пространственных представлений, обладающая специфическими закономерностями развития. *Этнический образ* – система представлений об отличительных чертах той или иной этнической группы, зачастую, сводящаяся к выделению определенных этнических поведенческих стереотипов [82, с. 139-149].

Для анализа механизмов трансформации образа территории и этнического образа немцев у российских немцев важно остановиться на утверждениях, приведенные в монографии Д.Н. Замятина «Метагеография»:

«Миграции являются одним из наиболее важных факторов формирования образа территории. В ходе миграции, как правило, происходит перенос определенных пространственных представлений на новую территорию, на которой происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и «пришлых» пространственных представлений....

...Характер или тип миграции определяют конфигурацию свойства и структуру образа территории...

...Массовая иммиграция на территорию по социально-экономическим мотивам с целью постоянного проживания ведет, как правило, к «размыванию» традиционного... образа и постепенной «космополитизации» образа (образов)...

...Образов территории становится значительно больше, они становятся более специфическими, отражая пространственные представления различных (этнически, социально, культурно или политически «окрашенных» сегментов общества» [82, с. 139-149].

Образ Германии у российских немцев в России. В ходе анализа проведенных интервью из всего разнообразия высказываний, касающихся Германии и немцев у российских немцев в России были выделены три элемента, составляющие базового образа Германии: нейтральный, позитивный, негативный. Элементы были выбраны исходя из оценочной окраски высказываний, влияющей также на принятие решения о переезде в ФРГ.

Большая часть из опрошенных в России российских немцев была в Германии, в гостях у своих родственников или друзей, остальные знакомы с жизнью в Германии по рассказам живущих там российских немцев или тех, кто был в Германии в гостях. Таким образом, среди тех, с кем были проведены интервью, у всех был сформирован образ Германии, либо по личным впечатлениям, либо по рассказам родственников или друзей.

По итогам анализа интервью были выявлены негативные, нейтральные и позитивные элементы образа Германии, и для каждого элемента была определена чаще всего встречающаяся в интервью характеристика.

Например, в ходе нейтрального упоминания Германии чаще всего встречались такие характеристики: городская культура, историческая родина, природа другая, все маленькое, тихо.

«Наши люди более крестьянские, а они – немцы культурные, городские....»⁴⁶;

«Когда была там, удивилась какое все маленькое – дома, дороги, улицы, тихо там очень...»⁴⁷

По итогам анализа интервью для позитивного элемента, с учетом частоты повторяющихся оценок были выявлены следующие характеристики: порядок, точность, чистота, налаженный быт, более высокий уровень культуры, религиозная страна, материальная обеспеченность, социальная защищенность, свободная страна.

Характеристика положительных сторон Германии, данная одной из респонденток, может служить обобщенной иллюстрацией к большинству мнений озвученных российскими немцами в России:

«Русские всегда думали, что заграничное лучшее. Это традиция, психология. Мое первое впечатление от Германии – туалеты и дороги. Плюсы Германии - высокий уровень цивилизации, налаженный быт, чистота, ландшафт, непохожесть домов, красота, пунктуальность (позвонить перед тем, как ехать в гости), доступность транспорта, возможность найти хорошую работу и получать хорошие деньги. Первое чувство – я поняла, что я оттуда, приняла все их законы»⁴⁸.

Среди негативных сторон образа Германии по итогам интервью наиболее часто упоминались ухудшение экономической ситуации, безработица, негативное отношение к приезжим, много иностранцев, в том числе русских, дефицит общения с местными жителями, слишком много свободы – вседозволенность, нет общения с природой, скучная жизнь.

⁴⁶ Мужчина, 1929 г. рождения, пенсионер. Интервью проходило в Немецком национальном районе (ННР) Алтайский край, 2004 г.

⁴⁷ Женщина, 1955 г. рождения, бухгалтер Общества развития Гальбштадт (ОРГ), переехала из Казахстана в Россию 1997 г.. Интервью проходило в ННР, Алтайский край, 2004 г.

⁴⁸ Женщина, 1962 г. рождения, преподаватель немецкого языка. Интервью проходило в ННР, Алтайский край, 2004 г.

Именно это, как одну из основных причин возвращения обратно в Россию указывали респонденты, которые после нескольких лет жизни в Германии вернулись в Россию:

*«Мы очень скучали, родители не могли найти работу, поэтому вернулись в Россию».*⁴⁹

Вот еще одно из емких высказываний по этому поводу:

*«Минусы в Германии это - однообразие жизни, отсутствие запахов, обилие мусора вдоль дорог, неприспособленность немцев к стрессам, боязнь выйти за рамки, зависимость от коммуникаций, духовная нищета, дети живут сами по себе. Мы в этом смысле богаче...»*⁵⁰.

Германия для российских немцев, живущих в России это еще чужая страна, с множеством непривычных вещей, откуда когда-то прибыли их предки, прежде всего, с благополучной экономической и социальной ситуацией; чистая с устроенным бытом страна – для большинства это является определяющим в ее образе; но материальное благополучие не перевешивает социальную изоляцию, отсутствие полноценных возможностей вхождения в новую принимающую среду, что большинство респондентов характеризуют как – отсутствие общения и скуку.

Этнокультурный образ немцев значительно беднее, чем образ страны, большинство опрошенных среди основных черт типичного «немецкого немца» называют: индивидуальность, дисциплинированность, неправильное воспитание детей, трезвость.

В ходе анализа интервью, бесед с экспертами, а также включенного наблюдения было выявлено, что формирование образа Германии очень ситуативно. Образ страны до эмиграции формируется под влиянием объективных и субъективных факторов, таких как – возраст, пол, место жительства, социальная среда, образование, наличие родственников в Германии, был респондент в Германии или нет, наличие или отсутствие миграционного намерения. Могут возникать различные образы Германии, базовый образ может разбиваться на множество более частных,

⁴⁹ Женщина, 1980 г. рождения, преподаватель немецкого языка. Интервью проходило в ННР, Алтайский край, 2004 г.

⁵⁰ Женщина, 1962 г. рождения, преподаватель немецкого языка. Интервью проходило в ННР, Алтайский край, 2004 г.

детальных образов с преобладанием одного из элементов: нейтрального, позитивного или негативного (рис. 5.22).

Рис. 5.22. Факторы, формирования образа Германии у российских немцев, проживающих в России. Составлено автором.

Если респондент не намерен переезжать в Германию, то часто в образе страны преобладают негативные и нейтральные элементы. Если же уже принято решение о переезде, то формируется более позитивный образ Германии. Часто респонденты использовали для объяснения противоположного выбора (уезжать или оставаться) одинаковые причины. Например, «я еду/ не еду потому что... работы там/тут не найти, прожить там/тут легче». Наиболее часто встречающаяся причина, из-за которой респонденты уезжают или остаются – будущее детей (рис. 5.23).

Рис. 5.23. Формирование образа Германии у российских немцев России в зависимости от миграционных намерений. Составлено автором.

Ниже представлены наиболее типичные моменты из интервью, показывающие механизм усиления негативного образа Германии в зависимости от миграционных намерений респондентов:

«Мы не хотим переезжать в Германию, потому что... не враг своим детям, сам пострадал, и не хочу, чтобы дети страдали в новой стране⁵¹».

«Мы собираемся в Германию... из-за детей, им в Германии легче устроиться...⁵²»

«Многие назад не возвращаются из-за детей... Я лично из-за детей никогда в жизни не уеду, это очень большая травма для них. Мои дети не хотят в Германию⁵³».

Трансформация образа Германии у российских немцев после переезда в Германию. По итогам анализа интервью, проведенных с переселенцами, в Германии были выделены основные направления трансформации образа Германии у российских немцев, после их миграции (табл. 5.5).

Таблица 5.5.

Мнения российских немцев о Германии

Характеристики образа Германии	Мнения российских немцев,	
	проживающих в России	проживающих в Германии
Позитивные	Порядок, точность, чистота, налаженный быт, высокий уровень культуры, цивилизация, религиозная страна, свободная страна	Закон, Германия – наш дом
	Материальная обеспеченность, социальная защищенность	
Нейтральные	Городская культура, природа дружная	
	Историческая родина; все маленькое; тихо	
Негативные	Много иностранцев, в том числе русских; дефицит общения, нет общения с природой	Скучно, холодная и сырая погода, нет простора, страна индивидуалистов, думал, что религиозная страна, а оказалось – нет, думал, что очень чистая страна, а оказалось – нет
	Ухудшение экономической ситуации, безработица; негативное отношение к приезжим, слишком много свободы, вседозволенность, отсутствие воспитания у детей	

Составлено по итогам интервью.

⁵¹ Мужчина, 1949 г. рождения, председатель колхоза. Интервью проходило в ННР, Алтайский край, 2004 г.

⁵² Женщина, 1969 г. рождения, безработная. Интервью проходило в ННР, Алтайский край, 2004 г.

⁵³ Женщина, 1966 г. рождения, руководитель центра встречи «Общества развития Гальбштадт». Интервью проходило в Кулунде, Алтайский край, 2004 г.

В интервью, проведенных в Германии, с мигрантами из России, в нейтральных образах страны реже встречаются такие характеристики как: городская культура, другая природа, остаются следующие нейтральные характеристики – историческая, родина, все маленькое, тихо.

Часть характеристик, которые оценивались респондентами в России как нейтральные, после переезда в Германию воспринимаются переселенцами часто уже как негативные. Особенно это характерно при упоминании природы новой страны проживания. Если в России большинство респондентов, говоря о природе в Германии, чаще всего говорили о том, что она другая.

После переезда в Германию многие отмечают отсутствие российских просторов, отсутствие возможности свободно гулять по лесу, начинает раздражать респондентов камерный характер окружающей среды.

«Конечно, таких просторов нет, что у нас там бывает. Там у нас был свой дом, свой двор, речка рядом. Здесь можно только мечтать об этом, хоть бы деревце какое-то за своей оградой посадить⁵⁴».

При этом большинство респондентов отмечает в качестве генеральной характеристики нейтрального образа привыкание к новой стране проживания.

Из позитивных характеристик образа Германии у российских немцев и членов их семей после переезда в Германию начинают исчезать, вероятнее всего, потому что перестают быть непривычными и новыми, а отчасти потому, что эти ожидания не оправдываются следующие черты Германии: чистота, налаженный быт, высокий уровень культуры. Часть позитивных характеристик (вернее их отсутствие), которые приписывались Германии до переезда, но не нашедшие подтверждения после миграции, начинают восприниматься как отрицательные черты страны, усиливая ее негативный образ. Ниже приведены, наиболее выразительные примеры из бесед с российскими немцами в Германии:

«...Я думал немцы в Германии все религиозные, богобоязненные, ни один человек нечестно поступить не может. Потому что я был таким же богобо-

⁵⁴ Мужчина, 1950 г. рождения, безработный. В Германию переехал в 2003 г. Живет в г. Билефельд. Дата проведения интервью 2004 г.

язненным с малых лет. А оказалось... Когда я впервые увидел, что женщины ходят, открыто курят. Ну и так далее...⁵⁵».

«Рассказывали, что дороги тут с мылом моют. Все чисто очень, ничего нельзя делать. Деньги тут хорошие зарабатывают. Но, когда вылез из самолета, удивился, можно сказать испугался... Бумаги много, мусор. У нас в Узбекистане такого не было...⁵⁶»

На первое место в позитивных характеристиках образа Германии выходят характеристики и отмечаемыми российскими немцами и в России, но становящиеся еще более значимыми после миграции. Это – материальная и социальная обеспеченность. Новым важным элементом среди позитивных характеристик становится уважение к закону, ощущение сильного государства.

Максимальную трансформацию претерпели негативные характеристики образа Германии у переселенцев. Негативный образ становится более расплывчатым и парадоксальным, часто встречаются взаимоисключающие высказывания:

«...мы поехали сюда, потому что в России не были защищены, а оказалось, что и здесь не очень защищены. Старайтесь сами...⁵⁷».

Однозначные негативные характеристики Германии остаются неизменными в отношении экономического и социального благополучия страны, это отмечали и российские немцы в ходе интервью в России и переселенцы в Германии. Среди широкого спектра негативных черт однозначно и стабильно негативными характеристиками образа Германии остаются – ухудшение экономической ситуации и увеличение уровня безработицы.

От предыдущего образа Германии у российских немцев в России, о котором говорилось выше, российские немцы в после миграции приходят к новому образу уже не чужой для них страны.

Германия российских немцев в России это - еще чужая страна, откуда, когда-то, прибыли предки, страна с высоким уровнем культуры, благополучной экономи-

⁵⁵ Мужчина, 1929 г. рождения, пенсионер. В Германию переехал в 1999 г. Живет в пригороде Оснабрюка. В России работал директором школы. Дата проведения интервью 2004 г.

⁵⁶ Мужчина, 1984 г. рождения, в Германию переехал с родителями в 1994 г., учится в школе. Живет в г. Детмолд. Дата проведения интервью 2004 г.

⁵⁷ Мужчина, 1929 г. рождения, пенсионер. В Германию переехал в 1999 г. Живет в пригороде Оснабрюка. В России работал директором школы. Дата проведения интервью 2004 г.

ческой и социальной ситуацией, чистая с устроенным бытом, но материальное благополучие не перевешивает социальную изоляцию.

Новый образ новой страны их проживания можно сформулировать следующим образом – это уже достаточно привычная, спокойная, тихая, удобная для жизни страна, с благоприятной экономикой и достаточно стабильная в социальном плане, со стабильной правовой базой. Опасение вызывает только ослабление экономической ситуации и рост безработицы, а также все же достаточно замкнутое социальное пространство. Эти выводы подтверждают и одновременно иллюстрируют выводы Д.Н. Замятина, о влиянии миграции на изменение у мигрантов восприятия страны.

Формирование этнического образа немцев у переселенцев. Большинство российских немцев, опрашиваемых в ходе исследования в России, говоря об образе Германии и образе ее жителей, концентрировали внимание на стране, а не на ее жителях. Немцам давали только общие характеристики, которые можно свести к нескольким, наиболее контрастирующим, по их мнению, с типичными чертами русских. Немцы по представлениям российских немцев, живущих в России – индивидуалисты, дисциплинированные, не пьют, неправильно воспитывают детей.

Как показал анализ интервью с переселенцами в Германии, после переезда этнический образ немцев становится более сложным, не таким однозначным, как у респондентов в России. Значительная часть интервьюируемых отмечает, что общение с местными немцами сведено к минимуму.

Образ немца у российских немцев находится на стадии формирования, не всегда преодолевая ксенофобию. Основные характеристики этнического образа немцев, встречающиеся в интервью с переселенцами можно свести к следующим (от позитивных высказываний к негативным): пожилые люди – гостеприимные и добрые; такие же люди как мы; для них очень важна работа; менталитет у них другой, по-другому воспитаны; другие жизненные ценности; более замкнутые; немцы неаккуратные; порядка у них нет; нет уважения к старшим; так одеваются – испугаешься.

В одной из русскоязычных газет Германии представлен широкий спектр высказываний переселенцев о немцах, этот материал в значительной степени перекликается с содержанием многих интервью:

«...Немцы казались нам абсолютно счастливыми людьми: сытыми, беззаботными, постоянно улыбающимися, искрящимися дружелюбием и благожелательностью.

И вот мы здесь, рядом с ними, но произнести оптимистичное «Есть контакт!» можем не всегда. Кто в этом виноват? Негостеприимные хозяева или бесцеремонные гости?» А может все дело в разности менталитетов?

Вот некоторые высказывания наших земляков о коренном населении.

«Здесь никто не вторгается в частное пространство другого. Шастать к соседям просто так не принято. Деньги занимать тоже. Дворов в нашем понимании не существует.

«Немцы для нас совсем чужие, словно запрограммированные. Все у них рассчитано, расписано, внесено в компьютер. Мы со своими проблемами, мечтами, надеждами им не интересны»

«У нас ведь душа нараспашку, а у них – фиг поймешь, что на самом деле думают...»

«Для немца главное анонимность, независимость от всех и всего: от соседей, коллег, друзей, родственников...» [167].

В итоге анализа интервью, анализа СМИ, а также включенного направления можно говорить, что миграция оказывает существенное влияние на трансформацию образа Германии и вызывает формирование этнического образа немцев у российских немцев. В итоге миграции происходит сужение спектра нейтральных характеристик образа Германии, что сопровождается детализацией и конкретизацией позитивных характеристик страны. У большинства респондентов наблюдается детализация видения Германии, при этом образ становится более фрагментарным.

Появление противоречивых высказываний и уход от однозначных мнений, свидетельствует о ситуативности восприятия образа Германии большинством переселенцев. Также у большинства респондентов идет процесс детализации и расширения этнокультурного образа немцев.

Не последнюю роль в представлениях о новой стране проживания играет успешность интеграции в принимающее общество переселенцев и их этническая идентичность.

5.4.2.2. Типы этнической идентичности российских немцев

Как было отмечено выше, отличительной особенностью российских немцев является то, что они принимаются Германией как этнические немцы. Независимо от значимости этнической идентичности для мигрантов до переезда в Германию, после переезда каждый из них задается вопросом, насколько он немец, какое значение имеет это в Германии. Статус позднего переселенца получают не только этнические немцы, но и члены семей этнических немцев любой этнической принадлежности. Вопрос в отношении этнической идентичности наиболее актуален для поздних переселенцев из немецких или смешанных семей.

Кризис этнической идентичности у российских немцев. В интервью неоднократно звучала тема кризиса этнической идентичности, который возникает из-за того как мигрантов – этнических немцев, воспринимает их социальное окружение.

Респонденты часто обращали внимание на то, что в России или Казахстане они воспринимались соседями, друзьями, коллегами по работе – немцами (например, из-за немецких фамилий), а в Германии их считают русскими (потому что они приехали из СССР). И они сами понимают, что являются «неполноценными» немцами: не знают или плохо знают немецкий язык, отличаются от «местных» немцев образом жизни, жизненными ценностями и т.д.

Многие отмечали, что подобное отношение мешает полноценной интеграции в принимающее общество, создает определенные барьеры. Другие респонденты, особенно представители старшего поколения, наоборот, считали, что только в Германии они почувствовали себя дома в своей культуре.

Все остальные иностранные переселенцы в Германии имеют в «тылу» свою Родину, свою страну (Турция, Италия и т.д.). Они остаются тут иностранцами, и им не нужно принципиально корректировать и усиливать собственную этноидентичность. Российские же немцы оказываются между двух миров, и в тоже время не идентифицируют себя в полной мере ни с одним из них. Их идентичность определяется частицей «не». Они были «не русские» в России, и сейчас они «не немцы» в Германии.

Отличие российских немцев от других мигрантов и особенность их положения в Германии состоит и в том, что с одной стороны, они являлись национальным

меньшинством в СССР, а с другой стороны, большинство из них выросло и сформировалось в СССР, унаследовав совершенно иные установки и формы поведения, чем в Германии. Это оказывает сильное влияние на их идентичность. Многие из них часто употребляют уже ставшее распространенным для немалого числа российских немцев самоназвание «русаки».

В качестве примера сложившегося противоречия, проведем несколько коротких воспоминаний о жизни в СССР из интервью, проведенных с российскими немцами:

«Я всю жизнь штамп на лбу носил – «немец», так и протаскал это на себе всю жизнь в Союзе»⁵⁸.

«Когда, я еще девчонкой была, мне бабушка часто повторяла “Мой ноги, а то будешь как русские девочки”. На улице я часто от взрослых слышала: «Только посмотрите, какая аккуратная девочка, наверняка она немка. И я старалась как-нибудь быть причесанной не так аккуратно, чтобы уж на меня пальцами не показывали, а то чувствуешь себя не таким как все»⁵⁹.

Большинство интервьюеров в качестве самой неожиданной и пока мало преодолимой трудности, с которой они столкнулись после переезда в Германию, считают то обстоятельство, что их в Германии никаким образом не считают немцами, а только русскими. Вот как они сами озвучивали сложившуюся проблему:

«Я приехала в 14 лет, было очень трудно, подружек не было, я немецкий вообще не знала. В школе дико было, в России все обзывали «фашистка», а здесь я стала "русачка". Со мной никто не общался. Школа была не подготовлена к тому, что кто-то придет, кто не знает немецкого. Там ничто не делалось, чтобы я учила немецкий. Я просто сидела рисовала на уроках»⁶⁰.

«Чем отличаются российские немцы от местных немцев? Всем. Лучше спросить какое сходство? Сходство - только фамилия немецкая, принад-

⁵⁸ Мужчина, 1931 г. рождения, в Германии с 1998 г., пенсионер, живет в Нюрнберге. Дата проведения интервью 2002 г.

⁵⁹ Женщина, 1943 г. рождения, в Германии с 1994 г., работает в администрации г. Эрлангена. Дата проведения интервью 2002 г.

⁶⁰ Женщина, 1978 г. рождения. В Германии с 1992 г., работает на временной работе, на складе автосервиса, живет в Эрлангене. Дата проведения интервью 2002 г.

лежность к немецкой нации, к исторической, а на самом деле нас и не считают за немцев.»⁶¹

Важную роль в процессе формирования этнической идентичности российских немцев играет отношение к ним принимающего общества. Им важно кем их считают сами немцы, и в зависимости от этого они постоянно корректируют свою самоидентификацию. У многих «местных» немцев сложился негативный образ российских немцев, который очень сложно преодолеть. В то время как в бывшем СССР образ российского немца у большинства населения вызывал положительные ассоциации, с российскими немцами чаще всего ассоциировались такие положительные качества как – хозяйственность, трудолюбие, бережливость, аккуратность. Именно в этом они чаще всего и противопоставлялись окружающему местному населению.

Подобной точки зрения на причины, затрудняющие интеграцию российских немцев, придерживаются многие немецкие и зарубежные исследователи [301, с. 15-17; 405]. Они полагают, что трудность самоидентификации – самый существенный барьер на пути к интеграции в германское общество. И только преодолев этот барьер, сделав его мостом, российские немцы смогут успешно интегрироваться в новое общество.

С этой проблемой тесно связаны и остальные, не менее важные, при этом сложно выделить, что в возникновении этих проблем первично, что вторично, они взаимно обуславливают друг друга, образуя замкнутую цепь. Их можно выстроить в следующем порядке: трудности со знанием немецкого языка – проблемы в поисках работы – ограниченные контакты с немцами – иные жизненные установки и ценности по сравнению с немцами – формирование негативного образа немца.

Во многих интервью респонденты указывали на непонимание их жизненных позиций со стороны немцев. То, что важно и значительно для российских немцев, чаще всего никаким образом не идентифицируется в таком качестве или идентифицируется нередко с противоположным знаком самими немцами, может им представляться даже своеобразным социальным «уродством». Вот как одна из респон-

⁶¹ Женщина, 1943 г. рождения, в Германии с 1994 г., работает в администрации г. Эрлангена. Дата проведения интервью 2002 г.

денток высказалась по поводу взаимоотношений между российскими и местными немцами:

«Между российскими немцами и немцами стеклянная перегородка, мы не перемешиваемся, как масло и вода!»⁶²

Российские немцы, приезжая в Германию оказываются между двух «социальных зеркал» – своего привычного, с одной стороны, и германского, с другой. Для российских немцев «престижно» выглядит человек, который может вовремя и ловко дать взятку, купить машину, при этом получая социальную помощь, который экономит на еде, но строит дом, который не доверяет кредитам, и т.д. Все это качества, для «типичного» немецкого гражданина выглядят «абсолютно неприемлемыми». Российские немцы оказываются перед необходимостью выбора той или иной стратегии социального поведения, поскольку они не могут одновременно красиво выглядеть в обоих зеркалах.

Вот как сами интервьюеры описывали подобные ситуации:

«Какие жизненные ценности у переселенцев? В первую очередь надо купить «Мерседес». Даже, если он год работает на социальной работе, и он знает, что он будет безработный, его это не касается. Он ведь потом будет с машиной»⁶³.

«...Местные немцы видят, что «русски» только приехали, а уже дом построили. Они удивляются. Ничего за душой нет, а тут же «Мерседес» крутой приобретают, они ... только диву даются, как так можно... Мне даже соседи жалуются на наших: «Такой, говорит, дом построили, так себя держат, у всех «Мерседесы». Немцы, вот она – начальница – а нос не задирает»⁶⁴.

Видя свое «привычное, красивое» социальное отражение «уродливым» в глазах местных немцев, некоторые из российских немцев пытаются найти объяснения такому отличному восприятию мира у разных людей. Но, естественно, что многие стремятся не выходить из мира «зазеркалья», в котором чувствуют себя более комфортно в психологическом и социальном смыслах. В ином случае они

⁶² Женщина, 1943 г. рождения, в Германии с 1994 г., работает в администрации г. Эрлангена. Дата проведения интервью 2002 г.

⁶³ Тот же респондент

⁶⁴ Тот же респондент

должны полностью соответствовать нормам германского общества, отрываясь таким образом от сообщества российских немцев.

В качестве психологической компенсации формируется негативный образ «типичного немца», с помощью которого российские немцы объясняют для себя «невозможность интеграции» в немецкое общество. Часто этот образ формируется людьми, имеющими минимальное количество контактов с местными немцами, о чем более детально говорилось выше.

Русскоязычные структуры мигрантов. Одним из ярких проявлений социально-культурной адаптации мигрантов из России и стран СНГ стало создание значительного количества различных организаций мигрантов. За более чем двадцать лет развития русскоязычного сообщества Германии подобные организации стали частью культурного ландшафта многих немецких городов, они востребованы соотечественниками, проживающими в Германии, и местными жителями (рис. 5.24).

Рис. 5.24. Маркеры русскоязычного культурного ландшафта Германии. Фото автора.

Часть из них используется только российскими немцами, к таким можно отнести: Землячества и культурные центры российских немцев (например «Дом Родины» в Нюрнберге), религиозные общины [120], историческое общество российских немцев, театральные студии; литературное общество российских немцев [422, 429].

Другие пользуются популярностью у всего русскоязычного сообщества Германии и не только. Это русские магазины, газеты, туристические агентства, русские дискотеки, врачебные практики, налоговые консультации.

Землячество российских немцев, с одной стороны, и русские магазины и русские дискотеки, с другой, символизируют противоположные полюса интеграции. Землячество – это то, как видится интеграция в идеале, и какой она должна быть. А магазины и дискотеки, это то, как совсем не хотелось, но – как получилось.

При изучении особенностей социально-культурной адаптации российских немцев в Германии важно рассмотреть взаимосвязь между использованием мигрантами русскоязычных структур и этнической идентичностью российских немцев.

Типы этнической идентичности у различных групп российских немцев можно представить следующим образом, проиллюстрировав выдержками из интервью:

Первая группа – российские немцы, считающие себя настоящими немцами, «германскими». Это ранние переселенцы, принадлежащие к первой волне возвращения на историческую Родину, которые живут в Германии более 30-40 лет. Большинство из них имеют высшее образование, превосходно владеют немецким языком. Некоторые собеседники – ранние переселенцы, выражали желание проводить интервью на немецком языке, демонстрируя принадлежность к немецкому народу. Они практически полностью интегрированы в немецкое общество, а их дети уже полностью ассимилированы. Стать гражданами Германии для многих из них было основной жизненной целью, для которой они использовали все средства:

"Я все свою жизнь хотел переехать в Германию. Я всегда хотел тут жить. И сейчас мои дети – немцы. Они не говорят по-русски»⁶⁵

Российские немцы данной группы не испытывают проблем с этнической идентификацией. Они считают себя немцами и активно показывают это:

«Германия – моя Родина, мой дом. Я чувствую себя немцев. Россия это только место, где я родился»⁶⁶

⁶⁵ Мужчина, 1929 г. рождения. В Германии с 1973 г. На пенсии, до этого работал инженером на предприятиях компании «Siemens», живет в Нюрнберге. Член исторического общества российских немцев. Дата проведения интервью 2002 г.

⁶⁶ Тот же респондент.

Но, несмотря, на установку «как немцы жить среди немцев», представители этой группы в своих поведенческих моделях демонстрируют черты российского/советского менталитета.

Многие из них являются участниками и руководителями землячеств российских немцев, исторического общества российских немцев, составляя интеллектуальную элиту российских немцев в Германии. В ходе интервью, многие поздние переселенцы, да и сами ранние переселенцы, в собственных самооценках отмечали, что последние живут достаточно изолированно от тех своих соотечественников, которые переехали в течение последнего десятилетия в Германию. Часто они даже встают в явную оппозицию к поздним переселенцам, полагая, что те создают невыгодный для ранних переселенцев, уже занявших прочные позиции в Германии, образ российского немца. Их позиция выражается следующими словами:

«Если мы хотим жить в Германии, хотим чтобы Германия была нам родным домом, то не должны привносить в немецкую жизнь типично российские черты, должны от них отказаться. А что получается? В моем районе, где я живу в Нюрнберге уже три русских магазина, объявления на остановках на русском языке висят. Так они (поздние переселенцы – М.С.) никогда не будут жить в Германии, не станут полноценными гражданами Германии»⁶⁷.

В силу высокой степени интегрированности в немецкое общество, они в своей повседневной жизни полностью окружены социальными связями «немецкого мира», являются жителями «немецкого мира».

Среди всех внутренних структур российских немцев, представители данной группы активно (пожалуй, активнее, чем представители других групп) создают сами и участвуют в жизни тех внутренних структур, которые позволяют реализовывать в первую очередь их духовные и интеллектуальные запросы, которые Германия не может помочь им реализовать. Это, как уже было сказано выше, работа в Землячествах российских немцев, в историческом обществе российских немцев, проведение традиционных встреч земляков, различных конференций, диспутов.

Кроме этого, они являются достаточно активными читателями, а иногда и авторами русскоязычных газет Германии, в меньшей степени (часто в силу возрас-

⁶⁷ Женщина, 1949 г. рождения, в Германии с 1973 г. Живет в Нюрнберге. Глава строительной фирмы, активная участница работы землячества российских немцев и «Дома Родины». Дата проведения интервью 2002 г.

та) участвуют в работе театра российских немцев, литературного общества российских немцев. И в минимальной степени пользуются русскими магазинами, русскими туристическими бюро и интернет-сайтами.

Вторая группа – поздние переселенцы, считающие себя российскими немцами, людьми, принадлежащими к двум культурам одновременно. Среди этой группы много людей с высшим образованием. Обычно это – молодые и среднего возраста жители больших городов, которые в бывшем СССР не жили в моноэтнической среде российских немцев. Большинство из них сразу после переезда в Германию пытаются улучшить или выучить немецкий язык, найти достойную работу. В большинстве случаев они находят «свое место» в Германии и довольны своей жизнью.

Значительная часть российских немцев, которых можно отнести к данной группе, не разрывает свои связи с Россией или другими местами, откуда они переехали. Но и не замыкаются только на семейных кругах российских немцев, а настроены на активное вхождение в жизнь Германии. У них достаточно много контактов с немцами ФРГ – коллегами по работе, соседями, друзьями. Они являются гражданами двух миров – «немецкого» и «российского».

В самом начале своей «германской» жизни они ощущали проблемы с самоидентификацией. Им сложно было понять, почему в Германии они воспринимаются «русскими», ведь они же вернулись на свою историческую родину, имеют немецкие корни. Как выход из ситуации для многих российских немцев можно привести слова молодого человека, приехавшего в Германию в двадцатилетнем возрасте и уже прожившего в стране более девяти лет.

«Ожидал, естественно, какие-то сложности. Но не думал, что мы не будем здесь восприниматься своими. Осознавал, что мы конечно, и по менталитету, и по другим качествам будем разниться от местного населения. Но не думал, что мы будем ими восприниматься, чисто русскими, пришлым чужим населением. Это какое-то время мне мешало, а потом я просто с этим смирился и не обращаю на это внимания. Это существует, но уже не мешает мне. Я считаю себя российским немцем»⁶⁸.

Для многих представителей этой группы характерна следующая позиция:

⁶⁸ Мужчина, 1973 г. рождения, в Германии с 1993 г., студент факультета славистики в университете, работает в библиотеке университета. Живет в Нюрнберге. Дата проведения интервью 2002 г.

«Это же большая удача для меня и моих детей то, что мы принадлежим к двум культурам сразу. Я не хочу забывать, то хорошее, что дала мне Россия, и то, что я приобрела, благодаря русской культуре. Я об этом постоянно и своим детям говорю. Я сознательно показываю им, что они должны пользоваться своим положением как преимуществом. Хотя часто именно из-за этого и я, и они сталкиваемся с непониманием остальных»⁶⁹.

Интеграция этой группы поздних переселенцев идет по принципу третьей рассмотренной нами выше модели интеграции мигрантов в жизнь принимающего общества, по принципу культурного многообразия.

Представители этой группы активно используют практически все русскоязычные структуры в Германии. Для них, среди всех групп российских немцев, характерен самый широкий спектр обращения к русскоязычным сетевым структурам – от землячеств до русских баров и дискотек.

При таком варианте этнической идентичности роль сетевых структур мигрантов может не ослабевать со временем. Респонденты из этой группы часто отмечали, что русскоязычные сетевые структуры помогают им чувствовать себя принадлежащим к двум культурам, не отказываться от своих привычек и социальных норм, к которым они привыкли в России. Использование сетевых русскоязычных структур в такой ситуации может восприниматься (и часто воспринимается) как разумный компромисс при выборе адаптационной стратегии.

В качестве примера подобной адаптационной стратегии представителей этой группы российских немцев можно привести точку зрения из частной беседы, не записанной на диктофон.

Одна из собеседниц, сравнивая жизнь в Германии и в России, отметила, что ей проще жить в Германии, потому что там в любой жизненной ситуации есть свои правила и нормы поведения, а в России ее пугает непредсказуемость и неуверенность в завтрашнем дне. С другой стороны, ощущение, что немцы все делают запланированно (учатся, работают, ходят на свидания, отдыхают) очень ей мешает.

⁶⁹ Женщина, 1965 г. рождения, в Германии с 1995 г., приехала из Челябинска, в России работала в школе завучем и учителем истории. В Германии получила второе высшее образование (факультет славистики университета), работает в библиотеке университета, член исторического общества российских немцев. Живет в Нюрнберге. Дата проведения интервью 2002 г.

Она не получает радости от посещения немецких дискотек или баров, поэтому с радостью обнаружила, что в Фюрте есть русская дискотека.

Третья группа – поздние переселенцы, испытывающие кризис этнической идентичности, они не считают себя русскими в полной мере, но и не могут ощущать себя немцами. Большая их часть не интегрировалась в принимающее общество, создавая русскоязычные структуры.

В подавляющем большинстве значительная часть представителей этой группы – выходцы из сельской местности, хотя среди них есть и жители городов, они не имеют высшего образования. Большинство из респондентов, относящихся к этой группе, отмечали, что их ожидания в отношении Германии не оправдались во многом из-за того, что их здесь воспринимают не немцами, а русскими. В Советском Союзе они всегда были «фашисты» и «немцы», а тут стали «руссаками».

«Мы не немцы для местных немцев, мы русские тут. Я живу уже три года в Германии и почти не говорю на немецком»⁷⁰.

Их отношение к своей этнической принадлежности можно сформулировать следующим образом:

«Я нахожусь где-то посередине. Я не знаю, кто я. Германия не моя родина, я не чувствую себя тут как дома. Я ощущаю себя не совсем полноценно тут»⁷¹.

Это наиболее многочисленная и наиболее проблематичная группа переселенцев. Именно этой группы касается подавляющая часть публикаций, посвященных интеграции и адаптации российских немцев в Германии. В нее входят представители разных возрастных групп, начиная от пенсионеров, которые переехали в Германию ради будущего своих детей (об этом говорят почти все пенсионеры), заканчивая подростками, которые, владея немецким языком, все равно не могут чувствовать себя полноценными гражданами Германии из-за разницы в моделях поведения, жизненных целей и ценностей по сравнению с немецкой молодежью.

Часто представители старшего и среднего поколения этой группы не владеют немецким языком на достаточном для получения хорошей работы уровне, и практически не имеют возможности улучшать немецкий язык. Многие из них по-

⁷⁰ Мужчина, 1948 г. рождения, в Германии с 1999 г., работает на временной работе подсобным рабочим. Живет в Нюрнберге. Дата проведения интервью 2002 г.

⁷¹ Женщина, 1978 г. рождения. В Германии с 1992 г., работает на временной работе, на складе автосервиса, живет в Эрлангене. Дата проведения интервью 2002 г.

сле переезда в Германию сильно понизили свой социальный статус, и уже не надеются восстановить его. Для многих в Германии нет профессионального будущего.

«Говорят, у нас в Союзе застой был, а у меня тут в моей жизни застой начался. Там я инженером на крупном заводе работал - жизнь кипела. А тут стою, наушники выдаю... Ради сына переехали, он тут хорошо устроился, работу нашел, доволен»⁷².

Эта группа российских немцев активно пользуется такими русскоязычными сетевыми структурами как русские магазины, русские дискотеки, русскоязычные газеты Германии, русскоязычные интернет-сайты (табл. 5.6).

Таблица 5.6.

Интенсивность использования сетевых структур различными группами российских немцев, в зависимости от типа этнической идентификации

Сетевые структуры российских немцев	Ранние переселенцы, считающие себя немцами	Поздние переселенцы,	
		считающие себя российскими немцами	испытывающие кризис этнической идентификации
Землячество	XXX	XX	---
"Дом Родины"	XXX	XX	---
Историческое общество российских немцев	XXX	XX	---
Театр российских немцев	XX	XX	---
Литературное общество российских немцев	XX	XX	---
Русскоязычные газеты, издаваемые в Германии	XX	XXX	XXX
Интернет-сайты российских немцев	X	XXX	XX
Русские магазины	X	XX	XXX
Русские туристические агентства	X	XXX	XXX
Русские дискотеки, бары, рестораны	---	X	XXX

Интенсивность использования внутренних структур оценивалась качественным путем на основании интервью с российскими немцами и собственных наблюдений

X - низкая интенсивность использования внутренних структур, когда они не являются частью повседневных практик, а носят скорее случайный характер;

XX - средняя интенсивность использования внутренних структур, данные внутренние структуры используются достаточно часто, еще не являются частью повседневной жизни, имеют не регулярный характер

XXX - высокая интенсивность использования внутренних структур, когда они являются частью повседневной жизни, имеют регулярный характер.

⁷² Мужчина, 1942 г. рождения, в Германии с 1995 г., работает смотрителем в музее Дюрера, Нюрнберг. Дата проведения интервью 2002 г.

Для данной категории российских немцев русскоязычные сетевые структуры, если они длительное время не выходят за их границы, начинают играть отрицательную роль, затрудняя интеграцию в немецкое общество и вызывая обоюдное непонимание обеих сторон. Происходит социальная изоляция российских немцев, замкнутых только на свои внутренние структуры, и усиливается закрытость принимающего общества к переселенцам. То есть, многие из них, живя в Германии, по-прежнему остаются жителями СССР. Один из немецких журналистов назвал этот социальный мир российских немцев в ФРГ «Германистан» [323].

В ходе исследования выявлена зависимость между обращением российских немцев, переехавших в Германию к определенным сетевым русскоязычным структурам, типами их этнической идентичности и степенью интеграции в жизнь принимающего общества. В зависимости от типа этнической идентичности российских немцев меняется роль сетевых структур в обеспечении процесса интеграции российских немцев в жизнь принимающего общества.

Для тех групп российских немцев, которые обладают позитивной этнической идентичностью (те, кто считает себя «германскими» немцами и те, кто считает себя российскими немцами), сетевые русскоязычные структуры играют роль разумных компромиссов для реализации культурных потребностей. Продолжительность их положительного воздействия на российских немцев определяется не неделями и месяцами, а годами и десятилетиями. При отсутствии кризиса этнической идентичности и прочие русскоязычные структуры играют положительную роль, уже не в ходе интеграции российских немцев в Германское общество, а для поддержания стабильности их жизни.

Для тех российских немцев, которые испытывают кризис этнической идентичности, роль внутренних структур несколько иная. С одной стороны, они облегчают новоприбывшим знакомство с элементарными жизненными нормами и правилами поведения в новой для них социальной среде. С другой стороны, при определенных условиях тормозят вхождение поздних переселенцев в жизнь немецкого общества. Не ослабляют, а только усиливают кризис идентичности, вызывая трудности в процессе интеграции в немецкое общество. Продолжительность положительного влияния сетевых структур может варьировать от нескольких недель до нескольких месяцев. Их же отрицательное воздействие может затянуться на годы.

Процесс социально-культурной интеграции поздних переселенцев идет сложнее и менее однозначно, чем их интеграция на рынке труда. За более чем 20 лет массовой иммиграции в Германию, создано значительное количество русскоязычных структур мигрантов, которые играют неоднозначную роль при выборе адаптационных стратегий поздними переселенцами. Часть русскоязычных структур способствует полноценной интеграции в жизнь принимающего общества, часть становится непреодолимым барьером для благополучного инкорпорирования в жизнь Германии.

5.4.3. Региональные особенности адаптации поздних переселенцев на примере земли Северный Рейн Вестфалия

По сравнению с Россией, Германия характеризуется гораздо меньшими различиями в уровне социально-экономического развития регионов, более равномерным развитием федеральных земель. В связи с этим достаточно сложно выявить четкие региональные различия в условиях интеграции поздних переселенцев в зависимости от места жительства.

Но все же существуют некоторые особенности на уровне земель и на уровне отдельных административных округов и городов окружного подчинения, которые позволяют говорить о существовании более и менее благоприятных условий для интеграции поздних переселенцев. Как уже было сказано выше государство в каждой земле предлагает одинаковый набор интеграционных мероприятий для мигрантов в целом и для поздних переселенцев.

На наш взгляд, важным дифференцирующим фактором в условиях адаптации мигрантов, является опыт по работе с иностранцами, и в том числе с поздними переселенцами. Это напрямую зависит от доли иностранцев в населении федеральной земли, от ее миграционной истории, от наличия государственных и общественных институтов, участвующих в интеграции мигрантов. Важными факторами являются: уровень социально-экономического развития и уровень безработицы.

Исходя из этого, на экспертном уровне можно утверждать, что наиболее благоприятные условия для интеграции поздних переселенцев сформированы в четырех землях: Северный Рейн-Вестфалия, Гессен, Рейнланд-Пфальц, Бавария. Наиболее сложные условия для интеграции переселенцев складывается в Берлине и в Во-

сточных землях Германии, за исключением Саксонии. Остальные федеральные земли Германии обладают также благоприятными условиями для интеграции поздних переселенцев.

Рассмотрим более детально региональные особенности адаптации российских немцев и членов их семей на примере федеральной земли Северный Рейн Вестфалия. Выбор земли был определен тем, что с одной стороны эта земля принимает на себя значительную долю поздних переселенцев, с другой – тут также высокая доля других групп иммигрантов, при этом регион отличается более напряженной ситуацией на рынке труда, по сравнению с Баварией или землей Баден-Вюртемберг.

По мнению многих переселенцев, эта часть Германии достаточно благоприятна для интеграции. Несмотря на высокий уровень безработицы, многие отмечают, что не испытывают трудности с поиском работы. Многие респонденты полагают, что в этой части Германии более стабильная экономическая ситуация позволяет переселенцам не испытывать таких сложностей в поиске работы, как например в бывших землях ГДР, где достаточно сложная социальная и экономическая ситуация.

Достаточно позитивный взгляд на ситуацию, объясняется, по-видимому, несколькими причинами. Во-первых, тем, что большая часть переселенцев не претендует на высококвалифицированную работу, а довольствуется теми рабочими местами, где достаточно средних профессиональных навыков. Переселенцы менее требовательны к месту работы по сравнению с местными жителями, поэтому также не испытывают сложности с устройством на работу. Во-вторых, на позитивном восприятии сказывается общий высокий уровень экономического развития Германии. По сравнению с экономической ситуацией в тех регионах Казахстана или России, откуда прибывают мигранты, ситуация практически во всех Регионах Германии (кроме восточных земель) кажется более чем стабильной в экономическом отношении.

Помимо фактора экономического развития, немаловажное значение имеет система расселения в Вестфалии⁷³, населенные пункты по сравнению с Казахстаном и Россией расположены достаточно равномерно, нет значительных региональ-

⁷³ Большая часть интервью в земле Северный Рейн Вестфалия была проведена в исторической области Вестфалия, которая является частью земли Северный Рейн Вестфалия, поэтому в работе используется данное географическое понятие, хотя результаты интервью можно распространить и на особенности адаптации поздних переселенцев всей земли Северный Рейн Вестфалия

ных диспропорций. Переселенцы в Вестфалии отмечают, что в пределах этой территории они готовы жить практически в любом населенном пункте, определяющим является наличие работы.

В Вестфалии нет городов-миллионеров, а как показывают данные интервью, такие крупные города, как Берлин, Мюнхен, Гамбург, оказываются для большинства поздних переселенцев, особенно выходцев из сельской местности или небольших городов, более сложной средой для интеграции, чем города с меньшей численностью.

Многие переселенцы, проживающие в Вестфалии, отмечают ее выгодное транспортно-географическое положение, по сравнению крайними северными или крайними восточными частями страны, что позволяет им чаще посещать родственников, живущих в других землях Германии или путешествовать по другим странам Европы.

Фактором, обеспечивающим достаточно благоприятные условия для переселенцев, является интеграционная политика в отношении мигрантов в Вестфалии со стороны государства и религиозных организаций. Помимо этого достаточно активную работу ведут различные структуры, организованные переселенцами. Это профессионально-образовательные структуры для молодых мигрантов; социальные организации, проводящие интеграционные семинары; религиозные структуры, землячества немцев из России, образовательные структуры (прежде всего различные варианты воскресных школ), информационные сайты [424, 433, 436, 437, 438, 440].

С одной стороны, широкая сеть различных организационных структур, занимающихся вопросами интеграции мигрантов, и в частности, поздних переселенцев, во многом обусловлена тем, что в населении Вестфалии достаточно высокая доля иностранцев, в том числе и российских немцев. С другой стороны, самими российскими немцами этот факт часто воспринимается как негативный, многие респонденты отмечают, что интеграция проходит быстрее в монокультурной среде.

5.4.4. Факторы, определяющие адаптационные стратегии поздних переселенцев

По мнению самих мигрантов, одни и те же факторы в разных принимающих условиях могут играть роль как ограничителей, так и катализаторов в ходе процесса адаптации. Ниже приведены основные факторы, которые чаще всего называли

сами респонденты в ходе интервью. В зависимости от социально-экономической ситуации, а также в зависимости от индивидуальных особенностей мигрантов, представленные в таблице 5.7 факторы могут играть как положительную, так и отрицательную роль и влиять на адаптационные стратегии мигрантов.

Таблица 5.7.

Факторы адаптации поздних переселенцев	
1 группа	ВНЕШНИЕ СТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ принимающего общества
	Миграционная политика Экономическая ситуация Регион проживания в Германии Размер населенного пункта Общественное мнение Отношение ближайшего немецкого окружения
2 группа	ВНУТРЕННИЕ РАМОЧНЫЕ ФАКТОРЫ
	Семейное окружение в Германии Прочность семейных отношений
3 группа	ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ ВЫХОДА
	Страна выхода, Регион проживания в стране выхода Размер населенного пункта Уровень образования Профессиональный статус в стране выхода
4 группа	СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ
	Возраст Пол Владение немецким языком Профессиональная мотивация Признанный в Германии уровень образования Позитивная этническая идентичность Продолжительность проживания в Германии

Составлено автором по итогам анализа интервью с поздними переселенцами

Первая группа – структурные факторы, создающие рамочные условия для интеграции мигрантов, относящиеся к принимающему обществу. Эти факторы влияют на общественное мнение и социальные связи мигрантов и общества, создавая в итоге социальную среду, в которой проходит процесс интеграции переселенцев.

«...На западе Германии с работой легче, там легче интегрироваться, независимо от возраста, там намного легче нашим людям. Звонил тут мне не-

давно знакомый, он сейчас на пенсии, а приехал 2-3 года назад, так ему предлагали в этом возрасте работу, он конструктор...»⁷⁴

«...Мне очень эти интеграционные семинары⁷⁵ помогают жить в Германии. Живу уже несколько лет в Германии, а только теперь захотелось говорить и слушать по-немецки. Я стала по-другому относиться и к немцам и к языку, такие тут люди добрые работают, чувствуешь, что они очень хотят помочь...»⁷⁶

«...Они (немцы – М.С.) нас не воспринимают, не интегрируют. Я немецкий знаю хорошо, а когда они говорят, у них свое... Мы их не интересуем. Я с немцами работала, из них никто не спросит, как вы? Откуда вы? ... Они думали, что я русская, а не немка. Я говорю: «Я не русская», а они: «Как так?»⁷⁷

Вторая группа факторов, которые можно отнести к факторам, создающим для переселенцев, внутренние рамочные условия. Окружающая социальная среда играет важную роль, но проблема в том, что они как раз и живут не в немецкой социальной среде, а в своей российско-немецкой, переселенческой среде. Она играет часто для них гораздо большую роль, чем принимающая среда в Германии. Возникает граница между этими двумя средами, которую очень сложно размыть. Эта группа факторов относится к ближайшему семейному окружению российских немцев в Германии.

«...Основные проблемы переселенцев: язык, если язык не знаешь, как выучишь менталитет людей. Нужно само желание людей, что-то сделать, тут ни курсы не помогут, ничего, если сам не хочешь делать. Многие прие-

⁷⁴ Мужчина, 1948 г. рождения, в Германию переехал в 1996 г. из Москвы. Образование высшее, физик. В 2006 г. избран депутатом районного совета в Берлине. Знание немецкого языка отличное. Дата проведения интервью 2006 г.

⁷⁵ Речь в интервью идет про интеграционные семинары для переселенцев, которые проводит Институт по вопросам миграции и переселенцев при Народной школе Святой Ядвиги в Эрлингхаузен (Федеральная земля Северный Рейн-Вестфалия). Institute für Migrations- und Aussiedlerfragen, Heimvolkshochschule St. Hedwigs-haus e.v. Институт проводит в год примерно 130 семинаров, в которых принимает участие около 3000 тыс. мигрантов. Семинары длятся 2-5 дней. Подробнее см: <http://www.st-hedwigshaus.de>

⁷⁶ Женщина, 1952 г. рождения. Приехала в Германию из Омской области в 2000 г. Работает уборщицей, в России работала учительницей. Плохо знает немецкий, живет в пригороде Билефельда. Дата проведения интервью 2004 г.

⁷⁷ Женщина, 1943 г. рождения, приехала в Германию в 1990 г. из Фрунзе (Бишкек, Киргизия). Образование высшее. Знание немецкого – отличное, безработная. Дата проведения интервью 2004 г.

хали, получают свою копейку в месяц и сидят довольные. Создали вокруг себя оболочку, и ничего не хотят, ни к чему не стремятся...»⁷⁸

«...Мои родственники все здесь, ну человек 50 есть всего, они все из Казахстана приехали...»⁷⁹

Третья группа – факторы, которые составляют фон для интеграции, то есть, та социальная среда и социальные отношения, которые окружали его в прежней стране проживания, и те социально-экономические позиции, которые занимал переселенец в стране выхода.

«...у нас женщина работает, она приехала из Риги, если человек приезжает из большого города, он привозит с собой, то, что он там получил, а если люди из деревни приезжают – это совсем другое дело. Видел тут людей в Берлине, они стояли на платформе и плакали, они из маленькой деревни приехали, не знали, куда им в Берлине податься и рвались куда-нибудь в сельскую местность. ...Моя семью вообще сложно с кем-то сравнивать, мы же из Москвы приехали...»⁸⁰.

Четвертая группа факторов – индивидуальные социально-культурные и психологические характеристики переселенцев, которые также влияют на ход интеграции в принимающее общество. Среди этих факторов подавляющее большинство респондентов на первое место ставит знание немецкого языка и возраст.

«...До сих пор считаю, что самое правильное, что я сделала в Германии, это пошла учиться в Университет, у меня было высшее образование в России и мне уже 30 лет было, и немецкий язык я не знала, когда переехала, только тут его выучила. Я поняла, что без высшего немецкого образования я тут ничего не добьюсь...»⁸¹

⁷⁸ Женщина, 1966 г. рождения, приехала в Германию в 1998 г. из Украины. Образование среднее, знание немецкого хорошее, работает в Берлине в общественной организации в сфере интеграции мигрантов. Дата проведения интервью 2006 г.

⁷⁹ Женщина, 1952 г. рождения, приехала в Германию в 1996 г. из Караганды (Казахстан). Живет в Берлине, работает уборщицей. Дата проведения интервью 2006 г.

⁸⁰ Мужчина, 1948 г. рождения, в Германию переехал в 1996 г. из Москвы. Образование высшее, физик. В 2006 г. избран депутатом районного совета в Берлине. Знание немецкого языка отличное. Дата проведения интервью 2006 г.

⁸¹ Женщина, 1965 г. рождения, в Германии с 1995 г., приехала из Челябинска, в России работала в школе завучем и учителем истории. В Германии получила второе высшее образование (факультет славистики университета), работает научным сотрудником в университете, член исторического общества российских немцев. Живет в Нюрнберге. Дата проведения интервью 2006 г.

«Для меня язык самая главная проблема в Германии. Мне кажется, если бы я язык хорошо знала у меня бы процентов на восемьдесят проблемы исчерпались...Надо учить. Мне уже 55 лет, это уже достаточно много. Я, в общем-то, не жду ничего...»⁸²

«...Мои дети очень сложно привыкали к Германии. Когда они сюда приехали, 5 лет назад им примерно по 25 лет было. Они бы и сейчас обратно уехали, просто понимают, что это невозможно. Им очень сложно в Германии, незнание языка, незнание законов, они хотят работать и хотят учиться, а не могут, надо язык отлично знать, они уже взрослые приехали уже семейные, им поэтому трудно... Вот внукам уже гораздо легче, они совсем маленькие приехали...»⁸³

Максимальное количество шансов благополучно интегрироваться в германское общество имеет девушка 18-23 лет из достаточно обеспеченной семьи, владеющая немецким как родным языком, приехавшая из большого российского города, живущая в Германии 8-10 лет, закончившая или заканчивающая гимназию, и планирующая учиться в университете, считающая себя этнической немкой и не ориентированная в свободное время на русскоязычные структуры, образованные в Германии.

Минимальные шансы для выбора интеграционной стратегии адаптации в германское общество у мужчины 45-55 лет со средним или ниже среднего образованием, приехавшим из сельской местности России или Казахстана, практически не владеющим немецким языком, живущим в Германии 5-8 лет, работающим на временной работе или неработающим, считающим себя или русским или не определившимся с этнической идентичностью, проводящим свободное время только в русскоговорящей среде.

Сами переселенцы часто чувствуют себя вполне полноценно и считают, что они интегрировались в Германское общество, образуя вокруг себя или внедряясь активно в различные русскоговорящие структуры, образуемые переселенцами, и практически не пересекаясь с «германским» социальным миром Германии, что не

⁸² Женщина, 1949 г. рождения, приехала в Германию в 2003 г. из Омской области. Безработная, получает социальную помощь. Плохо знает немецкий язык. Живет в Билефельде. Дата проведения интервью 2004 г.

⁸³ Женщина, 1951 г. рождения, приехала в Германию в 2001 г. назад из Петропавловска (Казахстан). Работает уборщицей в одной из социальных организаций Берлина. Немецкий язык немного знает. Дата проведения интервью 2006 г.

является признаком интеграции в принимающее общество и не способствует стабильному развитию принимающего общества [382, 383].

Российские немцы, прошедшие социализацию в совершенно иных, чем в ФРГ, политических и социально-экономических условиях после переезда в Германию проходят сложный период адаптации. Несмотря на то, что они получают гражданство Германии, и это отличает их от других групп мигрантов, они не избегают сложностей инкорпорирования в новое общество. Германия обладает полувековым опытом массового приема иммигрантов, в том числе и этнических немцев из Восточной Европы, но немцы из стран бывшего СССР образуют уникальную миграционную когорту.

Направление и характер процесса адаптации поздних переселенцев зависит от структурных характеристик мигрантов, от масштабов миграционного потока, направленных в регион или страну, продолжительности проживания мигрантов на новой территории, миграционной политики региона или государства, от масштаба миграции.

Одно из первых мест среди факторов, определяющих адаптационные стратегии поздних переселенцев, занимают структурные факторы (миграционная политика, ситуация на рынке труда). Определенное значение также имеют социально-культурные факторы и индивидуальные характеристики мигрантов, прежде всего такие, как знание немецкого языка, позитивная этническая идентичность и др. Разностороннее влияние данных факторов и приводит к разнообразию адаптационных стратегий, которые рассмотрены выше.

Российские немцы в целом оказываются включенными в рынок труда Германии, выбирая различные экономические адаптационные стратегии.

Сложнее происходит процесс социально-культурной адаптации, что связано с кризисом этнической идентичности российских немцев после переезда в Германию, со сложностями в знании немецкого языка, в восприятии новых жизненных ценностей и ежедневных практик.

Механизмом адаптации русскоязычных мигрантов в новой социально-культурной среде становится создание сетевых структур мигрантов. К началу 2000-

х гг. в городах Германии, куда эмигрировали из стран бывшего СССР более 2 млн различных русскоязычных когорт мигрантов, сложилась разветвленная сеть разнообразных русскоязычных структур (магазины, туристические агентства, медицинские центры, юридические консультации, парикмахерские, школы и т.д.).

Структуры мигрантов играют неоднозначную роль в процессе вхождения мигрантов в принимающее общество. Часть структур мигрантов в дальнейшем может оказаться невостребованными, например второе поколение мигрантов уже может не использовать часть подобных структур, поэтому их количество может снижаться. Исследования этнических мигрантов в Германии на примере еврейских переселенцев и российских немцев показывают, что в значительной части случаев даже через 20 лет после эмиграции и в случае успешной интеграции на новой территории мигранты продолжают поддерживать регулярные контакты со страной выхода или продолжают использовать русскоязычные структуры мигрантов, созданные в Германии.

В ряде случаев этими структурами пользуется и второе поколение мигрантов, хотя интенсивность поддержки трансграничных связей и структур мигрантов в новой стране проживания уже ниже.

Отдельным типом адаптационной стратегии мигрантов становится активное участие в транснациональных сообществах и даже установки на возвратную миграцию в Россию.

ГЛАВА 6. ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ – ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

В ходе исследования выявлено, что направление и характер социальных связей мигрантов отличаются от социальных связей коренных жителей Германии. Часть социальных контактов мигрантов носит транснациональный характер. Понятие транснационализма было предложено использовать при изучении нового явления – образования тесных внутерриториальных сообществ, создаваемых мигрантами между регионами нового их проживания и их родными и близкими, которые остаются «дома». С помощью этого понятия исследователи старались уйти от противопоставления диспозиций «там» и «здесь», в которых находится мигрант [2, с. 11].

Новые повседневные практики мигрантов и их близких становятся адаптационным механизмом приспособления к новым реалиям существования в условиях территориальной удаленности друг от друга, но с сохранением тесных социальных контактов.

В результате возникают транснациональные сообщества, функционирующие одновременно в двух или более государствах. Они связаны между собой эмоциональными, информационными, материальными и другими типами связей, которые пересекают административные и государственные границы.

Возникновение подобных внутерриториальных сообществ становится вызовом для географии, требует нового подхода к изучению мигрантов, жизнь которых не замыкается в государстве нового проживания. Концепция территориальных миграционных систем (ТМС), предложенная автором, позволяет учесть транснациональный характер миграций населения, возникновение постоянных внутерриториальных социальных связей.

Формирование транснациональных сообществ становится новым этапом миграционного процесса, о чем было сказано в 5 главе работы (рис 5.1), продолжительность которого зависит от характера и масштабов ТМС.

В шестой главе работы рассматриваются социально-территориальные связи мигрантов, и как один из видов этих связей – транснациональные связи поздних переселенцев и других русскоязычных мигрантов, возникающие между Германией

и странами их выхода; подчеркиваются особенности транслокальных связей российских немцев и их отличие от транснациональных, образуемых другими группами мигрантов в Германии. Рассматривается взаимосвязь между адаптационными стратегиями мигрантов, характером и интенсивностью их транснациональных связей; выявляется место транснациональных связей среди прочих социальных связей мигрантов. В заключение главы рассматривается вероятность реэмиграции российских немцев и роль транснациональных связей в принятии мигрантами решения о возвращении.

6.1. Социально-территориальные связи русскоязычных мигрантов в Германии

Для изучения транснациональных связей мигрантов автором предложено понятие социально-территориальные связи, то есть в данном случае сделан акцент на изучении функционального характера социальных связей и местоположения акторов, образующих данные связи.

Автор сознательно использует в данной главе термин «русскоязычные мигранты», поскольку в ходе проведения интервью в Германии сами мигранты (особенно эмигрировавшие в 1990-е гг.) не делают различия между юридическим статусом выходцев из СССР и страной или республикой выхода. Во время исследования респонденты подчеркивали, что их объединяет общее советское прошлое (даже те, кто только детство провел в СССР) и русский язык.

У молодого поколения мигрантов, родившихся после 1991 г. подобная солидарность выражена в меньшей степени, но пока эта возрастная категория мигрантов из России не слишком широко представлена в Германии и не определяет характер транснациональных связей.

6.1.1. Типы социально-территориальных связей у разных групп русскоязычных мигрантов

Социально-территориальные связи в зависимости от характера связей и места жительства социального актора, с которым поддерживается постоянный контакт можно разделить на двенадцать типов (табл. 6.1).

Таблица 6.1.

Примеры типов социально-территориальных связей

Региональный уровень/ тип социальных связей	Локальный	Региональный	Национальный	Транс- национальный
Деловые социальные связи	Профессиональные контакты между жителями одного города	Профессиональные контакты между жителями разных городов одного региона	Профессиональные контакты между жителями разных регионов страны	Профессиональные контакты между представителями разных стран
Личные социальные связи	Личные контакты между жителями одного города	Личные контакты между жителями разных городов одного региона	Личные контакты между жителями разных регионов страны	Личные контакты между жителями разных стран
Дружеские социальные связи	Дружеские контакты между жителями одного города	Дружеские контакты между жителями разных городов одного региона	Дружеские контакты между жителями разных регионов страны	Дружеские контакты между жителями разных стран

Составлено автором.

Под деловыми социальными контактами подразумеваются связи между коллегами или регулярные социальные контакты в профессиональной сфере.

Личные социальные контакты включают сферу семейного общения респондентов с членами семьи и прочими родственниками.

Дружеские социальные контакты подразумевают сферу знакомых, а также встречи, связанные с проведением свободного времени, отдыха, занятия спортом, хобби и т.д.

В ходе интервью респонденты изображали схему своих социальных связей. Для этого были даны следующие рекомендации: поместите себя в центр круга общения, а людей, с которыми регулярно общаетесь вокруг, укажите, кем они Вам приходятся (семья, другие родственники, коллеги, члены семьи, друзья и др.). Отметьте линиями частоту общения с каждым из вашего круга общения (три линии – очень часто, две линии – средняя частота, одна линия – редко). Укажите около каждого человека из Вашего окружения его гражданство и этническую принадлежность, и характер отношений – функциональные отношения, эмоциональные отношения, совместное проведение свободного времени.

Анализ социально-территориальных связей позволил выделить несколько их типов для разных групп мигрантов, в зависимости от причин и мотивов миграции, наиболее значимые отличия в характере социально-территориальных связей

наблюдаются у разных групп этнических мигрантов, и у мигрантов с разным уровнем профессиональной квалификации.

Первый тип связей наблюдается у высококвалифицированных мигрантов, приехавших по линии еврейской миграции. Для него характерны следующие территориальные закономерности: регулярные контакты с семьей, коллегами и друзьями в Германии, контакты с родственниками в США и Израиле (разной степени частоты и интенсивности), регулярные, но не очень частые (один раз в несколько месяцев) контакты с друзьями и бывшими коллегами в стране выхода. Для этой группы мигрантов связи со страной выхода, если там нет очень близких родственников и друзей, могут быть также не очень частые.

Второй тип связей характерен для российских немцев со средним и низким уровнем квалификации. Социально-территориальные связи ограничиваются Германией (коллеги, друзья, родственники, соседи), небольшая часть контактов связана со страной выхода, с родственниками или друзьями.

Для высококвалифицированных российских немцев контакты со страной выхода – минимальны, тогда как для других групп российских немцев часто контакты со страной выхода по интенсивности и частоте преобладают над социальными контактами в Германии (рис. 6.1).

Третий тип социально-территориальных связей можно выделить для высококвалифицированных мигрантов, использовавших индивидуальные каналы миграции. Например, приезд в Германию на учебу, по программе обмена или по академической линии. Для этой группы характерны активные связи со страной выхода, остаются сильные социальные связи с друзьями и родственниками в стране выхода, а также с друзьями и коллегами в других странах мира, с которыми они познакомились чаще всего в стране выхода.

У многих мигрантов молодого поколения отдельный вид социальных контактов образуют контакты в глобальной сети Интернет с представителями разных стран мира.

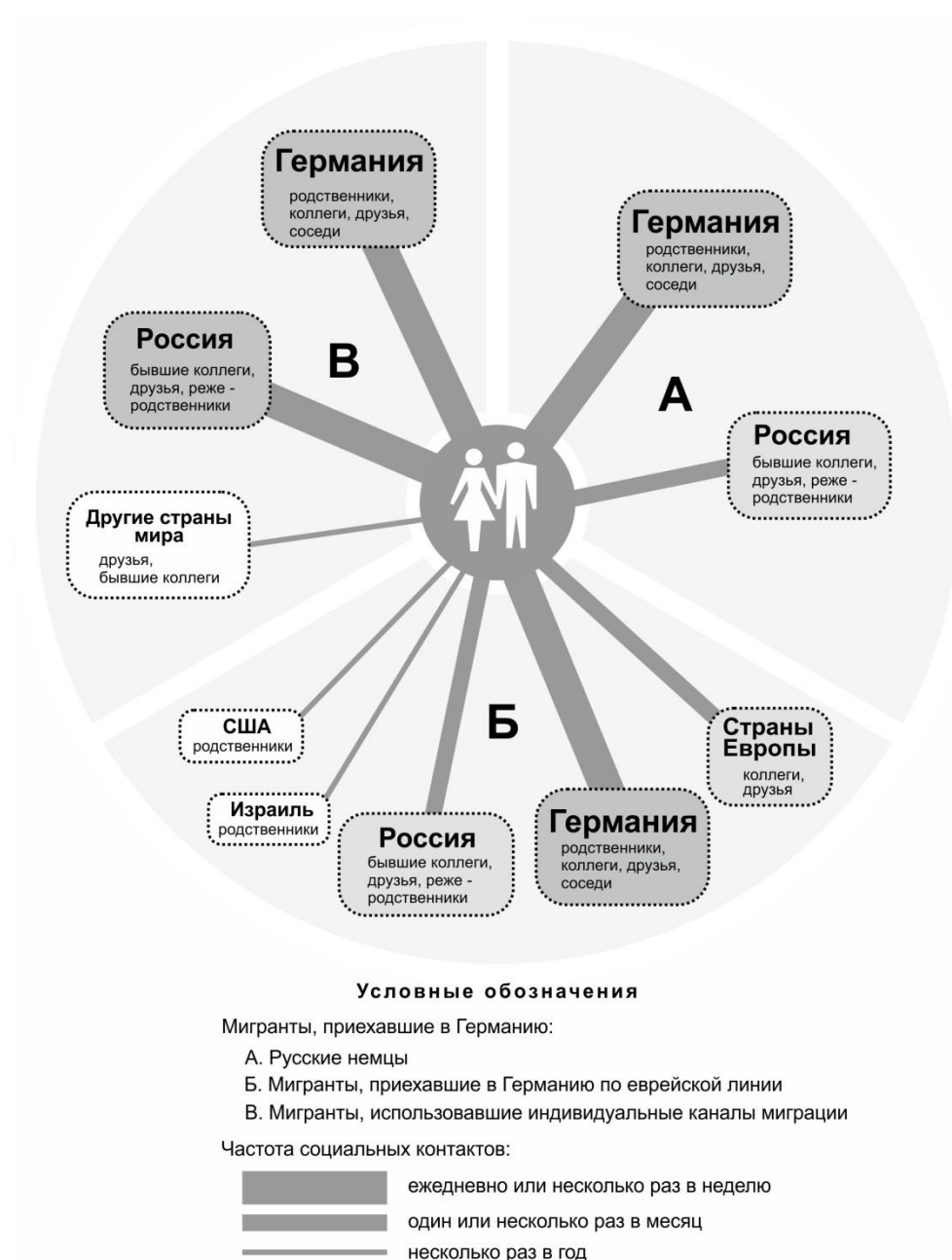

Рис. 6.1. Социально-территориальные связи мигрантов из России, проживающих в Германии. Составлено по данным полевых исследований.

Социально-территориальные связи определяются следующими факторами: мотивы и каналы миграции, миграционная история респондентов, возраст респондентов.

Наибольшая интенсивность и максимальный набор социальных контактов характерны для страны проживания респондента, а в стране проживания для города проживания. Вне зависимости от канала миграции, их можно назвать локальными и региональными социально-территориальными связями. В социальном отно-

шении наиболее тесные связи с родственниками и коллегами, то есть с теми с кем происходит ежедневное взаимодействие.

Далее для разных групп мигрантов на второе по значимости место среди социальных связей выходят или общение со знакомыми во время проведения свободного времени (хобби, друзья), или социальные контакты в сети Интернет, в этом случае формируются транснациональные социально-территориальные связи.

Для локальных и региональных социально-территориальных связей, характерны как функциональный характер социального обмена, так и эмоциональный, и тип, который мы назвали – проведением свободного времени. Границы эмоциональных связей шире – часто это транснациональный тип социально-территориальных связей. Большая часть эмоциональных связей респондентов приходится на иностранцев, но не обязательно из страны выхода. Немцы попадают в сферу эмоциональных связей только в том случае, если они являются членами семьи респондента.

«У меня круг общения русский, все равно мы друг друга лучше знаем, лучше понимаем, у меня даже соседи русские... Все мои подружки русские... Я лучше и интенсивнее общаюсь с людьми, которые сюда приехали – итальянцы, испанцы, греки, среди немцев у меня нет друзей⁸⁴».

6.1.2. Транснациональные социально-территориальные связи русскоязычных мигрантов

Как было отмечено выше, респонденты могли упоминать разные типы социальных связей: эмоциональные, к которым относится общение с родственниками и друзьями; функциональные, под которыми понимается общение с коллегами, с соседями, если они не являются друзьями; и нейтральный тип связей, под которым понимается общение со знакомыми или коллегами во время проведения свободного времени, но этот тип связей при этом нельзя отнести ни к эмоциональному, ни к функциональному.

Для большей части респондентов социально-территориальные связи со страной выхода носят эмоциональный характер – это телефонные звонки, переписка,

⁸⁴ Женщина, 1984 г. рождения. В Германию приехала из Курска в 2006 г. Получила в Германии диплом учителя. Живет во Франкфурте-на-Майне. Дата проведения интервью 2013 г.

общение в сети Интернет с друзьями и родственниками. Респонденты, которые приехали по еврейской линии, если у них нет родственников в стране выхода, могут не приезжать туда годами. Мигранты, которые приехали по другим каналам миграции, и у которых в России или Украине живут родители, бывают на Родине один или несколько раз в год.

Почти все респонденты отмечали, что специально не интересуются тем, что происходит в России, но если увидят телевизионный сюжет или какую-то информацию в немецкоязычном Интернете могут прочитать. Их интерес к Родине, а не к друзьям и родственникам, которые там живут, напрямую связан с активностью немецких СМИ в этом отношении или общей геополитической ситуацией.

Часть респондентов упоминала, что в будущем была бы не против какое-то время поработать в России или в Украине, но не возвращаться туда на постоянное место жительства.

Некоторые из респондентов, приехавших по индивидуальным каналам миграции, упоминали, что они иногда помогают родителям, оставшимся в стране выхода материально, что также можно отнести к функциональным связям. Но для большей части успешных мигрантов это не характерно, по их словам, у многих родители вполне обеспеченные люди и не нуждаются в материальной поддержке.

Разные группы мигрантов с разной степенью интенсивности включены в транснациональные социально-пространственные связи со страной выхода. Наиболее активно эмоциональный и функциональный тип трансграничных социально-территориальных связей со страной выхода поддерживают мигранты, использовавшие индивидуальные каналы миграции и приехавшие в Германию на учебу в университете или по академической линии.

Для этнических мигрантов, особенно участников еврейской эмиграции, характерны трансграничные социально-территориальные связи эмоционального характера с США и Израилем и частично со страной выхода, то есть со странами, где проживают их родственники и друзья, ранее проживавшие в России или Украине.

Вне зависимости от канала миграции, большая часть эмоциональных социально-пространственных связей как локальных, так и региональных и трансграничных приходится на социальных акторов, имеющих миграционный опыт. По нашему мнению, социально-территориальные связи формируются не хаотично, а

по определенным закономерностям и с большей степенью вероятности между социальными акторами, которых можно отнести к сходным социально-культурным группам.

Пока в социальных контактах этой группы эмигрантов преобладает эмоциональный тип связей, но возможно, что это необходимое условие для дальнейшего возникновения экономических, политических и других видов трансграничных связей между изучаемыми странами. Экономические трансграничные связи, в том числе денежная помощь родственникам, не так распространены среди успешных мигрантов, чем среди средне- и низкоквалифицированных мигрантов, что связано с более высоким статусом семей родителей успешных мигрантов.

Вероятнее всего, в перспективе транснациональные связи будут развивать не этнические эмигранты, а эмигранты, приезжающие в Германию по индивидуальным каналам миграции. Возможно, в дальнейшем они станут активными участниками «циркуляции мозгов», ведь эмигрантам из Юго-Восточной Азии на это также понадобилось несколько десятилетий, а Россия и другие постсоветские страны недавно стали участниками международных миграционных систем.

6.2. Транснациональные связи поздних переселенцев

Одним из распространенных видов социально-территориальных связей мигрантов становится участие в транснациональных связях со страной выхода. Они формируют особые транснациональные пространства, в которые оказываются вовлечены не только мигранты, но и их друзья и родственники, другие социально-территориальные группы в странах выхода и входа мигрантов.

Характер и интенсивность транснациональных связей зависят напрямую от численности сообщества мигрантов в стране выхода, тогда они начинают носить регулярный и массовый характер, заметный на уровне не только отдельных регионов, но и национальных государств. Так, на взгляд автора, численность миграционного сообщества в стране выхода для формирования и поддержания транснациональных связей не должна быть менее 50 тыс. человек.

Под *транснациональными связями* в исследовании автором понимаются личные регулярные контакты мигрантов с родственниками, друзьями, коллегами, знакомыми, проживающими в стране выхода мигранта или в других странах, а

также транспортные, информационные, социальные и материальные связи не только между родственниками и знакомыми, а между организациями, входящими в ТМС.

Для транснациональных связей в российско-германской ТМС характерно активное развитие контактов не только на личном уровне между мигрантами и членами их семей и знакомыми, а на уровне отдельных организаций, ориентированных на жителей России и Германии.

Инициаторами создания подобных структур являются мигранты из России/СССР, проживающие в Германии, но ориентирующие свою деятельность не только на жителей этой страны, а также и на россиян. Анализ русскоязычных Интернет-форумов Германии показывает, что активнее всего такие связи развиваются в сфере туризма, здравоохранения, образования и культуры [440].

Туристам из России русскоязычные туристические агентства Германии часто предлагают более высокое качество обслуживания и более приемлемые цены [432]. Одновременно туристические агентства ориентированы на организацию поездок в Россию и европейские страны для русскоязычных мигрантов, проживающих в Германии.

Многие немецкие медицинские клиники предоставляют детальную информацию на своих сайтах на русском языке, детально рассказывая, как можно организовать лечение в ФРГ жителям России.

Образовательные услуги в сфере высшего образования Германии предоставляются на немецком или английском языке. Студенты, приезжающие из России, в меньшей степени вовлечены в транснациональные связи на уровне организаций. В образовательные связи с Россией активно включаются русскоязычные мигранты и русскоязычные образовательные структуры Германии, ориентированные на поддержание среди детей мигрантов определенного уровня знания русского языка и культуры. Это различные воскресные школы, двуязычные детские сады, русские гимназии, которые обмениваются опытом со своими коллегами в России [436].

Культурные транснациональные связи между Россией и Германией на уровне организаций направлены часто на организацию гастролей российских театров и организацию концертов российских исполнителей в Германии, которые пользуются популярностью среди русскоязычных мигрантов [440].

Ниже более детально рассмотрены типы транснациональных связей между Россией и Германией, формируемые между отдельными мигрантами и их друзьями и родственниками в России. В ходе исследования внимание было сфокусировано на изучении транснациональных связей поздних переселенцев, как наиболее многочисленной русскоязычной миграционной группы в Германии. Характер и интенсивность транснациональных связей рассматривались, в том числе и с точки зрения их роли в процессе адаптации переселенцев.

6.2.1. Типы транснациональных связей

По типологии, предложенной Т. Файстом, личные контакты – это первый, наиболее распространенный тип транснациональных связей, формирующий транснациональные сообщества. Помимо этого было обращено внимание на пользование мигрантами различных услуг, предоставляемых страной выхода, например, просмотр телепередач, использование российских интернет-сайтов и социальных сетей, покупка билетов в Россию на самолеты, обслуживаемые российскими авиакомпаниями, проведение отпуска в стране выхода, то есть поддержание любых безличных контактов в стране выхода, что Т. Файст относит к следующему уровню транснациональных сообществ [318]. Внимание в исследовании было обращено на взаимный характер такого обмена и трансграничных связей. Во время исследования в Алтайском крае и Омской области при проведении опроса отдельной темой стало включение жителей России в транснациональные сообщества.

В ходе исследования выявлено, что не все поздние переселенцы формируют транснациональные сообщества. В этом заключается существенное отличие данной группы мигрантов от других групп иностранцев в ФРГ. Например, турецкие мигранты в Германии в преобладающем большинстве живут в транснациональном пространстве, одновременно и в Германии, и в Турции. Их жизненные стратегии ориентированы на семьи, проживающие в Турции.

Такая черта отличительная черта поздних переселенцев объясняется тем, что эмиграция российских немцев из СССР носила массовый, семейный характер, в Германию переезжали семьями, рабочими коллективами, классами, целыми поселками. Особенность миграции российских немцев в том, что для многих переселенцев в Германию оказалось перенесено все их социальное окружение. Поэтому при

создании сетевых русскоязычных структур в Германии не возникает необходимости регулярных социальных контактов со страной выхода. Для многих российских немцев из Киргизии и Казахстана ситуация усугубляется еще и тем, что родственники, оставшиеся в странах выхода, переехали в Россию.

Для транснациональных связей важную роль играет и гражданское инкорпорирование мигрантов в новую для них страну. Российские немцы, получая гражданство ФРГ, также оказываются отчасти лишены предпосылок для формирования транснациональных сообществ в отличие от турецкого населения Германии, не получающего гражданства страны.

Часть российских немцев активно вовлечена в транснациональные сообщества, отличительной чертой формирования подобных сообществ российскими немцами является их транслокальность. Большая часть контактов в случае возникновения и формирования транснациональных сообществ направлена на локальные сообщества в стране выхода, на конкретные населенные места.

По итогам интервьюирования были выделены наиболее часто встречающиеся типы связей мигрантов, проживающих в Германии, с Россией.

Информационные связи включают передачу локальных или семейных новостей. Респонденты отдельно отмечали, что они могут не интересоваться в целом событиями, происходящими в стране, но их интересует, сменился ли, например, директор школы в их селе, или куда уехал отдыхать председатель «колхоза» или рассказывают о своих немецких соседях, которые купили новую машину, были в отпуске в другой стране. Эти связи носят взаимный характер, то есть в обмене информацией участвуют обе стороны.

Эмоциональные связи подразумевают обсуждение семейных или личных проблем или радостей. В данном случае эмоциональные связи отделены от информационных, потому что при таком типе связей происходит не только и не столько обмен новостями, а скорее речь идет о личных переживаниях, просьбах помочь советом и т.д. Эмоциональные связи также носят обоюдный характер, хотя мигранты в Германии чаще отмечали, что могут позвонить в Россию, когда плохое настроение или для беседы «по душам», потому что в Германии не с кем обсудить возникшую проблему.

Материальные связи выражаются в регулярной небольшой денежной помощи, в подарках по случаю юбилеев и семейных праздников. Практически все мигранты, у которых остались родственники или друзья в России, регулярно покупают подарки или отправляют деньги на дни рождения и праздники. По их оценкам, эта сумма не бывает меньше 20 евро и редко превышает 100 евро.

Иногда респонденты, живущие в Германии, помогают своим родственникам или знакомым более крупными суммами, давая в долг на обучение, покупку жилья в России, на лечение и т.д. Встречаются такие крупные виды помощи, как покупка квартиры или дома родственникам в России, чаще всего, эта помощь затрагивает только самых близких родственников.

Ранее была распространена помощь лекарствами, вещами, в настоящее время, во многом по желанию российской стороны, это заменяется деньгами.

Реже появляются упоминания о безличной помощи, например, спонсорской помощи школе, где учился мигрант, дому культуры в родном селе. В качестве примера транснациональных связей респонденты рассказывали об установке памятника российским немцам в Архангельске, деньги на который были выделены историческим обществом российских немцев Германии. Большая часть материальных потоков направлена из Германии в страны выхода мигрантов.

Организация и оплата поездки в Германию родственникам или знакомым может рассматриваться как отдельный вид транснациональных связей. В данном случае это не только материальная помощь, но и помощь в организации программы пребывания в Германии, бронирование гостиниц или предоставление проживания у себя дома, поездки по Германии и т.д. Подавляющее большинство мигрантов, приглашающих гостей из России, оплачивает им билеты в Германию, обеспечивает проживание, поездки по стране, покупают подарки. Эта сумма в итоге может составить от 1000 до 3000 евро, в зависимости от количества гостей и возможностей приглашающей стороны.

В Германии работает значительное количество туристических агентств, которые ориентированы на русскоязычных туристов из России и Германии [432].

По итогам интервью были проведены расчеты объемов транснациональных потоков и анализ степени распространенности данного типа связей, а также про-

слежена динамика уровня интенсивности транснациональных связей в 2000-х гг. по сравнению с началом 1990-х гг. (табл. 6.2).

Таблица 6.2.

Характер и интенсивность транснациональных связей российских немцев

Тип транснациональных связей	Денежное выражение (Евро)	Степень распространенности среди переселенцев, которые участвуют в трансграничных связях	Уровень интенсивности в 2000-х гг. по сравнению с 1990-ми гг.
Потоки, направленные из Германии в Россию, на поддержание транснациональных связей			
Денежная помощь	Юбилей, праздники 20-100	часто	ниже
	Обучение 500-1000	редко	прежний
	Покупка квартиры До 50 000	очень редко	прежний
Организация и оплата отпуска в Германии	Билеты, виза, пребывание в Германии 1000 – 3000	раз в год/несколько лет	ниже
Посылки, подарки, сувениры	100 – 200	часто	прежний
Спонсорская помощь	До 5000	очень редко	прежний
Поездка в Россию	1000 – 3000	раз в год /несколько лет	прежний
Траты на поддержание транснациональных связей мигрантов, живущих в Германии			
Телефонные переговоры	100-200 в год	часто	выше
Русское телевидение	100 – 200 в год	часто	выше
Концерты, спектакли	Билет 20-50	часто	выше
Русские газеты	100 в год	часто	выше
Русские школы	300 – 500 в год	часто	выше
Русские магазины	100-300 в год	часто	прежний
Потоки, направленные из России в Германию на поддержание транснациональных связей			
Прием и организация отпуска в России	1000 – 5000 руб.	раз в год/ несколько лет	выше
Подарки в Германию	1000 – 2000 руб.	часто	прежний

Составлено автором по итогам анализа интервью с мигрантами в Германии и с российскими немцами в России.

В денежном выражении мигранты, живущие в Германии, получают из России меньше, но по их же словам, в культурном, эмоциональном, психологическом отношении, они часто зависят от связей с Россией гораздо сильнее, чем их родственники и друзья от связей с Германией.

Для многих необходимо раз в год съездить в Россию, регулярно звонить в Россию, узнавать новости. Другая часть мигрантов следит за новыми российскими книгами и фильмами, интересуются экономической и политической ситуацией в России и в регионе выхода. Многие отмечают, что не могут привыкнуть к немецким продуктам и привозят из России консервированные овощи, сладости.

Спрос в среде мигрантов на многие российские товары, продукты и т.д. стал причиной возникновения множества различных структур переселенцев в самой Германии, начиная от русских магазинов, газет, туристических агентств, медицинских консультаций, юридических служб и т.д. В настоящее время в Германии можно прожить, не владея немецким языком, что часто становится препятствием на пути освоения немецкого языка переселенцами.

Появление подобных структур мигрантов влияет и на характер транснациональных связей с Россией. По сравнению с началом 1990-х гг., для настоящего времени характерно снижение активности поддержки товарами, снижение среднего размера денежной помощи, активизация культурного обмена, усиление вектора Россия – Германия, но эмоциональная поддержка по-прежнему остается очень важной для мигрантов. А многие отмечали, что она возрастает с увеличением продолжительности пребывания в Германии.

Вклад транснациональных связей в развитие региона выхода. В ходе исследования проведена оценка масштабов влияния трансграничных потоков на регион выхода мигрантов. Эмпирические исследования проходили в Немецком национальном районе (ННР) в Алтайском крае. С начала 1990-х гг. из ННР на постоянное жительство в Германию выехало более 10 тыс. человек, значительная часть из них поддерживают регулярные связи с регионом выхода: приезжают в отпуск, приглашают своих родственников и знакомых, присылают подарки и предоставляют в различном виде денежную помощь.

В ходе проведения исследования в Алтайском крае практически все респонденты заявляли, что регулярно общаются со знакомыми и родственниками, живущими в Германии.

Если предположить, что около 2 тыс. мигрантов в среднем в год в различных вариантах «передают» в район по 1000 евро, то общий объем масштабов транснациональной экономики района составит около 2 млн евро. Даже по минимальным оценкам в денежном выражении объемы транснациональных потоков сопоставимы с объемом районного бюджета ННР.

Помимо материального выражения, транснациональные связи проявляются в регулярных поездках жителей района в Германию, по словам главы района практи-

чески все школьники были в Германии. Таким образом, повышается социальный капитал жителей района.

В районе встречаются примеры транснационального сотрудничества в сфере аграрного производства, когда жители района выезжают с помощью своих родственников и знакомых в Германию на сельскохозяйственные выставки, стажировки и т.д. Летом в ННР можно встретить мигрантов, приехавших в отпуск к родственникам. Проявляется существование транслокальных сообществ, которые оказывают влияние на развитие регионов компактного проживания немцев в России.

6.2.2. Адаптационные стратегии мигрантов и их включенность в транснациональные связи

По итогам анализа интервью среди поздних переселенцев были определены три ключевых адаптационных стратегии по степени их участия в транснациональных связях и характеру использования русскоязычных сетевых структур Германии.

1 группа – стратегия ориентации на Германию. Эту группу составляют поздние переселенцы, которые не участвуют в транснациональных связях со страной выхода и не используют сетевые структуры мигрантов, то есть живут только в «германском» социальном пространстве в общественной и частной жизни. Эта группа относительно не многочисленна, но по их самооценке наиболее успешно интегрирована на новом месте жительства. Образующие эту группу переселенцы не связаны между собой, у них нет никакой солидарности с другими мигрантами. Чаще всего они позиционируют себя как немцы и граждане Германии.

В большинстве случаев они приехали в Германию в начале 1990-х гг., когда экономическая ситуация и миграционная политика в Германии были благоприятными для интеграции в принимающем обществе.

Большая часть из наиболее успешно интегрировавшихся переселенцев в бывшем СССР проживали в крупных городах, обладали высоким уровнем образования и профессиями, находящими применение в Германии (например, врачи, инженеры и т.д.), на достаточном уровне владели немецким языком до переезда в Германию. Большая часть из них на момент переезда в Германию была в возрасте от 30 до 40 лет.

Среди представителей этой группы есть переселенцы, испытавшие на себе в бывшем СССР притеснения по этническому или религиозному признаку, что часто являлось основным мотивом миграции. Таким образом, в этой группе «выталкивающие» факторы миграции были определяющими в ходе принятия решения о переезде. В интервью многие упоминали, что Россия или бывший СССР это просто место, где они родились, а их Родиной и домом стала Германия. Все отмечают высокую степень мотивации в ходе процесса интеграции.

В настоящее время они позиционируют себя как немцы, в большинстве случаев их дети никаким образом не связаны с социальным пространством основной части поздних переселенцев, не владеют русским языком.

2 группа – «комбинированная» стратегия. Поздние переселенцы ориентируются как на Германию, так и на страну выхода. Отличительным признаком является то, что профессиональная жизнь представителей данной группы связана с германскими структурами и с германским «социальным пространством», а частная и общественная жизнь может быть ориентирована как на участие в сетевых структурах мигрантов, так и на развитие транснациональных связей со страной выхода. Эта группа достаточно многочисленная и неоднородная по внутренней структуре.

В эту группу входят представители «среднего класса» поздних переселенцев, то есть те, кто успешно интегрировался в германское общество, но при этом для реализации внутренних потребностей ему важно оставаться в сфере прежней социальной структуры. Чаще всего это жители больших городов от 25 до 35 лет, приехавшие в Германию с высшим образованием и подтвердившие тут диплом или получившие новое высшее образование в Германии.

В эту же группу входят переселенцы без высшего образования, но работающие на требующих достаточно высокой квалификации рабочих местах. Это возрастная группа до 40 лет, но не моложе 30 лет. Многие из них связаны с Россией или со страной выхода родственными и дружескими связями. Часть ориентирует детей на знакомство с русской культурой, часть полагает, что дети должны полностью интегрироваться в германское общество.

«Я хотела влиться полностью в немецкую жизнь, Россию не бросать ни в коем случае, но все же и в этой стране жить полностью... Сейчас, когда

дети появились, я с ними на немецком разговариваю, дети просто по-русски не поймут, мне хочется понять весь мир, который их окружает...»⁸⁵.

3 группа – поздние переселенцы, которые ориентируют свою и общественную и частную жизнь на прежние социальные связи, на социальное пространство самих мигрантов. Те, кто входит в эту группу в меньшей степени участвуют в транснациональных связях, но активно используют внутренние структуры.

Группу составляют переселенцы, испытывающие сложности с интеграцией в принимающее общество по разным причинам, которые переехали в Германию во второй половине 1990-х – в 2000-х гг. Преимущественно это переселенцы из сельской местности или из небольших городов, обладающие профессиями, не востребованными в Германии. Они вынуждены занимать наименее престижные рабочие места, на которых занято много мигрантов, что создает культурно-социальный барьер, возникающий, в частности, из-за плохого владения немецким языком. Среди представителей этой группы существенная доля тех, кто приехал в Германию в предпенсионном возрасте.

6.2.3. Факторы, определяющие типы и интенсивность транснациональных связей

По итогам анализа интервью с российскими немцами в Германии были выделены внутренние и внешние факторы, влияющие на характер и активность транснациональных связей.

К *внутренним факторам*, по мнению самих респондентов, а также опрошенных экспертов, относятся: этническая идентичность, возраст, социальный статус на момент миграции и изменение социального статуса после миграции в Германию, ощущение успешности интеграции.

К *внешним факторам* относятся: продолжительность проживания в новой стране, страна выхода мигрантов (Казахстан, Россия и т.д.), размер населенного пункта в стране прежнего проживания, размер населенного пункта в Германии, интенсивность общения в среде мигрантов, отношение принимающего общества к мигрантам.

⁸⁵ Женщина, 1972 г. рождения, в Германии с 1994 года, домохозяйка, владеет немецким языком. Билефельд. Время проведения интервью 2004 г.

Среди внутренних факторов важную роль играет социальный статус в стране выхода. Чем выше социальный статус, тем активнее участие в транснациональных связях. Среди возрастных групп наименее активно в транснациональных связях принимают участие молодые переселенцы до 25 лет и пенсионеры. Наиболее интенсивно развивают транснациональные связи те, кто до переезда успел получить в стране выхода образование и достичь определенного социального статуса.

Относительно роли внешних факторов было установлено, что переселенцы из России и европейских республик бывшего СССР активнее участвуют в транснациональных связях со страной выхода, чем мигранты из Казахстана и республик Средней Азии. Активнее, чем остальные эмигранты, участвуют в транснациональных связях бывшие жители крупных городов и мигранты из немецких национальных районов, образованных в России в начале 1990-х годов.

По итогам оценки транснациональных связей эмигрантов из России в Германии было определено, что от четверти до трети переселенцев в Германии являются участниками транснациональных сообществ и активно участвуют в различных видах связей со страной выхода. В эту группу, прежде всего, входят мигранты, прошедшие социализацию в России до эмиграции, получившие определенный социальный статус.

6.3. Потенциал возвратной миграции российских немцев

Одной из частых тем при изучении международных миграций является тема возвратной миграции или эмиграции, когда представители поколения эмигрантов, возвращаются в страну выхода. В ходе исследования была проведена оценка возвратного потенциала российских немцев из Германии в Россию. Для этого проводились интервью с экспертами в сфере миграционной политики, был проведен анализ интервью с мигрантами на данную тему, а также использовались данные русскоязычных форумов Германии, где сами мигранты поднимают вопрос о возможном возвращении в страну выхода.

6.3.1. Мнения российских экспертов о возвратной миграции российских немцев из Германии в Россию

В ходе исследования проведены одиннадцать интервью с экспертами из различных академических и административно-управленческих структур России. Представим ниже наиболее типичные мнения экспертов, относительно возможности реэмиграции.

Среди аргументов в пользу обратного возвращения российских немцев из Германии были следующие доводы:

«Поедут молодые люди, которые получили образование, которым там достаточно сложно делать карьеру, как правило, это те, кого вывозили детьми и они интегрированы в среду, ... в России у них есть возможность сделать карьеру»⁸⁶.

Но чаще в интервью звучало следующее мнение:

«Было бы хорошо, если бы российские немцы вернулись, но думаю, что они не поедут...»⁸⁷.

Часть экспертов останавливалась на компромиссном варианте частичного возвращения:

«...пока об реэмиграции говорить рано. Любой миграционный поток, рождает противоток, если уедут 100 тыс., хоть тысяча да вернется. Говорить о возврате можно, когда будут возвращаться 10-15-20%. Такого, не происходит. Если возвращаются люди, они возвращаются, чтобы одновременно жить и там, и здесь...».

«Чем лучше экономическая ситуация в России, тем больше вероятность возвращения соотечественников, пока такого потенциала я не вижу. Чаще люди начинают тут вести бизнес, а живут там...».

«Что касается Германии, ... они хотели бы вернуться в Россию, чтобы здесь жить и работать, но при этом оставаться гражданами Германии. Если бы я был российским немцем, я бы сделал так. Будет ли это полноценная реэмиграция сказать трудно. Я думаю, пока с реэмиграцией нет»⁸⁸.

⁸⁶ Доктор социологических наук, Институт социологии РАН.

⁸⁷ Сотрудник МИД, департамент по делам соотечественников.

⁸⁸ Ведущий научный сотрудник Высшей школы экономики.

Большинство экспертов считает, что российские немцы, точно также как и славянское население стран СНГ, были бы желательными мигрантами для России. Но состояние рынка труда в России, прежде всего, уровень заработной платы, не создают в России, и тем более в странах СНГ, в настоящее время условия для массового въезда российских немцев. Трудовые мигранты, въезжающие в Россию – низкоквалифицированные и относительно низкооплачиваемые мигранты. Поэтому большая часть экспертов придерживается мнения, что российские немцы не станут в массовом порядке возвращаться в Россию.

Другое мнение, не очень часто встречающееся среди экспертов, это возможный компромисс между плюсами жизни в Германии и плюсами жизни в России, который можно назвать «транснациональной моделью» реэмиграции, о чем будет сказано ниже.

6.3.2. Мнения поздних переселенцев о возможности возвращения в Россию или страны СНГ

Вопросы возвращения в страны СНГ часто обсуждаются на русскоязычных Интернет-форумах переселенцев, при этом высказываются различные мнения. Приведем пример интернет-голосования на русскоязычном форуме по этому поводу (рис. 6.2, 6.3).

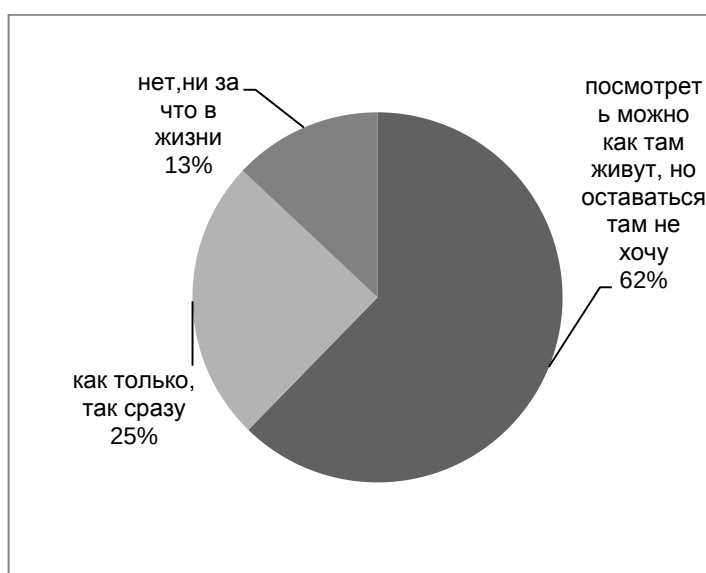

Рис. 6.2. Результаты ответа на вопрос: «Хотели бы Вы вернуться назад в Союз?»; ответили 77 человек. Источник: [413] Дата обращения 02.11.2011.

Мнения переселенцев более разнообразны, чем мнения экспертов. Это проявляется не только на данных диаграммах, но и в беседах с поздними переселенцами, а также в более открытых обсуждениях реэмиграции на интернет-форумах.

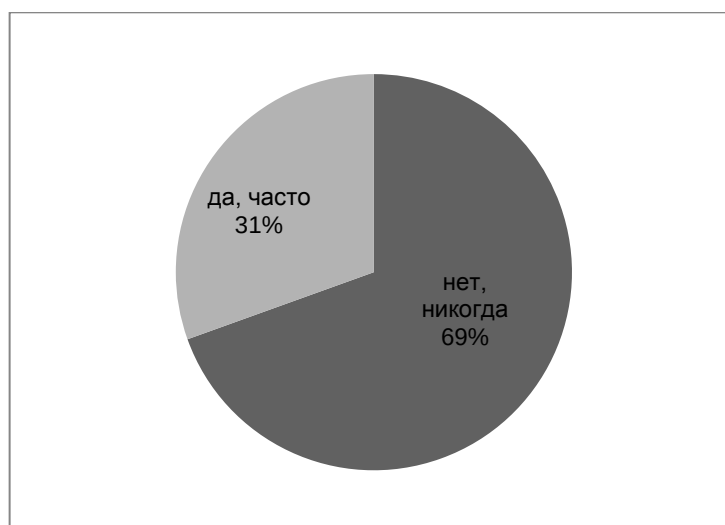

Рис. 6.3. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас мысли уехать назад?»; ответили 59 человек. Источник: [413] Дата обращения 02.11.2011.

Можно встретить следующие высказывания переселенцев на русскоязычных интернет-форумах Германии, склоняющихся к возвращению:

«А я вот без России никуда, как универ закончу, обратно поеду!»

«А у меня родственники уехали обратно и живут очень хорошо. Когда они уезжали в Германию, то всё продали в деревне у себя. Они жили и живут сейчас в деревне. А когда вернулись, то всё купили обратно, даже свою корову!!!»

Но при этом не меньше мнений высказывается против отъезда из Германии:

«Детство тут провела, а не там, поэтому не могу понять, как там можно жить! ...Если бы я сейчас там жила, у меня бы не было нормальной машины, я бы не ездила в Лондон, Париж, Швейцарию, я бы не достигла того, что я тут достигла!»

«Меня тоже не тянет особо, когда я туда приезжаю, то меня хватает на 2 дня и уже хочу назад, в Германию. Я говорю: "Хочу домой! "».

«Желаемые условия у всех разные, лично мне важна инфраструктура, законность, работа, дающая мне возможность заработать на качественную жизнь»

«не знаю вообще ни одного, кто вернулся назад!»

Среди поздних переселенцев встречаются мнения относительно сочетания положительных сторон страны выхода и Германии, но большинство мнений сводится к тому, что постоянным местом жительства должна оставаться Германия. Вот несколько таких мнений:

«Отдыхать там классно, чем я последние два года регулярно занимаюсь. Но вот жить – нет, уж слишком мы здесь привыкли к хорошей жизни».

«Я думаю, мы должны жить здесь, но и про Родину не забывать и помогать ей, чем только можем».

«... при определённых условиях желают вернуться больше половины опрошенных! Парадокс, но люди хотят вернуться. И я не исключение. Я тоже задумываюсь над этим, правда Россию рассматриваю только как альтернативу Канаде и Новой Зеландии» [413].

Часть выдержек подтверждает слова экспертов, о том, что в большинстве случаев переселенцы уже живут по новым стандартам потребления и качества жизни, особенно молодое поколение. Ностальгические настроения, которые могут привести к реэмиграции, скорее являются исключением, чем правилом. Результаты нестатистического исследования о том, что не следует ожидать массовой реэмиграции поздних переселенцев из Германии в страны СНГ, подтверждают и статистические данные.

Российская статистика не показывает тенденции к массовой возвратной миграции в Россию из ФРГ. Эти же тенденции подтверждают данные статистики Федерального агентства Германии по миграции и беженцам.

Сальдо миграции в миграционном обмене с Россией остается для Германии положительным. По данным статистики Германии с 1992 г. минимальные значения сальдо наблюдались в 2008 и 2009 гг. – 2,2 тыс. человек и 3,1 тыс. человек, соответственно, в 2010 и 2011 гг. опять наблюдается увеличение сальдо миграции в миграционном обмене России и Германии – 5,2 тыс. человек и 7,4 тыс. человек [417].

На более низком региональном уровне также подтверждаются тенденции, заметные на уровне стран. Данные Омского областного комитета статистики, полученные в ходе полевых исследований, показывают, что массовой реэмиграции российских немцев из Германии не происходит (рис. 6.4).

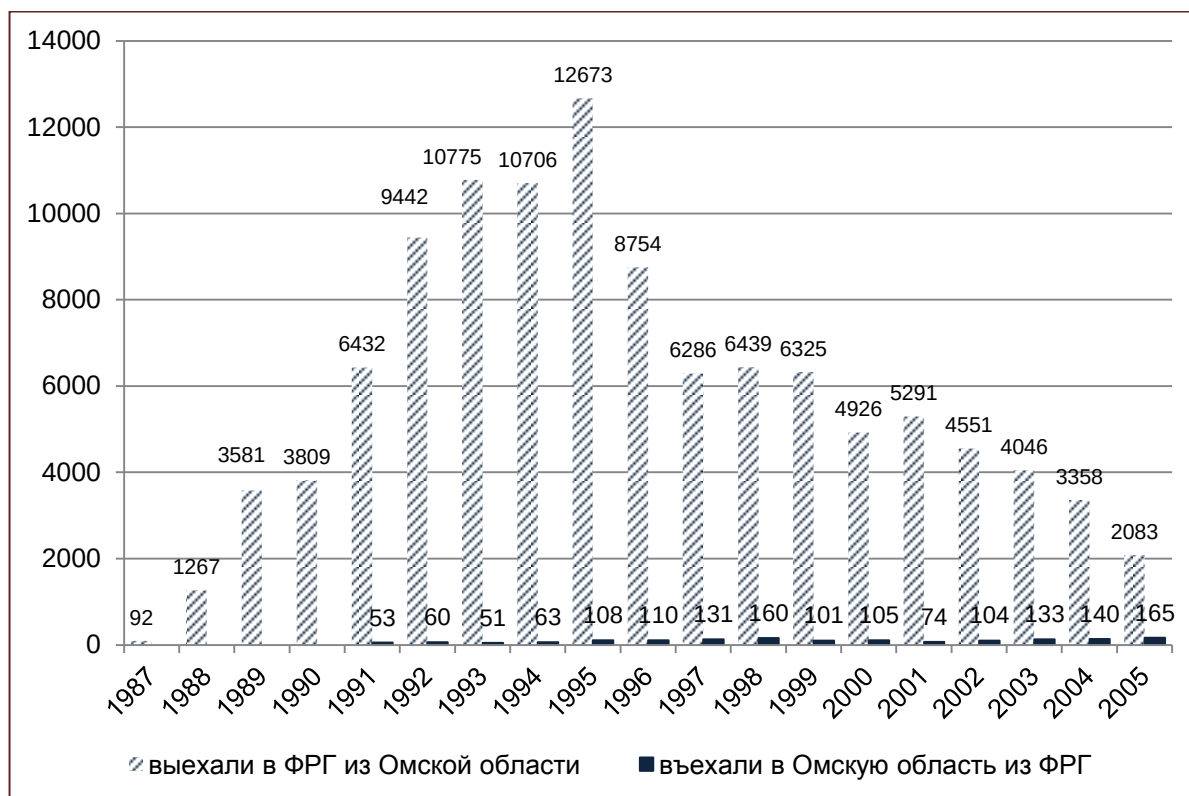

Рис. 6.4. Выезд и въезд немцев из Омской области в Германию, в 1987-2005 гг., человек. Источник: данные Омского областного комитета статистики, полученные в ходе полевых исследований.

Омская область является одним из российских регионов массового проживания немцев, где расположен один из двух национальных немецких районов в современной России и откуда происходил массовый отток российских немцев в Германию. Логично предположить, что в случае возвратной миграции, именно сюда был бы направлен больший поток российских немцев, по сравнению с другими российскими регионами.

За период с 1985 по 2005 г. из Омской области в Германию выехало 110,5 тыс. человек, а вернулось 1,6 тыс. человек или 1,4% от всех выехавших.

В настоящий момент ожидать массовой возвратной миграции российских немцев из Германии в Россию не приходится. По данным опросов и экспертных

интервью, можно говорить не более чем о 3% возвращающихся среди всех поздних переселенцев, выехавших в Германию.

Независимо от масштабов процесса возвратная миграция переселенцев из Германии в страны СНГ существует, определенная часть поздних переселенцев под влиянием различных факторов выбирают решение о возвращении. Ниже рассмотрены факторы, способствующие принятию решения о реэмиграции, выявленные в ходе глубинных интервью с поздними переселенцами, живущими в Германии.

6.3.3. Факторы, влияющие на принятие решения о реэмиграции

В ходе анализа проведенных интервью были выделены несколько групп факторов, под влиянием которых формируется принятие решения о реэмиграции. Сложно определить роль влияния той или иной группы факторов на принятие окончательного решения вернуться в страну выхода, их проявление ситуативно и индивидуально. Благоприятное или неблагоприятное сочетание всех групп факторов определяет решение поздних переселенцев – оставаться в Германии или уезжать. Наши выводы подтверждаются исследованиями других исследователей относительно добровольной возвратной миграции различных групп мигрантов, проживающих в Германии (рис. 6.5).

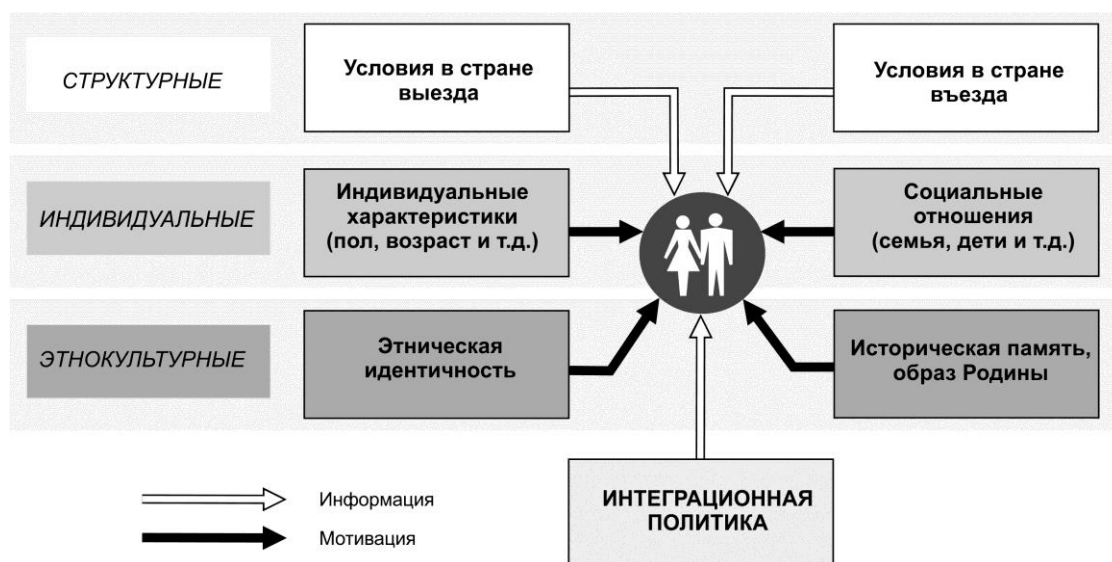

Рис. 6.5. Факторы, влияющие на принятие решения о реэмиграции российских немцев из Германии в страны выхода. Составлено автором на основе [282].

Первая группа факторов – структурные факторы, которые касаются ситуации в стране выхода мигранта и в принимающем обществе. Это факторы, формирующие рамочные условия, в которых принимается решение о миграции, в зависимости от того, насколько сильны выталкивающие или притягивающие факторы. К ним можно отнести экономическую, политическую ситуацию в стране или в конкретном регионе, институциональные факторы, миграционную политику страны и т.д.

Вторая группа факторов – индивидуальные характеристики мигранта (пол, возраст, уровень образования, продолжительность проживания в Германии, знание немецкого языка, семейный статус и т.д.). Часто, но не всегда, эти факторы могут играть определяющую роль в принятии решения относительно реэмиграции.

Третья группа факторов – деятельностные, которые проявляются в организации различных политических мероприятий, формировании структур, способствующих, как интеграции, так и возвращению на Родину. Как показывают результаты глубинных интервью эта группа факторов, действует наиболее активно на этапе первичной адаптации поздних переселенцев в Германии, когда, по мнению большинства исследователей, вероятность реэмиграции наиболее велика.

Чем дольше мигрант проживает в принимающем обществе, тем меньше вероятность возвращения в страну выхода. Данные интервью, проведенных с российскими немцами в Германии, говорят о том, что эта группа факторов наиболее важна для поздних переселенцев, у которых процесс интеграции проходит достаточно сложно и которые нуждаются в интегративных мероприятиях.

Группы факторов, предложенные другими исследователями [283], можно дополнить факторами, которые играют важную роль в принятии решения о реэмиграции именно поздними переселенцами. Это группа этнокультурных факторов, к которым относятся этническая идентичность, историческая память, образ Родины. Интервью с мигрантами из России, которые не являются российскими немцами или членами их семей, показывают, что для них этнокультурные факторы играют меньшую роль, чем для российских немцев.

В качестве примера можно привести неоднозначное формирование образа Родины у российских немцев.

Неоднозначность образа Родины у российских немцев. Среди причин, которые могут стать решающими в принятии решения о реэмиграции поздних пере-

селенцев из Германии, важную роль играет представление о Родине у российских немцев, которое в том числе может определять их этническую идентичность. Отличительной чертой в формировании представления о Родине у российских немцев является их историческая память, которая формировалась под действием политических событий, связанных, особенно в XX в., с притеснением их прав и свобод. Не случайно один из первых журналов российских немцев, который начал издаваться в Германии, называется «Volk auf dem Weg», то есть «Народ в Пути».

У различных поколений и социальных слоев представителей этой этнической общности можно встретить практически противоположные как в географическом, так и в идеологическом плане ответы на вопросы: «Где ваша Родина?» и «Что для Вас является Родиной?».

Например, один из меннонитов, проживающий в Германии около 15-ти лет и оказавшийся там в пятилетнем возрасте, ответил без колебаний:

«Конечно – Бог; Россия и Германия – это места, где я временно нахожусь».

В деревне Шумановка в Алтайском крае пожилая семейная пара, у которой дети уехали в Германию, дала такой ответ:

«Наша Родина – советская власть, она дала нам все, что у нас есть, и мы не собираемся ее предавать даже сейчас».

Среди тех, кто уехал в Германию, встречаются варианты ответов:

«Моя Родина и Родина моих предков – Германия, Россия это только место, где я родился»

«Моя Родина, конечно, Россия (или Казахстан и др., а еще чаще встречается ответ – СССР), а Германия – это удобное место для жительства».

Примеры свидетельствуют об отсутствии единой территории, воспринимаемой российскими немцами, как историческая Родина. Для многих из них Родина – понятие не географическое, не территориальное, а скорее историческое и ментальное, недаром так часто в разговорах о Родине люди обращаются к своему прошлому или прошлому своих предков. Российские немцы оказались разделены не только территориально, но и ментально, переживая кризис этнической идентичности, как в странах СНГ, так и в Германии. В зависимости от того, какой ответ на вопрос «Что такое Родина?» дает сам себе переселенец, зависит во многом и принятие решение о реэмиграции.

6.3.4. Соотношение миграционной привлекательности России и Германии для поздних переселенцев

Опираясь на схему из четырех групп факторов, представленную выше, на основе миграционной теории привлекающих и выталкивающих факторов проанализируем что, по мнению российских немцев, могут предложить переселенцам Германия и Россия, и какая страна в настоящее время сильнее по объективным и субъективным параметрам «притягивает мигрантов» в каждой из групп факторов (табл. 6.3).

Таблица 6.3.

Факторов принятия решения о реэмиграции поздними переселенцами

Группы факторов	Германия		Россия	
	Pull-факторы, притягивающие факторы	Push-факторы, выталкивающие факторы	Pull-факторы, притягивающие факторы	Push-факторы, выталкивающие факторы
Структурные и деятельностные факторы	соблюдение закона и прав человека, политическая стабильность, экономическая ситуация, социальное обеспечение, возможность путешествовать, климат, возможность участвовать в общественной жизни, возможность изучать немецкий язык, социальные программы и социальная поддержка, возможность построить свой дом, будущее детей,	сложность в самореализации, снижение социального статуса, сложность в поиске высокой профессиональной позиции, менталитет жителей	большая свобода действия, хорошие люди, привычный климат, возможность достичь большего	сложная экономическая ситуация, неразвитая социальная инфраструктура, несоблюдение закона, менталитет жителей, опасение за будущее детей
Индивидуальные факторы	семья, родственники, нежелание еще раз испытать переезд, приобретенная позиция	ностальгия семья, родственники в стране выхода, сложность в интеграции, социальная нереализованность	родная среда, родной язык, семья, родственники	желание самореализации, воссоединение с родственниками в Германии
Этнокультурные факторы	позитивная немецкая этническая идентичность, представление о Германии, как об исторической Родине, возможность религиозной жизни	кризис этнической идентичности, представления о Родине, связанные со страной выезда, относительность моральных ценностей	позитивная историческая память, тесная связь с русской культурой, позитивная этническая и «советская» идентичность	негативная историческая память, представление о Германии, как об исторической Родине, желание вернуться на историческую Родину
Механизмы переселения	немецкие организации, помогающие мигрантам вернуться на родину, личные контакты		программа добровольного переселения соотечественников в Россию, личные контакты	

Составлено по итогам интервью с экспертами, мигрантами и российскими немцами в России.

Германия «лидирует», по набору структурных факторов. Практически все переселенцы и эксперты сходятся во мнении, что объективные рамочные условия

жизни в Германии предпочтительнее таких же условий в странах выхода поздних переселенцев. Прежде всего, это касается более благоприятной экономической ситуации, политической стабильности, и возможности реализовать различные социальные потребности, как самим переселенцам, так и их детям.

Переселенцы отмечают роль деятельностных факторов, по их мнению, Германию очень много делает для интеграции мигрантов, что также способствует ее привлекательности. Практически всеми отмечалось, что часто структурные факторы играют определяющую роль в принятии решения о реэмиграции.

Россия привлекает поздних переселенцев скорее с эмоциональной точки зрения, ощущением *дома* или *Родины*. Многие из респондентов старшего поколения отмечают, что им не хватает в Германии «душевности». Хотя как уже было сказано выше, это группа факторов не играет определяющей роли в принятии решения о миграции. В условиях развития технологий и коммуникаций, эти потребности можно реализовать, не выезжая из Германии. Массовое возникновение русскоязычных структур в Германии (магазины, туристические агентства, медицинские центры и т.д.) позволяет широко использовать русский язык.

Группа этнокультурных факторов – самая неоднозначная для анализа. В зависимости от установок позднего переселенца, эти факторы могут способствовать, как выезду из Германии обратно в Россию или другую страну СНГ, так и наоборот – вызывать у позднего переселенца желание остаться в Германии.

В этой группе, по мнению, респондентов наиболее значимыми факторами являются положительная этническая идентичность, причем это не обязательно немецкая идентичность. Многие успешные поздние переселенцы являются носителями двойной идентичности и русской и немецкой и это, по их словам, скорее им помогает, чем мешает. В таком случае респонденты обладают высокой мотивацией к интеграции. Кризис этнической идентичности часто приводит к слабой мотивации к интеграции в принимающем обществе, что в итоге может привести к решению вернуться в страну выхода.

В ходе исследования были выявлены социально-экономические характеристики поздних переселенцев, наличие которых у мигрантов с большей степенью вероятности могут способствовать принятию решения о возвращении в Россию. Автором определены группы поздних переселенцев, которые могут стать потенци-

альными реэмигрантами с большей степенью вероятности, чем представители других групп.

6.3.5. Потенциальные когорты реэмигрантов

Потенциальными реэмигрантами могут стать люди, обладающие следующими социально-экономическими характеристиками: экономическая нестабильность, в частности отсутствие постоянной работы; отсутствие семьи или сложные семейные отношения; слабая интеграция в принимающее сообщество и отсутствие мотивации для интеграции; плохое знание немецкого языка; негативная этническая идентичность, небольшая продолжительность жизни в Германии (менее 6-8 лет). К существенным притягивающим факторам в стране выхода относятся: наличие близких родственников, сохранение жилья в стране выхода, возможность найти работу в стране выхода и т.д.

Сложно отнести все эти характеристики к одной из социальных, возрастных или региональных когорт поздних переселенцев в Германии, скорее это могут быть представители самых разнообразных слоев российских немцев. По мнению, многих респондентов и по личным наблюдениям в ходе исследований, такими характеристиками обладают мигранты среднего поколения, преимущественно мужчины, переехавшие в Германию в возрасте старше 25 лет.

Прежде всего, это не российские немцы, а члены их семей, те, кто попробовал жить в Германии, и у кого не получилось интегрироваться в принимающее общество. В интервью, проведенных в России и Германии, встречалось мнение, что возвращаются люди, которые *«ищут легкую жизнь, они не хотят работать, ни в России, ни в Германии, а оправдания ищут не в себе, а в стране»*. Это поздние переселенцы, у которых индивидуальные факторы, выталкивающие из Германии, превалируют над структурными, притягивающими в Германию.

Скорее всего, в эту группу не попадают российские немцы с позитивной этнической идентичностью, обладающими сильными семейными связями в Германии, так как чаще всего переезд осуществлялся большими семьями («кланами», как говорят сами переселенцы).

Также, пенсионеры с меньшей степенью вероятности попадают в группу потенциальных реэмигрантов. Это объясняется экономическими причинами, наличи-

ем семьи в Германии, социальной защищенностью, возможностью реализации религиозных потребностей.

По мнению многих респондентов, молодое поколение переселенцев, которые приехали в Германию в детстве, не могут составлять группу потенциальных реэмигрантов. Многие из них, как показывают выше приведенные цитаты на интернет-форумах, считают Германию своим домом. Немаловажной причиной является и то, что немецкий язык молодое поколение поздних переселенцев знает лучше, чем русский язык.

«Транснациональная стратегия» реэмиграции. Для остальных социально-экономических групп российских немцев наиболее вероятна, так называемая «транснациональная модель» реэмиграции. Это означает достаточно активное включение в жизнь страны выхода и продолжительное пребывание на Родине. Стратегия подразумевает осознанный выбор поздними переселенцами различных экономических, социальных, культурных, политических связей с Россией. Такой тип социального поведения предполагает, с одной стороны, частое и продолжительное посещение страны выхода, активное участие в определенных сферах ее жизни, а с другой – сохранение места жительства и гражданства Германии.

Приведем ряд примеров проявления такой стратегии, которые встречались в ходе проведения исследования. Такую модель использует часть поздних переселенцев-пенсионеров, у которых есть возможность длительное время проводить не в Германии. Они уезжают на лето на 2-3 месяца каждый год к родственникам в Россию, часто в сельскую местность туда, откуда они родом, а зимний период проводят в Германии. Поездки в Россию им компенсируют часть потребностей, которые они не могут удовлетворить в Германии: общение с родственниками, с бывшими коллегами, работа на своем участке, домашнее консервирование и т.д.

Среди российских немцев часть успешных мигрантов, организовавших свой бизнес в Германии, активно развивают его в России или в Казахстане. В наших исследованиях мы встречали фирмы, специализирующиеся на продаже различных строительных материалов и инструментов из Германии в России. Организация бизнеса требует знание русского языка и особенности российского менталитета, а также продолжительное время пребывания в России, что могут себе позволить российские немцы.

Для поздних переселенцев, особенно старшего и среднего поколения, становится традиционным проведение отпуска в России, но не только в местах выхода, а в санаториях и курортах.

Появление стратегии «транснациональной» реэмиграции не приведет к реальной реэмиграции, это скорее транснациональные формы интеграции мигрантов в принимающее общество, когда мигранты используют «плюсы» нахождения одновременно в двух культурах.

Анализ социально-территориальных связей мигрантов показывает существующие отличия в характере связей у различных групп мигрантов из России в Германии. Это определяется множеством факторов: этнокультурной принадлежностью мигранта, его возрастом, профессиональным статусом, семейным положением, каналом миграции в ФРГ.

Для части мигрантов, в том числе и для российских немцев, характерно активное включение в транснациональные связи со страной выхода, которые можно рассматривать как отдельный тип социально-территориальных связей мигрантов. Развитие транснациональных связей проявляется в сфере обмена информацией, материальными потоками, эмоциями, социальным капиталом.

Транснациональные связи для определенной группы российских немцев становятся частью повседневных практик. На начальной стадии адаптации мигранты практически ежедневно используют социальные контакты с регионами выхода, что может затруднять процесс их приживаемости на новом месте жительства и приводить к социальной изоляции мигрантов от принимающего общества. При благоприятных условиях активные социальные контакты мигрантов с регионом выхода облегчают интеграцию мигранта в новом обществе, снижая социально-психологическую напряженность новосела и облегчая сложности вхождения в социальную среду принимающего общества.

По мере увеличения продолжительности проживания мигрантов на новом месте, даже в современных условиях при развитии коммуникаций, контакты с регионами выхода несколько снижаются, но при этом может усиливаться или сохраняться использование мигрантами социальных структур, образованных самими ми-

грантами на принимающей территории. Наиболее активен этот процесс в случае значительных масштабов миграции.

Транснациональные связи приобретают характер культурно-просветительской, эмоционально-психологической и денежной форм поддержки. При этом меняется структура мигрантов, вовлеченных в транснациональные связи. Если ранее в эти связи были включены мигранты всех социальных слоев, то к настоящему времени в более активный обмен включены либо эмигранты более высокого социального статуса, либо те, у кого сфера деятельности связана с Россией.

Несмотря на такую тенденцию, до сих пор объемы транснациональных потоков из Германии в Россию достаточно велики. В регионах массового проживания российских немцев, таких как национальные немецкие районы, эти потоки в денежном выражении сопоставимы с бюджетом районов. Не менее важную роль играет для местных жителей возможность посещения Германии. Эмигранты, проживая в Германии, становятся материальным и культурно-просветительским «ресурсом» для развития региона их выхода.

В перспективе, со сменой поколений мигрантов, значение эмигрантов для региона выхода, по всей вероятности, будет снижаться. Поскольку среди молодого поколения эмигрантов реже встречается желание активного участия в транснациональных связях со страной выхода.

В отношении российских немцев, эмигрировавших в Германию, России не следует ожидать и активного потока реэмигрантов, а с течением времени эта вероятность будет только снижаться. Но не стоит исключать активной возможности участия различных групп российских немцев в транснациональных связях с Россией и другими странами выхода, что может играть положительную роль в отношениях между этими странами и Германией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международные миграции населения с каждым десятилетием приобретают все большее значение и оказывают существенное влияние на глобальную экономику, политику, социальное развитие стран. В сферу активных международных миграций Россия включилась относительно недавно, но уже стала страной, принимающей и отдающей значительные контингенты международных мигрантов.

Распад СССР, изменение геополитического положения России, социальные и этнические конфликты на территории бывшего СССР, экономический кризис 1990-х гг. и другие причины привели к появлению новых видов миграции населения на постсоветском пространстве и к активному включению России в систему международных миграций.

Отчетливо прослеживается следующая закономерность положения России в географии международных миграций. Донорами мигрантов для нашей страны на 90% являются бывшие республики СССР, откуда едут преимущественно низкоквалифицированные мигранты. Россия «отдает» мигрантов в развитые страны (Германия, США, Израиль), основную часть которых в постсоветский период составили этнические, учебные, семейные и высококвалифицированные мигранты.

Изменение миграционной ситуации сказывается на трансформации исследовательского поля. В России после 1991 г. произошло расширение тем миграционных исследований, появились новые научные центры, увеличилось разнообразие методов и концептуальных подходов. Миграционные исследования стали действительно междисциплинарными, что значительно расширило исследовательские возможности познания такого сложного процесса, как международные миграции населения.

Сравнительный анализ опыта изучения миграции населения в России и Германии также показывает, что данное направление развивается на стыке географии, экономики, социологии, политологии, этнографии и психологии.

Наиболее широкий спектр диссертационных исследований по миграциям населения в России в постсоветский период характерен для экономики, социологии, политических и исторических наук; географическим наукам пока принадлежит более скромное место.

Особенностью современных отечественных исследований международных миграций населения является незначительное количество работ по теории миграционных процессов. Редко встречаются диссертационные исследования, в которых объединены теоретические работы и эмпирические исследования.

Ретроспективный анализ миграционных исследований в нашей стране и Германии показывает, что их тематика и региональный охват зависят от следующих факторов:

- масштабы и особенности миграционного процесса внутри страны;
- масштабы включения страны в систему международных миграций населения;
- политическая ситуация;
- экономическая и социальная система страны;
- включенность страны в международный научный дискурс.

Миграционные исследования в СССР/России и Германии во второй половине XX в. характеризуются разными траекториями исследовательского интереса и темами исследований. В СССР наиболее востребованным направлением являлось изучение внутренних миграций населения и рассмотрение миграционного процесса с точки зрения перераспределения в стране трудовых ресурсов, их роли для экономического развития регионов. В меньшей степени миграции рассматривались с точки зрения самих мигрантов, за исключением исследований приживаемости новоселов в регионах нового освоения

Для Германии максимальную актуальность представляли вопросы изучения трудовых международных миграций, социальных и экономических последствий вхождения мигрантов в принимающее общество, роли государства в процессе интеграции мигрантов.

Темы исследований миграций населения в России и Германии сблизились к началу 2000-х гг. Это обусловлено не только тем, что Россия активно включилась в процессы международной миграции населения, но и более активным участием ученых нашей страны в международных дискуссиях, большей открытостью для российского научного сообщества иностранных литературных и статистических источников. Также сближению исследовательских интересов между Россией и Германией в 1990-2000-е гг. способствовало формирование транснациональных связей

между различными социально-территориальными общностями наших стран, образовавших транснациональную миграционную систему.

Анализ наиболее распространенных концепций международных миграций населения позволяет сделать вывод, что они различаются по целому ряду существенных позиций, среди которых основными являются следующие:

- противопоставляется экономическая и социально-культурная природа международных миграций населения и их последствий;
- различается восприятие роли мигрантов в миграционном процессе: одни направления рассматривают мигранта как самостоятельного актора и участника миграционного процесса, другие – как пассивного объекта миграционной, экономической и социальной политики государств;
- взгляд на миграционный процесс различен с позиции национального государства, которая получила название методологического национализма, и с точки зрения транснационального подхода.

Все большую популярность в международных исследованиях миграции населения приобретает транснациональный подход. Однако это не означает отказа от парадигмы «национальной методологии», т.к. многие решения в отношении международных миграций принимаются исходя из национальной парадигмы, которая переживает ренессанс в ряде европейских стран.

Многообразие и сложность миграционных процессов, исследуемых автором, обусловили применение в исследовании системного подхода и понятия транснациональной миграционной системы (ТМС), позволяющих объединить различные концепции в изучении международных миграций населения.

Основными системообразующими элементами ТМС являются территориальные общности населения в странах выхода мигрантов и территориальные группы мигрантов в странах, принимающих мигрантов. Существенные масштабы международных миграций приводят к формированию как институционально оформленных, так и неформальных сообществ мигрантов в виде различных социальных, экономических, политических и культурных организаций, которые становятся элементами ТМС. Важным структурным элементом ТМС является транспортная и информационная инфраструктура, обеспечивающая функциональные связи между ними в транснациональной миграционной системе.

Связи в ТМС могут формироваться на локальном (например, между родственниками и знакомыми мигрантов), региональном (между различными организациями, функционирующими в двух странах) и страновом (между различными общественными институтами) уровнях.

В работе прослежены исторические предпосылки формирования российско-германской ТМС на примере самой многочисленной миграционной когорты, эмигрировавшей в Германию в конце XX в. – российских немцев.

До 1917 г. немцы Российской Империи компактно проживали в относительно изолированных колониях, преимущественно на территории Европейской части страны. После их депортации в годы Второй мировой войны территории их массового проживания были сформированы в Западной Сибири и в Северном Казахстане.

В результате депортации и последовавших ограничений на перемещение, немцы СССР оказались менее урбанизированы, по сравнению со всем населением страны; для многих территориальных групп немцев в 1989 г. была характерна пониженная доля лиц, получивших высшее образование, для структуры занятости – повышенная доля работающих в первичном и вторичном секторах экономики. В этнокультурном отношении достаточно активно шел процесс ассимиляции. Среди немецкого населения наблюдалась тенденция к межэтническим бракам, ряд факторов привел к снижению уровня владения немецким языком.

Трансформация географии проживания российских немцев и ведущая роль политико-институционального фактора на определенных этапах расселения (депортация и сохранение ограничений на перемещение), повлияла на их миграционные установки и отразилась на структурных характеристиках немецкого населения в России.

Эмиграционный этап развития российско-германской ТМС начался с изменений миграционного законодательства СССР. Первые дополнения в законы были введены в 1986 г., в 1991 г. принят Закон «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР», который сделал возможным выезд из СССР и положил начало небывалой волне эмигрантов. Основные группы эмигрантов из России после 1991 г. сформировали немцы и евреи, а также высококвалифицированные, учебные и семейные мигранты. Основные миграционные потоки направились в Германию, Израиль, США.

Исторические условия формирования населения России, институционально-политические изменения и экономическая ситуация были основными факторами эмиграции из России в Германию для всех групп эмигрантов

Исторический фактор в эмиграции немцев из России в постсоветский период играл первостепенную роль, прежде всего через формирование самого контингента мигрантов и территорий их компактного проживания. Он проявился в долгой истории приглашения немецких переселенцев в Российскую Империю, образовании Республики немцев Поволжья в советский период и ее последующей ликвидации и депортации немцев СССР в Сибирь и Северный Казахстан.

Фактор институциональных и общественно-политических изменений, приведший в т.ч. к исчезновению «железного занавеса» и наиболее ярко проявившийся во второй половине 1980-1990-х гг., привел к «взрывному» росту эмиграции немцев из СССР, а затем из России и Казахстана в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Анализ эволюции российско-германской ТМС после 1991 г. позволяет выделить ряд закономерностей в развитии миграционных связей между странами и определить ведущие факторы функционирования системы на уровне стран и отдельных регионов.

Среди наиболее важных закономерностей развития российско-германской ТМС выделяются следующие:

- циклический характер миграционного процесса: за рассматриваемый период можно выделить этап подъема «эмиграционной волны», стабилизации высокого уровня оттока населения из России в Германию, и падения эмиграционной волны до уровня начала миграционного цикла, что в итоге привело к стабилизации сальдо миграции между странами;

- в эмиграционной волне из России в Германию преобладали представители определенной социально-территориальной группы, в данном случае – это российские немцы и члены их семей, что определило географию регионов оттока эмигрантов. Трансформация структуры эмиграционного потока в 2000-е гг. отразилась на составе регионов эмиграции из России в Германию. Социально-культурная структура эмиграционных когорт напрямую влияла на географию эмиграции;

- массовая эмиграция немцев из России в Германию повлияла на трансформацию этнической структуры населения регионов массового оттока немцев в реги-

онах Западной Сибири и привела к массовой ротации населения на локальном уровне, к значительному изменению географии расселения немцев в России;

- российско-германская ТМС в 1990-е гг. развивалась в рамках более масштабной в иерархическом плане ТМС, в которую вошли не только Россия и Германия, но и бывшие республики СССР, обладающие общим миграционным прошлым, оказавшим влияние и на расселение немцев в СССР. Существование тесных миграционных связей между Россией, Казахстаном и Германией привело к различиям в эмиграционных стратегиях немцев России и Казахстана: если первые в качестве страны эмиграции выбирали исключительно Германию, то вторые – выбирали и Россию, что сказалось на структуре немецкого населения по месту рождения в регионах РФ;

- основными факторами, оказавшими влияние на эволюцию российско-германской ТМС, включая состав входящих в нее регионов, явились следующие: историко-политический, геополитический, административный, экономический, социально-культурный.

Характер функционирования российско-германской транснациональной миграционной системы после снижения масштабов эмиграции из России в 2000-е гг. изменился. Этот этап развития ТМС можно назвать адаптационным. Его основным содержанием стала взаимная адаптация мигрантов к новым социально-экономическим условиям, а принимающего общества – к новым «игрокам» в социальной, культурной, экономической и политической жизни страны приема иммигрантов.

В итоге массовой эмиграции из России и стран СНГ в Германии сформировалась крупная русскоязычная общность. Русскоязычные жители Германии не являются гомогенной группой в этническом, социальном, экономическом и политическом отношениях. Одной из самых многочисленных групп русскоязычных эмигрантов из постсоветских стран в Германии стали российские немцы и члены их семей.

ФРГ с 1950-гг. пережила несколько этапов миграционной и интеграционной политики. От концепции ротации трудовых мигрантов, которая предполагала, что мигранты будут приезжать на короткий срок и возвращаться обратно (что не требовало мер по их интеграции в принимающее общество) – до детально разработанной политики по включению мигрантов в жизнь Германии и предоставления им всех прав и возможностей наравне с гражданами страны.

Новым в миграционной политике Германии в 2000-х гг. стало более активное привлечение в страну высококвалифицированных специалистов, а интеграционная политика в первую очередь направлена – на обучение немецкому языку, знакомство с историей, законами и жизненными ценностями немцев.

По мнению российских немцев и по результатам исследований наиболее благоприятные условия для интеграции поздних переселенцев сложились в четырех федеральных землях: Северный Рейн-Вестфалия, Гессен, Рейнланд-Пфальц, Бавария. Наиболее сложные для интеграции переселенцев условия – в Берлине и в Восточных землях Германии, за исключением Саксонии. Остальные федеральные земли Германии обладают относительно благоприятными условиями для интеграции поздних переселенцев.

Адаптационный этап развития российско-германской ТМС детально рассмотрен в работе на примере вхождения российских немцев в принимающее общество. Немцы из стран бывшего СССР образуют уникальную миграционную когорту, это группа прошедшая социализацию в совершенно иных, чем в ФРГ, политических и социально-экономических условиях после переезда в Германию преодолевает сложный период адаптации. Несмотря на то, что российские немцы получают гражданство Германии (и это отличает их от других групп мигрантов), они не избегают сложностей инкорпорирования в новое общество.

Направление и характер процесса адаптации поздних переселенцев зависит от структурных характеристик мигрантов, от масштабов миграционного потока, направленных в регион или страну, продолжительности проживания мигрантов на новой территории, миграционной политики региона или государства, от масштаба миграции.

Адаптационные стратегии поздних переселенцев определяют в первую очередь структурные факторы (миграционная политика, ситуация на рынке труда). Важное значение имеют социально-культурные факторы и индивидуальные характеристики мигрантов, прежде всего такие, как знание немецкого языка, позитивная этническая идентичность и др.

Российские немцы оказываются включены в рынок труда Германии, выбирая различные экономические адаптационные стратегии. Сложнее происходит процесс социально-культурной адаптации, что связано с кризисом этнической идентично-

сти российских немцев после переезда в Германию, со сложностями в знании немецкого языка, в восприятии новых жизненных ценностей и ежедневных практик.

Одним из механизмов адаптации русскоязычных мигрантов в социально-культурной сфере стало создание сетевых структур мигрантов. К началу 2000-х гг. в городах Германии, куда эмигрировали из стран бывшего СССР более 2 млн. русскоязычных когорт мигрантов, сложилась разветвленная сеть подобных организаций (магазины, туристические агентства, медицинские практики, юридические услуги, парикмахерские, школы и т.д.).

Они играют неоднозначную роль в процессе вхождения мигрантов в принимающее общество. Часть организаций, созданных мигрантами в дальнейшем может оказаться невостребованными, например второе поколение мигрантов, уже может ими не пользоваться. Наше исследование этнических мигрантов в Германии на примере еврейских переселенцев и российских немцев показывает, что даже через 20 лет после эмиграции и в случае успешной интеграции на новой территории, значительная часть мигрантов продолжают использовать русскоязычные организации мигрантов, созданные ими в Германии. В ряде случаев этими структурами пользуется и второе поколение мигрантов, хотя интенсивность поддержки трансграничных связей и структур мигрантов в новой стране проживания уже ниже.

На следующем – транснациональном этапе развития ТМС – происходит развитие и поддержание постоянных связей между элементами системы, что приводит к формированию транснациональных сообществ и транснациональных социальных пространств. Этот этап является завершающим в эволюции ТМС с участием определенных социально-территориальных групп, которые формируют географию связей внутри транснациональной миграционной системы.

В зависимости от интенсивности связей и характера ТМС в дальнейшем может происходить ослабление связей и прекращение функционирования ТМС с участием именно этих социально-территориальных групп. Это произойдет, в том случае, если мигранты полностью включатся в жизнь принимающего общества и связи со странами выхода сократятся до минимума и будут носить эпизодический характер. Иной сценарий развития ТМС предполагает ее стабильное функционирование без новых интенсивных потоков постоянных миграций между странами, но с сохранением транснациональных связей между мигрантами и странами выхода мигрантов.

Анализ социально-территориальных связей мигрантов показал, что существуют отличия в направлении и характере связей у различных социально-территориальных групп мигрантов из России в Германии. Это определяется множеством факторов: этно-культурной принадлежностью мигранта, его возрастом, профессиональным статусом, семейным положением, видом канала миграции в ФРГ.

Для части мигрантов, в том числе и для российских немцев, характерно активное включение в транснациональные связи со страной выхода, которые можно рассматривать как отдельный тип социально-территориальных связей мигрантов. Развитие транснациональных связей проявляется в сфере обмена информацией, материальными потоками, культурным капиталом.

Транснациональные связи для определенной группы российских немцев становятся частью повседневных практик. На начальной стадии адаптации мигранты практически ежедневно используют социальные контакты с регионами выхода, что может затруднять процесс их приживаемости на новом месте жительства и приводить к социальной изоляции мигрантов от принимающего общества. При благоприятных условиях активные социальные контакты мигрантов с регионом выхода облегчают интеграцию мигранта в новом обществе, снижая социально-психологическую напряженность новосела, и облегчая сложности вхождения в социальную среду принимающего общества.

По мере увеличения продолжительности проживания мигрантов на новом месте, даже в современных условиях при развитии коммуникаций, контакты с регионами выхода несколько снижаются, но при этом может усиливаться или сохраняться использование мигрантами социальных структур, образованных самими мигрантами на принимающей территории. Наиболее активен этот процесс при значительных масштабах миграции.

Транснациональные связи приобретают характер культурно-просветительский, эмоционально-психологический, и денежной поддержки. Меняется структура мигрантов, вовлеченных в транснациональные связи. Если ранее в них были включены мигранты всех социальных слоев, то к настоящему времени в более активный обмен включены либо эмигранты более высокого социального статуса, либо те, у кого сфера деятельности связана с Россией.

Несмотря на такую тенденцию, до сих пор объемы транснациональных потоков из Германии в Россию достаточно велики. В регионах массового проживания российских немцев, таких как национальные немецкие районы в Омской области и Алтайском крае, денежное выражение транснациональных потоков сопоставимо с бюджетом муниципальных районов. Важную роль для жителей этих районов играет возможность посещения Германии. Эмигранты, проживая в Германии, становятся материальным и культурно-просветительским «ресурсом» для развития региона их выхода.

Часть мигрантов из России принимает решение о возвращении обратно. Однако по данным статистики и по итогам интервью с экспертами и мигрантами, не следует ожидать большого потока возвратной миграции.

Это же подтверждает и анализ факторов, притягивающих и выталкивающих мигрантов из России и ФРГ. Для России основными притягивающими факторами являются скорее эмоциональные причины, связанные с воспоминаниями детства и молодости мигрантов. Для Германии факторами, притягивающими мигрантов являются – экономическая, социальная, правовая стабильность. Хотя после начала миграционного кризиса в Германии осенью 2015 г., мигранты все чаще в качестве возможной причины реэмиграции упоминают ухудшение социальной ситуации в ФРГ, в связи с ростом количества мигрантов.

Анализ эволюции российско-германской транснациональной миграционной системы показывает важность продуманной и своевременной интеграционной политики, которая дополняет меры по привлечению мигрантов в страну. Необходимо осознание учеными и политиками, что иммигранты в течение одного поколения не смогут воспринять полностью жизненные ценности принимающего общества. Масштабные транснациональные связи мигрантов приводят к тому, что они живут одновременно в двух социальных пространствах, обладая гибридной идентичностью и жизненными стратегиями, направленными как на страну выхода, так и на страну входа.

Грамотная интеграционная политика не может игнорировать социально-экономические особенности развития стран выхода мигрантов. Они играют важную роль в выборе мигрантами адаптационных стратегий, что не должно противоречить интеграционным мерам со стороны структур принимающего государства.

Многолетний опыт интеграции мигрантов в Германии свидетельствует, что различные социальные группы мигрантов обладают различным интеграционным потенциалом. По аналогии с селективной миграционной политикой, целесообразно проведение селективной интеграционной политики, направленной на отдельные группы мигрантов, которые испытывают максимальные сложности в ходе адаптации в принимающее общество.

Процесс адаптации мигрантов зависит от социально-экономической политической ситуации в Германии, которая создает внешние условия для вхождения мигрантов в принимающее общество. Можно говорить о существовании региональных различий в условиях интеграции российских немцев.

Критериями оценки условий интеграции служат следующие характеристики: наличие интеграционной инфраструктуры и интеграционная активность администрации региона, уровень экономического развития, безработица. Косвенным критерием может служить доля иностранцев, проживающих в регионе (чем ниже этот показатель, тем меньше интеграционных мероприятий).

В перспективе миграционная политика России может быть направлена не только на трудовых мигрантов, прибывающих в нашу страну, но и распространяться на использование потенциала наших соотечественников, проживающих в странах дальнего зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашин С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. – М.: Новое литературное обозрение. 2015. – 848 с.
2. *Абашин С.Н.* Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. №4. С. 3-13.
3. *Агирречу А.А.* Структура и динамика защит по социально-экономической географии в России в 2000-е гг. // *Региональные исследования*. 2014. №1 (43) С. 145-153.
4. *Акоф Р.Л.* Системы, организации и междисциплинарные исследования // *Исследования по общей теории систем*. Сб. переводов. – М.: Прогресс, 1969. С. 143-164.
5. *Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. Пер. с англ. И.А. Ушакова. – М.: Советское радио, 1974. – 272 с.
6. *Алексеев А.И.* Миграции населения // *Экономическая и социальная география в СССР / Итоги науки и техники*. Сер.: География СССР. Т. 16. – М.: ВИНТИ, 1982. С. 42-56.
7. *Алексеев А.И., Данилова И.А., Зубаревич Н.В., Никулин Е.И.* Современные переселения город – село в Нечерноземной зоне РСФСР (опыт изучения на примере Вологодской области) // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География*. 1979. № 1. С. 55-61.
8. *Алексеев А.И., Зубаревич Н.В., Регент Т.М.* Опыт изучения эффективности сселения жителей сельских населенных пунктов в Нечерноземной зоне РСФСР // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр*, 1980. №1. С. 97-100.
9. *Андреев Е.М., Алексеев А.И., Зубаревич Н.В.* Демографическая ситуация и миграции // *Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?* – М.: Независимый институт социальной политики, 2005. С. 17-26.
10. Аннотированный библиографический указатель научной литературы по миграции, изданной в России 2000-2011. Т. 3. Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. – М.: Спецкнига, 2013. – 376 с.
11. *Ауман В.А.* Депортация российских немцев в Восточные районы СССР (1941 г.) // *Немецкий российский этнос: вехи истории*. – М.: Готика, 1994 – С. 77-83.
12. *Бакланов П.Я.* Структуризация территориальных социально-экономических систем // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География*. 2013. № 6. С. 3-8.
13. *Бандман М.К.* Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. – Новосибирск: Наука, 1980. – 254 с.
14. *Баньковская С. П.* Пейзаж после глобализации // *Отечественные записки*. 2002. №6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/6>

15. *Бараулина Т.* Государственное конструирование реальности: социальные последствия миграционной политики // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 65-110.
16. *Бараулина Т.* Парадигма интеграции и социальное исключение мигрантов: немецкоязычная социологическая дискуссия // Расизм в языке социальных наук. –СПб.: Алетейя, 2002. С. 118-130.
17. *Бауман З.* Национальное государство: что дальше? / пер. с английского Г. Дашевского // Отечественные записки. 2002. №6. С. 436-452.
18. *Белковец Л. П., Белковец С. В.* Выезд за рубеж советских граждан в 1920-1930-е годы // Миграционное право. 2006. № 5. С. 38 -45.
19. *Белозеров В.С.* Современные миграционные процессы на Ставрополье (этнический аспект) // Вестник СГУ. 1996. Вып. 4. С. 77-87.
20. *Белозеров В.С., Щитова Н.А.* Современные вызовы и риски трудовой миграции в Ставропольском крае // Экология урбанизированных территорий. 2013. № 4. С. 27-30.
21. *Берталанфи фон Л.* Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. – М.: Прогресс, 1969. С. 23-82.
22. *Блинова М.С.* Современные социологические теории миграции населения. – М.: КДУ, 2009. – 160 с.
23. *Бредникова О., Паченков О.* «Этническое предпринимательство» мигрантов и мифы мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 155-161.
24. *Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика. Сб. статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9–12 сентября 1999 г.). Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. – СПб.: ЦНСИ, 2000. Труды. Вып. 8. С. 47-54.
25. *Бредникова О., Сабирова Г.* Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127-149.
26. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. – М.: ИД «Высшей школы экономики», 2012. – 408 с.
27. *Брук С.И., Кабузан В.М.* Миграционные процессы в России и в СССР. – М.: Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, 1991. – 128 с.
28. *Брук С.И., Кабузан В.М.* Миграция населения в России в XVIII – начале XX в.: (Численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4. С. 41-59.
29. *Бруль В.И.* Немцы в Западной Сибири. Часть первая. – Топчиха, 1995. – 224 с.
30. *Бруль В.И.* Немцы в Западной Сибири. Часть вторая. – Топчиха, 1995. – 192 с.

31. *Бугай Н.Ф.* 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. №4. С. 37-49.
32. *Бурдье П.* Структура, габитус, практика. Пер. Н.А. Шматко // Журнал Социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html>
33. *Бурдье П.* Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995
34. *Буховец А.Г.* Системная интерпретация результатов классификационных задач. // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2006. № 22. С. 114-144.
35. *Вайтекунас С.* Маятниковые миграции сельского населения в Литовской ССР // Научные труды вузов Лит. ССР. Геогр. – Вильнюс, 1988. №24. С. 28-37.
36. *Варданян Р.А.* Влияние реформирования экономики на процессы международной миграции // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 58-68.
37. *Варшавер Е.А., Рочева А.Л.* Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 3 (121). С. 104-114.
38. *Василевский Л.И., Полян П.М.* Системно-структурный подход и экономическая география // Системные исследования. Ежегодник. 1978. – М.: Наука, 1978. С. 242-260
39. *Велицын А.А.* Немцы в России: Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. – СПб., 1893.
40. *Вендина О.И.* Культурное разнообразие и побочные эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве. Под ред. Ж.А. Зайончковской. – М.: Три квадрата, 2009. С. 45-148.
41. *Вендина О.И.* Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация. – М.: Центр миграционных исследований, 2005. – 90 с.
42. *Вибе П.П.* Немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX - первой трети XX вв.: Автореф. дисс. ... док. ист. наук. – Омск, 2009. – 54 с.
43. *Витковская Г.С.* Вынужденная миграция: проблемы и перспективы / Программа по исследованию миграции. Вып. 3. – М., 1993.– 174 с.
44. *Витковская Г.С., Кочарян А.В.* Вынужденные миграции как социальная проблема // Миграция населения. – М., 1992. С. 101-115.
45. *Вишневский А.Г.* Миграционная ситуация в бывшем СССР в новом геополитическом контексте // Миграционная ситуация в России: социально-политические аспекты. Вып. 4. – М., 1994. С. 18-38.

46. *Войлокова Т.Н.* Адаптация русскоязычных высококвалифицированных мигрантов к трудовой деятельности в Германии // Социологические исследования. 2013. №1. С. 51-62.
47. *Войнова В.Д., Ушкалов И.Г.* Современные эмиграционные процессы в России // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 39-49.
48. *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири: географические особенности и проблемы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1975.– 259 с.
49. *Ганжа А.О., Зотов А.А.* Гуманистическая социология Флориана Знанецкого. // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 112-120.
50. *Герасименко Т.И., Нуждина Е.Ю.* Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии. – Оренбург: ООО Агентство «Пресса», 2000. – 74 с.
51. *Герман А.А.* Большевицкая власть и немецкая автономия на Волге (1918–1941). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. С. 231-232.
52. *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. – М.: Изд-во «МСНК-пресс», 2007. – 576 с.
53. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р.* История немцев России: Учебное пособие. – М.: Изд-во «МНСК-пресс», 2005. – 544 с.
54. *Гидденс Э.* Социология / Научн. ред. В. А. Ядов. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 520-521.
55. *Глущенко Г.И.* Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Демоскоп Weekly. 2006. № 243-244. 17–30 апреля.
56. *Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург, 2009. – 496 с.
57. *Горкин А.П.* Системно-структурный подход // Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. – Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 232-236.
58. *Грищенко М.А.* Территориальные общественные системы и кластеры: взаимосвязь и взаимообогащение теорий // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 7. Геология. География. 2013. № 1. С. 125–132.
59. *Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А.* Западная теоретическая социология. – СПб: Изд-во «Ольга», 1997. – 286 с.
60. *Гусев А.Н.* Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 72-79.
61. *Даньшин А.Ю.* Некоторые особенности источников информации о миграции населения // Проблемы социальной и демографической статистики. – М.: Моск. эконом.-стат. институт, 1994. С. 8-12.

62. *Даньшин А.Ю.* Статистическое изучение внешнемиграционных процессов России со странами дальнего зарубежья: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 1995. –24 с.
63. *Даньшин А.Ю.* Эмиграция немцев из СССР – СНГ – России // Проблемы социального и демографического развития. – М.: Моск. экон.-стат. ин-т, 1995. С. 11-16.
64. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сборник. – М.: Росстат, 2010. – 525 с.
65. Демографический ежегодник России. 2012: Стат. сборник. – М.: Росстат., 2012. – 535 с.
66. *Денисенко М.Б.* Исторически и актуальные тенденции эмиграции из России. Вводная статья // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1. Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. Ч. 2. – М.: Спецкнига, 2013. С. 495-503.
67. *Денисенко М.Б.* Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Демо-скоп Weekly. 2002. № 65-66. 29 апреля – 19 мая.
68. *Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С.* Миграциология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 96 с.
69. *Дитц Я.Е.* История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 1997. – 496 с.
70. *Дятлов В.И.* Введение // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. – Екатеринбург, 2009. – С. 5-15
71. *Дятлов В.И.* Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе// Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. – М.–Иркутск: Наталис, 2005. С. 95-137.
72. *Дятлов В.И.* Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков. – Иркутск: Оттиск, 2010. С. 451-484.
73. *Ерофеева И.В.* Эволюция миграционных мотивационных установок немцев Казахстана в 80-90-е гг. // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский Центр ОГАУ, 2000. – С. 79-88
74. *Жирмунский В.М.* Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. №2. С. 84-112.
75. *Жирмунский В.М.* Этнографическая работа в немецких колониях Украины и Крыма // Этнография. 1927. №2. С. 13-26.
76. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация как фактор эмиграции из СССР // Миграция населения. – М., 1992. С. 6-31.
77. *Зайончковская Ж.А.* Новоселы в городах. – М.: Статистика, 1972. –164 с.

78. *Зайончковская Ж.А.* Эмиграция в дальнее зарубежье // Демоскоп Weekly. 2001. № 27-28. 30 июля – 12 августа.
79. *Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б.* Миграция населения // СССР–СНГ–Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 286-333.
80. *Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., Тюрюканова Е.В.* Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. – М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 9-62.
81. *Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В. Мкртчян Н.В.* Миграция // Население России 2007. Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. С. 221-246.
82. *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. – 512 с.
83. *Заславская Т.И.* Методологические проблемы изучения миграции сельского населения // Статистика миграции населения. – М.: Статистика, 1973. С. 138-164.
84. *Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л.* Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. №1. С. 32-46.
85. *Зевелева О.И.* Миграционная политика и коллективная идентичность: опыт российских немцев в Германии // ПОЛИС. Политические исследования. 2014. №6. С. 114-126.
86. *Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944-1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 3-13.
87. *Зиммель Г.* Эскурс о чужаке / пер. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – СПб.: Владимир Даль 2008. С. 7-13.
88. *Ивахнюк И.В.* Евразийская миграционная система: теория и политика. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 192 с.
89. *Ивахнюк И.В.* Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы. Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. – М., 2008. – 46 с.
90. Известия Верховного Совета СССР. № 52. 05.01.1965.
91. *Ильин В.И.* Драматургия качественного полевого исследования. СПб: Интерсоцис, 2006. – 256 с.
92. Иммигранты в Москве. Под ред. Ж. Зайончковской. – М., 2009. – 272 с.
93. *Ионцев В.А.* Краткий исторический обзор иммиграции в Россию и эмиграции из России // Население и кризисы. Вып. 4. – М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 54-77.

94. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения и глобализация мирового хозяйства // Международная экономика. 2006. № 2, 3.
95. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 304 с.
96. *Ионцева Е.А.* Иммиграционные процессы в России в XVII – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М, 2008. – 30 с.
97. *Ипатов А.Н.* Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). – М.: Мысль, 1978. – 213 с.
98. *Ипатов А.Н.* Проблема взаимосвязи религиозного и национального в меннонитстве // Вопросы научного атеизма. 1971. Вып. 12. С. 64-93.
99. Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. – М.: Прогресс, 1969. – 521 с.
100. История немцев Оренбуржья в документах. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. – 124 с.
101. *Кабузан В.М.* Немецкое население России в XVIII – начале XX в. // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18-29.
102. *Кадацкая Н.В.* Идентичность немцев Казахстана как фактор их миграции между Казахстаном и Германией // VII Конгресс этнографов и антропологов России. – Саранск, 2007. С. 172-173.
103. *Карачурина Л.Б.* Иммиграционная политика Германии: успешный - неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 7. С. 50-60.
104. *Карачурина Л.Б.* Этническая и социально-демографическая структура вынужденных мигрантов // Вестн. Моск. ун-та. Сер 5. География. 1996. № 1 С. 87-93.
105. *Клаус А.А.* Наши колонии: опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. – СПб.: типография В.В. Нусвальта, 1869. – 101 с.
106. *Клибанов А.И.* Меннониты. – М.: Московский рабочий, 1931. – 110 с.
107. *Ковалев С.А.* Миграционная подвижность населения в городах // Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. – М., 1971. С. 17-21.
108. *Ковалев С.А., Ковальская Н.Я.* География населения СССР. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 287 с.
109. *Ковалев С.А., Лямин Э.А., Пекель А.И.* Об изучении миграционных связей городов СССР // География городов / Вопросы географии. Сб. 38. – М.: Географгиз, 1956. С. 196-210.
110. *Колосовский Н.Н.* Основы экономического районирования. – М.: Госполитиздат, 1958. – 200 с.
111. *Кондратьев Н.Л.* Избранные сочинения. – М.: Экономика, 1993. – 543 с.

112. *Корель Л.В.* Основные этапы развития миграционного обмена между городом и селом // Современные проблемы миграции. – М., 1985. С. 101-108.
113. *Корель Л.В.* Сельские мигранты в городах Сибири // Миграция населения. – М., 1992. С. 96-185.
114. *Коулмен Д.* Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью: третий демографический переход в действии? // Миграция и развитие. Доклады ведущих секций и основных докладчиков межд. конф. «Миграция и развитие» (13-15 сентября 2007 г., Москва, МГУ). – М., 2007. С. 12-49.
115. *Кочеткова Л.Ю.* Транснациональная миграция: понятие, условия развития и последствия // Географический вестник. 2013. № 2 (25). С. 24-28.
116. *Красинец Е.С.* Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
117. *Красинец Е.С., Барина Н.М.* Гастарбайтеры в России // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 65-71.
118. *Красинец Е.С., Барина Н.М.* Особенности миграционных процессов в России // Экономист. 1997. № 5. С. 79-85.
119. *Крестьянинов В.Ф.* Меннониты. – М.: Политиздат, 1967. – 223 с.
120. *Курило О.В.* Интеграция российских немцев в Германии (этноконфессиональный аспект) // Этнографическое обозрение. 1999. №2. С. 113-126.
121. *Курило О.В.* Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). – М.: ИЭА РАН, 1996. – 183 с.
122. *Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. – М., 1997. – 324 с.
123. *Леденева Л.И.* Эмиграционные намерения студентов крупных городов европейской части бывшего СССР. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М. 1995. – 25 с.
124. *Лиценбергер О. А.* Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917–1938). – М.: Готика, 1999. – 430 с.
125. *Мажар Л.Ю.* Трансформация социально-экономических территориальных систем // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2004. № 4. С. 28-33.
126. *Мажар Л.Ю., Чистобаев А.И.* Территориальные социально-экономические системы и региональное развитие // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 7. Геология. География. 2006. № 1. С. 80–89.
127. *Майергойз И.М.* Пути развития территориально-хозяйственной структуры и экономико-географического положения европейских стран СЭВ // Проблемы экономиче-

- ской географии зарубежной социалистической Европы / Вопросы географии. Сб. 97. М.: Мысль, 1974. С. 3-36
128. *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов: концепции и практики. – М.: Мысль, 2015. – 272 с.
 129. *Малахов В.С.* Культурные различия и политические различия в эпоху глобальных миграций. – М.: Новое литературное обозрение; Ин-т философии РАН, 2014. – 232 с.
 130. *Малиновский Л.В.* Жилище немцев-колонистов в Сибири // Советская этнография. 1968. №3. С. 97-105.
 131. *Малиновский Л.В.* Социально-экономическая жизнь немецкой колонистской деревни в Южной России, 1962-1917 годы: Дисс. ... докт. ист. наук. – Л., 1986. – 238 с. + прил. (с.239-428).
 132. *Массей Д.* Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Гл. ред. В.А. Ионцев. Вып. 10. – М.: МАКС-Пресс, 2002. С. 161-174.
 133. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII. Депортации Народов СССР (1930-е — 1950-е годы). Ч. 1 / Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М., 1992. – 109 с.
 134. *Матис В.И.* Немецкий национальный район на Алтае (1991–2001). – Барнаул, 2001. – 130 с.
 135. *Матис В.И.* Немцы Алтая. – Барнаул, 1996. – 108 с.
 136. *Матрусов Н.Д.* Системы «население – хозяйство – территория» как основная категория регионального планирования и прогнозирования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1993. № 1. С. 31-35.
 137. Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев. 1995–2010: Справочник. – М.: МСНК, 2010. – 220 с.
 138. *Мересте У.И., Ныммик С.Я.* Современная география: вопросы теории. – М.: Мысль, 1984. – 296 с.
 139. Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М.: Центр миграционных исследований, 2007. – 370 с.
 140. Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 3. Аннотированный библиографический указатель научной литературы по миграции, изданной в России 2000–2012. – М.: НП РСМД, 2013. – 376 с.
 141. Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. – СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. – 214 с.
 142. Миграция населения в постсоветских государствах. Аннотированная библиография российских изданий 1992–1997 гг. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998. – 185 с.

143. Миграция населения: 40 лет исследований в центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. (1967–2007 гг.) Аннотированный библиографический указатель. Сост. И.В. Ивахнюк / Научн. сер.: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 19. – М., 2007. – 112 с.
144. *Митрохин Н., Рондо Э.* Несостоявшаяся автономия: немецкое население в СССР в 1960–1980-х годах и «восстановление республики немцев Поволжья» // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1135>
145. *Мкртчян Н.В.* Влияние миграции на изменение этнического состава населения России и ее регионов: предварительная оценка итогов Переписи населения-2002 // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. – М.: УОП ИЭА РАН, 2005. С. 51-60.
146. *Мкртчян Н.В.* Миграционная политика Российской Федерации: есть ли стратегия? // Миграция и внутренняя безопасность. Аспекты взаимодействия. Сборник материалов IX Межд. семинара по актуальным проблемам миграции (23-24 июня 2003 г.). – М., 2003. С. 66-73.
147. *Мкртчян Н.В.* О некоторых этнических особенностях миграции в приграничных с Казахстаном регионах России // Этнопанорама. 2004. № 1. С. 85-93.
148. *Мкртчян Н.В.* Тема миграции в российских СМИ: что создает общественное мнение? // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. Т. 3. – М., 2003. С. 471-473.
149. *Мкртчян Н.В., Чудиновских О.С., Тюрюканова Е.В.* Миграция и миграционная политика // Демографическая политика России: от размышлений к действию. – М.: 2008. С. 49-59.
150. *Моисеенко В.М.* Миграция населения как объект комплексного исследования // Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания. – М., 1997. С. 23-30.
151. *Моисеенко В.М.* Теоретический анализ миграции в зарубежной литературе // Внутренняя миграция населения. – М., 2004. С. 179-200.
152. *Моисеенко В.М.* Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. – М.: Мысль, 1985. – 120 с.
153. *Молодикова И.Н., Ноздрина Н.Н.* Миграционные потоки в Россию и их влияние на территориальное распределение населения // Проблемы прогнозирования. 1998. № 6. С. 121-133.

154. *Морозова Г.Ф.* Территориальная дифференциация приживаемости новоселов // Современные проблемы миграции. – М.: Мысль, 1985. – С. 14-29.
155. *Мукомель В. И.* Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69-79.
156. *Мукомель В.И.* Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // Демоскоп-Weekly. 2011. №479-480. 26 сентября – 9 октября.
157. *Мукомель В.И.* Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011. Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 10. – М.–СПб.: Ин-т социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 86-108.
158. Население России 2010–2011: Восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 511 с.
159. Население России 2013: Двадцать первый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. С.В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 329 с.
160. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А. Смаилова. – Астана: Агентство РК по статистике, 2010. – 377 с.
161. Некоторые социально-демографические характеристики национальностей Российской Федерации (информационно-демографические обзоры). – М.: Гос. комитет РФ по статистике, 1992. – 49 с.
162. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г.: География и население. Справочник / Сост. В.Ф. Дизендорф. – М.: Общественная академия наук российских немцев. 2002. – 479 с.
163. Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей по итогам научно-практической конференции (Оренбург 1997). – М.: Обществ. акад. наук российских немцев, 1998. – 169 с.
164. Немцы России: энциклопедия. В 3-х тт. Гл. ред. В.М. Карев. – М.: ЭРН. 2006. – 863 с.
165. *Нефедова Т.Г.* Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. 2015. № 641-642. 4-17 мая.
166. *Оболенский В.В. (Осинский)* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. – М.: ЦСУ СССР, 1928. – 138 с.
167. *Окоменюк Т.* Аборигены - друзья или враги? // Районка. Февраль 2005. №2 (52).
168. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. – М.: Весь мир, 1997. – 701 с.
169. *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: миграция или адаптация. Отв. ред. М.Н. Губогло. – М., 1998. – 229 с.

170. *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2007. – 352 с.
171. *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
172. *Петров А.В.* Территориальная общность людей как объект изучения социальной географии // Изв. РГО. 1983. Т.115. Вып. 1. С. 72-78.
173. *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (По неизданным архивным документам) – М.: печ. А.И. Снегиревой, 1909. – 342 с. (без приложений).
174. *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е издание. – М.: Готика, 2000. – 448 с
175. *Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. – М.: Новый хронограф, 2013. – 364 с.
176. *Покишишевский В.В.* География миграций населения в России. Опыт историко-географического исследования. Дисс. ... докт. геогр. наук. – М., 1947. – 1058 с.
177. *Покишишевский В.В.* Диссертации по географии населения и по городам (за 1958–1962 и частично 1963/64 гг.) // Материалы I межведомственного совещания по географии населения. Вып. 7. – Ленинград, 1965. С. 182-189.
178. *Покишишевский В.В.* Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. 208 с.
179. *Покишишевский В.В.* География населения зарубежных стран. Экономико-географические очерки. М: Издательство «Просвещение», 1971. – 174 с.
180. *Полевая кухня: как провести исследование / Под. ред. Н. Гончаровой.* – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – 180 с.
181. *Полян П.М.* Еврейская эмиграция из бывшего СССР (историко-географические аспекты) // Вестник исторической географии. Вып.1 / Отв. ред. В.Н. Стрелецкий. М.- Смоленск, 1999. С.54-74.
182. *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001. – 115 с.
183. *Полян П.М.* Эмиграция: кто и когда в XX в. покидал Россию // Россия и ее регионы в XX в.: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер, П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. С. 493-519.
184. *Радаев В.В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
185. *Регент Т.М.* Мигрант – не перекажи поле // Международная жизнь. 1995. № 4-5. С. 65-73.

186. Регионы Казахстана в 2008 году. Стат. Сборник. Астана: Агентство республики Казахстан по статистике, 2009. – 428 с.
187. *Рейнмарус А., Фризен Г.* Меннониты. Краткий очерк. – М., 1930. – 91 с.
188. *Ромодановский К.О., Мукомель В.И.* Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике // *Общественные науки и современность.* 2015. № 5. С. 5-18.
189. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер, П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. – 816 с.
190. *Рыбаковский Л.Л.* Исследования миграции населения в России // *Социология в России.* Под ред. В.А. Ядова. – М.: Ин-т социологии РАН, 1998. С. 436-451.
191. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения (вопросы теории). – М.: ИСПИ РАН, 2003. – 238 с.
192. *Рыбаковский Л.Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. – М.: Наука, 1990. – 167 с.
193. *Рыбаковский Л.Л.* Региональный анализ миграций. – М.: Статистика, 1973. – 159 с.
194. *Рязанцев С.В.* Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. – Ставрополь, 2001. – 176 с.
195. *Савоскул М.С.* Междисциплинарность миграционных исследований // *Региональные исследования.* 2014 №4 (46) С. 28–39.
196. *Савоскул М.С.* Миграция этнических немцев в Германию и их интеграция в немецкое общество // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География.* 2006. № 6. С. 46-51.
197. *Савоскул М.С.* Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // *Региональные исследования.* 2015 № (50) С. 56–65.
198. *Савоскул М.С.* Резмиграция российских немцев из Германии в Россию: факторы и масштабы явления // *Региональные исследования.* 2013. № 3 (41). С. 57–69.
199. *Савоскул М.С.* Российские немцы в Германии: интеграция и типы этнической самоидентификации // *Этнографическое обозрение.* 2004. №4. С. 97-113.
200. *Савоскул М.С.* Социально-географические и междисциплинарные подходы к исследованию миграции населения // *Социально-экономическая география: традиции и современность* / под. ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. – М –Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 300–319.
201. *Савоскул М.С.* Социально-пространственные связи высококвалифицированных мигрантов из России и Украины во Франкфурте-на-Майне // *Региональные исследования.* 2014 №2(44). С. 124–134.
202. *Савоскул М.С.* Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии (этапы миграции по данным переписей населения) // *География населения и социальная география / Вопросы географии.* Сб. 135. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 417-442.

203. *Савоскул М.С.* Территориальные системы международных миграций населения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 6. С.11–18.
204. *Савоскул М.С.* Уроки миграции: модели и факторы адаптации поздних переселенцев в Германии // Этническая демография. Сборник статей. Серия Демографические исследования. Вып. 17. Под ред. И.А. Даниловой, О.А. Хараевой. – М.: МАКС-Пресс, 2010. С. 112–132.
205. *Савоскул М.С.* Успешные мигранты из России и Украины во Франкфурте-на-Майне (Германия) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 1. С. 118–131.
206. *Садовский В.Н., Юдин Э.Г.* Задачи, методы и приложения общей теории систем // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов. – М.: «Прогресс», 1969. С. 3-22.
207. *Силаев Е.Д.* Производственно-территориальные комплексы. – Баку: Азернешр, 1968. – 262 с.
208. *Слука А.Е.* География миграций населения во Франции в связи с обезлюдением деревни: дисс. ... канд. геогр. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1952. – 310 с.
209. *Смирнова Т.Б.* Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспоральной группы: Дисс. ... докт. ист. наук. – Омск, 2009. – 460 с.
210. *Смирнова Т.Б.* Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск: ИЦ «РУСИНКО», 2002. – 210 с.
211. *Соколовский С. В.* Меннониты Алтая: история, демография, ономастика. – М.: ИЭА РАН, 1996. – 257 с.
212. Социально-демографические проблемы народонаселения в российской (советской) литературе 1914-1941 гг.: Библиографический справочник. Сост. В.М. Моисеенко – М.: МАКС Пресс, 2013. – 216 с.
213. *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм в Германии и России: Дисс. ... докт. геогр наук / Институт географии РАН. – М., 2012. – 306 с.
214. *Струмилин С.Г.* К перспективной пятилетке Госплана на 1925/1927 – 1930/1931 гг. // Плановое хозяйство. 1927. № 3.
215. *Тарасова Н.В., Гришанова А.Г.* Изменения во внутренней миграции населения в период реформирования России (1985-1995 гг.). – М., 1996. – 30 с.
216. *Тарасова Н.В., Гришанова А.Г.* Социально-демографические проблемы миграции населения России в 90-е гг. – М., 1997. – 72 с.
217. *Терехин С.О.* Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. – Саратов: Кадр, 1999. – 216 с.

218. *Ткаченко А.А.* Территориальная общность людей в региональном развитии и управлении. – Тверь, 1995. – 155 с.
219. *Ткаченко А.А.* Территориальная общность людей: социально-географическая концепция: Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. – М., 1995. – 32 с.
220. *Томан И.Б.* Памятники истории и культуры московских немцев. М., 2013. – 122 с.
221. *Топилин А.В.* Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. – М.: Экономика, 1975. – 157 с.
222. *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.
223. *Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Исмагилов Н.Н.* Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // Научный журнал Пермского университета. Географический вестник. 2008. № 1.(7). С. 5–12.
224. *Трубина Е.Г.* Город в теории. Опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.
225. *Тюлюлюкин Е.Ф.* Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX вв.). – Оренбург: Пресса, 2006. – 194 с.
226. *Тюркин М.Л.* Миграционная система России. М: Издательский дом «Стратегия», 2005. – 368 с.
227. *Тюрюканова Е.В.* Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Диаспоры. 2005. №1. С. 48-64.
228. *Тюрюканова Е.В.* Миграционные вызовы ближайшего будущего// SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2010. № 13. С.135-146.
229. *Тюрюканова Е.В.* О влиянии миграции на рынок труда // Отечественные записки. 2007. № 34 (4). URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74499710>
230. Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле. Сб. ст. / Под ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. – Спб.: Алетейя, 2009. – 148 с.
231. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. Пер. Д. Кралечкина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
232. *Утехин И. В.* Обратный перевод разговоров с Нэнси Рис [*предисловие*] // *Рис Н.* «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. С 5-10.
233. *Ушкалов И.Г.* Процесс трудовой эмиграции: состояние и перспективы // Российский экономический журнал. 1993. № 2. С. 41-49.
234. *Ушкалов И.Г., Валюков В.* «Утечка умов» и рынок научных кадров // Российский экономический журнал. 1993. № 56. С. 58-66.

235. *Федоров Н.* Проблема этносоциальной интеграции иммигрантов из бывшего СССР в Германское общество. – М.: Социоэкономика, 1998. – 106 с.
236. *Фельтен Н.Н.* Миграции населения Германии: пространственно-временной анализ: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – СПб., 2002. – 23 с.
237. *Ференбах О.* Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. – М.: Аграф, 2001. – 304 с.
238. *Филиппова Е.И.* Мультикультурализм как политика и как фигура речи // Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 127-137.
239. *Фишер У., Шнайдер В.* Общество развития «Гальбштадт». Шумановка, 2003. – 62 с.
240. *Флоринская Ю.Ф.* Мигранты на рынке домашнего труда в России и Казахстане // Общественные науки и современность. 2015. №5. С. 143-153.
241. *Флоринская Ю.Ф.* Трудовые мигранты – выходцы с Памира: работа и жизнь в России (по результатам исследований в Московском регионе) // География населения и социальная география / Вопросы географии. Сб. 135. – М.: Изд. дом «Кодекс», 2013. С. 443-463.
242. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб: А-сэд, 1994. – 406 с.
243. *Хомра А.У.* Миграция населения. Вопросы теории и методики исследования // отв. ред.: В. С. Стешенко; АН Украинской ССР, Ин-т экономики. – Киев: Наукова думка, 1979. – 146 с.
244. *Хорев Б.С.* Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). – М.: Мысль, 1981. – 320 с.
245. *Хорев Б.С., Чанек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения – М.: Мысль, 1978. – 255 с.
246. *Хорев Б.С.* Понятия территориальная организация общества и управление как основные понятия социально-экономической географии // Вопросы географии. Сб. 115. М., 1980. С. 75-86.
247. Хроника защиты прав человека в СССР. Ноябрь–декабрь 1974 г. Вып. 12. Нью-Йорк, 1975 г. С. 50–51.
248. *Чеботарева В.Г.* Государственная национальная политика в республике немцев Поволжья. 1918–1941 гг. – М.: Обществ. акад. наук российских немцев, 1999. – 462 с.
249. *Чернова Т.Н.* Российские немцы. Отечественная библиография, 1991–2000 гг. – М. 2001. – 272 с.
250. *Чеснокова В.* Флориан Знанецкий. Ценности и установки. URL: http://www.polit.ru/article/2008/11/10/pol/#_ftn2.
251. *Чувилкин О.Д., Хрущев А.Т., Шарыгин М.Д.* Территориально-производственные комплексы СССР. Учеб. пособие. – М.: МГИМО, 1985. – 175 с.

252. *Чудиновских О.С.* К вопросу о возможном влиянии кризиса на международную миграцию в России // Демоскоп Weekly. 2009. № 363-364. 2-15 февраля.
253. *Чудиновских О.С.* О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. № 10. С. 27-36.
254. *Шамилева Л.Л.* Моделирование миграций населения в районе. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 1975
255. *Шарыгин М.Д.* Территориальные общественные системы (региональные и локальные уровни организации и управления). – Пермь, 2003. – 260 с.
256. *Шарыгин М.Д.* Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. 2006. №1. С.4–13.
257. *Шкаратан О.И.* Городская территориальная общность и ее воспроизводство // Этносоциальные проблемы города. М.: Наука, 1986. С. 12-33.
258. *Штах Я.* Очерк из истории и современной жизни южно-русских колонистов. – М.: Типография А.И. Мамонтова, 1916. – 266 с.
259. *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб: Алетейя, 2009. – 352 с.
260. *Шупер В.А.* Территориальная самоорганизация общества как область исследований и учебная дисциплина // Региональные исследования. 2014. №4 (46). С. 40-48.
261. Энциклопедия статистических терминов. Т. 5. Демографическая и социальная статистика / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2011. – 482 с.
262. *Юдина Т.Н.* Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования. Автореф. дисс. ... докт. соц. наук / Моск. гос. социальный ун-т – М., 2004. – 49 с.
263. *Юдина Т.Н.* Социология миграции: Учеб. пособ. для вузов. – М.: Академический проект, 2006. – 272 с.
264. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 2001. – 596 с.
265. *Ямзин И.Л., Воишин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. – М.–Л.: Государственное издательство, 1926. – 330 с.
266. *Яцунский В.К.* Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России // Историческая география России. / Вопросы географии. Сб. 83. М.: Мысль, 1970. С.34-44.
267. *Ackermann V.* Integration: Begriff, Leitbilder, Probleme. // Neu Heimat in Westen: Vertriebene, Flüchtlinge, Aussiedler / Hr. K.J. Bade – Münster: Westfälischer Heimatbund, 1990. S. 14-36.

268. *Amelina A., Faist Th.* De-naturalizing the national in research methodologies: key concepts of transnational studies in migration // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 35, № 10. October 2012. P. 1707-1724.
269. *Appadurai A.* *Modernity at large: cultural dimensions of globalization*. – Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2003. – 237 p.
270. *Arbeitsmigrantenforschung in der Bundesrepublik Deutschland* / Hr. U.O. Sievering – Frankfurt am Main: Haag und Herchen, 1985. – 255 p.
271. *Ausländer in der Bundesrepublik Deutschland und in der Schweiz* / Hr. H-J. Hoffmann-Nowotny, K-O. Hondrich – Frankfurt am Main, New York: Campus, 1982. – 635 p.
272. *Aussiedler in Deutschland. Akkulturation von Persönlichkeit und Verhalten*. – Opladen: Leske+Budrich, 1999. – 389 s.
273. *Aussiedler: Deutsche Einwanderer aus Osteuropa*. IMIS-Schriften, 8 / Hr. K. J. Bade, J. Oltmer. 2th ed. – Göttingen: V&R unipress, 2003. – 315 s.
274. *Bade K.J.* *Deutsche im Ausland – Fremde in Deutschland. Migration in Geschichte und Gegenwart*. Munich: C.H. Beck, 1992. – 542 s.
275. *Bade K.J.* *Neue Heimat im Westen: Vertriebene, Flüchtlinge, Aussiedler*. – Münster: Westfälischer Heimatverbund, 1990. – 160 s.
276. *Bade K.J.* Sozialhistorische Migrationforschung und «Flüchtlingsintegration» // *Flüchtlinge und Vertriebene in der westduetschen Nachkriegsgeschichte*. 1987. S. 126-162.
277. *Bade K.J., Bommes M.* Einleitung: Integrationspotentiale in modernen europäischen Wohlfahrtsstaaten // *Migrationreport 2004. Fakten – Analysen – Perspektiven*. – Frankfurt am Main, New York: Campus Verlag, 2004. P. 11-42.
278. *Bauman Z.* *Modernity and ambivalence*. – Cambridg: Polity Press, 1991. – 286 p.
279. *Berger H.* Arbeitswanderung im Wandel der Klassengesellschaft – Für einen Perspektivenwechsel in der Migrationforschung. *Migration* 1. 1987. S. 7-20.
280. *Berger H.* Vom Klassenkampf zum Kulturkonflikt – Wandlungen und Wendungen der westdeutschen Migrationforschung // *Ethnizität, Wissenschaft und Minderheiten* / Hr. E. J. Dittrich, F-O. Radtke – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. P. 119-138.
281. *Bhabha H.* *The location of culture*. – London: Routledge, 1994. – 408 p.
282. *Black, R., Koser H., Munk K.* Understanding voluntary return / Home Office Online Report 50/04. – London: Home Office Research, Development and Statistics Directorate, 2004. – 73 p. URL:
<http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20110220105210/rds.homeoffice.gov.uk/rds/pdfs04/rdsolr5004.pdf>

283. *Boehm M. H.* Gruppenbildung und Organisationswesen. Die Vertriebenen in Westdeutschland. Ihre Eingliederung und Ihr Einfluss auf Gesellschaft, Wirtschaft, Politik und Geistesleben / Hr. E. Lemberg, F Edding. – Kiel: Hirt, 1959. S. 521-605.
284. *Böhning W.R.* Studies in International Labour Migration. – London: Macmillan; New York: St Martin's Press, 1984. – 318 p.
285. *Bommes M.* Migration in der functional differenzierten Gesellschaft // Schweizerische Zeitschrift für Politikwissenschaft № 7(12). 2001. S. 108-116.
286. *Bommes M.* Migration research in Germany: the emergence of a generalised research field in a reluctant immigration country // National paradigms of migration Research / Hr. D. Thränhardt, M. Bommes. – Osnabrück, 2010. P. 127-185.
287. *Bommes M.* Migration und nationaler Wohlfahrtsstaat. Ein differenzierungstheoretischer Entwurf. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1999. – 244 s.
288. *Boos-Nünning U.* Die Zukunft der ausländischen Arbeitnehmer und ihre Familien // Soziologische Revue. №6. 1983. S. 129-139.
289. *Borjas G.J.* Eingangstür zum Wohlfahrtsstaat. Auswirkungen der Einwanderung von Arbeitskräften auf die Wirtschaft der USA und einwanderungspolitische Implikationen // Han P. Theorien zur internationalen Migration. – Stuttgart.: Lucius and Lucius, 2006. S. 195-209.
290. *Bosch A.* Stalins Bauernopfer an Schwarzen Meer. Russland-Deutsche Zeitgeschichte 2010. – Nürnberg, 2010. – 272 s.
291. *Brandes D., Dönninghaus V.* Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Von 1917 bis 1998. – München: OldenbourgVerlag, 1999. – 988 s.
292. *Brendel T.J.* Ein neues Gesetz zur Regelung von Ausreise und Einreise fuer Bürger der UdSSR // Osteuropa 42. 1992, №4, April. S. 303-309.
293. *Burgard M.* Russische Reisebüros in Deutschland. Eine explorative Studie zu einem ethnischen Marktsegment // Zuhause? Fremd? Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. S. 107-118.
294. *Castles S., Miller M.J.* The Age of Migration. 4th edition. – London: PALGRAVE MACMILLAN, 2009. – 369 p.
295. Das Bundes Amt in Zahlen 2014. Asyl, Migration und Integration. Nürnberg, 2015. – 136 s.
296. Das Manifest der 60: Deutschland und die Einwanderung / Hr. K.J. Bade – München: C.H. Beck, 1994. – 231 s.
297. Die multikulturelle Herausforderung: Menschen über Grenzen – Grenzen über Menschen / Hr. K. J. Bade. – Munich: C.H. Beck, 1996. – 260 s.

298. Die Vertriebenen in Westdeutschland. Ihre Eingliederung und Ihr Einfluss auf Gesellschaft, Wirtschaft, Politik und Geistesleben. 3 Bde. / Hr. E. Lemberg, F. Edding. – Kiel: Hirt, 1959. – 694 s.; 557 s.; 684 s.
299. Dietz B. Jugendliche Aussiedler – Portrait einer Zuwanderergeneration. Frankfurt am Main, New York: Campus, 1998. – 212 s.
300. Dietz B., Hilkes P. Russlanddeutsche: Unbekannte im Osten. – München: Olzog Verlag, 1992. – 140 s.
301. Dietz B., Hilkes P. Integriert oder isoliert? Zur Situation rußlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. – München: Olzog Verlag, 1994. – 139 s.
302. Dohse K. Ausländische Arbeiter und bürgerlicher Staat. Genese und Funktion von staatlicher Ausländerpolitik und Ausländerrecht. Vom Kaiserreich bis zur Bundesrepublik Deutschland. – Königstein im Taunus: Athenaeum, 1981. – 460 s.
303. Einwandererfamilien: Geschlechterverhältnisse, Erziehung und Akkulturation / Hr. L. Herwartz-Emden. 2th ed. – Göttingen: V&R unipress, 2003. – 375 s.
304. Eisenstadt S.N. The Absorption of Immigrants. A Comparative Study Based Mainly on the Jewish Community in Palestine and the State of Israel. – London: Routledge and Kegan Paul LTD, 1954. – 275 p.
305. Elwert G. Probleme der Ausländerintegration: Gesellschaftliche Integration durch Binnenintegration? // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. №34. 1982. P. 717-731.
306. Esser H. Aspekte der Wanderungssoziologie. Assimilation und Integration von Wanderern, ethnischen Gruppen und Minderheiten. – Darmstadt, Neuwied: Licherhand, 1980. – 294 s.
307. Esser H. Aufenthaltsdauer und die Eingliederung von Wanderern: Zur theoretischen Interpretation von soziologischen «Variablen» // Zeitschrift für Soziologie. № 10. 1981. P. 76-97.
308. Esser H. Ein neues Forschungsgebiet und alte Fehler? Arbeitsmigration und ethnische Minderheiten // Soziologische Revue №7 (1). Special issue. 1984. S. 151-160.
309. Esser H. Ethnische Kolonien: «Binnenintegration» oder gesellschaftliche Isolation? // Segregation und Integration / Hr. J. Hoffmeyer-Zlotnik. 1986. S. 106-117.
310. Esser H. Soziale Differenzierung als ungeplante Folge absichtsvollen Handelns: Der Fall der ethnischen Minderheiten // Zeitschrift für Soziologie. № 14. 1985. S. 435-449.
311. Esser H. Sozialräumliche Bedingungen der sprachlichen Assimilation von Arbeitsmigranten // Zeitschrift für Soziologie. № 11. 1982. S. 279-306.
312. Esser H. Welche Alternativen zur «Assimilation» gibt es eigentlich? // Migration – Integration – Bildung / Hr. K. Bade, M. Bommes. 2004. S. 41-59.

313. Esser H., Gaugler E., Neumann K-H. Arbeitsmigration und Integration. Sozialwissenschaftliche Grundlagen. Materialien zur Arbeitsmigration und Ausländerbeschäftigung. Vol. 4. – Königstein im Taunus: Peter Hanstein, 1979. – 360 s.
314. Ethnic German Immigration from Eastern Europe and the former Soviet Union to Germany: the Effects of Migrant Networks // Discussions Paper № 68. November 1999. – Bonn, 1999. – 21 p.
315. Ette A. Politische Ideen und Policy-Wandel: die «Green Card» und ihre Bedeutung für die deutsche Einwanderungspolitik // Die deutsche «Green Card»: Migration von Hochqualifizierten in theoretischer und empirischer Perspektive (IMIS-Beiträge 22). / Hr. U. Hunger, H. Kolb. – Osnabrück: IMIS. 2003. S. 39-50.
316. Faist Th. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 400 p.
317. Faist Th. Transnationalization in international migration: implications for the study of citizenship and culture // Ethnic and Racial Study. 2000. Vol. 23, N 2 P. 189–222.
318. Faist Th., Fauser M., Reisenauer E. Transnational Migration. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 209 p.
319. Fassmann H. Ausländer in der Stadt. Demographische Befunde, gesellschaftliche Problembereiche und politische Strategien // Berichte zur deutschen Landeskunde. Die Zukunft der Stadt - Visionen der Stadtentwicklung. Band 75. Heft 2-3. 2001. S. 124-136.
320. Fawcett J.T., Arnold F. Explaining Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems // Pacific Bridges: New Immigration from Asia to the Pacific Islands / Ed. J.T. Fawcett, B.V. Carino. Center for Migration Studies. – New York, 1987. P. 453-473.
321. Freemann G. Immigrant Incorporation in Western Democracies // International Migration Review. 2004. Vol. 38 № 3. P. 945-969.
322. Genosko J. Migration // Soziologische Revue. №4. 1981. P. 355-366.
323. Gerlach T. Reise nach Germanistan // Die Tageszeitung. 22-23.02.2003.
324. German and Jewish migration from the former Soviet Union to Germany: Background, trends and implications // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2000, № 26 (4). P. 635-652.
325. Gogolin I., Nauck B. Migration, gesellschaftliche Differenzierung und Bildung. Resultate des Forschungsschwerpunkt – programm FABER. – Opladen: Leske & Budrich, 2000. – 462 s.
326. Gordon M.M. Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion and National Original. – New York: Oxford University Press, 1964. P. 80-81.
327. Han P. Soziologie der Migration. – Stuttgart: Lucius and Lucius, 2010. – 408 s.
328. Han P. Theorien zur internationalen Migration. – Stuttgart: Lucius and Lucius, 2006. – 300 s.

329. *Harris N.* The New Untouchables: Immigration and the New World Worker. – Harmondsworth: Penguin, 1996. – 254 p.
330. *Hatton T.J., Williamson J.G.* The Age of Mass Migration: Causes and Impact. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. – 301 p.
331. *Heckmann F., Wies D.* Research-Policy Dialogues in Germany // Integrating Immigrants in Europe. Research-Policy Dialogues / Ed. P. Scholten et al. – Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer, 2015. P. 185-211.
332. *Henkel R.* Binnenintegration als Faktor für Eingliederung Russlanddeutscher Aussiedler in die Bundesrepublik Deutschland - das Beispiel zweier Gemeinden in Rheinhessen. // Mainzer Geographische Studien. H. 40. P. 445-458.
333. *Hill P. B.* Determinanten der Eingliederung von Arbeitsmigranten. – Königstein im Taunus: Peter Hanstein, 1984. – 228 s.
334. *Hoffmann-Nowotny H.-J., Imhof K.* Internationale Migration und soziokultureller Wandel // Europa zwischen Integration und Regionalismus / Hr. K.-A. Boesler, G. Heinritz, R. Wiessner. – Stuttgart, 1998. P. 28-37.
335. *Hoffmann-Nowotny H.-J.* Migration. Ein Beitrag zu einer soziologischen Erklärung. – Stuttgart: Enke, 1970. – 155 s.
336. *Hoffmann-Nowotny H.-J.* Soziologie des Fremdarbeiterproblems. Eine theoretische und empirische Analyse am Beispiel der Schweiz. – Stuttgart: Enke, 1973. – 377 s.
337. *Hollifield J.F.* The politics of international migration: how can we «bring the state back in»? // Migration Theory: Talking across Disciplines / Ed. C.B. Bretell, J.B. Hollifield. – New York and London: Routledge, 2000. P. 137-185.
338. *Ingenhorst H.* Die Russlanddeutschen. Aussiedler zwischen Tradition und Moderne. – Frankfurt am Main, New York: Campus-Verlag, 1996. – 343 p.
339. International Migration Report 2013. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. – New York, 2013. – 22 p. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/migration/migrationreport2013/Full_Document_final.pdf
340. International Migration. Prospects and Policies in a Global Market / Ed. D.S. Massey, J.E. Taylor. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 399 p.
341. *Karasek-Langer A.* Volkstum in der Wandlung // Die Vertriebenen in Westdeutschland. Ihre Eingliederung und Ihr Einfluss auf Gesellschaft, Wirtschaft, Politik und Geistesleben. Ed. Lemberg E. and Edding F. Kiel: Hirt. 1959. S. 606-694.
342. *Kolb H.* Einwanderung zwischen wohlverstandenen Eigeninteresse und symbolischer Politik. Das Beispiel der deutschen «Green Card». – Münster: Lit Verlag, 2004. – 232 s.

343. *Korte H., Schmidt A.* Migration und ihre soziale Folgen. Förderung der Gastarbeiterforschung durch die Stiftung Volkswagenwerk. 1974-1981. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1983.
344. *Korte H.* Forschungsverbund «Probleme der Ausländerbeschäftigung» gefördert vom Bundesminister für Forschung und Technologie. Erfahrungsbericht des Leitinstituts. – Rheda-Wiedenbrück (manuscript), 1980.
345. *Kühn H.* Stand und Weiterentwicklung der Integration der Ausländischen Arbeitnehmer und Ihrer Familien in der Bundesrepublik Deutschland. Memorandum des Beauftragten der Bundesregierung. – Bonn, 1979.
346. *Latour B.* Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 312 s.
347. *Lee E. S.* A Theory of Migration // *Demography*. 1966. 3 (1). P. 47-57.
348. *Leggewie C.* Multi Kulti – Spielregeln für die Vielvölkerrepublik. – Berlin: Rotduch. 1990. – 168 s.
349. *Lichtenberger E.* Gastarbeiter - Leben in zwei Gesellschaften. – Wien-Koeln: Boehlau Verlag, 1984. – 565 s.
350. *Luhmann N.* Die Gesellschaft der Gesellschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. – 1164 s.
351. *Luhmann N.* Soziale Systeme. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. – 675 s.
352. *Martin P.L., Taylor E.J.* The Anatomy of a Migration Hump // *Development Strategy, Employment, and Migration: Insights from Models* / Ed. J.E. Taylor. – Paris: OECD, 1996. P. 43-62.
353. *Massey D.S., Arando J., Hugo G., Koucouci A., Pelligrino A., Taylor E.* Word in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 362 p.
354. *Migration and Remittance Trends 2009.* Migration and Development Brief 11. – Washington: World Bank, 2009.
355. *Migration and Remittances. Factbook 2011.* 2th ed. – Washington: World Bank, 2011. – 264 p.
356. *Migration und Integration. Aufenthaltsrecht, Migrations- und Integrationspolitik in Deutschland.* Bundesministerium des Innern. – Frankfurt am Main: Drucks- und Verlagshaus Zarbock – 2014. – 215 s.
357. *Migrationbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung. Migrationbericht 2014.* – Nürnberg, 2015. – 298 s.
358. *Migrationbericht des Bundesamtes für Migration und Flüchtlinge im Auftrag der Bundesregierung. Migrationbericht 2011.* – Nürnberg: Bonifatius Gmbh, 2013. – 264 s.

359. *Miksch J.* Multikulturelles Zusammenleben. Theologische Erfahrungen. – Frankfurt am Main: Lehmbeck, 1983. – 96 s.
360. *Minas.* Atlas über Migration, Integration und Asyl. 6 Aulage, 2014. – Nürnberg, 2014. – 84 s.
361. *Müller K.V.* Heimatvertriebene Jugend. Eine soziologische Studie zum Problem der Sozialtüchtigkeit des Nachwuchses der heimatvertriebenen Jugend. – Würzburg: Holzner Verlag, 1956. – 260 s.
362. *Nahm P.P.* Der Wille zur Eingliederung und seine Förderung // Die Vertriebenen in Westdeutschland. Ihre Eingliederung und Ihr Einfluss auf Gesellschaft, Wirtschaft, Politik und Geistesleben / Hr. E. Lemberg, F. Edding. – Kiel: Hirt, 1959. P. 145-155.
363. *Nauk B.* Sozialstrukturelle und individualistische Migrationstheorien. Elemente eines Theorienvergleichs // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1988, № 40. P. 15-39.
364. *Park R.E.* Die Stadt als räumliche Struktur und als sittliche Ordnung (leicht gekürzte Fassung eines Aufsatzes aus 1925) // Materialien zur Siedlungssoziologie. Ed. P. Atteslander, B. Hamm. – Köln, 1974. P. 90-100.
365. *Piore. M. J.* Birds of Passage. Migrant Labour and Industrial Societies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 229 p.
366. *Portes A., Rumbaut R.G.* Immigrant America: a Portrait. 3th edition. – Berkeley CA: University of California Press, 2006. – 496 p.
367. *Price C.* Southern Europeans in Australia. – Melbourne: Oxford University Press, 1963. – 342 p.
368. *Price C.* The Study of Assimilation // Migration. Ed. J.A. Jackson. – Cambridge: The University Press, 1969. P. 181-237.
369. *Pries L.* Internationale Migration. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2013. – 77 s.
370. *Pries L.* Neue Migration im transnationalen Raum // Transnationale Migration. Soziale Welt. Sonderband 12. – Baden-Baden: Nomos, 1997. S.14-46
371. *Pries L.* The Disruption of Social and Geographic Space. Mexican-US Migration and the Emergence of Transnational Social Spaces // International Sociology №16. 2001. P. 55-74.
372. *Pries L.* Transnationale soziale Räume. Teoretisch-empirische Skizze am Beispiel Mexico-USA // Zeitschrift für Sociologie. 1996. Bd. 25(6) P. 456–472.
373. *Pries L.* Transnationale soziale Räume // Perspektiven der Weltgesellschaft / Hr. U. Beck – Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1998. P. 55-86.
374. *Radtko F-O.* Multikulturell: Das Gesellschaftsdesign der 90er Jahre? Informationsdienst zur Ausländerarbeit. №4. 1990. S. 27-34.
375. *Rethinking Transnationalism: the Meso-Link of Organisations / Ed. L. Pries.* – London, New York: Routledge, 2008. – 232 p.

376. *Robinson V.* Geography and Migration. The International Library of Studies on Migration 2. – Cheltenham, Brookfield.: Elgar, 1996. – 587 p.
377. *Rogge H.* Vertreibung und Eingliederung im Spiegel des Rechts // Die Vertriebenen in Westdeutschland. Ihre Eingliederung und Ihr Einfluss auf Gesellschaft, Wirtschaft, Politik und Geistesleben / Hr. E. Lemberg, F. Edding. – Kiel: Hirt, 1959. P. 174-245.
378. *Rösler K.* Russlanddeutsche Identität zwischen Herkunft und Ankunft. – Frankfurt am Main: Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2003. – 443 s.
379. Russland-Deutsche Zeitgeschichte. Band 4. Ausgabe 2004/2005. Unter Monarchie und Diktatur / Hr. A. Bosch. – Nürnberg, 2005. – 504 s.
380. *Sanders R.* Zwischen transnationaler Verstörung und Entzauberung. Kasachstandeutsche Heimatkonzepte // Zuhause? Fremd? Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. – P. 293-314.
381. *Sassen S.* The Global City. – New-York, London, Tokyo, Princeton: Princeton univer. Press, 1991. – 412 p.
382. *Savoskul M.* Russlanddeutsche in Deutschland: Integration und Typen der ethnischen Selbstidentifizierung // Zuhause Fremd. Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland / Hr. S. Ipsen-Peitzmeier, M. Kaiser. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2006. S. 197-222.
383. *Savoskul M.S.* Abschottung oder Integration? // Mitteilungen der Fränkischen Geographischen Gesellschaft. Band 52. 2005. S. 69-86.
384. *Saxenian A.L.* The New Argonauts: regional advantage in a global economy. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 2006. – 432 p.
385. *Schmitz A.* Bildungserfolgreiche (Spät-)Aussiedler zwischen Deutschland und Russland // Zuhause? Fremd? Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. P. 409-432.
386. *Schrader A., Nikles B., Hartmut G.* Die Zweite Generation: Sozialisation und Akkulturation ausländischer Kinder in der Bundesrepublik. – Kronberg: Athenäum, 1976. – 234 s.
387. *Schütz A.* The Stranger. The Homecomer // Collected Papers II: Studies in Social Theory / Ed. A. Brodersen. – The Hague: Martinus Nijhoff., 1962.
388. *Sjaastad L. A.* The Costs and Returns of Human Migration // The Journal of Political Economy. Vol. 70, No. 5, Part 2: Investment in Human Beings. Oct., 1962. – P. 80-93.
389. *Stark O.* The migration of Labour. – Oxford: Blackwell. 1991. – 406 p.
390. Statistisches Jahrbuch. Deutschland und Internationales. 2015. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt, 2015. – 693 s.

391. *Strobel R.* Chancen und Probleme der Intergration junger Aussiedler aus der fruheren Sowjetunion // Zuhause fremd – Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2006. P. 87-108.
392. *Tenbruck F. H.* Die kulturellen Grundlagen der Gesellschaft. Der Fall der Moderne. – Opladen: Westduetcher Verlag, 1989. – 322 s.
393. *Tenbruck F. H.* Was war der Kulturvergleich, ehe es den Kulturvergleich gad? // Zwischen den Kulturen? Soziale Welt. Sonderband 8 / Hr. J. Matthes. – Göttingen: Schwartz, 1992. S. 13-35.
394. The sociology of economic life. Third edition / Ed. M. Granovetter M., R. Swedberg. – Boulder: Westview Press, 2011. – 592 p.
395. Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered / Ed. N.S. Glick, L. Basch, C. Blanc-Szanton. Annals of the New York Academy of Science. – New-York, 1992. Vol. 645. P. 1-24.
396. Transstaatliche Räume. Politik, Wirtschaft und Kultur in und zwischen Deutschland und der Turkey / Hr. Th. Faist – Bielefeld: Transcript, 2000. – s. 430.
397. *Treibel A.* Engagement und Distanzierung in der westduetchen Ausländerforschung. Eine Untersuchung ihrer soziologischen Beiträge. – Stuttgart: Enke, 1988. – 377 s.
398. *Wallerstein I.* The Politics of the World Economy: The States, the Movements, and the Civilisations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 200 p.
399. Wanderer und Wanderinnen zwischen zwei Welten? Zur kulturellen Integration russland-deutscher Aussiedlerinnen und Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. Referate der Tagung des Johannes-Künzig-Instituts für ostdeutsche Volkskunde / Hr. H.-W. Retterath – Freiburg: Johannes-Künzig-Instituts für ostdeutsche Volkskunde, 1998. – 220 s.
400. *Westphal M.* Familiäre und berufliche Orientirungen von Aussiedlerinnen // Aussiedler: duetche Einwanderer aus Osteuropa. – Göttingen: V&R unipress GmbH mit Universitätverlag Osnabrück, 2003. P. 127-152.
401. *Wilpert Cz.* International Migration and Ethnic Minorities. New Fields for Post-War Sociology in the Federal Republik of Germany // Current Sociology. №22. 1984. P. 305-352.
402. *Wimmer A., Glick Schiller N.* Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences // Global Network. 2002 Vol. 2. № 4. P. 301-334.
403. *Wimmer A., Glick Schiller N.* Methodological nationalism social sciences and the study of migration // International Migration Review. Vol. 37, № 3. 2003. P. 576-610.
404. World Migration: Costs and Benefits of International Migration. – Geneva: IOM (International Organization for Migration), 2005. – 494 p. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2005_3.pdf

405. *Wroblewska A.* Die Integration der Rußlanddeutschen aus Sicht einer Forscherin aus einer Drittkultur // Wanderer und Wanderinnen zwischen zwei Welten? Zur kulturellen Integration russlanddeutscher Aussiedlerinnen und Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. Referate der Tagung des Johannes-Künzig-Instituts für ostdeutsche Volkskunde / H.-W. Hr. Retterath– Freiburg: Johannes-Künzig-Instituts für ostdeutsche Volkskunde, 1998. S. 87-88.
406. *Zelinsky W.* The hypothesis of the mobility transition // *Geographical Review*. 1971. № 61. P. 219-249.
407. *Zimmermann K. F.* Ethnic German Migration since 1989: Results and Perspectives. Forschungsinstitut zur Zukunft der Arbeit. Discussion Paper Series. – Bonn: IZA. 1999 – 34 p. URL: <http://ftp.iza.org/dp50.pdf>
408. *Zinn-Thomas S.* Kriminelle, junge Spätaussiedler – Opfer oder Täter? Zu Ethnisierung des Sozialen // *Zuhause fremd – Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland*. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2006. S. 307-320.

Интернет-источники

409. <http://cistr.ru> – Центр независимых социологических исследований.
410. <http://docs.cntd.ru> – электронный фонд правовой и научно-технической документации.
411. <http://lmdr.de> – официальный сайт землячества немцев из России в Германии.
412. <http://pravo.gov.ru> – официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации.
413. <http://region.rcmir.com> – русскоязычный форум различных стран мира, в том числе и Германии.
414. <http://vak.ed.gov.ru> – официальный сайт Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации.
415. <http://www.altairregion22.ru> – официальный сайт администрации Алтайского края.
416. <http://www.aupair-in-germany.ru> – агентство по программе молодежного обмена.
417. <http://www.bamf.de> – официальный сайт Федерального Агентства Германии по миграциям и беженцам.
418. <http://www.bib-demografie.de> – сайт Федерального института демографических исследований Германии.
419. <http://www.bluecard-eu.de> – сайт германской неправительственной организации «Инициативы для общественной жизни».
420. <http://www.bmi.bund.de> – официальный сайт Министерства внутренних дел Германии.
421. <http://www.bpb.de> – Федеральный центр политического образования Германии.

422. <http://www.bund-der-vertriebenen.de> – объединенные землячества переселенцев из разных стран, проживающих в Германии.
423. <http://www.demoscope.ru/weekly> – электронная версия бюллетеня «Население и общество».
424. <http://www.diakonie-lippe.de> – сайт благотворительной христианской организации округа Липпе (земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия).
425. <http://www.dissercat.com> – электронная библиотека диссертаций и авторефератов.
426. <http://www.fms.gov.ru> – официальный сайт Федеральной миграционной службы России.
427. <http://www.geo-vestnik.psu.ru> – сайт журнала «Географический вестник» (Пермский гос. национальный исследовательский университет).
428. <http://www.gks.ru> – официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.
429. <http://www.hfdr.de> – официальный сайт исторического исследовательского объединения немцев из России
430. <http://www.info4alien.de> – информационный международный правовой портал, для иностранцев в Германии.
431. <http://www.jkibw.de> – официальный сайт института этнографии немцев Восточной Европы (Фрайбург, Германия).
432. <http://www.levitin.de> – сайт одного из ведущих русскоязычных туроператоров Германии «Levitin Reisen».
433. <http://www.lmr-nrw.com> – региональное отделение землячества немцев из России в Германии, земля Северный Рейн-Вестфалия.
434. <http://www.polit.ru> – информационно-политический канал новостей «Полит.ру».
435. <http://www.rsl.ru> – официальный сайт Российской государственной библиотеки.
436. <http://www.russischschule.de> – сайт русской школы в Дюссельдорфе, Германия.
437. <http://www.st-hedwigshaus.de> – сайт некоммерческой организации в области политического и социально-культурного образования «Институт по вопросам миграции и переселенцев: дом Св. Ядвиги» (Эрлингхаузен, земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия).
438. <http://www.urbanplanserver.de> – сайт проекта «Переселенцы помогают переселенцам» (Берлин, район Марцан).
439. <http://www.volkswagenstiftung.de> – официальный сайт Фонда Фольксвагена.
440. <https://www.germany.ru> – русскоязычный информационно-развлекательный форум «Германия по-русски».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Докторские и кандидатские диссертации по миграционной тематике в 1991–2013 гг.

Географические науки (спец-ть: до 2000 г. – 11.00.02, с 2001 г. – 25.00.24)

Докторские диссертации

1. *Полян П.М.* География принудительных миграций в СССР / Ин-т географии РАН. – М., 1998.
2. *Раковский С.Н.* Миграции населения в зарубежных странах Восточной Европы: (Сравнительный экономический и социально-географический анализ) / Ин-т географии РАН. – М., 1991.

Кандидатские диссертации

3. *Авдеев Е.Н.* Географические аспекты трудовой миграции населения в Ставропольском крае / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2005.
4. *Аракчеева О.В.* Пространственные особенности миграции, адаптации мигрантов и управления современными миграционными процессами: на материалах Нижегородской области / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2012.
5. *Багаева Н.Э.* Роль вынужденных миграций в заселении территории Северной Осетии, XIX–XX вв. / Ин-т географии РАН. – М., 2000.
6. *Божева А.М.* Четвертая волна российской иммиграции в США / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2006.
7. *Внуков А.А.* Взаимосвязь между миграцией и динамикой численности населения в СССР / Ин-т географии РАН. – М., 1992.
8. *Воробьев Н.В.* Территориальная организация миграции населения Иркутской области: в условиях переходного общества 1990-х гг. / Ин-т географии СО РАН. – Иркутск, 1998.
9. *Грушевский А.Ю.* Общественно-географические аспекты миграций населения в Африке к югу от Сахары / Геогр. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1991.
10. *Давид Я.У.* Современные географические аспекты миграционной ситуации в Москве / Геогр. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2000.
11. *Житин Д.В.* Экономико-географические особенности формирования иммиграционной политики Российской Федерации / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2006.

12. *Ионова Н.В.* Динамика экономико-географического положения и ее влияние на миграционные процессы: на примере Новосибирской области / Московский гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2006.
13. *Капралов А.В.* Расселение иммигрантов в крупнейших городских агломерациях зарубежной Европы / Геогр. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2009.
14. *Карачурина Л.Б.* Географический анализ интенсивности миграционных связей России и ее регионов с республиками Ближнего Зарубежья, 1969-1997 гг. / Геогр. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999.
15. *Кротова Т.П.* Вынужденные миграции в Западной Сибири: социально-экономико-географический аспект изучения: На примере Алтайского края / Смоленский гуманитарный ун-т. – Смоленск, 2004.
16. *Круглова А.В.* Миграционная подвижность населения в депрессивных регионах Средней России / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2008.
17. *Крюкова О.В.* Современная иммиграция из стран Магриба в Западную Европу: региональные особенности / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2009.
18. *Маслиев Р.О.* Геоинформационный мониторинг миграционных процессов в Ставропольском крае / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2006.
19. *Матвеев Ю.Н.* Внешние миграции населения Франции после второй мировой войны / Московский пед. гос. ун-т. – М., 1997.
20. *Матвеевская А.С.* Социальная адаптация иммигрантов в Швеции: региональный аспект / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2011.
21. *Мкртчян Н.В.* Изменение межрайонных миграционных связей в современной России и ее регионах / Московский пед. гос. ун-т. – М., 1997.
22. *Романец О.Ф.* Миграции и их влияние на динамику населения и трудовых ресурсов областного региона / Львовский нац. ун-т им. И. Франко. – Львов, 2000.
23. *Романюк М.Д.* Пути усовершенствования трудовых маятниковых миграций в города Прикарпатья / Львовский гос. ун-т им. И. Франко. – Львов, 1994.
24. *Сазонова Н.В.* Территориальная организация миграции населения Белгородской области / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 1998.
25. *Соловьёв И.А.* Региональные особенности современных миграционных процессов на Северном Кавказе / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2004.
26. *Сушков В.Н.* Миграция населения в современных демографических процессах Воронежской области / Воронежский гос. пед. ун-т. – Воронеж, 1997.
27. *Фельтен Н.Н.* Миграции населения Германии: Пространственно-временной анализ / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2002.

28. *Хамадеева З.А.* География миграционных процессов Республики Башкортостан / Пермский гос. ун-т. – Пермь, 2006.
29. *Чернова И.М.* Сдвиги в структуре и географии населения послевоенной Германии под воздействием внешних и внутренних миграций / Московский пед. гос. ун-т. – М., 2005.
30. *Чуклова О.Ю.* Геоинформационная система анализа социально-экономических связей России и Украины: на примере миграционных потоков в приграничье / Геогр. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2011.

Экономические науки (спец-ти: 08.00.01, 08.00.05, 08.00.07, 08.00.11, 08.00.12, 08.00.13, 08.00.14, 08.00.18, 08.00.27)

Докторские диссертации

31. *Батищева Г.А.* Миграционные процессы в России как фактор устойчивого развития экономики регионов / Ростовский гос. экономический ун-т. – Ростов-на-Дону, 2011.
32. *Бояркин Г.Н.* Трудовая миграция и ее роль в трансформации рынка труда. – М., 2005.
33. *Воробьева О.Д.* Методологические проблемы разработки и реализации государственной миграционной политики / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2003.
34. *Глуценко Г.И.* Влияние международной трудовой миграции на развитие мирового и национального хозяйств / Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – Пенза/ М., 2009.
35. *Дадаев О.К.* Проблемы внешней трудовой миграции российских граждан: Социально-экономический и международный анализ / Ин-т труда Мин-ва труда и соц. развития РФ. – М., 1998.
36. *Дмитриева Ю.В.* Совершенствование системы управления миграционными процессами в современной России на основе концепции управления качеством / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2012.
37. *Ивахнюк И.В.* Формирование и функционирование Евразийской миграционной системы / Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008.
38. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: Закономерности, проблемы, перспективы / Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999.
39. *Каменский А.Н.* Международная трудовая миграция и участие в ней России / Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002.
40. *Кумсков Г.В.* Закономерности и особенности развития миграционных процессов в условиях рыночной трансформации экономики: На примере Кыргызской Республики / Киргизко-Российский славянский ун-т. – Бишкек, 2002.

41. *Метелев С.Е.* Международная трудовая миграция и развитие российской экономики. – Омск–М., 2006.
42. *Регент Т.М.* Проблемы государственного управления миграционными процессами в России / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2001.
43. *Рыбаковский О.Л.* Миграция населения между регионами: совершенствование методологии анализа / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2009.
44. *Рязанцев С.В.* Миграционные процессы в Европе и их социально-экономические последствия: Вопросы теории и методики исследования / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2002.
45. *Трофимов Е.А.* Миграция рабочей силы и ее влияние на формирование регионального рынка труда. – СПб., 1997.
46. *Ульмасов Р.У.* Развитие государственного регулирования временной трудовой эмиграции из Таджикистана в Российскую Федерацию / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2010.
47. *Ходенко С.В.* Миграционные процессы и их влияние на формирование постоянного населения России / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2011.
48. *Цапенко И.П.* Иммиграция населения как фактор экономического развития / Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. – М., 2009.
49. *Черевичко Т.В.* Миграционные отношения как фактор глобализации рынка труда / Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2002.
50. *Чернов А.С.* Миграция населения и сырьевая безработица / Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2006.
51. *Шитова Ю.Ю.* Маятниковая трудовая миграция и социально-экономическая ситуация в регионах / Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна». – Дубна, 2010.
52. *Эргешбаев У.Ж.* Миграционные процессы в Кыргызстане и их социально-экономические последствия / Ин-т социально-политических исследований РАН – М., 2009.

Кандидатские диссертации

53. *Азхари А. Э.-Х.* Миграция населения как фактор формирования трудовых ресурсов в Судане. – СПб., 1993.
54. *Алешковский И.А.* Детерминанты внутренней миграции населения в России / Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2007.
55. *Алиев М.Д.* Россия в международных миграционных процессах / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2011.
56. *Ашуба Б.З.* Миграция населения в Абхазии ее факторы и последствия. – М., 1993.

57. *Бабичев А.М.* Совершенствование миграционной политики России на основе использования отечественного и зарубежного опыта / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2009.
58. *Баканова Ж.Н.* Землеустройство крестьянских (фермерских) хозяйств и ассоциаций переселенцев в Среднем Поволжье: По материалам Самарской области / Гос. ун-т по землеустройству. – М., 2000.
59. *Бакланова Т.В.* Региональная социально-экономическая политика в области регулирования межрегиональной миграции населения / Санкт-Петербургский гос. инженерно-экономический ун-т. – СПб., 2008.
60. *Белов Ф.Д.* Интеллектуальная эмиграция из России: социально-экономические последствия и подходы к регулированию / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2010.
61. *Бобков Д.А.* Социально-экономические аспекты мексиканской иммиграции в США / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2007.
62. *Богомбаева Н.Э.* Теоретико-методологические аспекты влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие / Кыргызско-Российский Славянский ун-т. – Бишкек, 2011.
63. *Болдышева Н.О.* Положение вынужденных мигрантов на рынке труда Российской Федерации: На примере Тверской области / Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. – М., 2000.
64. *Браиловская Т.Ю.* Институциональные особенности государственного регулирования миграции населения в России / Челябинский гос. ун-т. – Челябинск, 2012.
65. *Будницкая Ю.А.* Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа / Ростовский гос. экономический ун-т «РИНХ». – М., 2009.
66. *Вакуленко Е.С.* Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований / Высшая школа экономики. – М., 2013.
67. *Вешкурова А.Б.* Регулирование процессов внешней трудовой миграции населения из стран Центральной Азии в РФ и Казахстан / Академия труда и социальных отношений. – М., 2011.
68. *Гаврилова Т.М.* Международная миграция рабочей силы, ее воздействие на занятость населения в условиях реформирования экономики России / Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2001.
69. *Гасанов А.С.* Влияние управления миграционными процессами на воспроизводство трудового потенциала: На примере Республики Дагестан / Дагестанский гос. ун-т. – Махачкала, 2001.

70. *Гаспарян В.В.* Оценка влияния миграционных процессов на экономическую безопасность России и ее регионов / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2009.
71. *Герасимова И.В.* Влияние миграционных процессов на регулирование социально-трудовых отношений в регионе / Гос. ун-т управления. – М, 2013.
72. *Гимбатов Ш.М.* Миграционные процессы в Республике Дагестан и их этнорегиональные особенности / Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. – М., 2005.
73. *Глушенков А.М.* Противодействие теневым миграционным процессам в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации / Академия экономической безопасности МВД России. – М., 2007.
74. *Горбачева Е.А.* Особенности миграционного поведения студенческой молодежи Омской области / Всеросс. заочный финансово-экономический ин-т в г. Омске. – Омск, 2007.
75. *Горнухова А.В.* Миграционные процессы в республиках Прибалтики в XX веке / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2004.
76. *Гребенюк А.А.* Миграция соотечественников в Россию и совершенствование миграционной политики / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2008.
77. *Григорян В.А.* Международная трудовая миграция и денежные переводы мигрантов: влияние на уровень бедности и неравенство доходов населения Армении / Ростовский гос. экономический ун-т. – Ростов-на-Дону, 2010.
78. *Гриценков А. И.* Социально-экономические условия адаптации переселенцев на селе / Всероссийский НИИ экономики труда и управления в сельском хозяйстве – М., 1994.
79. *Гуторин Д.Д.* Миграционная ситуация в Центральной России: проблемы и пути регулирования / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2004.
80. *Доржиева Т.Г.* Трудовая иммиграция в приграничных регионах России и ее социально-экономические последствия / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2003.
81. *Емельянова А.А.* Миграционный обмен населением в рамках союзного государства Россия-Беларусь и его последствия / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2004.
82. *Ермакова С.Э.* Особенности адаптации мигрантов в крупном городе / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2006.
83. *Ефимов А.Г.* Влияние миграционных процессов на формирование рынка труда в аграрном секторе региона: На материалах Курской области / Курская гос. сельскохозяйственная академия им. проф. И.И. Иванова. – Курск, 2000.

84. *Жвирблис Ю.А.* Влияние международной иммиграции на экономическое развитие Республики Хакасия / Хакасский гос. ун-т. – СПб., 2011.
85. *Железнова Г.А.* Миграционный фактор социально-экономического развития северного региона: На примере Республики Саха (Якутия) / Ин-т региональной экономики АН Респ. Саха (Якутия). – Якутск, 2002.
86. *Западнюк Е.А.* Трудовая миграция населения и ее влияние на формирование современного рынка труда / Московский гос. ин-т электроники и математики (Технич. ун-т). – М., 2007.
87. *Илимбетова А.А.* Социально-экономические последствия женской трудовой миграции в Россию / Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2013.
88. *Ионцева Е.А.* Иммиграционные процессы в России в XVII-начале XX вв. / Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008.
89. *Казимова А.А.* Влияние внешней и внутренней миграции на трудовой потенциал организации / Всеросс. центр уровня жизни. – М., 2013.
90. *Капустин А.П.* Организационно-экономический механизм регулирования процессов миграции населени / Волго-Вятская академия гос. службы. – Нижний Новгород, 2000.
91. *Карпова И.В.* Особенности и перспективы трудовой иммиграции в Россию в рамках Евразийской миграционной системы / Дипломатическая академия МИД России. – М., 2009.
92. *Карпова Ю.Ю.* Миграционный обмен между Россией и Украиной: предпосылки, результаты и последствия / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2004.
93. *Кинасова Е.Д.* Иммиграция и экономическая безопасность России / Московский университет МВД России. – М., 2013.
94. *Кирпичев В.В.* Миграция населения как фактор мобильности трудовых ресурсов / Костромской гос. ун-т имени Н.А. Некрасова. – Кострома, 2005.
95. *Кожоев Б.К.* Социально-экономические аспекты внутренней миграции населения на современном этапе / Кыргыско-Российский Славянский ун-т. – Бишкек, 2010.
96. *Козырев С.В.* Транспортно-географические особенности миграционных процессов в России / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2004.
97. *Кудрявцев В.А.* Миграционные процессы в районах Европейского Севера России / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2007.
98. *Леденева Л.И.* Эмиграционные намерения студентов крупных городов Европейской части бывшего СССР. – М., 1995.

99. *Леженкина О.Н.* Миграционный обмен России и Закавказья / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2005.
100. *Лукьянец А.С.* Иммиграция в США: тенденции и подходы к регулированию / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2009.
101. *Лях Т.Б.* Участие России в мировых миграционных процессах / Всеросс. научн.-исслед. конъюнктурный ин-т. – М., 2004.
102. *Мажунов И.Ш.* Миграционный обмен России и стран Центральной Азии / Всеросс. заочный финансово-экономический ин-т в г. Омске. – М., 2007.
103. *Мазурмович М.А.* Особенности социально-экономического поведения мигрантов на региональном рынке труда: на примере Самарской области / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2007.
104. *Минина А.С.* Интеграция иммигрантов: самочувствие в социально-экономической сфере и отношения с местным населением / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2004.
105. *Михель Е.А.* Международные трудовые миграции населения приграничного региона / Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН; Ин-т экономики Карельского НЦ РАН. – М., 2009.
106. *Мичников А.А.* Совершенствование иммиграционной политики в современной России / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2007.
107. *Молдабекова А.И.* Статистическое исследование современного миграционного движения в Республике Казахстан и взаимосвязи миграционных и демографических факторов / Московский гос. ун-т экономики статистики и информатики. – М., 1999.
108. *Некрасов Н.А.* Иммиграция в Австралию: тенденции и подходы к регулированию / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2009.
109. *Новикова Е.В.* Трудовая миграция как фактор формирования регионального рынка труда / Российский экономический ун-т им. Г.В. Плеханова. – М., 2013.
110. *Орешков С.В.* Влияние глобальных миграционных потоков на экономическое развитие страны: проблемы деконструктивных воздействий / Дипломатическая академия МИД России. – М., 2007.
111. *Парикова Н.В.* Зарубежная трудовая миграция как фактор развития региональной экономики / Институт проблем региональной экономики РАН. – СПб., 2012.
112. *Паров Р.Х.* Государственное регулирование рынка труда с учетом миграционных потоков беженцев и вынужденных переселенцев / Северо-Кавказская академия гос. службы. – Ростов-на-Дону, 2002.

113. *Парфенцева О.А.* Влияние миграции населения на рынок труда Российской Федерации: Вопросы анализа, методологии, регулирования / Ин-т макроэкономических исследований при Министерстве экономики РФ. – М., 2000.
114. *Плеханова Т.И.* Статистическое исследование миграционных процессов населения в приграничной зоне Российской Федерации: На примере Оренбургской области / Оренбургский гос. аграрный ун-т. – Оренбург, 2003.
115. *Поладова Л.Т.* Незаконная миграция в Россию: тенденции, последствия, противодействие / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2012.
116. *Пономарев М.Н.* Влияние миграции населения на рынок труда нефтедобывающих регионов Поволжья / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2003.
117. *Попова Э.Г.* Иммиграционная политика Италии и возможности ее применения в России / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2010.
118. *Раджабдибирова Л.И.* Миграционные процессы в регионе и основные направления их регулирования / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2009.
119. *Рисс И.* Статистический анализ миграционных потоков в Израиль / Московский гос. ун-т экономики статистики и информатики. – М., 2004.
120. *Рогозиньска-Митрут И.* Миграционные процессы пограничья восточноевропейских стран и их социально-экономические последствия / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2004.
121. *Рудник В.В.* Миграционные процессы и их роль в формировании населения Сибири / Всеросс. заочный финансово-экономический ин-т в г. Омске. – Омск, 2006.
122. *Рязанцев С.В.* Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие региона: На материале Ставропол. края / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 1998.
123. *Салимон А.В.* Особенности трудовой миграции и отношение к ней населения России / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2004.
124. *Сивков А.В.* Трудовая эмиграция из России в страны Южной Европы: современные тенденции и подходы к регулированию / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2008.
125. *Симчера Я.В.* Внешняя миграция населения в современной России: Методологические основы экономико-демографического анализа / Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. – М., 2003.
126. *Синчина Н.Н.* Социальная защита беженцев и вынужденных переселенцев в России / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2000.
127. *Скрипко О.В.* Миграция населения как элемент регулирования регионального рынка труда / Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова. – М., 1999.

128. *Скрипник Е.О.* Формирование региональных опорных центров расселения: влияние миграции (на примере Хабаровского края) / Ин-т экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск, 2012.
129. *Скрипникова Е.В.* Миграционные процессы в русских регионах Южного федерального округа / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2007.
130. *Спиридонов А.Н.* Миграционная политика в России, ее эволюция и пути совершенствования / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2007.
131. *Спицын А.И.* Социально-экономическое регулирование миграционных процессов населения в регионе / Оренбургский гос. аграрный ун-т. – Оренбург, 2003.
132. *Средин М.Ю.* Миграционные процессы в формировании и развитии рынка труда / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2003.
133. *Суворова Н.Н.* Программно-целевое управление миграционными процессами в регионе / Челябинский гос. агроинженерный ун-т. – Челябинск, 1999.
134. *Судоплатов П.А.* Миграционные процессы и миграционная политика в странах Европейского Союза / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2006.
135. *Сушков С.С.* Иммиграционная ситуация в РФ и возможности использования канадского опыта в ее иммиграционной политике / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2005.
136. *Теванян Н.М.* Миграционный обмен между Закавказьем и Россией и его этнодемографические последствия / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2001.
137. *Тихомирова Н.Е.* Статистическое исследование миграции населения в регионах Российской Федерации / Самарский гос. экономический ун-т. – Самара, 2008.
138. *Трухина Я.А.* Новые страны привлечения трудовых мигрантов из России / Экон. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004.
139. *Турандин Н.С.* Миграционное поведение населения Вологодской области / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2005.
140. *Федотова Н.Е.* Миграционный аспект рынка труда монофункциональных городов / Байкальский гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2009.
141. *Фильченков С.В.* Регулирование занятости населения на основе развития внутрирегиональной трудовой миграции / Российский гос. ун-т туризма и сервиса. – М., 2010.
142. *Фомвихан С.* Особенности миграции населения Лаоса / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2002.
143. *Хакимов П.Ш.* Внутренняя миграция населения как фактор социально-экономического развития / Ин-т экономики Таджикистана. – Душанбе, 2011.

144. *Хвалебнов А.А.* Вынужденная миграция населения Таджикистана: Особенности, последствия, регулирование / Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. – М., 2004.
145. *Хома С.П.* Миграционные процессы в России и их правовое регулирование / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2005.
146. *Хрусталева И.М.* Мусульманская иммиграция в страны Западной Европы: особенности и последствия / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2011.
147. *Цогбадрахын Ц.* Формирование механизма управления миграцией населения в Монголии / Байкальский гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2003.
148. *Чистюхин И.В.* Миграционные процессы в Московском регионе и пути их регулирования / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2005.
149. *Шихалев А.М.* Социально-экономические проблемы прогнозирования миграционных процессов в регионах: На материалах Республики Татарстан / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 1999.
150. *Шураева С.Н.* Статистический анализ миграции населения Республики Казахстан / Московский гос. ун-т экономики статистики и информатики. – М., 2009.
151. *Шурупов А.С.* Управление трудовым потенциалом мигрантов в аграрном секторе экономики региона / Орловская региональная академия гос. службы. – Орел, 2006.
152. *Шустова Н.Н.* Воздействие структурных диспропорций рынка труда на формирование иммиграционного трудового потенциала региона / Дальневосточный гос. ун-т путей сообщения. – Хабаровск, 2006.
153. *Щербаков В.П.* Роль трудовой миграции в развитии глобализационных процессов в мировом хозяйстве / Российская академия народного хозяйства и гос. службы. – М., 2012.
154. *Эпштейн Н.Д.* Статистический анализ влияния миграции населения на социально-экономическую ситуацию в России / Московский гос. ун-т экономики, статистики и информатики (МЭСИ). – М., 2013.
155. *Эргешбаев У.Ж.* Миграционное поведение населения Кыргызстана, его особенности и регуляторы. – М., 1995.
156. *Юрин А.В.* Миграционные процессы в странах ЕС и пути их регулирования / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2010.

Социологические науки (спец-ти: 22.00.00, 22.00.01, 22.00.03, 22.00.04, 22.00.05, 22.00.06, 22.00.08)

Докторские диссертации

157. *Бритвина И.Б.* Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2006.
158. *Димаев А.Р.* Миграция населения: социальная сущность и влияние на общественные процессы в мире и в современном российском обществе / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2008.
159. *Костин Р.А.* Миграция: Этносоц. и этнополит. проблемы / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 1997.
160. *Маслова Т.Ф.* Социокультурная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество на рубеже XX-XXI веков (на примере Ставропольского края) / Северо-Кавказский социальный ин-т. – Ставрополь, 2009.
161. *Мокин К.С.* Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде. – Саратов, 2007.
162. *Назарова Е.А.* Внешние мигранты в Москве и их влияние на современные социальные процессы / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2010.
163. *Немерюк Е.Е.* Миграция в процессе формирования современного российского рынка труда / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2007.
164. *Петров В.Н.* Этнические миграционные процессы как фактор социальных взаимодействий в регионе: Теоретико-методологический и эмпирический анализ / Социол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004.
165. *Письменная Е.Е.* Социальные последствия учебной иммиграции в Россию / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2009.
166. *Романов И.А.* Государственное регулирование миграционных процессов в современной России / Академия управления МВД России. – М., 2006.
167. *Ткачева Н.А.* Социологическая концепция миграционной политики региона в системе национальной безопасности / Тюменский гос нефтегазовый ун-т. – Тюмень, 2010.
168. *Юдина Т.Н.* Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования. – М., 2004.

Кандидатские диссертации

169. *Абдуразакова Н.Г.* Женская трудовая миграция в контексте глобализации / Академия гос. и муницип. управления при Президенте Респ. Татарстан. – Казань, 2008.
170. *Абулкасова Д.Б.* Миграционные процессы в Казахстане: Тенденции и динамика / Ф-т гос. управления МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2001.

171. *Алексеева Е.Н.* Транснациональная миграция молодежи и ее социальные последствия в современном мире / Социол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2013.
172. *Алексеев А.А.* Социальная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в условиях преобразований современного российского общества / Орловская региональная академия гос. службы. – Орел, 2006.
173. *Андреева Т.В.* Трудовые миграции из Украины в Россию: стратегии социально-экономического развития домохозяйств / Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. – СПб., 2008.
174. *Антуфьев С.В.* Социальная адаптация мигрантов как фактор стабильности российского общества / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2005.
175. *Артюшенкова Е.В.* Управление миграционными процессами России и Китая в современных условиях: Региональный аспект / Читинский гос. ун-т. – Чита, 2005.
176. *Багдасарова Я.* Социокультурная трансформация мигрантов в инокультурной среде / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2009.
177. *Балеев И.Р.* Вынужденная миграция населения как социальный процесс: Проблемы исслед. и регулирования. – Уфа, 1997.
178. *Бедрик А.В.* Трудовая адаптация этнических мигрантов в условиях социальных рисков: на примере Ростовской области / Южный фед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2007.
179. *Бедункович К.В.* Регулирование трудовой миграции в мегаполисе (социологический анализ) / Российская академия народного хозяйства и гос. службы. – М., 2012.
180. *Белопольская Т.Н.* Этносоциальная адаптация и интеграция вынужденных мигрантов в современной России: на материалах Краснодарского края / Краснодарский ун-т МВД России. – Краснодар, 2007.
181. *Блантер С.В.* Вынужденная миграция русскоязычного населения из стран СНГ и Балтии: Этносоциальный и этнокультурный аспекты / Московский гос. социальный ун-т. – М., 2003.
182. *Блинова М.С.* Современные социологические теории миграции населения / Социол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008.
183. *Богданов А.В.* Социальная адаптация в России беженцев и вынужденных переселенцев из стран СНГ / Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2001.
184. *Бормотова Т.М.* Функция прогнозирования миграционных процессов в системе управления МВД России / Академия управления МВД России. – М., 2008.
185. *Бреславская Т.С.* Межгосударственные миграционные процессы на современном этапе развития общества: на материалах Республики Бурятия и Монголии / Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2009.

186. *Бубликов В.В.* Механизмы управления интеграцией иммигрантов в социокультурную среду региона / Белгородский гос. ун-т. – Белгород, 2009.
187. *Васильева В.О.* Адаптация мигрантов из зарубежных стран в городах Российской Федерации / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2007.
188. *Ваховская К.А.* Управление современными миграционными процессами на региональном уровне: социологический анализ / Санкт-Петербургский гос. инженерно-экономический ун-т. – СПб. , 2009.
189. *Вершинина И.А.* Миграционные процессы в условиях глобализации: Социологический анализ факторов и тенденций развития / Социол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2006.
190. *Винокурова Д.М.* Миграция населения при промышленном освоении территории: Причины и характер / Ф-т гос. управления МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2000.
191. *Волков Э.В.* Социокультурные особенности миграционных процессов в России в контексте глобализации / Южный фед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2008.
192. *Ву Хао Куанг* Изменение ценностных ориентаций и образа жизни вьетнамских семей в условиях дифференцированной социальной среды: на примере изучения семей вьетнамских эмигрантов в России и Польше. – М., 1993.
193. *Габдрахманова Г.Ф.* Социокультурная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан. – Казань, 2001.
194. *Глушко В.С.* Регулирование этнических миграций как фактор социальной стабилизации на Юге России / Южный федеральный ун-т. – Ростов-на-Дону, 2011.
195. *Гожев К.М.* Социологические аспекты современных миграций на Северном Кавказе: На примере Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края / Северо-Кавказский гос. технич. ун-т. – Ставрополь, 2000.
196. *Гридчин А.А.* Кадровое обеспечение деятельности международных полицейских сил в условиях экстремальной миграции населения . – Белгород, 2001.
197. *Гуков Д.А.* Регулирование социальной адаптации вынужденных мигрантов: На примере Центрально-Черноземного региона / Белгородский гос. ун-т. – Белгород, 2004.
198. *Гулин И.А.* Социальная адаптация населения при вынужденном переселении: на материалах районов Чернобыльской катастрофы / Рос. Академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 1998.
199. *Гун Леньхуа* Международная трудовая миграция в условиях глобализации: на примере России и Китая / Социол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008.

200. *Гунтыпова Э.С.* Миграционные процессы в Республике Бурятия на современном этапе: по материалам исследования студентов и молодых специалистов / Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2005.
201. *Гурченков Е.В.* Влияние экономического поведения мигрантов на развитие рыночных отношений в России / Московский гос. ун-т пищевых производств. – М., 2010.
202. *Гурьянова Л.С.* Трансформация социально-миграционной мобильности в современной России / Саратовский гос. ун-т. – Саратов, 2007.
203. *Джамангулов К.Э.* Международная трудовая миграция на постсоветском пространстве / Ин-т экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Новосибирск, 2007.
204. *Дибирова Х.М.* Миграционные процессы в структуре межнациональных конфликтов Северо-Кавказского региона: социологический анализ / Российский гос. социальный ун-т. – М., 2008.
205. *Дидух Н.Н.* Трудовая миграция как фактор развития Дальневосточного региона: социологический анализ / Тихоокеанский гос. ун-т. – Хабаровск, 2009.
206. *Добриков П.В.* Миграционные процессы в Санкт-Петербурге и Ленинградской области 1990-2005 гг.: влияние этнических групп иммигрантов на социальную стабильность в регионе / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2006.
207. *Донцова М.В.* Этнические мигранты и принимающее общество: процессы социального взаимодействия: на материалах Краснодарского края. Краснодарский ун-т МВД России. – Краснодар, 2007.
208. *Дорман А.П.* Эмиграционные настроения диаспориальных этносов: на примере российских евреев. – Екатеринбург, 1998.
209. *Егунов А.В.* Социологические аспекты управления региональной миграцией / Пятигорский гос. технологич. ун-т. – Пятигорск, 2007.
210. *Жукова И.А.* Социальная адаптация мигрантов в социокультурном пространстве региона / Российский гос. социальный ун-т. – М., 2007.
211. *Жукова Ю.О.* Современные миграционные процессы в сфере интеллектуального труда: социологический анализ / Московский гос. социальный ун-т. – М., 2001.
212. *Жуковская Ю.О.* Процесс социальной адаптации трудовых мигрантов из стран СНГ в малых городах России / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2011.
213. *Казакова Т.В.* Роль интеллектуальной миграции в структурных изменениях научно-технических кадров России. – М., 1997.
214. *Карасева Н.В.* Миграция населения в процессе социально-экономического воспроизводства региона / Северо-Кавказский научный центр высшей школы. – Ростов-на-Дону, 2004.

215. *Кобозева Н.Н.* Социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона / Ставропольский государственный ун-т. – Ставрополь, 2008.
216. *Ковалевич М.К.* Русская политическая эмиграция и Советская власть: Поиск возможностей идейно-полит. компромисса / Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М., 1997.
217. *Комаров Ю.А.* Влияние процесса эмиграции из России на ее национальную безопасность. – М., 1999.
218. *Косыгина Л.В.* Управление обустройством переселенцев: гендерный аспект / Новосибирский гос. ун-т экономики и управления («НИНХ»). – Новосибирск, 2007.
219. *Кресова Н.С.* Процесс трудовой миграции в современной России / Краснодарский ун-т МВД России – Краснодар, 2007.
220. *Кузьмичев М.В.* Управление институтами социальной адаптации вынужденных переселенцев / Саратовский гос. технич. ун-т. – Саратов, 2003.
221. *Кумсиев Л.Ш.* Социальная адаптация вынужденных мигрантов в этнокультурном пространстве Республики Северная Осетия-Алания / Московский гос. ун-т сервиса. – М., 2002.
222. *Кутепова Л.В.* Особенности миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе: Социологический аспект / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2000.
223. *Ладан Е.А.* Социологический анализ региональной миграционной политики / Краснодарский ун-т МВД России. – Краснодар, 2011.
224. *Лапицкая И.Ю.* Миграционные процессы как детерминанта трансформации социальной структуры: на материалах Дальневосточного федерального округа / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2006.
225. *Лапина Н.И.* Трудовые мигранты как маргинальный слой российского общества / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2011.
226. *Левченко И.Н.* Ценности толерантности и терпимости принимающего сообщества в условиях миграционной подвижности населения Юга России / Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2006.
227. *Лисицын П.П.* Сравнительный анализ социальной адаптации легальных трудовых мигрантов из Вьетнама и Узбекистана в Санкт-Петербурге / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2009.
228. *Литвинцева Е.А.* Социально-миграционные процессы и их регулирование: на материалах Республики Бурятия / Рос. академия управления – М., 1994.

229. *Лукашин И.А.* Особенности миграционных процессов в современном российском обществе: региональный аспект: на материалах Читинской области / Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2007.
230. *Лысенко Е.М.* Социологический анализ проблем миграции населения на Северном Кавказе / Северо-Кавказский гос. технический ун-т. – Ставрополь, 2000.
231. *Макаров А.Я.* Социокультурная адаптация детей мигрантов в образовательной среде / Российский гос. гуманитарный ун-т. – М., 2010.
232. *Макарова М.В.* Разработка управленческих решений в миграционной политике: на материалах Ставропольского края / Московский гос. ун-т приборостроения и информатики. – М., 2007.
233. *Малиновский А.Е.* Социально-управленческое регулирование миграционных процессов в современной России / Московский гос. технологический ун-т «Станкин». – М., 2006.
234. *Маркина Н.М.* Социальное управление иммиграционными процессами в современной России / Современная гуманитарная академия. – М., 2006.
235. *Михайлова Е.А.* Регулирование трудовой миграции из России: гендерный аспект / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999.
236. *Нагайцева Е.А.* Миграционные процессы в приграничном агропромышленном регионе России в годы реформ: тенденции, механизмы и проблемы регулирования: Опыт социологического анализа в Алтайском крае в 1990-2002 гг. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2004.
237. *Нагдалиев С.* Социальные последствия вынужденной миграции в результате межнациональных конфликтов / Институт молодежи. – М., 1998.
238. *Назарова Е.В.* Эмиграция российской интеллигенции: ее причины и трансформация образа жизни: Ретроспективный анализ / Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2003.
239. *Назарова Е.А.* Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в Российской Федерации: социологический анализ / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 1998.
240. *Нгуен Тханх Хоай* Трудовые мигранты из Вьетнама в современной России: Процессы социальной адаптации / Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2006.
241. *Немерюк Е.Е.* Миграция как вид социальной мобильности в современном российском обществе: Теоретико-методологический аспект / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2000.
242. *Овсиенко О.И.* Регулирование миграции населения на уровне региона / Саратовский гос. технический ун-т. – Саратов, 2001.

243. *Одинокова Н.Н.* Нерегулируемая трудовая миграция в России: социологический анализ / Российский гос. социальный ун-т. – М., 2008.
244. *Паньшин А.И.* Миграция и стабильность в современной России: механизмы взаимодействия / Московский гос. ун-т путей сообщения (МИИТ). – М., 2005.
245. *Паченков О.В.* Этнические экономические мигранты: трансформация социальных отношений (на примере мигрантов из Азербайджана и Таджикистана в Санкт-Петербурге) / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2008.
246. *Переведенцева А.В.* Влияние миграционной мобильности на жизненный путь молодежи в конце 80-х – начале 90-х годов XX века / Ин-т социологии РАН. – М., 2003.
247. *Петухов А.Г.* Состояние и факторы социальной адаптации мигрантов: На материалах Приморского края / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2006.
248. *Подпоринова Н.Н.* Социальная адаптация мигрантов к социокультурной среде региона / Курский гос. технический ун-т. – Курск, 2005.
249. *Попков В.* Адаптация этнических мигрантов в Калуге и обеих частях Берлина: Сравнение / Берлин. технич. ун-т. – Берлин, 1998.⁸⁹
250. *Потатюев М.С.* Социально-экономические факторы миграции населения в условиях рыночных отношений: на материалах Среднерусского региона / Академия народного хозяйства – М., 1996.
251. *Прокохин В.А.* Интеграция мигрантов в местное сообщество: на материалах Орловской области / Московский гос. ун-т сервиса. – М., 2006.
252. *Прокушева Н.В.* Социальная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в современном российском обществе: на материалах Республики Бурятия / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2007.
253. *Пяткова Е.А.* Социальная адаптация трудовых мигрантов из Средней Азии / уральская академия гос. службы. – Екатеринбург, 2005.
254. *Разгонникова Н.В.* Управление процессом адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям: на примере Астраханской области / Волгоградская академия гос. службы. – Волгоград, 2009.
255. *Сагдиева Э.А.* Актуализация социальных и этнических ресурсов в экономических стратегиях трудовых мигрантов / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан. – Казань, 2010.
256. *Сараева О.В.* Миграционная политика как механизм регулирования трудовых ресурсов в Российской Федерации и Республике Татарстан / Казанский гос. технологич. ун-т. – Казань, 2006.

⁸⁹ Диссертация защищена в Германии; в 2000 г. ВАКом РФ соискателю выдано свидетельство о признании ученой степени, полученной в иностранном государстве.

257. *Сафонова М.А.* Социальная организация образовательных миграций / Европейский университет в Санкт-Петербурге. – СПб., 2011.
258. *Седова С.Ю.* Социальная адаптация мигрантов в жизненном пространстве региона / Поволжская академия гос. службы. – Саратов, 2001.
259. *Скрипниченко Л.С.* Внешняя трудовая миграция: институциональный анализ общероссийской и региональной практик (на материалах Краснодарского края) / Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2009.
260. *Соснина И.В.* Трудовая миграция в жизненных историях / Саратовский гос. техн. ун-т им. Гагарина Ю.А. – Саратов, 2012.
261. *Строева Г.Н.* Внешние трудовые мигранты в социальной структуре дальневосточного региона / Тихоокеанский гос. ун-т. – Хабаровск, 2008.
262. *Сухорадо Ю.А.* Социальные основания и механизмы регулирования миграционных процессов в полиэтническом регионе / Пятигорский гос. технологический ун-т. – Пятигорск, 2010.
263. *Терещенко Ж.А.* Этнические миграционные процессы в современной России: региональный аспект: на материалах Краснодарского края / Краснодарский ун-т. МВД России – Краснодар, 2006.
264. *Ткачев М.В.* Социокультурный анализ интеграции мигрантов в крупном промышленном городе: на примере г. Ростова-на-Дону / Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2006.
265. *Халиман Ж.Н.* Трансформация этнической идентичности вынужденных переселенцев в современной России: На примере Приморского края / Дальневосточный гос. техн. ун-т. – Владивосток, 2005.
266. *Хасанов И.И.* Социальные проблемы маятниковой миграции населения / Башкирский гос. ун-т – Уфа, 1996.
267. *Холод А.В.* Особенности социализации детей вынужденных переселенцев. – Белгород, 1997.
268. *Хохлова А.М.* Стратегии освоения мигрантами культурного пространства большого города / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2007.
269. *Цыбулевский А.В.* Регулирование миграционных процессов развития городской социальной общности: на примере муниципального образования г. Сургут / Академия труда и социальных отношений. – М., 2006.
270. *Цырюльников В.С.* Миграционные процессы в Московском регионе: проблемы регулирования / Российская академия народного хозяйства и гос. службы. – М., 2013.
271. *Чабан С.В.* Социокультурная идентификация и интеграция мигрантов в современной России / Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2006.

272. *Червяков А.Ю.* Регулирование миграционных процессов в системе мер поддержания правопорядка в регионе: На материалах Уральского Федерального округа / Академия управления МВД России. – М., 2005.
273. *Чун Чжэ Вон* Рынок труда и трудовая миграция в России в контексте глобализации / Ин-т социологии РАН. – М., 2008.
274. *Шекихачева Н.И.* Изменение социального статуса переселенца в условиях вынужденной миграции / Северо-Кавказский гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2005.
275. *Шекихачева Н.И.* Изменение социального статуса переселенца в условиях вынужденной миграции / Северо-кавказский гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2005.
276. *Шишкина С.В.* Интеллектуальная миграция малого российского города / Саратовский гос. техн. ун-т. – Саратов, 2010.
277. *Шлыкова Е.В.* Толерантность и миграционные процессы в контексте социологии риска / Ин-т социологии РАН. – М., 2008.
278. *Шлыкова Т.В.* Роль государственной миграционной службы в регулировании миграционных процессов: программно-целевой подход. – М., 1997.
279. *Яковлева И.В.* Социальные практики доступа мигрантов к институтам здравоохранения / Ф-т гос. управления МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2011.

Политические науки (спец-ти: 23.00.02, 23.00.04)

Докторские диссертации

280. *Гольдин Г.Г.* Миграция населения: Проблемы политико-правового регулирования / Рос. академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2001.
281. *Ефимов Ю.Г.* Миграция в современном политическом процессе / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2007.
282. *Забирова А.Т.* Этносоциальные факторы миграции казахов в Астану и Алматы и ее этнополитические последствия / Ин-т социологии РАН. – М., 2004.
283. *Зокиров Г.Н.* Миграционные процессы: вопросы взаимодействия и особенности развития, теоретические и практико-политические аспекты. – Душанбе, 1998.
284. *Коробов А.А.* Миграционный фактор напряженности этнополитических отношений в Российской Федерации / Саратовский гос. социально-экономический ун-т. – Саратов, 2008.
285. *Мукомель В.И.* Социокультурные факторы миграционной политики постсоветской России / Ин-т социологии РАН. – М., 2006.
286. *Чесноков А.С.* Специфика политического регулирования иммиграционных процессов в современном мире / Уральский гос- ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2010.

287. *Шапаров А.Е.* Акторы и механизмы формирования государственной иммиграционной политики развитых стран / Ф-т гос. управления МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2011.

Кандидатские диссертации

288. *Агеев К.В.* Миграционные проблемы и их меняющаяся роль в современном политическом процессе Французской республики / Нижегородский гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2012.
289. *Айрапетян А.С.* Социально-политические последствия современных иммиграционных процессов в Европейском Союзе / Филос. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2005.
290. *Аксюченко Г.В.* Иммиграционная политика Великобритании в условиях глобализации: теория, дискурс, практика / Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2007.
291. *Алексеев Г.Е.* Современная российская миграционная политика: Правовое обеспечение региональных интересов / Ростовский юридический ин-т МВД РФ. – Ростов-на-Дону, 2004.
292. *Апанович М.Ю.* Политические аспекты миграционных процессов в современной Европе / МГИМО МИД России. – М., 2012.
293. *Афоница А.А.* Государственная миграционная политика России в постсоветский период (на примере политики переселения соотечественников) / Саратовский гос. социально-экономический ун-т. – Саратов, 2013.
294. *Батчаев Р.Х.-М.* Региональные особенности миграционной политики в субъектах Российской Федерации на Северном Кавказе / Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2008.
295. *Берников И.А.* Миграционная политика в современном российском обществе: Социологический аспект / Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2002.
296. *Бобылев В.В.* Региональная миграционная политика в постсоветской России: по материалам краев и областей Южного федерального округа / Армавирский ин-т социального образования Рос. гос. социального ун-та. – Армавир, 2009.
297. *Болбот О.А.* Современные миграционные процессы как угроза пограничной и внутренней безопасности Российской Федерации (на примере Читинской области) / Рос. академия гос. службы при Президенте РФ – М., 2005.
298. *Брызгалов Д.В.* Миграционная политика Российской Федерации в Дальневосточном регионе и роль органов внутренних дел в ее реализации / Дальневосточный фед. ун-т. – Владивосток, 2010.

299. *Булгаков М.А.* Этническая миграция как фактор политического процесса в современной России / Пермский гос. ун-т. – Пермь, 2012.
300. *Буров Н.В.* Некоторые особенности иммиграционно-политического процесса в Германии на современном этапе / Дипломатическая академия МИД России. – М., 2001.
301. *Василенко В.А.* Российский миграционный порядок: институционально-правовой анализ / Ростовский юридический ин-т МВД России. – Ростов-на-Дону, 2007.
302. *Васькович Д.С.* Иммиграционная политика Российской Федерации – динамика изменений: 1991-2008 гг. / Высшая школа экономики. – М., 2009.
303. *Волосенкова Е.В.* Государство как субъект управления миграционными процессами в современной России: На примере Краснодарского края / Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2002.
304. *Волох В.А.* Формирование и реализация государственной политики Российской Федерации в сфере вынужденной миграции: на примере института предоставления убежища / Гос. ун-т управления. – М., 2007.
305. *Гобеджишвили Л.Г.* Процессы трудовой миграции в контексте институционально-правового обеспечения национальной безопасности современной России / Ростовский юридический ин-т МВД России. – Ростов-на-Дону, 2005.
306. *Гольдин Г.Г.* Международная миграция: зарубежный опыт и Россия / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 1998.
307. *Гонюков Ф.С.* Проблема вынужденной миграции из государств Центральной Азии в Россию: Политологический анализ / Дипломатическая академия МВД России. – М., 2003.
308. *Горшколепова И.В.* Политические факторы миграционных процессов: Взаимодействие органов государственной власти и мигрантских организаций / Северо-Кавказская академия гос. службы. – Ростов-на-Дону, 2002.
309. *Демидов А.В.* Формирование современной миграционной политики Российской Федерации в контексте сотрудничества с международными организациями. – М., 2002.
310. *Джоробекова Г.Э.* Политика Европейского Союза в сфере легальной иммиграции и интеграции граждан третьих стран / Кыргызско-Российский славянский ун-т. – Бишкек, 2006.
311. *Дьяконов К.Б.* Стратегии интеграции и адаптация иммигрантов из стран Северной Африки в современном французском обществе / Ин-т социологии РАН. – М., 2009.
312. *Ежова М.Ю.* Управление миграционными процессами в Российской Федерации в условиях постсоветских трансформаций: этнополитический аспект / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2004.

313. *Ефимова И.А.* Влияние этнических миграций на политические процессы в российских регионах: на материалах Приволжского федерального округа / Саратовский гос. социально-экономический ун-т. – Саратов, 2006.
314. *Жарков А.М.* Политический характер магрибинской иммиграции во Францию / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2004.
315. *Жихарев С.Г.* Политическое регулирование современных миграционных процессов на Юге России / Астраханский гос. ун-т. – Астрахань, 2012.
316. *Загребнев С.А.* Миграционная политика и региональная безопасность / Российский гос. социальный ун-т. – М., 2011.
317. *Заниянц С.Р.* Миграционная политика Российской Федерации: 1991-2007 гг. / Северо-Западная академия гос. службы. – СПб., 2008.
318. *Иванов А.Г.* Миграционная политика ЕС и России: опыт политического анализа / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2009.
319. *Иванов Е.В.* Интеллектуальная миграция: политологический аспект / Российский гос. социальный ун-т. – М., 2010.
320. *Иванова Е.А.* Возможности и перспективы новейших информационных технологий в регулировании миграционной политики Российской Федерации / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2013.
321. *Исроилов И.Н.* Современная миграционная политика Республики Таджикистан: процесс становления, особенности институционализации и технологии осуществления / Таджикский нац. ун-т. – Душанбе, 2012.
322. *Каблов А.Н.* Беженцы и вынужденные переселенцы в современной России: Международно-правовые, политические, социальные аспекты проблемы и технологии ее разрешения / Нижегородский гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2004.
323. *Казарян К.В.* Юридическая институционализация миграционной амнистии / Ростовский юридический ин-т МВД России. – Ростов-на-Дону, 2008.
324. *Кистанкин Д.А.* Неформальные практики региональных органов власти в сфере миграционной политики России / Поволжская академия гос. службы им. П.А. Столыпина. – Саратов, 2009.
325. *Клаудия Х.А.* Интеграция русскоязычных иммигрантов в аргентинское общество: национальные особенности и глобальные тенденции / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2005.
326. *Клочков Г.В.* Влияние этнополитических конфликтов и миграции на политические процессы современной России / Астраханский гос. ун-т. – Астрахань, 2009.
327. *Козыкина Н.В.* Китайская миграция в Забайкальском крае / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2011.

328. *Короткин К.Р.* Государственное регулирование миграционных процессов в условиях глобализации на примере политики Федеративной Республики Германия / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2011.
329. *Краснов А.Ю.* Государственная политика противодействия незаконной миграции / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2010.
330. *Кролевец К.Ю.* Иммиграционная политика современного государства в контексте глобализации / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Петербург, 2013.
331. *Кузнецов И.М.* Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса: на примере г. Москвы / Ин-т социологии РАН. – М., 2006.
332. *Кутепова Н.А.* Институт незаконной миграции в постсоветской России: политико-правовой анализ / Ростовский юридический ин-т МВД России. – Ростов-на-Дону, 2006.
333. *Кучеренко А.А.* Миграционная политика как фактор обеспечения национальной безопасности: зарубежный и отечественный опыт / Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. – М., 2009.
334. *Лисицкий А.В.* Миграционный процесс: состояние, тенденции развития, регулирование: политологический аспект / Российский гос. социальный ун-т. – М., 2008.
335. *Лукьянова И.В.* Современная миграционная политика Российской Федерации: состояние, особенности, пути совершенствования / Московский гос. открытый пед. ун-т им. М.А. Шолохова. – М., 2006.
336. *Махмадбеков М.Ш.* Миграционные процессы: сущность, основные тенденции и их особенности в современном обществе / Центр стратегических исследований при Президенте Респ. Таджикистан. – Душанбе, 2010.
337. *Мирзоев Р.Х.* Специфика и закономерности таджикско-российских миграционных процессов / Таджикский гос. пед. ун-т им. К. Джураева. – Душанбе, 2006.
338. *Митин Д.Н.* Миграционная политика как фактор поддержания политической стабильности в российской федерации: опыт интеллектуальной и социально активной эмиграции / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2012.
339. *Мишуров В.М.* Миграционные процессы в современной России: институционально-правовой анализ / Ростовский юридический ин-т МВД России. – Ростов-на-Дону, 2004.
340. *Муксинова А.Р.* Кыргызско-российское взаимодействие по регулированию миграционных процессов / Дипломатическая академия МИД России. – М., 2005.
341. *Намдаков А.З.* Политические и социокультурные механизмы регулирования миграционных процессов / Забайкальский гос. гуманит.-пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Чита, 2007.

342. *Небышева Е.И.* Современные иммиграционные процессы в странах Евросоюза: политологический анализ на примере Германии и Франции / Ф-т политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2009.
343. *Одарик О.А.* Международная миграция и ее политические последствия для России / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2004.
344. *Омаров Н.М.* Миграционные процессы и их влияние на политику обеспечения национальной безопасности суверенного Кыргызстана в эпоху глобального развития / Академия МВД Кыргызской Респ. им. генерал-майора милиции Э.А. Алиева. – Бишкек, 2001.
345. *Омурбекова Н.Д.* Международная миграция в содружестве наций в условиях глобализации: реалии мультикультурализма / Кыргызский гос. ун-т им. И. Арабаева. – Бишкек, 2009.
346. *Попов Г.Г.* Миграционная безопасность России: Институционально-правовой анализ / Ростовский юридический ин-т МВД РФ. – Ростов-на-Дону, 2006.
347. *Порохова А.Н.* Миграционные процессы в Российской Федерации. Проблемы регионального управления / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2005.
348. *Проскурякова О.Л.* Миграционные процессы на Южном Урале в постсоветский период / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2009.
349. *Ровенских А.А.* Миграционные процессы в Кыргызстане, 1917 - 1998 гг.: Политическое регулирование и стихийность / Исторический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999.
350. *Савина П.Г.* Миграционная политика современной России и национальная безопасность / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2013.
351. *Санего Г.П.* Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте) / Ин-т философии РАН. – М., 2010.
352. *Сатаев А.Г.* Китайская миграция на российский Дальний Восток: причины, масштабы и последствия явления: политический и социально-экономический аспекты / Дальневосточный гос. ун-т. – Владивосток, 2009.
353. *Сахарова В.В.* Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада в условиях глобализации / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2010.
354. *Скорняков И.А.* Иммиграционная политика Германии: сущность и динамика / Кемеровский гос. ун-т. – Чита, 2011.
355. *Скорый Р.П.* Основные направления иммиграционной политики в рамках Европейского Союза: Проблемы и перспективы / Дипломатическая академия МИД России. – М., 2006.

356. *Соколова Т.С.* Государственная политика в отношении иммигрантов различных поколений: опыт Франции и Нидерландов / Московский гос. ин-т международных отношений (Ун-т) МИД РФ. – М., 2009.
357. *Солоненко А.А.* Государственная политика регулирования миграционных процессов в Европейском Союзе / Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2009.
358. *Суворова В. А.* Современная иммиграционная политика Российской Федерации: политико-правовой и институциональный аспекты / Гос. ун-т управления. – М., 2008.
359. *Сычугова Ю.А.* Взаимодействие Российской Федерации и Европейского Союза в сфере миграции / Дипломатическая академия МИД России. –, 2013.
360. *Тарханова Э.И.* Неправительственные организации, их участие в формировании и реализации миграционной политики Российской Федерации / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2008.
361. *Таскаева С.В.* Государственное регулирование внешней трудовой миграции в субъекте Российской Федерации / Читинский гос. ун-т. – Чита, 2007.
362. *Топкаев Д.А.* Миграционная политика Кемеровской области / Кемеровский гос. ун-т. – Чита, 2011.
363. *Топчиенко Ю.С.* Миграционная политика Российской Федерации как средство обеспечения региональной безопасности (на примере Калининградской области) / Российская академия народного хозяйства и гос. службы. – М., 2013.
364. *Тремба В.А.* Государственная миграционная политика в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (политологический аспект) / Российская академия народного хозяйства и гос. службы. – М., 2013.
365. *Умнова Е.Ю.* Государственная информационная политика в условиях современной миграции населения / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2005.
366. *Файзуллина А.Р.* Миграционная политика в современной России: федеральный и региональный аспекты / Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2007.
367. *Федотов А.П.* Механизмы контроля и технологии регулирования процессов трансграничной миграции на юге Российской Федерации / Нижегородский гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2012.
368. *Фирсова Н.А.* Политико-правовые проблемы миграции в условиях глобализации / Кыргызско-российский славянский ун-т. – Бишкек, 2010.
369. *Фомичева О.В.* Становление системы многоуровневого управления международной миграцией: концептуальное и технологическое измерения / Нижегородский гос. ун-т им. И.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2010.

370. *Хасбулатова Н.Н.* Политическое регулирование международной интеллектуальной миграции в условиях глобализации / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 2010.
371. *Хафизова И.Ф.* Государственная политика регулирования миграционных процессов в постсоветской России / Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2012.
372. *Хусаинов И.В.* Этническая миграция в контексте этносоциальной безопасности России: региональный аспект / Поволжская академия гос. службы им. П.А. Столыпина. – Саратов, 2007.
373. *Чекан Т.А.* Миграция как фактор политических трансформаций в Европейском Союзе / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2009.
374. *Чесноков А.С.* Специфика влияния иммиграции на политические процессы в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2004.
375. *Чичкова Е.Н.* Механизм выработки и технологии осуществления современной иммиграционной политики федеративной Республики Германия / Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2011.
376. *Чуркин М.Г.* Проблемы формирования миграционной политики в современной России / Ин-т социологии РАН. – М., 2011.
377. *Шапаров А.Е.* Миграционная политика в современной России / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1996.
378. *Шереметьева Е.В.* Миграционная политика России в условиях глобализации / Филос. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2004.
379. *Шшимарева М.В.* Иммиграционные процессы в Европе в условиях глобализации / Дипломатическая академия МИД России. – М., 2012.
380. *Штарев П.В.* Миграционная политика Российской Федерации: региональные политические институты и процессы / Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2004.

Исторические науки (спец-ти: 07.00.01, 07.00.02, 07.00.03, 07.00.06, 07.00.07, 07.00.09, 07.00.15)

Докторские диссертации

381. *Васильченко О.А.* Государственная политика по переселению семей и организации их жизнедеятельности на Дальнем Востоке: 1860–1941 гг. / Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2005.
382. *Горбачев О.В.* Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья (1945 - 1985 гг.) / Московский пед. гос. ун-т. – М., 2003.

383. *Гучинова Э.-Б.М.* Вынужденные переселения и этническое самосознание: На примере этнополитической истории калмыков в XX веке / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 2004.
384. *Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России / Благовещенский гос. пед. ун-т. – Благовещенск, 2009.
385. *Занданова Л.В.* Сельскохозяйственное переселение в Сибирь, конец 40-х – середина 60-х гг. XX века / Московский пед. гос. ун-т. – М., 1998.
386. *Ибрагимов М.М.* Формирование и реализация государственной миграционной политики России в 1990-е гг / Московский пед. гос. ун-т. – М., 2003.
387. *Коровушкин Д.Г.* Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX вв.) / Ин-т археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2004.
388. *Колев Г.В.* Международная вынужденная миграция и пути ее регулирования (вторая половина XX столетия) / Московский гуманитарный ун-т. – М., 2004
389. *Маринюк А.А.* Миграционная политика Российской Федерации: разработка, реализация, общественное восприятие (1991–2008 гг.) / Московский гос. гуманитарный ун-т им. М.А. Шолохова. – М., 2012.
390. *Мосейкина М.Н.* Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг. / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2012.
391. *Хелимский Е.И.* Русское крестьянство в Средней Азии в конце XIX – начале XX в.: Источники и методы исследования проблем социально-экономического развития и социальной структуры крестьян-переселенцев / Исторический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1994.
392. *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на Советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток, 2012.
393. *Чуркин М.К.* Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации / Омский гос. пед. ун-т. – Омск, 2007.

Кандидатские диссертации

394. *Абдуллаева М.И.* Переселение дагестанцев в Османскую Империю во второй половине XIX-начале XX века: Причины и последствия / Ин-т истории археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН. – Махачкала, 2000.
395. *Агасиева Н.М.* Миграционные процессы народов Южного Дагестана во второй половине XX века / Дагестанский гос. пед. ун-т. – Махачкала, 2004.

396. *Алиева А.В.* Дагестанские переселенцы на Ставрополье во второй половине XX века / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2004.
397. *Андреюк В.Ю.* Иммиграционная политика ФРГ на примере турецкой рабочей силы в 60-80-е годы XX века / Дипломатическая академия МИД России. – М., 1997.
398. *Артыков А.А.* Миграционные процессы в Таджикистане / Российско-Таджикский славянский ун-т. – Душанбе, 2011.
399. *Ахмедова Д.У.* Миграционные процессы в Дагестане в XIX–начале XX вв.: историко-демографический аспект / Дагестанский гос. ун-т. – Махачкала, 2012.
400. *Баскакова И.В.* Миграционные процессы второй половины XIX–начала XX вв. на юге Западной Сибири в контексте правительственной переселенческой политики / Горно-Алтайский гос. ун-т. – Горно-Алтайск, 2007.
401. *Батурина Т.В.* Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. / Новосибирский гос. ун-т. – Новосибирск, 1999.
402. *Башкуева Е.Ю.* Китайские мигранты в Забайкальской области: 1860–1917 гг. / Ин-т монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2004.
403. *Бельченко А.С.* Проблема миграции в отношениях Китая и Великобритании (1997–2012 гг.) / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2013.
404. *Бурсова О.Г.* Международные миграционные движения после второй мировой войны: Середина 40-х – начало 90-х гг. / Ин-т молодежи. – М., 1993.
405. *Воробьева О.В.* Российская эмиграция в США и Канаде в 1920–1940-е гг. / Московский пед. гос. ун-т. – М., 2006.
406. *Воронов И.И.* Крестьянское переселение и землеустройство в Минусинском уезде на рубеже XIX–XX вв. / Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2004.
407. *Григоричев К.В.* Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае середина 1940-х–конец 1980-х годов / Барнаульский гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2000.
408. *Дорохов Д.А.* История формирования отношения к мигрантам в современной иркутской прессе: 1987-1999 гг. / Иркутский гос. ун-т. – Иркутск, 2003.
409. *Жукова Н.Н.* Миграционная политика Европейского Союза / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2005.
410. *Змеева О.В.* Этнические мигранты на Кольском Севере в конце XX–начале XXI вв. / Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского НЦ РАН. – Апатиты, 2009.
411. *Иванов О.А.* Иммиграция и иммиграционная политика в США: 1990-е годы / Ин-т США и Канады РАН. – М., 2005.

412. *Игнатьева Л.Н.* Роль миграции в формировании населения Казахстана: 1926-1959 гг. / Восточно-Казахстанский гос. технич. ун-т. – Барнаул, 2006.
413. *Калмыков П.Н.* Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции / Исторический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2013.
414. *Капустина Е.Л.* Трудовая миграция из сельского Дагестана как хозяйственная практика и социокультурное явление / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – СПб., 2013.
415. *Корнеев О.В.* Формирование внешнеполитического измерения иммиграционной политики Европейского Союза / Томский гос. ун-т. – Томск, 2009.
416. *Корякин К.В.* Социальные и культурные аспекты адаптации мигрантов-армян в Краснодарском крае: 1988-2006 гг. / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 2007.
417. *Крушанова Л.А.* Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945–1960-е годы / Ин-т истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток, 2007.
418. *Кудаева С.Г.* Переселение адыгов в Османскую империю 20–70-е гг. XIX в. / Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 1996.
419. *Кузьменко А.С.* Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 – феврале 1917 гг. / Сибирский гос. технологич. ун-т. – Красноярск, 2010.
420. *Курбанова Ш.И.* Переселение дехканских хозяйств и освоение целинных земель в Вахшской долине Таджикистана 1924–1941 гг. / Таджикский гос. ун-т. – Душанбе, 1993.
421. *Лескова Т.А.* Государственное регулирование миграционных процессов на юге Дальнего Востока России в 20–30-е гг. XX в.: Исторический опыт / Благовещенский гос. пед. ун-т. – Благовещенск, 2005.
422. *Лукьянова О.О.* Трансформация миграционного поведения русскоязычной молодежи Эстонии / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 2010.
423. *Малова Н.А.* Миграционные процессы в немецкой автономии на Волге 1918–1941 гг. / Саратовский гос. ун-т. – Саратов, 2001.
424. *Маринюк А.А.* Формирование законодательной базы миграционной политики Российской Федерации: 1992–2003 гг. / Московский городской пед. ун-т. – М., 2007.
425. *Михайлов Е.И.* Миграционные процессы в истории формирования населения Европейского Севера России в XX веке / Мурманский гос. пед. ун-т. – Мурманск, 2004.

426. *Молощенков А.Н.* Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития / Оренбургский гос. аграрный ун-т. – Оренбург, 2010.
427. *Морошкин В.А.* Эмиграция военных и гражданских лиц из России в Болгарию и ее военно-политические последствия (1919-1944 гг.) / Московский гуманитарный ун-т. – М., 2013.
428. *Мусаев М.М.* История переселения и социально-экономической адаптации немцев в Дагестане 1864–1941 гг. / Дагестанский гос. ун-т. – Махачкала, 2007.
429. *Нестерова Е.И.* Взаимодействие русской администрации и китайских мигрантов на юге Дальнего Востока России вторая половина XIX – начало XX вв.: исторический опыт. – Владивосток, 2000.
430. *Новиков А.Н.* Иммиграционный контроль в южных дальневосточных субъектах Российской Федерации: 1992-2003 гг. / Дальневосточная академия гос. службы. – Хабаровск, 2005.
431. *Нурудинова П.А.* Современная семья и семейный быт даргинцев-переселенцев / Дагестанский гос. пед. ун-т. – Махачкала, 2010.
432. *Озеров О.В.* Миграция сельского населения во второй половине 1920-х–середине 1930-х годов: По материалам Среднего Поволжья / Пензенский гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. – Пенза, 2000.
433. *Павлова В.С.* Переселение крестьян в Забайкальскую область: конец XIX – начало XX в. / Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2009.
434. *Павлова О.В.* Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг. / Уральский гос. педагогический ун-т. – Екатеринбург, 2004.
435. *Петонов В.К.* Миграционные процессы и миграционная политика в Республике Бурятия: 1960–1990-е гг. / Ин-т монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2008.
436. *Пискунов С.А.* Политика сельскохозяйственного переселения и ее реализация на юге Дальнего Востока СССР: Середина 40-х – середина 60-х гг. XX века / Благовещенский гос. пед. ун-т. – Хабаровск, 2005.
437. *Подливалов С.М.* Вынужденная миграция населения в Курганскую область Российской Федерации из стран ближнего зарубежья: 1992–2002 гг. / Курганский гос. ун-т. – Курган, 2009.
438. *Пожарская К.А.* Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2009.
439. *Пономаренко А.В.* Миграционные процессы в России и странах Западной Европы на рубеже XX–XXI вв. / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2012.

440. *Прокопьев А.Н.* Переселенцы Чувашии на Европейском Севере России в 30-е годы XX – начале XXI веков / Чувашский гос. ун-т им.И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2008.
441. *Протасова Е.Ю.* Русская эмиграция в Чехословакии 1920–1930-х гг. в оценках современной российской историографии / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2012.
442. *Рашидова У.М.* Исторический опыт решения проблемы беженцев и внутренних переселенцев в Республике Таджикистан / Таджикский национальный ун-т. – Душанбе, 2011.
443. *Родигина Н.Н.* Сибирское переселение в общественном сознании россиян во второй половине XIX века / Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск, 1997.
444. *Садыкова Л.Р.* Сохранение и трансформация этнокультурной идентичности в условиях эмиграции: на примере «тюрко-татарской» диаспоры США / Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2012.
445. *Сазонова С.Е.* Переселение украинцев на Северный Кавказ и их социокультурная адаптация / Армавирский гос. пед. ун-т. – Армавир, 2010.
446. *Самородов Д.П.* Русское крестьянское переселение в Башкирию во второй половине XIX века. – Уфа, 1993.
447. *Сарнова В.В.* Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны / Ин-т истории Объединенного ин-та истории филологии и философии СО РАН. – Новосибирск, 2005.
448. *Секретов А.А.* Переселение государственных крестьян в Тобольскую губернию в 40–50-х годах XIX века / Омский гос. технич. ун-т. – Омск, 2000.
449. *Семенов А.Б.* Государственная политика регулирования китайской миграции на Дальнем Востоке России 1991–2008 гг. / Ин-т российской истории РАН. – М., 2013.
450. *Синяткин И.В.* Североафриканская иммиграция во Франции: социокультурный и конфессиональный аспекты / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2002.
451. *Сичкарь А.В.* Переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю (50–60-е гг. XIX в.): причины характер последствия / Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2009.
452. *Служак О.Ю.* Миграционные процессы на Ставрополье во второй половине XX века: историко-культурный аспект / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2004.
453. *Смирнова В.Е.* Организация перевозки переселенцев в России 1881–1914 гг. – Челябинск, 1998.
454. *Сорока Н.Н.* Крестьянские переселения и их влияние на экномику казахского кочевого аула Степного края второй половины XIX – начала XX вв. / Омский гос. пед. ун-т. – Омск, 2009.

455. *Субботина И.А.* Гагаузы: трансформации миграционного поведения (вторая половина XX – начало XXI вв.) / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М., 2008.
456. *Тарасова Е.В.* Миграционный обмен с Россией как фактор формирования этнического состава населения Казахстана: XVIII–начало XXI века / Ин-т Африки РАН. – М., 2004.
457. *Тихомиров К.Н.* Миграционные процессы на территории Западной Сибири: Эпоха бронзы – средневековые / Омский гос. ун-т. – Омск, 2002.
458. *Толочко А.В.* Русская военно-морская эмиграция: политические ориентации и деятельность в межвоенный период 1920–1941 гг. / Челябинский гос. ун-т. – Челябинск, 2012.
459. *Триус Л.И.* Исторический опыт развития связей в сфере экономики культуры и быта между горцами Северного Кавказа казаками и российскими переселенцами / Пятигорский гос. лингвистический ун-т. – Пятигорск, 2009.
460. *Хасин В.В.* Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну: по документам Нижнего Поволжья / Саратовский гос. ун-т. – Саратов, 1999.
461. *Хуснутдинова Л.Г.* Этносоциальные аспекты адаптации беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Башкортостан: 1992-2007 гг. / Центр этнологических исследований Уфимского НЦ РАН. – Уфа, 2008.
462. *Цифанова И.В.* Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: Особенности процесса адаптации / Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2005.
463. *Чуприна М.В.* Эмиграция гражданского населения из России в Китай и ее особенности / Московский гуманитарный ун-т. – М., 2012.
464. *Шармашкеева Н.Ж.* Социокультурная адаптация китайских мигрантов в Бурятии / Ин-т этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 2007.
465. *Явнова Л.А.* Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX вв. / Бийский пед. гос. ун-т им. В.М. Шукшина. – Бийск, 2002.

Философские науки (спец-ти: 09.00.10, 09.00.11, 09.00.13)

Докторская диссертация

466. *Николаева Л.Ю.* Трансформации социальной структуры Таджикистана в XX веке: Миграционный аспект / Таджикский гос. нац. ун-т. – Душанбе, 2003.

467. *Айрапетов В.С.* Социальные проблемы вынужденной миграции: Состояние и пути решения. На материалах соврем. России / Ин-т молодежи. – М., 1994.
468. *Волков Э.В.* Миграционные процессы в контексте глобализации: социокультурный аспект / Южный фед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2010.
469. *Дрокин М.С.* Социально-философский анализ феномена миграции / Московский гос. технич. ун-т «МАМИ». – М., 2005.
470. *Кормильченко В.В.* Современные этнические миграции на Северном Кавказе: Сущность и социальные детерминанты / Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2000.
471. *Литвинова И.А.* Социальные сети адаптирующихся мигрантов как предмет философского анализа / Новосибирский гос. технич. ун-т. – Новосибирск, 2010.
472. *Мочкина В.Х.* Миграция как способ существования общества: Социально-философский анализ / Сибирский гос. аэрокосмический ун-т им. акад. М.Ф. Решетникова. – Красноярск, 2006.
473. *Нейхц Н.П.* Роль религии в процессе социально-психологической адаптации мигрантов: На примере православия в период колонизации Сибири / Российская академия гос службы при Президенте РФ. – М., 2006.
474. *Преображенская Н.М.* Миграция в условиях глобализации: социально-философские аспекты / Философский ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2007.
475. *Хаитов Ф.К.* Социокультурные особенности проявления миграционных процессов в Таджикистане / Ин-т философии, политологии и права им. А.М. Богоутдинова АН Респ. Таджикистан. . – Д., 2011.
476. *Шуменко М.А.* Этническая миграция в контексте межкультурных взаимодействий / Южный фед. ун-т; Северо-Кавказский научный центр высшей школы. – Ростов-на-Дону, 2009.

Официальные сайты ведущих организаций изучающих миграции населения в России, дата обращения 11.02.2015

1. <http://www.ecfor.ru> - Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
2. <http://migrocenter.ru> - Центр миграционных исследований (ЦМИ)
3. <http://www.hse.ru> - Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»
5. <http://www.econ.msu.ru> - Экономический факультет МГУ
5. <http://www.geogr.msu.ru> - Географический факультет МГУ
6. <http://www.igras.ru> - Институт географии РАН
7. <http://www.iea.ras.ru> - Институт этнологии и антропологии РАН
8. <http://www.isesp-ras.ru> - Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
9. <http://www.isprras.ru> - Институт социально-политических исследований РАН
10. <http://www.isras.ru> - Институт социологии РАН
11. <http://www.rgsu.net/> - Российский государственный социальный университет
12. <http://www.iomrussia.ru> - Бюро международной организации по миграциям (МОМ) в Москве
13. <http://www.ilo.org> - Международное бюро труда (МОТ) в Москве
14. <http://www.unesco.ru> – Бюро ЮНЕСКО в Москве
15. <http://cisr.ru> – центр независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге
16. <http://eu.spb.ru/> - Европейский университет в Санкт-Петербурге
17. <http://spbu.ru/> Санкт-Петербургский государственный университет
18. <http://www.ranepa.ru/proekty-centra-issledovanij-migracij-i-etnichnosti> - центр исследований миграции и этничности при РАНХиГС

Приложение 3.

Регионы, где проживает более 1000 немцев, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

регионы	всего, человек	городское, человек	сельское, человек	город- ское, %	сельское, %	доля российских немцев в регионах РФ от их об- щей численности в Рос- сии в 2010 г.
Владимирская	1031	714	317	69,3	30,7	0,3
Воронежская	1431	633	798	44,2	55,8	0,4
Калужская	1154	719	435	62,3	37,7	0,3
Липецкая	976	538	438	55,1	44,9	0,2
Московская	4061	2974	1087	73,2	26,8	1,0
Рязанская	1010	528	482	52,3	47,7	0,3
Тверская	1289	815	474	63,2	36,8	0,3
Тульская	2718	1982	736	72,9	27,1	0,7
Москва	4817	4817	0	100,0	0,0	1,2
Коми	5441	4237	1204	77,9	22,1	1,4
Калининградская	7349	3671	3678	50,0	50,0	1,9
Ленинградская	1722	974	748	56,6	43,4	0,4
Петербург	2849	2849	0	100,0	0,0	0,7
Калмыкия	1071	253	818	23,6	76,4	0,3
Краснодарский край	12171	5043	7128	41,4	58,6	3,1
Волгоградская	10102	5078	5024	50,3	49,7	2,6
Ростовская	4234	2385	1849	56,3	43,7	1,1
Кабардино-Балкария	1462	999	463	68,3	31,7	0,4
Ставропольский край	5288	2504	2784	47,4	52,6	1,3
Башкирия	5909	4452	1457	75,3	24,7	1,5
Татарстан	2200	1958	242	89,0	11,0	0,6
Удмуртия	1238	1021	217	82,5	17,5	0,3
Пермский край	6252	5050	1202	80,8	19,2	1,6
Кировская	1040	689	351	66,3	33,8	0,3
Нижегородская	1248	860	388	68,9	31,1	0,3
Оренбургская	12165	6504	5661	53,5	46,5	3,1
Самарская	6780	5224	1556	77,1	22,9	1,7
Саратовская	7579	3373	4206	44,5	55,5	1,9
Ульяновская	1872	1102	770	58,9	41,1	0,5
Курганская	1740	928	812	53,3	46,7	0,4
Свердловская	14914	12842	2072	86,1	13,9	3,8
Тюменская	20723	12611	8112	60,9	39,1	5,3
Челябинская	18687	14669	4018	78,5	21,5	4,7
Бурятия	1016	776	240	76,4	23,6	0,3
Хакасия	5976	2526	3450	42,3	57,7	1,5
Алтайский	50701	15143	35558	29,9	70,1	12,9
Красноярский	22363	12211	10152	54,6	45,4	5,7
Иркутская	3725	3113	612	83,6	16,4	0,9
Кемеровская	23125	18161	4964	78,5	21,5	5,9
Новосибирская	30924	15745	15179	50,9	49,1	7,8
Омская	50055	21709	28346	43,4	56,6	12,7
Томская	8687	4724	3963	54,4	45,6	2,2
Якутия	1540	1370	170	89,0	11,0	0,4
Приморский край	2087	1354	733	64,9	35,1	0,5
Хабаровский край	1793	1376	417	76,7	23,3	0,5
Амурская	1048	658	390	62,8	37,2	0,3

Приложение 4.

Выбывшие из регионов РФ в Германию в 1993-2012 гг., человек, по данным Росстата

Выбывшие в Германию	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Российская Федерация	61696	63921	72750	59598	48363	46218	47929	40443	43682	42231	36928	31876	21458	8229	6486	4916	4115	3725	3815	3781
Белгородская	97	130	114	112	127	112	166	114	178	144	175	148	130	54	50	42	31	24	14	30
Брянская	47	77	58	67	69	125	106	113	154	122	80	101	54	41	39	34	16	21	15	10
Владимирская	99	101	131	101	113	141	123	112	97	115	138	94	99	37	31	12	23	16	23	15
Воронежская	57	85	55	97	117	112	146	116	96	97	114	72	85	58	43	44	39	47	27	41
Ивановская	51	59	37	84	69	49	88	45	68	40	68	46	43	31	25	20	22	24	14	3
Калужская	86	70	138	98	176	125	120	155	127	180	132	145	95	18	31	31	26	24	19	22
Костромская	14	20	48	32	16	28	30	45	42	31	42	42	44	25	15	10	21	14	7	5
Курская	30	36	56	58	61	53	45	16	36	46	45	35	20	18	17	11	8	14	16	17
Липецкая	28	29	79	54	66	91	73	71	103	81	77	89	44	20	24	38	20	22	21	16
Московская	237	293	510	491	472	402	419	454	346	464	357	216	178	97	107	142	112	117	142	88
Орловская область	24	58	79	37	33	63	32	29	48	79	70	39	31	20	10	5	3	9	16	9
Рязанская область	33	113	91	90	65	44	54	70	112	79	93	68	68	38	14	11	13	8	27	16
Смоленская область	58	144	135	109	73	86	114	87	102	79	131	102	57	39	39	18	28	17	19	9
Тамбовская область	57	43	63	40	51	42	58	49	44	79	54	41	35	10	37	23	8	8	13	21
Тверская область	135	99	135	168	120	134	105	80	54	79	51	40	25	23	17	24	21	20	27	22
Тульская область	338	421	523	408	311	333	361	217	340	79	325	193	187	74	44	40	27	21	29	17
Ярославская область	43	42	125	105	61	94	76	78	116	79	80	76	58	25	26	12	16	10	13	19
г. Москва	981	1266	1702	1668	1678	1459	1264	896	909	79	592	378	412	257	255	269	276	366	428	337
Республика Карелия	34	78	48	71	55	81	74	60	54	50	51	65	54	32	16	19	12	22	18	10
Республика Коми	504	548	451	580	459	348	375	351	323	414	423	385	221	84	44	59	36	53	51	25
Архангельская область	88	59	119	59	83	55	37	42	45	15	20	30	42	10	22	11	20	7	8	18
Вологодская область	44	25	47	52	42	43	47	63	43	18	28	38	32	29	25	5	17	17	10	9
Калининградская об-	425	561	812	713	741	598	666	742	829	660	619	389	388	116	109	130	101	130	120	113
Ленинградская область	175	168	233	248	202	195	203	196	202	196	220	128	106	85	36	34	45	37	63	44
Мурманская область	88	93	106	127	126	89	87	105	61	66	68	113	66	34	24	8	13	11	20	14
Новгородская область	38	65	75	73	62	69	48	64	78	85	60	97	71	39	34	16	32	23	19	23
Псковская область	76	75	48	43	78	44	55	61	57	45	57	49	25	24	11	14	8	11	7	14
г. Санкт-Петербург	1253	1342	1881	3052	2510	1682	1518	929	866	759	502	450	291	107	112	132	105	119	125	177
Республика Адыгея	140	116	139	148	161	90	75	101	132	123	124	114	45	27	29	17	11	8	14	25
Республика Калмыкия	914	773	584	290	213	220	328	226	204	165	146	153	127	15	22	17	12	13	4	9
Краснодарский край	3262	2794	3258	2313	1747	1795	1703	1604	1604	1832	1423	1221	700	267	250	196	187	108	92	138

Выбывшие в Германию	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Астраханская область	66	116	78	79	92	97	89	132	133	162	68	85	75	35	21	14	17	23	26	23
Волгоградская область	4061	4056	3546	2546	2104	1809	1746	1493	1583	1395	1311	1174	690	244	173	126	102	82	75	61
Ростовская область	617	781	805	836	665	720	620	607	724	623	669	534	367	115	91	122	79	96	69	75
Республика Дагестан	3	36	19	26	35	28	14	31	28	25	27	24	11	10	13	12	20	11	2	8
Республика Ингушетия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	6
Кабардино-Балкарская	1623	1090	943	628	451	403	313	328	305	297	266	218	122	33	53	31	39	15	14	25
Карачаево-Черкесская	52	38	220	40	59	35	46	55	27	6	18	3	12	14	5	4	2	4	2	6
Республика Северная	368	315	75	319	144	130	115	107	137	53	62	71	52	34	15	20	16	5	10	8
Чеченская Республика	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	3	1	9	16	16	7
Ставропольский край	1367	1247	1500	1057	881	661	801	857	786	835	668	558	545	170	163	113	76	64	38	57
Республика Башкортостан	197	391	686	476	490	459	547	504	423	403	446	433	192	129	103	78	60	59	50	34
Республика Марий Эл	22	46	39	28	29	19	39	31	48	42	78	77	27	28	19	19	23	17	15	16
Республика Мордовия	19	11	3	6	21	11	22	22	14	3	17	35	23	11	7	8	5	8	1	8
Республика Татарстан	118	222	215	186	148	180	155	162	199	261	220	185	152	74	83	74	42	58	60	55
Удмуртская Республика	254	214	176	164	84	100	73	48	31	72	62	89	63	31	18	29	25	21	14	24
Чувашская Республика	11	11	38	17	22	28	32	49	41	55	45	46	28	28	23	20	15	17	23	18
Пермский край	939	849	936	825	707	585	555	490	466	534	400	412	224	100	96	65	62	62	53	79
Кировская область	37	26	49	39	33	34	37	45	40	38	34	60	45	26	13	13	20	13	30	33
Нижегородская область	45	69	140	115	128	129	136	168	203	133	110	144	89	82	67	45	23	28	53	53
Оренбургская область	3823	2910	3443	2421	1474	1716	1613	1287	1176	1225	1155	847	598	195	99	90	38	51	68	93
Пензенская область	48	56	74	88	88	53	79	67	86	91	50	102	67	23	24	18	11	13	17	33
Самарская область	635	703	655	664	541	471	582	616	598	583	486	480	298	146	107	66	43	64	78	68
Саратовская область	2505	2595	2198	2106	1582	1572	1543	1582	1574	1716	1272	975	813	230	227	142	95	77	119	117
Ульяновская область	130	198	285	278	311	248	335	307	235	254	300	222	122	103	45	32	44	17	20	13
Курганская область	140	96	178	147	175	107	126	169	184	193	200	114	90	30	27	16	17	7	25	12
Свердловская область	2119	2254	1893	1603	1652	1492	1611	1198	1135	1202	908	1142	625	284	192	157	143	119	123	100
Тюменская область	1059	1286	1649	1428	1023	974	1221	1038	1077	1014	864	814	509	183	159	98	72	69	67	98
Ханты-Мансийский	0						в т.ч.	в	в т.ч.	в т.ч.	в т.ч.	265	221	63	69	43	32	37	26	27
Ямало-Ненецкий авто-	0						в т.ч.	в	в т.ч.	в т.ч.	в т.ч.	64	55	29	20	5	3	5	3	6
Челябинская область	2215	3015	3138	2426	2241	2090	2217	1498	1788	1691	1655	1509	831	331	249	235	158	156	178	153
Республика Алтай	24	18	67	55	12	14	28	28	27	27	51	13	12	8	1	5	1	1	1	4
Республика Бурятия	49	23	23	48	33	5	15	35	30	28	23	15	20	9	14	4	4	2	5	6
Республика Тыва	0	0	0	0	3	13	3	0	5	1	2	10	5	-	3	2	0	2	-	2
Республика Хакасия	463	559	706	637	612	535	715	615	715	507	514	504	260	61	76	21	33	18	24	42
Алтайский край	10081	9519	11332	8254	6184	6698	7028	5838	6432	6270	4739	3672	2798	1004	746	511	331	248	260	319
Забайкальский край	62	43	101	36	7	40	27	35	54	28	25	17	23	6	5	4	5	1	7	-
Красноярский край	1210	1386	2038	1958	1646	1484	1566	1403	1735	1541	1486	1166	854	271	206	108	144	64	108	104
Иркутская	236	258	344	301	255	202	262	213	265	237	241	210	166	55	86	43	47	36	39	23

Выбывшие в Германию	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Кемеровская область	1475	2387	2421	2532	2331	1772	2010	1688	1878	2298	1666	1575	1018	371	259	186	171	147	159	106
Новосибирская область	2504	3469	4059	3253	2452	2365	2717	1931	2245	1979	2051	2022	1034	425	331	211	171	159	143	144
Омская область	12384	12690	15238	11250	8297	8892	9091	7557	8605	7845	7489	6401	4191	1347	916	577	497	416	308	297
Томская область	777	668	854	610	533	627	682	521	602	570	464	391	299	122	90	73	61	57	42	71
Республика Саха (Яку-	173	162	189	138	97	91	75	74	75	77	73	51	27	21	10	6	4	6	4	2
Камчатский край (кам-	29	12	29	30	32	38	34	68	24	20	10	14	4	6	-	6	0	3	3	5
Приморский край	54	41	91	58	180	149	112	65	123	77	67	74	43	22	19	30	31	16	15	22
Хабаровский край	94	94	207	96	58	89	77	53	105	146	86	91	76	33	35	21	28	21	14	23
Амурская область	68	61	77	68	54	53	52	77	75	93	71	74	39	5	10	1	7	12	11	9
Магаданская область	54	47	43	48	29	32	32	26	16	40	30	20	16	2	4	2	5	0	1	1
Сахалинская область	10	40	54	18	41	50	26	11	16	22	27	14	31	11	14	3	4	0	2	2
Еврейская автономная	10	30	12	72	120	102	108	75	139	107	57	31	44	6	8	8	5	3	-	-
Чукотский автономный	6	0	4	0	6	14	6	3	5	0	0	-	-	-	-	2	1	0	1	-

Приложение 5.

Выбывшие в Израиль из регионов РФ в 1993-2012 гг., человек, по данным Росстата

Выбывшие в Израиль	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Российская Федерация	12837	12088	12684	12751	12873	12778	20026	9407	4835	2764	2048	1733	1745	1408	1202	1040	894	947	977	1104
Белгородская область	46	44	25	23	68	51	83	24	37	15	16	5	26	11	7	3	3	6	4	9
Брянская область	305	408	315	261	194	311	611	260	75	44	45	40	28	19	33	19	7	13	10	22
Владимирская область	45	35	38	44	54	58	78	54	19	14	6	22	11	10	10	3	6	12	7	10
Воронежская область	128	98	131	174	220	186	209	39	38	14	24	29	14	20	4	5	10	14	8	29
Ивановская область	30	39	28	45	45	47	62	30	12	5	12	5	12	6	-	5	3	0	3	1
Калужская область	84	38	35	95	111	98	101	81	35	10	21	13	7	13	6	2	10	6	4	4
Костромская область	17	15	16	11	23	45	35	28	13	17	8	11	16	2	7	3	1	2	3	5
Курская область	30	33	56	59	66	39	67	35	18	4	17	10	18	4	17	3	2	2	8	5
Липецкая область	21	15	23	12	53	47	93	62	44	35	18	10	13	11	8	4	6	14	5	4
Московская область	389	288	279	288	297	242	249	159	75	52	38	28	43	28	26	46	25	22	38	42
Орловская область	48	32	44	38	37	14	50	31	15	5	7	11	16	11	8	1	4	2	8	7
Рязанская область	38	26	33	68	68	35	41	30	6	1	8	7	3	4	3	2	8	4	6	4
Смоленская область	71	75	118	78	113	86	118	47	17	24	6	12	6	14	13	10	11	7	6	11
Тамбовская область	21	35	20	22	43	50	33	19	21	8	3	5	2	2	5	3	5	3	2	3
Тверская область	119	39	49	110	71	69	77	30	6	6	3	1	16	3	5	2	-	6	4	1
Тульская область	57	56	78	86	76	54	91	44	32	16	12	5	8	4	14	4	14	6	7	7
Ярославская область	62	32	67	69	82	90	72	18	9	14	12	9	5	4	5	6	6	12	7	13
г. Москва	1670	1332	1139	1150	844	635	729	375	228	136	98	73	99	81	87	76	78	73	113	114
Республика Карелия	42	26	20	79	46	52	52	28	20	4	17	15	14	17	8	7	10	7	7	12
Республика Коми	56	35	12	55	64	52	81	19	15	12	6	8	5	3	9	3	6	4	1	5
Архангельская область	36	6	30	28	29	39	60	22	10	5	8	2	13	3	2	3	1	0	7	5
Ненецкий автономный	-	0	0	0	0	0	0	-	-	0	-	0	0	0	0	0		0	-	-
Вологодская область	20	27	36	5	23	18	39	25	16	7	1	1	0	7	3	4	1	3	3	1
Калининградская об-	75	75	88	149	121	188	311	202	45	35	17	19	13	10	19	7	12	13	5	8
Ленинградская область	120	93	90	94	110	158	192	94	56	43	37	17	19	23	18	10	8	11	14	16
Мурманская область	52	50	68	73	108	123	101	78	28	36	19	20	15	13	6	24	13	10	13	7
Новгородская область	19	15	47	14	33	41	53	46	9	20	10	4	8	6	8	2	4	12	2	-
Псковская область	31	31	28	28	55	59	102	32	32	22	8	11	9	13	7	1	4	2	2	3
г. Санкт-Петербург	1734	1169	1113	1018	754	645	1213	622	248	97	91	73	56	47	75	39	23	22	30	75
Республика Адыгея	20	21	11	8	27	10	14	8	11	3	1	1	11	8	0	4	2	0	-	2
Республика Калмыкия	-	0	3	0	9	0	8	3	0	1	6	8	3	2	0	0	-	0	-	-
Краснодарский край	211	250	276	270	312	334	333	230	117	83	50	40	46	43	15	7	24	8	25	8
Астраханская область	49	38	32	29	57	87	95	51	28	11	11	7	11	6	9	5	6	19	4	5
Волгоградская область	147	85	145	144	190	122	357	178	116	40	35	32	30	14	28	18	9	14	8	12

Выбывшие в Израиль	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Ростовская область	305	276	395	424	480	548	850	439	245	69	59	44	59	25	31	44	12	31	27	22
Республика Дагестан	1094	1758	1344	1094	701	431	344	215	173	84	19	35	34	21	21	15	19	13	-	-
Республика Ингушетия	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	0	-	-
Кабардино-Балкарская	726	1026	525	455	294	184	74	55	41	26	9	13	29	6	5	9	7	5	2	12
Карачаево-Черкесская	3	8	3	10	8	15	22	16	3	10	3	0	1	1	3	0	-	1	-	-
Республика Северная	87	89	83	75	89	52	33	29	14	9	5	5	8	5	6	5	-	3	-	8
Чеченская Республика	55	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	0	-	-
Ставропольский край	380	380	409	385	376	348	272	173	119	86	58	79	47	46	41	28	8	14	18	18
Республика Башкортостан	39	74	104	105	85	91	145	79	48	17	10	18	12	11	9	7	4	15	8	15
Республика Марий Эл	12	7	7	21	12	13	38	17	6	3	3	1	0	3	4	0	2	1	1	1
Республика Мордовия	6	9	5	6	10	3	15	8	2	0	1	0	2	1	0	1	2	0	1	1
Республика Татарстан	186	198	245	160	154	160	294	124	65	41	44	21	25	34	14	9	10	15	18	26
Удмуртская Республика	49	25	40	51	72	52	108	37	32	13	12	20	18	6	14	6	4	11	5	7
Чувашская Республика	6	6	4	1	13	14	15	7	3	0	5	1	9	1	4	4	8	4	33	71
Пермский край	157	112	143	75	100	149	189	89	54	21	29	40	23	17	19	24	21	13	13	15
Кировская область	17	30	10	18	34	15	29	26	22	10	2	0	3	5	4	2	2	3	4	6
Нижегородская область	268	216	222	150	181	148	194	128	72	41	38	29	41	42	32	29	11	17	13	29
Оренбургская область	105	94	86	164	169	126	312	164	59	39	68	58	37	22	19	20	22	14	15	12
Пензенская область	56	44	67	74	47	42	119	66	36	29	22	13	6	6	5	5	5	6	7	4
Самарская область	252	181	159	216	205	228	482	254	117	73	38	24	48	27	36	17	12	20	19	23
Саратовская область	316	204	216	196	206	239	372	214	194	108	93	52	63	42	12	31	18	13	19	28
Ульяновская область	37	24	24	40	49	37	97	60	27	11	8	11	10	11	16	4	8	8	13	9
Курганская область	49	15	54	49	35	56	52	37	27	14	11	0	8	12	13	5	3	4	2	4
Свердловская область	356	366	431	351	555	481	720	427	233	152	119	71	87	84	61	42	47	57	31	33
Тюменская область	65	90	106	102	111	134	261	148	72	48	35	11	18	8	17	8	6	12	18	6
Ханты-Мансийский в	0						134	67	26	22	29	5	4	3	12	2	4	3	14	1
Ямало-Ненецкий авто-	-						55	47	33	9	2	1	9	0	0	0	-	0	-	-
Челябинская область	253	286	329	343	487	445	623	372	231	112	93	79	86	93	39	62	35	35	48	29
Республика Алтай	-	0	0	6	7	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	-	-
Республика Бурятия	8	9	35	26	43	99	294	178	75	55	18	21	26	19	7	25	8	12	18	9
Республика Тыва	3	0	0	1	0	0	3	0	0	0	6	0	0	1	0	0	-	0	-	2
Республика Хакасия	11	15	4	3	0	9	38	26	10	2	3	8	3	2	1	2	-	7	2	1
Алтайский край	39	55	55	119	112	171	213	98	68	32	24	33	18	32	17	25	9	7	10	21
Забайкальский край	13	2	14	15	0	76	132	79	48	8	11	4	20	4	9	8	4	8	6	7
Красноярский край	76	87	110	110	140	154	288	159	90	79	44	22	33	19	21	17	24	7	13	20
Иркутская область	111	69	172	184	272	246	474	227	124	89	61	51	48	49	34	44	29	32	43	27
Кемеровская область	35	68	64	131	148	147	236	129	85	82	37	68	45	21	23	19	25	17	12	16
Новосибирская область	296	246	270	303	279	309	376	175	76	42	59	33	28	28	44	24	19	32	16	19
Омская область	214	166	262	186	235	334	785	509	191	60	78	68	65	60	9	26	34	41	23	26

Выбывшие в Израиль	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Томская область	93	69	75	61	78	83	82	63	36	19	14	12	18	9		2	6	7	5	17
84. Республика Саха	17	7	28	14	47	42	88	37	17	13	11	6	7	6	3	2	4	2	3	-
Камчатский край (Кам-	30	47	71	40	37	42	53	37	26	7	11	3	7	3	1	2	3	4	4	-
Приморский край	23	15	47	78	194	244	291	139	67	64	36	23	17	22	11	24	18	17	34	12
Хабаровский край	200	187	419	392	568	926	2147	593	285	161	89	99	79	69	98	56	54	71	59	48
Амурская область	5	2	4	13	46	64	140	103	22	32	19	20	5	16	4	7	4	2	13	5
Магаданская область	45	37	18	35	43	48	88	49	17	5	1	1	2	5	0	2	2	0	2	-
Сахалинская область	13	16	27	30	39	67	115	44	23	23	4	13	2	7	9	0	-	8	-	7
Еврейская автономная	933	910	1495	1812	1671	1621	2713	571	229	136	67	67	51	44	49	46	58	29	35	38
Чукотский автономный	-	2	10	0	6	0	0	3	0	0	0	2	0	1	0	0	4	0	-	-

Приложение 6.

Выбывшие в США из регионов РФ в 1992-2012 гг., человек, по данным Росстата

Выбывшие в США	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Российская Федерация	9180	10278	9036	9221	9087	6919	5912	4793	4527	3134	3199	2919	4040	3109	2108	1722	1440	1461	1422	1561
Белгородская область	23	21	31	24	29	23	34	17	18	15	19	9	17	7	7	4	9	13	8	22
Брянская область	50	73	92	77	90	127	102	101	99	33	45	28	28	20	6	14	6	7	9	7
Владимирская область	64	79	73	80	121	111	155	134	152	143	97	116	88	54	44	14	20	12	17	-
Воронежская область	81	44	65	66	112	82	45	18	18	23	26	33	27	59	29	40	22	28	31	23
Ивановская область	18	21	27	24	17	4	17	7	19	7	6	18	4	36	8	6	9	9	3	4
Калужская область	32	42	49	43	77	85	39	51	36	18	29	6	20	21	21	19	20	14	15	16
Костромская область	12	20	37	65	63	15	3	5	5	14	8	9	12	5	1	6	11	7	2	6
Курская область	30	79	40	43	48	53	26	12	17	7	22	15	8	9	11	11	7	4	2	3
Липецкая область	14	27	20	19	19	36	46	19	21	13	21	4	28	9	5	12	11	6	2	8
Московская область	435	532	472	424	422	231	212	207	128	107	73	91	85	81	72	90	70	70	87	84
Орловская область	11	19	35	31	18	28	15	17	12	4	3	16	4	7	3	6	4	2	2	1
Рязанская область	14	19	32	12	49	7	16	3	20	8	11	13	15	6	9	15	4	9	10	13
Смоленская область	50	13	35	73	55	50	37	16	54	23	24	15	23	21	10	11	11	8	5	11
Тамбовская область	13	8	5	21	15	3	12	4	11	1	13	8	10	17	5	4	7	11	5	9
Тверская область	62	145	70	146	142	116	91	87	59	41	22	23	10	13	8	12	9	7	8	13
Тульская область	35	65	49	30	41	7	32	26	49	36	22	44	27	10	7	12	7	17	7	6
Ярославская область	13	33	41	48	118	111	71	55	42	11	17	17	15	10	10	5	9	10	6	11
г. Москва	3027	3496	2618	2381	2191	1223	1037	712	605	408	385	343	345	319	40	326	288	298	382	343
Республика Карелия	10	34	24	32	41	25	3	20	21	16	23	12	19	19	9	16	13	9	4	9
Республика Коми	20	26	16	28	15	23	12	10	15	12	26	37	6	10	11	5	1	5	5	5
Архангельская область	18	10	5	10	32	12	12	26	15	30	15	5	15	7	6	9	8	3	6	3
Вологодская область	5	22	3	46	35	20	25	2	4	9	10	6	6	14	6	8	8	3	2	8
Калининградская об-	71	61	35	64	76	67	57	33	39	20	41	6	8	17	21	8	15	3	7	17
Ленинградская область	87	61	103	122	92	62	67	67	62	82	95	75	55	59	38	28	17	19	11	12
Мурманская область	35	62	37	27	40	12	27	32	47	32	22	17	16	21	11	11	6	10	6	10
Новгородская область	24	22	16	18	28	19	17	17	15	27	4	10	5	5	5	7	4	10	4	-
Псковская область	25	22	32	31	62	65	82	78	85	76	86	112	47	40	24	16	12	9	9	9
г. Санкт-Петербург	2289	2160	1854	1712	1354	764	755	430	384	249	252	204	150	94	75	64	40	67	39	63
Республика Адыгея	64	58	63	63	67	59	29	45	31	25	43	28	13	25	10	18	7	0	2	2
Республика Калмыкия	2	2	0	3	2	13	0	3	7	16	11	11	133	60	14	1	1	1	2	3
Краснодарский край	350	523	400	431	472	663	387	382	353	169	155	173	1154	656	154	61	38	44	28	35
Астраханская область	33	48	26	36	26	16	25	32	11	18	20	6	33	33	21	7	21	5	12	19
Волгоградская область	55	80	91	73	64	64	77	107	44	53	55	52	50	29	54	14	21	24	38	26
Ростовская область	257	269	255	245	262	286	178	185	134	81	97	57	259	168	86	51	27	55	24	31

Выбывшие в США	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Республика Дагестан	20	31	55	62	56	19	28	3	11	8	1	2	0	1	0	1	-	1	-	1
Республика Ингушетия	-	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	0	-	-
Кабардино-Балкарская	87	115	132	129	99	114	136	113	140	23	48	46	108	87	18	20	11	9	3	16
Карачаево-Черкесская	28	49	31	44	23	23	4	18	4	2	5	5	9	6	0	1	-	4	3	3
Республика Северная	36	46	35	16	63	21	25	17	24	15	20	11	37	17	2	3	4	3	-	4
Чеченская Республика	8	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	0	-	-
Ставропольский край	223	252	284	360	335	346	229	209	275	90	90	96	159	87	40	32	36	31	32	29
Республика Башкортостан	22	25	26	70	65	44	36	29	23	12	7	22	19	21	15	16	29	13	11	9
Республика Марий Эл	17	21	17	9	6	74	23	49	31	21	16	54	22	34	15	23	26	13	23	15
Республика Мордовия	-	14	18	6	3	12	1	2	4	2	24	1	5	2	2	2	-	0	-	2
Республика Татарстан	56	119	127	145	143	50	76	62	50	36	22	42	30	35	28	35	25	31	27	32
Удмуртская Республика	18	16	28	24	29	34	33	33	29	28	35	35	34	12	23	11	18	19	8	14
Чувашская Республика	5	4	8	8	15	4	13	11	11	9	20	22	16	11	6	11	26	23	9	20
Пермский край	16	61	56	74	81	63	69	34	49	31	28	31	19	19	19	10	6	19	15	18
Кировская область	7	27	27	92	45	54	55	44	2	56	50	78	19	39	31	25	3	5	28	29
Нижегородская область	143	171	195	177	150	76	90	108	68	46	48	35	41	40	21	26	21	24	28	34
Оренбургская область	58	56	41	60	126	89	68	56	67	17	28	27	18	14	37	8	6	3	6	6
Пензенская область	34	18	27	9	47	27	12	23	22	14	14	14	24	3	18	9	2	11	4	9
Самарская область	84	85	70	144	137	135	118	95	83	33	41	26	20	49	18	14	5	16	10	17
Саратовская область	174	65	98	95	73	54	54	53	44	28	17	17	43	20	9	14	10	15	12	29
Ульяновская область	45	9	25	35	16	17	26	29	17	7	9	5	13	21	18	11	5	4	18	-
Курганская область	3	11	16	16	11	4	15	18	11	5	9	6	2	14	9	5	3	5	2	8
Свердловская область	111	146	162	145	150	142	160	161	127	117	101	65	85	63	66	51	50	51	18	20
Тюменская область	71	14	54	65	85	58	83	31	37	31	28	17	21	18	16	16	6	15	17	13
В т.ч. Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	0	0	0	0	0	0	42	20	15	15	11	11	5	10	10	5	4	8	10	7
В т.ч. Ямало-Ненецкий автономный округ	-	0	0	0	0	0	32	8	11	9	7	4	5	2	0	2	1	1	3	-
Челябинская область	61	71	117	75	96	75	65	50	64	32	37	62	66	50	45	45	36	29	56	48
Республика Алтай	-	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	6	-	-
Республика Бурятия	-	10	1	0	0	0	0	1	2	5	1	1	4	5	4	7	1	1	2	-
Республика Тыва	-	0	1	0	0	4	1	0	0	1	0	0	0	0	5	0	-	0	1	-
Республика Хакасия	43	31	12	21	15	22	28	35	18	17	28	11	2	1	10	6	1	1	1	2
Алтайский край	14	20	15	47	43	43	22	59	20	23	21	17	15	28	23	15	14	10	16	17
Забайкальский край	3	6	0	9	0	13	2	0	6	5	0	0	0	3	2	0	-	0	4	1
Красноярский край	77	65	34	69	83	35	42	44	55	10	56	19	16	12	26	12	21	35	23	26

Выбывшие в США	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Иркутская область	41	58	40	51	86	107	34	31	48	38	42	15	16	17	18	27	23	21	13	14
Кемеровская область	65	61	102	50	110	105	90	80	135	204	243	205	214	183	142	121	101	64	27	22
Новосибирская область	130	151	201	219	167	199	134	127	125	91	79	85	35	47	31	48	42	32	32	39
Омская область	35	54	48	54	55	38	79	56	86	47	37	43	34	35	29	35	31	51	25	28
Томская область	26	14	31	14	38	17	20	15	34	20	28	22	10	16	11	12	16	15	22	17
Республика Саха Яку-	5	1	10	13	20	3	3	8	8	7	3	4	1	6	0	2	-	1	3	5
Камчатский край (Кам-	11	5	8	6	29	8	10	6	5	15	1	11	3	4	11	2	-	3	5	6
Приморский край	23	28	30	77	137	193	138	37	49	50	57	31	31	29	33	29	27	21	58	61
Хабаровский край	19	43	56	91	78	65	56	63	53	86	76	98	83	69	80	65	43	44	49	78
Амурская область	-	13	1	9	22	23	32	9	6	11	12	1	3	4	1	7	8	3	6	11
Магаданская область	18	24	13	26	26	17	40	8	21	4	12	8	6	11	7	2	9	4	2	3
Сахалинская область	3	12	16	20	16	9	14	3	12	3	6	6	12	14	14	10	7	5	3	14
Еврейская автономная область	10	5	12	37	0	0	0	3	15	7	1	4	10	1	0	2	5	1	-	4
Чукотский автономный округ	1	0	5	0	6	1	5	0	4	0	0	0	0	0	0	0	-	0	-	5

Вопросы для глубинного интервью с мигрантами по теме «Адаптация высококвалифицированных мигрантов из России во Франкфурте-на-Майне (Германия)»

1БЛОК. Персональная миграционная история мигранта

- 1.1. Страна и регион происхождения
- 1.2. Образование в стране выхода
- 1.3. Если есть, миграционный опыт жизни в других странах (какие страны и когда) Можете изобразить это графически?
- 1.4. Время переезда в Германию
- 1.5. Причины, по которым переехали в Германию
- 1.6. Почему выбрали для места жительства Германию?
- 1.7. В Германии почему именно выбрали Франкфурт?
- 1.8. Что Вы знали о Германии до переезда?
- 1.9. Владели ли Вы немецким языком до переезда в Германию
- 1.10. До переезда в Германию были ли у вас тут знакомые, родственники, друзья и т.д., в каких городах?
- 1.11. Определило наличие знакомых Ваш выбор места жительства?
- 1.12. Пожалуйста, изобразите графически историю своих переездов (на отдельном листе):
На вертикали отметьте годы переезда, по горизонтали сами переезды, их причины, название города и страны, отмечайте, если в одном месте Вы прожили больше 10-12 месяцев (как в образце)

2БЛОК. Интеграция и жизнь во Франкфурте

- 2.1. Как долго Вы живете во Франкфурте?
- 2.2. Можете описать первые впечатления от жизни в Германии, кто-нибудь вам помогал привыкнуть к жизни в Германии?
- 2.3. Если да, то кто? Поддерживаете Вы сейчас контакт с этим человеком?
- 2.4. Кто были ваши первые знакомые в Германии (не обязательно немцы), где, как и когда Вы с ними познакомились? Поддерживаете Вы сейчас с ними контакты?
- 2.6. Нравится ли Вам жить во Франкфурте? Что нравится в городе? Что не нравится?
- 2.7. Чувствуете ли Вы себя успешным человеком? Почему?
- 2.8. А чувствуете ли Вы себя счастливым человеком? Почему?
- 2.9. В какой части Франкфурта Вы живете? Почему вы выбрали это место? Давно ли вы живете в этом месте? Насколько хорошо Вы знаете ту часть Франкфурта, где живете сейчас?
- 2.10. В какой части Франкфурта живут ваши знакомые из бывшего СССР?
- 2.11. Чувствуете ли Вы себя иностранцев во Франкфурте? В чем это проявляется?
- 2.12. Делает ли город что-нибудь для интеграции иностранцев во Франкфурте? Знакомы ли вы с дискуссиями о иностранцах во Франкфурте и в Германии? Как вы к этому относитесь?
- 2.13. Насколько хорошо Вы знаете немецкий язык, помогает ли это вам интегрироваться в Германии?

2.14. Знаете ли различные сообщества, организации, магазины, клубы, рестораны и т.д. организованные выходцами из СССР, посещаете ли вы такие места? Как часто и какие именно?

3 БЛОК Социальные контакты во Франкфурте, в Германии и за ее пределами

3.1 С каким количеством людей Вы сейчас поддерживаете регулярные контакты (встречаетесь, переписываетесь, говорите по телефону, общаетесь в социальных сетях)? Можете изобразить это графически?

3.2. Есть ли среди вашего круга общения ваши соотечественники? Если да, то что кто эти люди, где и когда Вы с ними познакомились? Как происходит общение с ними? Как часто Вы общаетесь? Где они живут? Как вы оцениваете эти контакты (профессиональные, личные, дружеские, родственные и т.д.)

3.3. Знакомы ли люди из вашего круга общения друг с другом?

3.4. Изобразите свой круг общения по следующему принципу:

Поместите себя в центр круга общения, а людей, с которыми регулярно общаетесь вокруг, укажите кем они Вам приходятся (Семья, другие родственники, коллеги, члены семьи, друзья и др.).

Отметьте линиями частоту общения с каждым из вашего круга общения (три линии – очень часто, две линии – средняя частота, одна линия – редко).

Укажите около каждого из Вашего круга его гражданство и этническую принадлежность, и **характер отношений** – функциональные отношения (Ф), эмоциональные отношения (Э), совместное проведение свободного времени (СВ)

Укажите другими линиями кто из вашего круга знаком друг с другом

4 БЛОК. «Связь» с Родиной

4.1. Скучаете ли вы по Родине? Если да, то в каких ситуациях это происходит? Чего вам не хватает в Германии из того, что было на Родине?

4.2. Есть ли у вас интерес к тому, что происходит на Родине? Если да, то за какими событиями Вы следите? (политика, экономика, культурная жизнь, жизнь всей страны, или города откуда Вы приехали)

4.3. Бываете ли Вы на Родине? Как часто? Где? По каким причинам?

4.4. Чувствуете ли Вы, что живете в двух культурах? Или нет? Помогает вам это или мешает в жизни в Германии?

4.5. Используете ли Вы ваши профессиональные навыки на Родине?

4.5. Планируете ли Вы уехать из Германии? Если да, то куда? Есть ли у Вас конкретные планы на переезд в другую страну?

4.6. Хотели бы Вы вернуться жить на Родину? Куда? При каких условиях это должно произойти?

5 БЛОК. Данные о респонденте

5.1. Возраст

5.2. Пол

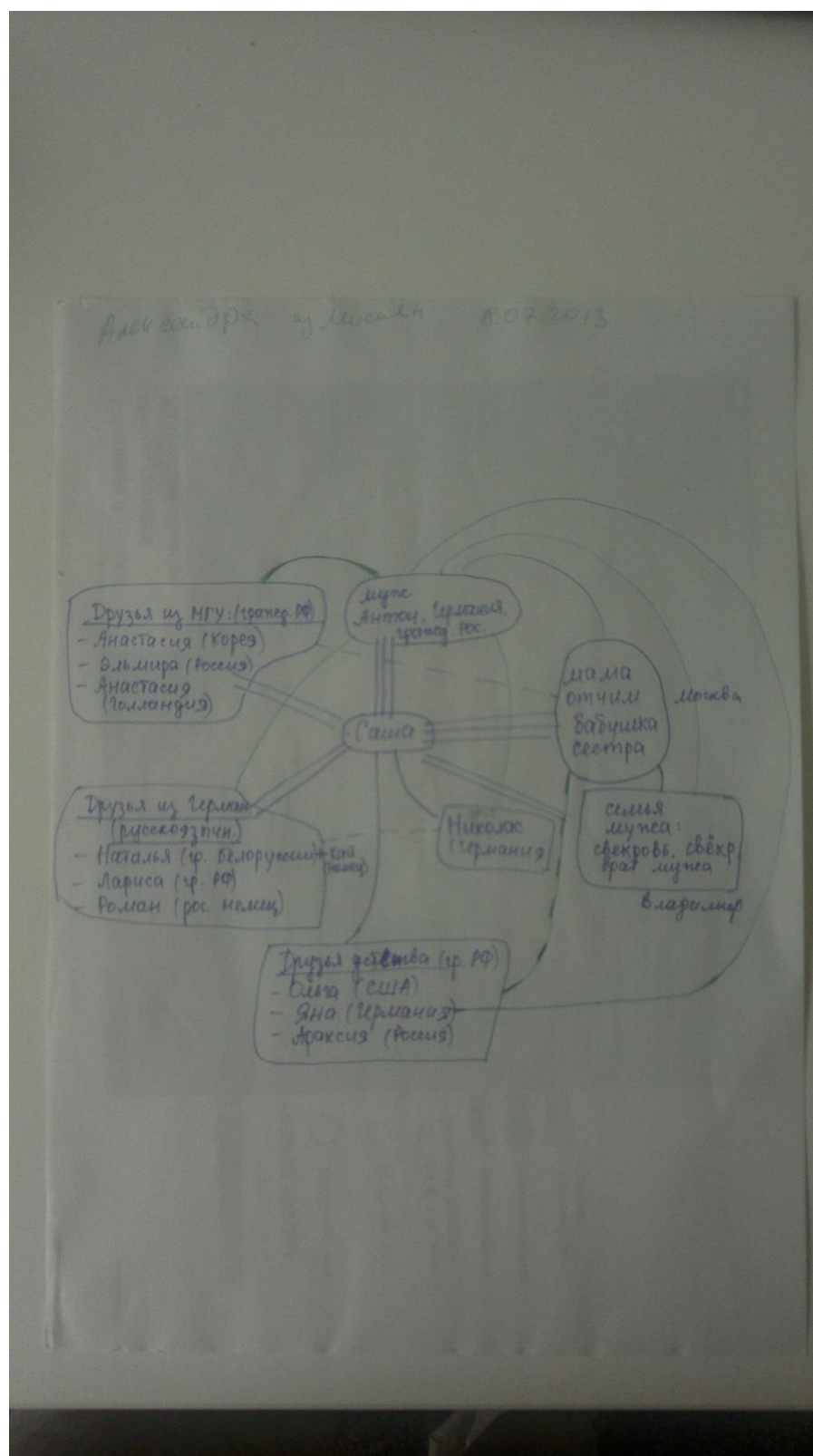
5.3. Ваше семейное положение

5.4. Укажите какое у Вас образование, профессия

5.5. Какое у Вас гражданство

5.6. как вы оцениваете уровень доходов в Германии (высокий, средний, низкий)

Пример рисунка социальных связей мигрантов в Германии

Примеры интервью, проведенных в России

Дата проведения интервью: 11.06.04.

Место проведения интервью: Ананьевка, Кулундинский район.

Респондент: женщина, немка, работает в детском саду, 1956 г. рожд. Муж – глава сельской администрации.

Р: Моя девичья фамилия Нефильд и Пецкер. Родители жили на Алтае, они не депортированы были.

И: Кем работала ваша мать?

Р: Она работала на разных работах. Отец бухгалтером работал в колхозе, ему уже 86 лет, живут в Германии. Они жили и в ныне разрушенных сёлах.

И: Когда их разрушили?

Р: В 1970-х, некоторые и раньше разрушили.

И: Сколько у вас братьев и сестёр?

Р: Нас родилось девять, а живых семь. Только я и в Омске брат живём в России.

И: Сколько ваших прямых родственников живёт в Германии?

Р: Почти все там, здесь осталась только родная тетя, больше 30-ти человек уехало.

И: Вы хотите переехать в Германию?

Р: Документы у нас готовы, у нас трое детей, двое в отдельных семьях, они не хотят переезжать. Мы не хотим переезжать, муж работает в администрации, жалко бросать работу, я в детском саду работаю. Я выросла в деревне и не мыслю городскую жизнь.

И: Вы ездили в гости к родственникам?

Р: Да, два раза. Первый раз лет 10 назад, потом года четыре года назад была.

И: Ваши родственники давно туда переехали?

Р: Первые 12 лет назад, родители там уже пять лет. Отец поехал только из-за детей, потому что он прошёл войну.

И: Вы помните как родители решали ехать в Германию?

Р: Сначала отец вообще не соглашался, он был коммунистом. Когда стали все туда переезжать, он согласился. Им было очень тяжело, но они себя настроили. Со стороны сноси все тоже собрались. На самом деле они плохо представляли куда едут.

И: Вы имели представление о Германии, когда ехали туда в гости?

Р: Очень смутное. У меня было очень большое впечатление от неё. Я сравнивала с тем, когда я приезжала в первый раз. Стало грязнее и больше слышна русская речь, многие говорят по-русски, много русских магазинов. Маме 83 года. Первое время они очень нас туда звали, но сейчас говорят, как мои дети, так и я.

И: Что им нравится в Германии?

Р: Они говорят, что физически им легче, но им много приходится сидеть дома одним, им скучно.

И: В какой земле они живут?

Р: В Падеборне, около Билефельда.

И: Когда вы ездили, кто вам оплачивал дорогу?

Р: В первый раз мы сами заплатили, это было не так дорого, второй раз я с дочерью ездила, родители полностью оплатили.

И: Помогают ли они материально?

Р: Отец считает, что всем нужно давать поровну, на рождество и на дни рождения они постоянно высылают сумму.

И: Сколько это примерно в евро?

Р: Евро-50, а в марках по 100.

И: Помогали ли они вам с одеждой?

Р: Когда приезжаем, то они отдают одежду, присылают гостинцы. Эта поддержка ощущается.

И: Много ли посылок приходит в посёлок?

Р: Присылают из красного креста.

И: Много семей уехало за 10 лет?

Р: Осталось 5-7% от бывшего населения. Сейчас в основном это киргизы и казахи.

И: Тоже немцы или русские?

Р: В основном русские, немцы тоже уехали. Русские есть и с севера, но больше с Киргизии. У нас проблема в том, что нет к нашему посёлку дороги, очень трудно учить детей.

И: Сократилась численность жителей?

Р: Да, в моём детсаде было 150 детей, сейчас 70. Больше осталось пенсионеров. В год рождается не больше 10-ти детей.

И: Отличаются ли вновь приезжие люди?

Р: Отдельные семьи старались придерживаться наших порядков. Но в домашнем кругу они праздновали и пасху и рождество.

И: Вы отмечали немецкие праздники?

Р: Пасху и другие.

И: Вы говорили на немецком в семье?

Р: Да, на плацком.. Матери мы отвечали на русском, потому что мы стеснялись, в общественном месте мы не говорили на немецком, потому что нас стыдили в школе, называли фашистами, но не массово.

И: Вы отличаетесь от тех немцев, которые живут в Германии?

Р: Да, пожилые люди очень культурно одеты, а молодёжь неопрятно одета, русские пытаются всё у них перенять. Это не понравилось.

И: Изменились ваши родственники, которые там уже долго живут?

Р: Некоторые да, придираются к русской грязи, пыли. Но некоторые очень тянутся сюда.

И: Часто ли приезжают?

Р: Много, за лето около 3-4х семей, и молодые приезжают, кто-то вообще не приезжал.

И: Почему приезжают молодые?

Р: Некоторых привозят родители, некоторые самостоятельно приезжают, вечером гуляют, не любят мух

И: Чаще прилетают или на свои машинах приезжают?

Р: Раньше на машинах больше приезжали, сейчас в основном на самолёте и больше через Новосибирск. Брат едет через Омск а оттуда поездом. На Новосибирск есть прямой рейс.

И: Есть ли у родственников проблемы с языком?

Р: Есть, но это зависит от того, кто как настроится.

И: В Ананьевке говорили ли больше на немецком на улицах?

Р: Да, это было до 63-64 годов.

И: Продолжали ли говорить в семьях не немецком?

Р: Да, между собой мы не позволяли себе говорить на немецком.

И: Кто ваши родители?

Р: Менониты. У нас не было религиозного воспитания, только в воскресенье служили службу, потому что был комсомол. Менониты более строгие, есть баптисты...

И: Уезжали ли люди по религиозным причинам?

Р: Нет, я не помню такого.

И: Вам рассказывают про местных немцев, есть ли контакты с местными немцами?

Р: Есть. Некоторые интересуются, подарки могут передать в виде какого-нибудь сувенира. Некоторые не общаются, потому что не хотят подпитывать ностальгию по России. Другим вообще легко, моя двоюродная сестра вышла там за местного немца, довольна, он сам настоял на том, что нужно съездить. Они здесь были две недели, был недоволен только пылью и мухами, помогали нам на огороде...

И: Что важно для русских, что для немцев?

Р: Мы по-другому воспитаны, у нас смысл жизни в другом, они больше живут для себя, индивидуалисты. Деньги они собирают на отпуск, мы только работаем на огороде. У нас больше патриотизма. В школе у них нет общественной работы, всё на совести родителей. У нас программа сложнее в школе. Наши не отстают по знаниям от немецких студентов...

И: Меняли ли ваши родственники место жительства в Германии после переезда?

Р: Мало кто, если были проблемы с квартирами. Сейчас все строят дома, посчитали, что это выгоднее, чем содержать квартиру.

И: Они продолжают общаться между собой?

Р: Да, никто не обособляется, все помогают друг другу на стройке за спасибо. Они собираются, делают встречи класса. Некоторые часто свадьбы на 300-400 человек.

И: Часто они звонят в Россию?

Р: Да, иногда раньше нас узнают наши новости, мать моя звонить каждую неделю.

И: Сколько в среднем звонков за неделю из Германии?

Р: 2-3. Долго разговариваем, если они звонят, по 15-20 минут разговариваем.

И: Те кто приехал из Казахстана сюда, есть ли у них родственники в Германии?

Р: Есть друзья, мало родственников, посылки им приходят.

И: Когда они переезжали им давали жильё?

Р: Нет, у нас только для учителей остались неприватизированные квартиры, они сами покупали.

И: Сколько сейчас стоит дом?

Р: 70 тысяч, это очень дорого для нас.

И: У вас центральное отопление?

Р: Центральное только в школах, а некоторых домах, в основном у всех печное, больше топим углём, в дровами у нас проблем нет, уголь возят с Кулунды.

И: Те кто приехал из Казахстана часто ездит на родину?

Р: Зависит от того, в каком месте жили и остались ли там родственники.

И: Есть такие семьи, которые переехали сюда, а потом уехали в Славгород, в другие города?

Р: Да, было несколько таких семей, которым не понравилось в Ананьевке. Было 10 семей, которые совсем немного пожили, потому что мы далеко от центра. Автобус ходит один раз в день. Магазины у нас есть, один государственный, и три частных, в них есть всё.

И: Многие живут на своём хозяйстве?

Р: Да, хотя появились в магазине пельмени и т.д. Проблема в том, что зарплату не выплачивают. Бюджетникам стали выплачивать.

И: Что вы не покупаете из своих продуктов?

Р: Картошка, капуста, лук, огурцы, помидоры, яйца, молоко. Кто не хочет держать хозяйство, тот покупает у соседа. Покупаем хлеб, хотя бюджетникам осенью дают пшеницу, мы её сдаем в столовую, они нам пекут. Крупы, сахар, соль покупаем.

И: Лучшие стала жизнь за последние годы?

Р: Что-то лучше, что-то хуже. Единственно, совхозы у нас работают на выживаемость, ГСМ дорогое, они постоянно в долгу. Тяжело учить детей, меньше стали управлять, из деревни трое учатся на высшем.

И: Вы собираетесь в Германию в ближайшее время?

Р: Да, осенью, скоро вернётся оттуда дочь (из гостей). Если мы поедem с сыном, то нас поедет шестеро, но мы не рвёмся. У дочери четверо детей.

И: Как вы думаете, смогли бы вы жить там?

Р: Я бы очень скучала, я привыкла работать с людьми, которых я знаю, мне будет сложно войти в другой коллектив. Будет сложно моим детям и мужу, потому что я уже на льготной пенсии буду. Сыну там очень понравилось, ему оплатили дорогу в итоге. Сейчас дочь тоже собралась из Новосибирска, они ей тоже помогут съездить.

И: Люди выезжают больше в Германию или по России тоже ездят?

Р: По России редко, по Германии да.

И: Хорошо люди знают Германию?

Р: Те города в которые ездят- знают, когда много родственников, мало видишь страну.

И: Люди относятся к Германии как к загранице?

Р: Нет, об этом уже не думают, как будто так и надо. Даже те кто ездят в гости. Некоторые ещё ездят на автобусе, но мы уже только летаем...(как странно летать на самолёте туда, никогда об этом не думали)

И: Сколько было лет вашей дочери, когда она туда первый раз поехала?

Р: 14 лет, она много где побывала, но она сказала, что хочет образование в России получить, пошла после девятого класса в колледж в Барнауле, учится на учителя немецкого языка. Сейчас нет хороших учителей в селе, и дети тоже другие...(рассказывает про свою дочь)

И: Она изменилась за это время?

Р: Очень, и в мировосприятии и в одежде, защищала Барнаул на олимпиаде, очень активно участвует в общественной работе.

И: Она хочет работать учителем немецкого языка?

Р: Не знаю, она ещё не определилась, любит общественную работу...

Дата проведения интервью: 8.06.2004г.

Место проведения интервью: Полевое. Немецкий национальный район, Алтайский край

Респондент: Женщина, 1980 г. рождения, преподаватель немецкого языка. Работает в школе.

Полгода ее семья прожила в Германии в 1993 г., но потом вернулись.

И. Расскажите о себе

Р: Меня зовут ..., я местная жительница посёлка Полевое, я родилась в 1980 году, мой отец родом из посёлка Углого, мать тоже немка (вольгадойче), она приехала из Устьянки. В 1979 году они поженились и всё время жили здесь. В 1993 году мы уехали в Германию, прожили там полгода и вернулись. От общества нам дали квартиру, потом мы купили свой собственный дом и там живём. Мне сейчас 23 года, у меня есть своя семья, муж русский, есть ребёнок, работаю учителем немецкого языка, закончила Славгородский педагогический колледж в 2000 году и в 2004 закончила Барнаульский педагогический университет, по специальности филология и учитель немецкого языка. Мы углубленно изучаем язык, потому что немцев здесь почти не осталось. Я писала дипломную работу по менонитам. В нашем селе из 1444 человек, 244 немцев, всего 3 семьи, которые полностью говорят по-немецки (включая нашу семью). Ещё есть несколько смешанных семей, где дети уже не говорят по-немецки.

И: Вы сравнивали с 90ми годами?

Р: В 80-х русских семей было столько же сколько немецких сейчас.

И: Это из-за того, что все в Германию уехали?

Р: Да.

И: Численность населения изменилась?

Р: Было около 1500 человек, немецкие семьи всегда были очень большие, население села доходило до 2000 человек.

И: Сейчас приезжают другие русские немцы, из Казахстана?

Р: Да, и оттуда. Из Казахстана и Киргизии едут как на перевалочный пункт. Считается, что отсюда намного легче уехать, чем из Казахстана.

И: Почему?

Р: Не знаю. Люди едут некоторые и от притеснений (вот мой брат). В смешанных семьях дети носят уже только немецкую фамилию. Родители уже не все говорят.

И: Многие интересуются историей российских немцев?

Р: У нас больше никто, в Барнауле мне предложили пойти аспирантуру, там я узнала об обществе менонитов, где изучают диалект и т.д. и меня это заинтересовало.

И: Диалект это платдойч ?

Р: Да.

И: Он сильно отличается от хохдойч?

Р: Да, синтаксис не отличается. Есть грамматические признаки, которые есть только в немецком языке. Например форма «проперитум» есть в оба дойч, в мидедойч уже не найдёшь, эти формы не сохранились. Во многом отличается произношение. Как такового пладойч в Германии уже нет, в современном пладойч очень много заимствований из немецкого..

И: Когда вы были ребёнком, вы знали, что родители менониты?

Р: Папа очень был привязан к этому. Нас воспитывали так, что мы немцы, что мы должны знать и говорить на своём языке. Менониты тем и отличаются, что очень трепетно относятся к своему языку. Я помню, что когда мы пошли в садик нас уже переучивали на русский. Мы дома стараемся говорить на диалекте, но всё равно больше уже говорим на русском.

И: Вы себя считаете немкой?

Р: Конечно да. Это для меня гордость.

И: Родители вспоминают как у них это было?

Р: Папа очень гордится этим.

И: Многие так относятся?

Р: Сам немцы относятся к тому, что они немцы очень гордо.

И: Почему в Германии родители не остались?

Р: Мы очень скучали, не могли найти работу, жили на социале. Мы с братом сказали, что мы хотим домой в Россию и мы уехали. Родители потом спрашивали, не жалеете ли мы, что они нас не увезли. В общем, нет. Я училась там в гимназии при монастыре, это был интернат, мне там очень нравилось.

И: Почему вы хотели вернуться в Россию?

Р: Мы очень скучали, у нас был квартал российских немцев, там все говорили по-русски. Родителя было сложно и нам хотелось домой.

И: После этого вы ездили в Германию?

Р: Папа ездил 2 раза, там все его родственники, мы здесь остались одни. Первый раз хоронил бабушку, второй раз гнал машину оттуда. Мама один раз была в гостях.

И: Вы помните, что вам больше всего понравилась в Германии?

Р: Помню, мне было 13 лет. На мой день рождения ездили на плантацию клубники, как попали в аварию, помню детей из школы.

И: Как к вам относились одноклассники?

Р: Помню, что у нас родительское собрание проходило в пиццерии и учитель сказал, что я сплотила класс. Была девочка из Польши, очень интересно общались, уроки физкультуры помню.

И: Вы хотите ещё раз попробовать туда переехать?

Р: Нет, у меня муж не поедет, он русский. Так же как я немка, он говорит, что я русский. Он предлагает мне переехать в Барнаул, а мне страшно, я очень люблю наше село, здесь всё родное. В аспирантуру тоже не хочу.

Я ещё руководитель музея. Представлен быт немцев-переселенцев, орудий труда, истории колхоза и т.д. Я хочу нарисовать стенды о переселении с 15-16 веков, чтобы дети знали откуда это всё пошло. Про образование немецкого района.

И: Для Германии важно знать историю российских немцев?

Р: Для нас это важнее, для российских немцев.

И: Отличаются российские немцы от настоящих?

Р: Да.

И: Чем?

Р: Мы другие, у нас совсем другой менталитет, мы здесь в Сибири более закаленные, потому что настоящие немцы никогда не испытывали столько нужд и преград, сколько наши переселенцы. Они приехали в голую степь и создали на пустом месте красивое село. Помню белые заборы весной, не было никакого криминала внутри села, дрались между сёлами.

И: Почему стали уезжать?

Р: Потому что здесь всё равно было тяжело.

Дата проведения интервью: 9.06.2004.

Место проведения интервью: г. Кулунда, Алтайский край

Респонденты: семья российского немца. Муж немец, жена русская. 40 лет обоим.

5 лет прожили в Германии и вернулись, сейчас не работают.

Р: Мы жили в деревне до отъезда в Германию в небольшом селе. Работали в сельском хозяйстве, в 1995 году уехали в Германию с семьёй, 26 человек со всеми родственниками. У нас два брата и две сестры, одна сестра на севере живёт, она не уезжала. Когда приехали в Германию, нам там понравилось. Попали в первый лагерь в Бранши, потом нас перекинули в ГДР, в Гелинштайн, 3 км от Чехословакии, это был уже второй лагерь. Там условия не сравнимы с бывшим ФРГ. Прожили в ГДР два года, потом сестра нам пригласила нас в Кассель, центр Германии. Основной причиной, того что мы вернулись явилось состояние здоровья. Я болею и здесь, но там постоянно повышенное давление. Работу мне нашли, я три месяца проработал. От работы меня поэтому отстраняли из-за давления, а потом и сократили... Решались мы долго на переезд, но всё же решились. Остались у нас там две взрослые дочери, они уже замужем, есть один внук, скоро второй будет, а двоих детей с собой привезли. Одна учится в Славгородском педколледже, а сын учится в пятом классе, посещает немецкий центр. По-немецки говорит хорошо, в Германии закончил четыре класса. Мы в 1995 уехали, а в 2000 г. вернулись.

И: Какие у вас были самые первые впечатления о Германии, что понравилось, что нет?

Р: Понравилось то, что было чисто, но сейчас уже и ФРГ стало грязнее, в магазинах было всё, дороги прекрасные, зелени много... 20-30% немецких немцев недовольны нашими переселениями, на работе было предвзятое отношение, неприятные ситуации, но большая часть людей хорошо относятся. Языковой барьер тяжело преодолевать, это мешает в работе.

В фирме корой я работал практически все немцы, были и поляки.

И: Появились ли у вас друзья за это время?

Р: Да. Но я недолго работал...

И: А вы с ними встречались в свободное время?

Р: Нет. В основном это было общение по работе. В гости не приглашали, потому что не владели языком в совершенстве.

И: Когда вы приехали в Германию, вы хорошо разговаривали, понимали язык?

Р: Понимали на том уровне как говорили раньше по-своему дома мать и отец. Понять можно всё, но когда мы в лагерь приехали ... знала язык, но не всё понимала, переспрашивала. Здесь конечно полегче язык. Есть проблемы, когда нет работы ходить в социал арбайдсамт, надо выпрашивать, очень быстро некоторые разговаривают.

И: Вы ходили на языковые курсы?

Р: В ГДР ходили, очень хорошая преподаватель была.

И: Когда вы туда переехали, сколько вам тогда лет было?

Р: 33 года., и жене примерно тоже.

И: Если бы не здоровье, вы бы вернулись?

Р: Нет. Зачем бы мы детей оставляли, семьи. Здесь тоже не очень хорошо, постоянной работы нет, редкие заработки. С работой сложно.

И: Кем вы работали здесь до отъезда?

Р: Я работал заведующим клубом, и киномехаником, и скотником на сене.

И: Когда вы ехали в Германию вы понимали, что работу по специальности найти будет сложно?

Р: Да, мы знали, надеялись на чёрную работу.

И: Вы не пытались там учиться, может получить какую-либо профессию.

Р: Нам учёбу не предлагали и возраст не тот, а если бы и взяли, то нужно было бы знать язык. Конечно это и наша проблема.

И: Где для вас дом?

Р: Конечно здесь, все очень скучают. В городах люди конечно быстрее адаптируются.

И: Почему?

Р: Не знаю, может они привыкли, что живут в квартире, а люди из сельской местности привыкли к огороду, к хозяйству. Пожилым тяжелее, мать у меня там уже пожилая, у меня там ещё два брата и сестра, все мы в 1997 году переехали.

И: Как вы проводили там свободное время?

Р: Как и в России. Если какие-то аттракционы приезжали, масленицу устраивали, то посещали. А так по выходным собирались у родных, отмечали российские праздники, не забывали.

И: Вы с родными часто встречались?

Р: Да, часто. С братом мы жили вообще в одном доме, с ним каждый день встречались....Сестра которая в Касселе сразу нашла работу, уже 6 лет работает, с ними пореже встречались, потому что она на работе была.

И: У вас оба родители немцы?

Р: Да.

И: Когда вы были ребёнком, в семье на каком языке разговаривали?

Р: Практически всегда на русском, потому что у отца мать была полячка, она не понимала по-немецки, а мать моей мамы была немка. И после свадьбы они уже говорили по-русски.

И: Вы с родителями уже тоже по-русски разговаривали?

Р: Да, больше по-русски.

И: У родителей всё же остался язык, сохранился?

Р: Да, отец во время войны был в Германии, около 4-х лет. Он там учился в школе, а потом их вернули назад.

И: Их потом сослали сюда, или они сами уже переедали?

Р: Их сослали в Удмуртию, на лесоповал после войны. А потом они уже свободно приехали. Сестра бабушки жила в Кулундинском районе, а мать была сослана в Саратовскую область, на Волгу, там она немного выучила русский, сейчас уже нормально общается.

И: Вы себя считаете немцем или русским?

Р: Больше русским.

И: Были ситуации, когда вы считали себя больше либо немцем, либо русским, может быть сравнивали себя?

Р: Больше русским всегда себя считал, потому что мы жили большую часть времени среди русских и все знали раньше где живут русские и не разрешали говорить по-немецки...

И: То есть это зависит от среды?

Р: Да.

И: Как вы считаете ваши дети русские или немцы?

Р: Кто в России, те русские, кто в Германии, те немцы.

И: Кто остался в Германии, они там хорошо устроились?

Р: Неплохо, обе дочери имеют квартиры. Тяжело конечно, проблемы есть. Старшая дочь сейчас в декретном отпуске, сыну одному уже год. Зарплата маленькая, пошла подрабатывать. Младшая собирается в декрет тоже, она учится в бюро (?), уже два года. Работа хорошая, но студенты ей платят 265 евро, это мало. Надо ещё проездной купить, за телефон и свет заплатить, остаётся мало. Это хорошая работа, но на ней трудно остаться.

И: А мужья у них немцы?

Р: Нет, беженцы из Казахстана. У старшей дочери зять работает (красит металл на заводе), у младшей пока нет.

И: Ваши дочери там с ними познакомились?

Р: Да, и там замуж вышли.

И: Как и где они с ними познакомились?

Р: Младшая дочь в Касселе на русской дискотеке. А старшая дочь в лагере, ей было 15 лет.

И: Много ли молодёжи ходит на эти дискотеки?

Р: Очень много.

И: А на немецкие не ходят дискотеки?

Р: Очень редко. Вообще они прекрасно понимают по-немецки, но всё равно в машинах у русских немцев играют русские песни, и общаются они на русском друг с другом и детей своих учат русскому.

И: Когда вы жили в Германии, вы часто приезжали в Россию?

Р: Нет, не часто, нужно было сидеть на социале, это сложно.

И: Когда вы уезжали из России оставались ли какие-либо родственники в России?

Р: Со стороны жены оставались все родственники.

И: Вы часто им звонили или письма писали из Германии?

Р: Звонили редко, потому что дорого, сейчас стало немного дешевле. В основном письма писали, и сейчас дети пишут письма, но где-то раз в неделю звонят.

И: Когда вы жили в Германии, вы скучали по России? Может чего-то не хватало?

Р: Скучали конечно, хотелось своих деревенских продуктов. Готовили по своему вкусу.

И: Ходили ли в русские магазины?

Р: Редко, потому что для социальщиков это дорого. Но норм ещё не было.

И: Сохранилось ли у вас российские меню?

Р: Да, их еда нам не нравилась. В китайские рестораны иногда ходили с дочерьми. Цены очень высокие.

И: Получается, что очень сложно прожить с двумя детьми на социале?

Р: Да, мы очень многое не могли себе позволить из еды и одежды, даже для детей.

И: Вы встречались с тем что российских немцев часто русаками называют?

Р: Да, даже в автобусе.

И: Как вы думаете, почему так происходит?

Р: Некоторые немцы против того, чтобы русские немцы здесь работали, говорят, что мы забираем их хлеб, что мы не нужны здесь. Может быть, с одной стороны они и правы, много они берут людей. Приезжие получают больше денег, поэтому им обидно (*говорит, что так же было когда к ним в деревню приезжали чеченцы, которым тоже больше платили*). Правда русским сейчас там не платят пенсию.

И: Вы ездили куда-нибудь кроме Германии?

Р: В Польшу на автобусе проезжали, в Чехословакии были. Больше никуда не ездили.

И: Дети ваши сейчас ездят по Германии?

Р: По Германии да, к друг другу ездят.

И: Может быть куда-то ещё?

Р: Когда одна дочь ещё училась в школе, она ездили во Францию, Голландии. Путёвку им оплатил социал. Некоторые местные были недовольны, потому что им приходилось платить самим, а мы на социале. Дети в своё время много посмотрели, когда были в школе за счёт социала.

И: Хотели ли младшие дети, которые вернулись, возвращаться?

Р: Они ещё маленькие были, они ещё этого не поняли. Они уже и здесь привыкли. В гости конечно едут с желанием.

И: Вы бы хотели, чтобы ваша младшая дочь тоже уехала?

Р: Не хотелось бы оставаться совсем одним. Тем более не так просто переехать, адаптироваться.

И: Этой зимой вы ездили на автобусе?

Р: Да. От Москвы двое суток.

И: Когда вы там жили, вы читали русские газеты?

Р: Нет, не выписывали. Русские газеты очень дорого стоят.

И: Кроме рекламных газет, вы может быть у знакомых читали или видели специальные русские газеты?

Р: Бывало что брали.

И: Было ли в Германии русское телевидение?

Р: Нет.

И: Есть ли оно у ваших дочерей?

Р: Нет. Оно им и не нужно.

И: Интересуются ли они что происходит в России.

Р: Да, но только не политические новости, а местные. Общие обстоятельства о России они знают.

И: Как вы думаете вы и ваши дочери изменились, пока жили в Германии?

Р: Нет.

И: Может новые привычки появились?

Р: Экономия (смеётся).

И: Когда вы ехали в Германию, вы представляли себе типичного немца, какие у него должны быть черты характера?

Р: Думали люди как люди, обыкновенные. Ничего сильно не удивило.

И: А здесь сильно изменилась жизнь за пять лет, когда вы уехали?

Р: Стало лучше, зарплата и пенсия увеличилась. Торговля расширяется и так далее. Проблема одна – деньги. Дороги вроде ремонтируют. Изменения в лучшую сторону конечно.

И: Многие ли из ваших знакомых уехали в Германию?

Р: С тех пор как мы вернулись, немного. С моей стороны одновременно уехало много родственников, около 90 человек, осталось человек 30.

И: Приезжают ли из Казахстана сюда немцы? Вы с этим сталкивались?

Р: Нет, не встречали.

И: А в Германии?

Р: Да.

И: Они отличаются как либо от российских немцев?

Р: Не знаю, когда мы жили в лагерях, было много с Казахстана людей, они такие же.

И: Они рассказывали почему они уезжали из Казахстана?

Р: В Казахстане было хуже. Говорили, что у них нет света, в деревнях нет магазинов, с продуктами проблема. У нас на время отъезда всё было хорошо, свет был, продукты.

И: Когда вы жили в этом посёлке, там не только немцы жили, он смешанный был, да?

Р: Немцев было около 30%, в основном там жили русские, сейчас ещё там есть немцы, но многие выехали.

И: Сталкивались ли вы с тем, что вас обзывали здесь из-за того, что вы немец?

Р: Да, было, потому что мы до трёх классов учились в деревне, потом здесь учились, в Победе. При переходе было такое что одноклассники называли немцами, фашистами. ОТ взрослых я такого никогда не слышал. В деревне никогда никто друг друга никто не оскорблял.

И: Вы говорили своим детям, что они немцы?

Р: Нет, такого не было.

И: Немецкий язык им не родной?

Р: Да, мама у них уже не немка.

И: Родители ваши хотели, чтобы ваша жена обязательно была немкой?

Р: Нет. На шестерых детей один зять немец, остальные русские.

И: Кем работали ваши родители?

Р: Отец -скотником, мать –дойркой в колхозе. Практически все дети пошли по их стопам. Одна только сестра работала в торговле, одна в столовой.

И: Когда вы встречали человека на улице в Германии, вы сразу понимали, из России он или нет.

Р: Да, можно отличить. Бабушек- по одежде, молодёжь наша и в целом народ одевается более опрятно. Наше поколение привезли с собой сапоги войлочные, платки шерстяные. Многим не позволяет одеться пенсия.

И: Если не по одежде, то ещё как-нибудь заметно?

Р: Да, почему-то отличаются наши люди. В Германии многие немки курят, но наши замужние женщины редко курят.

И: Отличаются ли способ проведения свободного времени у немцев и русских?

Р: Немцы идут в кафе или бар, если у них есть свободное время и деньги. Русские, кроме молодёжи, не ходят, дорого. Если идёт, то стараются идти в русский ресторан. В Касселе такой был. *(говорит, что для них один раз сходить в ресторан это была половина социала)*.

И: Были ли такие немцы, которые тоже тяжело материально живут?

Р: Дети рассказывали в школе, что да. Одна девочка рассказывала, что её отец зарабатывает 600 марок, это очень мало. *(рассказывает, что немцы жалуются, на то что не поднимают пенсию, что у них уже нет возможности ездить на отдых)*

И: Какие привычки местных немцев вы могли бы назвать?

Р: Для них важна путёвка в Райзе, они копят на неё весь год, весь год они экономят. Они очень любят путешествовать, не сидеть дома.

И: Что важно для русских, чем они интересуются? Что важно для вас?

Р: Для нас как социальщиков было важно семью прокормить. Ходили гулять в сквер, на поезде ездили к родственникам, потому что тогда за 5 человек платили 30 марок, это было дешево. Когда ещё жили в Кайне, тоже ездили отдыхать за счёт социала, они стараются людям помочь.

И: Когда вы жили в Германии, вы сталкивались с социальными работниками-немцами?

Р: Кто то более по-доброму относится, кто-то нет. Женщина, которая нас вела, мы с ней обменивались письмами, даже не встречались с ней. К нам было грубое отношение. Возможно чем больше она экономит, тем больше получает или хвалят её наверное. У брата был лучше мужчина, он им всё объяснял.

И: Были ли трудные времена, полегче за эти пять лет?

Р: Конечно. Было трудно переехать из ГДР в Кассель и устроиться там, опять получить социал. Потом когда обустроились, стало легче.

И: Как было в лагере, когда вы приехали?

Р: Нормально, нас расселили в две комнаты. Во втором лагере стояли ещё солдатские койки, российские, шифонеры. В третьем условия были сложные – 200 человек и 4 душевых кабины.

И: Сколько вы прожили в этих лагерях в общей сложности?

Р: Один год и семь месяцев. В последнем дольше всего. В первом и во втором мы были месяц. Там только из России были люди.

И: Вы встречались с беженцами?

Р: Нет, они жили отдельно.

И: Когда вы жили в лагере, собирались ли вы семьями, с людьми с Алтая? Может был какой-либо клуб?

Р: Там все были вместе. Ежедневно собирались и общались. Там был зал, телевизор. Все друг друга знали. Разговаривали все по-русски.

И: Пока вы жили в Германии, вы поддерживали связь с теми людьми, с которыми были в лагере?

Р: Да, с одним-двумя поддерживали, звонили. Встречались только с одними, потому что везде надо ехать, поэтому не часто.

И: Посещали ли вы регулярные встречи русских немцев?

Р: Нет, у нас не было такого. Хотя такое есть, особенно в Каундинском районе. В наше время эти встречи не были развиты. Они начинали развиваться 3-4 года назад. *(рассказывает про собрания русских)*.

И: Вы бы посещали такие мероприятия, если бы они были?

Р: Да, конечно, если цены были бы доступные. Интересно пообщаться с людьми, узнать кто чем занимается.

И: Вы хотели бы часто ездить в гости?

Р: Часто не получается, потому что детям с нами тоже некогда сидеть, и конечно же это определённые финансы.

И: Могут ли ваши дети сейчас вам помогать материально?

Р: Если они хотят нам помочь, то им приходится искать дополнительную работу. Они лишь иногда нам делают подарки, присылают деньги.

И: Но все-таки они помогают?

Р: Да, но немного. Одна дочь пошла на вечернюю работу, чтобы оплатить маме проезд.

И: Если поедите, то надолго?

Р: На месяц, полтора.

И: Когда вы уезжали из России, вы продавали жильё?

Р: Долго не продавали, сдавали. Сейчас не стали в деревне покупать, потому что детям нужно учиться, посещать секции немецкого центра, летний лагерь. *(говорит о немецкой помощи).*

И: Вы с своей квартире в Кулунде живёте?

Р: У нас сейчас свой особняк, потому что мы свой дом продали, а деньги оставили в России и на них и купили.

И: То есть вы думали возвращаться?

Р: Думали из первого лагеря возвращаться всей семьёй. Вернулись всё же из-за климата. *(говорит о том, что семью пришлось разорвать).*

И: Где лучше жить лично вам? Где больше нравится?

Р: И там хорошо, и здесь. Там легче материально, но морально сложнее. Здесь наоборот, знаем язык.

И: Что бы вы посоветовали людям, которые собираются ехать в Германию, чтобы было легче первое время?

Р: Надо знать язык, и настраиваться на то, что с работой там очень тяжело. Потому что в основном эти люди попадают на чёрные работы. Стало тяжелее жить ещё с приходом евро.

И: У вас была там машина?

Р: Нет. Мы жили в городе, мы не могли её купить, надо было сначала делать права, а это очень дорого.

И: Спасибо.

Дата проведения интервью: 9.06.04.

Место проведения интервью: Табуны, Табунский район, Алтайский край

Респондент: Женщина 33 года, переселенка из Казахстана, разведена 2 детей, немка

И: Расскажите о себе. Откуда вы приехали, где родились и т.д.?

Р: Мы приехали с Казахстана в 1997 году. Там было очень тяжело, не было работы и проблемы с жильём. У меня была хорошая работа в гимназии, но нас сократили. Мой брат узнал, что на Алтае выдают квартиры немцам. Мы решились на переезд, потому что нужно было где-то работать и жить. Около полугода мы снимали квартиру, я обратилась в Гальбштадт и затем нам выдали квартиру. До этого мне уже предложили работу, работала хореографом на полставки. Потом перешла на постоянную работу в дом культуры, сейчас я работаю заведующей сектором по работе с детьми.

И: Сколько вам было лет, когда вы уехали из Казахстана?

Р: 26 лет.

И: У вас специальное образование или высшее?

Р: Среднее специальное. Я закончила театральный. Два года танцевала в ансамбле.

И: В какой области вы жили в Казахстане?

Р: В Алматинской области, в селе. Я работала в райцентре.

И: У вас оба родителя российские немцы?

Р: Нет, у меня только отец немец, депортированный. Все родственники у него в Германии. Документы его были утеряны, когда их переселяли в Донбасс. Имя переделали его. Он остался в Казахстане. Ездил в гости в Германию, но уже слишком привык в Казахстане. Мы все собирались в Германию, все документы были собраны, единственно проблема была с отцом – документы утеряны.

И: Он говорит по-немецки?

Р: Да, немецких немцев он не очень хорошо понимают.

И: Родители друг с другом говорили на немецком или на русском?

Р: Когда приходили гости, то на немецком. Между собой - на русском и даже не украинском.

И: Вы с ними уже на русском говорили?

Р: Для меня родной русский. Когда родственники отца уехали в Германию, то стало не с кем общаться.

И: Кем работает ваш отец?

Р: Всю жизнь он работал механизатором, комбайнёром. Мама - дояркой, счётоводом, зав-складом, потом по болезни ушла раньше на пенсию.

И: Вы себя считаете немкой или русской?

Р: Не знаю. Всегда считала немкой, у нас считали, что если ты не казах, то ты русский, меня так и написали русской, я исправила.

И: В школе, в которой вы учились и в селе было много немцев?

Р: Да, сначала было очень много немцев, потом начали уезжать. Из фамилии ... осталась только наша семья.

И: Сколько человек уехало?

Р: Около 10-ти человек, семь наших семей.

И: В школе какие друзья были: русские, немцы?

Р: Раньше таких распрей не было, не было разницы. Были хорошие подруги казашки и немцы. Всё началось после распада союза.

И: Вы ездили в Казахстан с тех пор?

Р: Да, в прошлом году, всё привозное, нет магазинов, упадок, хлеб пекут сами.

И: Вы ездили в Германию к родственникам?

Р: Нет, отец ездил. Проблемы с финансами, иногда мои дяди высылали посылки, деньги. Отношения у нас родственниками не очень хорошие.

И: Часто ли они вам звонят?

Р: Редко, я сама звоню. Тётю знаю по переписке, по фотографиям.

И: У вас была возможность уехать?

Р: Нужно что бы помогли родственники, я на них не надеюсь.

И: Ваш муж русский или немец?

Р: Муж у меня был русский, мы развелись. Я живу одна с двумя детьми. Старшему 8 лет, дочери 4 года.

И: Когда вы выходили за муж, было ли важно для ваших родителей, чтобы муж был обязательно немец?

Р: Нет, для родителей не была важна нация.

И: Были ли у вас с мужем разногласия на национальной почве?

Р: Нет.

И: Вы детям говорите, что дедушка немец?

Р: Дочери пока нет, а сыну говорила несколько слов на немецком.

И: Вы на немецком говорите?

Р: Очень мало. Когда родители между собой общались, я ещё к ним прислушивалась, но после того как все разъехались, стало тяжело сохранять язык, вокруг все говорили на русском и казахском. Много забывалось. Я больше понимаю, чем говорю.

И: Вы хотите приобщить сына к немецкой культуре?

Р: Я бы хотела, если у него появится желание. Я себя считаю немкой.

И: Есть какая-то разница между русскими и немцами?

Р: Люди все одинаковы, хотя говорим немного на разных языках.

И: Чем жизнь в Германии отличается от жизни в России?

Р: Наши родственники рассказывали что там лучше, потому что всё дешевле, за всё платят, дети в школу ходят. Труднее с работой, труднее на неё попасть, рано вставать надо. Хотя если ты работаешь, то тебе платят.

И: С кем они больше общаются друг с другом или с немцами?

Р: Больше с русскими немцами, друг с другом.

И: Они рассказывают что-нибудь про русских немцев?

Р: Одной женщине предложили поработать уборщицей, у неё были трудности с языком и местный немец помог ей.

И: Вы видели какие-нибудь кассеты, фильмы из Германии?

Р: Наши родственники передавали кассеты, снимали свой дом, обстановку.

И: Вам понравилось?

Р: Да, не сравнить с нашей жизнью

И: Скучают ли они?

Р: Может быть да. Сначала очень сильно скучали, писали письма, теперь их уже ничем сюда не вернёшь.

И: Почему?

Р: Возможно они привыкли и там, может здесь всё так изменилось, что уже не хотят ехать обратно.

И: Отличается жизнь в Казахстане от жизни здесь?

Р: Да, конечно, потому что у меня здесь есть работа, дом, соседи, мне есть куда обратиться, все организации работают, там ничего не работает, везде нужно платить большие деньги. Сестра моя отговорила от возвращения туда. Там родители еле на пенсию выживают.

И: Вы здесь уже привыкли?

Р: Да, для меня здесь дом, мне сложно переезжать на новые места.

И: Если бы сказали, что в Германии будет лучше, чем здесь, вы бы поехали?

Р: Не знаю, наверное нет, потому что я бы там не смогла жить. Я уже привыкла здесь. Если бы здесь была совсем плохо, как в Казахстане, может и поехала бы ради детей.

И: Какие качества вы бы хотели видеть в своих детях?

Р: Доброта, взаимопонимание, взаимовыручка, любовь.

И: Что для вас важно в жизни (не более пяти)?

Р: В первую очередь – честность (правда), справедливость, уважение, доброта, благородство. В наше время без денег не проживёшь, но это не главное. Когда мы сюда переехали, у нас нечего было кушать в доме, нашлись добрые люди, которые помогли, поэтому очень важна доброта.

И: Те кто приезжают из Казахстана, отличаются от местных или нет?

Р: Не знаю, их много из Казахстана, но они не сильно отличаются, они добрые душой.

И: С кем вы больше общаетесь, что это за люди?

Р: Коллеги по работе, соседи, бабушки. Подруга татарка, русская. Общаемся со всеми.

И: Вы могли бы назвать черты характера, свойственные немцу?

Р: Немцы добрые, гостеприимные, понимающие. У меня нет много знакомых немцев.

И: Как вы проводили свободное время в Казахстане?

Р: Я ещё училась в школе, потом в училище. Вечером можно только на дискотеку сходить после работы. Я любила дома сидеть, вязать, шить. Когда работала в гимназии, после работы разучивала движения.

И: Где вы познакомились с мужем?

Р: В пекарне, я пошла за хлебом на бывший сырзавод, у нас в посёлке уже хлеб не продавался (1995г.). Вечером пошла к подруге, это был посёлок, в котором родители живут, он уже меня там поджидал, так и познакомились.

И: Вы переезжали уже вместе?

Р: Да, но перетянула его сюда я...Трудно переезжали, сначала было только 100 руб., люди тоже помогли....

И: Где до Петербурга жила ваша сестра?

Р: Жили под Курганом в Казахстане, их сократили с заводов. Они очень много ездили в поисках работе, не могли ничего найти ни в селе, ни в городе. Потом им дали адрес и через год им пришёл вызов в Петродворец, сестра мне помогает. Они очень довольны, что переехали. В Казахстане остался ещё брат. Самая старшая сестра с 1956, брат с 1960 года. Отец с 1932 г., мать с 1936г. У отца самая старшая сестра тоже в Германии, сводный брат и мой родной живут рядом в Казахстане. Племянник старшего брата тоже здесь живёт.

И: Здесь всё таки лучше?

Р: Да, раньше в Казахстане была работа, можно было жить. Я туда приезжаю только к родителям, молодёжь и все немцы выехали.

И: Здесь больше немцев, чем там?

Р: Да, оттуда все немцы уехали и даже чеченцы.

Примеры интервью проведенных в Германии

Время проведения интервью: 15.05.2002

Место проведения: Эрланген, Бавария

Респондент: мужчина, 1973 г. рождения, в Германию переехал в 1993 г. Студент института славистики Университета Эрлангена, работает на почте, женат, жена -российская немка, маленький ребенок.

И: В каком году ты приехал в Германию?

Р.: - 1993 году.

И: До того как ты переехал в Германию, ты где жил?

Р. Ну вообще-то постоянным моим местом жительства являлся Казахстан, я учился какое-то время в Москве. Какое-то время жил в Москве - учился там. Вообще-то перевелся. Вновь к себе в свой город и там продолжал учебу.

И: То есть где?

Р. Целиноград. Город сейчас называется - Астана - столица суверенной республики Казахстан.

И. Ты родился там в Казахстане?

Р. Да я в Целинограде родился.

И: В городе самом?

Р. Да, в самом городе.

И. А родители?

Р: Мама родилась в Целинограде, а отец в Кустанайской области.

И. Они оба у тебя российские немцы?

Р. Да, оба.

И. Вы говорили, когда ты маленький был в семье на немецком?

Р. ммм....(в некотором раздумье)

И: Или с бабушками может быть.

Р. Бабушка и дедушка говорили на немецком языке, а родители почти не говорили. То есть так знаешь, маргинально присутствовало.

И. Между собой они не говорили?

Р. Общались только на русском. Они понимали, в общем-то, особенно бытовой язык немецкий. Отец еще в аспирантуре изучал немецкий. Достаточно хорошо им владел.

И. У тебя у родителей высшее образование?

Р. Да высшее.

И. И вы сюда переехали всей семьей.

Р. Мы сюда переехали (с раздумьем)... так. На тот момент да, всей семьей сюда переехали.

И. И бабушка с дедушкой переехали, или только родители?

Р. Бабушка с дедушкой переехали раньше, к своей дочери, то есть к моей тете. А мы уже, так сказать, после переехали.

И. Может ты достаточно молодой оттуда приехал, но все равно можешь ты сказать был ли ты доволен жизнью в Казахстане, когда там жил? Или в России учился? Может слишком общий вопрос?

Р. В общем-то да, вопрос достаточно сложный. В принципе да, был доволен. Но, естественно, да, в общем-то, амбивалентные чувства я испытывал. Были, конечно, какие-то и негативные стороны. Были и позитивные. В целом, в общем-то я был доволен. Но... был, в общем-то рад переезду. То есть был готов переехать. Был готов к изменениям. Но, конечно, был не очень готов. Но был готов их встретить, встретить проблемы.

И. А помнишь, ты точно тот день или там то время, когда вы решили, что будете переезжать?

Р. Да. Помню, конечно, это было очень хаотично. Заполнение документов, получение виз, и продажа различной утвари. Недвижимость конечно.

И. А вот между тем как вы решили переезжаете вы или нет и тем как вы получили вызов или переехали много времени прошло или нет?

Р. Так мне вот сейчас сложно вспомнить.

И: Ну примерно

Р. Ну какое-то время прошло, потому что эта такая очень бумажная волокита, достаточно, достаточно длительная. Сначала заполняется этот контракт, то есть ходатайство.

И: Потом какое-то время ждете?

Р. Да ждешь, потом получаешь номер, потом опять ждешь получения вызова уже на основании этого номера, и потом уже когда получаешь Auslanderbesheid, нужно идти получать визы. Ну вообще-то это длительный процесс довольно-таки. Ну у нас, вообще-то, по сравнению с другими все это значительно быстро прошло. Мы быстро получили все это необходимое.

И. У вас к тому времени уже были родственники в Германии?

Р. Были дальние родственники, ну относительно дальние, сестра моего деда была, естественно со своими семьями они уже были, находились уже в Германии. А дедушка с бабушкой, они переехали где-то уже за полгода до нашего переезда.

И. В Нюрнберге именно?

Р. Нет, нет в Дортмунд. Они до сих пор живут в Дортмунде.

И. Они, когда переезжали, они уже не могли выбирать, куда они переезжают?

Р. Они переехали в Дортмунд, постольку, поскольку вызов у них был из Дортмунда. Вот из этого города, от родственников. Их направили к родственникам. Но мы же в свою очередь смогли перебраться сюда, потому что тогда еще не было этого закона. Который там обязывает какое-то время прожить где-то на этой земле. И, вообще-то мы уехали сразу буквально, мы тоже приехали в Дортмунд и в Дортмунде мы пробыли ну буквально, несколько месяцев. Мой отец нашел здесь работу.

И. В Нюрнберге, да?

Р. Нет, в Ансбахе. Потому что у него партнер был, с которым у него в общем-то были деловые контакты, в том числе и контакты по бизнесу, еще в Казахстане. В общем-то, он пригласил его сюда.

И А чем он занимается? В общих чертах, это бизнес какой-то?

Р. Сейчас он работает на фирме "Даймлер-Крайслер", как менеджер, различные проекты в России проводит.

И. В общем он доволен?

Р. Он доволен, да. У него экономическое образование.

И. А мать работает у тебя?

Р. Она работает в ..так, скажу я по-немецкому... AltenHeim это дом престарелых, она работает как altenpflegerin (уход за пожилыми людьми – М.С.). Получила здесь уже образование. Хотя у нее тоже экономическое образование. Она инженер-землеустроитель. Так же как и отец, отец тоже инженер-землеустроитель, но он потом немножко экономическое образование, то есть там связано очень с экономикой... занимался. Защитил диссертацию тоже, он доктор экономических наук. А вообще он землеустроительный или аграрный факультет заканчивал в Целинограде. Это был крупнейший в Казахстане ВУЗ, это было непосредственно связано с Целиной. Это был крупнейший сельскохозяйственный институт Казахстана и в Советское время, по моему, третий (с сомнением в голосе) по величине в Союзе. Переходящее Красное Знамя было. Целиноград раньше был центром Целинного края. При Хрущеве, конечно, начался подъем очень такой сильный. Сильный рост этого региона.

И. А диплом твой отец тут подтвердил.

Р. Да подтвердил все здесь. Он доктор. Все дипломы подтвердил.

И. А мать?

Р. И она все подтвердила.

И. *А у тебя еще не было там высшего образования?*

Р. У меня еще не было законченного образования. Я на четвертом курсе учился

И. *Когда вы уехали, да? У тебя советский был паспорт там? И какая национальность там стояла?*

Р. Немец. Советский паспорт, но сзади у нас уже стояла печать Казахстана.

И. *И ты, не знаю, в Москве или в Казахстане, как-нибудь встречал, как относятся к тебе, узнав, что ты немец. Не знаю как, не буду говорить негативно, ну в общем как-то ты ощущал это. И вообще, ты сам ощущал себя немцем или русским, или не знаю кем?*

Р. В общем я всегда себя очень чувствовал немцем. Хотя не владел языком, но в общем национальная такая идентификация у меня была немецкая. То есть я себя идентифицировал немцем. А так, в общем не встречался так, ну да какие-то были моменты, но знаешь, на таком этом уровне, в общем-то, наивном, а так, чтобы какая-то вражда по отношению ко мне была или ненависть этого не могу сказать, ни в Москве, ни в Казахстане.

И. *А общались вы еще с какими-то российскими немцами там?*

Р. Родственники, друзья, знакомые. Там довольно большой процент, вернее раньше был, немецкого населения.

И. *Ну были и русские и казахи?*

Р. Ну да и русские и казахи, мы в общем-то не делали особых различий. Не могу сказать, что бы особо различали.

И. *Ну, а если все-таки, говорить о том, почему вы переехали в Германию, какие причины ты бы назвал прежде всего? Как ты считаешь, у тебя, у твоих родителей?*

Р. Основные причины все-таки, какая-то безысходность, которая появилась после развала СССР, экономически в общем-то как-то меньше, я думаю мы были как-то мотивированы, что бы покинуть Казахстан, потому что достаточно неплохо мы жили. Ну, опять же все-таки усиление, вот, националистических каких-то таких тенденций, религиозных, все-таки азиатская республика. После развала Союза это стало очень чувствоваться. Ну, в общем-то, мы считали себя немцами, и как бы логически звучало, такой вот вывод, что мы переехали. То есть не сразу, со временем естественно, все это как-то вызревало, как-то, естественно это решение не пришло сразу. Но, где-то как сказать на фоне, оно всегда присутствовало.

И. *В каком году вы решили, что точно поедете уже?*

Р. Ну, может быть, где-то в 1991. Примерно так.

И. *Сейчас трудно сравнивать, но что ты ожидал, когда ехал в Германию? Что ты думал?*

Р. Что ожидал? Ожидал, естественно, какие-то сложности. Ну, в целом, в общем-то, конечно, и не думал, что мы не будем здесь восприниматься своими. То есть, естественно, осознавал, что мы и по менталитету, и по другим каким-то качествам, конечно, будем различаться от местного населения. Но не думал, что мы будем ими восприниматься, чисто русскими, пришлым чужим населением. То есть вот это как-бы, какое-то время мне мешало, а потом я просто с этим смирился и не обращаю на это внимания.

И. *Ну а вот здесь ты все равно как бы считаешь себя немцем?*

Р. Ну я считаю себя российским немцем. Будем так говорить.

И. *А вот чем российские немцы от местных немцев отличаются? На твой взгляд?*

Р. Вот, ментальностью, воспитанием. Это как бы небольшая этническая группа, вот в составе общего этноса. То есть, есть же какие-то этнические группы, которые вот отличаются по каким-то скажем, ну языковым тоже признакам, каким-то обрядовым признакам и так далее, от общего так сказать, количества, от остального количества. Так, сказать я считаю себя, все-таки российским немцем. То есть связь с Россией присутствует все равно.

И. *Ты помнишь первый год жизни в Германии? Может что тяжелого было?*

Ж. Ну да в общем-то, стрессовая ситуация была тогда. Потому что сложности с языком, конечно, были очень большие. Я там, в общем-то начинал изучать немножко... Но первое время, конечно, были большие языковые сложности. Затем, вот эта вся бюрократическая волокита, оформление документов различных.

Я. Вы все это в Дортмунде делали или уже здесь?

Ж. В Дортмунде и здесь тоже в Баварии. То есть везде. Куча бумаг, постоянно по каким-то amtam надо бегать. Это все конечно, стрессово.

И.. Ну а сейчас бы ты уже сказал, что ты доволен жизнью?

Ж. Я доволен

И.. Много говорят про интеграцию, как бы ты сказал, интегрировался ты в это общество или ты чувствуешь какую-то разницу? И если чувствуешь, то в чем?

Р. В общем-то я считаю, что я интегрировался. Но разница именно, вопрос видимо какой-то такой, все-таки здесь состоит в том, что мы обладаем теперь уже как-бы двумя ментальностями, понимаешь? Поэтому, вот это так сказать, вот это различие оно всегда присутствует. Я не могу сказать, что я... и это нормально, то есть я считаю, что это нормальное явление. Я не хочу быть ассимилирован! Понимаешь? Вот этим обществом. То есть двойственность, я считаю, что это нормально. Она как-бы осознано сохраняется мной.

И. А у тебя есть знакомые российские немцы?

Р. Здесь очень много.

И. Круг общения, в основном с кем ты общаешься?

Р. Ну вот только со своими, с российскими немцами.

И. Это родственники, или это друзья?

Р. Не обязательно родственники, естественно родственники, то так же друзья соседи, то есть... Сейчас около 10 процентов населения Германии составляют российским немцы. Естественно, что мы легче сходимся.

И. А если ходите, то куда?

Р. Ну скажем в кнайпы, в театр изредка. Я сам играю в театре, я поэтому знаю, его так сказать изнутри, в кино, музыкальные концерты. Если приезжает какая-то российская группа, российские музыканты, мы частенько ходим. Стараемся не пропустить.

И. У тебя есть друзья из местных немцев?

Р. Из местных немцев? (после паузы и обдумывания) Есть знакомые.

И. А друзей нет, да?

Р. Ну видишь, в университете, как-то не так близко люди сходятся, я ощущаю. Есть определенные знакомые, с которыми мы изредка встречаемся. Я и не стремлюсь устанавливать какие-то определенные, более близкие контакты. То есть, ну, я замечаю, что мы немножко, все-таки разные люди, поэтому, я общаюсь только со своими. Это не обязательно российские немцы, это могут быть люди и других национальностей, выходцы из Советского Союза.

И. А у вас есть российское телевидение дома?

Р. У родителей есть, они живут в деревне, у них есть российское телевидение.

И. А у тебя нет?

Ж. У нас нет.

И. А что затрудняет интеграцию российских немцев, когда они сюда приезжают, по твоему?

Р. Во-первых, знание языка, конечно, осложняет интеграцию, это во-первых. Затем также осложняет вот эта ностальгия, которая постоянно присутствует. Это такой психологический фактор, понимаешь? (эмоционально) - это тормоз. Он тормозит человека. Я сам по себе знаю, первое время.

И. У тебя есть ностальгия?

Р. Сейчас нет. А первое время я испытывал. Ну несколько лет, будем так говорить. Года четыре, может быть. Я просто бывал неоднократно уже и в Казахстане и в России. То есть я переболел этим. Я считаю, что если человек переехал, ему необходимо какое-то время

спустя там побывать. Тогда он по-другому взглянет на жизнь, и на свою эту ностальгию, потому что как правило идеализируют свою жизнь там.

И. А у тебя ребенок будет по-русски говорить? Ну по-немецки безусловно?

Р. По-немецки да, это государственный язык наш, мы себя немцами и ощущаем. Естественно и на немецком и на русском.

И. И вот как вы будете ребенка воспитывать, то есть в том смысле, кем бы ты хотел, что бы он чувствовал себя? Настоящим немцем, или еще не сможет он?

Р. Сложно сказать. Это в общем-то я предоставляю ему. А вообще по своим знакомым, вот соседи у нас есть, те дети, которые здесь рождаются и даже те, которые приезжают сюда в таком достаточно молодом, юном возрасте, они быстро адаптируются, те которые переезжают сюда, а те которые здесь рождаются, они многие даже языка не знают..., но даже те, которые знают язык, они, естественно, отдалены уже, естественно от России, от страны из которой приехали родители, потому что их очень мало, что связывает. Вот если прививать культуру, литературу, туда ездить, может возникнуть какой-то интерес на этой почве.

И. Что бы ты посоветовал тем, аузидлерам, которые сейчас приезжают? Независимо от возраста, от образования? На первый случай какие советы?

Р. Ну что бы посоветовал? Не отчаиваться, конечно, это первое, потому что по себе знаю, что ситуация, первое время особенно сложная, легко сложить руки. Изучать, конечно, язык, потому что без этого просто невозможно интегрироваться в общество. Найти здесь какую-то нишу. Затем, не противопоставлять себя этой стране, этому обществу. Есть какие-то различия, безусловно, есть и будут оставаться, просто не нужно это все эскалировать, знаю по некоторым людям как они себя ведут негативно по отношению к Германии и местному населению. Я считаю все это не очень умно и затрудняет сам процесс интеграции. И ухудшает мнение о нас здесь. Мы можем сопротивляться противится каким-то негативным явлениям, выступать, ну вот просто какое-то такое твердолобие, оно не уместно. "Вот мы приехали, знаешь... и начинается... нас здесь не любят, они такие сволочи" вот на элементарном таком уровне. Это не аргументы, это только усложняет общение

Дата проведения интервью: 01.09.06.

Место проведения интервью. Берлин

Респондент: Женщина, приехала из Казахстана в 2000 г., 1951 г. рождения, работает уборщицей в общежитии «Hause Pro-Sosial» в районе Марцан, также завтраки готовит гостям в общежитии, полотенца меняет. Живет в Марцане, муж русский, 2 детей.

Р: Все прошли через этот шок, это шок. Я сама немка и язык знала, я говорю, конечно с акцентом, в детстве мы не могли на улице на немецком разговаривать. Я сама из Казахстана из Петропавловска. Мы там жили. Но как мы на немецком будем на улице разговаривать, когда все на русском, и в садике на русском и на улице на русском. И стали постепенно и дома на русском разговаривать. Я так все понимаю, когда дядьки мои в гости приезжали и взрослые по-немецки говорили. Они дома все по-немецки разговаривали. А когда вырастают дети, в школу идут и все по-русски. Сейчас уже все из Петропавловска уехали, все кто мог, все уехали.

И: Почему Вы поехали в Германию?

Р: Все наши родственники поехали, сначала никто не собирался. А когда все в Германию поехали, то и мы поехали. Как решили? Первый дядька поехал. Он не сам, его жена умерла, он женился на другой и та другая уже подала документы. Он не хотел, у него дети там оставались, а она хотела и уговорила его. Они в 1995 или 1996 г. уехал. Потом он детей своих стал звать. Эта цепочка она неразрывна., дети своих стали тянуть, а те своих, а те своих... У нас сейчас все родственники в Германии, очень много. И двоюродные все и дядьки и тетки, все их дети, все двоюродные родственники.

И.: А почему в Берлин поехали? Не боялись.

Р: В Берлин, потому что мой дядька сюда нас вызвал, вот и поехали, они уже тут были. Мы боялись, едешь в неизвестность, нам было все равно где, лишь бы рядом были хоть кто-то свои, брат... Важно. что бы свои рядом были. Нам было страшно. Мы немецкий знали, а что толку, знали свой язык, народный, а тут все современное. Тетка всю жизнь по-немецки говорила и ничего в Германии не понимала.

Я в Казахстане ни с кем не говорила по-немецки, муж русский, дети русские

И Как устраивались в Германии, когда приехали?

Р: Из церкви нам помогали, из других организаций помогали. У нас столько дома бумаг не было. Здесь нам дали кучу бумаг, и все слова незнакомые, все незнакомое и не знали что делать с этими бумагами. Между собой помогали, пойдешь по комнатам в лагере, где жили. Сейчас уже немножко более менее, уже разобрались с этим. А первое время и нам и детям было ужасно.

Дети сложно привыкали, они бы и сейчас обратно уехали. Да хоть куда, они просто понимают, что это невозможно. Им сложно в Германии, незнание языка незнание законов, они хотят работать и хотят учиться, а не могут, надо язык в перфекте знать, они уже взрослые приехали уже семейные, им поэтому трудно. Там же законы никто не исполняет, а тут исполняют. Не то, что они нарушать законы хотят, а они их не знают. Мои внуки, вот он уже в школу пошел, им уже легче будет, он и говорит по-немецки.

Когда приехали внуку 5 лет было. Пошли с ним на шпиль платц и мы подошли, а он услышал первый раз нерусскую речь и ничего не понимает, он смотрел на них, и спрашивает «а как они разговаривают?» - ну вот по-немецки они разговаривают, Ванечка. Он не понимал, как это они так по-другому разговаривали. Мы с ним там по-немецки не разговаривали. Он все наблюдал за ними, и подошел и говорил «мниа имьтоне минре» и просто стал произносить разные звуки и не на русском, и не на немецком и смешно было и я чуть не плакала. А потом он в садик пошел, и все же не так переживал, как взрослые.

И.: А кем Вы в Казахстане работали?

Р: Я в Казахстане швеей работала в ателье, потом негде было работать, там работала в столовой, там все развалилось.

И.: Не жалеете, что переехали?

Р: Я не жалею, а детей жалко, они неустроены совсем, у них нет работы. Вот зять, например, он хочет работать, 25 лет ему, а ему не дают учебу. Он бы пошел учиться, а не может. 1 раз шпрахи дали, он ходил просил больше не дали. Потом дали работу на 1 евро работу, поработал немного и все. 3 месяца поучился и все.

И: Почему в Марцане много русских живет?

Р: Очень много живее, а почему? Наверно, вот у нас брат здесь, вот тут и нашли квартиру, далеко от брата не хотели ехать. И эту работу мне социал на бератунг дали, сюда направили за 1 евро, отработала я три месяца. Я пол мыла, это первый раз, потом еще раз на месяц суда направили, я на кухне помогала. Выставляла завтрак, готовила завтрак, тут на 3 этаже. Потом дали ярес фортраг (*годовой договор – М.С.*), год я тут работала, завтраки готовили, обед и ужин. Я здесь уже три года, да но я все время сама сюда прошусь, ну куда я? Я уже здесь привыкла и людей знаю, и все знаю.

И. Ходите в русские магазины, что покупаете

Р: Наверно, то что там привыкли. Не знаю, да все берем. Оно есть в немецком магазине, но там все другое. И крупа, и творог, он как там был.

И: Ездили в Казахстан, с тех пор как переехали?

Я один раз была с тех пор в Казахстане, муж два раза ездил. У мужа отец там (81 год) и его братья. Отца надо было попроведовать.

И: А дети ездили?

Р: Дочь один раз ездила, ее муж вообще, у нее у мужа там мать одна живет, они один раз ездили, попроведовали. И сын ездил и жена его – она русская, у нее родители там живут. Внуки родились, надо было их показать. У меня там никого не осталось, только брат двоюродный

И: А помогаете родственникам там?

Р: Нет, не помогаем, где нам? Вот когда ездили подарки покупали.

И. А интересуетесь, что там дома происходит?

Р: Конечно интересуемся, как не интересоваться? 50 лет я там прожила, всю жизнь, всю жизнь. А тут всего пять...

И. А что спрашиваете?

Р: спрашиваем как там соседи? Как те, как те? Что нового? В основном все про всех знаем, спрашиваем. Нельзя сказать, что там лучше стало, я этого не почувствовала, когда там была.

И. Как Вам Берлин после Петропавловска?

Р: Все необычное, все не так как там. Когда осень в Петропавловске грязь слякоть, здесь все не так. По природе скучаем, охота в лес сходить. Тут никуда почти не ходим, мало. Утром работаю, потом обед приготовить, постирать, убрать, обычные дела.

И. Русские газеты читаете?

Р: ну да, конечно. «Русский Берлин» покупаю. Русское телевидение есть у нас, специально тарелку покупали. Интересуемся, что где прочитаем. И дети интересуются. И дети тоже, они слушают русскую музыку, они полностью еще в той культуре, за пять лет не начнешь думать по-немецки, все еще по-русски. Они звонят своим друзьям, общаются. Я слышала, что кто-то уезжает, но среди наших знакомых, такого нет, только слышала, только говорят об этом, что вот вернулись.

Дата проведения интервью: 16.07.2013

Место проведения интервью: Франкфурт-на-Майне

Респондент: мужчина, 1973 г. рожд. В Германии с 1989 г., гимназию окончил в Германии, образование высшее математическое, работает в банке. Его семья переехала из Казахстана как российские немцы, и бабушка с дедушкой и родители.

Р: Мы приехали из под Караганды, из маленького города, у нас в городе 5-7% немцев было. Мы переехали все вместе, родители, брат, бабушка, дедушка. Мне 15 лет было. Мы сначала в Уна-Массен жили (это лагерь по приему переселенцев – МС), потом могли выбрать любой город в Северный Рейн-Вестфалия, мы выбрали Зиген. Нам по карте понравилось, что он в середине лежал. Город с Университетом и не очень большой, потому что мы боялись больших городов (смеется), мы такого не знали.

Мы приехали туда и сначала испугались, потому что там горы. Немецкие Миттелгебирге, а мы из Казахстана из степи, и не могли понять, как жить, когда не видно ничего вокруг на 5-6 км., а перед тобой сразу через 300 м большая гора и хотели куда-нибудь переехать, но не могли, потому что мы уже сказали, что сюда едем. Нам дали квартиру, сначала – нотвонунг, там жили год, а потом получили нормальную квартиру. Когда мы приехали, тогда еще было хорошо для российских немцев. Родители год изучали немецкий язык и получали деньги тоже – пособие. Мой отец через год работу нашел, а моя мать первые года подрабатывала – убирала квартиры у людей. У нее дольше длилась пока она нашла работу.

Моя бабушка с дедушкой говорили на южном немецком, мы считали, что это швабиш, но когда я сюда приехал, я понял, что это не швабиш, а смесь разных языков. Мы знаем, что мои предки они были с Черного моря, а туда переезжали люди из Саарланда, Хессена, Пфальца, из Эльзаса, и когда они жили уже в России у них их смесь из разных диалектов получилась. И мои бабушка с дедушкой как раз говорили на этом диалекте, ему (диалекту 200 лет было).

И: А как они в Казахстане оказались?

Р: Их выгнали, депортировали. У них история очень особенная, они жили в Приднестровье, в Глюкштайн, это было недалеко от Одессы, но потом Советский Союз передал это Молдавии. И в 1941 году немцы туда очень быстро очень пришли, и мужчин из этого села забрали, а бабушка с детьми осталась до 1944 года, пока немцы не ушли. Но из нашего села, еще 1939 и 1940 г. многих мужчин забирали, а многие не пережили Сибирь. Немцы, когда уходили из деревни, где была моя бабушка, они всех немцев взяли с собой, и они были в Польше, но потом пришла Красная Армия и забрала их с собой. Другая моя бабушка была в Крыму и их сразу депортировали в Казахстан, немцы тогда еще не пришли в Крым.

Мой дедушка в 1949 г. или в 1950 г. вернулся в Глюкштайн и чудом нашел мою бабушку, потом они уехали в Казахстан. И они как раз и переехали в Германию, хотя дом для нее все время был Глюштейн – деревня в Молдавии, они всегда хотели туда вернуться. Они радовались, когда приехали, бабушка рада была, что может в церковь ходить, с людьми общаться. Они хотели и из-за нас переехать и видели, что нам тут хорошо и радовались. Там только мы все вместе в одном городе жили, а тут так не получилось.

И: А родители как?

Р: Ну бабушке не надо было работать, они получили хорошую пенсию. Дедушке признали Сибирский лагерь как плен. Они хорошо жили с этой пенсией. Мой отец вначале был очень оптимистичен, он там был чем-то вроде предпринимателя, машины ремонтировал, дома строил (в Казахстане) и там он много зарабатывал и думал, что тут в капиталистическом мире он сможет сделать настоящую фирму, но он не смог. Он до 5 лет говорил на немецком, потом на русском, и забыл немецкий. Но он не смог так выучить немецкий, так что бы тут сделать фирму, потому что люди тебе не очень доверяют, если ты не говоришь на немецком, у него с фирмой не получилось, он потом работал сварщиком. И ему не хва-

тало того признания, которое у него было там. Там он был признанным членом общества. Имел машину жигули. Новый дом построил. Тут он мог купить три машины, но это тут не нужно. Это была проблема. Абсолютно тут у нас была жизнь лучше, но релятивно (относительно) ему не удалось достичь такого же уровня. Я думаю, что в конце концов он с этим не справился. Сейчас так он, начал пить, раньше пил после Казахстана, потом перестал, а потом сейчас снова.

И: Он не думал вернуться назад?

Р: Пытался. Один раз даже поехал обратно. Но потом вернулся. Ему было 40 лет, когда он сюда приехал. Я заметил, что большая разница между мужчинами и женщинами. У меня много дядей и тетя. В основном мужчинам намного труднее все потерять и с нуля начинать. Им очень нужен авторитет. А женщины делают, что возможно, они не думают, что они много потеряли. То есть думают, но не теряют свой оптимизм.

Они видят, что у них дети и делают для детей, моя мать несколько лет ходила в квартиры убирать, хотя она в Казахстане в санэпидемстанции работала, хорошую работу имела раньше. Но она была довольна, что в семье все хорошо. Мой отец с этим не справился и так многие мужчины. И 10 лет спустя моя мать работала в магазине Шлекер, она даже стала руководить магазином Шлекер, и много получала. В прошлом году она потеряла работу, так как сеть закрыли, магазин закрыли. Ей 60 лет почти, она скоро пойдет на пенсию и так как она 10 лет хорошо зарабатывала, она получает сейчас хорошее пособие, и потом через два года или работать надо идти будет или можно будет раньше на пенсию выйти с небольшой потерей денег.

И: А вы где учились

А: я пошел в хауптшулле, потом я пошел в гимназию – абитур делал. Потом пошел в университет, там в Зигене, где мы жили, пошел учить математику. Мне нравилась математика больше всего, но еще подумал, что если юристом сделаюсь, или еще кем-то там может не хватит знания немецкого языка, там это важнее. Но самая главная причина, что мне нравилась математика. После университета, сразу стал искать работу, важно было деньги зарабатывать. Я в 2000 году закончил университет и написал бевербунг в разные банки, сразу получил три ответа. И там был ...банк, они много людей набирали и если учил математику не было проблем получить работу.

Я два раза делал практику во Франкфурте и потом уже писал сюда.

По сравнению с Зигеном во Франкфурте много всего есть, театры, рестораны, я хотел несколько лет пожить во Франкфурте, а потом хотел жить в небольшом городе и сейчас мы живем во Фриедберге, это недалеко от Франкфурта, мы там 5-6 лет живем. Мы поженились, и решили. Что там для детей намного легче будет там.

Я жил во Франкфурте в Бокенхайм, там было близко к работе, много кнайп, не так громко как в центре. Мне нравится интернациональная среда во Франкфурте. Многие говорят, что самое лучшее во Франкфурте, что можно быстро покинуть этот город. В принципе я мог бы жить и в Кельне и в другом городе. Для меня работа была самая важная причина, переезда во Франкфурт.

И: Вы успешный человек?

Р: Нельзя сказать полностью – ДА, в принципе я доволен. Когда мне было 19 лет, и когда мы с друзьями говорили, я говорил, что мне хотелось бы работать во Франкфурте, жить возле Франкфурта, иметь дом и семью с детьми. Тогда все надо мной смеялись, потому что это буржуазно, (мещанство). Я и тогда хотел видеть мир, но в конце концов хотел иметь свой дом и семью и хорошую работу. Я счастлив с моей женой, у меня двое детей. Я с ней познакомился на свадьбе у своей сестры, она от мужа моей сестры двоюродная сестра. Мы в принципе сейчас все родственники

И: чувствуете ли вы себя иногда иностранцем.

Р: ну немецкий сейчас самый лучший мой язык, но я все еще говорю с акцентом на нем и люди после нескольких минут разговора слышал, что я не немец. Новые люди спрашивают часто а ты откуда? И я каждый раз думаю – уууу. Я себя чувствую немцем, может даже

больше немцем, чем другие. Я знаю свою историю мне нравится читать на русском языке, но я всегда чувствовал себя немцем, даже, когда мы были там.

Мы чувствовали себя российскими немцами, я тоже отличаюсь от немцев, которые родились здесь. Я все еще чувствую себя российским немцем. Я общаюсь с немцами отсюда, много знакомых из Венгрии, друзья из моей школы, хорошие друзья из Италии, потому что я в Италии учился. Есть хорошие знакомые и из России, из Москвы, по работе.

И: Вы были в Казахстане с тех пор?

Р: нет, ни разу, я бы съездил туда. Мой отец 2-3 раза был, когда он был несчастлив здесь, поехал туда, потом сказал, что он лучше здесь будет. Это было в 1990-х годах. Сейчас говорят, что там намного улучшилось, а тогда материально была плохая ситуация.

Когда мне было 14 лет, я был в Москве и в Белоруссии на чемпионате по шахматам.

И: А Вы интересуетесь тем, что в России происходит?

Р: когда я вижу что-то про Россию в немецких газетах, я чувствую, что меня это интересует.

И: А скучали по Казахстану?

Р: вначале да, тут не было друзей. Я писал письма туда друзьям. Год спустя я уже чувствовал себя тут интегрированным.

Я все-таки живу почти полностью в немецкой культуре, потому что у меня жена немка, моя сестра тоже замужем за немцем, наши дети не говорят по-русски, иногда конечно заметно, например, моя жена покупает мне сгущенку, еще пару вещей, которые мне нравятся с детства. Поэтому если придешь ко мне домой, то может заметно, что я оттуда. Жена раз в несколько месяцев ходит в магазин в русский.

И: А еще какими-то русскими структурами Вы пользуетесь?

Р: Нет, нет. Если вижу, например, русский ресторан, то хожу туда. Во Фриедберге был ресторан «Санкт-Петербург» был там пару раз, но потом его закрыли. Моя мама делает зеленый борщ с щавелем. Пельмени и манты и плов, эти три блюда мы готовим. Плов делаю я, пельмени, очень редко, но мы делаем вместе с женой.

Детей мы не стали учить русскому языку, это очень сложно если один говорит на русском языке, и это не так важно, и это много работы, и у нас нет никого, кто бы ни говорил на немецком.

И: А вы можете представить, что при каких-либо условиях вернулись бы обратно?

Р: Нет

И: А съездить в Казахстан или в Россию?

Р: Да

И: Это только в отпуск или по работе.

Р: Сейчас с маленькими детьми я не хочу никуда надолго уезжать.

В принципе, я был бы не против поехать на несколько месяцев. В интернете я стараюсь общаться со своими одноклассниками из Казахстана, 5-6 человек с которыми я общаюсь по школе. Знаю двоих человек, которые из Казахстана переехали в Россию в начале 1990-х гг. потом опять вернулись в конце 1990-х в Казахстан.

Я бы сказал, что среди российских немцев есть две категории, как мы, например, те которые чувствовали себя немцами и там. Если они не говорили по-немецки, то все равно у них была культура немецкая, им это важно было. Для них не было проблем, когда они приехали сюда. Это, была не та Родина, где они родились, но туда они не могли вернуться. Для них это была единственная возможность говорить по-немецки и жить в немецкой среде. Потом много российских немцев, которых я знаю, там себя чувствовали советскими людьми, больше русскими чем немцами. Они говорили только на русском языке там. У них ничего немецкого не было, этого немецкого чувства. Они приехали сюда в 1992-1993 году, более из-за экономических причин, когда в Казахстане жить была очень трудная. По моему опыту им труднее здесь интегрироваться. Потому что ты сюда приезжаешь и не чувствуешь себя полноценным немцем, тебе труднее учить немецкий язык, твои друзья в

большинстве... И там много проблем и алкоголизм, молодежи, драки. Первая группа численно меньше, но я их больше знаю, и все мои родственники приехали в 1989-1990 гг. По моей версии это не проблемная группа для Германии, кроме 10 максимум 20% тех, которые не интегрировались полностью. Большинство интегрировались, я смотрю по своим родственникам, их дети, которые родились здесь, они уже немцы и даже мои племянники, которым было по 5-6 лет, когда они приехали сюда, они в совершенстве говорят на немецком, у них немецкие имена, по ним не видно, что они оттуда. И у них нет такого как у меня, когда меня спрашивают из-за моего акцента, откуда ты.